

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третий, заключительный, том Курса криминалистики посвящен проблематике второй части предмета криминалистической науки — средствам и методам судебного исследования и предотвращения преступлений.

Представляя собой результат криминалистических научных исследований, итог анализа и обобщения практики борьбы с преступностью, овеществленное выражение того вклада, который вносит в эту практику криминалистика, средства и методы судебного исследования и предотвращения преступлений служат инструментами выполнения конкретных задач, стоящих перед органами дознания, предварительного следствия, суда и экспертными учреждениями. От их эффективности, степени овладения ими субъектами судебного исследования (оперативными работниками, следователями, судьями, экспертами) непосредственно зависит уровень и качество оперативно-розыскной деятельности, дознания, следствия и других видов практической деятельности в борьбе с преступностью.

При рассмотрении проблем, которым посвящен данный том Курса, мы придерживались сложившейся системы группировки криминалистических средств и методов и разделили в соответствии с нею исследуемые проблемы на проблемы криминалистической техники (в том числе судебной экспертизы), тактики и методики.

Как и в двух предшествующих томах, анализу подвергались преимущественно нерешенные и спорные вопросы науки и практики, что обеспечило реализацию и в этом томе общего замысла Курса как проблемного исследования.

РАЗДЕЛ I. ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

1. “ПОЛЕВАЯ КРИМИНАЛИСТИКА” И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ

1.1. Постановка проблем

Термин “полевая криминалистика”, строго говоря, отсутствует в языке криминалистической науки. Его нет потому, что не существует и такого научного понятия, которое обозначалось бы этим термином. Под этим условным названием мы подразумеваем те технико-криминалистические средства и методы работы с доказательствами, которые используются или могут быть использованы не в кабинете следователя или в лаборатории эксперта, а непосредственно в “полевых” условиях — на месте происшествия при его осмотре или при производстве на этом месте иных следственных действий или исследовательских экспертных операций.

Многие вопросы, относящиеся к “полевой криминалистике”, давно перестали быть дискуссионными. К их числу относятся, например, вопросы о пределах использования технико-криминалистических средств и методов самим следователем; о компетенции в этой области специалиста, привлекаемого к участию в следственном действии; о фиксации результатов применения технико-криминалистических средств и методов и др. Однако эти вопросы, на наш взгляд, не исчерпывают пробле-

матику "полевой криминалистики". Значительный интерес как в научном, так и в практическом планах представляют анализ и решение таких проблем, как принципы комплектования наборов технико-криминалистических средств для работы в "полевых" условиях, распределение функций по их использованию между участниками следственного действия, определение возможностей производства криминалистических экспертиз непосредственно на месте происшествия и некоторые другие. Исходя из сложившегося у нас представления об этих проблемах, мы считаем целесообразным объединить их в следующие группы:

- ◆ 1) проблемы технического характера: принципы комплектования наборов технико-криминалистических средств, пределы технического оснащения следователя и специалиста для работы в "полевых" условиях; целесообразные направления научных исследований по совершенствованию технико-криминалистического арсенала следователя; информационное обеспечение следственно-оперативной группы в "полевых" условиях;
- ◆ 2) проблемы организационного характера: централизация или децентрализация средств "полевой криминалистики", выбор оптимального решения о субъекте применения этих средств;
- ◆ 3) проблемы методического характера: определение принципиальной возможности проведения криминалистических экспертиз на месте происшествия; определение круга задач, доступных для экспертного решения в "полевых" условиях, вопрос о так называемой ситуационной экспертизе, вопрос об экспертном осмотре места происшествия.

1.2. Возможные варианты решения проблем

1.2.1. Принципы комплектования наборов технико-криминалистических средств

Комплектование (создание) наборов технико-криминалистических средств для работы в "полевых" условиях идет двумя путями: по пути создания наборов универсального типа (общего назначения) и по пути комплектования специализированных наборов.

Первыми наборами технико-криминалистических средств, которые стали поступать на вооружение следователей и оперативных работни-

ков, были наборы универсального характера типа следственного чемодана (следственного вьюка, следственного портфеля) и оперативной сумки. Содержимое этих наборов группировалось в три или четыре отдела:

- ◆ фотоотдел;
- ◆ отдел составления плана;
- ◆ отдел работы со следами;
- ◆ отдел подсобных технических средств¹.

По мере возрастания уровня технической оснащенности органов дознания и следствия расширялся ассортимент технико-криминалистических средств, входящих в соответствующие наборы общего назначения. В дополнение к ним практические работники получили фотокомплект и специальный набор химических реактивов, также предназначенных для работы на месте происшествия². Все эти средства были рассчитаны на их применение непосредственно следователем или оперативным работником дознания; навыки владения ими и их использования стали включаться в качестве обязательного элемента в состав профессиональных навыков, которыми должен обладать следователь и оперативный работник. Неотъемлемой частью работы по повышению их квалификации стали занятия по применению технико-криминалистических средств и методов работы с доказательствами.

Работа по обучению следователей применению технико-криминалистических средств и методов особенно активизировалась в конце 60-х гг., когда в ряде приказов МВД и Генеральной прокуратуры было обращено внимание на необходимость широкого применения криминалистических средств в целях раскрытия и расследования преступлений. В те годы отмечалось, что “работа по обучению следователей использованию научно-технических средств не является каким-то очередным мероприятием и должна проводиться постоянно”³.

¹ Настольная книга следователя. М., 1949, сс. 332-336; **Васютин А. П.** Руководство по применению оперативной сумки. Алма-Ата, 1958, сс. 7-15.

² В фотокомплект были включены: фотоаппарат “Зенит-3М”, электронная фото-вспышка (до 1967 г. — “Луч-61”, а затем — “Чайка” с соединительной планкой), фотоэкспонометр “Ленинград-2”, светофильтр ЖС-17, 4 удлинительных кольца, 2 кассеты, масштабная линейка, 5 цифровых таблиц со стойками. Спецнабор химреактивов содержал восстановленное водородом железо среднего помола, восстановленное водородом железо пылеобразное, йод кристаллический в ампулах, пасту “К”, катализатор № 18, перхлорвиниловую смолу, окись цинка, ортотолидин, люминол, соду кальцинированную, вату стеклянную. К набору прилагались мензурка, полистироловые стаканы, флаконы, пипетки и т. п.

³ **Левин А. А.** Практика применения научно-технических средств следователями прокуратуры. М., 1968, с. 9.

С введением должностей прокуроров-криминалистов, для них был разработан специальный комплект технико-криминалистических средств, который “был задуман как дополняющий следственный комплект и расширяющий возможности последнего. Учитывалась также необходимость включения в него средств не только фиксирующей, но и аналитической техники”⁴.

В комплект прокурора-криминалиста входят технические средства, которые разделяются на три группы. К первой относятся те, которые предназначены для работы со следами, ко второй — приборы и приспособления поискового назначения (металлоискатель, магнитный искатель, трал, щуп, токоискатель), к третьей — средства аналитической техники: лупы, ультрафиолетовый осветитель, электронно-оптический преобразователь.

Для экспертов оперативно-технической службы органов внутренних дел были разработаны специальные комплекты, размещенные в так называемых экспертных и фоточемоданах.

Все эти наборы технико-криминалистических средств предназначались для транспортировки к месту их применения транспортными средствами общего назначения. Однако эффективное применение этих средств на месте происшествия требовало некоторых дополнительных устройств и приспособлений, например осветительной аппаратуры, которые в комплекты не включались и которые нередко не удавалось изыскать на месте происшествия. Их доставка и применение потребовали некоторых конструктивных переделок обычных транспортных средств, снабжения последних достаточно мощными источниками питания. На первых порах эта задача решалась приспособлением транспортных средств, имеющихся в распоряжении органов прокуратуры, оперативно-технической или дежурной службы органов внутренних дел. В ряде мест такое положение сохраняется и поныне.

Однако расширение технического арсенала дознания и следствия, появление таких технических средств, применение которых в “полевых” условиях выходит за рамки осмотра места происшествия, например, при производстве следственного эксперимента, обыска, проверки и уточнения показаний на месте и т. д., потребовали принципиально иного решения вопроса. В конце 60-х годов Всесоюзный институт по изучению

⁴ Селиванов Н. А., Сорокин В. С., Юрин Г. С. Применение научно-технических средств, сосредоточенных в комплекте для прокурора-криминалиста. М., 1967, с. 4.

О формах использования этих средств прокурором-криминалистом см.: Си-
монишвили В. Л. Основное направление деятельности прокурора-
криминалиста. — В кн.: Проблемы борьбы с преступностью. М., 1976.

причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР и ОТУ МВД СССР разработали образец выездной криминалистической лаборатории на шасси автомашины УАЗ-452а. Подобные лаборатории, например, на шасси микроавтобуса РАФ-2203, используются на практике до настоящего времени.

Лаборатория состоит из основного помещения (салона) и фотоотсека. Салон используется для перевозки людей, работающих в лаборатории, выполнения процессуальных и технических действий. Технические средства лаборатории могут быть разделены на семь отделов:

- ◆ электротехническое оборудование;
- ◆ средства связи и сигнализации;
- ◆ средства для обнаружения, фиксации, изъятия и предварительного исследования доказательств;
- ◆ фотоотдел;
- ◆ противопожарные средства и инструменты;
- ◆ вспомогательные технические средства;
- ◆ спецодежда и санитарные средства⁵.

Отечественная и мировая практика показывает, что существуют три принципа комплектования наборов технико-криминалистических средств “полевой криминалистики”.

Первый — **принцип универсализма**. В соответствии с этим принципом комплектуются следственный набор, набор прокурора-криминалиста, экспертный набор общего назначения, размещенный в экспертном чемодане. Этот принцип предполагает, в сущности, количественные отличия между различными наборами, зависящие от функциональных обязанностей субъекта — адресата набора.

Второй принцип — **принцип специализации**. По этому принципу комплектуются экспертные наборы для работы с различными видами следов и иных вещественных доказательств (например, так называемый биологический чемодан), наборы работников службы БЭП, ГАИ и др. В некоторых странах по этому принципу комплектуются наборы для осмотра мест происшествий в зависимости от категории преступлений.

Наборы, комплектуемые как по принципу универсализма, так и по принципу специализации, по своим параметрам рассчитаны на мускульную силу человека, это в сущности, “носимые” наборы, для транс-

⁵ **Селиванов Н. А.** и др. Передвижная лаборатория прокурора-криминалиста. М., 1971, сс. 6-8; **Грамович Г. И.** Основы криминалистической техники. Минск, 1981, сс. 136-143. Существует и спецавтомобиль “Судебная экспертиза” для работы на местах происшествия судебных медиков (см.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 39. Киев, 1989).

портировки которых могут быть использованы любые средства передвижения. Естественно, что это ограничивает как размеры и вес, так и ассортимент наборов и предъявляет определенные требования к форме их оболочки. Не случайно в качестве последней используются чемодан, сумка, портфель.

Третий принцип — **смешанный**. Условно его можно было бы назвать "лабораторно-полевым". Составляемые по этому принципу комплексы технико-криминалистических средств могут быть трех видов:

- ◆ а) состоящие из наборов универсального типа и дополнительного лабораторного и вспомогательного технического оборудования;
- ◆ б) состоящие из наборов специализированного типа и дополнительного лабораторного и вспомогательного технического оборудования или только технического оборудования.

Как тот, так и другой вид предполагает наличие автомобиля либо общего назначения, используемого только для транспортировки комплекса к месту его использования, либо специализированного, который сам уже является элементом этого комплекса, подобно описанной передвижной криминалистической лаборатории. Здесь возможны и варианты типа "оперативного вагона", существующего в ФРГ, когда весь комплекс технических средств размещается в прицепе вагонного типа, транспортируемого к месту происшествия легковым автомобилем.

- ◆ в) наборы со сменным содержимым.

"Сущность этой идеи, — пишет Н. А. Селиванов, — заключается в следующем. При органе, ведущем расследование, имеется значительный по объему комплекс научно-технических средств, заранее не разложенных по наборам. Нужный набор формируется непосредственно перед выполнением следственного действия, в зависимости от характера последнего. Такая система использования техники обеспечивает возможность широкого выбора приборов и инструментов при сохранении относительной портативности выездного набора"⁶.

Решение вопроса о том, какому принципу комплектования следует отдать предпочтение, лежит уже не в технической, а в организационной плоскости, и на нем мы остановимся далее.

⁶ Селиванов Н. А. Современное состояние криминалистической техники и пути ее развития (статья первая). — Вопросы криминалистики, вып. 5. М., 1962, с. 108.

1.2.2. Пределы технического оснащения следователя и специалиста для работы в “полевых” условиях

Пределы эти определяются их процессуальными функциями, объемом их профессиональных познаний в области применения технико-криминалистических средств и реальными возможностями доставки и развертывания необходимого оборудования по месту его использования. Исходя из этих критериев, “нижним” пределом технического оснащения указанных субъектов можно признать наборы универсального типа. Их применение обеспечивает выполнение основных операций по работе с доказательствами в “полевых” условиях. В современных условиях “верхним” пределом можно считать передвижную криминалистическую лабораторию среднего размера, в салоне которой имеются условия не только для предварительного исследования вещественных доказательств, но и для производства допроса с применением магнитной записи и выполнения иных необходимых действий.

При отборе технических средств для укомплектования передвижной криминалистической лаборатории следует, на наш взгляд, исходить из максимального варианта, при котором лаборатория будет использоваться в “полевых” условиях не только следователем и специалистом, но и экспертом для производства экспертиз непосредственно на месте происшествия. В принципе же мы считаем вполне реальной задачу создания специальной передвижной экспертной криминалистической лаборатории, оборудованной широким ассортиментом экспертной криминалистической техники, включая аппаратуру для экспресс-анализов, сравнительных исследований и т. п. Подобные передвижные криминалистические лаборатории, размещенные в автобусе и укомплектованные необходимой аппаратурой для проведения экспресс-анализов, созданы в ряде экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел и положительно зарекомендовали себя на практике⁷.

⁷ В комплект средств серийной ПКЛ входит семь спецчемоданов, в том числе для снятия посмертной маски и туалета трупа (см.: *Грамович Г. И.* Научно-технические средства: современное состояние, эффективность использования в раскрытии и расследовании преступлений. Минск, 1989, с. 69).

1.2.3. Целесообразные направления научных исследований в области технического оснащения следователя для работы в "полевых" условиях

Основными задачами, которые решаются следователем в "полевых" условиях, являются поиск объектов, имеющих доказательственное значение, исследование обстановки того или иного места и запечатление обнаруженного. Эти задачи и должны, на наш взгляд, определять направления научных исследований в рассматриваемой области.

Применительно к задаче поиска актуально совершенствование существующих и разработка новых поисковых приборов для обнаружения тайников и сокрытых предметов. Исследования в этой области пока не позволяют считать эту задачу выполненной. Разрешающая способность существующих поисковых средств еще невелика; они не позволяют составить представление об обнаруженном сокрытом объекте до его извлечения на свет. С этой точки зрения совершенно прав Н. А. Селиванов, отмечающий, что "значительный интерес представляет идея создания надежного метода, который позволял бы воспринимать объекты поиска визуально, в виде их контуров. В связи с этим необходимо выяснить возможности применения портативных рентгенографических приборов непрерывного и импульсного действия, ультразвуковых преобразователей, радиоинтроскопических установок"⁸.

Сейчас используются переносные рентгеновские установки для просвечивания деревянных стен, мебели, других преград небольшой толщины, радиоизотопные отражающие толщинометры для просвечивания кирпичных и железобетонных преград (здесь имеет место проблема, связанная с тем, что эти методы опасны для участников следственных действий и посторонних лиц). Изучаются возможности применения для поиска тайников с неметаллическими вложениями приборов, работающих на основе звуковой локации, емкостного метода, методов сверхчастотных колебаний (радиоволн), акустической голографии. Ведутся работы по изготовлению видеоинтроскопических приборов, дающих возможность воспринимать на экране изображения объектов, находящихся в полужидких, сыпучих и твердых средах, на основе применения ультразвука, радиоактивного излучения и других физических явлений. По-прежнему нет надежного решения проблемы дифференциации при по-

⁸ Селиванов Н. А. Криминалистическая техника для следователя. — Соц.стическая законность, 1973, № 7, с. 18.

иске черных и цветных (в первую очередь, драгоценных) металлов, выявления неметаллических объектов (например, пластмассовой банки с бриллиантами).

В этом же ряду стоит, по нашему мнению, задача создания средств поиска и собирания микрообъектов.

Идея использования микрообъектов в качестве источников доказательственной и ориентирующей информации далеко не нова. Об их криминалистическом значении писали Г. Гросс, С. Н. Трегубов, И. Н. Якимов, Э. Локар и другие криминалисты. В последние годы интерес к микрообъектам резко усилился, причиной чему послужило бурное развитие микроскопии и иных аналитических средств и методов, сделавших возможным извлечение из этих объектов такой информации, которая при прежних методах исследования оставалась “вещью в себе”. Появилась и теория вопроса, существенное место в которой заняла понятийная часть.

В криминалистической литературе и в практике употребляются — иногда как синонимы, а иногда для обозначения разных понятий — такие термины, как микроследы (в том числе следы наложений), микрочастицы. Так, И. Ф. Крылов, исходя из своего понятия следа, употребляет в собирательном смысле термин “микроследы”. Он считает ненужной формулировку криминалистического определения микроследов, утверждая, что такое определение “существует в естественных науках и вполне приемлемо для криминалистики. В естественных науках микроследами принято называть содержание вещества от тысячных до миллионных долей процента”⁹.

В. И. Шиканов попытался дать общее понятие микроследов: “Микроследы в криминалистике — материальные образования, которые в силу особенностей своей структуры, агрегатного состояния и мизерного количества можно выявить и использовать в качестве средства для обнаружения преступления, преступника или иных фактических обстоятельств расследуемого дела лишь с применением определенных технических средств и специальных экспертных методик исследования”¹⁰. Это определение И. Ф. Крылов подверг обоснованной критике, отметив, что “латентность не может быть основным признаком микроследов”¹¹.

⁹ Крылов И. Ф. Криминалистическое учение о следах. Л., 1976, с. 183.

¹⁰ Шиканов В. И. Микроследы: понятие, криминалистическое значение, процессуальный статус. — В кн.: Проблемы советского государства и права, вып. 7. Иркутск, 1974, с. 100.

¹¹ Крылов И. Ф. Указ. раб, сс. 181-182.

Думается, что наиболее точно отражает понятие рассматриваемых объектов термин “микрообъекты”. С криминалистической точки зрения они представляют интерес в том случае, если являются следами преступления, среди которых могут быть и микроносители следов отражений. В качестве критерия отграничения их от других криминалистических объектов целесообразнее всего использовать условный количественный критерий, предложенный Г. Л. Грановским применительно к разновидностям микрообъектов. Оспаривая мнение о том, что такой критерий есть в естественных науках, он вывел его на основе обобщения мнений экспертов-практиков путем их опроса, а также материалов экспертиз.

“На практике, — пишет Г. Л. Грановский, — термином “микрочастица”... определяется то, что ни в одном из трех измерений не превышает 2 мм. Итак, микрочастицами можно назвать небольшие материальные объекты, форма и размеры которых не определяются невооруженным глазом. От ультрамикрочастиц их отличает то, что они видимы, то есть их размеры превышают 0,1 мм, от макрочастиц (макрообъектов) — то, что ни в одном из измерений (длина, ширина, высота) их размеры не превышают 2 мм”¹².

Г. Л. Грановский оговаривается, что это определение не претендует на окончательность, но, по его мнению, вполне пригодно в качестве “рабочего”, исходного для обсуждения. С этим можно согласиться хотя бы потому, что данное определение позволяет однозначно отграничить класс определяемых объектов с помощью одного критерия, что практически весьма удобно.

Итак, микрообъекты — объекты, размеры которых не превышают ни в одном из измерений 2 мм. Класс этих объектов можно разделить на два подкласса: микрочастицы и ультрамикрочастицы (все, что меньше 0,1 мм, то есть практически недоступно невооруженному глазу)¹³.

¹² Грановский Г. Л. Криминалистическое понятие и классификация микрочастиц, особенности их исследования и использования в доказывании. — Проблемы и практика трасологических и баллистических исследований. Сборник научных трудов ВНИИСЭ, № 17. М., 1976, сс. 51-52. Подобный количественный критерий был предложен Л. Лейстнером, В. Хамори, А. Шухником в 1972 г. на Международном криминалистическом симпозиуме в Варшаве. Правда, он в действительности достаточно условен, поскольку некоторые объекты по своим параметрам могут выходить за пределы этих размеров и при этом квалифицироваться как микрообъекты (например, часть женского волоса длиной 4-5 мм).

¹³ М. Я. Розенталь предложил именовать объекты, видимые невооруженным глазом, но не распознаваемые из-за того, что малы по размерам их внешние отличительные признаки, мезообъектами (*Розенталь М. Я.* О понятии микро-см. след. стр.

Важное практическое значение имеет классификация микрообъектов, на основе которой должны разрабатываться средства и приемы их обнаружения и исследования. Наиболее распространена классификация микрообъектов по их происхождению (точнее, по их природе), хотя и эта классификация излагается в различных вариантах. Так, И. Ф. Крылов по признаку происхождения делил микрообъекты на три группы: 1) органического происхождения, 2) неорганического происхождения и 3) смешанного происхождения, включая в последнюю группу микрообъекты, входящие в состав пыли¹⁴. Г. Л. Грановский подразделял микрочастицы на микрочастицы неживой и живой природы, первые — на микрочастицы естественной природы (почвы, алмазов и т. п.) и микрочастицы продуктов человеческой деятельности (орудий, механизмов, пластмассы и т. п.), вторые — на микрочастицы животных, человека и микрочастицы растений, бактерии¹⁵.

Мы полагаем, что в рассматриваемом нами аспекте разработки поисковых средств удовлетворительно деление микрообъектов по их происхождению на органические и неорганические, по агрегатному состоянию — на твердые, жидкие и газообразные, а по величине — на микрочастицы и ультрамикрочастицы. Средства поиска и изъятия микрообъектов должны основываться на учете этих трех классификаций, а также возможных методов поиска.

Д. А. Турчин предлагает три метода обнаружения микрообъектов, по своим размерам относящихся к группе ультрамикрочастиц: вероятностный, инструментальный и фотографический. При вероятностном методе возможное местонахождение микрообъектов определяется на основании оценки обстановки и механизма преступления, инструментальный

объектов в криминалистике. — В кн.: Проблемы борьбы с преступностью. М., 1976, с. 181).

¹⁴ **Крылов И. Ф.** Криминалистическое учение о следах, с. 191. Нам кажется ненужным третье звено классификации, так как при исследовании частицы смешанного происхождения так или иначе разделяются на органические и неорганические, ибо смешанным является не их происхождение, а их комплекс на данном объекте.

¹⁵ **Грановский Г. Л.** Указ. раб., с. 54. Он же в качестве оснований для иных классификаций микрообъектов называет субъект или объект, от которых происходят микрочастицы; механизм их возникновения; отношение к месту происхождения; объект-носитель и т. п. (Указ. раб., сс. 55-56). Из числа классификаций микрообъектов, предлагаемых зарубежными криминалистами, близка к названному классификация румынских криминалистов: микроследы человека, микроследы предметов, микроследы животных («животные микроследы»), растительные микроследы (Рефераты делегации СРР на Международном криминалистическом симпозиуме в Варшаве в 1976 г., с. 10).

метод предполагает использование различных приборов, прежде всего микроскопов, фотографический — использование фотоаппаратуры¹⁶. И. Ф. Крылов обоснованно указывает, что реальность предложения Д. А. Турчина вооружить следователей микроскопами и обучить микроскопическим методам исследования сомнительна и его осуществление едва ли целесообразно, а фотографический метод малоэффективен, ибо «лишь в случаях, когда локализация следов известна, они могут быть выявлены и запечатлены микрофотообъективом. Однако достигаемое при этом увеличение часто оказывается недостаточным. Более значительное увеличение дает съемка через микроскоп»¹⁷.

Мы полагаем, что для применения в «полевых» условиях можно рекомендовать два основных метода поиска микрообъектов — вероятностный (сочетаемый при поиске запаховых следов с органолептическим) и инструментальный. В научном плане представляется важной разработка:

- ◆ а) методики анализа обстановки места происшествия с целью отбора наиболее вероятных носителей микрообъектов;
- ◆ б) конструкций экстракторов микрообъектов, рассчитанных на разные их виды (типа пылесоса, подобного устройству, имеющемуся в комплекте оборудования передвижной криминалистической лаборатории¹⁸, магнитных экстракторов, липких лент и т. п.);
- ◆ в) оптических и осветительных приборов, приспособленных для оперативного поиска микрообъектов в условиях осмотра места происшествия¹⁹;
- ◆ г) конструкций контейнеров для микрообъектов или их возможных носителей.

Помимо задачи вооружения следователя эффективными поисковыми средствами для работы в «полевых» условиях, актуальными направлениями криминалистических научных исследований являются разработка методики исследования обстановки места происшествия и иных мест, имеющих значение для установления истины по делу, и средств запечатления обнаруженного.

¹⁶ Турчин Д. А. Микроследы — новое в криминалистике. — В кн.: Проблемы советского государства и права, вып. 7. Иркутск, 1974, сс. 106-107.

¹⁷ Крылов И. Ф. Указ. раб., с. 185.

¹⁸ Селиванов Н. А. и др. Передвижная лаборатория прокурора-криминалиста. М., 1971, сс. 129-131.

¹⁹ Бершадский Е. М. Проблема микроследов в современной криминалистике. — Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 14. Киев, 1977, с. 68.

В отечественной криминалистической литературе исследование обстановки рассматривается как один из элементов тактики осмотра места происшествия или помещений и участков местности, не являющихся местом происшествия. Видимо, именно поэтому методике исследования собственно обстановки, то есть проявления качества и пространственных связей объектов, составляющих в своем комплексе место происшествия, уделяется сравнительно мало внимания²⁰. Поскольку этот вопрос, хотя и связан, естественно, с технико-криминалистической проблематикой, в большей своей части относится к тактике действий следователя, он будет рассмотрен далее, среди проблем методического характера.

Говоря о разработке средств запечатления обнаруженного, следует, по нашему мнению, акцентировать внимание на совершенствовании средств фотограмметрии. Создание достаточно точных, надежных и в то же время простых и доступных средств метрической фотосъемки позволило бы разрешить давнюю задачу оперативной и точной фиксации обстановки места происшествия и его отдельных объектов.

1.2.4. Информационное обеспечение оперативно-следственной группы в “полевых” условиях

Эта проблема имеет два аспекта: обеспечение группы информацией, хранящейся в стационарных информационных центрах, и оснащение оперативно-следственной группы “носимыми” хранилищами информации.

Задача получения информации из стационарных ее хранилищ сводится в конечном счете к обеспечению оперативно-следственной группы соответствующими каналами приема-передачи информации, то есть необходимыми техническими средствами связи (мобильный телефон, радио, пейджинговая связь, компьютерные сети, модемная связь и пр.). В “полевых” условиях это возможно при наличии специально оборудованной автомашины (опыт ее создания и использования уже имеется). Компьютер, установленный в ПКЛ и связанный по сети с Федеральным и региональными банками криминалистически значимой информации, позволит осуществлять проверку по учетам прямо на месте проведения следственного действия (например, при осмотре — по учету неопознанных трупов и лиц, пропавших без вести; при обыске — номерных вещей, антиквариата и пр.), быстро составить и отпечатать необходимые про-

²⁰ См. об этом подробнее нашу работу “Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы” (М., 1966, с. 139 и след.).

цессуальные документы, прибегнуть к помощи системы поддержки принятия решений для следователя, оперативного работника, специалиста.

Под “носимыми” хранилищами информации мы понимаем эталоны, определители и справочники, служащие целям выделения значимых объектов из окружающей среды, их определения, классификации, а также для получения представления об их свойствах и признаках в целях правильного обращения с ними, надлежащей их упаковки, хранения и транспортировки.

Проблема обеспечения “носимыми” хранилищами информации неразрывно связана с проблемой учета в криминалистике процессов стандартизации предметов массового изготовления. Тенденция к максимальной стандартизации массовой продукции — одно из характерных последствий научно-технического прогресса. В криминалистическом аспекте эта проблема представляет интерес с точки зрения возникающей возможности составить исчерпывающее представление о круге объектов того или иного вида, источниках их происхождения и характерных признаках. Информация об этих объектах выступает в двух видах: предметном — коллекции объектов — и справочном, когда сами объекты заменяются их изображениями и соответствующими характеристиками. Такие справочники различных типов и являются “носимыми” источниками информации для работы в “полевых” условиях.

Уже сейчас в ряде экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел и учреждений судебной экспертизы имеются коллекции шин безрельсового транспорта, подошв обуви, фарного стекла, огнестрельного и холодного оружия. Для биологических и химических исследований создаются коллекции волос животных, паст шариковых ручек, порохов и т. п.²¹ По материалам этих коллекций и данным, получаемым непосредственно от предприятий — изготовителей массовой продукции, составляются справочники. В настоящее время на практике используются такие справочники-определители по автомобильным шинам²². Другая разновидность справочников, предназначенных для правильного описания объектов (одежды, предметов домашнего обихода, инструментов, строений и т. п.), а не для классификационных или поис-

²¹ Интересные соображения о создании натуральных коллекций высказал А. Р. Шляхов (см. *Шляхов А. Р.* О формах и содержании информации об объектах судебной экспертизы (в том числе натуральных коллекциях объектов судебной экспертизы).—В кн.: Рефераты научных сообщений, вып. 20. М., 1977).

²² *Сова Ф. П.* Определение типов и моделей автотранспортных средств по следам шин. М., 1966, 1973; *Василькова Л. И., Каплунов И. М.* Методические рекомендации по определению типов и моделей автототранспортных средств по следам протекторов шин. Ташкент, 1975.

ковых целей, уже давно применяется в следственной и экспертной практике и получила общее признание²³. В этой же связи можно упомянуть и о справочниках, предназначенных для экспертов-криминалистов, которые в принципе также могут быть использованы при работе в “полевых” условиях²⁴. В современных условиях в качестве носимых хранилищ информации могут быть использованы электронные записные книжки, ПК типа note-book и пр. Использование подобных “носимых” хранилищ информации, дифференцированных по субъектам их применения, представляется актуальным и перспективным.

1.2.5. Принципы распределения средств “полевой” криминалистики и вопрос о субъекте их применения

В мировой практике наметились два пути решения вопроса о распределении средств “полевой” криминалистики. В России и некоторых других странах значительная часть этих средств находится на вооружении следователя, а наиболее сложные из них — у лиц, исполняющих обязанности специалиста при производстве следственных действий (сотрудники экспертно-криминалистических подразделений, прокуроры-криминалисты)²⁵. В ряде других стран средства “полевой” криминалистики находятся в распоряжении техников-криминалистов или лиц, по кругу своих обязанностей им соответствующих (сотрудники криминалистических лабораторий, службы идентификации и т. п.). И то и другое решение вопроса имеет свои положительные и отрицательные стороны.

Принятый у нас принцип распределения средств “полевой” криминалистики обеспечивает повседневную готовность следователя к их использованию и в известной степени гарантирует от возникновения таких ситуаций, когда в связи с отсутствием в данный момент специалиста

²³ Селиванов Н. А., Теребилов В. И. Первоначальные следственные действия. М., 1956, 1969; Горляк Ф. Г., Найдис И. Д., Тунина Э. Л. Справочник следователя. М., 1957; Пособие по осмотру мест происшествий. Тула, 1957.

²⁴ Охотничье огнестрельное оружие отечественного производства. Справочное методическое пособие (ред. А. И. Устинов. М., 1969 (ВНИИ МВД СССР).

²⁵ Мы имеем в виду те случаи, когда прокурор-криминалист не формально, а фактически выполняет функции специалиста-криминалиста. Еще в 1969 г. И. М. Лузгин вносил предложение о введении в органах внутренних дел должности техника-криминалиста для выполнения технических функций по работе со следами на месте происшествия (см. Лузгин И. М. Трудно быть универсалом. — Сов. милиция, 1969, № 5, с. 41).

технико-криминалистические средства окажутся не примененными. С другой стороны, при таком принципе распределения значительно удорожается техническое оснащение следователя (“каждому — каждое”), происходит распыление массы технико-криминалистических средств между отдельными пользователями. Кроме того, при существующем положении вещей практически невозможна специализация в применении технико-криминалистических средств, и в силу этого следователь вынужден распределять свое внимание между техникой и тактикой, как правило, в ущерб последней и в ущерб самому процессу организации расследования.

Сосредоточение всех технико-криминалистических средств в руках специально уполномоченного на их применение субъекта типа техника-криминалиста также не лишено отрицательных сторон. Главная из них заключается в том, что при отсутствии техника-криминалиста следователь оказывается безоружным.

Нам представляется наиболее предпочтительным следующее решение проблемы:

1. Все средства “полевой” криминалистики, как и средства, предназначенные для предварительного исследования вещественных доказательств по месту производства расследования, сосредотачиваются в “депо технических средств”, образуемых в органах прокуратуры — по месту нахождения следственного подразделения, а в органах внутренних дел — при дежурной части.
2. “Депо технических средств” находится в ведении техника-криминалиста; в его отсутствие доступ к технике имеют все следователи и оперативные работники в порядке, обеспечивающем сохранность и поддержание готовности технических средств.
3. Применение средств “полевой” криминалистики является функциональной обязанностью техника-криминалиста, в обычных условиях следователь освобождается от этой обязанности и выступает лишь в роли организатора и руководителя применения этих средств. С процессуальной точки зрения техник-криминалист выступает в качестве специалиста, что не исключает привлечения к участию в следственном действии при необходимости специалиста-криминалиста более высокого уровня (например, сотрудника специализированного криминалистического экспертного учреждения или прокурора-криминалиста).
4. Создание “депо технических средств” позволяет существенно ограничить количество комплектов средств “полевой” криминалистики, отказать от принципа “каждому — каждое”, удешевить процесс “технизации” следствия, и в то же время сделать доступным для каждого

следователя такие дорогостоящие технические средства, которые не могут находиться в индивидуальном пользовании; квалифицированное техническое обслуживание средств "полевой" криминалистики продлит сроки их годности и повысит эффективность использования.

5. Производство экспертиз в функции техника-криминалиста не входит, но он оказывает помощь следователю или работнику дознания в подготовке материалов для экспертизы.

1.2.6. Проведение криминалистических экспертиз в "полевых" условиях

До сих пор мы вели речь о применении средств "полевой" криминалистики следователем (оперативным работником) и специалистом. Однако этим, как нам представляется, понятие "полевой" криминалистики не исчерпывается. В его содержание входит и вопрос о принципиальной возможности проведения в "полевых" условиях, например, на месте происшествия, криминалистических экспертиз и выяснение круга задач, доступных в этих случаях для экспертного решения.

Приоритет в постановке вопроса о проведении криминалистических экспертиз на месте происшествия принадлежит Б. М. Комаринцу. До него некоторые авторы отмечали необходимость в определенных случаях участия эксперта в осмотре места происшествия, но рассматривали такое участие как экспертный осмотр, то есть начальную стадию экспертного исследования, завершающегося затем в лабораторных условиях. Так, А. В. Дулов в этой связи писал: "В ряде случаев экспертизу надо назначать еще тогда, когда обстановка места происшествия не нарушена... В подобных случаях следователь должен назначать экспертизу сразу, чтобы обеспечить участие эксперта в осмотре места происшествия. Здесь следователь поставит на разрешение эксперта только те вопросы, которые у него сразу возникают при ознакомлении с обстоятельствами происшествия на месте. В дальнейшем, по мере накопления материалов, он сможет поставить на разрешение эксперта дополнительные вопросы. Этим самым следователь обеспечит возможность непосредственного восприятия места происшествия экспертом и будет способствовать получению более объективного заключения"²⁶. При-

²⁶ Дулов А. В. Вопросы теории судебной экспертизы, Минск, 1957, сс. 39-40.

мерно аналогичным образом представляют участие эксперта в осмотре места происшествия Н. В. Терзиев и Р. Д. Рахунов²⁷.

Б. М. Комаринец выдвинул идею проведения на месте происшествия всего экспертного исследования, включая составление заключения. По его мнению, «криминалистическая экспертиза должна производиться на месте происшествия в следующих случаях:

1. Когда для разрешения вопросов, стоящих перед ней, важно исследовать не только отдельные вещественные доказательства, но и **обстановку места происшествия** (выделено нами — **Р. Б.**).
2. Если для ее успеха нужно исследовать **взаимосвязь** (выделено нами — **Р. Б.**) между следами на различных предметах, имеющихся на месте происшествия.
3. Когда вещественные доказательства со следами преступления или преступника не могут быть доставлены с места происшествия в криминалистическую лабораторию из-за громоздкости или вследствие опасности искажения или порчи следов при транспортировке»²⁸.

Говоря об экспертизе на месте происшествия, Б. М. Комаринец имел в виду такое исследование, которое проводится в самой начальной стадии следствия, практически чуть ли не параллельно с осмотром места происшествия. Он не отрицал возможности экспертизы на месте происшествия, производимой через несколько дней или даже недель после следственного осмотра, но подчеркивал, «что она в такой же мере может оказаться затрудненной или возможно безрезультатной, как и запоздалый или повторный следственный осмотр места происшествия»²⁹.

Сравнивая процесс экспертизы на месте происшествия с процессом лабораторной экспертизы, Б. М. Комаринец отметил особенности первого, обуславливающие его повышенную сложность. Эти особенности заключаются в следующем (приводим их текстуально, поскольку в более поздних работах других авторов, о которых речь будет идти далее, положения Б. М. Комаринца либо умалчивались, либо излагались неточно):

²⁷ **Терзиев Н. В.** Некоторые вопросы следственного осмотра места происшествия. М., 1955; **Рахунов Р. Д.** Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1950, 1953.

²⁸ **Комаринец Б. М.** Участие экспертов-криминалистов в проведении следственных действий по особо опасным преступлениям против личности. — В кн.: Теория и практика судебной экспертизы, вып. 1 (11). М., 1964, сс. 21-22.

²⁹ Там же, с. 23.

- ◆ «1. Исследованию подлежит не один какой-либо предмет, а вся материальная обстановка места происшествия, включающая большое количество следов и самых различных предметов. А почему-то считается, что отдельные вещественные доказательства, которые можно послать на экспертизу в криминалистическую лабораторию, — это объекты криминалистической экспертизы, а место происшествия — весь комплекс предметов и следов на нем — может быть успешно исследовано следователем без привлечения эксперта.
- ◆ 2. Условия исследования необычные, нередко неблагоприятные — под дождем, при плохом освещении и в непривычной обстановке.
- ◆ 3. Исследование выполняется непрерывно в сжатые сроки пребывания эксперта на месте происшествия.
- ◆ 4. Эксперт обычно не имеет возможности получить консультацию других специалистов и привлечь для производства экспертизы справочные материалы.
- ◆ 5. Эксперт ограничен техническими средствами для производства необходимых исследований»³⁰.

Признавая принципиальную возможность проведения на месте происшествия криминалистической экспертизы любого вида, Б. М. Комаринец отдавал предпочтение судебно-баллистической и трасологической экспертизам, для которых данные, полученные на месте происшествия, имеют наибольшее значение.

Насколько нам известно, концепция Б. М. Комаринца о проведении криминалистической экспертизы в «полевых» условиях возражений в литературе не вызвала, но и не получила дальнейшего развития. Основная его идея — о возможности, а иногда и о необходимости именно экспертного исследования всей обстановки места происшествия для решения задач, относящихся к предмету конкретных видов криминалистической экспертизы, — не привлекла внимания ученых. Роль криминалиста по-прежнему ограничивали исполнением при осмотре места происшествия функций специалиста, хотя и трактовали иногда эти функции достаточно широко. Так, Г. Г. Зуйков писал: «Осмотр места происшествия, как известно, проводит следователь, а специалист-криминалист обязан оказывать ему помощь, используя свои специальные познания и навыки... В отличие от производства экспертизы, когда эксперт устанавливает лишь какое-либо отдельное обстоятельство, относящееся к способу совершения преступления (Г. Г. Зуйков рассматривает этот вопрос в аспекте установления способа совершения пре-

³⁰ Там же, с. 24.

ступления — **Р. Б.**), и исследует материалы, представленные ему следователем, в данном случае специалист-криминалист **изучает всю обстановку места происшествия** (выделено нами — **Р. Б.**), все следы, предметы, вещества, имеющиеся на нем, для того, чтобы выявить факты, относящиеся к любой из сторон или ко всем составным частям и элементам способа совершения преступления”³¹. В тех же случаях, когда говорилось об экспертном исследовании места происшествия, его не связывали по времени с осмотром места происшествия³².

В концепции Б. М. Комаринца наше внимание привлекают два положения общего характера: принципиальная возможность и целесообразность проведения криминалистической экспертизы в “полевых” условиях и признание места происшествия в целом (а не отдельных следов и предметов) объектом криминалистической экспертизы.

Мы полагаем обоснованными аргументы Б. М. Комаринца в пользу проведения в ряде случаев криминалистических экспертиз на месте происшествия на самом начальном этапе расследования, иногда практически параллельно с осмотром места происшествия, в котором криминалист будет принимать участие именно как эксперт, а не как специалист, что найдет свое обоснование в процессуальном акте назначения экспертизы и будет полностью соответствовать закону, представляющему именно эксперту такое право (ст. 82 УПК). Трудности при проведении экспертизы на месте происшествия, о которых писал Б. М. Комаринец в 1964 г., в настоящее время легче могут быть преодолены, поскольку передвижные криминалистические лаборатории, оснащенные современными средствами связи и необходимым исследовательским оборудованием, наличие “носимых” хранилищ справочной информации, которая может потребоваться эксперту для дачи заключения, развитие системы экспресс-методов исследования — все это создает необходимые условия для проведения экспертизы в “полевых” условиях. В сущности, мы имеем дело с ситуацией, при которой даже лабораторные исследования становятся “полевыми”, ибо сама лаборатория находится в “поле”. Нечего говорить, насколько существенным при этом оказывается выигрыш во времени, возможность в полном смысле слова оперативно использовать результаты экспертизы, реально включить ее в

³¹ **Зуйков Г. Г.** Установление способа совершения преступления. М., 1970, с.33.

³² **Самарина Т. М.** Значение экспертного осмотра места происшествия и вещественных доказательств. — Проблемы и практика трасологических и баллистических исследований. Сборник научных трудов ВНИИСЭ, №17. М., 1976.

комплекс средств и методов раскрытия преступления по горячим следам.

Возможность проведения лабораторных исследований в “полевых” условиях не обесценивается и в тех случаях, когда осмотр места происшествия проводится до возбуждения уголовного дела. Естественно, что тогда проводится не экспертиза, а предварительное исследование объектов, представляющих оперативный интерес, результаты такого исследования носят характер ориентирующей информации, что не препятствует их активному использованию при раскрытии преступления³³.

Вопрос о признании места происшествия в целом объектом криминалистической экспертизы решается, как нам видится, не так однозначно.

Практика производства ряда некриминалистических экспертиз, таких например, как пожарно-техническая, технологическая, автотехническая, экспертиза по делам о нарушении правил техники безопасности и других, убедительно свидетельствует, что место происшествия может быть, а зачастую должно быть объектом экспертного исследования.

Так, Б. М. Савельев считает, что “необходима такая организация автотехнической экспертизы, при которой эксперт имел бы возможность лично ознакомиться с местом дорожного происшествия и принять активное участие в осмотре транспорта”. Е. А. Долицкий утверждает, что при производстве технических экспертиз по делам о крушениях и авариях на железнодорожном транспорте “непосредственный осмотр экспертами места крушения трудно заменить каким-либо материалом”³⁴.

Еще более категорично высказываются по этому поводу авторы работ по методике расследования поджогов и пожаров. “При установлении причины пожара осмотр места пожара экспертом является важным фактом, решающим успех экспертизы”, — писала З. Е. Шиманова³⁵. О необходимости непосредственного анализа обстановки места происше-

³³ **Корухов Ю. Г.** Организация и нормативное регулирование криминалистических исследований в деятельности правоохранительных и правоприменительных органов. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1978, с. 24.

³⁴ Автотранспортные происшествия и их расследование. — М., 1962 с. 161; **Долицкий Е. А.** Технические экспертизы по делам о крушениях и авариях на железнодорожном транспорте. М., 1951, с. 51.

³⁵ **Шиманова З. Е.** Пожарно-техническая экспертиза. М., 1963, с. 49.

ствия пожарно-техническим экспертом пишут А. Р. Шляхов, А. С. Григорьян³⁶ и др.

По концепции Б. М. Комаринца, место происшествия в целом может быть объектом криминалистического экспертного исследования, но не взамен, а в комплексе с другими, традиционными объектами — следами и иными вещественными доказательствами. Изучение экспертом обстановки места происшествия позволяет ему полнее и глубже познать механизмы следообразования, выявить признаки и свойства других объектов экспертизы, то есть наиболее эффективно решить задачи, поставленные перед ним следователем или судом. В работах этого автора мы не находим высказываний о том, что обстановка места происшествия является объектом нового вида криминалистической экспертизы в отличие от отдельных вещественных доказательств, изучаемых ее традиционными разновидностями. Примерно на таких же позициях стоит и Т. М. Самарина: «При экспертном исследовании вещественных доказательств во многих случаях у эксперта возникает необходимость выяснить, где и при каких обстоятельствах эти вещественные доказательства обнаружены и изъяты, каков был их первоначальный вид и расположение на месте обнаружения и что представляет собой место происшествия... Поэтому чрезвычайно важным элементом экспертного исследования является личный осмотр и исследование экспертом места происшествия, что дает ему возможность путем непосредственного восприятия всей обстановки места происшествия и ее деталей выявить и оценить признаки, необходимые для установления того или иного обстоятельства.»³⁷

Изложенное позволяет нам сделать важный для дальнейшего анализа проблемы вывод: признание обстановки места происшествия в целом объектом криминалистической экспертизы — отнюдь не новинка. Поэтому нельзя согласиться с утверждением Г. Л. Грановского о том, что в прошлом криминалисты вели речь лишь об исследовании отдельных следов на месте происшествия, а не об исследовании его обстановки в целом. Такой посылкой он обосновывал свое предложение о формировании нового вида криминалистической экспертизы — криминалистической ситуационной экспертизы места происшествия, объектом которой является событие, «а непосредственным объектом —

³⁶ Шляхов А. Р. Предмет некоторых видов судебной экспертизы. — Вопросы криминалистики, № 8-9. М., 1963, с. 33; Григорьян А. С. Расследование поджогов. М., 1971, с. 99. См. также: Справочник следователя, вып. 1. М., 1990, с. 12 и далее.

³⁷ Самарина Т. М. Указ. раб., с. 66.

отражающая это событие вещная обстановка места происшествия", которая якобы в качестве объекта криминалистической экспертизы ранее не рассматривалась³⁸.

Если не считать этой неточности, концепция "ситуационной экспертизы" Г. Л. Грановского, действительно, является новой и заслуживает, по нашему мнению, рассмотрения. Ее содержание сводится к следующему.

Объектом ситуационной экспертизы является событие, изучаемое экспертом по его материальным отображениям в вещной обстановке места происшествия. "Следует подчеркнуть, — писал Г. Л. Грановский, — что речь идет о широком подходе, охватывающем событие в целом: его время, место, структуру и стадии течения, а также установление лиц, участвующих в нем, предмета посягательства, нанесенного ущерба, связей между действиями лиц и последствиями, отобразившимися в отдельных следах и обстановке в целом"³⁹. Такой подход обусловлен тем, что знаний следователей для оценки ситуации места происшествия, особенно связанной с использованием современных технических средств, уже недостаточно. "Не только исследование такой сложной ситуации, но даже ее общая оценка уже требуют специальных знаний... Даже если бы опытный следователь с помощью специалистов и смог извлечь нужную информацию путем анализа ситуации, он не вправе использовать ее в качестве доказательственной. Информация эта основана на переработке фактических данных. Правильность переработки должна быть оценена самим следователем, поэтому он не может быть ее источником. В качестве источника таких доказательств закон признает только заключение эксперта"⁴⁰.

Основным объектом исследования эксперта-криминалиста должна стать информация, заключенная в динамической структуре ситуации в целом, а не отдельные элементы ситуаций, как это было до сих пор. "Криминалистам нужно сделать акцент на разработку научных и технических аспектов работы с такой сложной общей информацией"⁴¹.

Ситуационная экспертиза является многоступенчатой. По своей природе — это комплексная экспертиза или комплекс экспертиз. "В послед-

³⁸ Грановский Г. Л. Криминалистическая ситуационная экспертиза места происшествия. — В кн.: Рефераты научных сообщений на теоретическом семинаре — криминалистических чтениях 21 апреля 1977 г., вып. 16. М., 1977, с. 3).

³⁹ Там же, сс. 4-5.

⁴⁰ Там же, сс. 6-7.

⁴¹ Там же, с. 9.

них случаях, когда экспертам поручается исследование отдельных элементов и подсистем ситуации, все результаты должны быть использованы одним экспертом (по смыслу изложения, криминалистом — **Р. Б.**) для формулирования вывода, относящегося к ситуации в целом. Поэтому в методике должен быть определен оптимальный порядок одновременного исследования одних и тех же или разных объектов специалистами в различных областях знаний для решения общей задачи»⁴². Свои предложения Г. Л. Грановский заключает таким тезисом. «Место происшествия должно стать объектом криминалистической ситуационной экспертизы и в случаях, когда для его исследования необходимы специальные познания, передаваться целиком в распоряжение эксперта»⁴³.

Чтобы оценить концепцию Г. Л. Грановского, требуется ответить на ряд вопросов, невольно возникающих при ознакомлении с его предложениями. Такими вопросами, на наш взгляд, являются следующие:

1. Когда следователь должен сделать вывод о необходимости назначения ситуационной экспертизы и что означает «передать место происшествия целиком в распоряжение эксперта»?
2. Кто определяет состав экспертов разных специальностей, привлекаемых для исследования отдельных элементов и подсистем ситуации, и почему результаты их исследований должен обобщать, а следовательно, и оценивать эксперт-криминалист? Кто в этом случае исследует место происшествия в целом?
3. Что остается на долю следователя, если ситуационная экспертиза означает широкий подход, охватывающий событие в целом и его элементы, практически исчерпывая, таким образом, весь предмет доказывания? Действительно ли ситуационная экспертиза может обладать такими возможностями?

Попытаемся разобраться в этих вопросах. «Известно, — пишет Г. Л. Грановский, — что даже для исследования отдельных следов почти всегда нужны специальные знания. Они тем более необходимы для исследования совокупности следов и вещей и их связей, характеризующих структуру ситуации»⁴⁴. Поскольку каждое место происшествия представляет собой такую совокупность, значит, во всех случаях, когда место происшествия налицо, должна быть назначена ситуационная экс-

⁴² Там же, с. 13.

⁴³ Там же, с. 16.

⁴⁴ Там же, с. 6.

пертиза. Стало быть, вывод о необходимости назначения ситуационной экспертизы следователь может делать априори, до осмотра места происшествия. Да и нужен ли в этом случае сам осмотр, поскольку, по мнению Г. Л. Грановского, даже общая оценка ситуации требует специальных знаний?

В свете сказанного замечание Г. Л. Грановского о том, что ситуационная экспертиза не исключает следственного осмотра места происшествия, что "следователь должен осмотреть место происшествия, как это он делает и сейчас, осматривая, прежде чем направить на экспертизу, отдельные предметы, документы, труп в соответствии с процедурой, предусмотренной ст. ст. 178, 179 и 180 УПК"⁴⁵, звучит неубедительно и нелогично. Для чего осмотр, если и до него ясно, что следователь не в состоянии сам не только исследовать, но даже и оценить в общей обстановке места происшествия? Он должен просто назначить ситуационную экспертизу и "передать" место происшествия эксперту. Причем смысл такой "передачи" заключается, очевидно, в том, чтобы сохранить для эксперта место происшествия в "первозданном", нетронутым состоянии, ибо после назначения экспертизы уже сам эксперт (эксперты) решает, "что из вещной обстановки места происшествия надлежит исследовать, с помощью каких методов, когда и в каком порядке"⁴⁶. Следственный же осмотр неизбежно приводит к нарушению обстановки места происшествия.

Для определения состава экспертов, участвующих в ситуационной экспертизе, следует оценить обстановку места происшествия. Поскольку, по мнению Г. Л. Грановского, сделать этого следователь не может, так как не обладает необходимыми для такой оценки (даже общей) специальными познаниями, остается предположить, что состав экспертов определяет также эксперт, очевидно, эксперт-криминалист (ведь экспертиза в целом именуется криминалистической).

Складывается любопытная ситуация: следователь назначает криминалистическую ситуационную экспертизу, не имея представления, эксперты каких специальностей будут участвовать в ее проведении. И уже совсем туманным представляется положение, при котором для исследования ситуации требуется комплекс экспертиз. Кто определяет содержание этого комплекса? Когда? На основании чего? Г. Л. Грановский не дает ответа на эти вопросы. Нет ответа также и на вопрос, кто в этом случае исследует место происшествия в целом (каждый эксперт иссле-

⁴⁵ Там же, сс. 5-6.

⁴⁶ Там же, с. 6.

дует отдельные элементы и подсистемы ситуации). Но если никто, то есть ли здесь ситуационная экспертиза, объект которой — место происшествия в целом? Ясно только, что субъектом исследования места происшествия в целом не будет и эксперт-криминалист, ибо его задача заключается в использовании результатов частных исследований для формулирования вывода, относящегося к ситуации в целом.

Но почему именно эксперт-криминалист должен оценивать и использовать заключения других экспертов и формулировать на их основе, очевидно, путем логических умозаключений общий вывод? Можно понять, когда эксперт-криминалист (как и эксперт другой специальности) при производстве повторной экспертизы оценивает заключение одной-единственной первоначальной экспертизы. Это необходимо ему для полноты исследования и дачи обоснованного заключения. Но в рассматриваемом случае складывается иная ситуация: эксперт фактически присваивает себе компетенцию следователя, тем более что формулирование вывода только на основе экспертных заключений само по себе, на наш взгляд, экспертизой не является, а целиком входит в понятие исследования и оценки доказательств.

При такой постановке вопроса на долю следователя ничего не остается. Его полностью заменяет эксперт. «Предмет ситуационной экспертизы необычно широк, — пишет Г. Л. Грановский. — Исследуя целиком место происшествия, эксперты имеют возможность установить ряд обстоятельств, относящихся к отдельным элементам состава преступления: способы приготовления, совершения и сокрытия преступления, время и место его совершения, личность потерпевшего и преступника, многие их физические и психические свойства, механизм взаимодействия преступника и потерпевшего, транспортных средств, орудий взлома и преград, обстоятельно описать все этапы совершения преступления, его детали, свойства предметов, исчезнувших с места происшествия, орудий преступления, объяснить, почему произошли те или иные изменения в обстановке, и др.»⁴⁷

Судя по тому, что приведенный перечень не закончен, можно полагать, что с помощью ситуационной экспертизы возможно устанавливать и те немногие оставшиеся не упомянутыми обстоятельства, которые входят в предмет доказывания, то есть, иными словами, весь предмет доказывания в целом. Следователю остается лишь предъявить обвинение и закончить производство по делу: проведения ситуационной экспертизы оказывается достаточным, чтобы исчерпать весь процесс доказывания.

⁴⁷ Там же, с. 7.

Но ни одна экспертиза и даже комплекс экспертиз, если эксперт не пренебрегает границей своей процессуальной компетенции, не может заменить деятельности следователя по доказыванию. Событие преступления, взятое в целом, не может быть объектом никакой экспертизы, ибо не все его элементы отражаются в материальной обстановке места происшествия, доступной для исследования эксперта-криминалиста.

Ситуационная экспертиза в том виде, в каком она конструируется Г. Л. Грановским, представляется нам нереальной по существу и ошибочной с процессуальной точки зрения. В то же время ситуационная экспертиза не только возможна, но и существует реально, если согласиться со следующими положениями.

Предметом такой экспертизы является не событие в целом, не вся ситуация, существовавшая до, в момент или после преступления, а лишь отдельные элементы события, отдельные детали ситуации. Такими элементами, например, могут быть положение преступника и потерпевшего в момент причинения ранения, способ преодоления преграды, действия по сокрытию следов преступления и т. д. Но такая экспертиза, являясь в известном смысле экспертизой ситуации, не обязательно должна быть криминалистической и тем более не является особым видом экспертизы. Это, в сущности, определенный класс задач, решаемых всеми видами судебных экспертиз или во всяком случае многими из них.

Идея ситуационной экспертизы, в целом, получила поддержку в литературе. Класс ситуационных экспертных задач выделили в своей "Судебной экспертологии" А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская⁴⁸, о них пишут Ю. Г. Корухов, Н. П. Майлис и другие авторы⁴⁹. Разрабатываются методики решения ситуационных задач.

Выполнение подобных исследований может потребовать либо участия эксперта в следственном осмотре места происшествия, либо отдельного экспертного осмотра, который отнюдь не заменяет следственного. Такая экспертиза может проводиться непосредственно в "полевых" условиях, как и экспертизы, решающие иные задачи.

⁴⁸ **Винберг А. И., Малаховская Н. Т.** Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград, 1979, с. 167 и след.

⁴⁹ **Корухов Ю. Г.** Трасологическая диагностика. М., 1983, с. 19; **Майлис Н. П.** Криминалистическая трасология как теория и система методов решения задач в различных видах экспертиз. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. М., 1992, с. 23; **Бычкова С. Ф.** Становление и тенденции развития науки о судебной экспертизе. Алма-Ата, 1994, с. 167 и др.

Класс ситуационных задач по мере расширения возможностей судебных экспертиз, вероятно, будет возрастать, но эти задачи всегда останутся частными по отношению к предмету доказывания и никогда не сравняются с ним по объему, также как и сама экспертиза всегда будет лишь одним из средств доказывания и никогда не заменит собой весь процесс собирания, исследования, оценки и использования доказательств.

2. ПРОБЛЕМА ПОЛИГРАФА

2.1. Возникновение и содержание проблемы

Психофизиологическое состояние лица, подозреваемого в совершении преступления, значение изменений этого состояния для решения вопроса о причастности данного лица к расследуемому преступлению, эмоциональные реакции человека, обладающего существенной для него информацией, на попытки следователя получить от него эту информацию — издавна привлекали внимание ученых-процессуалистов и юристов-практиков. Уже в глубокой древности была подмечена зависимость психофизиологического состояния подозреваемого от складывающейся не в его пользу ситуации, реально угрожающей ему разоблачением. На этой зависимости основывались различные испытания подозреваемого, преследовавшие цель выявить такие изменения в его состоянии, которые позволяли бы сделать вывод об его виновности или лжесвидетельстве, например, усиленное потоотделение или возникновение сухости во рту как реакция на вопрос о причастности к преступлению и т. п. Некоторые такие испытания приобрели значение средств доказывания в отдельных системах уголовного судопроизводства рабовладельческого и феодального общества.

С течением времени развитие психологии и физиологии, с одной стороны, и криминалистики и уголовно-процессуальной науки — с другой, повлияли на пересмотр представлений об однозначной связи психофизиологических реакций подозреваемого с его виновностью или невиновностью. “Страх, дрожь, блуждающий взгляд, вынужденный смех, притворный обморок и спазмы — все это свидетельствует о сознании своей вины. Но все-таки слишком полагаться на это нельзя”, — писал в 1912 г. А. Вейнгарт¹. Вторил ему и И. Н. Якимов: “В протоколе совер-

¹ *Вейнгарт А.* Уголовная тактика. СПб., 1912, с. 117.

шенно недопустимы отметки о том, как держал себя во время допроса допрашиваемый, волновался ли или менялся в лице, колебался при даче ответов, проявлял нерешительность и т. п., так как они не могут быть объективны и всегда носят, в качестве наблюдения, субъективный характер, в то же время не дают ничего важного по существу дела. Опытные следователи указывают, что внешними признаками лживости допрашиваемого, когда он дает свое показание, являются перемена окраски лица, неестественный румянец или внезапная бледность, дрожь в теле, подергивание рук, беспорядочные быстрые движения тела, облизывание языком пересыхающих губ, глотание воздуха, как будто его недостаточно (Рейсс называет это аэрофагией), но этим правилам доверяться особенно нельзя, так как они могут происходить вообще от душевного волнения, связанного с процедурой допроса, и тем менее допустимо отмечать о них в протоколе”².

Сформировавшееся уже в первых советских криминалистических работах негативное отношение к доказательственной ценности психофизиологических реакций подозреваемого или обвиняемого и скептическое отношение к ним как к средствам диагностики искренности допрашиваемого не мешало в то же время признанию их важной ориентирующей роли в процессе проведения отдельных следственных действий, в особенности обыска и допроса.

О значении учета поведения и реакций обыскиваемого говорится во всех работах, посвященных тактике этого следственного действия. “Можно утверждать, — писал В. И. Попов, — что наблюдение за поведением обыскиваемых с целью обнаружения тайников является неотъемлемой частью работы по производству обыска. Это правило основано на том, что обыскиваемые своим поведением часто дают указания на местонахождение того, что ищет следователь. Преступники часто не в состоянии скрыть волнение в момент, когда обыскивающий приближается к тому месту, где спрятаны вещи или ценности... Каждый жест, каждое внешнее проявление внутренних переживаний обыскиваемого должно замечаться и соответственно оцениваться лицами, которые производят обыск”³. А. Р. Ратинов подразделил реакции обыскиваемого на две группы: произвольные реакции организма, вызванные высокой степенью нервного возбуждения, и реактивные действия и состояния, которые поддаются волевому контролю и могут подавляться. “И те и

² Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925, с. 325.

³ Попов В. И. Обыск. Алма-Ата, 1959, сс. 51-52.

другие признаки, — пишет он, — служат определенным сигналом для производящего обыск, но необходимо иметь в виду, что явления второго порядка, зависящие от сознания человека, могут быть подавлены и потому требуют особой наблюдательности”⁴. На необходимость обращать внимание во время обыска на эмоциональное состояние обыскиваемого указывают и другие авторы.

В работах по тактике допроса внешнее проявление психических состояний допрашиваемого оценивается не только в плане диагностики ложных показаний. Так В. С. Комарков указывал, что “важным и необходимым является анализ внешних факторов поведения допрашиваемого (в том числе жестов, мимики, микродвижений конечностей), но не в целях так называемой “диагностики причастности”, не для определения достоверности показаний, а для использования результатов анализа в тактических целях”⁵. К сходным выводам приходят Н. И. Порубов, Г. Г. Доспулов, Л. М. Карнеева и другие авторы работ по тактике допроса.

Позиция советских процессуалистов по рассматриваемому вопросу была четко выражена М. С. Строговичем: “То или иное поведение обвиняемого на допросах, тон даваемых им ответов на вопросы, манера держаться и другие подобные обстоятельства, конечно, не могут рассматриваться как самостоятельные доказательства виновности ввиду того, что они могут происходить из причин, не связанных с исследуемым по делу событием”⁶.

Оценивая значение наблюдаемых следователем психофизиологических состояний свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, мы отмечали, что неправильно игнорировать их, не реализовывать результаты их наблюдения в интересах расследования. Следует лишь верно определить пути их использования, не переоценивая их и не вкладывая в их содержание того, чего в них нет⁷.

Наблюдаемые проявления физического или морального состояния могут служить для следователя:

- ◆ а) указателем правильности его действий или, наоборот, сигналом о необходимости изменить направление действий или их тактику;

⁴ *Рапинов А. Р.* Обыск и выемка. М., 1961, с. 90.

⁵ *Комарков В. С.* Тактика допроса. Харьков, 1975, с. 23.

⁶ *Строгович М. С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955, с. 378.

⁷ *Белкин Р. С.* Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966, сс. 151-152.

- ◆ б) ориентиром для выбора путей установления психологического контакта с данным лицом как предпосылки успешности данного следственного действия;
- ◆ в) материалом для изучения психологических и иных особенностей участников процесса.

Все эти обстоятельства в известной степени влияют на внутреннее убеждение следователя. В современных условиях, когда следователь воспринимает их лишь визуально и оценивает их значение чисто субъективно, их нельзя положить в основу процессуальных решений, так как они не являются доказательствами. Однако, давая материал для предположений, они могут быть основой тактических решений, определения линии поведения следователя, выбора тех или иных тактических приемов, построения плана конкретного следственного действия. Поэтому неверно утверждать, что на базе наблюдения различных проявлений физического и морального состояния свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого следователь вообще не может делать никаких выводов. Такой точки зрения придерживался, например, Г. Н. Мудьюгин, рекомендуя категорически воздерживаться «от каких бы то ни было выводов на основе подобного рода реакций обвиняемого»⁸.

Зависимость полноты восприятия психофизиологических состояний наблюдаемого лица от субъективных качеств наблюдателя, ограничение наблюдаемых состояний лишь теми, которые проявляются вовне и доступны для визуального восприятия, возможность только вероятного объяснения конкретных причин этих состояний в силу множественности таких причин и неоднозначной связи причин со следствиями применительно к состоянию конкретного индивидуума, — все это значительно снижает даже тактическое значение рассматриваемых обстоятельств. Достоверно установленный наукой факт связей психофизиологического состояния человека с действием на него внешнего раздражителя⁹ в силу несовершенства средств установления и объяснения этого факта в конкретных условиях производства по уголовным делам используется в целях установления истины в чрезвычайно ограниченных пределах. Ес-

⁸ Мудьюгин Г. Косвенные доказательства, связанные с поведением обвиняемого. — Соц. законность, 1961, № 6, с. 29.

⁹ Первые психологические исследования в области «диагностики причастности» в нашей стране проводились еще в 20-х гг. видным советским психологом А. Р. Лурия (см. Лурия А. Р. :

- Экспериментальная психология в судебно-следственном деле. — Советское право, 1927, № 2;
- Психология в определении следов преступления. — Научное слово, 1928, № 3).

тественно, что с развитием инструментальных методов исследования психофизиологических состояний человека и их изменений под воздействием различных раздражителей возник вопрос о возможностях, пределах и целях применения таких методов в уголовном судопроизводстве. “Результатом этих поисков и явился современный полиграф — комплекс точных медицинских приборов, непрерывно и синхронно фиксирующих динамику таких реакций допрашиваемого, как давление крови, частота пульса, глубина и частота дыхания, кожно-гальваническая реакция, степень мускульного напряжения, биотоки мозга и т. п., всего около 20 показателей. Число различных показателей, записываемых полиграфом, именуется числом его каналов. Например, пятиканальный полиграф — это устройство, одновременно фиксирующее изменение пяти таких показателей. Запись реакций осуществляется таким образом, что оператор отчетливо видит, какой именно вопрос вызвал соответствующую эмоциональную реакцию допрашиваемого. Прибор связан с испытуемым с помощью системы контактных датчиков”¹⁰.

История создания полиграфа восходит к концу XIX в., когда был создан ряд приборов и методик для определения различных сторон сердечной деятельности, в том числе современный метод определения величины кровяного давления, регистрации изменения дыхания испытуемого, сопротивления кожи и др.¹¹ На базе этих приборов были предприняты попытки определения психофизиологического состояния испытуемого, связанных с постановкой ему критических вопросов. Последующее усовершенствование этих приборов, получивших название “полиграф”, пошло по пути создания комплексов приборов и введения автоматической и непрерывной записи их показаний.

Первый полиграф, который можно считать прообразом современных, сконструирован в 1921 г. американцем Дж. А. Ларсоном, студентом медицинского факультета, сочетавшим учебу с работой в полиции г. Беркли, Калифорния. Его прибор сначала фиксировал две функции — дыхание и давление крови, а после усовершенствования — три: дыхание, пульс и давление крови¹².

¹⁰ **Злобин Г. А., Яни С. А.** Проблема полиграфа. — В кн.: Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ МЮ СССР, № 6. М., 1976, с. 125.

¹¹ Первым попытался сопоставить показания испытуемого с колебаниями давления крови Ч. Ломброзо, опубликовавший в 1895 г. отчет о своих опытах (см.: **Reid J. E., Inbau F. E.** Truth and Deception: The Polygraph (‘Lie Detector’) Technique. Baltimore: Williams & Wilkins, 1977, p. 21).

¹² **Abrams S.** The Complete Polygraph Handbook. Lexington, Toronto, 1989, p. 4.

В 1926 г. Л. Килер, ученик и сотрудник Дж. А. Ларсона, модифицировал прибор Ларсона. Он соединил отдельные устройства, регистрирующие кривые давления крови и пульса, дыхания и кожно-гальванической реакции, в один портативный переносный аппарат. Полиграф Килера получил наибольшее распространение среди аналогичных аппаратов¹³. В 1945 г. Дж. Э. Рид сконструировал полиграф ("Reid polygraph"), который дополнил полиграф Килера регистрацией незаметных движений мышц предплечья, бедер и ног¹⁴. Как отмечает в своем фундаментальном исследовании П. Прукс¹⁵, с тех пор диагностическая аппаратура принципиально не изменилась: конструируются электронные приборы, отличающиеся между собой лишь техническими подробностями.

В нашей стране опыты по применению инструментальной диагностики эмоционального напряжения были начаты А. Р. Лурия в 20-30-х гг. Вместе с А. Н. Леонтьевым он провел ряд исследований объективных симптомов аффективных реакций, разработав так называемую "сопряженную моторную методику". На испытуемого воздействовали словом-раздражителем, на которое он должен был реагировать первым пришедшим ему в голову словом и одновременно нажимать указательным или средним пальцем на специальный контакт. Время реакции (в десятых долях секунды) измеряли секундомером, который был отделен от испытуемого экраном, и записывали в формуляр вместе с отметкой о сопровождающих реакцию побочных признаках (смех, резкие движения и т. п.). На ленте регистратора моторных реакций — кимографа — записывалась моторная реакция, а также отмечался момент подачи раздражителя и словесной реакции с целью выяснить одновременность обоих видов реакции¹⁶. Моторные реакции, соответствующие аффективным раздражителям, резко отличались от нормальных, отмечалось

¹³ Там же.

¹⁴ Reid J. E., Inbau F. E. Указ. раб., с. 3.

¹⁵ Прукс П. Уголовный процесс: научная "детекция лжи". Тарту, 1992, с. 105. Монография П. Прукса, на основе которой им была подготовлена и успешно защищена докторская диссертация, — наиболее обстоятельное исследование, изданное на русском языке в последние годы. Автор дал развернутое изложение естественнонаучных основ полиграфа, детально проанализировал аргументацию его сторонников и противников как в нашей стране, так и особенно полно за рубежом. В книге использованы основные англоязычные и немецкие источники по проблеме полиграфа.

¹⁶ Лурия А. Р., Леонтьев А. Н. Исследование объективных симптомов аффективных реакций: опыт реактологического исследования массового аффекта. Проблемы современной психологии. Л., 1926, сс. 53-55.

общее нарушение движений, наличие массы “лишних движений” и “лишних реакций” и т. п.¹⁷ Позднее А. Р. Лурия перешел к опытам в реальной жизненной обстановке. В 1927 г. при Московской губернской прокуратуре была создана лаборатория экспериментальной психологии, где в течение пяти лет Лурия провел ряд опытов с целью выяснить, действительно ли можно объективным путем установить наличие оставшихся от преступления в психике преступника аффективных следов и отличить причастного к преступлению человека от не причастного. Экспериментальные данные по пятидесяти с лишним испытуемым, большинство из которых были действительными убийцами или подозреваемыми в убийстве, подтвердили правильность исходной гипотезы¹⁸. По мнению многих ученых, опыты Лурия легли в основу идеи полиграфа. Сам Лурия также считал, что его работа явилась ранней моделью полиграфа¹⁹.

В последующие годы экспериментальные работы в области использования полиграфа в судопроизводстве в нашей стране проводились лишь отдельными учеными и, по существу, в частном порядке. П. И. Гуляев и И. Е. Быховский, Г. Г. Андреев и М. Г. Любарский экспериментальным путем практически в полулегальных условиях подтвердили плодотворность идеи полиграфа²⁰.

К концу 30-х гг. полиграф получает широкое распространение во многих странах. Наиболее интенсивно он применяется в США, Канаде, Японии, Южной Корее, Израиле, используется также в Турции, Англии, Индии, Аргентине, Бразилии, Мексике, Таиланде и в других странах, число которых достигает 50²¹.

В США по различным оценкам число экспертов достигает 10000, причем 300 экспертов работает при федеральных правительственных

¹⁷ Там же, сс. 86-87.

¹⁸ Прукс П. Указ. раб., с. 51.

¹⁹ Лурия А. Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. М., 1982, с. 23.

²⁰ Андреев Г. Г., Любарский М. Г. Вопросы контроля состояния человека инструментальным методом при производстве психологической экспертизы. — В кн.: Судебная экспертиза. Сборник проблемных научных работ. Л., 1977, вып. 5, сс. 21-29; Гуляев П. И., Быховский И. Е. Исследование эмоционального состояния человека в процессе производства следственного действия. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 9. Киев. 1972, сс. 103-109.

²¹ Grime R. Lie detection and British legal system. — In: Gale A. (ed.) The Polygraph Test: Lies, Truth and Science. London, 1988, pp. 137-149; Schwabe J. Rechtsprobleme des “Lügendetektors”. — Neue Juristische Wochenschrift, 1979, Heft 12. S. 576-582.

органах (ежегодные расходы на них достигают 10 миллионов долларов). Действует профессиональное общество — American Polygraph Association, 14 специальных учреждений (институтов, колледжей, учебных центров) занимаются подготовкой экспертов. Каждый год производится около 1 миллиона полиграфических испытаний²². Разумеется, в разных штатах результаты испытаний на полиграфе имеют разное значение: в некоторых они принимаются в качестве доказательств, в других — как ориентирующая информация. В Канаде полиграф применяется на предварительном следствии²³, как и в Израиле и Турции.

Применение полиграфа не допускается в Австрии и ФРГ. Однако в последней такое решение Федерального конституционного суда от 18 августа 1981 г. активно оспаривается учеными, считающими, что запрет полиграфа ограничивает права обвиняемого на защиту²⁴.

Так обстоит дело с применением полиграфа за рубежом. Иная ситуация складывается в нашей стране.

Опыты П. И. Гуляева и И. Е. Быховского и немногих других энтузиастов 60-70-х гг. в правовой литературе были проигнорированы, в процессуальной науке и криминалистике возобладала точка зрения Н. Н. Полянского, сформулированная в 1946 г. в монографии «Доказательства в иностранном уголовном процессе». Опираясь отдельными примерами из практики применения полиграфа в США, он обосновал свой категорически отрицательный вывод следующими аргументами:

1. В основе всех попыток создать аппарат для проверки правдивости показаний лежит явно ошибочное представление о том, что отклонение физиологических реакций допрашиваемого от его индивидуальной нормы «зависит от чувства страха, испытываемого им, когда ему задаются вопросы, на которые он не может ответить правдиво, не подвергая себя риску осуждения». Но не только ложь может сопровождаться чувством страха; эмоции, сходные с теми, которые вызваны страхом, могут быть вызваны негодованием, гневом, изумлением и т. п.; самый страх переживается различными лицами различно; физиологические реакции зависят не только от нервно-психической

²² **Barland G. H.** The polygraph test in the USA and elsewhere. — In: Gale A. (ed.) *The Polygraph Test: Lies, Truth and Science*. London, 1988, p. 76.

²³ **Desroches F. J., Thomas A. S.** The police use of the polygraph in criminal investigations. — *Canadian J. of Criminology*, 1985, Vol. 27, No. 1, pp. 43-66.

²⁴ **Steller M.** *Psychophysiologische Aussagebeurteilung: Wissenschaftliche Grundlagen und Anwendungsmöglichkeiten der "Lügendetektion"*. Göttingen, Toronto, Zürich, 1987.

конституции различных лиц, но и от меняющейся (например, с возрастом) индивидуальности одного и того же лица.

2. К числу факторов, влияющих на психофизиологическое состояние испытуемого, следует отнести и мировоззрение, что особенно важно. “От социальной принадлежности подозреваемого или обвиняемого зависит, доверяет ли он суду, следователю или прокурору, верит ли он в то, что этим органам, в самом деле, ничего, кроме правды, не нужно, или он подозревает, что в действительности они стремятся только к осуждению допрашиваемого, к получению от него таких ответов, которые давали бы возможность, (хотя и необоснованную) возложить на него ответственность.
3. Попытки проверки правдивости показаний с помощью аппаратов и инструментов ведут к подрыву одного из краеугольных камней демократического правосудия — принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению, ибо оно связывается авторитетом науки, заключающей, говорит ли обвиняемый правду или лжет.
4. Использование “разоблачителя лжи” нарушает принцип непосредственности, вводя “посредствующее звено там, где ничто не может заменить непосредственного восприятия судьи”²⁵.

Можно полагать, что аргументы Н. Н. Полянского оказали заметное влияние на формирование в советской юридической науке в конце 40-х гг. резко отрицательного отношения к применению инструментальных методов исследования психофизиологических состояний человека в целях судопроизводства. Особенно наглядно это отношение проявлялось и нередко проявляется и поныне в работах, посвященных процессуальным и тактическим проблемам допроса, хотя, как совершенно верно отмечали Г. А. Злобин и С. А. Яни, “даже в отечественной литературе самых последних лет, как только речь заходит о полиграфе, авторы нередко подменяют рассмотрение наиболее сложных правовых проблем рассуждениями об ограниченных технических возможностях полиграфа — и на этом основании приходят к весьма решительным (но едва ли правильным) выводам, будто результаты исследований с помощью полиграфа и их оценка “...полностью зависят от усмотрения лица, производящего допрос”* ...”²⁶

²⁵ Полянский Н. Н. Доказательства в иностранном уголовном процессе. М., 1946, сс. 68-76.

* Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск, 1973, с. 53.

²⁶ Злобин Г. А., Яни С. А. Проблема полиграфа, с. 123.

Возможность различной интерпретации показаний полиграфа — вот главный довод его противников. “Нельзя, например, согласиться с предложениями об использовании в следственной и судебной практике аппаратов, регистрирующих состояние и изменение физиологических параметров организма, происходящих под влиянием тех или иных эмоций, в частности, волнения или страха (полиграфы, вариографы и др.), — писал П. С. Элькинд. — Фиксируя соответствующие данные, такие аппараты не в состоянии установить их причину: является ли эмоциональное возбуждение результатом волнения, испытываемого человеком от того, что он впервые оказался перед следствием и судом, от возмущения несправедливостью, от страха быть изобличенным или по иной причине”²⁷.

Выступая с резкой отповедью “отдельным советским криминалистам”, которые-де считают целесообразным проведение исследований с целью выяснения возможностей применения полиграфа, И. Ф. Пантелеев писал: “Их вовсе не смущает, что сами инициаторы этого псевдонаучного метода исследования, буржуазные криминалисты, не применяют его там, где нужна точная и объективная информация. Многие из них предлагают прекратить его применение вообще...” Далее он ссылается на то, что в конце 1965 г. в США была создана специальная комиссия под председательством Мосса для выяснения истинной роли полиграфа при проверке лояльности служащих и выработки инструкции о порядке пользования им и что в итоге проведенного исследования Мосс отрицательно отзывался о полиграфе, заявив, что “детектора лжи” — прибора, работающего на строго научной основе, — в действительности не существует.²⁸

Действительно, в США и других странах высказывались скептические замечания по поводу использования полиграфа именно в качестве “детектора лжи”, которым он и не является. Так, покойный Дж. Эдгар Гувер, директор ФБР, по этому поводу замечал: “ФБР полагает, что техника полиграфа недостаточно точна, чтобы можно было приходить к категорическим, без оговорок, суждениям о ложности или правдивости показаний. Техника полиграфа имеет ряд недостатков, один из которых связан с психической пригодностью и психическим состоянием лица, которое предполагается подвергнуть испытанию.” Позднее, уже после завершения Государственным комитетом США по экспериментальным

²⁷ Элькинд П. С. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство. — Советская юстиция, 1977, № 3, с. 3.

²⁸ Пантелеев И. Ф. Некоторые вопросы психологии расследования преступлений. — Труды ВЮЗИ, вып. XXIX, М., 1971, с. 227.

Однако до последнего времени в криминалистике и процессуальной науке были распространены взгляды, аналогичные взглядам Н. Н. Полянского и И. Ф. Пантелеева. Дело доходило до объявления полиграфа орудием пыток, причиняющих испытуемому “неимоверные физические страдания”³³. Редко кто из авторов, пишущих на темы тактики допроса, обходился без того, чтобы не заклеить полиграф, этот “псевдонаучный и реакционный способ “установления истины”³⁴, прибор, основанный на абсолютно ненаучной и противоречащей элементарным положениям психологии и физиологии варварской (sic!) идее связи показаний с психическими и физиологическими реакциями³⁵, и т. п. Дело доходило до того, что проводились прямые параллели между инквизиционным процессом и полиграфом. Так, по мнению М. С. Строговича, “ничего нового в этом “новом направлении нет, все это хорошо было известно инквизиционному процессу: обвиняемого в убийстве подводили к трупу и наблюдали, как он реагировал на это, при допросе иногда велся “протокол поведения”, в котором фиксировалось поведение допрашиваемого: дрожание голоса, побледнение и покраснение и т. п. “Новое направление” только снабдило старые методы всяческими приборами, тестами, диаграммами и т. п., ничего не прибавив к их “научности”. Пожалуй, методы инквизиционного процесса выигрывают в своей примитивности и откровенности по сравнению с “научными” гнусностями представителей “нового направления”³⁶. Как совершенно справедливо отмечает П. Прукс, “научная дискуссия вокруг полиграфа заменялась политической. Вместо того, чтобы научной аргументацией опровергнуть использование приборных методик в расследовании преступлений, акцент ставился на доказывании реакционности полиграфа”³⁷, хотя и раздавались трезвые голоса о том, что “машина не может

Evidence. N. Y., 1989; **Hollen H.** The acoustics of Crime: The New Science of Forensic Phonetics. N. Y., 1990; **Steller M.** Validität und forensische Verwendbarkeit von Methoden der psychophysiologischen Aussagebeurteilung (“Lügendetektion”). — Bericht über den 33. Kongreß für Psychologie, Bd. 2. Göttingen, Toronto, Zürich, 1983, S. 887-894.

³³ **Розенблит С.** Инквизиционные методы допроса подозреваемых в США. — Соц. законность, 1954, № 4, с. 89.

³⁴ **Каминская В. И.** Рецензия на кн. Н. Н. Полянского “Доказательства в иностранном уголовном процессе: вопросы и тенденции нового времени”. — Сов. книга, 1947, № 7, с. 76.

³⁵ **Строгович М. С.** Курс советского уголовного процесса. М., 1958, с. 674.

³⁶ **Строгович М. С.** Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., 1947, сс. 114-115.

³⁷ **Прукс П.** Указ. раб., с. 63.

быть реакционной; прибор не бывает ненаучным. Он или работает или не работает” (А. Р. Ратинов). Использование же технического средства, как известно, возможно и в реакционных и в прогрессивных, вполне нравственных целях.

В последние годы, если не считать ставших уже привычными стандартных осуждений полиграфа в главах о тактике допроса в некоторых учебниках криминалистики, проблема полиграфа почти не затрагивалась в научных публикациях. Лишь пламенный “поборник прав обвиняемого” А. М. Ларин нет-нет, да и раздражался гневными филиппиками по поводу того, “что в некоторых зарубежных странах полиция и сейчас весьма охотно использует полиграф для психологического давления на подозреваемых, для понуждения к признанию в преступлениях, независимо от того, совершены они допрашиваемым или нет”³⁸.

Серьезного повода для выражения своего гнева у Ларина, видимо, не было вплоть до 1994 г., когда в свет вышел сборник тезисов научно-практического семинара Всероссийского НИИ МВД “Нетрадиционные методы в раскрытии преступлений” (М., 1994), к тому же, 12 сентября 1995 г. появился приказ МВД РФ № 353 “Об обеспечении внедрения полиграфа в деятельность органов внутренних дел” и инструкция “О порядке использования полиграфа при опросе граждан”. И вновь у Ларина “выиграло ретивое”. Не находя веских аргументов против использования полиграфа, он пошел по более привычному для него пути очернения его сторонников, их прямого оскорбления. Только так можно расценить его слова: “Манипуляции с полиграфом умножат следственные и судебные ошибки, усугубят страдания их жертв и прибавят работы судам, прокурорам и следователям, адвокатам по выявлению и исправлению этих ошибок. Сегодня же игры вокруг полиграфа поощряют недальновидные, невежественные руководители прокуратуры и МВД. Чтобы имитировать внедрение в расследование достижений науки и техники, они охотно прислушиваются к советам, которые им дают деятели особого рода. Это шустрые господа, которые не склонны день и ночь, в жару и холод преследовать преступников, по крохам в пыли и мусоре собирать доказательства, а предпочитают в комфортабельных кабинетах испытывать полиграфом подозреваемого и обвиняемого, трактуя вкривь и вкось графики на бумажных лентах, ни за что не отвечая и пользуясь при этом всеми благами и преимуществами сотрудни-

³⁸ Ларин А. Правда о “детекторе лжи”. — Известия, № 318 от 14 ноября 1989г.

ков милиции или службы безопасности”³⁹. Слов нет — прекрасный образец утонченной, изысканной научной полемики!

2.2. Возможные варианты решения проблемы

Как и в других случаях решения вопроса о применении в уголовном судопроизводстве той или иной технической новинки, того или иного технического средства, даже тогда, когда не приходится преодолевать сложившегося против него предубеждения, основанного на умозрительных заключениях, проблема полиграфа имеет технический, тактический, этический и процессуальный аспекты.

Технический аспект проблемы, на анализе которого (к сожалению, нередко некомпетентном) основываются зачастую доводы противников полиграфа, представляется достаточно ясным.

Уже в существующем виде полиграф представляет собой точный прибор, достоверно отражающий психофизиологическое состояние организма испытуемого лица. Этот факт не отрицают, да, в сущности, и не могут отрицать и противники полиграфа, поскольку последний представляет собой комплекс приборов, давно и надежно зарекомендовавших себя в медицинской практике и практике психофизиологических экспериментальных исследований. “Полиграф с высокой степенью достоверности показывает динамику эмоциональных реакций испытуемого на различные вопросы, — пишут Г. А. Злобин и С. А. Яни. — Этим функция полиграфа как технического устройства исчерпывается. Надежность полиграфа в отношении достоверности изображаемой им картины физиологических процессов в организме допрашиваемого едва ли может вызывать серьезные сомнения. Она доказана многочисленными экспериментами и полувековой практикой применения полиграфа. Нетрудно понять и то, что в качестве индикатора внутренней напряженности испытуемого полиграф имеет бесспорные преимущества перед самым тонким и опытным наблюдателем. Он объективен, способен фиксировать не только характер, но и точно измеренную интенсивность психосоматических реакций, регистрирует такие процессы в организме испытуемого, которые недоступны обычному наблюдению, и поэтому едва ли могут достаточно надежно корректироваться сознательной тре-

³⁹ Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. М., 1996, с. 148.

нировкой. Наконец, что особенно важно, он дает непрерывную и системную картину одновременной динамики ряда различных процессов в организме допрашиваемого, что при обычном наблюдении получить невозможно”⁴⁰.

Развитие новых областей науки и техники (в частности, автоматике, кибернетики и искусственного интеллекта, космической медицины и пр.) открыло широкие перспективы для совершенствования полиграфа. Стало возможным и принципиально изменить технику “снятия” информации полиграфом, используя метод **бесконтактных** датчиков.

Под бесконтактными датчиками понимают такие, действие которых испытуемым не ощущается, или даже сам факт существования которых для испытуемого остается неизвестным. В психофизиологических экспериментах различают три группы таких датчиков:

- ◆ 1) датчики, вмонтированные в предметы одежды (халат, комбинезон, головной убор, пояс) либо такие предметы, как часы, компас;
- ◆ 2) датчики, вмонтированные в орудия труда (пишущий прибор, рукоятка управления механизмом или аппаратом, тетрадь для записей и др.);
- ◆ 3) датчики, вмонтированные в элементы бытового оборудования (кресло, кровать, стул).

Такие датчики с успехом используются для контроля за состоянием космонавтов в условиях космического полета, при изучении реакций испытуемых в процессе их профессионального отбора и т. п.

В буквальном смысле этого слова, названные устройства бесконтактными не являются. В их основе лежит именно контакт с телом испытуемого, но контакт скрытый, о котором испытуемый может и не знать.

Опыты П. И. Гуляева и И. Е. Быховского открыли обнадеживающие перспективы для создания подлинно бесконтактного метода снятия информации о психофизиологическом состоянии испытуемого. Была продемонстрирована принципиальная возможность бесконтактной регистрации изменений физиологических характеристик организма на расстоянии, на основе измерения изменений слабых электромагнитных полей, существующих в пространстве вокруг человека, при посредстве специальных датчиков. Таким путем возможна одновременная регистрация электрокардиограммы, сейсмокардиограммы, пневмограммы,

⁴⁰ Злобин Г. А., Яни С. А. Проблема полиграфа, сс. 127-128.

фонограммы и других параметров организма⁴¹, что позволяет рассчитывать на положительное решение вопроса о бесконтактном исследовании реакций испытуемого.

В обзоре технической стороны проблемы полиграфа С. А. Яни приводит данные о разработках американских криминалистов, создавших под руководством А. Д. Белла прибор, определяющий эмоциональное напряжение по голосу (“анализатор психологического стресса”), улавливающий мускульное сокращение гортани, не поддающееся волевому управлению и меняющееся в зависимости от психического напряжения. По условиям эксперимента, один из участников говорил правду, двое других лгали. В 94,76% прибор идентифицировал ложные ответы. Весьма близким к полиграфу является запатентованный в США “детектор скрываемого знания”, основанный на различии во времени восприятия “критических” и “нейтральных” слов, демонстрируемых в цветном изображении на экране⁴².

Весьма плодотворные исследования в области детекции по признакам речевой деятельности проведены Э. Л. Носенко. Их результатом явилась разработка двух электронных приборов для анализа речи в процессе устного высказывания или по магнитофонной записи: регистратора временных характеристик речевого общения и электронного анализатора для распознавания по речи эмоционального состояния человека. Первый можно было применять также и для установления степени интенсивности различного рода речевых расстройств и для определения изменений в эмоциональном состоянии человека, сопровождающихся изменениями в темпоральных характеристиках речи (патентный период речевой реакции типа вопрос-ответ, количество пауз длительностью 30-1000 мс и выше, суммарная длительность пауз в высказывании и т. д.). Второй осуществляет одновременную регистрацию модуляции частоты основного тона, интенсивности речевого сигнала, темпа артикулирования, количества пауз длительностью от 300 мс и выше, суммарной длительности “чистой” речи. Параметры анализа обрабатываются компьютером, и полученные результаты информируют о

⁴¹ *Гуляев П. И., Быховский И. Е.* Исследование эмоционального состояния человека в процессе производства следственного действия. — Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 9. Киев. 1972, сс. 107-108.

⁴² *Яни С. А.* Правовые и психологические вопросы применения полиграфа. — Труды ВНИИСЗ МЮ СССР, вып. 8, М., 1977, с. 135-137.

состоянии эмоционального напряжения говорящего⁴³. В сущности, это тот же полиграф без датчиков.

Резюмируя сказанное, можно заключить, что техническая сторона проблемы, то есть возможность получения объективной, детальной и точной информации о психофизиологических состояниях человека с помощью полиграфа (причем при необходимости — скрытым способом) не должна вызывать сомнений. Но техническая сторона вопроса тесно связана с диагностикой зафиксированных реакций, а последняя прямо зависит от тактики проведения испытаний, то есть от тактического аспекта использования полиграфа.

Тактический аспект проблемы заключается в ответе на вопрос: можно ли с помощью полиграфа получить однозначно толкуемую информацию о причинах эмоциональной реакции испытуемого?

Эксперименты показывают, что решение этого вопроса заключается в передаче испытуемому информации таким образом, чтобы она воздействовала избирательно и вызывала наиболее сильную эмоциональную реакцию лишь в строго ограниченных случаях, подлежащих однозначному объяснению. На первый план, таким образом, выступает организация и тактика самого эксперимента; с точки зрения достоверности и надежности результатов применения полиграфа, тактический аспект проблемы оказывается решающим.

При применении полиграфического метода в исследованиях по выделению значимого сигнала в однородном ряду была поставлена цель установить, знает ли человек иностранный язык (вне зависимости от того, что он сам утверждает по этому поводу). Среди подаваемых фраз были фразы мало значимые и фразы значимые, например, адресованные специально данному человеку. Для человека, не владеющего языком, все фразы одинаково значимы; тогда как для понимающего язык они будут различны, так как значимую фразу он поймет и отреагирует на нее по-иному, чем человек, языка не знающий. Действительно, при подаче значимой фразы она вызывала достаточно характерную кожно-гальваническую реакцию (опыты ставились с ее использованием), причем при стремлении испытуемого как-то подавить свою реакцию она (как это было показано уже в 20-30-х гг.) становилась от этого только более сильной, более рельефной.

⁴³ Приводится по указ. работе *П. Прукса*, сс. 117-118. Данные изложены в работе: *Носенко Э. Л., Карпов О. Н., Чугай А. А.* Электронные речевые анализаторы и возможности их практического применения. — Психологический журнал, 1981, т. 2, № 6, сс. 104-106.

Здесь задача выглядела довольно простой, потому что экспериментатор имел дело с хорошим фоном. Однако нередко встречается такая ситуация, когда сигналы незначимые или менее значимые также сопровождаются достаточно сильными реакциями. Возникает необходимость в выделении сигнала из шумов, что может быть сделано путем усиления значимого сигнала с помощью положительной обратной связи. В эксперименте это выглядело следующим образом.

Испытуемому предъявляются слайды, причем темп смены их на экране зависит не от экспериментатора и не от воли испытуемого, а от произвольных и неконтролируемых реакций последнего. При этом при отсутствии кожно-гальванической реакции кадр сменяется через определенный промежуток времени; если же она возникает, кадр останавливается и не сменяется до тех пор, пока не исчезает реакция.

Испытуемому предъявлялась фотография знакомого ему лица в ряду фотографий незнакомых лиц. При разомкнутой обратной связи знакомая фотография дала почти такую же реакцию, что и остальные. Затем эксперимент повторялся с введением обратной связи. Когда фотография “застревает”, возникает естественное беспокойство: почему из всех фотографий задержалась именно она? Чем больше беспокоится субъект, чем больше он желает, чтобы фотография сменилась, тем прочнее она задерживается — реакция усиливается и становится вполне очевидной.

В другой серии экспериментов смена кадров производилась самим испытуемым при помощи кнопки. Устройство подчинялось командам человека, находящегося в состоянии покоя. Испытуемому предлагался ряд геометрических фигур, и его просили задумать какую-либо из них. Задача экспериментатора заключалась в обнаружении этой фигуры. Пока фигура была незначима (то есть до ее выбора), она не вызывала никаких реакций: испытуемый нажимал кнопку, и появлялся следующий кадр. Однако после задумывания (выбора) фигура становилась “значимой”. При ее появлении возникала реакция, и человек, нажимая на кнопку, вместо смены кадра получал отказ и “деорганизовывался”. Он выжидал и нажимал на кнопку, лишь почувствовав, что успокоился. Для экспериментатора же было важно, что данный кадр задержан на время, превышающее экспозицию всех остальных.

Эта система оказалась удачной потому, что позволила использовать не только отрицательную, но и положительную эмоцию испытуемого. Например, испытуемый после первого отказа приготовился к возможности возникновения трудностей, но, когда он легко сменил кадр, его радость оказалась настолько сильной, что кнопка вновь отказала, попав на фон, измененный его положительной эмоцией. В дальнейшем начи-

нается отказ за отказом, и в результате, уже не по экспозиции значимого сигнала, а по тем событиям, которые разыгрались после нее, можно было с высокой степенью уверенности обнаружить значимый кадр.

В другой серии экспериментов перед испытуемым на световом табло вспыхивает некое слово. Предварительно ему дается инструкция это слово прочесть. Вначале испытуемый не в состоянии выполнить инструкцию, так как слово появляется на табло на очень короткое время. Постепенно экспозиция увеличивается до тех пор, пока испытуемый не сможет прочесть слово. Одновременно на полиграфе регистрируются биотоки мозга, дыхание,жно-гальваническая реакция, движение губ, реакция сосудов руки, ЭКГ.

Оказалось, что “неприятные” слова испытуемый читает при бóльших эмоциях, нежели нейтральные. Так, если, например, любое нейтральное слово испытуемый читал в пределах экспозиции в 100-200 мс, то слова эмоциональные — при экспозиции 400-500 мс и даже 1000 мс, причем слово, не доходящее до сознания, в момент, когда испытуемый его еще не успел прочесть, уже показывает на полиграфе биоэлектрические вегетативные реакции.

Как показывает статистика, правильность выводов, сделанных на основе полиграфа, достигает весьма высокой степени вероятности (80-90%)⁴⁴, а во многих случаях все выводы оказываются достоверными, если тактика применения полиграфа точно реализует принцип избирательного воздействия. Такое воздействие могут оказывать не только слово или изображение, но и действия следователя (например, его приближение к тому или иному предмету во время обыска), и человек или предмет во время предъявления для опознания и т. п. Это свидетельствует о широком тактическом диапазоне ситуаций, в которых может найти свое применение полиграф.

Тестирование на полиграфе может осуществляться так называемыми прямым и непрямым методами. При прямом методе испытуемому предлагают три группы вопросов в определенной последовательности:

- ◆ 1) релевантные (критические) — относящиеся непосредственно к выясняемому обстоятельству преступления;
- ◆ 2) иррелевантные (нейтральные) — не имеющие отношения к делу и задаваемые с целью уменьшить эмоциональное напряжение, отменить степень и форму протекания реакции на критические вопросы;
- ◆ 3) контрольные — не относящиеся к расследуемому преступлению, но обладающие до некоторой степени “обвинительным” содержанием.

⁴⁴ Злобин Г. А., Яни С. А. Проблема полиграфа, с. 129.

При этом считается, что “обвинение” в чем-нибудь, содержащееся в контрольных вопросах, не должно превышать силу обвинения, содержащегося в релевантных вопросах. Установлено, что непричастное лицо более сильно реагирует именно на контрольные вопросы, чем на релевантные, так как именно в них содержится опасная для него “обвинительная” информация⁴⁵.

Непрямой метод используется тогда, когда имеется основание предполагать, что контролируемое лицо знает о деталях, подробностях преступления, однако настоятельно это отрицает. При этом не подвергается непосредственному контролю достоверность отрицательных ответов испытуемого, а выясняется, располагает ли он специфической информацией, которую может знать только лицо, причастное к преступлению, причем не может объяснить, откуда, если не преступным путем, она получена⁴⁶. Раздражители выбирают из специфически релевантной информации так, чтобы для постороннего человека они казались бы одинаковыми и не вызывали бы специфических реакций.

Процесс тестирования длится примерно час и состоит из трех этапов: предтестовое интервью, проведение тестов, обработка и анализ данных, результатов тестов. Мы не останавливаемся на содержании этих этапов, интересующиеся подробностями могут познакомиться с ними по описанию в книге П. Прукса. Добавим лишь, что испытание носит добровольный характер, что фиксируется в специальном формуляре, и отказ от испытания не свидетельствует о виновности лица или иной его причастности к преступлению.

К сказанному следует добавить еще одно замечание. Поскольку противники применения полиграфа настойчиво аргументируют свою негативную позицию утверждением, что результаты тестирования невозможно однозначно связать с подлинной причиной вызванных реакций, и в некоторых случаях, даже при использовании непрямого метода тестирования, это действительно так, в спорных случаях очевидно следует ограничиться констатацией наличия у испытуемого не “информации причастности”, а информации осведомленности о тех или иных обстоятельствах события, учитывая возможность случайного источника такой информации.

Этический аспект проблемы можно выразить одной фразой: нравственно ли применение полиграфа в целях борьбы с преступно-

⁴⁵ Прукс П. Указ. раб., сс. 120-121.

⁴⁶ Там же, сс. 126-127.

стью? Противники полиграфа отвечают на этот вопрос категорически отрицательно.

М. С. Строгович писал: “Мы отвергаем подобные способы (речь идет о полиграфе — **Р. Б.**) как потому, что они, облекаясь в наукообразные формы, по существу не имеют ничего общего с подлинной наукой и могут плодить лишь ошибки, извращая действительность, так и потому, что такие приемы в судопроизводстве решительно противоречат элементарным нравственным нормам и унижают человеческое достоинство тех, кто подвергается подобным испытаниям.”⁴⁷ Столь же категоричны И. Ф. Пантелеев, А. М. Ларин и другие авторы.

Однако утверждения о безнравственности применения полиграфа нам представляются отнюдь не убедительными.

Начнем с того, что ни один из противников полиграфа не указывает, каким конкретно нравственным нормам противоречит применение полиграфа, чем именно оно унижает человеческое достоинство. Попробуем сделать это за них, дабы подтвердить или опровергнуть их утверждение.

Не вызывает никакого сомнения, что любая форма **обмана** при применении технических средств в уголовном судопроизводстве, какими бы благородными целями он ни оправдывался, безнравственна и противоречит этическим принципам установления истины. В рассматриваемом нами случае как обман можно было бы квалифицировать попытку выдать за научно обоснованные результаты применения средств и методов, ничего общего с наукой не имеющих, а лишь облеченных, по словам М. С. Строговича, “в наукообразные формы”. Однако, на наш взгляд, анализ технического аспекта рассматриваемой проблемы достаточно убедительно свидетельствует, что такие оценки, как “ненаучность” или “наукообразность”, по отношению к полиграфу, по меньшей мере, неправомерны и могут лишь свидетельствовать о некомпетентности или предвзятости суждений.

Как обман можно квалифицировать фальсификацию, то есть умышленно неправильную интерпретацию показаний полиграфа или умышленное их искажение. Но столь же безнравственна и даже преступна любая фальсификация материалов дела, начиная от фальсификации показаний и кончая умышленно ложным заключением эксперта. Здесь вопрос переносится уже из области применения полиграфа в область использования и оценки результатов применения в доказывании любого технического средства, любого средства доказывания. Ничего специфици-

⁴⁷ Проблемы судебной этики. М., 1974, сс. 146-147.

ческого, относящегося только к полиграфу, здесь нет. Что же касается ошибки либо добросовестного заблуждения при интерпретации показаний полиграфа, то едва ли можно усмотреть в этом обман участников процесса. От ошибки не гарантированы ни эксперт, ни следователь, ни даже суд; существующие в уголовном процессе гарантии установления истины, несмотря на их полноту, реальность и эффективность, все-таки не могут абсолютно исключить возможность ошибки, что, между тем, нельзя оценить как их нравственную ущербность.

Иногда безнравственность применения того или иного средства или приема видят в том, что человек при этом становится объектом исследования, что-де унижает его достоинство. «Однако заметим, — справедливо пишут в этой связи П. И. Гуляев и И. Е. Быховский, — что наш уголовный процесс в некоторых случаях допускает такое положение. Например, обвиняемый становится объектом исследования при проведении судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы, изъятии образцов крови или других выделений человеческого организма, при освидетельствовании и т. д.»⁴⁸ Положение объекта исследования в случаях, предусмотренных законом (равным, как известно, для всех), само по себе не унижает достоинства человека. Унизительными, а следовательно, безнравственными и незаконными могут быть обстановка, в которой осуществляется исследование, поведение производящего исследование лица и сама сущность исследования, если она основана на противоправном физическом либо психическом насилии.

Безусловно безнравственным (если не заслуживающим куда более сильных оценок) является всякое противоправное насилие над личностью при доказывании. Ставить полиграф в один ряд, например, с гипнозом или наркоанализом, как это делает А. М. Ларин и ряд других авторов, — означает расценивать его именно как средство такого психического насилия.

Но насилие предполагает подавление воли субъекта, по отношению к которому оно применяется, применение же полиграфа подобной цели не преследует. Лицо остается абсолютно свободным в своем волеизъявлении, оно ничем не принуждается к изменению линии своего поведения. Полиграф не является и средством проникновения в мысли и чувства испытуемого, он лишь регистрирует возникновение и наличие тех или иных эмоций и, с этой точки зрения, принципиально ничем не отли-

⁴⁸ Гуляев П. И., Быховский И. Е. Указ. раб., с. 107.

чается от визуального их наблюдения и констатации следователем, что никем не признается безнравственным.

Проникновение в сферу субъективного, чему в известной степени служит полиграф, если, повторяем, такое проникновение не связано с противоправным психическим насилием, нельзя считать безнравственным. Без проникновения в той или иной степени во внутренний мир испытуемого нельзя решить многие задачи судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз, достичь нужного психологического контакта с допрашиваемым, обеспечить реализацию воспитательной функции предварительного расследования и т. п. В то же время нельзя не принять во внимание обоснованное предупреждение Г. А. Злобина и С. А. Яни, что «есть в рассматриваемой стороне действия полиграфа и более глубокая проблема, касающаяся принципиальной правомерности и пределов допустимости инструментального проникновения (даже не столь уж глубокого) во внутренний мир личности. Не секрет, что при помощи полиграфа недобросовестным оператором может быть добыта информация, выходящая за пределы официально расследуемого события и связанная с той областью личного, принудительное или тайное проникновение в которую противоречит гарантированным Конституцией СССР правам и свободам гражданина»⁴⁹. Предупреждение возможности подобных деформаций — одно из условий разработки правил применения полиграфа и создания необходимых гарантий законности использования его результатов.

Решая вопрос об этичности применения полиграфа, вовсе не следует, как нам кажется, использовать в качестве отрицательного аргумента примеры негативной практики органов расследования зарубежных стран. Практика правоохранительных органов любой страны (и Россия не исключение) не свободна от ошибок и нарушений закона. В данном случае задача заключается в том, чтобы нормативное регулирование применения полиграфа позволяло если не исключить их вообще, то свести к тому минимуму, который неизбежен при применении любого технического средства.

Уголовно-процессуальный аспект проблемы. Прежде всего, необходимо оговориться, что практическому решению вопроса об условиях, формах и пределах применения полиграфа в уголовном судопроизводстве должно предшествовать глубокое и всестороннее научное исследование с широким обсуждением его результатов научной общественностью и достаточно репрезентативными экспериментами, отра-

⁴⁹ Злобин Г. А., Яни С. А. Проблема полиграфа, с. 131.

жающими специфику отечественного судопроизводства и ментальности населения. И такие исследования в настоящее время ведутся специальным отделом НИИ МВД РФ⁵⁰, а также научными подразделениями Федеральной службы безопасности. Разработана специальная инструкция “О порядке применения полиграфа при опросе граждан”, утвержденная Генеральной прокуратурой, ФСБ и МВД РФ и зарегистрированная 28 декабря 1994 г. в Министерстве юстиции РФ. Министром внутренних дел РФ 12 сентября 1995 г. издан специальный приказ № 353 “Об обеспечении внедрения полиграфа в деятельность органов внутренних дел”. С изданием в 1995 г. Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности” применение полиграфа в оперативно-розыскной деятельности обрело достаточное правовое обоснование. Речь, следовательно, теперь следует вести не о правомерности использования полиграфа вообще, а об условиях его использования в процессуальной деятельности следователя, а может быть, и суда. Как заключает В. А. Образцов, “таким образом, метод испытаний на полиграфе после десятилетий огульного обвинения в безнравственности и лженаучности вошел в арсенал допущенных законом криминалистических средств”⁵¹.

Итак, до исследований такого рода всякие соображения об уголовно-процессуальном аспекте проблемы, в том числе и излагаемые нами далее, следует рассматривать лишь как чисто умозрительные, гипотетически возможные.

Мы полагаем, что *de lege lata* применение полиграфа может стать допустимым в двух следующих случаях: при производстве экспертизы и при участии специалиста-психолога в подготовке к производству следственного действия.

Закон не ограничивает эксперта в выборе технических средств исследования. Любое техническое средство, если оно само и методика его применения научно обоснованы, может быть применено экспертом для решения задач экспертизы, сообразно, разумеется, с условиями исследования, предъявляемыми к нему требованиями, процессуальным порядком экспертизы и т. п. Поэтому нет оснований для возражений против использования полиграфа экспертом — психиатром или психологом.

⁵⁰ См.: Нетрадиционные методы в раскрытии преступлений. Тезисы научно-практического семинара Всероссийского НИИ МВД РФ. М., 1994.

⁵¹ **Образцов В. А.** Основы криминалистики. М., 1996, с. 128.

Разработка метода бесконтактных (в подлинном смысле этого слова) датчиков сделает возможным применение полиграфа специалистом-психологом или психофизиологом при подготовке к производству таких следственных действий, как обыск, следственный эксперимент с участием подозреваемого или обвиняемого, предъявление для опознания. Получаемая с помощью полиграфа при подготовке этих следственных действий ориентирующая информация будет способствовать следователю в реализации или корректировке его тактического замысла.

Мы допускаем *de lege ferenda* применение полиграфа и при допросе при законодательном закреплении следующих положений:

1. Применение полиграфа допускается только с добровольного согласия допрашиваемого; отказ от испытания на полиграфе, равно как и предложение подвергнуться испытанию при отказе со стороны допрашиваемого не должны фиксироваться ни в одном процессуальном документе; отказ от испытания не может ни в какой форме толковаться во вред допрашиваемому.
2. Для участия в допросе разрешается привлекать специалиста-психолога, исполняющего функции оператора полиграфа в пределах обычной компетенции специалиста — участника следственного действия.
3. Результаты применения полиграфа не имеют доказательственного значения и используются следователем лишь как ориентирующая информация; доказательствами признаются лишь фактические данные, содержащиеся в показаниях допрашиваемого. Материальные свидетельства применения полиграфа (ленты, записи) к делу не приобщаются.

Предложены и иные варианты уголовно-процессуальной модели использования полиграфа при допросе. В. И. Комиссаров (Саратовская государственная академия права) считает, что в случае принятия решения (по своей инициативе или по просьбе допрашиваемого) о применении полиграфа следователь будет должен:

- ◆ пригласить защитника (если предполагается допросить подозреваемого или обвиняемого), педагога, переводчика (при допросе несовершеннолетнего, глухонемого и др.);
- ◆ установить психологический контакт с участниками допроса;
- ◆ разъяснить всем им содержание, условия, порядок производства следственного действия и особенности использования информации, получаемой при тестировании;
- ◆ удостовериться, что испытуемый понял следователя, и разъяснить допрашиваемому его право отказаться от тестирования;

- ◆ получить в письменной форме согласие пройти тестирование на полиграфе;
- ◆ разъяснить права и обязанности всем участникам следственного действия, о чем делается отметка в протоколе допроса;
- ◆ предупредить оператора об уголовной ответственности за заведомо ложную расшифровку полиграммы, а возможно, и за разглашение тайны следствия;
- ◆ занести в протокол замечания и заявления участников процесса⁵².

Предложенная модель вполне может лечь в основу соответствующих правовых актов, хотя и содержит ряд неясностей. Так, может создаться представление, что речь идет не о допросе, а о самостоятельном следственном действии; неясно, в чем могут заключаться права и обязанности защитника, уж во всяком случае, не в корректировке теста и т. п. Да и вообще, следует ли присутствовать во время испытания кому-либо кроме оператора и переводчика, ведь тестирование рекомендуется проводить в специальном помещении и при отсутствии всяких посторонних ("фоновых") раздражителей? Кстати, тестирование через переводчика вообще бессмысленно, его следует проводить на языке, которым владеет тестируемый. И наконец, не правильнее ли считать тестирование не самостоятельным следственным действием, предшествующим допросу, а вводной частью самого допроса?

Очевидно, что разработка процессуального порядка испытаний на полиграфе требует предварительно накопить значительный эмпирический материал на основе использования полиграфа в оперативно-розыскной деятельности. Поспешность в этом деле явно противопоказана.

⁵² **Комиссаров В. И.** Использование полиграфа в борьбе с преступностью. — Законность, 1995, № 11, сс. 43-47. Цит. по кн.: **Образцов В. А.** Основы криминалистики. М., 1996, с. 129.

3. ПРОБЛЕМЫ КОМПЬЮТЕРИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ *

3.1. История и современное состояние проблемы

Компьютеризация судебной экспертизы обусловлена, на наш взгляд, двумя обстоятельствами.

Во-первых, это связано с информационной революцией, происходящей во всем мире в последние пятнадцать лет, когда широко стали внедряться персональные компьютеры (ПК). Они ничем не уступают по функциональным возможностям своим предшественницам — большим и малым ЭВМ, но при этом обладают рядом несомненных преимуществ: относительно низкой стоимостью, высокой степенью надежности, компактностью и малым потреблением энергии, что позволяет внедрять их буквально на каждое рабочее место, как автономно, так и включенными в локальные информационно-вычислительные сети или в качестве терминалов больших и средних ЭВМ. Стремительное развитие информационных технологий и широкое внедрение электронно-вычислительной техники во все сферы человеческой деятельности обусловило тот факт, что компьютерные средства и методы все более и более широко используются в судебной экспертизе.

Во-вторых, специфика современных проявлений преступности, изменения в ее структуре, когда все более значительное место занимает деятельность организованных, прекрасно технически оснащенных групп, располагающих значительной материальной базой, требует увеличения объема специальных познаний, повышения оперативности и расширения сферы их применения. Кроме того, объективизация процесса расследования как неотъемлемая часть гуманизации уголовного процесса,

* Глава подготовлена для данного издания проф. Е. Р. Россинской.

правовой реформы — невозможна без повышения значимости вещественных доказательств, их всестороннего и полного использования в доказывании, чему как раз способствует внедрение в судебно-экспертную деятельность достижений современных технологий, и прежде всего, информационных.

Проблемы автоматизации процесса судебно-экспертного исследования рассматривались в криминалистической литературе с середины 60-х годов, когда исследования возможностей применения кибернетики в криминалистической экспертизе приобрели ощутимый размах, давая первые результаты. Некоторые ученые сформулировали в качестве цели своих изысканий автоматизацию идентификационной процедуры. Так, Г. М. Собко писал: “Задача формализации идентификационного исследования почерка является одной из проблемных задач в судебном почерковедении. Нами сделана попытка статистически подойти к решению этой задачи и предложить в общей форме методику возможной алгоритмизации идентификационного процесса”. Описав далее эту методику, он заключает: “Вводя каталоги 1 и 2 (каталоги признаков почерка — **Е. Р.**) в память ЭВМ и снабдив ее программой распознавания признаков, которые содержатся в каталогах, можно достичь автоматизации идентификационной процедуры”¹.

Об автоматизации отдельных видов криминалистической экспертизы пишет ряд авторов. Р. С. Рашитов² рассматривает условия автоматизации дактилоскопической идентификации. Н. С. Полевой и Л. Г. Эджубов описывают автоматизацию идентификационной процедуры при судебно-баллистической экспертизе: “До последнего времени профилограммы с исследуемой пули и пуль-образцов сравнивались визуально. Если профилограммы совпадали, это использовалось при формировании экспертного вывода о том, что данная пуля выстрелена из исследуемого ствола. Отсутствие совпадений давало эксперту в сочетании с другими данными возможность прийти к противоположному выводу”³.

К тому же времени относится начало дискуссии о способности машины вытеснить или заменить эксперта-человека. Эта дискуссия широко велась тогда в различных областях знания, как теоретических, так и

¹ **Собко Г. М.** Некоторые возможности математической формализации идентификационного судебно-почерковедческого исследования. — В кн.: Применение математических методов и вычислительной техники в праве, криминалистике и судебной экспертизе. Материалы симпозиума. М., 1970, с. 112.

² **Рашитов Р. С.** Механизация и автоматизация дактилоскопической идентификации. — Там же, сс. 145-147.

³ Основы правовой кибернетики. Учебное пособие. М., 1977, с. 212.

прикладных, и криминалистика, разумеется, не явилась исключением. Хотя никто из известных криминалистов не утверждал, что ЭВМ вытесняет или способна вытеснить, заменить эксперта-человека, однако ни одна работа по вопросам применения кибернетики в криминалистике и судебной экспертизе не обходилась без настойчивых утверждений, что разработанный метод или предлагаемая методика использования ЭВМ ни в коей мере не заменит эксперта.

Так, А. Р. Шляхов писал: “Применение принципов кибернетики и электронно-вычислительной техники ни в коей мере не поведет к замене эксперта автоматом... Оценка результатов, полученных при помощи ЭВМ, будет проводиться и контролироваться экспертом”⁴.

Р. М. Ланцман формулировал эту мысль более развернуто: “...убежденность эксперта, оперирующего результатами работы ЭВМ, может быть объективно передана судебно-следственному органу. Разумеется, кибернетический метод исследования ни в какой степени не подменяет собой эксперта-почерковеда, который лишь получает еще один более совершенный метод исследования. Ответы машины сами по себе... не имеют самостоятельного доказательственного значения. Средством доказывания является заключение эксперта. Однако теперь уже в отличие от возможности поверить глазам, опыту, интуиции, детальным разметкам эксперта, судебно-следственный орган имеет возможность объективно оценить обработанную машиной информацию”⁵. В другой работе, развивая эту же мысль, он пишет: “Применение кибернетического метода для целей криминалистического отождествления у подавляющего большинства криминалистов не вызывает возражений прежде всего потому, что он **исключает влияние субъективного фактора** (выделено нами — **Е. Р.**) в процессе сбора, обработки и оценки информации в исследуемых объектах”⁶, то есть процесс экспертного исследования, включая и оценку, полностью объективируется. Наконец, в автореферате своей докторской диссертации Р. М. Ланцман, описывая эксперименты по машинной дифференциации близких почерковых структур, заключает, что “полученные результаты с несомненностью

⁴ Шляхов А. Р. Перспективы использования достижений кибернетики в деятельности юридических учреждений. — В кн.: Вопросы кибернетики и право. М., 1967, с. 15.

⁵ Ланцман Р. М. Кибернетика и криминалистическая экспертиза почерка. М., 1968, с. 86.

⁶ Ланцман Р. М. Некоторые стороны оценки вывода эксперта-криминалиста, использующего результаты работы электронно-вычислительных машин. — В кн.: Криминалистика на службе следствия. Вильнюс, 1967, сс. 65-66.

свидетельствуют о том, что машина проводит дифференциацию близких почерковых структур значительно лучше экспертов. Следует также иметь в виду, что по большей части представленных экспериментальных дифференционно-идентификационных задач эксперты, высказывая свои соображения об исполнителе, сообщили, что если бы речь шла о конкретной экспертной практике, то последовал бы отказ от решения вопроса в связи с невозможностью провести четкую дифференциацию образцов почерка из-за имеющего место искусного подражания”⁷.

Дальнейшее развитие информационных технологий, создание систем гибридного и искусственного интеллекта показало, что как единое целое проблема противопоставления человека и ЭВМ (компьютерных интеллектуальных систем) является надуманной и распадается на многочисленные подчиненные проблемы. Лидирующее положение эксперта в первую очередь связано с его неформальным знанием. В связи с этим остановимся на некоторых аспектах сопоставления человека и компьютерных интеллектуальных систем.

1. Человек — это целеполагающий субъект, в то же время в вопросах определения целей компьютерная интеллектуальная система вряд ли заменит человека в обозримом будущем.
2. Человек, пользуясь методами системного анализа, из глобальных целей выделяет подцели и ставит конкретные задачи. Современные системы искусственного интеллекта в ряде случаев могут разрабатывать дерево целей при детально формализованной глобальной цели.
3. Человек разрабатывает методы решения конкретных задач. Эксплуатация компьютерных интеллектуальных систем при правильно поставленной задаче позволяет разрешать некоторые из них в автоматическом режиме, а также в ряде случаев автоматизировать разработку необходимого для этого инструментария.
4. Человек, используя указанные выше методы, обрабатывает конкретные данные, приходит к конкретным выводам и способен их оценить. Компьютерная система также может применять данные методы для решения вопроса. Однако, поскольку критерии оценки обычно очень плохо формализованы, а кроме того, являются внешними по отно-

⁷ *Ланцман Р. М.* Использование возможностей кибернетики в криминалистической экспертизе и некоторые проблемы уголовно-судебного доказывания. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1970, с. 25.

шению к задаче, оценка выводов для компьютерных систем представляет особенно трудную проблему⁸.

В этой связи уместно отметить, что в контексте общей теории принятия решений при рассмотрении интерактивной деятельности человека и ЭВМ принято полагать принятие конкретного решения и его оценку прерогативой человека, несущего ответственность за это конкретное решение и его последствия. Кроме того, принимая решение, человек не всегда может в явном виде эксплицировать, выделить и формализовать мотивы, по которым он это делает⁹. На долю же компьютера остается техническая поддержка принимаемых решений, формирование и оценка множества альтернатив, отбраковка заведомо непригодных решений (например, по соображениям недостаточности ресурсов или заведомо низким критериальным оценкам) и тому подобные рутинные операции.

Таким образом, итогом дискуссии явился вывод, что человек и системы искусственного интеллекта должны не взаимно исключать, но взаимно дополнять друг друга. Человек ставит глобальную цель, формулирует проблемы и варианты решения, определяет общие направления действий с помощью компьютерных систем, а интеллектуальные системы позволяют исключить или сократить до минимума субъективные ошибки человека, облегчить выполнение рутинных, не творческих операций.

В настоящее время мы переживаем второй этап информатизации судебной экспертизы, когда интеграция в нее новых информационных технологий идет по нескольким магистральным направлениям, при развитии каждого из которых возникают свои специфические проблемы. Эти проблемы носят прежде всего технологический характер и не могли быть решены на первом этапе из-за недостаточного развития средств вычислительной техники. Рассмотрим эти направления.

Прежде всего компьютерная техника используется для автоматизации **сбора и обработки экспериментальных данных**, получаемых в ходе физико-химических, почвоведческих, биологических и других ис-

⁸ Рассматривая деятельность систем искусственного интеллекта в семиотическом смысле, можно показать, что оценка полученных результатов выходит за рамки синтаксиса и семантики и относится скорее к сфере прагматики, внешней по отношению к деятельности и системы, поэтому ее трудно реализовать в рамках самой системы, хотя она в принципе может осуществляться системой более высокого уровня.

⁹ См., например, **Попов Э. В.** Экспертные системы: решение неформализованных задач в диалоге с ЭВМ. М., 1987; **Макаров И. М.** и др. Теория выбора и принятия решений. М., 1982.

следований методами хроматографии, масс-спектрометрии, ультрафиолетовой, инфракрасной спектроскопии, рентгеноспектрального, рентгеноструктурного, атомного спектрального и других видов анализа¹⁰. Такое оборудование в большинстве случаев представляет собой измерительно-вычислительные комплексы, смонтированные на базе приборов и ПК, что позволяет не только освободить эксперта от утомительной рутинной работы, сократить время анализов, повысить их точность и достоверность, что особенно необходимо в количественных исследованиях, но и расширить возможности методов. Если раньше результаты экспериментальных анализов фиксировались самописцами на диаграммной ленте, то сейчас вся информация поступает непосредственно в ПК, далее происходит обсчет спектрограммы, определение координат пиков, вычисление их площадей, разделение пиков, которые наложились друг на друга, и пр. Для анализа используются так называемые внутренние технологические банки данных, которые содержат либо наборы специфических физико-химических параметров, характеризующих вещества и материалы, либо спектрограммы объектов, записанные на магнитных носителях.

Одним из условий интенсификации процесса экспертного исследования, повышения его результативности является своевременное и полное обеспечение эксперта необходимой справочной информацией, поэтому вторым направлением внедрения компьютерных технологий в экспертную деятельность является информационное обеспечение экспертных исследований, под которым мы понимаем **создание банков данных и автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС)** по конкретным объектам экспертизы, которые функциони-

¹⁰ См.: **Соколов М. Е.** Использование жидкостного хроматографа с автоматизированной системой обработки информации "Милихром-1" в анализе наркотиков кустарного изготовления. — *Экспертная практика*, 1992, № 32, сс. 53-54; **Даллакян П. Б.** Применение программного комплекса "ГАЗХРОМ" при исследовании материалов, веществ и изделий хроматографическими методами. — В кн.: *Использование математических методов и ЭВМ в экспертной практике*. Сб. трудов ВНИИСЭ МЮ СССР. М., 1989; **Аграфенин А. В.** Определение дистанции выстрела из огнестрельного оружия методом эмиссионного спектрального анализа с помощью многоканальных оптических регистраторов на линейных приборах с зарядовой связью. — *Экспертная практика*, 1993, № 36, сс. 34-37; **Россинская Е. Р.** Автоматизация рентгенофазового анализа минерального состава бумаги на основе пакета прикладных программ "РЕНТГЕН-ЭКС". — *Экспертная практика и новые методы исследования*, № 2, М., 1991; **Воскерчян Г. П., Купцов А. Х.** Опыт использования микропроцессорной техники и ЭВМ при проведении физико-химических исследований. — В кн.: *Использование математических методов и ЭВМ в экспертной практике*. Сб. трудов ВНИИСЭ МЮ СССР, 1989.

руют, в основном, на базе ПК и используют возможности компьютера по накоплению, обработке и выдаче в соответствии с запросами больших массивов информации¹¹. Помимо этого направления, Л. Г. Эджубов выделяет еще одно, также связанное с информационным обеспечением судебной экспертизы, посвященное информационному обеспечению различного рода управленческой, научной, дидактической деятельности¹².

В настоящее время созданы и функционируют, например, следующие АИПС и базы данных по конкретным объектам судебной экспертизы:¹³

- ◆ “Металлы” — сведения о металлах и сплавах;
- ◆ “Фарные рассеиватели”;
- ◆ “Марка” — характеристики автоэмалей;
- ◆ “Волокно” — признаки текстильных волокон;
- ◆ “Истевол” — сведения о красителях для текстильных волокон;
- ◆ “Бумага” — для установления вида бумаги, ее назначения, предприятия-изготовителя;
- ◆ “Помада” — сведения о составах различных губных помад, включая номер тона и фабрику-изготовитель;
- ◆ “ТоксЛаб” — сведения о наркотических, лекарственных соединениях и их метаболитах;
- ◆ “Модели оружия” — описания огнестрельного оружия промышленного производства и т. д.

Все эти АИПС создаются либо непосредственно в судебно-экспертных учреждениях, либо в рамках “большой науки” и приспособляются к нуждам судебной экспертизы¹⁴.

¹¹ *Россинская Е. Р.* Использование ЭВМ для оптимизации формы и содержания заключения эксперта. — В кн.: Вопросы теории криминалистики и экспертно-криминалистические проблемы. Сб. трудов ВНИИ МВД СССР, М., 1990.

¹² *Эджубов Л. Г.* Основные направления использования компьютерных технологий. — В кн.: Материалы Международной конф. “Автоматизация правоохранительных систем”, М., 1993.

¹³ См., например: Использование математических методов и ЭВМ в экспертной практике. Сб. трудов ВНИИСЭ МЮ СССР, М., 1989; *Карабач М. Л., Карпихина Е. С.* Применение ИПС “МАРКА” для решения классификационных задач при исследовании автоэмалей. — Использование математических методов и ЭВМ в экспертной практике. — Там же; *Даллакян П. Б.* и др. Классификатор морфологических признаков и база данных отечественных и зарубежных лекарственных препаратов. — Материалы Международного симп. “Актуальные проблемы криминалистических исследований и использование их результатов в практике борьбы с преступностью”. М., 1994.

¹⁴ *Россинская Е. Р.* Рентгеноструктурный анализ в криминалистике и судебной экспертизе. Киев, 1992.

Названные АИПС могут работать отдельно и совместно с измерительно-вычислительными комплексами. Когда процесс исследования регистрируется ПК, полученные первоначальные результаты автоматически обрабатываются с применением внутренних технологических банков данных и далее запускается АИПС с целью решения конкретной экспертной задачи. Например, банк данных "Помада" в сочетании с пакетом прикладных программ "РЕНТГЕН-ЭКС", предназначенным для сбора и обработки дифрактометрических данных, позволил за три недели произвести исследование 13 000 пеналов губной помады, выделить в этой партии несколько групп: изготовленные на фабрике "Рассвет", кустарно, но с соблюдением технологии и без соблюдения рецептур, а также установить, что в последнюю группу вместо пигментов добавлялись крем для обуви и мастика для пола¹⁵.

Для решения вопросов взрыво-технической экспертизы разработаны информационно-поисковые системы по взрывчатым веществам гражданского и военного назначения (более 100 наименований), порохам и пиротехническим составам, промышленным средствам взрыва, боеприпасам¹⁶. Данные системы позволяют быстро определить состав, марку или группу взрывчатых веществ по одному или нескольким показателям, полученным в результате физико-химического анализа, дают эксперту возможность установить полный перечень свойств как взрывчатого вещества, так и его компонентов, вид (марку) средства взрыва или боеприпаса.

В Российском Федеральном центре судебной экспертизы созданы банки данных "Модель оружия — гильзы", "Модель оружия — пули" и "Патроны — пули", содержащие информацию о более чем 1000 моделей огнестрельного оружия отечественного и зарубежного производства¹⁷. Для решения поисковых задач по заданным параметрам в указанных банках данных разработаны программы "Установление модели оружия по следам на стреляных гильзах патрона 5.6 мм кольцевого воспламенения", "Определение модели оружия по следам на выстреленной пуле", "Идентификация нарезного оружия по следам на выстреленной пуле".

¹⁵ Кошелева Л. И., Россинская Е. Р. Экспертное исследование губных помад. М., 1990.

¹⁶ Кондратьев В. В. Возможности автоматизации решения задач по взрыво-технической экспертизе. — Труды Международной конф. "Информатизация правоохранительных систем". М., 1993.

¹⁷ Горбачев И. В. и др. Автоматизированная система информационного обеспечения судебно-баллистической экспертизы "БАЛЭКС". — Труды Международной конф. "Информатизация правоохранительных систем". М., 1994, с. 114.

Широкое применение в экспертной практике находят банки данных, имеющиеся в смежных областях науки и техники, адаптированные для решения задач судебной экспертизы, например, система, организованная на основе комплекса программ «БИРСИ» фирмы «БРУКЕР» (Германия) и библиотеки из 5000 ИК-спектров¹⁸ и многие другие.

Третье направление — это **системы анализа изображений**, которые позволяют осуществлять диагностические и идентификационные исследования, например, почерковедческие (сравнение подписей), дактилоскопические (сравнение следов рук между собой и следа с отпечатком на дактилокарте), трасологические (например, по следу обуви установить ее внешний вид), баллистические, портретные (реконструкция лица по черепу или фотосовмещение изображения черепа и фотографии), составление композиционных портретов («Фоторобот») и другие. Некоторые из этих систем используются и для целей криминалистической регистрации («Узор», «Папилон»)¹⁹.

В течение последних двадцати лет основные усилия по использованию вычислительной техники в экспертных исследованиях были направлены именно на развитие этого направления. Однако оно оказалось одним из наиболее сложных. Ниже мы остановимся на проблемах компьютеризации анализа изображений.

Четвертым направлением использования информационных технологий в экспертизах и исследованиях являются программные комплексы либо отдельные **программы выполнения вспомогательных расчетов по известным формулам и алгоритмам**, которые необходимы, в первую очередь, в инженерно-технических экспертизах, например, для моделирования условий пожара²⁰ или взрыва²¹ в целях расчета коли-

¹⁸ Воскерчян Г. П., Купцов А. Х. Указ. работа.

¹⁹ См., например: **Собко Г. М.** Основы применения математических методов в судебно-почерковедческой экспертизе. М., 1980; **Орлова В. Ф., Сахарова Е. Г.** Применение математических методов и ЭВМ — основные задачи автоматизации в судебно-почерковедческой экспертизе. В кн.: Использование математических методов и ЭВМ в экспертной практике. Сб. трудов ВНИИСЭ МЮ СССР, М., 1989; Теоретические и методические основы судебно-баллистической экспертизы. М., 1984; **Викарук А. Я.** Основные направления применения математических методов и ЭВМ в некоторых родах судебной экспертизы. — Труды ВНИИСЭ, М., 1987; **Россинская Е. Р.** Криминалистическая регистрация. Курс лекций по криминалистике ЮИ МВД РФ, вып. 5. М., 1996.

²⁰ **Зернов С. И.** Расчетные оценки при решении задач пожарно-технической экспертизы. М., 1972.

²¹ **Кондратьев В. В.** Указ. работа.

чественных характеристик процессов их возникновения и развития, когда физическое моделирование невозможно, а математическое — сопряжено со сложными трудоемкими расчетами.

Большое количество вспомогательных расчетов необходимо производить в автотехнических, электротехнических, технологических экспертизах. В качестве примера использования расчетных систем в электротехнической экспертизе можно указать систему «РАДИАНТ», позволяющую осуществлять математическое моделирование аварийных режимов в электрических цепях²².

Специализированные пакеты прикладных программ созданы для расчетов при производстве экономических и бухгалтерских экспертиз, некоторых видов традиционных криминалистических экспертиз. Так, для решения расчетных задач судебно-баллистической экспертизы разработан программный комплекс «Отнесение самодельного устройства к огнестрельному оружию»²³. С учетом конструкции устройства производится расчет массы, скорости снаряда, количества пороха, удельной кинетической энергии, давления пороховых газов при выстреле и делается предварительный вывод о возможности производства выстрела из данного устройства. При необходимости программа обращается к банку данных о характеристиках ряда промышленных патронов.

Пятым направлением информатизации экспертиз и исследований является разработка **программных комплексов автоматизированного решения экспертных задач**, включающих, помимо четырех указанных выше позиций, еще и подготовку самого экспертного заключения.

При существующем порядке производства судебных экспертиз, который сохраняется без изменения на протяжении многих лет, выполнение экспертизы и составление экспертного заключения является весьма трудоемким процессом, особенно в случаях комплексных многообъектных экспертиз, и требует больших трудозатрат. В то же время экспертная нагрузка постоянно растет, что сказывается отрицательно на качестве экспертных заключений. Экспертные ошибки субъективного характера, возникающие при этом, связаны с профессиональной некомпетентностью эксперта, заключающейся в недостаточном владении современными методиками и некорректностью изложения. Существенно улучшают положение дел **специализированные системы поддержки судебной экспертизы** (СПСЭ). При посредстве систем такого рода

²² **Ростовцев А. В., Зернов С. И.** Система «РАДИАНТ». — Пожарное дело, 1993, № 11-12.

²³ **Горбачев И. В.** и др. Указ. работа.

эксперт получает возможность правильно описать, классифицировать и исследовать представленные на экспертизу вещественные доказательства, определить стратегию производства экспертизы, грамотно провести необходимые исследования в соответствии с рекомендованными методиками, подготовить и сформулировать экспертное заключение.

Освобождая эксперта от рутинной работы, СПСЭ экономят его время и силы, концентрируют внимание на интеллектуальных аспектах экспертизы. Иллюстрацией к сказанному выше может послужить производство судебных экспертиз кабельных изделий, изъятых с мест пожаров. Эти экспертизы обычно многообъектны, они требуют комплексного исследования с применением различных общеэкспертных методов. Разработанная нами СПСЭ **“ЭВРИКА”** (Экспертиза и Выдача Результатов Исследования КАбелей) представляет собой автоматизированное рабочее место эксперта для выполнения экспертиз и исследований кабельных изделий со следами оплавления.

Система функционирует следующим образом. В процессе экспертного осмотра производится описание объектов исследования и выявленных морфологических признаков в диалоговом режиме путем выбора по меню; наряду с выбором, обеспечивается ввод фрагментов текста. Аналогично производится ввод аппаратурных характеристик и условий проведения исследований. По завершении каждого этапа значимые признаки выдаются пользователю на экран для формулирования (также выбором из меню) окончательных или промежуточных выводов. Система обеспечивает строгое выполнение требований методики с точки зрения полноты и качества исследования. Выбор методов исследования производится автоматически в зависимости от объектов. Система позволяет постоянно просматривать формируемый текст заключения. По окончании диалога полный текст заключения записывается в текстовый файл и выдается на экран монитора или на принтер.

Аналогично построены и другие интерактивные системы гибридного интеллекта, такие как **“КОРТИК”** — в экспертизе холодного оружия, **“БАЛЭКС”** — в баллистике, **“НАРКОЭКС”** — в исследовании наркотических веществ и многие другие²⁴. Во всех этих системах действует единый принцип: эксперт отвечает на вопросы, задаваемые ему компьюте-

²⁴ См.: Криминалистическая экспертиза: возникновение, становление и тенденции развития. М., 1994; **Белкин А. Р., Россинская Е. Р.** Компьютерные системы поддержки принятия решений в криминалистике и судебной экспертизе (KBS in Criminology and Forensic Expertise). — В кн.: Материалы Европейского Конгресса по искусственному интеллекту и представлению знаний (Kennistechnologie'93). Амстердам, 1993 (на англ. языке).

ром. Если некоторые признаки могут быть оценены количественно в автоматическом режиме, методика позволяет на этом основании решить данный промежуточный вопрос категорически и перейти к следующему этапу. Если же ответ не является однозначным, криминалистически значимые признаки выводятся на экран и решение принимает эксперт на основании своего внутреннего убеждения. Окончательные выводы эксперта перед печатью заключения выводятся на экран.

Нами разработан базовый программный модуль “АТЭКС”, на основе которого можно легко продуцировать подобные системы, наполняя их конкретным содержанием в зависимости от используемой экспертной методики²⁵. Применение указанного модуля обеспечивает устранение наиболее распространенных экспертных ошибок субъективного характера и в то же время резкое сокращение времени, необходимого для подготовки экспертного заключения. При этом эксперту для непосредственного обращения с ЭВМ не требуется никакой специальной подготовки, поскольку вся необходимая информация (детально разработанная функция подсказок) содержится в самой системе.

Все вышеперечисленные системы используются при конструировании компьютеризованных рабочих мест экспертов различных профилей.

3.2. Возможные варианты решения проблем

Как мы уже указывали выше, вместо обсуждавшейся ранее проблемы “человек или машина” возник целый ряд проблем.

Наиболее благополучно дело обстоит в области автоматизации сбора и обработки экспериментальных данных, то есть создания и использования измерительно-вычислительных комплексов, а также баз данных по объектам судебной экспертизы. Если раньше приходилось осуществлять стыковку измерительной аппаратуры и ПК в экспертных учреждениях и осуществлять разработку программного обеспечения из-за того, что необходимые измерительно-вычислительные комплексы не производились, то теперь ситуация меняется. Большинство приборов и лабораторных установок комплектуются ПК и необходимыми компьютерными системами еще в заводских условиях. Для формирования баз данных применяются универсальные системы управления базами дан-

²⁵ *Россинская Е. Р.* Оптимизация формы и содержания заключения эксперта на основе базового программного модуля “АТЭКС”. М., 1990.

ных (СУБД) типа “Clipper”, “Paradox”, “FoxPro” и др. или созданные на их основе системы.

Возникающие проблемы связаны, в первую очередь, не с научно-методическими, а с организационными трудностями, как-то: отсутствием четкой программы по компьютеризации всех классов судебных экспертиз, явной недостаточностью финансирования, отсутствием подготовленных кадров и многим другим. Нельзя сказать, что организационные вопросы не решаются. И в ЭКЦ МВД РФ, и в РФЦСЭ при МЮ РФ имеются лаборатории, ответственные за автоматизацию судебно-экспертной деятельности, однако их усилий явно недостаточно при лавинообразном повсеместном внедрении компьютерной техники. К тому же, основное финансирование этих исследований осуществляется не в центре, а на местах. Поэтому региональные экспертные учреждения часто сами выступают инициаторами разработки компьютерных систем и оплачивают эту работу из своих средств. Отсюда разнородность в существующих компьютерных системах, их дублирование и нестыковки между ними.

Определенную дезорганизующую лепту сюда вносит также быстрая смена вычислительной техники и совершенствование языков программирования, поскольку появление компьютеров с большими возможностями, новых, более совершенных языков программирования приводит к переписыванию программ. В результате часто приходится переделывать заново целиком всю систему или создавать новое компьютерное обеспечение для измерительно-вычислительного комплекса. Эта нестабильность создает, как указывает Л. Г. Эджубов, опасную иллюзию продвижения вперед в научных исследованиях. Программисты из года в год регулярно выдают новую продукцию, но по существу, происходит переписывание решения одной и той же задачи²⁶. Однако данный программистский уклон переломить трудно, поскольку бурное развитие информационных технологий оказало сильное влияние на психологию программистов, а через них и на многих пользователей. Часто совершенствование программного обеспечения превращается у них в самоцель, усовершенствование ради самого усовершенствования и сводится к переделке АИПС, которые и без этого прекрасно выполняли свои задачи. Как правильно отмечает Л. Г. Эджубов, “беда... заключается не в

²⁶ Эджубов Л. Г. Достижения и просчеты использования математических методов и ЭВМ в судебной экспертизе. — В кн.: Проблемы совершенствования судебных экспертиз. Сб. трудов ВНИИСЭ, М., 1994.

самих изменениях,... а в том, что не выработана четкая стратегия, учитывающая данный дестабилизирующий фактор”²⁷.

Решение указанных проблем лежит в плоскости создания единой межведомственной программы по компьютеризации судебно-экспертной деятельности, координирующей не только работу федеральных экспертных учреждений в этой области, но и деятельность всех разработчиков компьютерных систем для судебной экспертизы на местах. Выполнение программы должно обеспечить совместимость таких систем и возможности их функционирования в рамках компьютеризированного рабочего места эксперта, эксплуатацию в рамках единой сети экспертного учреждения (учреждений), а также учитывать дальнейшее совершенствование компьютерной техники, языков программирования, систем управления базами данных.

Другая группа проблем возникает при использовании математических и статистических методов для анализа изображений, особенно в идентификационных исследованиях. Эйфория, наблюдавшаяся пятнадцать-двадцать лет назад по поводу успехов математизации судебной экспертизы, возможностей автоматизации процессов идентификации, явно пошла на спад. Мы полностью согласны с Л. Г. Эджубовым, что “первоначальные прогнозы о возможности решения наиболее сложных и актуальных задач судебной экспертизы с помощью математических методов в некоторой степени не оправдались”. Эджубов объясняет это несколькими причинами в числе которых он называет использование **индуктивных построений** при решении многих идентификационных задач. Поскольку индуктивные выводы, хотя и являются строго детерминированными, все же носят вероятный характер (основаны на ограниченном числе наблюдений), постольку они могут быть оспорены. Примером является дискуссия вокруг количественной методики установления факта контактного взаимодействия преступника и жертвы по волокнам на их одежде, которая позволила повысить достоверность экспертиз, выполнявшихся ранее только на качественном уровне. Количественная методика была широко распространена в экспертных учреждениях, однако через несколько лет в построениях математика были обнаружены неточности. Замечания сводились к тому, что для конкретного использования данного количественного метода необходимо определить вероятности случайного появления всех существующих видов

²⁷ Там же.

волокон на всех видах одежды. Формально это безусловно верно, но фактически невозможно.

Другой причиной является тот факт, что большинство объектов экспертизы являются системами диффузного характера, в которых приходится учитывать множество разнородных факторов, явлений и процессов. Изучение таких систем производится с использованием моделей, что снижает требования, предъявляемые к математическому описанию, приводит к тому, что, как указывает В. В. Налимов, «математический язык, однозначный по своей природе, стал применяться в многозначном смысле»²⁸. Поэтому многое при оценке результатов использования количественных методик зависит не от объективных факторов, а от теоретической позиции того или иного специалиста, допущений, которые он считает приемлемыми, его вкусовых пристрастий²⁹.

Существует и ряд других причин, среди которых можно выделить трудности и субъективизм в определении пороговых значений количественных характеристик, которые позволяют сделать категорический вывод о тождестве, и некоторые причины субъективного характера, о которых скажем ниже.

Все указанные выше причины привели к тому, что начавшаяся с наиболее трудного участка (автоматизации идентификационных исследований) компьютеризация судебной экспертизы перешла сейчас в несколько иное русло. На передний план выдвинуты проблемы создания не экспертных систем, полностью заменяющих человека, а интерактивных систем гибридного интеллекта — составных частей компьютеризированного рабочего места эксперта. Мы не видим никакой трагедии в том, что на некоторое время автоматизированные количественные методики отошли в тень, поскольку им ранее уделялось неоправданно большое внимание. Едва ли можно согласиться с Л. Г. Эджубовым, когда он упрекает разработчиков в «увлечении более результативными и простыми разработками», утверждает, что автоматизированные (мы называем их компьютеризованные) рабочие места «превратили в вершину научного исследования по применению компьютеров», хотя он и отдает им должное. Представляется, что для практики производства судебных экспертиз развитие этого направления сейчас гораздо важнее. Видимо, это явление на данном этапе компьютеризации объективно обуслов-

²⁸ **Налимов В. В.** Влияние идей кибернетики и математической статистики на методологию научных исследований. — В кн.: Методологические проблемы кибернетики. Материалы Всесоюз. конф. Т. 1. М., 1970.

²⁹ **Эджубов Л. Г.** Указ. работа.

ленно и связано с признанием лидирующего положения эксперта, приоритетом его неформальных знаний.

В дальнейшем именно развитие и совершенствование СПСЭ позволит, постепенно накапливая информацию, перейти к базам знаний и системам искусственного интеллекта. Хотя многие считают разработку вышеуказанных систем простой задачей, здесь имеется достаточно своих проблем. Именно создание интерактивных систем, когда производится формализация методики, попытки оценить количественно значимость различных признаков, обнажили множество недостатков и разночтений в методиках, над которыми эксперты, а часто и разработчики методик, даже не задумывались. Выяснилось, что многие методики невозможно формализовать из-за их неконкретности, расплывчатости оценок, внутренней противоречивости, хотя математический аппарат для поддержания диалога очень прост³⁰. Таким образом, вполне закономерно на передний план выдвинулась задача ревизии методик, устранения расхождений в разработках различных ведомств и выработки и утверждения унифицированных единых методик для использования во всех экспертных учреждениях. Эта работа уже начата в рамках межведомственного совета по судебной экспертизе. Представляется, что в дальнейшем интерактивные СПСЭ должны создаваться только на основе методик, прошедших эту процедуру.

Остановимся далее на проблемах объективного и субъективного характера, связанных с подготовкой пользователей для работы с компьютерными системами. Замена больших и средних ЭВМ персональными компьютерами привела к устранению операторов практически из всех сфер экспертных исследований. Диалог человека с компьютером поддерживается на естественном языке, интерфейсы современных программных продуктов для ПК настолько дружелюбные, что эксперт общается с компьютером напрямую без посредников. Поэтому использование ПК практически снимает проблему участия оператора в производстве экспертиз, которая усиленно дебатировалась в криминалистике два десятилетия назад³¹. В тех случаях, когда оператор все же

³⁰ *Россинская Е. Р.* Оптимизация формы и содержания заключения эксперта на основе базового программного модуля "АТЭКС". М., 1990.

³¹ См., например: *Ароцкер Л. Е.* Организационные и процессуальные вопросы использования электронно-вычислительных машин в экспертной практике. — Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 6. Киев, 1969, с. 189; *Игнатьева Я. Ю.* Некоторые процессуальные вопросы использования ЭВМ в судебно-почерковедческой экспертизе. — В кн.: Экспертиза при расследовании преступлений, вып. 9. Вильнюс, 1971, с. 41; *Соколовский З. М.* Об участниках проведения экспертных исследований. — Криминалистика и судебная экспертиза, см. след. стр.

участвует во вводе данных в компьютер, его можно уподобить лаборанту, готовящему пробу для химического анализа или фотолаборанту, выполняющему под руководством эксперта техническую работу.

Опыт системы «Автоэкс», когда на входе вводятся данные, решение типовых вопросов полностью автоматизировано, а на выходе печатается заключение, показал, что это приемлемо только для решения стандартных задач и, строго говоря, экспертизой не является, поскольку «экспертиза — специальное исследование, проводимое для установления определенных фактов следователем или судом через сведущее лицо (эксперта), являющееся специалистом в данной отрасли знания»³². При этом отмечается, что характерной особенностью заключения эксперта является то, что он на основании своих специальных знаний объясняет значение установленных им фактов, подводя их под так называемые общие опытные суждения. Отсюда следует, что там, где нет общих опытных суждений, нет и заключения эксперта как особого доказательства. По мнению С. Ф. Бычковой, результатом проведения стандартного исследования по стандартной технологии, основанной на использовании программных средств, должно быть заключение от имени судебно-экспертного учреждения, выступающего как юридическое лицо³³. С ней солидарен и А. В. Ростовцев, утверждающий, что при выполнении экспертного исследования с высокой степенью автоматизации, когда используется стандартная унифицированная методика и на стандартный вопрос дается стандартный ответ, отпадают за ненадобностью такие функции человеческого участия, как применение специальных познаний, оценка результатов проведенного исследования на основе внутреннего убеждения эксперта. Задача эксперта (оператора) сводится только к вводу в компьютер исходных данных, проверке и под-

вып. 11, Киев, 1975, с. 150; **Ланцман Р. М.** Использование возможностей кибернетики в криминалистической экспертизе и некоторые проблемы уголовно-судебного доказывания. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1970, с. 19; **Компаниец А. М.** Применение электронно-вычислительных машин в почерковедении. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1975, сс. 16-17; **Компаниец А. М.** О процессуальном положении посредников между экспертом и ЭВМ. — Криминалистика и суд. экспертиза, вып. 10. Киев, 1973, с. 175.

³² Юридический словарь. М., 1973.

³³ **Бычкова С. Ф.** Современные направления развития института судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Минск. 1995. сс. 15-16.

писанию документа, поэтому происходит вырождение экспертизы в процессуальном смысле этого понятия³⁴.

Если двадцать лет назад дебатировался вопрос о принципиальной возможности для каждого эксперта работать на ЭВМ, то теперь, когда этому учат в средней общеобразовательной школе, проблема перешла в другую практическую плоскость, поскольку уровень преподавания информатики (хотя это теперь обязательный предмет во всех высших учебных заведениях) пока еще, к сожалению, весьма низок. Поэтому на стадии первоначальной подготовки эксперт должен овладеть основными навыками работы с ПК в пользовательском режиме (что теперь входит в программу средней общеобразовательной школы) и изучить существующие компьютерные системы по направлению, в котором он специализируется.

Следует заметить, что многие СПСЭ содержат специальные обучающие блоки-тренажеры, которые позволяют овладевать одновременно и методикой, и ПК. В этой связи, как нам представляется, неправ Л. Г. Эджубов, полагающий, что поверхностное отношение экспертов к труду объясняется условиями “облегченной” работы на ПК³⁵. Такая точка зрения часто возникает при внедрении любой новой техники. На самом деле, избавление эксперта от рутинных операций позволяет ему сосредоточиться на творческой части работы. Что касается нерадивого исполнителя, то и выполненное в “ручном” режиме его заключение будет низкого качества. Интересно, что как раз эта категория экспертов обычно противится внедрению СПСЭ, поскольку при выполнении экспертиз на ПК руководителю экспертного учреждения значительно легче контролировать их работу. У последних нет тогда возможности преувеличить объем работы и собственную занятость.

Таким образом, работа на компьютеризованном рабочем месте эксперта, включающем системы сбора и обработки экспериментальных данных, интегрированные базы данных по объектам экспертизы, программы расчетов по известным формулам и алгоритмам, как правило, не требует участия оператора ЭВМ или специалиста-программиста, и в этом как раз специфика такого рабочего места. При использовании компьютерных программ, решающих идентификационные задачи на основании количественных оценок, если эксперт детально представляет себе математический аппарат решения данного вопроса и согласен с

³⁴ **Ростовцев А. В.** Правовые, организационные и методические вопросы использования ЭВМ при производстве судебных физических и химических экспертиз. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1995.

³⁵ **Эджубов Л. Г.** Указ. работа.

критериями, используемыми для количественной оценки признаков (пусть даже не им предложены эти критерии), он может отвечать за экспертные выводы единолично. Программист в этом случае выступает в роли одного из разработчиков методики.

Если же эксперт воспринимает компьютерную систему как “черный” ящик, он фактически отстраняется от оценки результатов экспертизы, выполненных с помощью ЭВМ, и вправе поэтому либо дать условный вывод, либо ограничиться ответами на вопросы, разрешенные им лично без помощи компьютера. Комплексными, по нашему мнению, такие экспертизы быть никак не могут даже тогда, когда компьютерная программа составляется специально для данной экспертизы, поскольку эксперт здесь только один, а программист осуществляет создание программы по предложенному ему экспертом алгоритму. Однако, если алгоритм решения конкретной задачи составляется совместно экспертом и математиком (не путать с программистом!), такая экспертиза может обладать всеми чертами комплексной.

4. ПРОБЛЕМА ОДОРОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА

4.1. Возникновение проблемы

Использование следов запаха в целях обнаружения и преследования преступников, поиска похищенного имущества, установления принадлежности предметов определенному лицу издавна было одним из эффективных средств розыска. Многолетняя практика применения служебно-розыскных собак как для работы по следу, так и для выборки многократно доказывала достоверность результатов использования этого живого анализатора запахов, его непревзойденную разрешающую способность и способность действовать в узком спектре запахов. По сложившейся традиции применение служебно-розыскных собак рассматривалось как оперативно-розыскное мероприятие, в силу чего результатам такого применения не придавалось доказательственного значения. В известной степени этому способствовала и существовавшая тактика использования собак, определявшаяся факторами, влияющими на сохранность следов запаха. В силу их недолговечности и нестойкости годными для розыскных целей оказывались лишь свежие следы, применение собаки по времени ограничивалось лишь самым начальным этапом раскрытия преступления, обычно периодом осмотра места происшествия или преследования скрывающегося преступника. Всякое промедление в работе со следами запаха было чревато неправыми последствиями.

В 1965 г. группа криминалистов в составе А. Винберга, В. Безрукова, М. Майорова и Р. Тодорова предложила способ консервации и последующего использования запахов, который был назван криминалистической одорологией или одорологическим методом¹.

Суть их предложения сводилась к следующему.

¹ *Безруков В., Винберг А., Майоров М., Тодоров Р.* Новое в криминалистике. — Соц. законность, 1965, № 10.

С помощью несложных приспособлений воздух со следами запаха консервируется и сохраняется до того момента, когда тактически целесообразным окажется применение по запаховым следам служебно-розыскной собаки. «Когда в руках у следственного работника имеется какое-то вещественное доказательство — орудие преступления, предметы и прочее, тогда запах отбирать незачем, — писал А. И. Винберг. — Можно просто этот предмет положить в полиэтиленовый или хлорвиниловый мешочек (мы действовали всегда с полиэтиленовыми мешочками) и герметически этот мешочек закрыть, чтобы воздух с молекулами запаха не рассеивался. Затем этот предмет можно предъявлять собаке для выборки в любое время, даже через полтора года. Когда же объекты таковы, что их с места происшествия изъять невозможно, тогда с них при помощи шприца отсасывается воздух с молекулами запаха и перегоняется в герметически закрывающиеся флаги, хранимые до момента, когда возникает необходимость их использовать»².

Тактическое значение одорологического метода заключалось в том, что практически стало возможным применение собаки по законсервированным запаховым следам в любое время.

Оперативно-розыскная практика быстро оценила достоинства одорологического метода. Многие фирмы, выпускающие наборы инструментов и приспособлений для работы со следами на месте происшествия, включили в эти комплекты емкости для хранения отобранных следов запаха и предметов с такими следами (ФРГ, Дания и др.). Появились модификации одорологического метода. Так, в Венгрии и некоторых других странах запах стали отбирать путем наложения на предмет различных адсорбирующих запахов материалов, помещаемых затем в герметически закупориваемые сосуды. Запаховые пробы с мест нераскрытых преступлений стали объединять в своеобразные коллекции — «банки запахов» — в качестве нового вида криминалистического учета (Венгрия, Чехия и др.).

Проблемы одорологического метода не существовало до тех пор, пока не возник вопрос о расширении сферы его применения. Технические аспекты совершенствования этого метода не подвергались сомнению, ибо его целевое назначение оставалось традиционно оперативно-розыскным. Проблема и соответственно дискуссия по ней возникли тогда, когда были высказаны соображения об использовании результатов применения одорологического метода в доказывании.

² **Винберг А. И.** Криминалистическая одорология. — В кн: Криминалистика на службе следствия. Вильнюс, 1967, с. 8.

Идея использования результатов применения одорологического метода в доказывании основывалась на появившейся возможности осуществлять идентификацию по запаху уже не только на этапе интенсивного проведения оперативно-розыскных мероприятий в начале расследования, но практически в любой момент производства по делу. Высказанная впервые А. И. Винбергом, эта идея процессуально выражалась им следующим образом.

Воздух со следами запаха изымается при осмотре места происшествия на основании ст. 178 УПК России и в соответствии со ст. 83 УПК, включающей в перечень вещественных доказательств “все другие предметы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств дела, выявлению виновных...” Образцы запаха подозреваемого следователь получает в порядке ст. 186 УПК России. Выборку запахоносителя осуществляют соответствующие должностные лица органов внутренних дел. Результаты выборки излагаются в справке. “Данная справка, — писал А. И. Винберг, — по нашему убеждению, является разновидностью тех документов, о которых говорится в ст. 88 УПК... Ведь придается же доказательственное значение справкам уголовно-регистрационного учреждения охраны общественного порядка, когда следователь направляет, например, отобранные им образцы отпечатков пальцев заподозренного лица для получения письменной справки, числится ли данное лицо по учетным материалам, имело ли оно судимости в прошлом и т. п.”³ Справка о результатах выборки оценивается в совокупности с другими доказательствами по делу.

Дискуссия по предложению А. И. Винберга о процессуальном статусе результатов применения одорологического метода началась выступлениями М. С. Строговича и В. И. Шиканова, отвергнувших все аргументы А. И. Винберга и ограничивших сферу применения одорологии по-прежнему лишь оперативно-розыскной деятельностью. В доказательство своей правоты они привели следующие доводы:

- 1) применение собаки является оперативно-розыскной мерой процессуального характера;
- 2) поведение собаки никакого процессуального значения не имеет и судебным доказательством по делу не является, ибо уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает такого доказательства, как указание собаки-ищейки на определенное лицо или место;

³ Там же, сс. 11-17.

- 3) не существует гарантий достоверности поведения собаки при указании ею определенного лица или места;
- 4) индивидуальность и неизменяемость запаха человека никем и ничем не доказаны;
- 5) статья 88 УПК России имеет в виду документы совсем иного рода, а никак не справки о совершении непредусмотренных процессуальным законом действий, правильность которых по существу следствие и суд не могут проверить;⁴
- 6) выборка живых лиц по запаху с помощью собаки недопустима, ибо низводит человека до положения бесправного объекта исследования и связана с унижением его достоинства.⁵

Впоследствии к этим аргументам добавились указание на безнравственность привлечения для участия в выборке лиц, заведомо не причастных к преступлению, которые предъявляются собаке вместе с обвиняемым⁶, а также утверждение о том, что «пробы воздуха, изымаемые на месте происшествия согласно предложенной методике, ... не являются вещественным доказательством, так как в этом случае свойства и сами молекулы запаха не воспринимаются следователем и понятыми непосредственно и не могут быть отражены в протоколе осмотра»⁷.

Злободневность и практическая значимость обсуждаемой проблемы побудили включиться в полемику после выступления М. С. Строговича и В. И. Шиканова как криминалистов, так и процессуалистов: В. Д. Арсеньева, Г. М. Миньковского и А. А. Эйсмана, Б. Фуфыгина, А. М. Ларина, А. С. Соколова, В. Я. Дорохова, Г. А. Самойлова, М. В. Салтевского, автора этих строк и др. Хотя дискуссию еще нельзя считать завершенной, тем не менее уже сейчас достаточно отчетливо определились возможные пути решения проблемы использования запаховых следов в раскрытии и расследовании преступлений.

⁴ **Строгович М. С.** О криминалистической одорологии. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. Иркутск, 1970, сс. 122-129.

⁵ **Шиканов В.И.** К вопросу о сущности одорологического эксперимента и его месте в системе криминалистических методов. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. Иркутск, 1970, с. 147.

⁶ Проблемы судебной этики. М., 1974, с. 151.

⁷ **Шиканов В.И., Тарнаев Н. Н.** Применение служебно-розыскных собак при расследовании преступлений. Методические рекомендации для следователей органов прокуратуры и МВД. Иркутск — Чита, 1973, с. 54.

4.2. Возможные варианты решения проблемы

Проблема одорологического метода имеет, по нашему мнению, четыре аспекта: естественнонаучный и технический, процессуальный, этический и тактический. Первый из них включает в себя вопросы об индивидуальности и относительной неизменяемости запаха, о методике отбора, средствах сохранения и технических приемах использования запаховых проб или предметов со следами запаха. Второй аспект касается доказательственного значения результатов использования следов запаха. Третий непосредственно связан со вторым и четвертым и представляет собой частный случай решения вопроса о нравственных основах способов собирания доказательств. Четвертый аспект позволяет рассмотреть проблему под углом зрения обеспечения наибольшей эффективности применения одорологического метода в жестких рамках существующей процессуальной процедуры.

Естественнонаучный и технический аспект проблемы. Вопреки утверждениям противников одорологии, мы полагаем, что индивидуальность и относительная неизменяемость запаха человека относится к числу бесспорно установленных закономерностей, несмотря на отсутствие общепринятой теории запаха. Это положение подтверждено исследованиями биологов, медиков, кинологов⁸ и разделяется большинством криминалистов⁹.

⁸ Райт Р. Х. Наука о запахах. М., 1966; Крушинский Л. В. и др. Служебная собака. М., 1952; Тамбиев А. Х. Летучие вещества, запахи и их биологическое значение. М., 1974; Большая медицинская энциклопедия, изд. 2, т. 21; Моисеева Т. Ф. Возможность выявления индивидуализирующих признаков в запаховых следах человека инструментальными методами. — Экспертная практика и новые методы исследования. М., 1993; Моисеева Т. Ф., Старовойтов В. И., Сулимов К. Т. Исследование индивидуализирующих веществ в запаховых следах человека. — В кн.: Актуальные проблемы криминалистических исследований и использования их результатов в практике борьбы с преступностью. Материалы межд. симпозиума. М., 1994; и др. работы.

⁹ Криминалистическая одорология. — В кн.: Криминалистика на службе следствия. Вильнюс, 1967; Винберг А. И. Научные и правовые основания криминалистической одорологии. — Труды ВНИИСЭ, вып. 5. М., 1973; Миньковский Г. М., Эйсман А. А. Спорное и бесспорное в теории доказательств. — Соц. законность, 1971, № 11; Самойлов Г. А. Следы запаха. — Химия и жизнь, 1972, № 10; Колмаков В. П. Следственный осмотр. М., 1969.

Запаховый след человека представляет собой сложный комплекс запахов. Мы разделяем мнение А. И. Винберга, включавшего в этот комплекс:

- ◆ “1) местные запахи — запахи отдельных мест тела, обладающие определенными обонятельными признаками, а именно: область кожи, лишенная волос (подошвы ног, ладони рук), участки кожи со слабым волосяным покровом (подмышечная и лобковая области), кожа с хорошо развитым волосяным покровом (голова);
- ◆ 2) индивидуальный запах — запах человеческого тела, в который включается сумма всех отдельных местных запахов;
- ◆ 3) общий запах — запах человека в одежде, включая профессиональный запах и побочные запахи духов, мыла, зубной пасты, табака и др.

Таким образом, запаховый след человека состоит из его индивидуального запаха, различных бытовых (например, жилья), производственных и прочих запахов (запахи от находящихся у человека предметов, почвы и т. п.)¹⁰. Уже сам весьма сложный состав запахового следа обеспечивает его индивидуальность.

Поскольку индивидуальный запах человека зависит, в первую очередь, от состояния источников его выделений: потовых желез, “пахучих” и жировых желез, жизнедеятельность которых подвержена известным возрастным изменениям, — относительная неизменяемость запаха лежит в меньшем временном интервале, чем, скажем, неизменяемость признаков почерка или, разумеется, папиллярного узора. Однако продолжительность периода, в течение которого запах человека остается неизменным, как свидетельствует обширная практика, достаточен для широкого использования запаховых следов в раскрытии и расследовании преступлений¹¹.

Так обстоит дело с естественнонаучными основами одорологического метода. В техническом плане задача представляется решенной уже в настоящее время. Разработанные и успешно применяемые средства и методики отбора и хранения запаховых проб обеспечивают практически

¹⁰ **Винберг А. И.** Научные и правовые основания криминалистической одорологии, с. 198.

¹¹ Исследования, проведенные на кафедре криминалистики специального высшего учебного заведения, выявили 32 компонента, входящих в состав метаболитов человека, причем 6-7 из них являются малолетучими метаболитами, слабо изменяющимися во времени, позволяющими уверенно идентифицировать по ним человека. Средством идентификации служили хроматограммы запахов семи испытуемых, полученные со значительным разрывом во времени, превышающим обычные потребности следственной практики.

неограниченную во времени их сохранность в неизменном виде и возможность сравнения в любой момент с объектами, появляющимися в поле зрения следователя или оперативного работника. В качестве детектора используется обонятельный аппарат собаки, обладающий неизмеримо более высокой разрешающей способностью, нежели существующие приборы¹².

Рекомендованная Д. Безруковым, А. Винбергом, М. Майоровым, Р. Тодоровым методика отбора запаховых проб подверглась модификации. Из числа существующих методик нам представляется наиболее удобным и эффективным отбор следов запаха с помощью кусков специальной ткани, обладающей повышенной способностью адсорбировать запахи. Помещение этих кусков с отобраным запахом в стеклянные сосуды с притертыми пробками надежно обеспечивает сохранность следов запаха в течение любого срока и их оперативное использование в любой момент и в любом месте. Именно эту методику предпочла, как уже указывалось, практика использования одорологического метода в ряде стран.

Технический аспект проблемы выдвигает задачу разработки инструментальных методов анализа и сравнения запахов. В настоящее время эту задачу еще нельзя считать решенной, несмотря на известные успехи, полученные при использовании масс-спектрометрии, газовой и жидкостной хроматографии.

Процессуальный аспект проблемы. Центральным пунктом дискуссии по проблеме одорологического метода является вопрос о доказательственном значении результатов его применения. Противники одорологической идентификации допускают применение служебно-розыскных собак лишь в сфере оперативно-розыскной деятельности и категорически

¹² А. И. Винберг указывает, что для идентификации человека собаке требуется примерно в 100 млн. раз меньше вещества, чем необходимо для этой цели существующим приборам (Научные и правовые основания криминалистической одорологии, с. 196). М. В. Салтевский (ссылаясь на работу *Мазитова Р., Охотская В., Пучкин Б.* Обоняние и его моделирование. Новосибирск, 1965) отмечает, что "собака способна обнаружить запах масляной кислоты при наличии 9 тыс. молекул в 1 куб. см воздуха, тогда как человек реагирует на запах этой кислоты при концентрации 7 млрд. молекул в 1 куб. см воздуха. Следовательно, обоняние собаки при восприятии запаха масляной кислоты превосходит обоняние человека примерно в 800 тысяч раз. Если же животное, в частности, немецкая овчарка, подвергается специальной тренировке, то ее реакция значительно повышается: собака распознает вещество при наличии 700 молекул в 1 куб. см воздуха" (*Салтевский М. В.* Криминалистическая одорология. Киев, 1976, с. 9).

отрицают всякую возможность использования собаки как средства идентификации по запаху в сфере доказывания.

Показательными в этом отношении являются высказывания В. И. Шиканова и Н. Н. Тарнаева. «Применение служебно-розыскной собаки — оперативно-розыскное действие, — пишут они. — В этом качестве собака-ищейка — хороший, порой незаменимый помощник в розыске скрывшегося с места преступления правонарушителя или его следов. Порой она дает следствию единственную «зацепку», позволяющую размотать сложный клубок преступных хитросплетений. Особенно полезна собака-ищейка в начальный период расследования...»¹³ Но едва только речь заходит об использовании возможностей розыскной собаки в доказывании, как собака из «незаменимого помощника» превращается в «только пса, не более»¹⁴.

Оказывается, что использование собаки «для установления пути следования преступника с места преступления, а при благоприятных условиях — для его непосредственного преследования «по горячим следам», обезвреживания и задержания... для розыска орудий преступлений... для выяснения в оперативных целях принадлежности определенным лицам обнаруженных предметов («выборка» собакой предметов по запаху)»¹⁵ — все это не может иметь никакого доказательственного значения и допустимо лишь в сфере оперативно-розыскной деятельности, потому что «выборка» по запаху с помощью собаки-ищейки как следственное действие нам не известна»¹⁶.

Последний тезис приводит в качестве одного из главных аргументов и М. С. Строгович: «С юридической точки зрения вопрос решается просто: производство идентификации посредством собаки-ищейки в качестве следственного, процессуального действия является незаконным, так как уголовно-процессуальный кодекс такого следственного действия не предусматривает. Протокол, в котором фиксировалась бы сама процедура предъявления обвиняемого (подозреваемого) собаке и который подписывался бы следователем, специалистом (проводником собаки) и понятыми, не имел бы никакой юридической силы, никакого доказательственного значения, потому что при производстве предварительного

¹³ Шиканов В. И., Тарнаев Н. Н. Применение служебно-розыскных собак при расследовании преступлений, с. 28.

¹⁴ Там же, с. 42.

¹⁵ Там же, сс. 27-28.

¹⁶ Там же, с. 42.

следствия по делу протоколируются только действия, которые предусмотрены процессуальным законом”¹⁷.

Истоки подобных рассуждений следует искать, как нам представляется, в неправильном, пренебрежительном отношении к оперативно-розыскной деятельности, в которой якобы “все дозволено”. Однако цели, методы и средства оперативно-розыскной деятельности свидетельствуют о том, что принцип законности реализуется в этой деятельности не менее последовательно и неуклонно, чем в деятельности процессуальной. Как указано в Законе об оперативно-розыскной деятельности, “оперативно-розыскная деятельность основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина” (ст. 3). “Конечно, оперативно-розыскная деятельность должна строго ограничиваться от уголовно-процессуальной, но это вовсе не значит, что между ними следует воздвигать “китайскую стену”, — правильно указывал А. С. Соколов¹⁸.

К средствам, применяемым в оперативно-розыскной деятельности, предъявляются жесткие и строгие требования: они должны быть, безусловно, законны, должны обеспечивать получение достоверных результатов, их применение не должно унижать чести и достоинства личности, ущемлять правомерные интересы граждан. Фактически это те же требования, которые предъявляются к средствам работы с доказательствами. И иначе не может быть: различны сферы и правовой режим применения тех и других средств, различны последствия их применения, но одинакова природа государственных органов, их применяющих, цели применения. Безусловную важность оперативно-розыскной деятельности хорошо понимают практические работники не только органов внутренних дел и органов безопасности, но и прокуратуры и суда, как и большинство ученых-юристов. Но, к сожалению, в некоторых процессуальных работах еще иногда чувствуется отношение к оперативно-розыскной деятельности как к чему-то второстепенному, для чего поэтому и “закон не писан”, где “все дозволено”, где, применительно к предмету нашего рассмотрения, все доводы против применения служебно-розыскных собак не имеют никакого значения.

В. И. Шиканов и Н. Н. Тарнаев считают, что результаты применения служебно-розыскной собаки не могут рассматриваться в качестве доказательства, “поскольку в исчерпывающем перечне источников судебных доказательств (средств доказывания) закон собаку-ищейку не упомина-

¹⁷ Проблемы судебной этики, с. 150.

¹⁸ Соколов А. С. По поводу одной дискуссии. — Труды ВНИИСЭ, вып. 4. М., 1972, с. 279.

ет”¹⁹. С этим не приходится спорить: действительно, закон не упоминает собаку-ищейку, как не упоминает и ни одного из видов криминалистических учетов и многих других технико-криминалистических средств и методов обнаружения и исследования доказательств. Но мы уже неоднократно отмечали, что закон и не может содержать исчерпывающего перечня технико-криминалистических средств и тактических приемов собирания и исследования доказательств, что отсутствие в законе упоминания о том или ином средстве или приеме еще не означает запрещения их применения. Так например, закон не упоминает ни одного из поисковых средств, однако применение их при осмотре или обыске сомнений не вызывает.

Развивая свою аргументацию против предложения А. И. Винберга приобщать к делу справку о результатах применения собаки в качестве документа, предусмотренного ст. 88 УПК России, М. С. Строгович писал: “Это совершенно неверно. Указание собакой-ищейкой на определенное лицо может иметь доказательственное значение только при условии, что предъявление обвиняемого собаке есть процессуальное действие. Если оно оформлено справкой, оно не есть процессуальное действие. Как же справка о нем делается доказательством?”²⁰

М. С. Строгович совершенно прав: результаты процессуального действия справкой не оформляются. Но следует ли из этого, что справка, приобщаемая к делу в порядке ст. 88, не содержит информации, которая в результате такого приобщения приобретает доказательственное значение? Думаем, что не следует. Мы полагаем, что смысл ст. 88 УПК как раз и заключается в том, чтобы в необходимых случаях придать доказательственное значение информации, получаемой непроцессуальным путем — в результате ревизий, обследований, действий дружинников или сотрудников милиции и т. п. Здесь нет никакого противоречия с положением закона о том, что доказательствами признаются лишь те фактические данные, которые содержатся в источнике, упомянутом в законе: для того чтобы содержащиеся в справке сведения приобрели доказательственное значение, ей сначала придается сила документа как законного источника доказательств.

Рассматривая вопрос о том, какие документы могут иметь доказательственное значение, авторы комментария к УПК РФ называют в их числе документы, составленные по требованию или поручению органов расследования и суда и содержащие данные об обстоятельствах,

¹⁹ Шиканов В. И., Тарнаев Н. Н. Указ. раб., с. 32.

²⁰ Проблемы судебной этики, с. 150.

имеющих значение для дела, а также документы, составленные представителями администрации, контрольно-ревизионных органов, общественности в связи с совершенным правонарушением, справочные и достоверительные данные, описания различных событий, процессов и лиц²¹. Очевидно, что справка о результатах одорологической выборки полностью соответствует этой характеристике. Удовлетворяет она и условиям допустимости документа как доказательства²².

Отрицая предложенный А. И. Винбергом процессуальный порядок изъятия запаховых следов с места происшествия и их приобщения к делу в качестве вещественного доказательства, М. С. Строгович писал: «Обосновывая свою точку зрения, А. И. Винберг соединяет два совершенно несовместимых положения. Отбор воздуха и запаха на месте преступления он предлагает процессуально оформлять протоколом осмотра, а приобщение его к делу в особой таре — постановлением следователя о приобщении к делу вещественного доказательства, то есть рассматривает эти действия как процессуальные. Само же предъявление обвиняемого собаке для идентификации по запаху и полученные результаты предлагается оформлять не процессуальным документом, а простой справкой... Из закона не вытекает и закону противоречит непроцессуальное оформление выводов, вытекающих из процессуальных действий»²³.

Думается, М. С. Строгович неправ, формулируя свой вывод в столь категорической форме. Об этом свидетельствуют хотя бы такие примеры.

Следователь обнаруживает на месте происшествия стреляную гильзу. Ее обнаружение и изъятие он фиксирует в протоколе осмотра, затем приобщает ее к делу своим постановлением. Это, как справедливо указывает М. С. Строгович, процессуальные действия. Затем гильза по предложению следователя проверяется по пулегильзотеке с целью установления, не применялась ли оружие, из которого она была выстрелена, при совершении иных преступлений. Такая проверка процессу-

²¹ Научно-практический комментарий к УПК РСФСР. М., 1995, с. 145.

²² «Документ допустим как доказательство при наличии: а) данных, указывающих на то, каким образом документ попал в материалы дела (сопроводительное письмо, протокол в порядке ч. 2 ст. 70 и т. д.); б) установленных реквизитов служебных документов или данных о гражданине, от которого документ исходит; в) указаний на источник осведомленности составителя (ссылки на название нормативного акта, номер и дату архивного документа, лиц, от которых получены данные, и т. д.).» (Научно-практический комментарий к УПК РСФСР. М., 1995, с. 146.

²³ Проблемы судебной этики, сс. 150-151.

альным действием не является, ее результаты оформляются справкой. В необходимых случаях справка приобщается к делу в порядке ст. 88 УПК как доказательство.

В порядке ст. 186 УПК следователь отбирает у задержанного отпечатки пальцев. Получение образцов для сравнительного исследования — действие вполне процессуальное. Отпечатки пальцев направляются для проверки по дактилоскопической картотеке. Такая проверка не является процессуальным действием, но справка об ее результатах может стать доказательством, если ею устанавливаются, как гласит ст. 69 УПК, “иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела”.

Изложенное, как нам кажется, доказывает возможность “непроцессуального оформления выводов, вытекающих из процессуальных действий”. Следует добавить, что эти выводы используются в доказывании уже тогда, когда они приобретают доказательственное значение не только по существу, но и по форме.

Не выдерживает критики довод В. И. Шиканова и Н. А. Тарнаева о том, что поскольку “свойства и сами молекулы запаха не воспринимаются следователем и понятными непосредственно”, они не могут быть вещественными доказательствами. Однако непосредственному восприятию следователя и понятых недоступны и другие объекты, например некоторые микроследы, доказательственная ценность которых сейчас ни у кого не вызывает сомнения. Недоступны для непосредственного восприятия “свойства и сами молекулы” вообще любого объекта, если только эти свойства не проявляются вовне. Но ведь доказательственное значение могут иметь как раз эти недоступные для восприятия “внутренние” свойства, например видовая принадлежность крови, ее тип и группа, региональное происхождение, а не форма или цвет пятна, ошибочно принимаемого за пятно крови.

С развитием криминалистической науки и экспертной практики круг объектов, могущих приобрести значение вещественных доказательств по делу, будет постоянно расширяться. Можно предвидеть, что среди них будут и новые категории объектов, чьи доказательственные свойства окажутся недоступными для непосредственного восприятия следователя. Едва ли следует ожидать, что в законе будет когда-либо приведен исчерпывающий перечень этих объектов — вещественных доказательств с указанием процессуальных процедур их приобщения к делу, учитывающих специфику каждой разновидности таких объектов. Очевидно, что эта процедура должна быть общей для вещественных доказательств, независимо от того, доступны ли их свойства непосредственному восприятию следователя или могут быть восприняты последним опосредованно (например, с помощью экспертизы).

Существует еще один, очень веский, аргумент в пользу применения одорологического метода в доказывании. М. С. Строгович, В. И. Шиканов, Б. Фуфыгин²⁴ делают упор на том, что применение розыскной собаки не предусмотрено законом в качестве средства доказывания. В этой связи В. Д. Арсеньев совершенно справедливо указывает, что «действия собак являются доказательственным фактом, а не средством доказывания. И если этот факт связан с подлежащими установлению обстоятельствами, он подпадает под ч. 1 ст. 16 Основ, то есть относится к фактическим данным, на основе которых устанавливаются обстоятельства дела, сам же этот факт устанавливается документом (справкой) о действиях собаки, то есть средством доказывания, предусмотренным законом (ст. 88 УПК РСФСР)»²⁵. При этом и А. И. Винберг, и В. Д. Арсеньев, и другие сторонники одорологического метода в доказывании неоднократно подчеркивали, что действие собаки, как и любое доказательство, подлежит оценке в совокупности с другими доказательствами, то есть в конечном счете только «суд, не связанный предустановленными формальными доказательствами, может в каждом конкретном случае решить вопрос о доказательствах, которые дает криминалистическая одорология, и оценить их в совокупности с другими имеющимися по делу доказательствами»²⁶.

Отрицая возможность использования одорологического метода в доказывании в настоящее время в существующем виде, М. С. Строгович пишет: «Другое дело, когда наука достигнет возможности отождествления запахов посредством применения соответствующих научных приборов, аппаратов, механизмов, путем количественного и качественного анализа запахов и когда можно будет объяснить, почему и на основании чего устанавливается тождественность или различие сравниваемых запахов. Тогда можно будет говорить о криминалистической одорологии как разделе криминалистики, тогда могут быть установлены основания для одорологической экспертизы»²⁷. Такой прогноз, на первый взгляд, весьма убедительный, при ближайшем рассмотрении оказывается, на наш взгляд, несостоятельным.

Как уже отмечалось, чувствительность обонятельного анализатора собаки настолько выше чувствительности существующих и возможных в

²⁴ **Фуфыгин Б.** Судебная одорология в следственной практике. — Соц. законность, 1972, № 3.

²⁵ **Арсеньев В. Д.** Криминалистическая одорология и доказательственное право. — Сибирские юридические записки, вып. 2. Иркутск-Омск, 1971, с. 166.

²⁶ **Винберг А. И.** Криминалистическая одорология, с. 16.

²⁷ Проблемы судебной этики, с. 152.

обозримом будущем приборов — анализаторов запахов, что практически исключает всякую конкуренцию с биодетектором. Но дело не только в чувствительности анализатора. Индивидуальный запах любого объекта, а человека в особенности, нельзя воспроизвести путем простого синтеза соответствующих его компонентов. Его характеризует не столько количественный и качественный состав, сколько специфический “букет”, механизм образования которого пока не познан. Попытки воссоздания “букета” путем смешивания компонентов запаха в пропорциях, указанных анализом, не увенчались успехом²⁸. Стало быть, количественный и качественный анализ запаха, даже самый точный, еще недостаточен для идентификации. Инструментального метода восприятия и анализа именно “букета” запаха (а не его компонентов) не существует, да и вряд ли он будет создан в обозримом будущем, тем более, что само представление о “букете” носит субъективный характер и плохо поддается формализации.

Думается, что развитие одорологического метода лежит не только в плоскости замены биодетектора инструментальными методами распознавания запахов. Мы разделяем концепцию А. И. Винберга, считавшего, что в аспекте рассматриваемой проблемы наиболее перспективен такой метод современной бионики, как непосредственное использование биологических механизмов в технических системах²⁹. Основываясь на этой идее, он предложил конструкцию одорологической экспертизы как разновидности экспертизы органолептической, широко применяемой в пищевой и парфюмерной промышленности. “По нашему мнению, — писал он, — основой для органолепτικο-odoroлогической экспертизы служит установление запаха с помощью такого органа чувств, как обоняние. В случае органолептическом действуют преимущественно обонятельный, а также вкусовой органы человека, в случае одорологи-

²⁸ В журнале “Наука и жизнь” (1977, № 9) была опубликована следующая интересная заметка: “Аппетитный, радующий сердце гурмана запах пищи обычно состоит из запахов многих сложных химических соединений, в малых количествах испаряющихся в воздух и создающих неповторимую смесь. Как показали исследования, в аромате кофе смешаны запахи примерно 200 соединений. Аромат клубники имеет 40 компонентов. Группа американских химиков смешала эти сорок компонентов в пропорциях, указанных анализом, и получила смесь, пахнущую резиной”.

²⁹ **Винберг А.И.** К вопросу об органолепτικο-odoroлогической экспертизе. — В кн.: Актуальные вопросы теории судебной экспертизы. Труды ВНИИСЭ, № 21. М., 1976.

ческом (как разновидности первого) действует обонятельный орган служебно-розыскной собаки”³⁰.

Идея формирования одорологической экспертизы с использованием в качестве инструмента исследования биодетектора не может, как нам кажется, вызвать никаких принципиальных возражений. Более того, ее реализация позволяет снять ряд возражений, связанных с процессуальной процедурой использования результатов выборки, о которых речь шла выше. И тем не менее нам представляются более предпочтительными существующий порядок применения одорологического метода в доказывании и ранее предложенная А. И. Винбергом процессуальная процедура оформления выборки, несмотря на всю упоминавшуюся аргументацию противников того, чтобы “выпускать собаку-ищущую в уголовном судопроизводстве в качестве источника доказательств”³¹.

Почему мы придерживаемся такой точки зрения? Живой объект, включенный в техническую систему, в силу своей незаменимости в ней и необыкновенно высокой надежности, практически приобретает значение центрального звена системы. Если действия такого живого механизма стандартизованы, а условия его использования неизменны и жестко регламентированы, то для приведения этого механизма в действие и снятия результатов не требуется специального исследования, характеризующего процесс производства экспертизы. Выборка представляется нам некоей производственной операцией, осуществляемой в заданном режиме по заданной и апробированной технологии с применением в качестве инструмента биоанализатора. Будучи операцией стандартной, приводящей к очевидному и общедоступному результату, она не нуждается в толковании специалиста. Между тем, вводя фигуру эксперта-одоролога, мы переносим центр тяжести в этой операции с действия биодетектора на действия человека, тогда как, по нашему мнению, вся организация и тактика выборки должны обеспечивать минимальное участие человека в этой операции и по возможности исключать субъективную оценку ее результатов, что опять-таки характерно для экспертизы.

Существует еще один вариант процессуального решения задачи. Одорологический метод может быть применен в рамках одного из законных следственных действий — следственного эксперимента. Именно в такой форме применяется одорологический метод в Венгрии и

³⁰ Там же, с. 61.

³¹ Проблемы судебной этики, с. 152.

некоторых других странах, и для этого есть вполне достаточные основания.

Следственный эксперимент — это опытное установление факта или его проверка. Гарантией достоверности его результатов служит многократное повторение опытов, приводящее к одинаковым результатам при варьировании условий эксперимента. Сами же эти результаты всегда носят очевидный для всех его участников характер, не требуют объяснения, принимаются как данное. Этот результат может выступать в форме поведенческих актов, например, определенной реакции на какой-нибудь раздражитель: звуковой, запаховый, словесный и т. д. Опыты могут проводиться с любыми объектами, нет принципиальных препятствий для использования в этих целях и животных. В литературе описан, например, случай, когда главным “действующим лицом” при производстве следственного эксперимента был паук и решался вопрос, сколько ему требуется времени для затягивания паутиной пролома в потолке места кражи.

Объектом наблюдения при производстве следственного эксперимента с использованием биодетектора-собаки будет поведение собаки. Необходимое изменение условий опытов достигается применением нескольких собак и изменением расположения объектов-запахоносителей. Одинаковость или неодинаковость результатов опытов фиксируется в протоколе эксперимента и учитывается при оценке доказательственного значения этих результатов следователем или судом по общим правилам оценки результатов следственного эксперимента, оценки доказательств. Бесспорно положительным результатом такого эксперимента будет лишь тот очевидный факт, что все задействованные в опытах собаки при любых перемещениях данного объекта реагировали именно на него (останавливались или садились около него) без всяких побуждений их к этому со стороны. Интерпретация же и оценка этого результата — дело субъекта доказывания. Если “сбивающие факторы” не привели к различиям в поведении собак, то вряд ли будут основания для сомнений в достоверности полученных результатов.

В последние годы расширилась естественнонаучная база одорологического метода. Положительно отзывались о разработанной ЭКЦ МВД РФ методике кинологической идентификации ученые Института эволюционной морфологии и экологии животных РАН, а также МГУ³². И хотя это не снимает определенных сомнений в правомерности с процессуальной точки зрения оформления результатов одорологической идентификации в виде заключения экспертизы, на практике именно эта форма

³² См.: Методические и процессуальные аспекты криминалистической одорологии. Сборник научных трудов. М., 1992, Приложение 2, сс. 73-80.

использования одорологического метода приобретает все большее распространение³³.

Естественно, как и при производстве любой экспертизы, и при одорологическом исследовании могут быть ошибки, от которых не застрахован ни один из видов судебных экспертиз. И какая же это удача для противника одорологии, когда он наткнется на такое заключение, с каким злорадством можно приняться за обобщения и громить, громить “порочную практику”! Да еще можно позволить себе прозрачно намекнуть на предвзятость и корыстную заинтересованность экспертов, которых “можно понять и отчасти пожалеть. Их лаборатория — подразделение системы МВД. На продолжение исследований вплоть до получения надежных научно достоверных результатов нужны средства, и немалые. Чтобы добиваться их выделения, надо каждодневно демонстрировать Министерству, его органам расследования свою полезность. А это значит, еще не располагая надежными достоверными научными данными, продуцировать заключения, подобные представленному...”³⁴. Какие же вопиюще недобросовестные приемы, оказывается, можно использовать, доказывая свою “правоту”!

Этический аспект проблемы. Наряду с возражениями процессуального характера, противники применения одорологического метода в доказывании не последнюю роль отводят и возражениям этического порядка. Основное из них — унижение достоинства людей, подвергаемых выборке, как подозреваемого, так и тех, заведомо непричастных к делу, кого предъявляют вместе с ним. Как и при решении вопроса о самой допустимости применения одорологического метода, подход к определению его этичности носит двоякий характер: если метод применяется в процессе оперативно-розыскной деятельности, нравственный его характер не вызывает сомнений. Даже когда собака “прямо указывает на определенного человека, которого ищут”³⁵, здесь, как считает М. С. Строгович, “все в порядке”. Если та же выборка производится при

³³ В литературе опубликован ряд отзывов правоохранительных органов (МВД, ФСБ, Прокуратуры) о результативности одорологических экспертиз, проведенных по уголовным делам о тяжких преступлениях в 1989-1992 гг. (Методические и процессуальные аспекты криминалистической одорологии. Сборник научных трудов ЭКЦ МВД РФ, М., 1992. Приложение 3).

³⁴ *Ларин А. М.* Криминалистика и паракриминалистика. М., 1996. с. 164.

³⁵ Строгович М. С. О криминалистической одорологии, с. 122.

доказывании, то “здесь все недопустимо, нетерпимо и оскорбительно”³⁶.

По нашему мнению, нравственная оценка одного и того же действия не должна зависеть от того, осуществляется ли это действие в сфере оперативно-розыскной деятельности или в сфере доказывания. Мораль должна быть едина, унижение достоинства человека нельзя оправдать, например, тем, что оно не повлечет для униженного никаких правовых последствий, не будет иметь своим следствием доказательство его вины, если выборка производится как оперативно-розыскное мероприятие. Стало быть, нравственная оценка выборки человека не может быть связана с вопросом о доказательственном ее значении. Но эта оценка, несомненно, связана с положением лица, участвующего в выборке, и не может быть одинаковой в отношении подозреваемого или лиц, вместе с которыми он предъявляется при выборке.

Сразу оговоримся: мы в принципе против одорологической выборки людей по мотивам, в том числе и нравственным, о которых речь будет идти далее. Но прежде чем их излагать, рассмотрим доводы противников одорологии.

В. И. Шиканов и Н. Н. Тарнаев считают, что при выборке унижается человеческое достоинство подозреваемого, низведенного до роли бесправного объекта исследования. Так ли это? В известном смысле — да. Как унижительны для него и процедуры дактилоскопирования, сигналетической фотосъемки с помещением на груди фотографируемого регистрационного номера, получения образцов крови, волос. Однако эти процедуры по отношению к подозреваемому ни указанные авторы, ни другие ученые-юристы не считают унижительными, как и личный обыск подозреваемого.

Да, само положение подозреваемого унижительно и отнюдь не возвышает достоинства человека, но с этим приходится мириться в интере-

³⁶ Проблемы судебной этики, с. 151.

В статье М. С. Строговича и И. Ф. Пантелеева “Укрепление социалистической законности в уголовном судопроизводстве” (“Сов. государство и право”, 1978, № 6) одорологический метод вновь объявлялся процессуально и этически недопустимым (с. 70). Никаких новых аргументов в обоснование этого вывода авторы не приводили и лишь снова ссылались на известные статьи Б. Фуфыгина, В. И. Шиканова, Н. Г. Алишунаст-Левинной. Едва ли можно считать корректным безапелляционное отнесение М. С. Строговичем и И. Ф. Пантелеевым одорологического метода к числу “лженаучных методов и средств” при наличии в науке противоположных взглядов и незавершенности дискуссии. К тому же возникает вопрос: если одорологический метод лженаучен, то как же М. С. Строгович допускает его применение в оперативно-розыскной практике? Или опять-таки там “все дозволено”?

сах следствия (в эффективности которого заинтересовано все общество). Заметим, что если вина подозреваемого (обвиняемого) в итоге будет доказана, то унижительное положение, в котором он находился, оправдывается его противоправными действиями; дактилоскопирование же, обыск, наконец, выборка — это уже следствие его самоунижения. Их нельзя расценивать как унижительные для подозреваемого действия правоохранительных органов. Это их правомерные, а следовательно, нравственные средства борьбы с преступностью.

И при всем этом обвиняемый, подозреваемый — вовсе не “бесправный объект исследования”. Его никто не лишает предоставленных ему законом прав, в том числе и права представлять доказательства, опровергающие результаты выборки, права обжаловать действия следователя и инспектора-кинолога, ходатайствовать о проведении повторной выборки в измененных условиях и т. п.

Унижительно ли положение иных лиц, заведомо непричастных к преступлению, предъявляемых вместе с подозреваемым? Нам думается, что нет, если для них ясна отводимая им роль, если единственная цель привлечения их к участию в выборке — обеспечение объективности и достоверности ее результатов. Здесь уместно провести аналогию с участием посторонних лиц в таком следственном действии, как предъявление для опознания, где это участие прямо предписано законом и является необходимым условием признания за результатами опознания доказательственной силы. Только в одном случае участие в выборке непричастных к преступлению лиц оскорбительно для них: когда в них без достаточных оснований видят потенциальных подозреваемых. Так бывает, когда для выборки предъявляется группа лиц, среди которых лишь вероятно может находиться возможный преступник. Такая выборка и нам представляется безнравственной. Но ее не следует смешивать с ситуацией, когда служебно-розыскная собака по следу приводит к определенному человеку, который может находиться среди других людей. В этом случае нет выборки в том смысле, в каком это понятие рассматривается нами и другими авторами.

Однако, несмотря на приведенные выше доводы, мы против одорологической выборки людей. Как справедливо указывает М. Д. Салтеевский, всегда можно у подозреваемого или обвиняемого получить по закону в качестве образца — источника запаха — какую-либо вещь, бывшую в его личном пользовании, и провести выборку вещей, что позволит избежать нежелательных эксцессов³⁷. Добавим к этому: позво-

³⁷ Салтеевский М. В. Криминалистическая одорология, с. 41.

лит также избежать даже невольного воздействия участвующих в выборке людей на поведение собаки, даст возможность неограниченного повторения в любых вариациях процедуры выборки с переменной запахоносителей, их места среди других предметов и т. д. Но это уже не столько этический, сколько тактический аспект проблемы, к тому же, давно учтенный в существующей практике применения одорологического метода, поскольку выборка осуществляется по стандартным запахоносителям без участия подозреваемого или обвиняемого, так что они могут наблюдать за действиями собак, не подвергаясь никаким унижениям.

Тактический аспект проблемы. Тактические приемы проведения одорологической выборки должны обеспечить объективность, достоверность, убедительность и наглядность ее результатов. Ознакомление с отечественной практикой проведения одорологических выборок, с практикой органов внутренних дел других стран в этой области показывает, что указанные задачи могут быть решены путем применения следующих тактических приемов:

1. Использование при выборке лишь собак, специально дрессированных для этих целей. Так, в Венгрии собаки, применяемые для работы со следами на месте происшествия, никогда не используются для выборки, и наоборот. Там разработана специальная система дрессировки собак, предназначенных для выборки. Она основана на системе определенных ограничений в режиме животного, сочетаемых с поощрительными стимуляторами.
2. Применение для выборки лишь унифицированных предметов-запахоносителей, не отличающихся друг от друга своим внешним видом, что гарантирует выборку исключительно по запаху. Это делает излишней трудно выполнимую рекомендацию подбирать для выборки хотя и однородные, но каждый раз различные предметы (шапки-ушанки, носовые платки и т. п.)³⁸. Чаще других такими унифицированными предметами являются куски специальной ткани, обладающей повышенной способностью адсорбировать запахи и являющейся до употребления стерильной (например, некоторые сорта детских пеленок фабричного изготовления).
3. Сведение роли кинолога при выборке к минимуму, а именно: даче собаке для занюхивания проверяемого объекта-запахоносителя и подаче команд собаке на выборку и возвращение в исходное положение по ее окончании. Кинолог не должен приближаться к объектам

³⁸ Там же, с. 42.

выборки, собаку следует применять без поводка (именно так дрессируются собаки в Венгрии).

4. Неоднократное повторение выборки с переменной мест предъявляемых объектов и разными собаками. А. И. Винберг, рекомендуя производить выборку одновременно не менее чем двумя-тремя собаками, пишет: "Из теории информации известно, что суммарный сигнал равен удвоенной сумме этих сигналов, то есть дает так называемый квадратичный эффект. Очевидно, что этот эффект значительно повышает надежность каналов связи. Именно такого рода взаимосвязь существует между фактами выборки одного и того же источника запаха." Он указывает, что положительный результат двух "опознаний" двумя собаками не в два, а в четыре раза больше значения каждого из них, взятого в отдельности³⁹.
5. Исключение воздействия на собаку во время выборки посторонних раздражителей путем создания надлежащих условий, в том числе организация наблюдения за ходом выборки приглашенными лицами таким образом, чтобы они не влияли на поведение собаки.

Несмотря на то, что сама выборка производится в режиме технической процедуры, если она проводится в процессе доказывания, необходимо присутствие незаинтересованных наблюдателей, выполняющих, по существу, функции понятых, а по возможности — и лиц, производящего расследование. Составляемая о выборке справка должна содержать подробное описание не только результатов, но и условий, и процесса выборки.

Проблема применения одорологического метода в доказывании все еще находится в стадии обсуждения и решения. Разумеется, решение этой проблемы инструментальными методами положило бы конец спорам о допустимости одорологической экспертизы. Однако представляется, что в ожидании такого решения можно использовать уже существующие наработки в области эффективного применения апробированных форм использования одорологии.

³⁹ **Винберг А. И.** К вопросу об органолепτικο-odoroлогической судебной экспертизе, с. 60.

5. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ЗАКОН

5.1. Возникновение проблемы

Институт судебной экспертизы в дореформенных правовых актах России существовал в виде отдельных предписаний, относящихся к деятельности сведущих лиц, преимущественно врачей, призывавшихся для вскрытия трупов. В Воинском уставе Петра I 1716 г. указывалось: “Надлежит подлинно ведать, что смерть всеконечно ли от битья приключилась... Того ради зело потребно есть, чтобы коль скоро кто умрет, который в драке бит, поколот или порублен будет, лекарей определить, которые бы тело мертвое взрезали и подлинно разыскали, что какая причина к смерти его была и о том иметь свидетельство в суде и на письме подать” (артикул 154). В 1797 г. во всех губернских городах были учреждены врачебные управы, которым было предписано вскрывать мертвые тела. В 1801 г. было узаконено приглашение врачей для судебно-психиатрического освидетельствования. В 1812 г. в законе появляется определение экспертов как сведущих лиц, обладающих познаниями не только в области судебной медицины, но и в различных областях науки, ремесла или искусства¹. Однако законы этого периода регулируют действия сведущих лиц (как тогда именовались эксперты) в уголовном процессе почти исключительно в области судебно-медицинской экспертизы, и то главным образом о применении ее во время судебных осмотров трупов или потерпевших. Судебный осмотр мог проводиться только по формальному требованию присутственных мест официальным медицинским чиновником — врачом-экспертом — одним или несколькими, если этого требовала “важность случая”. Судебный

¹ Свод законов Российской империи, т. 7.

врач, производивший осмотр, рассматривался законом, как “первое лицо”. Он имел право требовать от полицейских врачей сообщения ему предварительных сведений, собранных по делу. Им же составлялся протокол осмотра, а через сутки или более длительный срок представлялся акт о том, что оказалось и открылось при осмотре. В акте давались ответы на поставленные присутственным местом вопросы. В случае возникновения сомнений в правильности осмотра по требованию губернского правления и распоряжению врачебной управы членом ее или иным уездным врачом производился повторный осмотр².

Теория русского дореформенного процесса рассматривала экспертизу как непосредственный источник убеждения судьи, полагая даже, что мнение сведущих лиц вполне “заменяет мнение судьи или следователя, которые призывают их на помощь”³. В этом сказывалось решающее влияние всего строя розыскного процесса, душой которого была теория формальных доказательств.

Судебная реформа 1864 г., изменившая коренным образом судопроизводство и судопроизводство в России, существенно изменила и процессуальное положение института судебной экспертизы, открыв для него более широкие перспективы развития. Устав уголовного судопроизводства следующим образом определял положение экспертизы в пореформенном русском уголовном процессе.

Эксперты должны приглашаться в тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии (ст.ст. 112, 325). Устав рассматривал экспертизу уже не только как судебно-медицинскую, а как разнообразную, применяемую в самых различных делах, что видно из перечня лиц, которых судебные органы могли привлекать в качестве экспертов: “врачи, фармацевты, профессора, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретшие особую опытность” — перечислены в законе, как лица, относящиеся к категории экспертов (ст. 326). Эксперты не могли избираться из лиц, участвующих в деле или состоящих по делу свидетелями, судьями или присяжными заседателями (ст. 633), они определялись законом, как лица, не заинтересованные в исходе дела; мнения и суждения экспертов должны быть объективными; эксперты должны

² Свод законов Российской империи, т. 13, ст.ст. 1026, 1027, 1029, 1033, 1034, 1038, 1047.

³ **Баршев Я.** Основания уголовного судопроизводства, СПб., 1841, с. 77.

“иметь все качества достоверных свидетелей” (ст. 328). Эксперты производили исследование и представляли свои мнения и заключения по вопросам, определенным следователем или судом. Закон открывал для экспертов возможность проявления инициативы, устанавливая, что эксперты “не должны упускать из виду и таких признаков, на которые следователь не обратил внимания, но исследование коих может привести к открытию истины” (ст. 333).

Устав не давал прямого определения экспертизы как доказательства, но это вытекало из смысла закона, поскольку заключения экспертов должны были проверяться и оцениваться судом. Эксперты подвергались допросу сторон, присяжных и судей. По требованию сторон или присяжных заседателей или по собственному усмотрению суд мог назначить новое освидетельствование или испытание через избранных им или указанных сторонами экспертов (ст.ст. 692, 695). Устав не давал следователю права окончательной оценки акта экспертизы; следователь не имел права отвергнуть заключение экспертов, если он считал его неправильным, не прибегая к другой экспертизе (ст. 345).

Экспертиза документов в уголовном суде производилась по правилам Устава гражданского судопроизводства (ст.ст. 547-554), согласно которым “сличение почерка и подписи на актах может быть поручено сведущим людям”. Другие правила исследования документов, перенесенные из гражданского процесса в уголовный, в известной степени перекладывали экспертные функции на самый суд, чем стороны лишались возможности проверить основания выводов суда.

После реформы 1864 г., отразившей общий научно-технический прогресс, расширяется применение экспертизы в суде, возрастает ее роль, повышается качество экспертиз. В конце XIX — начале XX вв. начинает внедряться в судебную практику криминалистическая экспертиза, охватывающая целую группу экспертиз, назначаемых для исследований, главным, образом вещественных доказательств. Возникают экспертизы: техническая, экономическая, химическая, судебно-бухгалтерская и др.; делаются попытки разработки психологической экспертизы. Практическое применение экспертизы в уголовном и гражданском процессе вызвало появление обширной литературы, в которой обстоятельно исследовался институт судебной экспертизы. Процессуальная природа экспертизы в большинстве случаев определялась как особый вид судебных доказательств.

Первые советские УПК 1922 и 1923 г. отказались от термина “сведущие лица”, принятого судебными уставами 1864 г., и приняли общепризнанный в юридической литературе термин “эксперт”. УПК отказался

от подробного перечисления категорий лиц, которых можно приглашать в качестве экспертов, как это делал Устав уголовного судопроизводства. Законодательным порядком было установлено право следователя и суда на оценку заключения экспертов, как одного из видов доказательств, право следователя не соглашаться с заключением экспертов и назначать повторные экспертизы и право суда мотивированным решением вообще отвергать заключение экспертов, не прибегая к помощи новой экспертизы (ст.ст. 174, 298, 300). Органами, назначающими экспертизу, со всеми вытекающими отсюда следствиями, УПК определил следователя и суд. Эксперт был наделен правами, оговоренными более подробно, нежели в Уставе уголовного судопроизводства: с разрешения следователя знакомиться с обстоятельствами дела, знание которых ему необходимо для дачи заключения, составлять при определенных условиях акт о невозможности дать заключение, присутствовать в зале суда, право на возмещение понесенных расходов и вознаграждение за выполнение своих обязанностей и др. Из закона исчезло право эксперта на инициативные действия при производстве экспертизы.

В 1958 г. были приняты Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Экспертиза упоминалась в них как один из источников доказательств; никаких процедурных вопросов, связанных с назначением и производством экспертизы, Основы не содержали.

Принятие Основ послужило стимулом к разработке и принятию новых уголовно-процессуальных кодексов союзных республик. 27 октября 1960 г. Верховный Совет РСФСР принял закон об утверждении УПК РСФСР и введении его в действие с 1 января 1961 г. Этот УПК действует и поныне.

Известные новации были внесены в процессуальную регламентацию института судебной экспертизы. Новыми по сравнению с прежними УПК были статьи о заключении эксперта (80), о дополнительной и повторной экспертизе (81), глава 16 "Производство экспертизы", в которой подробно изложены права обвиняемого при назначении и производстве экспертизы (ст. 185), два порядка производства экспертизы (ст.ст. 187 и 189), восстановлено право эксперта на инициативные действия и решены другие процедурные вопросы. Институт судебной экспертизы получил значительно более широкую правовую базу, которая в первые годы действия УПК 1961 г. удовлетворяла требованиям практики и не вызывала существенных замечаний со стороны ученых — процессуалистов и криминалистов. Однако так продолжалось недолго. Уже с конца 60-х и в особенности в 70-е и 80-е гг. под влиянием научно-технического прогресса и таких тенденций, как интеграция и дифференциация научного

знания, специализация и кооперация трудовых усилий, развитие новых технологий, в экспертной практике и специальной литературе обозначились проблемы, требующие своего законодательного решения. Постепенно их число возрастало, все очевиднее становилась невозможность их решения путем простого внесения дополнений и изменений в действующий УПК, поскольку это привело бы к гипертрофированию места экспертизы в этом сводном законе по отношению к другим стадиям процесса и другим источникам доказательств. Требовалось найти принципиально иное решение проблемы.

Такое решение было предложено учеными Всесоюзного НИИ судебных экспертиз, которые по инициативе А. Р. Шляхова разработали проект общесоюзного закона «О судебной экспертизе». В 1974 г. этот проект был представлен в Министерство юстиции СССР, где он не получил поддержки, а сама идея подобного закона была отвергнута как «маловажная и несвоевременная». Вторично попытка реанимировать идею подготовки специального закона о судебной экспертизе была предпринята учеными ВНИИСЭ в середине 80-х гг. Реакция МЮ СССР и его Отдела судебных экспертиз была аналогичной, соответствующая тема была исключена из плана НИР, а энтузиасты получили от начальства «отеческое внушение» не отрываться от жизни и не витать в облаках.

Первый проект закона был несовершенен. Он лишь в общих чертах характеризовал институт судебной экспертизы, содержал ряд частных и не в полной мере соответствовал состоянию практики и положением, разработанным уже к этому времени в процессуальной и криминалистической науке. Однако было совершенно ясно, что проект представлял собой хорошую основу для его совершенствования, а главное, отражал саму идею необходимости подобного закона.

Несмотря на негативное отношение административных инстанций к предложениям о подготовке закона о судебной экспертизе, дальнейшие события показали, что идея такого закона не только не умерла, но нашла многочисленных сторонников после распада СССР среди ученых и практических работников многих стран СНГ. Практически одновременно и независимо друг от друга разработка проектов закона о судебной экспертизе началась на Украине, в России, в Азербайджане; проект такого закона был подготовлен и в Республике Беларусь по инициативе Института проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы с участием ученых и практиков других ведомств страны. Его обсуждение в 1993 г. выявило ряд недостатков и пробелов проекта, в известной степени определило пути его доработки, а скорее всего, переработки заново. Таким образом, возникшая проблема еще не получила своего решения, в том числе и потому, что не были достаточно аргументированно

научно проработаны те аспекты практической экспертной деятельности, которые требуют правовой регламентации. Этим целям — определению принципиальных положений, которые должны найти свое отражение в законе о судебной экспертизе, — и посвящена настоящая глава.

5.2. Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы

5.2.1. Назначение экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела

Теория уголовного процесса рассматривает возбуждение уголовного дела в качестве первой, начальной стадии уголовного судопроизводства, содержание которой отнюдь не исчерпывается, а лишь завершается принятием решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в нем. «Стадия возбуждения уголовного дела включает в себя систему процессуальных действий и правоотношений, в частности, принятие, рассмотрение и проверку заявлений и сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях, принятие мер по предотвращению, пресечению и предупреждению преступлений, принятие решений о возбуждении уголовного дела или об отказе в нем, прокурорский надзор за законностью и обоснованностью указанных действий⁴. Стадия возбуждения уголовного дела не одномоментный акт, а процесс, деятельность, продолжительность которой закон (ст. 109 УПК) устанавливает в трое (а в исключительных случаях — до десяти) суток. Этот срок предоставлен органу, правомочному возбуждать уголовные дела, для установления достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ст. 108 УПК).

Такая проверка, предпринимаемая на стадии возбуждения уголовного дела в целях выявления признаков преступления, по закону, как известно, не может осуществляться путем производства следственных действий. Исключение составляет осмотр места происшествия, который в отдельных случаях может предшествовать возбуждению уголовного дела. Логическим основанием для такого исключения послужили, по нашему мнению, требования ст.ст. 112, 114 УПК, обязывающие в стадии

⁴ Советский уголовный процесс. Киев, 1978, с. 179.

возбуждения уголовного дела принимать меры к закреплению следов преступления.

Значение осмотра места происшествия для раскрытия преступления и установления виновных не требует доказательств. Для обеспечения его результативности на практике обязательно привлекают к участию в осмотре специалиста, чаще всего криминалиста (помимо судебного медика, чье участие в некоторых случаях обязательно по закону). Однако при раскрытии и расследовании неочевидных преступлений по “горячим следам” такое участие специалиста оказывается недостаточным в силу ограниченности его функций и того обстоятельства, что его мнение не имеет доказательного значения. Анализ подобных ситуаций привел Б. М. Комаринца, как уже отмечалось, к выводу о необходимости проведения в ряде случаев криминалистических экспертиз на месте преступления, иногда параллельно с его осмотром. Объектом экспертного исследования становится обстановка места происшествия, подлежащая изучению в своем первоначальном, не нарушенном действиями следователя состоянии. Понятно, насколько существенными при этом оказываются выигрыш во времени, возможность оперативно использовать результаты экспертизы, реально включить их в комплекс средств и методов раскрытия преступления по “горячим следам.”

Однако реализация рекомендаций о производстве экспертизы на месте происшествия параллельно с его осмотром в большинстве случаев оказывается невозможной по причинам процессуального характера: на практике осмотр места происшествия, как правило, проводится до возбуждения уголовного дела, что не позволяет следователю до принятия решения о его возбуждении назначать экспертизу. Между тем, выявить признаки преступления и закрепить его следы в соответствии с требованием закона порой невозможно без проведения экспертного исследования. Все это послужило основанием для постановки в процессуальной и криминалистической литературе вопроса о возможности назначения экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Инициаторы постановки указанного вопроса (Я. П. Нагойный, 1967; Р. С. Белкин, 1969; Х. Рооп, 1971; Г. Мудьюгин, М. Похис, 1971; Ю. Н. Белозеров, А. А. Чувилев, 1973; Е. Н. Тихонов, 1985 и др.), исходя из реальностей следственной практики, особенно в области судебно-медицинских исследований до возбуждения уголовного дела, предлагали внести соответствующие изменения в процессуальное законодательство, разрешив, наряду с осмотром места происшествия, при необходимости или в определенных случаях назначение судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела.

Естественно, что предложение разрешить производство экспертизы до возбуждения уголовного дела вызвало и решительные возражения

(В. М. Савицкий, 1974, 1975; В. Д. Арсеньев, 1976; В. И. Шиканов, 1978; И. Н. Сорокотягин, 1984 и др.). Основные доводы противников этого предложения сводятся к следующему:

- ◆ разрешение назначать экспертизу до возбуждения уголовного дела создаст опасный прецедент и приведет к тому, что по тем же основаниям начнут проводиться и другие следственные действия: "... не останется решительно никаких оснований — юридических, фактических, логических — для запрета производить до возбуждения дела любые следственные действия... В результате мы окажемся очевидцами и невольными соучастниками постепенной эрозии процесса в его досудебных стадиях"⁵;
- ◆ назначение экспертизы до возбуждения уголовного дела влечет за собой существенное ограничение законных прав и интересов заинтересованных в исходе дела лиц;
- ◆ для производства экспертизы до возбуждения уголовного дела отсутствуют необходимые процессуальные условия;
- ◆ для возбуждения уголовного дела достаточно данных, указывающих на признаки преступления, для установления которых не требуется производства экспертизы;
- ◆ имеется полная возможность решить вопросы, требующие применения судебно-медицинских познаний, в процессе производства осмотра места происшествия и трупа либо самому следователю, либо с помощью специалиста — судебного медика, не прибегая к экспертизе;
- ◆ назначение экспертизы до возбуждения уголовного дела может привести к неоправданной затяжке в принятии решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в нем.

Попробуем проанализировать, так ли основательны эти возражения.

Ссылки на то, что разрешение назначать экспертизу до возбуждения уголовного дела может создать опасный прецедент и повлечет за собой нарушение закона в части обязательного условия проведения следственных действий только по возбужденному делу, не имеют под собой почвы. Таким прецедентом вполне мог бы уже стать осмотр места происшествия, однако этого не случилось в силу императивного указания закона. Почему тогда столь же категорическое указание закона о возможности в исключительных случаях назначать экспертизу до возбуждения уголовного дела окажет противоположное действие на практику? Кстати, после разрешения производства осмотра места происшествия

⁵ Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора. М., 1975, с. 111.

до возбуждения уголовного дела возникло противоречие со ст. 109 УПК, которая однозначно, без всяких оговорок, запрещает производство каких бы то ни было следственных действий до возбуждения уголовного дела. Этого противники рассматриваемого предложения почему-то не хотят замечать.

Нередко высказывается мысль, что предложение о проведении экспертизы в целях проверки наличия оснований для возбуждения уголовного дела обусловлено исключительно ведомственными интересами — стремлением следственных органов предельно сократить в своих статистических показателях число прекращенных уголовных дел. В связи с этим дается рекомендация: в случаях, когда без проведения экспертизы отсутствует уверенность в наличии оснований для возбуждения уголовного дела, решать этот вопрос положительно, возбудить уголовное дело, а если в результате проведенных следственных действий, в частности, экспертизы, будет установлено отсутствие события преступления либо состава преступления, — прекратить его, не придавая значения такому статистическому показателю, как число прекращенных уголовных дел, для оценки деятельности следственных органов.

Разделяя мнение о том, что количество прекращенных уголовных дел не может служить показателем качества работы органа расследования, мы считаем высказанное предложение неприемлемым. Нельзя забывать, что после возбуждения уголовного дела следователь вправе производить все процессуальные действия, в том числе и такие, которые существенно затрагивают охраняемые законом права и интересы граждан: допросы, обыски и пр. Следовательно, необоснованное возбуждение уголовного дела, даже если оно впоследствии прекращено, влечет отрицательные последствия для лиц, права которых были ущемлены. Проведение же экспертизы до возбуждения уголовного дела означает только привлечение (причем в процессуальной, то есть обеспечивающей максимум объективности, форме) сведущего лица к установлению наличия или отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела путем исследования на основе его специальных познаний определенного объекта или ситуации.

Производством экспертизы до возбуждения уголовного дела не затрагиваются ничьи личные интересы: на этой стадии еще нет ни подозреваемого, ни обвиняемого, а потерпевший (который также еще не получил своего процессуального статуса), как правило, заинтересован в проведении экспертизы. Не является препятствием к назначению экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела и то обстоятельство, что в силу ст. 186 УПК для производства экспертизы могут потребоваться образцы почерка, отпечатки пальцев и т. п., то есть будут произво-

даться действия, которые затрагивают права и интересы граждан. Получение образцов, предусмотренных ст. 186 УПК, требуется только в тех случаях, когда необходимо решить вопрос о причастности определенного лица к событию преступления, но сам факт преступления сомнений не вызывает, а следовательно, уголовное дело уже должно быть возбуждено. При производстве экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела для решения вопроса о наличии к тому оснований образцы не понадобятся, права и интересы граждан нарушены не будут.

Следует заметить, что при существующем порядке производства экспертизы в экспертном учреждении права обвиняемого при назначении экспертизы существенно ограничиваются (он, например, не имеет возможности заявить отвод эксперту), что тем не менее ни у кого из противников рассматриваемого предложения возражений не вызывает.

Когда говорят, что для проведения экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела нет необходимых процессуальных условий, обычно имеют в виду следующее. Направляемые на исследование объекты еще не имеют статуса вещественных доказательств, нет процессуальной возможности при необходимости провести дополнительную и повторную экспертизы, «заключение экспертов, как правило, основывается на других доказательствах. Если до назначения экспертизы не будут собраны необходимые материалы, это затруднит формулирование вопросов эксперту и может сделать невозможным само экспертное исследование... Если выполнение этого следственного действия будет разрешено до возбуждения дела, то никто не вправе запретить следователю использовать для проверки поступившего заявления весь арсенал процессуальных средств, относящихся к производству экспертизы и оценке ее результатов»⁶. К этому иногда добавляют, что для возбуждения уголовного дела вовсе не требуется достоверно установить обстоятельства преступления, а достаточно лишь предположения о преступлении.

На это можно возразить, что и по возбужденному уголовному делу на экспертизу зачастую представляются объекты, не имеющие, строго говоря, статуса вещественных доказательств. Мнение о том, что заключение эксперта, как правило, основывается на других доказательствах, в рассматриваемой ситуации едва ли существенно. Дело в том, что на этой стадии необходимость в экспертном исследовании возникает применительно к таким объектам, которые или были обнаружены при осмотре места происшествия, в процессе которого и устанавливаются обстоятельства, значимые для эксперта (характер, расположение, связь с

⁶ Там же, сс. 106-107.

другими компонентами обстановки места происшествия и т. п.), или для исследования которых не требуется дополнительная информация (поддельный денежный знак, недоброкачественные пищевые продукты, фальсифицированные напитки и т. п.). Для проведения же дополнительной или повторной экспертиз нет никаких помех либо после возбуждения уголовного дела, либо, при возможности, опять-таки до его возбуждения. Мнение же о том, что для возбуждения уголовного дела не нужно достоверно установленных обстоятельств, а можно довольствоваться предположениями, едва ли можно считать серьезным аргументом, о чем свидетельствует практика прекращения неосновательно возбужденных уголовных дел.

Известно, что выводы следователя и специалиста не имеют доказательственного значения, между тем закон в ряде случаев требует именно доказательственного решений специальных вопросов, что возможно лишь путем производства экспертизы. Следственная практика свидетельствует о том, что без компетентного заключения сведущего лица (именно заключения, а не консультации, не оставляющей следа в уголовном деле) иногда невозможно решить вопрос о наличии оснований для возбуждения уголовного дела. В связи с этим Я. П. Нагойный пишет: «Для определения тяжести телесных повреждений, как и для установления половой зрелости потерпевшей по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 120 УК УССР, обязательно назначение экспертизы. От характера выводов о тяжести телесных повреждений зависит не только квалификация действий обвиняемого, но и наличие или отсутствие у органа расследования основания для возбуждения уголовного дела вообще... Но как должен поступить следователь, имея в своем распоряжении только заявление о нанесении телесных повреждений? Некоторые работники органов расследования во избежание необоснованного возбуждения уголовного дела сначала направляют потерпевших на судебно-медицинское освидетельствование, а затем в зависимости от его результатов принимают решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в нем. Если дело возбуждается, тогда экспертиза назначается официально. Другая часть работников органов расследования назначает в подобных случаях судебно-медицинскую экспертизу до возбуждения уголовного дела»⁷.

⁷ *Нагойный Я. П.* О возможности назначения экспертизы до возбуждения уголовного дела. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 4. Киев, 1967, с. 176.

Попытки подменить экспертизу некими “предварительными исследованиями”, дабы хоть чем-то обосновать решение о возбуждении уголовного дела, не только не решают проблемы, но и, наоборот, могут существенно осложнить ее решение, повлечь за собой прямые нарушения законности.

Проведение предварительных исследований — непроцессуальная форма использования специальных познаний. “На первый взгляд, — писал Е. Н. Тихонов, — ничего плохого в этом нет, кроме задержки сроков предварительной проверки материалов до возбуждения уголовного дела и удлинения сроков предварительного расследования. Однако и этот “законный” путь влечет еще большие нарушения законности. Дело в том, что, как правило, исследуемые объекты в результате такого непроцессуального исследования изменяют свое первоначальное состояние, частично или полностью утрачиваются. В связи с этим практика идет по пути поручения производства экспертизы тому же специалисту, который проводил исследование в непроцессуальной форме, так как в том случае, когда экспертиза будет поручена другому специалисту, тот получит уже измененные в качественном и количественном отношении объекты и ему нечего будет исследовать самому. Но и в таком случае происходит нарушение закона — сначала специалист проводит непроцессуальное исследование, а затем он предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложного заключения... и дает заключение как эксперт — участник уголовного судопроизводства, не говоря уже о том, что такое “повторное экспертное исследование” влечет неоправданные затраты рабочего времени, сил и материальных средств. Изученные нами материалы экспертной практики свидетельствуют о том, что дважды “исследуется” каждый третий-пятый объект названных категорий”⁸ (взрывчатые, наркотические и тому подобные вещества — **Р. Б.**).

Но сказанным не исчерпывается опасность подобного пути получения оснований для возбуждения уголовного дела. Следователь лишен возможности лично наблюдать за проведением предварительных исследований, принимать необходимые меры при несогласии с их результатами или примененными методиками. Возможности подобных исследований более ограничены, нежели возможности судебной экспертизы.

С нашей точки зрения, нет никаких сколько-нибудь серьезных препятствий для принятия законодателем решения о возможности произ-

⁸ **Тихонов Е. Н.** Исходные следственные ситуации и выбор времени назначения экспертизы. — Следственная ситуация, М., 1985. сс. 45-46.

водства экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела⁹. Естественно, что такое решение должно иметь определенные ограничения, прямо предусмотренные законом. Например, оно не может распространяться на те случаи, когда для производства экспертиз необходимо получение образцов для сравнительного исследования в порядке ст. 186 УПК, поскольку по смыслу этой нормы в необходимых случаях образцы могут быть получены в принудительном порядке. Принудительные же действия до возбуждения уголовного дела допустимы лишь в строго ограниченных законом случаях (задержание, личный обыск задержанного).

С учетом изложенного в Законе о судебной экспертизе целесообразно предусмотреть возможность проведения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела для установления наличия (или отсутствия) оснований к возбуждению уголовного дела, когда решение этого вопроса требует использования специальных познаний и должно иметь доказательственное значение. Не исключается, что закон может содержать и перечень (даже исчерпывающий) ситуаций, при которых экспертиза может быть разрешена в стадии возбуждения уголовного дела (например, для установления причин возникновения пожара, причин наступления смерти, ответственности тех или иных лиц за наступление последствий дорожно-транспортного происшествия и др.).

О возможности предлагаемого решения исследуемой проблемы свидетельствует создающее прецедент положение Указа Президента РФ от 14.06.94 “О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности” № 1226. В п. 1 этого Указа говорится дословно следующее: “При наличии достаточных данных о причастности лица к банде или иной организованной преступной группе, подозреваемой в совершении тяжких преступлений, по согласованию с прокурором **до возбуждения уголовного дела могут быть проведены экспертизы** (выделено нами — **Р. Б.**), результаты которых рассматриваются в качестве доказательств по уголовным делам данной категории”. Нет никаких препятствий к тому, чтобы это положение стало общей нормой в новом УПК.

⁹ Заметим, что примеры подобных решений уже можно привести. Так, УПК Республики Узбекистан (1994 г.) в ст. 180 прямо допускает, что “в необходимых случаях экспертиза может быть назначена и до возбуждения уголовного дела”. Одновременно с этим в УПК указывается, что “не допускается замена экспертизы исследованиями, проводимыми вне установленного настоящим кодексом порядка” (ст. 172). Таким образом, вопрос о возможности проведения до возбуждения уголовного дела так называемых предварительных исследований, широко распространенных в нашей практике, решен в УПК Узбекистана однозначно отрицательно.

5.2.2. Правовой статус руководителя судебно-экспертного учреждения (подразделения)

В действующем законодательстве фактически отсутствуют указания на права и обязанности руководителя судебно-экспертного учреждения (СЭУ), если не считать упоминания о выполнении им таких, по сути, формальных функций, как предупреждение эксперта об ответственности за отказ от дачи заключения¹⁰ и за дачу ложного заключения. Между тем, экспертная практика требует наделения руководителя СЭУ целым комплексом прав и, что не менее важно, обязанностей. Часть из них определена ведомственными актами, но поскольку они не находят своего обоснования в законе, они не имеют должной обязательной силы, а к тому же, распространяются обычно лишь на одно ведомство.¹¹

Среди прав руководителя наибольшие сомнения и споры вызывает его право на контроль за качеством экспертиз. В системе СЭУ МЮ такое право руководителю предоставлено; в экспертных учреждениях органов внутренних дел оно молчаливо допускается; в экспертных учреждениях Министерства здравоохранения документально это право не зафиксировано. Вопрос можно сформулировать так: есть ли у руководителя право контроля за качеством экспертиз; а если да, то в каких пределах и каковы его возможности по обеспечению должного качества экспертных заключений?

Целесообразность предоставления руководителю права контроля за качеством экспертиз очевидна, ибо это один из путей не только своевременного обнаружения экспертных ошибок, но и повышения эффективности экспертизы. Однако предоставление такого права порождает коллизию с принципом независимости судебного эксперта, с критерием внутреннего убеждения эксперта в правильности своих выводов. Сразу возникает вопрос о путях реализации такого права руководителя, об обязательности его требований к эксперту, о путях разрешения возможных при этом конфликтных ситуаций между руководителем СЭУ и экспертом.

¹⁰ Новый УК России, вступающий в силу с 01 января 1997 г., ответственности эксперта за отказ от дачи заключения уже не предусматривает.

¹¹ Здесь и далее мы касаемся лишь статуса руководителя государственного СЭУ. В то же время нельзя не отметить того, что в стране уже существуют и негосударственные экспертные учреждения и организации (так, в Москве уже достаточно давно экспертизы производятся в Институте Независимых Исследований и Бюро независимых экспертиз "Версия").

Каково положение с реализацией этого права руководителя в настоящее время там, где он этим правом располагает?

Если при проверке результатов экспертного исследования руководитель обнаруживает допущенную, по его мнению, ошибку, он обращает из эту ошибку внимание эксперта и предлагает устранить ее, что может потребовать в некоторых случаях проведения исследования заново.

В зависимости от характера замечаний руководителя возможно возникновение различных ситуаций:

- ◆ 1. Если замечание относится к явным упущением эксперта, которые не могут вызвать со стороны последнего принципиальных возражений, то ситуация разрешается просто: эксперт устраняет допущенное упущение. Это относится к процессуальным нарушениям: отсутствует подпись эксперта о его предупреждении об ответственности за дачу ложного заключения или за отказ от дачи заключения; нет подписи после выводов, не снабжены пояснительными надписями иллюстративные материалы и т. п. Обнаруженная руководителем явная неполнота заключения, когда один или несколько вопросов эксперту остались без ответа, также не может вызвать его конфликта с руководителем: требование восполнения заключения, естественно, должно быть выполнено.
- ◆ 2. Замечание относится к примененным методам исследования, которые, по мнению руководителя, менее эффективны, чем те, которые следовало применить. Здесь возможны два пути развития ситуации: а) если бы были применены указанные руководителем методы, результат оказался бы тем же, но был бы получен быстрее, экономнее; б) применение указанных руководителем методов могло бы позволить получить качественно иные результаты, расширило бы возможности экспертизы, чего не удалось достичь с помощью методов, которые были применены экспертом.

В первом случае замечание носит, в сущности, методический характер, преследует цель повышения профессионального уровня эксперта и по своему характеру не должно повлечь за собой конфликта. Во втором случае многое зависит от авторитета руководителя как эксперта, от убедительности его аргументации. При согласии эксперта с доводами руководителя конфликта также не возникнет, при несогласии — возникнет следующая ситуация:

- ◆ 3. Эксперт несогласен с замечаниями руководителя, которые могут относиться к примененным методам, к самым различным иным элементам исследования, наконец, к самим выводам эксперта, когда, например, руководитель считает, что не было оснований для категорического вывода, а результаты исследования позволяли придти

лишь к вероятному выводу. Возникшая ситуация носит очевидный конфликтный характер и на практике разрешается различными способами:

- ◆ а) руководитель образует комиссию экспертов с участием эксперта, производившего исследование, и предлагает провести экспертизу заново;
- ◆ б) при отказе эксперта принять участие в работе комиссии она проводит исследование без него.

Если комиссия приходит к тем же выводам, что и проводивший исследование эксперт, проблемы не возникает: любое из двух заключений может быть направлено органу, назначившему экспертизу. Если же комиссия приходит к иному заключению, то перед руководителем возникает дилемма: направить ли этому органу одно заключение комиссии или и его, и заключение эксперта, проводившего исследование, поскольку речь в этом случае фактически идет о заключениях первичной и повторной экспертиз, и это тем более существенно, если эксперт, проводивший исследование единолично, не согласен о заключением комиссии экспертов. Кроме того, возникает более принципиальный вопрос: имеет ли право руководитель назначать сам повторную экспертизу?

Аналогичный вопрос возникает и при необходимости, по мнению руководителя, провести не однородную (криминалистическую, автотехническую и т. п.) экспертизу, как значится в постановлении или определении о назначении экспертизы, а комплексную экспертизу и даже, может быть, межведомственную. Вправе ли подобное решение принять руководитель СЭУ, как это зачастую бывает на практике?

Вопрос о возможности руководителя в указанных случаях назначать производство в своем учреждении повторной экспертизы может быть решен путем введения в закон права дачи заключения от имени юридического лица — экспертного учреждения. В этом случае не возникает вопрос о назначении повторной экспертизы, поскольку речь уже идет не о заключении от имени иных экспертов — физических лиц, а подготовке заключения от имени учреждения, ответственность за правильность которого несет персонально руководитель учреждения, образовавший эту комиссию.

Затронутый вопрос о комплексной экспертизе также должен найти свое решение в законе. Полагаем, что руководителю СЭУ должно быть предоставлено право уточнять характер предстоящего исследования: изменять на должный вид или род экспертизы, неправильно определенный в постановлении или определении о назначении экспертизы, образовывать в нужных случаях комиссию из специалистов разных специальностей (то есть фактически назначать комплексную экспертизу), по-

ручать производство экспертизы не одному, а нескольким специалистам одного профиля (комиссионная экспертиза).

Среди прав руководителя СЭУ следует предусмотреть и право отказа от имени СЭУ (подразделения) от производства экспертизы, дав в законе исчерпывающий перечень оснований для такого отказа. Констатация такого права в законе позволит покончить с порочной практикой некоторых следователей, назначающих одну за другой несколько экспертиз в надежде получить, наконец, желательные для них выводы эксперта, причем без всяких к тому оснований. Наконец, руководителю СЭУ должно быть предоставлено право в экстренных случаях принимать неотложные меры к реализации инициативных предложений эксперта по поводу или в связи с обстоятельствами, установленными им в ходе экспертного исследования. Речь идет о принятии неотложных мер к предупреждению вредных событий, наступление которых предвидит эксперт, например, возможности повторного взрыва на предприятии или в шахте, воспламенения тех или иных веществ, отравления людей и т. п. По существующим правилам профилактические предложения эксперта излагаются им в заключении и в том случае, если они разработаны им в инициативном порядке, и направляются органу, назначившему экспертизу (об экспертной профилактике речь будет специально идти далее). Но в указанных чрезвычайных обстоятельствах во избежание пагубного промедления с реализацией этих предложений, "путешествующих" по инстанциям, руководителю СЭУ должно быть предоставлено право непосредственного обращения к тем должностным лицам, во власти которых принятие немедленных предупредительных мер. Такое право можно предоставить и самому эксперту, но целесообразнее, чтобы обращение исходило от руководителя, как официального лица. Возможно, в законе оно должно выступать не как право, а как обязанность руководителя СЭУ.

Кодекс законов о труде предоставляет руководителю учреждения, предприятия ряд прав, направленных на укрепление дисциплины подчиненных. В Законе о судебной экспертизе нецелесообразно, естественно, дублировать эти положения КЗоТ, но, возможно, следует предусмотреть некоторые специфические для СЭУ меры, например, возможность переаттестации сотрудника на право подписи по тому или иному виду (роду) экспертиз при определенных основаниях, отстранение на срок от экспертной работы и т. п. Закон должен содержать и перечень специфических обязанностей руководителя СЭУ (экспертного подразделения).

5.2.3. Законодательная регламентация статуса субъектов экспертного исследования

Значительный интерес представляет также и вопрос о законодательной регламентации статуса субъектов экспертного исследования и статуса лиц, имеющих право присутствовать при производстве экспертизы.

Права и обязанности эксперта, помимо некоторой детализации существующих положений закона, требуют некоторого расширения. Так, например, следует дать исчерпывающий перечень случаев, когда эксперт вправе отказаться от производства экспертизы. При этом следует четко разграничить причины отказа от дачи заключения (помимо указанных ныне в законе) и причины, по которым не представляется возможным выполнить экспертное задание.

Помимо прав и обязанностей эксперта — штатного или внештатного сотрудника СЭУ, в законе следует определить и условия допуска его к экспертной деятельности. Одним из таких условий должна быть соответствующая аттестация эксперта, порядок получения им права подписи при производстве того или иного вида (рода) экспертиз. Следует отказаться от существующего порядка предупреждения эксперта об уголовной ответственности за дачу ложного заключения и за отказ от дачи заключения, сохранив его лишь при привлечении для производства экспертиз специалистов, не являющихся сотрудниками специализированных экспертных учреждений. Для штатных сотрудников государственных экспертных учреждений, независимо от их ведомственной или иной принадлежности, следует ввести принесение присяги соответствующего содержания при вступлении в должность или при предоставлении права подписи. Существующая ныне ситуация парадоксальна: следователь не предупреждается об ответственности за незаконные методы расследования, судья — за вынесение неправосудного приговора, хотя подобная ответственность, как и ответственность эксперта, предусмотрена законом. Эксперт же, такой же государственный служащий, каждый раз должен предупреждаться об этом. На практике этот акт носит чисто формальный характер и выполняется, как правило, самим экспертом — он предупреждает себя сам.

Одна из современных тенденций развития судебной экспертизы заключается в ее компьютеризации и математизации. На современном этапе эксперт, как правило, вынужден прибегать к помощи специалистов — математиков, программистов и т. п., однако их правовой статус законом не регламентирован, что порождает на практике самые различные толкования: от признания указанных лиц экспертами до игнориро-

вания вообще всякого упоминания о них в заключениях экспертов. Однозначного решения не предлагает и наука. Именно поэтому в Законе о судебной экспертизе следует определить статус лиц, обеспечивающих при производстве экспертизы применение ЭВМ и кибернетических методов исследования, а также технических в собственном смысле этого понятия помощников эксперта. Следует также определить статус привлекаемых иногда для разъяснения отдельных вопросов или применения некоторых специальных методов исследования других сотрудников данного или даже другого СЭУ, экспертами в буквальном смысле слова в данном конкретном случае не являющихся. Следует установить, в каком качестве они в данном случае выступают, за что несут ответственность, какое отражение их участие должно получить в заключении эксперта.

Следует определить правовой статус следователя, которому действующий закон предоставляет право присутствовать при производстве назначенной им экспертизы. Что может и чего не должен делать при этом следователь? Может ли он по ходу исследования вмешиваться в работу эксперта, ставить перед ним иные вопросы, помимо указанных в постановлении о назначении экспертизы, изменять их, требовать применения определенной экспертной методики, экспертных методов, разъяснений от эксперта и т. п.? Либо он должен лишь наблюдать за работой эксперта, ни во что не вмешиваясь? Думается, что на все эти вопросы, весьма существенные для практики, закон должен дать ясный ответ, предусмотрев не только права, но и обязанности следователя, присутствующего при производстве экспертизы.

С проблемой правового статуса субъектов экспертизы связан еще один важный вопрос — о производстве экспертизы от имени юридического лица, то есть от имени экспертного учреждения, что не исключает и действующего ныне повсеместно принципа дачи заключения от имени эксперта — физического лица.

Вопрос этот не нов, да и мы уже касались его во втором томе Курса. В 1974 г. с таким предложением выступил проф. А. И. Винберг, который писал: «В экспертном учреждении стирается понятие автономии частного эксперта, которая заменяется коллективным творчеством и ответственностью государственного учреждения как юридического лица, отвечающего за свои профессиональные кадры, за современную научную методику исследования объектов, за качество контролируемых заключений, за комиссионно-комплексную научную организацию труда в об-

ласти экспертной работы"¹². К этому следует добавить, что при таком решении будут исключены конфликты на почве контроля за качеством экспертиз, которые упоминались выше, повысится авторитет экспертных заключений, меньше станет неосновательно назначаемых повторных экспертиз.

В ряде стран (Чехия, Польша, Югославия и др.) законодательство признает юридическое лицо субъектом экспертного исследования. Так, учреждения, ведающие эмиссией денег, дают заключения по делам о фальшивомонетничестве, банки — по делам о банковских мошенничествах и т. п.

В качестве субъекта экспертного исследования — юридического лица — следует признать, прежде всего, государственные экспертные учреждения. Такое право по усмотрению законодателя может быть предоставлено и государственным учреждениям, выполняющим разовые экспертные задания — учреждениям Государственного банка РФ, Гидрометслужбы, НИИ и др. В принципе, такое право может быть предоставлено и негосударственным судебно-экспертным организациям, возможно с теми или иными ограничениями. По мере дальнейшей демократизации уголовного судопроизводства, последовательной реализации принципа состязательности, роль таких учреждений будет возрастать, поскольку с возникновением института конкурирующей судебной экспертизы защита все чаще привлекает их для дачи экспертных заключений в противовес заключениям государственных экспертных учреждений¹³.

До революции уголовно-процессуальное законодательство предусматривало статус так называемого присяжного судебного фотографа. Он проводил исследование документов и давал соответствующие заключения. Думается, что следует рассмотреть вопрос об учреждении корпуса присяжных судебных экспертов, включающего наиболее опытных квалифицированных судебных экспертов, независимо от их ведомственной принадлежности, списки которых будут иметься во всех следственных и судебных органах страны. Это существенно облегчит для них выбор нужного эксперта, упростит проблему оценки заключений конкурирующей экспертизы, назначения компетентной повторной экспертизы. В такой перечень могут быть включены и специалисты в об-

¹² **Винберг А. И.** Дача заключения от имени юридического лица. — Соц. законность, 1974, № 12, с. 54.

¹³ Вопросы производства судебных экспертиз в негосударственных экспертных учреждениях и частными экспертами см.: **Россинская Е. Р.** Судебная экспертиза в уголовном, гражданском и арбитражном процессе. М., 1996.

ласти редко используемых областей науки и техники, например, математики, астрономии, геологии и пр., когда поиск нужного эксперта в современных условиях сопряжен, как правило, со значительными трудностями.

Рассматривая вопрос о статусе судебного эксперта, следует остановиться еще на одной проблеме, решения которой требует следственная и судебная, да и экспертная практика. Речь идет о праве эксперта в некоторых случаях на собирание доказательств. Типичной для этой проблемы служит ситуация с исследованием микрообъектов.

По существующей практике следователь (суд), обоснованно предполагая, что на тех или иных предметах (обычно одежды) имеются микрообъекты, взаимное наложение которых является следствием их контактного взаимодействия, назначает экспертизу, требуя от эксперта, прежде всего, ответа на вопрос: имеются ли на представленных для исследования предметах микрообъекты, микроналожения? Выполняя задание следователя, эксперт производит осмотр представленных предметов и при обнаружении микрообъектов фиксирует этот факт в своем заключении. Обнаруженные микрообъекты, приобретающие значение вещественных доказательств, подвергаются дальнейшему экспертному исследованию для решения других вопросов экспертного задания. Таким образом, эксперт фактически собирает (обнаруживает, фиксирует, изымает) доказательства, на что по букве закона у него нет права.

На подобные действия эксперта, выходящие явно за пределы его компетенции, следователь и суд смотрят сквозь пальцы, игнорируя явное нарушение закона. До последнего времени и в процессуальной теории этот вопрос не обращал на себя внимания. Лишь в конце 80-х гг. к решению этой проблемы обратился проф. Л. В. Веницкий. По его мнению, осмотр предметов — вероятных носителей микрообъектов — должен производиться по месту их обнаружения, как правило, при осмотре места происшествия, с участием специалиста. Микрообъекты, которые по своим характеристикам могут быть обнаружены и индивидуализированы в ходе такого осмотра, подробно описываются в протоколе осмотра места происшествия и впоследствии приобщаются к делу в качестве вещественных доказательств. Те же микрообъекты, которые не могут быть обнаружены при осмотре места происшествия, но наличие которых обоснованно предполагается, обнаруживаются на предметах-носителях в лабораторных условиях в ходе дополнительного следственного осмотра следователем с обязательным участием специалиста. Именно

следователь составляет протокол об их обнаружении, в котором фиксируются их индивидуализирующие признаки.¹⁴

Предложенное Л. В. Венициким решение действительно соответствует действующему законодательству и исключает его нарушение. Правда, насколько нам известно, рекомендации Л. В. Веницкого не получили реализации в следственной практике, которая по-прежнему идет по пути поручения экспертам решения задачи обнаружения микрообъектов. Видимо, учитывая этот консерватизм практики, Л. В. Веницкий, наряду с изложенной рекомендацией, предлагает и другое решение: "...в исследованиях, когда только имеются предположения о наличии микрообъектов, должны участвовать не менее двух экспертов"¹⁵ — но нам кажется, что такое решение принципиально проблемы не снимает.

Не предоставляя эксперту права собирать доказательства, действующий уголовно-процессуальный закон в то же время содержит отступления от этого правила в двух случаях: при следственном освидетельствовании лица другого, нежели следователь, пола, когда освидетельствование проводится специалистом (врачом) в присутствии понятых (ст. 181 УПК) и при производстве освидетельствования как разновидности судебно-медицинской экспертизы, осуществляемого единолично экспертом (ст.ст. 187, 188 УПК)¹⁶.

На основании изложенного выше мы полагаем, что законом эксперту должно предоставляться право собирать доказательства в некоторых, специально оговоренных случаях, например, при исследовании предметов — возможных носителей микрообъектов — и при производстве некоторых видов экспертиз, в частности, судебно-медицинского исследования трупа и живых лиц.

5.2.4. Регламентация производства комплексной экспертизы

Действующий УПК о комплексной экспертизе вообще не упоминает; в сущности, следователь (суд), назначая комплексную экспертизу, или руководитель экспертного учреждения, принимая соответст-

¹⁴ **Веницкий Л. В.** Осмотр места происшествия: организационные, процессуальные и тактические вопросы. Караганда, 1986, сс. 64-65.

¹⁵ Там же, с. 19.

¹⁶ **Веницкий Л. В.** Теория и практика освидетельствования на предварительном следствии. Караганда. 1982, с. 43.

вующее решение, молчаливо руководствуется лишь упоминанием о ней в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 1 от 16 марта 1971 г. "О судебной экспертизе по уголовным делам".

Расширение возможностей судебной экспертизы прямо связано с повышением эффективности комплексного исследования объектов экспертизы. В этом проявляется влияние такого глобального процесса современности, как интеграция научного знания, взаимопроникновение научных методов познания. Насущные потребности экспертной практики настоятельно требуют законодательного решения таких вопросов, как:

- ◆ 1) объем компетенции в смежных областях знания экспертов, участвующих в производстве комплексной экспертизы;
- ◆ 2) порядок формулирования выводов участников комплексной экспертизы;
- ◆ 3) порядок производства межведомственных комплексных экспертиз, определение в этом случае ведущего судебно-экспертного учреждения (подразделения);
- ◆ 4) правовой статус ведущего эксперта (эксперта-интегратора) как организатора и руководителя деятельностью комиссии экспертов, определение его функций, прав и обязанностей (потребности экспертной практики диктуют необходимость подобной процессуальной фигуры, о которой упоминается в ряде ведомственных актов; но законом она не предусмотрена, что порождает обоснованные сомнения в ее правомерности и, как следствие, разноречивости в практике);
- ◆ 5) возможность проведения комплексной экспертизы одним экспертом, профессионально владеющим знаниями в нескольких областях науки или техники.

Есть и другие вопросы, возникающие в практике производства комплексных экспертиз, требующие своего процессуального решения.

5.2.5. Расширение круга субъектов назначения судебной экспертизы

Действующий закон ограничивает круг субъектов назначения экспертизы органом расследования и судом. Защитник обвиняемого по закону имеет право "представлять доказательства", но о том, каким путем он может их получить, имеет ли он право собирать доказательства, закон умалчивает. При существовавших ранее существенных ограничениях положения защитника в уголовном судопроизводстве (и

соответственно ограничениях обвиняемого и подсудимого в праве на защиту) проблема как бы не существовала, ее обходили молчанием. Положение коренным образом изменилось в условиях правовой реформы, повлекшей за собой расширение возможностей стороны защиты. Закон должен предоставить защите не только фактически ничем не подкрепленное право представления доказательств, но и обеспечивающие реализацию этого права возможности собирания доказательств.

По действующему УПК обвиняемый при назначении экспертизы имеет право заявить отвод эксперту (если он ему известен), просить о назначении эксперта из числа указанных им лиц, представлять дополнительные вопросы эксперту (ст. 185 УПК), просить о назначении дополнительной или повторной экспертизы (ст. 193 УПК), — но не первоначальной! В судебном же заседании подсудимый наряду со своим защитником может представить в письменном виде вопросы эксперту и участвовать в допросе эксперта (ст.ст. 288-290 УПК).

Все эти права весьма существенны, и они должны быть в той или иной редакции сохранены. Однако наряду с ними необходимо указанным участникам процесса предоставить право самостоятельно решать вопрос о необходимости проведения судебной экспертизы и дать возможность реализовать это право независимо от усмотрения следователя или суда. Полагаем, что закон должен предоставить право защитнику обвиняемого по собственной инициативе или по желанию обвиняемого назначать судебную экспертизу, поручать ее производство выбранному также по собственному усмотрению эксперту (экспертам), присутствовать при производстве экспертизы. Причем защитнику должно быть предоставлено право назначать и дополнительную, и повторную экспертизы и в тех случаях, когда экспертиза назначена органом расследования, который отказывает в ходатайстве обвиняемого или его защитника в проведении дополнительной или повторной экспертизы по результатам оценки заключения этой первоначальной экспертизы.

Возражение против предлагаемого новшества может заключаться в том, что вопрос может быть решен путем заявления ходатайства о назначении экспертизы, представляемого следователю в общем порядке. Думаем, что это возражение должно быть отвергнуто потому, что предполагает оставление решения этого вопроса целиком на усмотрение следователя, ставит обвиняемого и его защитника полностью в зависимость от намерений и желаний следователя, что недопустимо в условиях самостоятельности и полноправности защиты.

Естественно, что предоставление защите права назначения экспертизы, следует обеспечить и возможностью реализации этого права как

через обязательное производство таких экспертиз в экспертных учреждениях всех ведомств, так и вне их путем самостоятельного (или с участием следователя) приглашения экспертов, не являющихся сотрудниками экспертных учреждений. При введении института присяжных судебных экспертов задача выбора эксперта защитником будет существенно упрощена. Необходимые процедурные детали назначения и производства экспертизы по инициативе защиты могут быть предусмотрены в соответствующих ведомственных актах.

5.2.6. Расширение перечня случаев обязательного назначения экспертизы

Действующий УПК (ст. 79) предусматривает, как известно, четыре случая обязательного назначения экспертизы: для установления причин смерти и характера телесных повреждений, для определения психического состояния подозреваемого и обвиняемого, психического и физического состояния свидетеля или потерпевшего, возраста обвиняемого, подозреваемого и потерпевшего при отсутствии документов о возрасте. Однако этот перечень, являющийся исчерпывающим, практикой фактически давно уже расширен. Так, редкое дело о дорожно-транспортном происшествии обходится без проведения автотехнической или дорожно-транспортной экспертизы, о пожаре — без пожарно-технической экспертизы, о незаконном обороте наркотиков — без экспертного установления природы вещества и т. п. Более того, отсутствие по этим и некоторым другим категориям уголовных дел заключений соответствующих экспертиз почти всегда рассматривается как существенный пробел в материалах предварительного расследования со всеми вытекающими из этого процессуальными последствиями.

Возможны различные варианты решения рассматриваемой проблемы. Самый простой путь — расширить перечень случаев обязательного назначения судебной экспертизы, включив в него, скажем, автотехническую экспертизу по делам об автотранспортных происшествиях, пожарно-техническую — по делам о пожарах и поджогах, судебно-химическую (токсикологическую) — по делам о незаконном обороте наркотических веществ. Однако такое решение, отвечая потребностям практики сегодняшнего дня, не будет иметь необходимого запаса прочности: по мере изменения характера преступности и появлении новых видов преступлений, по мере расширения возможностей судебной экспертизы в плане расширения круга задач, которые становятся доступными для решения ею по самым разным категориям уголовных дел, перечень случаев обязательного назначения будет несомненно «самовольно» расширяться следственной практикой и требованиями суда. В сущности, возникнет

ситуация сегодняшнего дня уже применительно к новому, расширенному законодателем перечню.

Другой, несколько более сложный путь — формулирование в УПК правовой нормы, в которой было бы выражено общее требование, общие условия обязательного назначения экспертизы взамен детального перечня таких случаев, имея в виду, что практика вносит коррективы в любой такой перечень. Сконструировать такую норму непросто, хотя некоторые исходные для нее положения фактически содержатся в УПК. Мы имеем в виду указания ст. 78 УПК: “Экспертиза назначается в случаях, когда при производстве дознания, предварительного следствия и при судебном разбирательстве необходимы специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле.” Очевидно, потребуются точнее определить эти случаи, при которых экспертиза проводится обязательно, но опять-таки в общей форме, без их конкретного наименования.

Наконец, третий, комбинированный путь — это конструирование в УПК такой нормы, которая в своем содержании объединила бы и первый, и второй подходы: содержала бы перечень наиболее распространенных случаев обязательного применения судебной экспертизы, а также формулу, позволяющую расширять этот перечень в зависимости от обстоятельств дела и его характера.

5.2.7. Законодательная регламентация экспертной инициативы

Возможность инициативных действий предоставляет эксперту ст. 191 УПК: “Если при производстве экспертизы эксперт установит обстоятельства, имеющие значение для дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе указать на них в своем заключении”. Проявление инициативы — право, а не обязанность эксперта.

Право на инициативные действия, несомненно, занимает важное место в системе прав эксперта при производстве экспертизы. Но, как всякое право, оно останется чисто декларативным, если закон не предусматривает мер реализации этого права, если ему не будут соответствовать чьи-то обязанности по реализации инициативных предложений эксперта. Между тем, существующее положение вещей не влечет за собой подобных обязанностей для органа, назначившего экспертизу: он волен учитывать или не учитывать обстоятельства, инициативно установленные экспертом при производстве назначенной им экспертизы. Кроме того, закон не предусматривает обеспечения ус-

ловий для проявления экспертной инициативы, удовлетворения связанных с ней ходатайств эксперта, пределов экспертной инициативы и т. п.

Наиболее часто экспертная инициатива проявляется в профилактических предложениях эксперта, и здесь возникает проблема более общего характера — **законодательной регламентации профилактической деятельности судебного эксперта**.

Эта область экспертной деятельности вообще обойдена молчанием в действующем законе. Между тем, в литературе по общей теории судебной экспертизы и по проблемам экспертной профилактики вопрос о законодательной регламентации этой области экспертной деятельности обсуждается уже не один год, но законодатель упорно не реагирует на высказываемые при этом предложения.

“Экспертная профилактика, — пишет И. А. Алиев, сформулировавший специальную теорию экспертной профилактики, — сложное системное образование. Основу его составляет деятельность экспертов, которые на базе своих специальных познаний выявляют обстоятельства, фигурирующие в качестве условий, а иногда и причин совершения преступлений. Выявление подобных обстоятельств может осуществляться как в процессе производства экспертизы, так и в ходе обобщения экспертной практики по мере ее накопления. Во всех указанных случаях выявленные в условиях применения специальных экспертных познаний обстоятельства служат основой для разработки экспертами рекомендаций профилактического характера, направленных на устранение этих обстоятельств в будущем... Элементами или компонентами экспертной профилактической деятельности являются: субъекты деятельности, их функционирование, методы деятельности, ее эффективность, структура, нормативное обеспечение, организационные и методические связи и отношения между субъектами, наполняющие эту деятельность реальным материальным содержанием”¹⁷.

Профилактические предложения эксперта, содержащиеся в заключении, могут иметь своим источником само экспертное задание, когда соответствующие вопросы об условиях или обстоятельствах, способствовавших совершению преступлений, ставятся перед экспертом органом, назначившим экспертизу. Они могут быть следствием проявленной экспертом инициативы, выходя за рамки экспертной задачи. И в том и в другом случае они адресуются исключительно органу, назначившему экспертизу, и их реализация отдается на усмотрение этого органа, что нельзя признать правильным, учитывая социальное значение профилактических мер вообще. При этом орган, назначивший экспертизу, в

¹⁷ **Алиев И. А.** Проблемы экспертной профилактики. Баку, 1991, сс. 4-5.

реализации таких предложений фактически бесконтролен, он не обязан уведомлять эксперта о судьбе его профилактических предложений. Практически профилактические предложения эксперта могут быть отражены в представлении следователя или определении суда, что вовсе не служит гарантией их действительной реализации.

В сущности, похожая ситуация складывается и тогда, когда по результатам экспертной практики соответствующие обобщения направляются судебно-экспертным учреждением в адрес руководителей ведомств или отдельных предприятий или учреждений. Ничто, кроме доброй воли, не обязывает последних реализовать эти предложения с целью устранения условий или обстоятельств, способствовавших совершению тех или иных видов преступлений. Нередко следствием таких обобщений служит пустая отписка руководителя предприятия, учреждения о принятых мерах по реализации профилактических предложений, тогда как никаких реальных мер не принимается.

Рассматриваемый вопрос о реализации профилактических предложений эксперта имеет еще один аспект: реализация этих предложений в экстремальных ситуациях, когда ее промедление чревато тяжкими последствиями. Речь идет о выявлении в процессе производства экспертизы таких обстоятельств, которые требуют немедленного устранения, поскольку они свидетельствуют о существующей угрозе жизни и здоровью людей, причинении значительного материального ущерба и т. п. (высокая вероятность повторного взрыва на предприятии, выхода из строя жизненно важных систем производства или жизнеобеспечения и др.). Обычный порядок принятия профилактических мер через орган, назначивший экспертизу, в подобных случаях может привести к непоправимым последствиям, здесь должна быть узаконена иная процедура, обеспечивающая незамедлительную реализацию профилактических предложений. Скорее всего, в подобных случаях эксперту должно быть предоставлено право сообщать о выявленных обстоятельствах не только органу, назначившему экспертизу, но и непосредственно по месту принятия необходимых профилактических мер — руководителю ведомства, учреждения или предприятия — с обязательным уведомлением как органа, назначившего экспертизу, так и эксперта о принятых мерах в самые сжатые сроки.

Уже одно перечисление связанных с экспертной профилактикой вопросов, требующих законодательной регламентации, ясно показывает, что в рамках УПК даже по чисто техническим причинам их предусмотреть невозможно, что лишний раз свидетельствует о необходимости специального закона о судебной экспертизе. Отдельная глава этого закона «Экспертная профилактическая деятельность» должна содержать нормы, определяющие содержание и задачи этой деятельности, круг

осуществляющих ее субъектов, формы экспертной профилактической деятельности, документальное отражение профилактических предложений эксперта, круг субъектов, реализующих эти предложения и их обязанности, формы участия сотрудников экспертных учреждений в реализации профилактических предложений и т. д. В отдельной норме должны быть оговорены права и обязанности лиц, осуществляющих контроль за профилактической деятельностью экспертов (например, руководителей структурных экспертных подразделений).

5.2.8. Оптимизация формы и содержания экспертных заключений

Исследования, проведенные РФЦСЭ, свидетельствуют, что даже действующее законодательство дает возможность значительно усовершенствовать форму и содержание экспертного заключения. Например, взамен пространных описаний присланных на исследование объектов, имеющих цель их индивидуализации в подтверждение того, что исследовались именно те объекты, которые были направлены следователем и судом, описаний, которые подчас занимают десятки страниц, можно обойтись фотоиллюстрациями или указанием номеров замаркированных таким образом объектов; взамен детального описания примененных методов, полученных промежуточных результатов, использованных методик — ссылкой на соответствующий литературный или методический источник, в котором они детально описаны, или на их номера в каталоге методик, когда такой каталог будет составлен.

Д. Я. Мирский и Е. М. Лифшиц, детально исследовавшие проблему оптимизации формы и содержания экспертных заключений и пути экономии сил и времени экспертов, затрачиваемых на их составление, помимо названных упоминают:

- ◆ автоматизацию процесса экспертного исследования с выдачей ЭВМ готового заключения при решении типичных экспертных задач;¹⁸
- ◆ использование единого терминологического банка по видам (родам) судебных экспертиз, основой для которого могут служить существующие словари экспертных терминов;
- ◆ использование типовых бланков заключений эксперта;

¹⁸ Упомянем здесь также и о специализированных системах поддержки судебной экспертизы (СПСЭ), позволяющих, в частности, облегчать рутинную часть труда эксперта и составление заключения.

- ◆ сокращение исследовательской части заключения за счет излишне детального описания признаков исследуемых объектов;
- ◆ использование микрофильмирования при изготовлении наблюдательных производств¹⁹.

К этому следует добавить, что ст. 191 УПК, требуя, чтобы в заключении эксперта было указано, какие исследования он произвел, оставляет на усмотрение эксперта степень детализации этого описания; в законе не содержится требования перечисления и обоснования примененных экспертом методов исследования, указания на необходимость упоминания о промежуточных результатах и т. п.

Решая вопрос об оптимизации содержания экспертного заключения, следует учитывать и еще одно немаловажное обстоятельство. Практика убедительно свидетельствует, а анкетирование работников следствия и суда это подтверждает, что в подавляющем большинстве случаев следователя и суд из всего экспертного заключения интересуют лишь выводы эксперта. Оценка ими заключения эксперта обычно сводится лишь к проверке полноты этих выводов и их соответствия иным доказательствам по делу. Это учитывалось в процессуальном законодательстве бывш. ГДР, где процесс экспертного исследования фиксировался протокольно, в документах экспертного учреждения, а органу, назначившему экспертизу, направлялись лишь окончательные выводы, ответы на поставленные перед экспертом вопросы. Полный текст заключения представлялся лишь в тех случаях, когда в этом возникала необходимость.

Анализируя подобную практику, следует принимать во внимание не только достигаемую таким путем экономию времени, сил и средств эксперта, но и действительное положение вещей при оценке экспертного заключения следователем и судом. По нашему убеждению, следователь и суд в состоянии оценить лишь полноту заключения, проверив, на все ли поставленные вопросы даны ответы. Ни научную обоснованность выводов, ни правильность выбора и применения методов исследования, ни соответствие этого метода современным достижениям соответствующей области научного знания они оценить не в состоянии, поскольку для такой оценки должны обладать теми же познаниями, что и эксперт. Более того, существующая форма экспертного заключения не позволяет оценить даже компетентность проводившего исследование эксперта, поскольку содержит лишь указание на характер его образова-

¹⁹ *Мирский Д. Я., Лифшиц Е. М.* Значение оптимизации содержания и формы заключения эксперта. — Общетеоретические, правовые и организационные основы судебной экспертизы. М., 1987, сс. 76-82.

ния и стаж экспертной работы. Но ни первое, ни второе еще не свидетельствуют о том, что он достаточно профессионально решил именно эту экспертную задачу; о компетентности эксперта в вопросах конкретного экспертного исследования судить по указанным данным достаточно обоснованно невозможно.

Разумеется, не всякое экспертное заключение отличается такой сложностью, что становится недоступным для оценки следователем и судом, но то, что такие заключения имеются и что число их в связи с расширением возможностей экспертизы и усложнением экспертных методов постоянно возрастает, не вызывает сомнений.

Впервые с подобной ситуацией судопроизводство столкнулось в середине XIX в. в связи с развитием судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз. Разрешить эту ситуацию должна была, по мнению немецкого ученого К. Миттермайера, концепция эксперта — научного судьи, согласно которой заключение эксперта принималось за истину и оценке не подлежало. В России эту концепцию поддержал видный процессуалист Л. Е. Владимиров, полагавший, что ни следователь, ни суд не могут оценить экспертное заключение, поскольку не обладают необходимыми для этого специальными познаниями, подобными познаниям эксперта.

Отечественная процессуальная наука отвергла эту теорию, как несущую на себе печать теории формальных доказательств. Однако аргументы в пользу возможности полноценной оценки заключения эксперта следователем и судом, теоретическая модель такой оценки весьма далеки от жизни, от реальной следственной практики. Думается, что следует в законе, избегая лицемерных формулировок, четко определить те критерии, которыми следователь и суд должны руководствоваться при оценке экспертных заключений, причем критерии реальные и общедоступные, и обусловить порядок использования в этих целях помощи (консультаций) специалистов, призываемых именно для оценки заключений. Полезно также определить в законе возможность сокращенных заключений, содержащих лишь ответы на поставленные перед экспертом вопросы.

5.3. Организационно-правовые и нравственные проблемы экспертной деятельности.

Закон о судебной экспертизе должен содержать нормы, призванные обеспечивать осуществление экспертной деятельности, надлежащего ее уровня, а также определяющие некоторые общепризнанные нравственные принципы, лежащие в основе этой деятельности.

Упорядочение апробации и внедрения в экспертную практику научных рекомендаций и разработок. Сложившиеся методы решения проблемы (обсуждение рекомендаций и новых разработок на научно-методических советах по родам экспертиз, на ученых советах НИИ и вузов, подготовка обязательных указаний о внедрении новинок в экспертную практику и т. п.) не могут быть признаны достаточно надежными и эффективными. Следует законодательно установить порядок апробации новых методов и экспертных методик, определить органы их аттестации и единые общеобязательные формы их публикации и внедрения в практику.

Апробированные в результате должной процедуры экспертные методики следует включать в каталог методик, законодательно признанный научным обоснованием экспертных исследований.

Проблемы нормирования труда эксперта. Существующие системы учета труда эксперта, экспертной нагрузки несовершенны, не дают объективного представления о количестве, качестве и интенсивности этого труда, трудовых затратах. Отсутствуют общепризнанные понятия “простых” и “сложных” экспертиз, их характеристики и системообразующие признаки. Например, нет ответа на вопрос, всякую ли многообъектную экспертизу правомерно считать сложной? Влияет ли длительность исследования на отнесение его к числу простых или сложных? Может ли быть простой комплексная экспертиза для каждого из ее субъектов? Наконец, какими критериями следует руководствоваться при установлении нормативов экспертной нагрузки?

Представляется, что в законе о судебной экспертизе должны содержаться основные понятия этого аспекта экспертной деятельности, что позволит организовать труд эксперта и в целом экспертного учреждения на должной нормативной основе.

Нравственно-правовые аспекты экспертной деятельности. В цивилизованном обществе существенную роль играют нравственные начала

человеческой деятельности, нормы морали — важные регуляторы общественной жизни. Являясь общественным институтом, выполняющим функцию регулирования поведения человека, формой общественного сознания, совокупностью принципов, правил, норм, которыми руководствуются люди в своем поведении, мораль служит необходимым критерием оценки научных рекомендаций общественной практике, в том числе и такой специфической форме этой практики, как практика судебно-экспертных исследований. Вопрос о существовании судебной этики как специальной отрасли науки этики, изучающей нормы поведения участников судопроизводства, в юридической науке, в целом, решается положительно. Однако само содержание судебной этики понимается неодинаково. По мнению одной группы ученых, судебная мораль есть частное проявление общей морали, осуществление общеобязательных принципов и норм в специфических условиях судебной и следственной деятельности. Так, М. С. Строгович полагал, что «судебная этика изучает применение общих норм нравственности в специфических условиях судебной и следственной деятельности, а вовсе не создает каких-либо особенных нравственных норм для судей, прокуроров, следователей, адвокатов»²⁰, что нет таких норм для юристов, как нет их и для любой другой профессии²¹.

Несколько иную позицию занимают Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов, которые признают существование специфических норм профессиональной морали, но видят в них лишь результат применения общих нравственных принципов с учетом специфики профессиональной деятельности. Они пишут: «В любой профессиональной морали не может быть каких-то своих особых нравственных норм, которые не вытекают бы из общих нравственных принципов»²².

Наконец, еще одна группа ученых считает, что судебная этика имеет своим предметом не только общие моральные нормы, но и специфические нравственные начала, присущие деятельности следователя, судьи, эксперта, адвоката, дополняющие общие моральные принципы, а в некоторых случаях и ограничивающие их²³.

²⁰ *Строгович М. С.* Судебная этика, ее предмет и сущность — Сов. государство и право, 1971, № 12, с. 91.

²¹ Проблемы судебной этики. М., 1974, с. 15.

²² *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Судебная этика, Воронеж. 1973, сс. 13-14.

²³ *Ратинов А., Зархин Ю.* Следственная этика. — Соц. законность, 1970, № 10, с. 35.

Судебная мораль как комплекс профессиональных нравственных принципов, правил несомненно существует. По своему содержанию она неоднородна, поскольку в сфере судопроизводства осуществляют свою деятельность представители различных специальностей — судьи, следователи, прокуроры, адвокаты, судебные эксперты. Естественно, что деятельность каждого из них характеризуется своей спецификой, что помимо общих нравственных принципов в ней проявляются и ее регулируют специфические именно для данной специальности нравственные правила. Это справедливо отмечают Л. Ароцкер, И. Быховский и Н. Захарченко, различающие в пределах судебной этики следственную этику, этику проведения судебных действий, этику судебного эксперта²⁴.

Нравственные начала деятельности судебного эксперта мало исследованы. Пальма первенства здесь принадлежит Л. Е. Ароцкеру, опубликовавшему в 1968 г. статью “Об этике судебного эксперта”. Спорным в этой статье было то, что автор фактически ставил знак равенства между моральными и процессуальными нормами, считая, например, нормами профессиональной морали правила оценки доказательств по внутреннему убеждению, принципы равенства всех перед законом, толкование сомнения в пользу обвиняемого и некоторые другие²⁵.

Нормы судебной этики нельзя отождествлять с нормами права. В то же время некоторые нормы права в своем содержании могут выражать моральные нормы, отражать моральные принципы. Иными словами, этическое содержание нормы закона — лишь один из аспектов ее существования, не меняющий самой природы нормы. Нравственные начала профессиональной деятельности таким путем получают свое законодательное выражение, приобретают общеобязательный характер, нередко императивный. С этой точки зрения нет никакого противоречия в том, что эти начала становятся нормой закона: наоборот, подобное превращение следует считать оправданным и необходимым.

Какие же моральные нормы целесообразно превратить в статьи Закона о судебной экспертизе? Во-первых, честность, ответственное отношение к своему служебному долгу, к своим профессиональным обязанностям. Эти принципы должны найти свое отражение в норме закона, содержащего текст присяги эксперта, о необходимости которой говорилось ранее. В присяге должны быть выражены, во-вторых, и такие нрав-

²⁴ **Ароцкер Л. Е.** Об этике судебного эксперта. — Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 5. Киев. 1968; **Быховский И., Захарченко Н.** Этика проведения следственных действий. — Соц. законность, 1978, № 11-12.

²⁵ **Ароцкер Л. Е.** Указ. раб., сс. 136-137.

ственные принципы, как объективность и беспристрастность судебного эксперта.

Цель экспертного исследования — установление истины в рамках задачи, поставленной перед экспертом следователем или судом, поэтому эксперт не вправе связывать себя ни версией обвинения, ни версией защиты или истца и ответчика; но должен добросовестно искать истину, невзирая на то, кому эта истина будет выгодной, и помня, что она всегда “выгодна” правосудию и законности. Если же достичь истины невозможно, эксперт обязан сообщить о невозможности дать заключение.

Объективность предполагает беспристрастность эксперта, его полную незаинтересованность в исходе дела. Строго говоря, объективность только и возможна при условии беспристрастности, когда эксперт руководствуется в своей деятельности лишь соображениями истины. Так, согласно ст.ст. 67 и 59 УПК, эксперт подлежит отводу при наличии данных о его прямой или косвенной заинтересованности в исходе дела. Профессиональная мораль эксперта безусловно требует, чтобы он, если такие данные известны только ему самому, заявил самоотвод, не дожидаясь, пока отвод заявят другие участники судопроизводства. Это правило следует узаконить.

Действующее законодательство не акцентирует внимания на таком важном нравственном принципе, как независимость эксперта, его самостоятельность в суждениях, относящихся к экспертному исследованию. Если принципиальная стойкость должна быть чертой характера эксперта, то самостоятельность в суждениях есть проявление его компетентности, результат глубокого овладения им своей специальностью, высокого профессионализма. Естественно, что они должны дополняться самокритичностью эксперта, но последняя уже целиком относится к области профессиональной морали. Чисто нравственными представляются и такие требования, как научная добросовестность эксперта, корректность поведения при исполнении своих процессуальных и служебных обязанностей, умение хранить служебную тайну и др. Они едва ли должны быть специально указаны в законе, ибо предполагаются в подтексте многих его норм.

РАЗДЕЛ II. ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ

6. СЛЕДСТВЕННАЯ СИТУАЦИЯ И ЕЕ ТАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

6.1. Понятие следственной ситуации

Расследование преступлений осуществляется в конкретных условиях времени, места, окружающей его среды, взаимосвязях с другими процессами объективной действительности, поведением лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, и под воздействием иных, порой остающихся неизвестными для следователя факторов. Эта сложная система взаимодействий образует в итоге ту конкретную обстановку, в которой действуют следователь и иные субъекты, участвующие в доказывании и в которой протекает конкретный акт расследования. Эта обстановка получила в криминалистике общее название следственной ситуации.

О следственной ситуации, ее значении для расследования, необходимости ее учета для эффективного использования криминалистических рекомендаций мы неоднократно, начиная с 1959 г., упоминали в своих работах¹. Нами отмечались ситуационный характер работы с доказа-

¹ См.: **Белкин Р. С.:**

- Криминалистика. М., 1959, сс. 331, 333;
- Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966;

см. след. стр.

тельствами и проявления закономерностей, “управляющих” этой деятельностью, рассматривались некоторые аспекты проблемы следственной ситуации, важные для уяснения соотношения понятий организации и методики расследования.

О следственной ситуации и необходимости ее учета в процессе расследования упоминали и другие авторы. Так, в 1967 г. А. Н. Колесниченко писал: “В осуществлении принципа индивидуальности расследования могут быть выделены следующие два основных элемента: а) анализ и оценка следственной ситуации; б) выбор наиболее эффективной системы приемов расследования. Анализ следственной ситуации должен быть всесторонним, глубоким и безупречным в логическом отношении. Установление особенностей ситуации базируется на личном опыте следователя в расследовании аналогичных преступлений... Выбор наиболее эффективной системы приемов раскрытия конкретного преступления определяется не только глубиной анализа и правильностью оценки ситуации, но и творческим подходом к решению возникающих задач”². Тогда же о тактических ситуациях расследования писал А. Р. Ратинов³. В 1972 г. о ситуационности планирования расследования и самого расследования писал И. М. Лузгин⁴, аналогичные мысли можно встретить и у многих других авторов в работах того периода.

Интерес к проблематике следственных ситуаций заметно возрос с начала и особенно с середины 70-х годов, когда она привлекла внимание многих криминалистов. Этому, на наш взгляд, способствовала активизация исследований в области криминалистической методики, выявивших ключевое значение ряда понятий криминалистической тактики и среди них понятия следственной ситуации.

Первое известное нам определение следственной ситуации, принадлежавшее А. Н. Колесниченко, появилось в 1967 г. “Под следственной ситуацией принято понимать, — писал он, — определенное положение в расследовании преступлений, характеризуемое наличием тех или иных доказательств и информационного материала и возникающими в связи

• Ленинская теория отражения и методологические основы советской криминалистики. М., 1970;

• Курс советской криминалистики, т. 1. М., 1977, гл. 2, 6; т. 2. М., 1978, гл. 12.

² Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1967, с. 16.

³ Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967, с. 157.

⁴ Дубровицкая Л. П., Лузгин И. М. Планирование расследования. М., 1972, с. 32.

с этим конкретными задачами его собирания и проверки”⁵. Следующее определение сформулировал в 1972 г. В. Е. Корноухов, считавший следственные ситуации одной из закономерностей, присущих процессу расследования. Он писал: “Под следственной ситуацией следует понимать объективно повторяемое положение в процессе расследования, обусловленное фактическими данными, которое определяет процесс обнаружения, собирания доказательств. Типичные следственные ситуации определяются с учетом этапов расследования, что в большей степени конкретизирует процесс обнаружения, собирания доказательств”⁶. Из этого определения можно сделать вывод, что автор дал характеристику не следственных ситуаций вообще, а типичных следственных ситуаций (“объективно повторяемое положение”) и поставил формирование последних в зависимость лишь от фактических данных, очевидно, имея в виду под ними доказательства, которыми располагает следствие в конкретный момент.

В 1973 г. В. К. Гавло определил следственную ситуацию в наиболее общем виде “как совокупность фактических данных, которые отражают существенные черты события, каким оно представляется на том или ином этапе расследования преступлений”⁷, то есть свел ее к совокупности доказательств, имеющихся в данный момент и позволяющих составить представление о событии. Такой подход к определению следственной ситуации не давал ответа на главный вопрос: почему следователь должен соотносить свои действия со следственной ситуацией? В чем заключается ее детерминирующее по отношению к тактике следователя значение?

Обоснованно критикуя определение В. К. Гавло, Л. Я. Драпкин отметил, что оно, “кроме односторонности, характеризуется и недостаточной специфичностью из-за отсутствия существенного признака, позволяющего выделить определенное понятие из множества однородных. Практически здесь не видны различия между определением следственной ситуации и такими понятиями, как предмет доказывания, совокупность

⁵ **Колесниченко А. Н.** Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений. Дисс. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1967, с.509.

⁶ **Корноухов В. Е.** Основные положения методики расследования отдельных видов преступлений. — В кн.: Материалы научной конференции. Красноярск, 1972, с. 93.

⁷ **Гавло В. К.** О следственной ситуации и методике расследования хищений, совершаемых с участием должностных лиц. — В кн.: Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973, с. 90.

обстоятельств, имеющих значение для дела, фактическая база версии, система собранных доказательств и т. п.”⁸

Одновременно с В. К. Гавло свое определение следственной ситуации предложил И. Ф. Герасимов. Он пришел к выводу, что следственная ситуация — “это совокупность обстоятельств по делу (обстановка, положение), которая может быть благоприятной или неблагоприятной (в различной степени) для каких-либо выводов и действий следователя”⁹. Впоследствии он предложил иное определение: “Следственная ситуация — это сложившаяся на определенный момент расследования, внутренне необходимо склонная к изменению совокупность характеризующих расследование материальных, информационных и иных факторов и их оценка, которая обуславливает основные направления расследования, принятие решений и выбор способов действий”¹⁰.

Мы уже отмечали во втором томе настоящего Курса, что и по определению В. К. Гавло, и по обоим определениям И. Ф. Герасимова, следственная ситуация лежит как бы “внутри” процесса расследования, выступая либо как совокупность фактических данных дела, либо как совокупность обстоятельств по делу, либо как совокупность факторов, характеризующих не что-то внешнее по отношению к расследованию, а непосредственно само расследование.

Эту ограниченность приведенных определений не смог полностью преодолеть и Л. Я. Драпкин, который попытался сформулировать понятие не реальной следственной ситуации, а ее “информационной модели”. По его мнению, “следственная ситуация — это динамическая информационная система, элементами которой являются существенные признаки и свойства обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу, связи и отношения между ними, а также между участниками процесса расследования, наступившие или предполагаемые результаты действий сторон”¹¹. И здесь большая часть элементов определения лежит “внутри” процесса расследования и лишь часть их относится к его внешним условиям.

⁸ **Драпкин Л. Я.** Понятие и классификация следственных ситуаций. — В кн.: Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Научные труды Свердловского юридического института, вып. 41. Свердловск, 1975, с. 28.

⁹ **Герасимов И. Ф.** Принципы построения методики раскрытия преступлений. — В кн.: Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973, с. 82.

¹⁰ **Герасимов И. Ф.** Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975, с. 173.

¹¹ **Драпкин Л. Я.** Указ. раб., сс. 28-29.

Так же можно охарактеризовать и более позднее определение следственной ситуации, предложенное тем же автором: «Следственная ситуация — это динамическая информационная система, отражающая с различной степенью адекватности многообразные логико-познавательные связи между установленными и еще неизвестными обстоятельствами, имеющими значение для дела, тактико-психологические отношения участников (сторон) уголовного судопроизводства, а также организационно-управленческую структуру и уровень внутренней упорядоченности процесса расследования»¹². В сущности, Л. Я. Драпкин повторил свое прежнее определение, лишь значительно усложнив его.

По мнению А. Н. Васильева, «под следственной ситуацией целесообразно понимать в криминалистике ход и состояние расследования, совокупность установленных и подлежащих установлению обстоятельств, значение и сложность тех и других, степень разрешения иных задач расследования на данный момент, из чего, так сказать, «на выходе» создаются представление и выводы о дальнейшем ходе расследования и его первоочередных задачах»¹³. Это определение (скорее, описание) следственной ситуации страдает, как нам кажется, еще в большей степени тем же дефектом, что и предыдущие: ничего не говорится о внешних по отношению к расследованию условиях, речь идет не об обстановке, в которой осуществляется расследование, а о состоянии самого следствия.

В 80-х гг. было предложено еще несколько определений следственной ситуации. Своеобразно определил следственную ситуацию Д. А. Турчин, считающий, что «следственная ситуация — это одномоментная криминалистическая характеристика преступления на определенном этапе ее развития... есть аппарат, одно из средств познания преступления»¹⁴. Такое определение представляется принципиально неверным, во-первых, потому, что здесь отождествляются два разноплановых понятия, никак не связанные друг с другом, а во-вторых, потому, что след-

¹² **Драпкин Л. Я.** Общая характеристика следственных ситуаций. — В кн.: Следственная ситуация. М., 1985, с. 13.

¹³ **Васильев А. Н.** О криминалистической классификации преступлений. — В кн.: Методика расследования преступлений (общие положения). Материалы научно-практической конференции. М., 1976, с. 25. Этого определения он придерживался и позднее (см. **Васильев А. Н.** Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978, с. 31).

¹⁴ **Турчин Д. А.** О разработке теории следственной ситуации. — В кн.: Следственная ситуация. М., 1985, с. 28.

ственная ситуация, уж конечно, не служит средством познания, она его объект.

В. В. Клочков, присоединяясь к нашему определению следственной ситуации, сформулированному в 1979 г. (его мы повторяем и в настоящем Курсе), писал: «Следственная ситуация — это совокупность реально существующих условий и обстоятельств, образующих конкретную обстановку, в которой происходит расследование, действуют следователь и иные участники процесса... информация о ситуации образует характеристику следственной ситуации»¹⁵. Он решительно возражает против определения ситуации как информации, характеризующей расследование или значимой для расследования, поскольку это «приводит к тому, что следственная ситуация утрачивает свои родовые признаки и превращается в нечто неотличимое от других понятий»¹⁶.

Представляется, что наиболее точно (в информационном плане) определил в те годы следственную ситуацию В. И. Шиканов: «Следственная ситуация — это совокупность данных, характеризующих обстановку, в которой следователю надлежит действовать»¹⁷. Отсюда — один шаг до правильного определения не представления о следственной ситуации («совокупность данных о...»), а реальной следственной ситуации («обстановка, в которой...»).

Определения следственной ситуации, предложенные И. Ф. Герасимовым и Н. А. Селивановым, существенно отличались друг от друга. И. Ф. Герасимов остался в принципе верен своей прежней позиции, рассматривая следственную ситуацию как признак, характеризующий само расследование: «Следственная ситуация — это сложившаяся динамическая совокупность характеризующих расследование информационных, доказательственных, организационно-технических и тактических факторов, анализ и оценка которых влияют на определение направлений расследования, принятие решений и выбор способов действия»¹⁸. Это определение, по существу, не отличалось от его же предыдущего определения, если не считать некоторых модификаций, в которых без труда просматривается влияние определения Л. Я. Драпкина.

¹⁵ **Клочков В. В.** Проблемы теории следственной ситуации. — В кн.: Следственная ситуация. М., 1985, с. 75.

¹⁶ Там же.

¹⁷ **Шиканов В. И.** Разработка теории тактических операций — важнейшее условие совершенствования методики расследования преступлений. — В кн.: Методика расследования преступлений (общие положения). Материалы научно-практической конференции. М., 1976, с. 157.

¹⁸ **Герасимов И. Ф.** Следственные ситуации на первоначальном этапе расследования преступлений. — Соц. законность, 1977, № 7, с. 61.

Иным смысловым содержанием наполнено определение Н. А. Селиванова, перекликающееся в определенной части с определением В. И. Шиканова. С его точки зрения, понятие следственной ситуации в самом общем виде “выражает обстановку, картину расследования, сложившуюся к определенному моменту, иначе следственную ситуацию можно определить как сумму значимой для расследования информации, которая принимается во внимание наряду с источниками ее получения”¹⁹. Здесь уже виден крен в сторону внешней по отношению к расследованию среды, обстановки, в которой осуществляется расследование. Эта точка зрения наиболее близка нашей позиции, что не исключает наших расхождений с Н. А. Селивановым по некоторым деталям его определения.

По нашему мнению, следственная ситуация по отношению к процессу расследования носит преимущественно внешний характер. По словарному определению, ситуация (франц. *situation*, от латинского *situs* — положение) — сочетание условий и обстоятельств, создающих определенную обстановку, положение²⁰. **Следственная ситуация — это совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование**, то есть та обстановка, в которой протекает процесс доказывания.

Следственная ситуация формируется под воздействием объективных и субъективных факторов (условий). К числу **объективных** факторов (условий), влияющих на ее формирование, мы относим:

- ◆ наличие и характер имеющейся в распоряжении следователя доказательственной и ориентирующей информации, что зависит от механизма расследуемого события и условий возникновения его следов в окружающей среде;
- ◆ наличие и устойчивость существования еще неиспользованных источников доказательственной информации и надежных каналов поступления ориентирующей информации;
- ◆ интенсивность процессов исчезновения доказательств и сила влияющих на эти процессы факторов;
- ◆ наличие в данный момент в распоряжении следователя, органа дознания необходимых сил, средств, времени и возможность их использования оптимальным образом;

¹⁹ Селиванов Н. А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования. — Соц. законность, 1977, № 2, с. 58.

²⁰ БСЭ, изд. 2-е, т. 39, с. 182.

- ♦ существующая в данный момент уголовно-правовая оценка расследуемого события.

Субъективными факторами (условиями), влияющими на формирование следственной ситуации, на наш взгляд, являются:

- ♦ психологическое состояние лиц, проходящих по расследуемому делу;
- ♦ психологическое состояние следователя, уровень его знаний и умений, практический опыт; способность следователя принимать и реализовывать решения в экстремальных условиях;
- ♦ противодействие установлению истины со стороны преступника и его связей, а иногда и потерпевшего и свидетелей;
- ♦ благоприятное (бесконфликтное) течение расследования;
- ♦ усилия следователя, направленные на изменение следственной ситуации в благоприятную для следствия сторону;
- ♦ последствия ошибочных действий следователя, оперативного работника, эксперта, понятых;
- ♦ последствия разглашения данных предварительного расследования;
- ♦ непредвиденные действия потерпевшего или лиц, непричастных к расследуемому событию.

Сочетание и результаты воздействия всех этих факторов обуславливают индивидуальность следственной ситуации в момент расследования, ее содержание, т.е. конкретную совокупность условий, в которых приходится или предстоит действовать следователю. И. Ф. Герасимов удачно называет их компонентами следственной ситуации. Это, по его мнению, обстоятельства преступления, известные в данный момент; имеющиеся по делу доказательства; информация, имеющая тактическое и организационное значение; следственные действия и другие мероприятия, намеченные и уже выполненные; запланированные, но еще не выполненные следственные и другие действия; возможности, которыми следователь располагает; возможности, которые еще не использовались (резервы); время, имеющееся в распоряжении следователя; данные о поведении лиц, заинтересованных в исходе дела; оценка всех перечисленных факторов и в конечном счете определение характера ситуации²¹.

Нам представляется, что в этом перечне И. Ф. Герасимов допустил смешение факторов, влияющих на формирование следственной ситуации и не входящих в ее содержание, компонентов ситуации и оценочных действий, не относящихся ни к тем ни к другим. Тем же недостатком

²¹ Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений, с. 171.

страдает и позиция В. К. Гавло, усматривающего в “механизме следственной ситуации” такие элементы, как обстановка, в которой совершено происшествие, воздействие на эту обстановку личности виновного (его соучастников); поведение лиц, имеющих отношение к расследуемому событию и высказавших свое суждение по этому поводу (свидетели, специалисты и др.); действия следователя, направленные на получение фактических данных, их оценку и формирование следственной ситуации²².

Более точно определяет компоненты следственной ситуации (он называет их “основными элементами”) А. Н. Гусаков, рассматривающий ее в связи с выбором тактического приема. По его мнению, такими компонентами являются: задачи, стоящие перед расследованием на момент применения тактического приема, материальная обстановка на месте применения тактического приема, взаимоотношения лиц, с действиями и интересами которых связано применение тактического приема, объем информации, имеющейся у следователя²³.

С нашей точки зрения, следственная ситуация складывается из следующих групп компонентов (условий):

- 1) компоненты психологического характера: результат конфликта между следователем и противостоящими ему лицами, проявление психологических свойств следователя, лиц, проходящих по делу, и т. п.;
- 2) компоненты информационного характера: осведомленность следователя (об обстоятельствах преступления, возможных доказательствах, возможностях их обнаружения и экспертного исследования, местах сокрытия искомого и т. п.); осведомленность противостоящих следователю и иных проходящих по делу лиц (о степени информированности следователя и свидетелей, об обнаруженных и не обнаруженных доказательствах, о намерениях следователя и т. п.);
- 3) компоненты процессуального и тактического характера: состояние производства по делу, возможность избрания меры пресечения, изоляции друг от друга проходящих по делу лиц, проведения конкретного следственного действия и т. п.;
- 4) компоненты материального и организационно-технического характера: наличие коммуникаций между дежурной частью и оперативно-следственной группой; наличие средств передачи информации из

²² Гавло В. К. Указ. раб., с. 90.

²³ Гусаков А. Н. Следственные действия и тактические приемы. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1973, с. 10.

учетных аппаратов органов внутренних дел, возможность мобильного маневрирования наличными силами, средствами и т. п.

Сочетание этих компонентов (условий), составляющее содержание следственной ситуации, есть результат воздействия факторов, влияющих на ее формирование. Оценка же сложившейся следственной ситуации и принятие на основе такой оценки тактического решения в понятие и содержание ситуации не входят.

С такой точкой зрения не согласен И. Ф. Герасимов. Он считает, что «ни в научном, ни тем более в практическом плане разорвать содержание следственной ситуации (ее признаки) с ее мысленной оценкой следователем не только нельзя, но и по существу невозможно. Если исключить оценку из понятия следственной ситуации, то нельзя дать их научную классификацию, нельзя говорить о практическом значении данной категории»²⁴.

Ошибочность позиции И. Ф. Герасимова заключается в том, что он не видит различия между объективной реальностью (следственная ситуация) и ее оценкой (мысленная деятельность). Оценка всегда внешнее по отношению к оцениваемому. Даже если рассматривать следственную ситуацию как информационную модель реальности, то и тогда в эту модель оценка не входит, она выражает отношение субъекта к модели, поскольку модель — результат содержательного познания, а оценка ее — результат познания оценочного.

Несостоятельно и мнение И. Ф. Герасимова о том, что без включения оценки в структуру следственной ситуации станет невозможным научно классифицировать ее виды. Такая классификация основана именно на оценке ситуаций, и для нее не имеет значения, входит ли оценка в состав ситуации или не входит.

Некоторые авторы считают спорным выделение в структуре следственной ситуации компонентов материального и организационно-технического характера. И. Ф. Герасимов считает эти компоненты в меньшей степени специфичными для следственных ситуаций²⁵. Н. А. Бурнашев сомневается в правомерности включения этих компонентов в содержание следственной ситуации только потому, что... есть комплекс других, нами не упоминаемых. Это взаимодействие следователя с органом дознания, использование помощи общественности, профилактическая деятельность следователя и др. Тут же он делает неожиданный и прямо противоположный ранее сказанному вывод: эти факторы «не являются элементами следственной ситуации, а образуют тот или иной

²⁴ Герасимов И. Ф. К вопросу о следственной ситуации, сс. 8-9.

²⁵ Там же, с. 8.

аспект деятельности следователя”²⁶. Предоставляем читателю возможность самому разобраться в столь оригинальной позиции этого автора.

При анализе понятия следственной ситуации возникает вопрос: относится ли это понятие к числу тех, которые должны изучаться криминалистической тактикой, или его следует рассматривать лишь применительно к проблемам криминалистической методики?

Мы полагаем, что в этом аспекте следственная ситуация относится к числу понятий криминалистической тактики и уже в этом качестве, как и иные тактико-криминалистические понятия, реализуется в криминалистической методике. Этот вывод основан на следующих соображениях.

Следственная ситуация обуславливает прежде всего тактику конкретных следственных действий²⁷. Ее оценка реализуется именно в тактическом решении, получающем свое внешнее выражение в планировании расследования. Представления о компонентах следственной ситуации, о факторах, влияющих на ее формирование, не связаны с видами или родами преступлений и имеют общее для всех них значение, что характерно именно для тактических категорий. Для того чтобы быть использованными в криминалистической методике, следственные ситуации нуждаются в типизации, ибо конкретные частные методики рассчитаны именно на типичные следственные ситуации, подобно тому, как они учитывают типичные следственные версии, содержат типичную последовательность следственных действий и т. п. Именно в таком качестве следственные ситуации как тактическое понятие играют важнейшую роль в построении частных методик и в обобщенном виде составляют элемент общих положений криминалистической методики. Но от этого они не утрачивают своей тактической природы.

С нашим мнением о том, что проблематика следственных ситуаций относится к числу тактических, согласны не все криминалисты. По мнению И. А. Возгриня, “понятие следственной ситуации является необходимой и важной частью теории криминалистической методики рассле-

²⁶ **Бурнашев Н. А.** Следственные ситуации в методике расследования преступлений. — В кн.: Проблемы интенсификации деятельности по расследованию преступлений. Свердловск, 1987, сс. 20-21.

²⁷ В аспекте выбора тактического приема на это обращает внимание В. Ю. Шепитько: “Следственная ситуация активно влияет на выбор тактических приемов, направленных на достижение соответствующих целей.” (**Шепитько В. Ю.** Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике. Харьков, 1995, с. 72.)

дования преступлений”²⁸. Позднее он просто включил рассмотрение следственных ситуаций в раздел криминалистической методики²⁹. Учитывая сказанное, полагаем, что для этого нет оснований.

6.2. Виды следственных ситуаций

На сегодняшний день существует несколько классификации следственных ситуаций, основанием которых в большинстве случаев служит характеристика лишь одного из компонентов ситуации. Наиболее полно эти классификации описаны Л. Я. Драпкиным, составившим следующую классификационную схему, помимо которой, и простые, и сложные следственные ситуации подразделяются им на исходные, промежуточные и завершающие³⁰ (см. схему на след. странице).

По определению Л. Я. Драпкина, сложной является такая следственная ситуация, когда существующая информационная неопределенность требует построения нескольких ее вероятностных моделей. Если же информации о ситуации достаточно для построения ее однозначной модели, то такая ситуация является простой. В основе этого деления лежит, как мы видим, характеристика одного из компонентов информационного характера — осведомленности следователя.

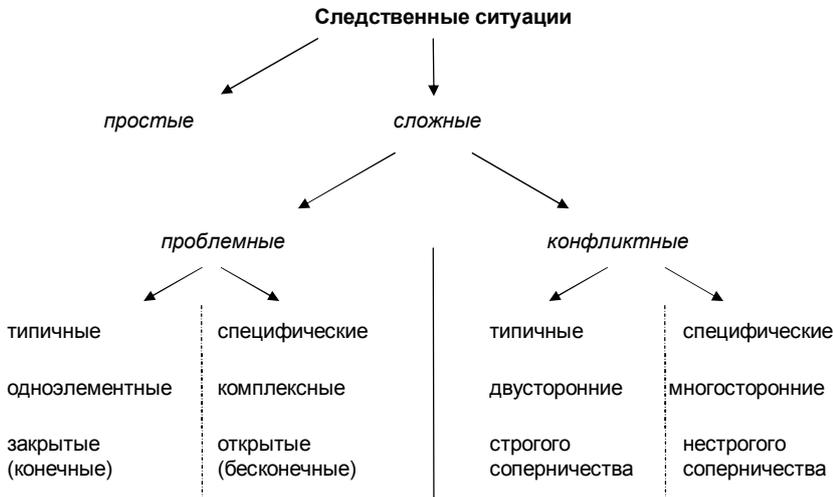
Развивая мысль Л. Я. Драпкина, И. Ф. Герасимов пишет: “...информационная неполноценность — основной отличительный признак сложной следственной ситуации в начале расследования”. И далее с точки зрения информационной неполноты подразделяет следственные ситуации на три вида: 1) ситуации, характеризующиеся отсутствием или существенной неполнотой сведений о лице, совершившем преступление; 2) ситуации, осложненные существенной неполнотой данных о способе преступления или других обстоятельствах преступного события; 3) ситуации, для которых характерна неполнота сведений о лице, совер-

²⁸ **Возгрин И. А.** Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в системе частных методик расследования. — В кн.: Следственная ситуация. М., 1985, с. 69.

²⁹ **Возгрин И. А.** Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Курс лекций. Часть III. СПб., 1993, с. 65; **Возгрин И. А.** Общие положения методики расследования преступлений. — В кн.: Криминалистика. СПб., 1995, сс. 351-352.

³⁰ **Драпкин Л. Я.** Понятие и классификация следственных ситуаций, с. 43.

шившем преступление, и о самом преступном событии³¹ (заметим, что Г. Н. Мудьюгин, у которого И. Ф. Герасимов заимствовал эту классификацию, говорил о типичных ситуациях лишь в смысле содержания исходных данных³², а не о следственных ситуациях в рассматриваемом аспекте).

Разумеется, предложенная Л. Я. Драпкиным классификация следственных ситуаций по указанному основанию допустима. Действительно, правильность действий следователя в сложившейся ситуации в значительной степени зависит от его осведомленности о ней в целом и ее компонентах. Но отнесение ситуации к категории сложных зависит не только от осведомленности следователя, но и подчас не в меньшей степени от осведомленности противостоящих ему и иных проходящих по делу лиц. Так, следственная ситуация, оцененная по классификации Л. Я. Драпкина как простая, может на деле оказаться для следователя чрезвычайно сложной в силу успешного противодействия преступника, столь же хорошо информированного о действиях и намерениях следо-

³¹ Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений, с. 174.

³² Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Планирование расследования преступлений. М., 1957, с. 153.

вателя, сколь последний информирован об обстоятельствах расследуемого события.

Следственные ситуации можно было бы разделить на простые и сложные, исходя из количества составляющих их компонентов, их связей и зависимостей. Однако такая классификация едва ли целесообразна, так как не дает ответа на главный с практической точки зрения вопрос: благоприятна или неблагоприятна данная ситуация для расследования?

Сложные ситуации Л. Я. Драпкин делит на проблемные и конфликтные. С его точки зрения, «проблемная ситуация — это противоречие между знанием и незнанием, своеобразное, специфическое соотношение между известным и неизвестным по делу, когда искомое не дано, но находится в той или иной предположительной связи с уже установленными фактами, которые в какой-то мере ограничивают и направляют поиск информационных и тактических решений»³³. Но, во-первых, если следовать предложенной Л. Я. Драпкиным характеристике сложных ситуаций как отличающихся информационной неопределенностью, то все их можно считать проблемными, в том числе и те, которые он, в отличие от проблемных именуется конфликтными³⁴; а во-вторых, то, что он именует проблемной ситуацией, с нашей точки зрения, есть не следственная ситуация, а состояние производства по делу в данной ситуации («соотношение между известным и неизвестным по делу»), то есть один из компонентов следственной ситуации.

С этой точки зрения, нам представляется, более права Н. Л. Гранат, определяющая проблемную ситуацию не в доказательственном, а в чисто психологическом плане как «особый вид мыслительного взаимодействия субъекта и объекта, отличающийся таким психическим состоянием субъекта, которое требует найти (открыть или усвоить) новые, ранее не известные ему знания или способы действия, необходимые в данном конкретном случае»³⁵.

Наконец, Л. Я. Драпкин сам опровергает свой взгляд на проблемную ситуацию как разновидность ситуации следственной, заявляя, что «основным методом разрешения проблемных ситуаций, возникающих по

³³ **Драпкин Л. Я.** Указ. раб., с. 43.

³⁴ Именно так, кстати, и поступает И. Ф. Герасимов, справедливо именующий все сложные ситуации проблемными (указ. раб., с. 174).

³⁵ **Гранат Н. Л.** Характеристика следственных задач и психологические механизмы их решения. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1973. с. 6; см. также: **Гранат Н. Л.** Следственная ситуация (психологический аспект). — В кн.: Следственная ситуация. М., 1985, сс. 35-38.

уголовным делам, является построение и проверка версий"³⁶. Но построение и проверка версий служит целям установления истины по делу, то есть целям собственно доказывания, а не влияния на те условия, в которых оно осуществляется.

Деление следственных ситуаций на конфликтные и бесконфликтные, заимствованное криминалистикой у психологии, основывается на характеристике одного из психологических компонентов следственной ситуации: соперничества и противодействия сторон, цели и интересы которых при расследовании преступления не совпадают. "Бесконфликтная ситуация, — писал еще в 1967 г. А. Р. Ратинов, — характеризуется полным или частичным совпадением интересов участников взаимодействия, отсутствием противоречий в целях, к достижению которых направлены их усилия на данном этапе расследования... Ситуации конфликтов различной длительности и остроты возникают тогда, когда между участниками процесса складываются отношения соперничества и противодействия"³⁷.

Имея в виду важный, подчас определяющий для всей ситуации характер этого ее компонента, следует признать практическую значимость этой классификации. Поскольку в дальнейшем мы специально остановимся на конфликтных ситуациях в связи с тактическими проблемами их использования следователем, здесь мы ограничимся данной констатацией.

Все, что было нами сказано относительно так называемых проблемных ситуаций, вполне относится и к их подгруппам по классификации Л.Я. Драпкина. Это не подгруппы следственных ситуаций, а различные состояния процесса доказывания, характерные для отдельных его этапов.

В рассматриваемой классификации есть еще два звена: деление ситуаций на типичные и специфические, на исходные, промежуточные и завершающие. Оба эти деления, с нашей точки зрения, заслуживают внимания и использования.

Типизация следственных ситуаций, как нами указывалось ранее³⁸, необходима для построения частных криминалистических методик. Выявление же специфики ситуации необходимо для правильного применения этих методик и решения тактических вопросов расследования.

³⁶ **Драпкин Л. Я.** Указ. раб., с. 32.

³⁷ **Ратинов А. Р.** Судебная психология для следователей, с. 157.

³⁸ **Белкин Р. С.** Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970; **Белкин Р. С.** Методологические основы предварительного следствия. — В кн.: Руководство для следователей. М., 1971.

Ситуация специфична не только абсолютно, но и относительно различных моментов своего существования. Совершенно прав Л. Я. Драпкин, подчеркивая, что «следственные ситуации независимо от их классификационной группировки представляют собой динамические системы, меняющие свое содержание, структуру и форму в результате воздействия различных внешних и внутренних факторов»³⁹. Эту же мысль выразил и И. М. Лузгин: «Для любой ситуации, в том числе и следственной, характерны временные эпизодические связи между предметами и явлениями материального мира. Подчиняясь диалектике явлений, ситуации могут меняться, переплетаться, исчезать и вновь возникать под воздействием некоторой совокупности факторов, в том числе поведения людей»⁴⁰. Именно динамичность следственных ситуаций дает основание различать в их числе исходные (с точки зрения процесса расследования), промежуточные и конечные.

В заключение не хочется пройти мимо еще одной классификации следственных ситуаций, предложенной Н. А. Бурнашевым⁴¹. В ней много противоречивого, сомнительного и просто неверного. Так, он предлагает 11 оснований для классификации, и в том числе «по объему функционирования: глобальные (общие и типичные) и локальные (конкретные, специфические, атипичные)», оставляя без разъяснений, что такое глобальная следственная ситуация или чем отличается конкретная от специфической. Странно звучит классификация «по процессу ситуационного развития»: на стратегические, тактические, организационные, иные. Представить себе, о чем в данном случае идет речь, нам не удалось. Еще туманнее классификации «по времени функционирования: долговременные, быстротечные» и «по степени непрерывности функционирования: перманентные, временные», или «по динамической характеристике: пульсирующие, сглаженные» (!). Очень жаль, что автор не привел примера «пульсирующей» или «сглаженной» следственной ситуации. Воздержимся от комментариев, чтобы ненароком не обидеть автора.

Резюмируя сказанное, мы приходим к выводу, что из числа предложенных классификаций следственных ситуаций обоснованным является их деление на типичные и специфические; начальные, промежуточные и конечные; бесконфликтные и конфликтные (с дальнейшим их подразделением). В конечном счете, все это — частные классификации, поскольку

³⁹ Драпкин Л. Я. Указ. раб., с. 42.

⁴⁰ Лузгин И. М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений. — Правоведение, 1977, № 2, с. 64.

⁴¹ Бурнашев Н. А. Указ. статья, с. 21.

ку в их основе лежит какой-то один признак ситуации. Мы полагаем, что основанием для общей классификации следственных ситуаций служит ее качественная по отношению к возможности достижения целей расследования характеристика. С этой точки зрения, мы делим все следственные ситуации на благоприятные и неблагоприятные для расследования, полагая, что всякое достижение следователем намеченных целей должно начинаться с оценки существующей следственной ситуации и при необходимости — с принятия мер по изменению ее в благоприятную сторону. Наиболее эффективное средство такого воздействия на следственную ситуацию — тактическая комбинация, о которой речь будет идти специально.

Ранее мы уже отметили, что иногда как следственную ошибочно, по нашему мнению, рассматривают ситуацию, в которой оказывается следователь на начальном этапе расследования в зависимости от степени полноты имеющихся исходных данных. Разумеется, по буквальному смыслу слова — это тоже ситуация, но в аспекте следственной ситуации это всего лишь один из ее информационных компонентов. Именно поэтому указание подобных типичных ситуаций с исходными данными, используемое с известной натяжкой для определения основных направлений расследования, не позволяет получить конкретный ответ на вопрос о том, как конкретно должен действовать следователь. Ответ может быть получен лишь в результате изучения следственной ситуации в целом; степень конкретизации его зависит от того, является ли объектом анализа типичная или специфическая ситуация.

В подтверждение сошлемся на следующий пример.

В учебнике, подготовленном кафедрой криминалистики МГУ, приводятся четыре типичные следственные ситуации в зависимости от исходных материалов. Применительно к каждой из них определяются основные направления расследования. Выглядит это так:

“1. Имеются сведения о событии преступления и о якобы виновном в нем лице (главным образом, от потерпевших), но еще неясно, действительно ли было это событие, имело ли оно преступный характер и причастно ли к нему указанное лицо... Направление расследования — установление действительности события, его конкретных обстоятельств, причастности к нему заподозренного лица...”

4. Установлено событие с признаками преступления, но отсутствуют или почти отсутствуют сведения о виновном лице (кража, тайные убийства и др.).

Направление расследования — с использованием типовых версий выявление максимального количества данных, характеризующих пре-

ступника, района его возможного нахождения, просеивание выявленных заподозренных лиц, установление и задержание виновного лица”⁴².

Нетрудно убедиться, что подобное ориентирование в направлениях расследования имеет весьма относительную практическую ценность. В сущности, вся процедура сводится к “вычитанию” из предмета доказывания известных данных и ориентирования таким образом на установление “остатка”. А вот *как* его установить — остается неизвестным. Для того чтобы ответить на этот вопрос в общей форме, нужен анализ *всей* типичной исходной следственной ситуации со всеми ее компонентами. Такой анализ, более или менее полный, мы иногда встречаем в конкретных частных методиках.

Чтобы закончить рассмотрение вопроса о видах следственных ситуаций, упомянем о классификации, предложенной В. С. Максимовым. Рассматривая типы следственных ситуаций в связи с проведением очной ставки, он называет конфликтные и бесконфликтные ситуации, временные ситуации и ситуации, связанные с процессуальным положением участников этого следственного действия. Под временной он имеет в виду ситуацию первоначального или заключительного этапов расследования; ситуации, связанные с процессуальным положением участников очной ставки, отличаются по тактическому признаку⁴³.

Действительно, между следственными ситуациями, складывающимися на различных этапах расследования, могут быть различия, определяемые факторами внезапности, времени, числом лиц, участвующих в работе по делу, и др. Но таких различий может и не быть, что во многом определяется видом расследуемого преступления и характером конкретного преступного деяния. То же самое можно сказать и относительно последнего из названных В. С. Максимовым видов ситуаций.

Термин “типичная следственная ситуация” широко используется в научном обиходе. Вот как определяют содержание этого термина В. К. Лисиченко и О. В. Батюк: “Типичную следственную ситуацию как научное понятие (криминалистическую категорию) целесообразно рассматривать как обобщенную совокупность сведений о комплексах определенных общих условий, встречающихся при расследовании отдельных

⁴² Криминалистика. М, 1995, сс. 489-490; см. также: *Васильев А. Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М, 1978, сс. 41-45.

⁴³ *Максимов В. С.* Следственные ситуации и организация очной ставки. — В кн.: Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Свердловск, 1975, сс. 55-56; *Максимов В. С.* Теория и практика очной ставки на предварительном и судебном следствии. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975, сс. 11-12.

видов или однотипных групп преступлений. В этом смысле данная ситуация, являясь результатом обобщения практики, приобретает важное научно-методическое значение, используется для разработки криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений. По отношению к деятельности следователя по расследованию конкретного преступления она также имеет важное значение, потому что как криминалистическая категория выполняет тактическую и организационно-методическую функции⁴⁴. Здесь все верно, не хватает лишь одного, но существенного уточнения: типизация следственных ситуаций по всем составляющим их компонентам практически невозможна, поскольку она должна будет насчитывать колоссальное число вариантов. Следовательно, речь должна идти о типизации по какому-либо одному, реже двум компонентам, чаще всего — по информационному компоненту. Но это требует неперемного указания на этот компонент, как объект обобщения.

Интересную характеристику следственной ситуации с позиций системного подхода предпринял Г. А. Зорин. Он показал, что следственная ситуация является:

- I. “открытой системой, в которой взаимодействие участников основано на получении информации извне, а также по каналам обратной связи с постоянным и взаимным рефлексированием позиций партнеров;
- II. “целестремленной системой, так как деятельность ее участников обусловлена определенной целью или комплексом целей, часто противоречащих друг другу”;
- III. контролируемой, но не в полной мере, системой (когда следователь выпускает из рук инициативу, это не может не оказать влияния на следственную ситуацию);
- IV. дискретной системой, которая может быть расчленена на различные процессы:
 - A. контроля за выполнением собственных функций следователя;
 - B. восприятия информации от участников ситуации;
 - C. восприятия и оперативной оценки следственных ошибок, упущений;

⁴⁴ Лисиченко В. К., Батюк О. В. Следственная ситуация и ее значение в криминалистике и следственной практике. — Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 36, Киев, 1988, с. 5.

- D. формирования адекватной программы исправления ошибок, предотвращения возможных негативных последствий упущений следователя;
- E. выполнения комплекса тактических приемов соответствующей направленности и принятия информации об их результативности;
- V. детерминирующей системой, “поскольку она обуславливает поведение следователя и иных заинтересованных лиц, которые так же, как и следователь, анализируют ситуацию и делают соответствующие выводы о предстоящих следственных ситуациях”⁴⁵.

Это наиболее полная характеристика следственной ситуации за последнее время. Здесь уместно сказать несколько слов в адрес ее автора.

Георгий Алексеевич Зорин, доктор юридических наук, профессор Гродненского государственного университета (Республика Беларусь) сравнительно недавно приобрел широкую известность в кругах ученых — криминалистов и процессуалистов. Общее внимание привлекла защищенная им в 1991 г. докторская диссертация “Проблемы применения специальных логико-психологических методов при подготовке и проведении следственных действий”, в которой он показал себя глубоким знатком эвристических методов исследования, эвристических методов формирования стратегии и тактики следственной деятельности. Его исследования в области тактического риска, психологии допроса, приемов и методов оптимизации следственных действий и др. создали ему репутацию талантливого ученого, “генератора” оригинальных идей, обладающего развитым чувством нового и способного найти свой путь в исследовании этого нового. Свидетельством тому служат такие его монографии, как “Криминалистическая эвристика” (тт. 1-2, Гродно, 1994) и “Введение в экспертно-креативные системы” (Гродно, 1995, в соавт. с В. Ф. Попуцевичем).

В заключение заметим, что иногда термином ситуация обозначают состояние среды, в которой замышлялось, готовилось, совершалось преступление. Именно в этом смысле говорят о ситуации в момент совершения преступления, ситуации на месте происшествия и т. п. Такое значение придает этому термину и Г. Л. Грановский, рассматривая вопрос о ситуационной экспертизе: исследованию подлежит обстановка на месте происшествия, а не следственная ситуация в рассматриваемом нами аспекте. Он пишет: “*Ситуации* могут быть подразделены на: *конечную*, сложившуюся после события преступления; *исходную*, которая была до преступления, и *промежуточные*, которые формировались на различных этапах преступления. Исследование места происшествия

⁴⁵ Зорин Г. А. Криминалистическая эвристика, т. 1. Гродно, 1994, сс. 51-53.

должно дать набор промежуточных ситуаций, которые *должны* были быть, *могли* быть, *быть не могли*⁴⁶. Такие ситуации Г. Л. Грановский назвал криминалистическими и отнес к ним лишь часть объектов, составляющих вещную обстановку места происшествия. С точки зрения понятия следственной ситуации, здесь мы имеем дело с одним из ее информационных компонентов.

6.3. О концепции “бесконфликтного следствия”

В основе каждого преступления лежит конфликт правонарушителя с законом, с интересами общества и государства. Восстановление попорченного права начинается с раскрытия и расследования преступления, в ходе которых конфликт с законом может обрести форму конфликта со следователем — лицом, призванным установить истину. Так возникает конфликтная следственная ситуация, в которой противодействие правонарушителя установлению истины и меры следователя по преодолению этого противодействия и достижению целей следствия являются доминирующими факторами. Реальность подобных ситуаций и их известная распространенность обусловили развитие тех приемов и рекомендаций криминалистической тактики, которые вооружают следователя для действия в обстановке конфликта, помогают разрешить его в соответствии с законом и в интересах самого правонарушителя.

Наличие элементов борьбы, соперничества в достижении целей при производстве расследования в условиях противодействия со стороны лиц, не заинтересованных в установлении истины, обычно не вызывало сомнений ни у криминалистов, ни у процессуалистов. Конечно, не каждый обвиняемый стремится скрыть истину, не каждый выступает как противник следователя. Но следователь должен быть готов к противодействию, должен допускать его возможность.

“Деятельность следователя, — замечал А. Н. Васильев, — это, главным образом, работа с людьми, объединение с ними своих усилий на решение общей задачи расследования — установления истины, несмотря на то, что индивидуальные интересы некоторых из участников этой деятельности, особенно обвиняемых и подозреваемых, зачастую

⁴⁶ Грановский Г. Л. Криминалистическая ситуационная экспертиза места происшествия. — В кн.: Рефераты научных сообщений на теоретическом семинаре — криминалистических чтениях 21 апреля 1977 г., вып. 16. М., 1977, с. 7.

оказываются направленными в противоположную сторону”⁴⁷. Такая противоположная направленность интересов и может привести к конфликтной ситуации в процессе расследования.

Конфликтные ситуации с разной степенью остроты противоборства сторон — не редкость в следственной практике. “Нравственные критерии допустимости различных методов, средств и приемов имеют чрезвычайное значение в деятельности следователя, поскольку **она протекает, как правило, в конфликтных ситуациях, носит характер борьбы**” (выделено нами — **Р. Б.**), — пишут авторы “Судебной этики”⁴⁸. Н. Л. Гранат также считает, что в деятельности следователя значительное место занимают конфликтные ситуации⁴⁹. Аналогичны взгляды подавляющего большинства известных нам авторов⁵⁰. Даже авторы монографии “Проблемы судебной этики”, занимающие резко отрицательную позицию по ряду спорных вопросов криминалистической тактики, признают, что “следователь нередко встречается с активным противодействием лиц, заинтересованных в том, чтобы преступление не было раскрыто, стремящихся направить следствие по ложному пути. Все это порождает порой **острые конфликтные ситуации** (выделено нами — **Р. Б.**), требующие от следователя немалой нравственной стойкости”⁵¹.

Разумеется, понятия борьбы, соперничества, конфликта в практике расследования имеют в известной степени условное значение. “Психологическую борьбу нельзя рассматривать как войну с обвиняемым, — пишет А. Р. Ратинов. — В уголовном процессе борются не с обвиняемым как личностью, а с отдельными проявлениями отсталого сознания

⁴⁷ Криминалистика. М., 1971, с. 252.

⁴⁸ Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика. Воронеж, 1973, с. 99.

⁴⁹ Гранат Н. Л. О моделировании ситуаций, порождающих потребность в даче правдивых показаний. — В кн.: Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973, с. 76.

⁵⁰ Так, В. Л. Васильев пишет: “Для следственной деятельности характерно преодоление сопротивления со стороны незаинтересованных в успешном расследовании дела лиц. Пожалуй, нет другого вида человеческой деятельности, успешному окончанию которой так активно противоборствовали бы заинтересованные люди и группы лиц...” (Юридическая психология. Л., 1974, с. 45). Еще в 1942 г. С. А. Голунский писал: “Если обвиняемый действительно виновен и пытается скрыть свою виновность, отвергая предъявленное ему обвинение, то между ним и следователем неизбежно завязывается своего рода борьба...” (Допрос на предварительном следствии. Ашхабад, 1942, с. 81). Исследованию конфликтов в деятельности следователя посвящена монография: Баев О. Я. Конфликты в деятельности следователя. Воронеж, 1981.

⁵¹ Проблемы судебной этики. М., “Наука”, 1974, с. 154.

и низменных побуждений, за лучшее в этой личности, то есть, по существу, участвуют в той борьбе, которая происходит во внутреннем мире человека⁵².

Казалось бы, вопрос ясен. Общепринятая точка зрения о существовании конфликтных ситуаций в процессе расследования побуждала и ученых, и практиков разрабатывать действенные средства разрешения конфликтов с успехом для следствия при безусловном соблюдении принципов законности. Однако неожиданно были поставлены под сомнение как само существование конфликтных ситуаций, так и необходимость разработки тактических и психологических средств их преодоления.

В 1973 г. появилась статья И. Ф. Пантелеева “Некоторые вопросы психологии расследования преступлений”. Одним из центральных положений этой статьи было отрицание конфликтных ситуаций при расследовании. Подвергая резкой критике взгляды А. Р. Ратинова и А. В. Дулова о методах и пределах психического воздействия на личность в уголовном процессе, И. Ф. Пантелеев в категорической форме заявил, что “ошибочная общая концепция “психического воздействия” в уголовном судопроизводстве приводит к неверному взгляду на процесс расследования преступлений, который представляется некоторым в виде “борьбы, принимающей иногда очень острые формы”⁵³, как процесс разрешения “конфликтных” и даже “критических ситуаций”⁵⁴. “Конечно, — продолжал И. Ф. Пантелеев, — в практике нередки случаи недобросовестного поведения участвующих в уголовном деле лиц (обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и др.), когда их личные корыстные интересы противоречат задачам уголовного судопроизводства. Однако от этого расследование преступлений — процесс искания объективной истины по делу — не превращается в “борьбу”, в “конфликт”, “реальное соперничество двух сил, противодействие друг другу участников расследуемого дела”⁵⁵. Такое понимание расследования не согласуется с самой сущностью и принципами советского уголовного процесса. Идея расследования — “борьбы”, “конфликта” — неизбежно порождает проник-

⁵² **Ратинов А. Р.** Советская судебная психология. М., 1967, с. 30.

⁵³ **Ратинов А. Р.** Судебная психология для следователей. М., 1967, с. 55.

⁵⁴ **Дулов А. В.** Судебная психология. Минск, 1970, с. 205, **Ратинов А. Р.** Судебная психология для следователей, сс. 157-163.

⁵⁵ **Ратинов А. Р.** Судебная психология для следователей, с. 157.

новение в советский уголовный процесс и несвойственных ему методов”⁵⁶.

Так, не приводя никаких аргументов, И. Ф. Пантелеев просто “закрыл” конфликтные ситуации в расследовании как “несогласующиеся” с сущностью и принципами процесса.

Идеи учителя были подхвачены его учеником. С. Г. Любичев, выполнивший свое диссертационное исследование под руководством И. Ф. Пантелеева, не только полностью разделил его взгляды, но и даже пошел несколько дальше, усмотрев в признании ситуаций противоборства путь к отрицанию воспитательных целей правосудия. Сходство их мыслей оказалось весьма наглядным: “В последние годы в криминалистической литературе были высказаны взгляды на процесс расследования преступлений, как на борьбу, “противоборство двух сил”, — писал диссертант. — Полагаем, что такое определение процесса расследования не свойственно советскому уголовному процессу. Принятие этой идеи расследования — борьбы способно привести к проникновению в следственную тактику недопустимых приемов, нарушению прав граждан, нравственных ценностей общества и личности. О борьбе в следственной тактике можно говорить лишь в плане общего направления следственной деятельности — то есть о борьбе с преступностью, и в плане воспитательном — о борьбе за человека, за сохранение и укрепление в нем положительных черт личности. Определение процесса расследования как борьбы, “противоборства двух сил” означает превращение процесса расследования в борьбу с личностью как таковой и в сочетании с “особыми нравственными нормами” судопроизводства ведет к замене нравственного принципа нетерпимости к антиобщественным проявлениям особой “нормой” нетерпимости к данной личности. Это, в свою очередь, открывает путь к отрицанию воспитательных целей правосудия”⁵⁷.

Так появилась концепция “бесконфликтного следствия”, по меткому выражению И. Е. Быховского, “внешне респектабельная”, но таящая в себе серьезную угрозу порождения не только среди ученых, но и среди

⁵⁶ **Пантелеев И. Ф.** Некоторые вопросы психологии расследования преступлений. — Труды ВЮЗИ, вып. XXIX. М., 1973, с. 223.

⁵⁷ **Любичев С. Г.** Этические основы следственной тактики. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1976, сс. 6-7. Заметим, кстати, что диссертант избрал не очень этичный прием полемики: сделав весьма прозрачный намек на статью: **Ратинов А., Зархин Ю.** Следственная этика. — Соц. законность, 1970, № 10, — он игнорировал как раз те ее места, где авторы говорят об этических требованиях к деятельности следователя в конфликтных ситуациях с тем, чтобы она не утратила своего воспитательного значения (с. 39).

следователей-практиков опасных демобилизационных настроений. “Коль скоро “конфликта нет”, — писал И. Е. Быховский, — нужно ли стремиться упредить преступника, пытающегося уничтожить доказательства, активно противодействовать его попыткам сговориться с участниками, подговорить свидетелей, инсценировать место происшествия, скрыться от следствия и суда? Нужно ли внезапно задерживать его с поличным, подвергать немедленному допросу, не давая возможности придумать ложные объяснения? Нужно ли продумывать тактику допроса, наиболее эффективные методы предъявления доказательств?”⁵⁸

Как И. Ф. Пантелеев, так и С. Г. Любичев некорректно пользуются некоторой двусмысленностью терминов “борьба”, “противоборство”, “конфликт”, придавая им вовсе не то значение не ту смысловую нагрузку, которую они несут в работах их оппонентов.

Под конфликтом принято понимать “всякое явление, относительно которого можно говорить об участниках, об их действиях, об исходах явления, к которым эти действия приводят, о сторонах, так или иначе заинтересованных в этих исходах, и о сущности этой заинтересованности”⁵⁹. Для конфликта характерно столкновение противоположных интересов, взглядов, стремлений, серьезное разногласие. Даже поверхностное ознакомление со следственной практикой показывает типичность таких ситуаций, когда расходятся интересы следствия и подследственного — участников ситуаций, когда их действия прямо противоположны: один стремится скрыть истину, другой — ее обнаружить, когда возможен различный результат их действий, направленных на достижение взаимоисключающих целей. Совершенно прав Д. П. Котов, делая вывод, что “если рассматривать конфликт, например, как реальное соперничество, как процессуальную и тактическую борьбу (но не войну!) с обвиняемым или другими лицами, то это явление налицо в советском уголовном процессе не только в стадии предварительного расследования, но и в других стадиях, так как принцип состязательности и построен на таком понимании конфликта”⁶⁰.

Глубокое исследование конфликтов и конфликтных ситуаций на предварительном следствии предпринял **Олег Яковлевич Баев** — бесспорный лидер разра-

⁵⁸ **Быховский И. Е.** Процессуальные и тактические вопросы системы следственных действий. Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1975, с. 215.

⁵⁹ Энциклопедия кибернетики, т. 1. Киев, 1975, с. 333.

⁶⁰ **Котов Д. П., Шиханцев Г. Г.** Психология следователя. Воронеж, 1976, с. 26.

ботки этой проблематики в отечественной криминалистике. Его работы “Конфликты в деятельности следователя. Вопросы теории” (1981), “Конфликтные ситуации на предварительном следствии. Основы предупреждения и разрешения” (1984) и многочисленные статьи по различным аспектам изучения следственных ситуаций выдвинули О. Я. Баева в число ведущих отечественных ученых криминалистов.

Какие же выводы могут следовать из положения о том, что конфликты, конфликтные ситуации реально существуют в процессе расследования и достаточно типичны, чтобы стать объектом анализа и обобщения?

Эти выводы касаются, во-первых, профессионального отбора и подготовки следователей. Следователь должен быть воспитан и обучен действовать в экстремальных условиях, в состоянии интеллектуального и эмоционального напряжения, в обстановке, когда может возникнуть необходимость в принятии неожиданных решений, наконец, при явном или скрытом противодействии заинтересованных в исходе дела лиц.

Во-вторых, эти выводы заключаются в необходимости научной (психологической, криминалистической) разработки средств, приемов и методов действий следователя в конфликтной ситуации. Основными направлениями таких исследований нам представляются:

- ◆ разработка методики анализа конфликтных ситуаций и принятия процессуальных и тактических решений;
- ◆ разработка средств и методов воздействия на конфликтную ситуацию с целью изменения ее в благоприятную для следствия сторону;
- ◆ разработка приемов и методов управляющих воздействий на “противника” с целью получения (применяя терминологию теории игр) наибольшего выигрыша следователем.

Теория или концепция “бесконфликтного следствия” делает ненужными все эти исследования и тем самым разоружает следствие, создает явный перевес тех, кто не заинтересован в обнаружении истины по делу, нанося прямой ущерб правосудию. Распространение этой концепции действительно может привести к исчезновению конфликтных ситуаций, поскольку правонарушителю более не с кем будет конфликтовать: перед ним окажется следователь, неспособный оказать ему противодействие в сокрытии истины, идущий на поводу у преступника, пассивный и безоружный.

Мнимой является и кажущаяся на первый взгляд этичность этой вредной концепции. На самом деле она снижает требовательность следователя к своей работе, притупляет чувство долга перед законом, порождает опасные деформации его личности, верхоглядство, легкомыслие и в итоге ведет к провалам в работе. Правы А. Ратинов и Ю. Зархин, указывая, что “сложные конфликтные ситуации требуют от следователя ос-

таваться хозяином своих чувств и стремлений, сохранять верность нравственным принципам, стойко, не роняя достоинства, переносить затруднения, преодолевать попытки склонить к действиям, противным его совести. Такое поведение требует порой большего запаса прочности, чем кратковременный порыв, отважный шаг в условиях внезапно возникшей опасности”⁶¹. К чему все это, если следствие всегда — “сотрудничество” правонарушителя и следователя, трогательный союз единомышленников?

Розовые очки концепции “бесконфликтного следствия” лишь искажают действительность. Это средство не защиты закона и морали, а их нарушения. И на этом можно было бы поставить точку, забив последний гвоздь в гроб теории “бесконфликтного следствия”; но оказалось, она может воскреснуть в ином обличье, прямо как оборотень из старинной сказки.

В далеком ныне 1970 г., когда оживленно дискутировался вопрос о допустимости “следственных хитростей”, выступивший в их защиту А. М. Ларин писал: “...по каждому делу, пока преступление не раскрыто, как правило, возникает коллизия... Цель следователя — собрать достоверную информацию о всех существенных обстоятельствах дела. У преступника — цель иная: по возможности скрыть все, чем может заинтересоваться следователь. Это придает доказыванию в расследовании конфликтный характер, характер борьбы за информацию”⁶². Под этими справедливыми словами подписался бы любой противник теории “бесконфликтного следствия”. А сегодня эти слова попытался бы, наверное, не признать за свои сам их автор.

Происходят же на свете такие удивительные метаморфозы! Термины теории игр, абсолютно невинные по своему смыслу и содержанию, — борьба, соперничество, нанесение удара и т. п., — явно используемые в криминалистической литературе в условном, переносном смысле, вдруг на полном серьезе объявляются “следствием утверждения в стране тоталитаризма, милитаризации общества с присущими им командным режимом управления, широким использованием силовых приемов”. Далее за этим последовало абсурдное обвинение в том, что, когда говорят о конфликте правонарушителя с законом, а потом и со следователем —

⁶¹ **Ратинов А., Зархин Ю.** Следственная этика. — Соц. законность, 1970, № 10, с. 39.

⁶² **Ларин А. М.** Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., 1970, с. 49.

это ни больше и ни меньше как “открытое отождествление обвиняемого с преступником до постановления приговора”, и следовал вывод: “Теория конфликтного следствия, отождествляющая обвиняемого с преступником, есть научнообразное обозначение и оправдание предвзятости”⁶³.

Все это написал тот же А. М. Ларин, который так образно писал о конфликтном характере доказывания. Под его пером конфликтные ситуации при расследовании выросли до размеров “теории конфликтного следствия” — одной из лженаучных теорий “паракриминалистики”. В праведном своем гневе он, не жалея живота своего, “громит” всех тех, кто осмеливался признавать наличие конфликтных ситуаций при производстве расследования и давать рекомендации по разрешению конфликта. И все эти рассуждения по поводу конфликтов служат, по мнению Ларина, одной цели: обвинить невиновного. Вывод звучит, как набат: “Заложенное в фундамент теории “конфликтного следствия” отождествление обвиняемого с преступником служит оправданию неразборчивости в средствах “борьбы”, нарушению нравственных и правовых норм” (стр. 108).

Вот уж, действительно: умри, Денис, — лучше не скажешь!

⁶³ Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. М., 1996, сс. 102-103.

7. ТАКТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ

7.1. Понятие тактического решения

Разработка проблем психологии следственной деятельности и задача использования в криминалистике данных развивающейся теории управления поставили на повестку дня вопрос об исследовании понятия тактического решения, его оснований, целей, процесса принятия и реализации как важных практических “выходов” криминалистической тактики. Современное состояние вопроса характеризуется лишь разрозненными высказываниями сопутствующего плана при рассмотрении, главным образом, судебно-психологических аспектов отдельных моментов расследования. Они относятся преимущественно к тактике действий следователя в условиях конфликтной ситуации, перспективам использования в этих условиях теории рефлексии, а также правомерности использования интуиции как основания для принятия решения и некоторым иным случаям процесса принятия решений как тактического, так и процессуального характера.

Такой психологический “крен” рассмотрения проблемы решения представляется неслучайным, если учесть, что и общее определение этого понятия носит явно психологическую окраску. “Решение, — говорится в Большой Советской энциклопедии, — один из необходимых моментов волевого действия, состоящий в выборе цели действия и способов его выполнения. Волевое действие предполагает предварительное осознание цели и средств действия, мысленное совершение действия, предшествующее фактическому действию, мысленное обсуждение оснований, говорящих за или против его выполнения и т. п. Этот процесс заканчивается принятием решения”¹. Это или подобное ему определение принимается за исходное и в науке управления. “Под решением по-

¹ БСЭ, изд. 2-е, т. 36, с. 455.

нимается, — пишет Г. А. Туманов, — один из необходимых элементов волевого действия, состоящий в выборе цели действий и способов ее достижения”².

Из приведенных общих определений решения следует, что его элементами — опять-таки в общем виде — являются: 1) выбор цели действия и 2) выбор, или определение способов достижения цели, способов выполнения действия. Как общие, эти элементы, очевидно, должны быть в любом определении решения, независимо от того, о решении в какой области человеческой деятельности идет речь. И действительно, например, управленческое решение характеризуется как “сознательный акт (действие) субъекта управления, который, опираясь на имеющуюся в его распоряжении информацию, выбирает цели действия, пути, способы и средства их достижения”³. В сфере уголовного судопроизводства решение в его процессуальном аспекте определяется как “облеченный в установленную законом процессуальную форму правовой акт, в котором орган дознания, следователь, прокурор, судья или суд в пределах своей компетенции в определенном законом порядке дают ответы на возникшие по делу правовые вопросы и выражают властное волеизъявление о действиях, вытекающих из установленных обстоятельств и предписаний закона, направленных на достижение задач уголовного судопроизводства”⁴. Таким образом, и здесь можно усмотреть выбор цели — установление обстоятельств, требующих реагирования, и выбор средств ее достижения.

Примерно так же формулируются элементы решения любой задачи следователем. Это: “осмысливание и анализ имеющейся информации; формирование цели решения задачи с учетом конкретной ситуации, а также уголовно-процессуальных и уголовно-правовых требований, выявление всех возможных вариантов решения; выбор решения с применением соответствующих методов и его процессуальная регламентация; планирование исполнения решения”⁵. Но это еще не определение тактического решения, представляющего собой частный случай приведенной общей формулы.

² Туманов Г. А. Организация управления в сфере охраны общественного порядка. М., 1972, с. 143.

³ Там же.

⁴ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976, с. 18.

⁵ Дулов А. В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. М., 1973, с. 52.

В литературе приводится несколько определений тактического решения. Так, С. И. Цветков считает, что “тактическое решение следователя можно определить как основанный на анализе следственной ситуации вывод о целесообразности применения при производстве одного или нескольких следственных действий некоторых тактических приемов и технико-криминалистических средств определенными лицами и в определенной последовательности в целях наиболее эффективного осуществления собирания, исследования, оценки и использования доказательств”⁶. Однако в этом определении о цели, на достижение которой направлено тактическое решение, говорится в такой форме, какая, на наш взгляд, стирает грань между тактическим и любым другим решением следователя, ибо всякое решение в процессе расследования в конечном счете направлено на обеспечение успеха доказывания.

Можно ли считать тактическим решением вывод о целесообразности применения тех или иных тактических приемов и средств? Мы полагаем, что вывод о **целесообразности** применения приема или средства является не тактическим решением, а лишь его предпосылкой, учетом существующих для подобного случая научных или эмпирических рекомендаций, из которых еще надлежит сделать выбор — **необходимого** для данной ситуации, для достижения данной цели тактического приема или технико-криминалистического средства.

Г. С. Шостак полагает, что “тактическое решение — это не противоречащий закону и нормам коммунистической морали, основанный на научных положениях криминалистики и других наук, выбранный из нескольких, после предварительного анализа и обдумывания, наиболее эффективный альтернативный вариант действий, направленных на достижение определенных целей и задач в сложившейся следственной ситуации”⁷. В этом определении много лишнего: нет необходимости упоминать о непротиворечии решения закону, поскольку все, что относится к криминалистической тактике, не должно противоречить закону. Указание на обоснованность решения положениями науки не исчерпывает собой все основания решения, а коли так, то также не требует упоминания; все остальное вплоть до слова “направленных” может быть отнесено к любому решению.

⁶ **Цветков С. И.** Состояние и перспективы использования данных науки управления в криминалистике. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1977, с. 116.

⁷ **Шостак Г. С.** Тактическое решение и его значение в работе следователя. — В кн.: Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Саратов, 1978, сс. 43-44.

Более сложным представляется определение, предложенное А. В. Дуловым и Ю. И. Новиком. Они считают, что «тактическое решение — это мысленная динамическая модель следственного действия, сформировавшаяся в сознании следователя на основе выбора, в рамках уголовно-процессуального закона, из научных рекомендаций криминалистической тактики, а также учета и применения регулирующих производство данного следственного действия уголовно-процессуальных норм, имеющих тактическое содержание»⁸. К этому определению относится все, сказанное в отношении определения Г. С. Шостака. Вдобавок здесь о законе говорится даже дважды. Кстати, почему это динамическая модель? Ведь, сформировавшись, решение стабильно. Его изменение — уже другое решение.

Во всех приведенных определениях тактическое решение связывается обязательно со следственным действием или системой таковых действий. Такое ограничение целей тактического решения, ограничение сферы их реализации представляется неверным, о чем будет сказано далее.

Для того чтобы раскрыть понятие тактического решения и дать его определение, необходимо выяснить, какое место оно занимает в системе решений, принимаемых в процессе расследования как следователем, так и лицами, которые в соответствии с законом могут оказывать воздействие на деятельность следователя — прокурором, осуществляющим надзорные функции, и начальником следственного подразделения органов внутренних дел или прокуратуры.

Всякое тактическое решение преследует цель оказания воздействия на определенный объект. Таким объектом может быть следственная ситуация в целом или отдельные ее компоненты, материальные образования (вещи), люди и др.

Эта цель тактического решения позволяет отнести его к классу управленческих решений, ибо «под научным управлением понимается сознательное, на достоверном знании основанное систематическое воздействие субъекта управления (управляющей подсистемы) на социальный

⁸ Дулов А. В., Новик А. И. Понятие и структура тактического решения, принимаемого следователем при производстве следственного действия. — В кн.: Теоретические проблемы криминалистической тактики. Свердловск, 1981, с. 47. Называя тактическое решение динамической моделью, авторы несколькими страницами раньше пишут: «Тактические решения обладают признаком окончательности, так как они, во-первых, представляют собой итог мыслительной деятельности следователя и, во-вторых, являются руководством к ее осуществлению» (с. 42). Так все-таки: динамичность или окончательность — признак тактического решения?

объект (управляемую подсистему) с целью обеспечения ее эффективного функционирования и развития, достижения поставленной цели”⁹.

В теории управления существуют различные классификации управленческих решений. В качестве основных их видов называют нормативные и индивидуальные, относящиеся к организации структуры системы и к организации процессов управления, касающиеся внешнего управления и внутриорганизационной деятельности, основные и дополнительные, императивные и рекомендательные¹⁰.

Существует деление управленческих решений в зависимости от их содержания, точнее, той функции системы, в области которой они принимаются. Так, с этой точки зрения, решения, принимаемые начальником горрайоргана внутренних дел, можно естественно подразделить на три группы: в области борьбы с преступностью и охраны общественного порядка, в области кадровой работы, в области материального и технического обеспечения. Решения первой группы, в свою очередь, естественно подразделяются на решения в области административно-правовой деятельности, в области уголовно-процессуальной деятельности, в области оперативно-розыскной деятельности.

К этой классификации В. З. Веселый добавляет деление решений в зависимости от их значимости для организации борьбы с преступностью и охраны общественного порядка. Он различает: программные (перспективные) решения — долгосрочные планы развития горрайоргана внутренних дел, отдельные приказы начальника, рассчитанные на длительную перспективу; установочные решения — “планы работы горрайорганов на год и специальные приказы начальника, в которых оцениваются итоги работы органа внутренних дел за минувший год и ставятся задачи на предстоящий год”; частные решения — о мерах по отдельным проблемам борьбы с преступностью и охране общественного порядка, по отдельным линиям работы; оперативные решения — о выезде оперативной группы на место происшествия, рекомендации по организации работы по конкретным уголовным делам и т. д.¹¹

⁹ **Афанасьев В. Г.** Социальная информация и управление обществом. М., 1975, с. 114.

¹⁰ **Ипакян А. П.** Подготовка и принятие управленческих решений. — В кн.: Основы научной организации управления и труда в органах внутренних дел. М., 1973, с. 68.

¹¹ **Веселый В. З.** Подготовка и принятие управленческих решений начальника горрайоргана внутренних дел по борьбе с преступностью и охране общественного порядка. М., 1975, сс. 4-7.

Применительно к классификации управленческих решений тактические решения можно рассматривать как индивидуальные, относящиеся к внешним управляющим воздействиям, могущие быть как основными, так и дополнительными, а в зависимости от субъекта, принимающего решение, — как императивными, так и рекомендательными.

Решения, принимаемые в процессе расследования, могут быть разделены также по их отношению к процессуальной процедуре, к уголовно-процессуальному закону. С этой точки зрения различают решения процессуального и непроцессуального характера. Однако мы полагаем, что не все решения процессуального характера имеют смысл актов применения уголовно-процессуального права.

П. А. Лупинская, называя характерные черты процессуальных решений как актов применения уголовно-процессуального права, указывает, что: "...решения могут быть вынесены только государственными органами и должностными лицами, ведущими уголовное судопроизводство, в пределах их компетенции; они выражают властное веление органов государства, порождают, изменяют или прекращают уголовно-процессуальные отношения, подтверждают наличие или устанавливают отсутствие материально-правовых отношений, они должны быть вынесены в установленном законом порядке и выражены в определенной законом форме"¹².

Однако существует ряд решений, которые принимаются и реализуются исключительно в сфере уголовного судопроизводства на основании и в соответствии с уголовно-процессуальным законом и носят, таким образом, процессуальный характер, хотя и лишены одной или нескольких упомянутых черт. К их числу можно отнести, например, решения о проведении следственного действия, не являющегося обязательным по закону, об очередности следственных действий, об использовании отдельных технико-криминалистических средств и т. д. Закон не предусматривает порядок вынесения таких решений и форму их выражения. В то же время нельзя отрицать их процессуального характера, поскольку они принимаются и реализуются во исполнение требований судопроизводства, в полном соответствии с его принципами и порядком, ради достижения его целей и по своей природе составляют элемент процесса доказывания.

Неоднородны по своему содержанию и принимаемые следователем решения непроцессуального характера. Среди них могут быть решения, исполнение которых хоть и не составляет часть деятельности по рас-

¹² Лупинская П. А. Указ. раб., с. 18.

следованию, но носит обеспечивающий по отношению к последнему характер, например, решения, относящиеся к планированию рабочего времени, к научной организации труда и др. Есть и решения, касающиеся иных сторон деятельности, не связанных с конкретным актом расследования: профилактических мероприятий, повышения профессионального уровня и др.

Тактические решения целиком лежат в процессуальной сфере деятельности следователя и суда. Основой такого утверждения служит само представление о криминалистической тактике как системе научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих судебное исследование, и приемов проведения отдельных процессуальных действий, направленных на сбор и исследование доказательств, на установление причин и условий, способствовавших совершению и сокрытию преступлений. Вся тактика, все ее элементы, а следовательно, и такой, как тактическое решение, носят процессуальный характер.

Из сказанного, однако, не следует, что тактическое решение — это решение, всегда касающееся лишь следственных действий как единственного процессуального способа собирания, исследования и использования доказательств. Тактическое решение, основываясь на оценке следственной ситуации, может относиться к ее прогнозированию, к организационно-техническим мероприятиям в ходе расследования, наконец, к организации самого расследования, в том числе и взаимодействия с оперативными и иными службами органов внутренних дел. Важно лишь, чтобы решение оставалось по самой своей природе тактическим.

Подобно тому как прием, будучи тактическим, не утрачивает этого своего качества, становясь нормой закона, так и тактическое решение не перестанет быть тактическим, даже если оно будет облечено в форму типичного процессуального решения, обладающего всеми упомянутыми ранее чертами. Так, в основе процессуальных решений об обыске, избрании меры пресечения, привлечении в качестве обвиняемого и т. п. всегда лежит тактическое начало: когда и где производить обыск, когда избрать меру пресечения и какую, в какой момент следует осуществить привлечение в качестве обвиняемого и т. д. Разумеется, речь идет не о всяком процессуальном решении, ибо есть среди них и такие, которые никак не связаны с тактикой, например, решение о передаче дела в суд. Следует сделать и еще одну оговорку. Наличие тактического начала в основе некоторых процессуальных решений вовсе не означает, что их реализация должна обязательно осуществляться с использованием положений, средств и приемов криминалистической тактики. Например, само решение о привлечении лица (лиц) в качестве обвиняемого можно

рассматривать в определенном аспекте как тактическое. Однако, по нашему мнению, не существует тактики привлечения в качестве обвиняемого, как нет и тактики признания в качестве потерпевшего или тактики составления обвинительного заключения, как ошибочно полагают иные авторы¹³.

Тактическое решение — всегда решение о воздействии на тот или иной объект, причем о воздействии, которое также можно характеризовать как тактическое.

Под тактическим воздействием следует понимать всякое правомерное воздействие на тот или иной объект, осуществляемое с помощью тактических приемов или на основе тактики использования иных криминалистических средств и методов — как собственно криминалистических, так и обязанных своим происхождением смежным областям знания.

Таким объектом воздействия может быть поведение участников следственных действий, лиц, противодействующих расследованию и т. п. Но все это, в сущности, промежуточные или непосредственные объекты воздействия. В конечном счете, всякое тактическое решение преследует цель воздействия на следственную ситуацию, элементами которой и являются объекты непосредственного воздействия.

Воздействие не всегда заключается в осуществлении каких-либо действий, не всегда носит, так сказать, деятельностный характер. Оно может выражаться, как и тактический прием, в каких-то поведенческих актах, например, в воздержании от действий. Но и в этом случае его цель — изменение следственной ситуации.

Резюмируя сказанное, можно, как нам кажется, следующим образом определить тактическое решение. ***Тактическое решение — это выбор цели тактического воздействия на следственную ситуацию в целом или отдельные ее компоненты, на ход и результаты процесса расследования и его элементы и определение методов, приемов и средств достижения этой цели.***

¹³ Активным сторонником распространения криминалистической тактики на все процессуальные действия выступал И. Ф. Герасимов. Он писал: "По нашему мнению, точка зрения авторов, исключаящих из предмета криминалистической тактики изучение таких следственных действий, как предъявление обвинения, избрание меры пресечения, задержание, приостановление и окончание следствия и другие, является далеко не бесспорной. Более того, думается, что назрела необходимость в разработке криминалистической тактики указанных и некоторых других действий следователя" (*Герасимов И. Ф.* Некоторые проблемы криминалистической тактики. — В кн.: Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики. Свердловск, 1972, с. 30).

Тактическое решение состоит из трех частей: информационной, организационной и операционной.

Информационная часть решения заключается в анализе и оценке следственной ситуации и ее компонентов, подлежащих решению процессуальных задач, замыслов противодействующих сил, возможностей следствия, прогностической информации.

Организационная часть решения содержит вывод о распределении функций, формах и направлениях взаимодействия, последовательности введения в действие наличных сил и средств, резервных возможностях, проведении необходимых организационно-технических мероприятий.

Операционная часть решения — это определение цели тактического воздействия, условий и способов достижения цели и прогнозируемых результатов реализации тактического решения.

Формирование частей тактического решения происходит на определенных этапах, составляющих процесс подготовки и принятия тактического решения.

7.2. Определение цели тактического воздействия

Мы уже отмечали, что всякое решение, и тактическое в том числе, означает, прежде всего, выбор цели, определение подлежащей решению задачи. Такими целями тактического решения, по нашему мнению, могут быть:

- ◆ изменение следственной ситуации в благоприятную для следствия сторону;
- ◆ максимально эффективное использование неблагоприятной следственной ситуации;
- ◆ изменение отдельных компонентов следственной ситуации;
- ◆ достижение превосходства в ранге рефлексии над противодействующей стороной;
- ◆ использование фактора внезапности, особенно на начальном этапе расследования;
- ◆ обеспечение методичности и наступательности расследования.

Конечно, этот перечень приблизителен, цели в нем сформулированы в обобщенной форме. Причем в еще более общей форме можно сказать, что целью всякого тактического решения является обеспечение поступательного движения процесса доказывания.

Если считать объектом тактического решения лишь следственное действие или даже их систему, то логичным будет признать, что цели тактического решения и следственного действия совпадают. Именно к такому выводу и приходят А. В. Дулов и Ю. И. Новик: «Тактическое решение содержит представление о целях следственного действия»¹⁴.

В. Е. Корноухов несколько иначе понимает цели тактического решения. Он связывает тактическое решение с проверкой версий — общих и частных — и считает, что в конечном счете целью тактического решения служит «та или иная совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию»¹⁵. И в том и в другом случае цели решения связаны только со следственными действиями.

В науке управления выбор цели обычно рассматривают как первый этап процесса подготовки и принятия решения. «Если попытаться установить стадии подготовки и принятия управленческих решений, — пишет Г. А. Туманов, — то исходной будет стадия возникновения проблемы (задачи), подлежащей разрешению, и выдвижение управленческих гипотез»¹⁶. А. П. Ипакян, считая, что содержание процесса управленческой деятельности характеризуется прежде всего целью, в качестве исходной стадии каждого управленческого цикла называет постановку (формулирование) цели¹⁷. Аналогичны взгляды В. Г. Афанасьева¹⁸, Г. Х. Шахназарова¹⁹, О. В. Елчаниновой²⁰. Однако эта точка зрения не является единственной.

¹⁴ Дулов А. В., Новик Ю. И. Указ. раб., с. 47.

¹⁵ Курс криминалистики, часть 1. Красноярск, 1995, с. 174.

¹⁶ Туманов Г. А. Указ. раб., с. 144.

¹⁷ Ипакян А. П. Подготовка и принятие управленческих решений в органах внутренних дел. — В кн.: Основы научной организации управления и труда в органах внутренних дел. М., 1974, с. 81; Ипакян А. П. Подготовка и принятие управленческих решений. — В кн.: Основы научной организации управления и труда в органах внутренних дел. М., 1973, с. 71.

¹⁸ Афанасьев В. Г. Научное управление обществом (опыт системного анализа). М., 1968, с. 197. В более поздней работе В. Г. Афанасьев, ставя определение задачи (цели) на первое место в процессе подготовки решения, в то же время пишет: «Сколько бы этапов ни выделялось, основным, исходным в подготовке решения является сбор и подготовка информации о внутреннем состоянии системы и окружающей ее среде. Затем информация перерабатывается, на основе чего определяется данная ситуация. Ситуация сопоставляется с генеральной целью, стоящей перед системой, а расхождение между ситуацией и целью дает возможность сформулировать проблему, ради которой и принимается решение» (Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975, с. 155).

¹⁹ Шахназаров Г. Х. Стадии управления и демократический контроль. — Сов. государство и право, 1969, № 2, с. 25.

Е. З. Майминас полагал, что постановке задачи предшествует подготовка и анализ информации²¹. На первое место в управленческом цикле А. Г. Венделин ставил анализ ситуации, то есть детальное изучение сложившейся обстановки²². На примере решения хозяйственных проблем он показывает, что “целесообразно прежде всего восстановить в хронологическом порядке развитие событий и мысленно представить, к каким последствиям это развитие может привести. Далее важно выяснить, с чем связано возникновение создавшейся ситуации, какие организации и лица причастны к проблеме, что предпринималось ранее в аналогичных случаях в данной организации и в других организациях, изучить отечественный и зарубежный опыт рассмотрения аналогичных проблем. Требуется проанализировать, что наблюдается на выходе системы... а также установить, какие ненормальности и отклонения наблюдаются со стороны внешней среды и как они влияют на вход системы”²³.

Мы считаем, что специфика процесса расследования и самой управленческой деятельности в ходе этого процесса, особенности управляемого объекта и характерные черты тактического решения, отличающие его от других видов управленческих решений, дают достаточные основания считать начальным этапом процесса подготовки и принятия тактического решения анализ следственной ситуации с целью получения необходимой информации.

Только путем анализа сложившейся к моменту принятия тактического решения следственной ситуации следователь в состоянии определить необходимость, направленность и “точки приложения” тактического воздействия, то есть выявить само существование задачи и ее характер. При этом, разумеется, следует иметь в виду, что, осуществляя выбор цели, на достижение которой будет направлено тактическое решение, следователь всегда располагает обобщенным представлением о целях (задачах) данного акта расследования, обусловленных предметом доказывания по делу. Цель конкретного тактического решения всегда лежит в границах этого обобщенного представления и есть его конкретизация

²⁰ **Елчанинова О. В.** Роль социальной информации и математических методов в выработке управленческих решений. — В кн.: Научное управление обществом, вып. 3. М., 1969, сс. 224-226.

²¹ **Майминас Е. З.** Процессы планирования в экономике. Информационный аспект. М., 1971, сс. 180-186.

²² **Венделин А. Г.** Процесс принятия решения. Таллин, 1973, сс. 105-106.

²³ **Венделин А. Г.** Подготовка и принятие управленческого решения. М., 1977, с. 72.

и детализация применительно к данному этапу и моменту расследования.

В криминалистической литературе анализ следственной ситуации, то есть сбор и обработка необходимой информации, в большинстве случаев рассматривается как исходный момент в процессе подготовки и принятия следователем любого решения по делу. «Определение основных направлений деятельности (следователя — **Р. Б.**) органически связано с оценкой характера сложившейся на тот или иной момент ситуации, — справедливо отмечает И. Ф. Герасимов. — Оценка как специфическая сущность ситуации²⁴ нужна в первую очередь для правильного определения практической задачи на ее основе, вслед за формированием задачи происходит принятие решений и осуществляются конкретные действия во их исполнение»²⁵.

О значении анализа следственной ситуации для принятия решений по делу пишут А. П. Онучин, Л. Я. Драпкин, Ф. В. Глазырин²⁶. И. М. Лузгин замечал при этом, что получение информации о следственной ситуации возможно двояким путем: по сведениям о ней и путем непосредственного ее познания. «В сознании следователя существуют не сами ситуации, — писал он, — а их отражение в виде системы мысленных образов, понятий, представлений, логических фигур. Информационные модели события или его фрагментов, в том числе определенных ситуаций, представляют собой сложные отражения реальности, ее аналогии. Действительно, следователь может изучать ситуацию по ее информационным моделям, а проще по системе фактических данных — сведений о ней. Но это уже опосредованное изучение ситуации по ее отображениям. Чтобы получить такие отображения, необходимо непосредственное познание ситуации»²⁷. Мы уже указывали, что и А. В. Дулов также считает начальным этапом процесса решения следователем любой задачи осмысливание и анализ им исходной информации.

²⁴ И. Ф. Герасимов, здесь как нам кажется, допускает ошибку, включая оценочный, то есть внешний, момент в содержание объекта оценки, о чем мы писали в предыдущей главе.

²⁵ Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975, с. 172.

²⁶ См. статьи этих авторов в кн.: Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Свердловск, 1975.

²⁷ Лузгин И. М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений. — Правоведение, 1977, № 2, с. 65.

В теории управления методы сбора информации подразделяют на три вида: наблюдение, опрос, изучение документов²⁸. С учетом специфики следственной ситуации как объекта изучения, все эти методы используются для получения информации о ней. Однако в зависимости от того, о сборе какой информации идет речь — доказательственной или ориентирующей, — эти методы применяются по-разному. Процедура сбора ориентирующей информации законом не регламентируется и, следовательно, существует возможность более широкого использования в различных сочетаниях методов сбора такой информации. Собираание доказательственной информации подчинено ряду ограничений, что отражается на области и условиях применения методов этой деятельности.²⁹ Все это относится и к методам анализа собранной информации, отделение которых от методов сбора информации, кстати, весьма условно, ибо и те и другие могут служить одним и тем же целям.

Несколько иначе представляет себе процесс принятия решения В. Е. Корноухов. Он исходит из того, что в принятии решения различают две качественно отличные стадии — стадию нахождения основной идеи решения и стадию проверки найденного решения³⁰. Нахождение идеи решения осуществляется путем анализа исходной информации, что дает фактическую базу для логических выводов. Эти выводы «входят в содержание формирования первоначального замысла, который связан с общим выяснением происшедшего, то есть с выдвиганием общей версии о сущности преступления, что позволяет с вероятностью определить конечные цели»³¹. Если упростить эти рассуждения, то получается,

²⁸ **Здравомыслов А. Г.** Методология и процедура социологических исследований. М., 1969, с. 108; **Ипакян А. П.** Методы научной организации управления в органах внутренних дел. М., 1972, с. 13.

²⁹ См. подробнее: **Белкин Р. С.** Собираание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966.

³⁰ Курс криминалистики, ч. 1, Красноярск, 1995, с. 168.

Сама по себе, эта мысль особых возражений не вызывает, однако В. Е. Корноухов приписывает ее известному польскому ученому Ю. Козелецкому (называя его почему-то Козельским), ссылаясь на с. 169 его классической работы: **Козелецкий Ю.** Психологическая теория решений. М., 1979. К сожалению, на с. 169 ничего похожего обнаружить не удалось (кстати, и расположенная по соседству другая ссылка на все ту же работу Козелецкого также не адекватна); зато на с. 13 Ю. Козелецкий приводит совершенно иное разбиение на стадии, согласно которому на первом этапе анализируется задание по принятию решения, а на втором — формулируется рациональное решение. Заметим, впрочем, что в понятие решения Козелецкий вкладывает вообще несколько иной, значительно более математизированный смысл.

³¹ Курс криминалистики, с. 169.

что тактическое решение заключается в решении проверить общую версию, но, как мы отмечали, это суженное представление о сущности и целях тактического решения.

Помимо информации о следственной ситуации и всех ее компонентах, для выбора цели и соответственно принятия тактического решения нужна и информация иного рода, которую иногда называют условно-постоянной³², в отличие от первой, именуемой переменной. В аспекте рассматриваемого вопроса к условно-постоянной информации мы относим:

- 1) нормы материального уголовного права, по которым квалифицируется или может быть ориентировочно квалифицировано расследуемое деяние (определяя состав преступления, эти нормы позволяют правильно оценить поступающую информацию о событии, выдвигать предположения о возможных источниках недостающей информации, дают основания для конкретизации общих положений предмета доказывания применительно к данному делу);
- 2) нормы уголовно-процессуального права, определяющие компетенцию, права и обязанности субъектов доказывания, следственную процедуру, предмет доказывания и иные обстоятельства, без учета которых нельзя правильно оценить следственную ситуацию и определить цель тактического решения;
- 3) иной нормативный и справочный материал, обуславливающий или характеризующий отдельные компоненты ситуации и иные имеющие значение для принятия решения обстоятельства;
- 4) научные данные, рассчитанные на типичную ситуацию, с которой в общих чертах сходна оцениваемая конкретная следственная ситуация;
- 5) обобщенные опытные данные о действиях следователя в аналогичных ситуациях³³;
- 6) общие оценочные понятия и их признаки, позволяющие определить значение анализируемой информации и ее место в информационной модели следственной ситуации.

Информация, собранная для определения задачи (цели), может быть обозначена как исходная, или первоначальная. Однако для приня-

³² Кукушкин Ю. А. Управленческий цикл в следственном аппарате органов внутренних дел. — В кн.: Научная организация управления и труда в следственном аппарате органов внутренних дел. М., 1974, с. 84.

³³ По этому поводу Ю. А. Кукушкин отмечает, что “к этой же категории следует отнести хранящуюся в памяти каждого сотрудника следственного аппарата индивидуальную информацию о данных науки и опыте принятия решений в сложных ситуациях.” (Кукушкин Ю. А. Указ. раб., с. 84.)

тия тактического решения ее может оказаться недостаточно. Произведенный выбор цели позволяет, а часто и требует сбора дополнительной, «остронаправленной» информации, подкрепляющей сделанный выбор и позволяющей точнее определить средства достижения наметанной цели. Потребность в такой информации обусловлена еще и динамичностью следственных ситуаций, необходимостью постоянно быть в курсе и своевременно учитывать происходящие в них изменения. На динамизм следственных ситуаций справедливо обращает внимание И. М. Лузгин³⁴.

Из изложенного ясно, какую важную роль при выборе цели тактического решения играют информационные компоненты следственной ситуации. Обычным особенно для начального этапа расследования является недостаточная обеспеченность процесса подготовки и принятия тактического решения переменной (текущей, актуальной) информацией. Частично этот пробел восполняется за счет условно-постоянной информации, но только частично. Другим средством восполнения информационного пробела, как показывает следственная практика, может быть интуиция следователя.

7.3. Проблема следственной интуиции

Редкая проблема отечественной юридической науки была предметом столь острой и бескомпромиссной дискуссии, как проблема следственной интуиции. Дискуссия началась с публикации статьи А. Р. Ратинова «О следственной интуиции», основные положения которой заключаются в следующем.

В литературе интуиция порой подается как некая таинственная способность следователя угадывать истину. Это — чуждая науке проповедь мистицизма. Сама по себе интуиция, как прямое постижение умом истины, не выведенной сознательным логическим доказыванием из других истин и не вытекающей непосредственно из наших чувственных восприятий, есть безусловная реальность, существующая в сфере познания.

Профессиональная интуиция занимает, как известно, прочное место в любом творческом процессе, имеет определенное значение в познавательной деятельности.

³⁴ Лузгин И. М. Указ. раб., сс. 64-65.

С психологической точки зрения, интуицией называют неосознанное творческое решение задачи, основанное на длительном творческом опыте субъекта. Исходя из этого, «следственную интуицию можно охарактеризовать как основанную на опыте и знаниях способность непосредственного решения следственных задач при ограниченных исходных данных».

Интуитивные представления близки к предположению. Различие между ними состоит не в степени доказательственности — и те и другие носят вероятный характер, — а в том, что предположение является результатом логической деятельности, продуктом сознательных мыслительных построений, а интуиция — неосознанное постижение отдельных положений, которое не выведено логическим путем.

Интуиция не является средством познания, поэтому и следственная интуиция не служит самостоятельным средством расследования. «Нет нужды говорить о превосходстве разума над впечатлениями следователя». Интуиция играет в расследовании лишь вспомогательную роль и не имеет никакого процессуального значения. Следователь должен превратить знание интуитивное в логически и фактически обоснованное путем проверки его объективными доказательствами при безусловном соблюдении законности.

Интуиция играет определенную роль и при предварительной оценке следователем доказательств, побуждая его к более углубленному исследованию обстоятельств дела. Задача заключается в том, чтобы следователь осмыслил свои интуитивные впечатления, уяснил те признаки, по которым доказательство убеждает или внушает сомнение, и, отыскав новые доказательства, установил правильность или ошибочность того, что подсказала интуиция³⁵.

С резкой критикой статьи А. Р. Ратинова выступил М. С. Строгович. В своих последующих работах он неоднократно отрицательно отзывался о концепции следственной интуиции, приводя в обоснование своей негативной позиции следующие аргументы.

Интуиция — это путь к заблуждению, к подмене логических аргументов фантазированием. Не факты должны соответствовать построенной с помощью интуиции «модели расследуемого события», являющейся не чем иным, как версией, а версия должна соответствовать фактам.

Если интуиция не имеет процессуального значения, то и «не следует процессуальную деятельность осложнять, затемнять тем, что процес-

³⁵ **Ратинов А. Р.** О следственной интуиции. — Соц. законность, 1958, № 4, сс. 24-30.

суального значения не имеет, но что способно внести в выполнение следователем, прокурором, судьями своих задач элемент неопределенности, безотчетности, генерализировать неосознанные побуждения и впечатления”, ибо ничего, кроме увеличения, умножения судебных ошибок, от этого не получится, о чем свидетельствует множество примеров.

Неопределенность самого понятия интуиции, недостаточная разработанность проблемы интуиции в философском и психологическом аспектах иногда дает повод относить к ней такие свойства и качества, необходимые для следователей и судей, как наблюдательность, сообразительность, профессиональное мастерство, что неправомерно, так как для этих и иных качеств характерна сознательность поступка, побуждения, намерения, тогда как для интуиции при любом ее понимании характерно противоположное — неосознанность оснований принимаемых действий и принимаемых решений. Именно это полностью противопоставлено тем, кто производит расследование и разрешает уголовное дело. Путь интуиции в уголовном судопроизводстве — неправый, безнравственный, не пригодный для достижения цели правосудия³⁶.

В полемике о следственной интуиции мы считаем правильной точку зрения ее сторонников, но с некоторыми оговорками.

Подобно тому, как неверно, на наш взгляд, говорить о “следственном мышлении”, ибо процесс мышления един в своей основе, а известная специфика условий, в которых он может протекать, еще не дает оснований для его “профессионализации”, не следует считать, что существует специфическая следственная интуиция. По своим психологическим и логическим механизмам интуиция в процессе расследования ничем не отличается от интуиции при решении задачи в любой другой области человеческой деятельности. Не играет роли ни характер опыта, ни характер знаний, на которых основывается интуиция. Не имеет значения и объект мысли, когда мы говорим об интуиции как о особом феномене процесса мышления.

Отсутствие исчерпывающих представлений о механизмах интуитивного мышления не дает оснований для отрицания интуиции, так же бесплодны и попытки “закрыть” интуицию, “не пустить” ее в процесс мышления вообще или в какую-то специальную сферу общественной практики. Интуиция — реальность мышления, которое, как известно, не является объектом правового регулирования и в отношении которого,

³⁶ Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, сс. 345-348; **Строгович М. С.** Об интуиции в исследовании доказательств. — В кн.: Проблемы судебной этики. М., 1974, с. 107-110.

само собой разумеется, недействительны предписания думать так, а не иначе. Процесс мышления не является и нравственной категорией. Ни процесс, ни приемы мышления не могут быть нравственными или безнравственными. Безнравственными могут быть мысли, но не тот путь, которым человек пришел к ним, не путь размышления. Мысль — продукт мозга. Этот продукт может быть оценен с точки зрения господствующей в данном обществе морали. Сам же процесс “производства” этого продукта в нравственном отношении нейтрален. Но может быть, этика все-таки отрицательно относится к интуиции, если не в процессе мышления, то в общественной жизни, где реализуются интуитивные умозаключения?

Нет, — отвечают на этот вопрос, например, специалисты в области этики. В морали нравственная интуиция играет весьма значительную роль. “Интуиция вообще, моральная в особенности, позволяет видеть целое раньше его частей, своеобразно возмещает недостаток точных данных о ситуации, ценностный смысл которой надо установить, — пишет А. И. Титаренко. — Роль моральной интуиции наряду с рациональными процедурами мотивации, долга и т. п. важна в конкретной ситуации... Там, где рассудок видит неразрешимость и находится в состоянии Буриданова осла, моральная интуиция нащупывает не улавливаемые логикой (по крайней мере, сразу) различия, подводит к требуемой оценке, решению, которое выглядит нередко как озарение. Где для сложных процедур мотивации и логического самоанализа не хватает времени, где решение надо принять мгновенно, там особенно велика роль интуиции”³⁷.

Справедливости ради следует отметить, что противники интуиции в уголовном судопроизводстве считают безнравственной не интуицию вообще, а интуицию в следственной и судебной деятельности, где она — источник ошибок, где нет места догадкам, ибо только истинное знание может стать основой для принятия решений по уголовному делу. “Можно было бы привести множество примеров ошибочных выводов следствия, неправильных приговоров суда, обусловленных именно тем, что следователи и судьи полагались на свои впечатления, догадки, предположения вместо того, чтобы идти трудным, но плодотворным путем объективного и непредвзятого исследования, — именно того исследования, которого требуют закон и нравственность”, — заключает М. С. Строгович³⁸.

³⁷ Мораль и этическая теория. М., 1974, с. 23.

³⁸ Проблемы судебной этики, с. 109.

Верно ли, что интуиция — путь к заблуждениям, что это подмена логических рассуждений фантазированием?

П. В. Копнин считает, что для объяснения сущности интуиции следует рассматривать развитие не только общественного, но и индивидуального познания, ход мышления, логику и психологию конкретного субъекта. «Материалистическая диалектика не отвергает такой формы познания, которая называется интуицией, — заключает П. В. Копнин. — В противоположность интуитивизму она не выводит интуицию за пределы разумного познания, основанного на опыте, а рассматривает в качестве особой формы изменения теоретического мышления, с помощью которой происходит скачок в познании объекта, перерыв непрерывности в движении мышления. Интуиция является непосредственным знанием, однако только в том отношении, что в момент выдвижения нового положения оно не следует с логической необходимостью из существующего чувственного опыта и теоретических построений. Подобного рода интуитивные скачки вытекают из органической связи познания с практической деятельностью человека. Потребности практического взаимодействия субъекта с объектом толкают теоретическое мышление на выход за пределы того, что дано в предшествующем опыте познания. Такого рода выходы **не направляют познание** на путь заблуждений (выделено нами — **Р. Б.**), поскольку имеется в виде практики надежный критерий истинности знаний, позволяющий в конце концов отделить действительные научные открытия, глубоко постигающие реальность, от беспочвенных фантазий, которые уводят мышление от совпадения по сравнению с объектом»³⁹.

Да простит нас читатель за столь пространную цитату, но, приведя ее, мы считаем ненужной дополнительную аргументацию признания интуиции материалистической гносеологией.

Интуиция опирается на данные прошлого сознательного и подсознательного опыта. Подсознательное сравнение с этим прошлым опытом и приводит к озарению, к неожиданному решению⁴⁰. Эта взаимосвязь, большей частью, остается скрытой для сознания, решающего задачу⁴¹.

³⁹ Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974, с. 190.

⁴⁰ Налчаджян А. А. Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания. М., 1972, с. 98.

⁴¹ Гурова Л. Л. Соотношение осознаваемых и неосознаваемых ориентиров поиска в интуитивных решениях. — Вопросы психологии, 1976, № 1, с. 90.

Г. А. Зорин так описывает кульминационный момент интуитивного процесса — инсайт (озарение): “Он складывается из ряда следующих моментов:

- ◆ следователь осознает, что он нашел решение, обеспечивающее выход из следственного тупика;
- ◆ это решение приходит неожиданно (неожиданность интуитивного решения Пуанкаре сравнивал с молнией среди бесконечно долгой ночи...);
- ◆ найденное решение сопровождается чувством уверенности в том, что оно верно, что это именно то решение, которое мучительно искал следователь;
- ◆ интуитивно найденное решение, как правило, гармонично, оригинально, изящно (это обстоятельство подтверждают следователи и представители других творческих профессий);
- ◆ в интуитивно найденном решении можно обнаружить и средства его реализации (то есть перспективу), а при желании и определенных навыках интуитивное решение можно подвергнуть логическому анализу и развернуть его в ретроспективу, то есть предпринять попытку рассмотреть процесс поиска решения в направлении от результата к его истокам;
- ◆ интуитивное решение можно рационализировать логическими средствами”⁴².

Главный довод противников интуиции в уголовном процессе заключается в том, что знание, являющееся ее результатом, не может быть признано достоверным, так как интуиция не поддается логическому объяснению, во всяком случае, имеющимися у следователя и суда средствами и в пределах времени, отведенного законом на производство по делу. Но сторонники интуиции и не утверждают обратного, хотя это им подчас и приписывается. Так, у А. Р. Ратинова мы читаем: “Интуиция не имеет никаких преимуществ перед обычными **предположениями** (выделено нами — **Р. Б.**) и подлежит равной с ними проверке”⁴³, “в процессе доказывания знание интуитивное должно быть превращено в логически и фактически **обоснованное, достоверное** (выделено нами — **Р. Б.**) знание”⁴⁴; “интуиция не исключает, а предполагает сознательное дискурсивное мышление, способное развернуть догадку в систему доказательств, обнаружить ее фактические основания, объяснить

⁴² Зорин Г. А. Криминалистическая эвристика, т. 1. Гродно. 1994, сс. 194-195.

⁴³ Ратинов А. Р. О следственной интуиции, с. 27.

⁴⁴ Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967, с. 137.

процесс ее формирования и в конце концов установить ее правильность или ошибочность”⁴⁵.

Об этом же пишут Д. П. Котов и Г. Г. Шиханцев, указывая, что процесс доказывания не завершается, а, в сущности, лишь начинается интуитивной догадкой, так как за ней “необходимо должны следовать обоснование и проверка достоверности полученного интуитивного знания, что невозможно без использования логических средств”⁴⁶.

Таким образом, в процессе расследования интуиция проверяется практикой и только в случае своего подтверждения рассматривается как достоверное знание. Здесь нет ничего принципиально отличного от обычного процесса проверки версий, выдвинутых на основе строго последовательного логического объяснения фактов. Да таких отличий и не может быть, ибо интуитивное знание до его проверки есть также предположение, версия, а не доказательство⁴⁷.

В условиях информационной недостаточности, характерной во многих случаях для стадии подготовки тактического решения, интуиция — важное средство выбора цели, особенно в тех случаях, когда решение носит эвристический характер. Характеризуя значение догадки — а интуиция всегда выступает в таком качестве, — Д. Пойа указывал, что с нее всегда начинается наше ориентирование при встрече с новой ситуацией, даже когда речь идет о такой доказательной науке, как математика. “Результат творческой работы математика, — писал, он, — доказательное рассуждение, доказательство, но доказательство открывают с помощью правдоподобных рассуждений, с помощью догадки... Нам следует учить и доказывать, и догадываться”⁴⁸. Интуиция не заменяет развернутого логического анализа при выборе цели, но может открыть эту цель путем, недоступным для такого анализа при отсутствии необходимой для него информации.

⁴⁵ Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 323.

⁴⁶ **Котов Д. П., Шиханцев Г. Г.** Психология следователя. Воронеж, 1976, с. 71.

⁴⁷ Едва ли можно согласиться с А. М. Лариным, считающим, что “безотчетность интуитивных догадок исключает возможность признания их версиями” (**Ларин А. М.** От следственной версии к истине. М., 1976, с. 101). В приводимом им примере (с. 102-103) то, что он называет процессом анализа догадки, в результате которого догадка превратилась в версию, есть не что иное, как выведение следствий из версии, уже сформированной на основе догадки.

⁴⁸ **Пойа Д.** Математика и правдоподобные рассуждения. М., 1975, с. 389.

7.4. Принятие тактического решения

Анализ следственной ситуации, сбор и обработка информации о ней приводят к выбору цели, на достижение которой направляется тактическое решение. Выбор цели позволяет принять собственное решение, то есть определить приемы и средства решения задачи.

В науке управления и психологии разработан ряд методов принятия решений: метод перебора вариантов, метод проб и ошибок, метод рефлексии, эвристические методы, метод социального эксперимента и др. Однако характер следственной и судебной деятельности существенно ограничивает или вообще исключает возможность применения при принятии тактического решения большинства этих методов. Так, как справедливо замечает А. В. Дулов, «не может быть принят за основу метод проб и ошибок. Следовательно не имеет права осуществлять действия, заведомо зная, что часть из них будет ошибочной, и это даст возможность прийти, наконец, к правильному решению»⁴⁹. Исключается, естественно, метод социального эксперимента, постановка которого в условиях судопроизводства просто невозможна. В весьма ограниченных пределах следователь может воспользоваться методом перебора вариантов, когда принимает решение о выдвижении версий по делу; метод рефлексии применим лишь в определенных конфликтных ситуациях и т. п.

Нам представляется, что методы принятия тактических решений, как и сами эти решения, зависят от сложности стоящей задачи. С этой точки зрения задачи, на решение которых направлены тактические решения, могут быть разделены на два класса: простые и сложные. Простыми являются задачи, возникающие в условиях полной информационной определенности, то есть задачи, «при решении которых нужный результат достигается посредством применения известного способа при известных условиях»⁵⁰. Решение таких задач поддается алгоритмизации. При этом оно не утрачивает своего тактического характера, но и не требует особых творческих усилий.

Поддающееся большинством решаемых следователем задач относится к классу сложных. Для них характерны большая или меньшая информационная неопределенность, неограниченность зон и направлений

⁴⁹ Дулов А. В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. М., 1973, с. 53.

⁵⁰ Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей, с. 118.

поиска решения (Н. Л. Гранат). Основными разновидностями таких задач, по мнению Н. Л. Гранат, являются:

- ◆ а) решаемые путем получения новой или дополнительной информации (в их условиях имеется явный дефицит информации, но известны или легко становятся таковыми способы и источники ее получения), то есть задачи на добор информации;⁵¹
- ◆ б) решаемые путем преодоления психологического барьера (инерции, традиций, шаблонов, эмоциональных препятствий и т. п.) через его снятие или обход (в условиях подобных задач нет недостатка информации, но имеющиеся данные внутренне (субъективно) для следователя несовместимы с целью, что и создает психологический барьер — интеллектуальный или эмоциональный);
- ◆ в) решаемые путем восстановления процесса события, явления, предмета и т. д. методом ретросказания (условия таких задач содержат данные, воспринимаемые или представляемые следователем неадекватно по сравнению с реальной ситуацией);
- ◆ г) решаемые путем имитации мыслей и действий участника взаимодействия при одновременном анализе (с учетом имитации) собственных рассуждений, выводов и действий за счет превосходства в ранге рефлексии (задачи на рефлексю);
- ◆ д) решаемые через осознание и анализ многопроблемности конкретных ситуаций, путем определения и последовательного вычленения подзадач, для решения которых достаточно данных (условия таких подзадач неоднозначно вытекают из исходных данных ввиду того, что по разным причинам не все факты, влияющие на их решение, могут быть учтены в условиях таких задач), — это задачи на планирование и организацию следственной деятельности.

Все названные виды сложных задач относятся к категории творческих, для решения которых, помимо дискурсивного мышления, необходимо творческое воображение.

Для принятия тактического решения необходимо установить приоритет и очередность решения задач, для чего может потребоваться разделение задач на подзадачи или производство других операций с задачами для облегчения их решения. В литературе по общей теории решения задач предлагаются следующие методические системы таких операций:

⁵¹ Это, по существу, простые задачи, так как решаются они в условиях достаточности информации.

- I. **Метод преобразований.** Задача преобразовывается в другую, более известную и более доступную форму. При этом возникает новая, более простая задача, решение которой облегчает решение исходной.
- II. **Метод выделения признаков.** Каждой задаче присуще большое число признаков, однако не все они равноценны. Вместе с тем от выбора признаков, которыми оперирует решающий задачу, зависит успех. Формируется несколько вариантов выделения тех признаков, которые предполагаются существенными. Каждый вариант позволяет поставить задачу по-другому, взглянуть на нее под другим углом зрения, что помогает приблизиться к решению.
- III. **Метод декомпозиции.** Задача разбивается на подзадачи, каждая из которых должна быть проще основной задачи. Все подзадачи должны решаться одновременно, поскольку они связаны между собой.
- IV. **Метод аналогий.** Синтезируется сходная задача, решение которой известно или может быть получено, определяется различие между исходной и синтезированной задачами. Путем преобразования одной из них уменьшается различие между ними. Путем усиления аналогии достигается решение основной задачи. Метод близок к моделированию.

В. В. Дружинин и Д. С. Конторов указали еще один метод — **обращение** задачи, при котором строится гипотеза о возможном (желательном) результате решения и ищется путь к его достижению. Если такого пути не оказывается, гипотеза считается ошибочной и поиск повторяют⁵².

На основании изложенных и иных методов решения мыслительных задач мы полагаем возможным следующим образом наметить схему принятия тактического решения.

Осуществив выбор цели тактического воздействия, то есть сформулировав задачу (при необходимости разделив ее на подзадачи и определив последовательность их решения), следовательно строит прогностическую версию относительно возможных результатов решения, его влияния на следственную ситуацию), то есть моделирует процесс реализации решения и его результаты. Как отмечает Л. Г. Горшенин, «предвидение событий, явлений не может быть абсолютно точным. Степень вероятности того или иного прогноза предопределена особенностями прогнозируемого объекта, качеством и количеством информации о нем и о прогнозном фоне, а также методикой прогнозирования. Прогнозирование предполагает разработку не одного, а нескольких вариантов про-

⁵² Дружинин В. Д., Конторов Д. С. Идея, алгоритм, решение. М., 1972, с. 134.

гнозов для различной совокупности обстоятельств. Эта многовариантность прогнозов и обуславливает вероятность появления тех или иных событий в конкретных ситуациях⁵³.

Прогнозирование желаемых результатов предполагает оперирование уже избранными средствами тактического воздействия. Коррективы, вносимые в решение в связи с неблагоприятным прогнозом, заключаются в изменении “арсенала” средств воздействия, выборе иных средств, с помощью которых может быть достигнут желательный результат. Замена средств воздействия может основываться на прошлом опыте решения входных задач, а может носить и чисто поисковый характер, при котором возникает потребность в построении нового прогноза о возможных результатах применения вновь избранных средств воздействия.

Прогностическая модель решения “не носит жесткого характера, она динамична, поскольку система сталкивается с переменной, столь же динамической ситуацией, предусмотреть которую во всех ее деталях практически невозможно... Характерно, что прогнозирующая модель являет собой не само действие, а решение действовать вместе с результатом, который ожидается. Модель-решение программирует определенный режим функционирования системы в данной и следующей за ней ситуации, а также возможности контроля и переключения этого режима соответственным предполагаемым изменениям ситуации⁵⁴. Это означает, что прогностическая модель тактического решения должна содержать предвидение не только непосредственно ожидаемых результатов, но и вероятностное определение последующих действий следователя, его возможных последующих “ходов”.

Прогнозирование ожидаемых результатов является средством принятия оптимального для данной следственной ситуации тактического решения. Однако в условиях явной информационной недостаточности или так называемого информационного равновесия (равное число “за” и “против”) такой выбор оказывается нередко затрудненным. Возникает задача восполнения информации, намечаемое решение откладывается и на время уступает место другому — чисто информационного характера, преследующему цель сбора недостающей информации.

В литературе иногда можно встретить рекомендации осуществлять выбор варианта решения при неопределенности исходных данных волевым актом следователя, “который выражает предпочтение одному акту

⁵³ Горшенин Л. Г. Основы теории криминалистического прогнозирования. М., 1993, с. 111.

⁵⁴ Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом, сс. 171-172.

действия, имеющему большую полезность по сравнению с другим”⁵⁵. Эти рекомендации представляются сомнительными, во-первых, из-за неопределенности такого критерия, как полезность действия, применительно к условиям расследования и судебного разбирательства. Во-вторых, учитывая, что всякое решение — это волевой акт следователя, можно сделать вывод, что в данном случае речь идет о волюнтаристском акте, то есть такой разновидности волевого акта, при которой принимающий решение не считает нужным наличия достаточных для него оснований. Но в условиях уголовного судопроизводства такое решение только случайно может оказаться правильным. Рассмотрим это на примере принятия процессуальных решений в ситуации информационного равновесия, описанном В. С. Зеленецким⁵⁶.

Принятие решения о виновности или невиновности конкретного лица зависит от соотношения обвинительных и оправдательных доказательств, которые образуют определенные конкурирующие между собой качественно разнородные совокупности. Совокупность, обладающая большей информационной емкостью, является доминирующей. Поэтому и основанное на ней мнение о виновности или невиновности лица является господствующим. Однако в процессе расследования может сложиться ситуация, в которой ни одна из конкурирующих совокупностей не занимает в общей системе доказательств доминирующего положения. Эту ситуацию В. С. Зеленецкий называет состоянием информационного равновесия. Создается внешне тупиковая ситуация, которая и может, как нам кажется, толкнуть следователя на принятие чисто волюнтаристского решения. Но будет ли оно “более полезным”, чем иное, — дело случая.

В. С. Зеленецкий указывает правильное решение — преодоление информационного равновесия путем принятия решения о продолжении процесса доказывания.

Переводя этот пример на язык криминалистической тактики, можно заключить, что в состоянии информационного равновесия, когда “за” и “против” количественно и качественно равны, для принятия тактического решения требуется дополнительная информация, позволяющая осуществить его обоснованный выбор. Если же говорить о средствах преодо-

⁵⁵ **Онучин А. Л.** Следственная ситуация и раскрытие преступлений, совершенных группой. — В кн.: Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Свердловск, 1975, с. 85.

⁵⁶ **Зеленецкий В. С.** Принятие процессуальных решений в ситуации информационного равновесия. — В кн.: Проблемы социалистической законности, вып. 1. Харьков, 1976, сс. 117-124.

ления в рассмотренном процессуальном плане, то есть об усилении одной из конкурирующих систем доказательств, то можно утверждать, что тактическое решение всегда преследует эту цель, ибо во всех без исключения случаях направлено в конечном счете на установление истины по делу.

Прежде чем перейти к характеристике средств и приемов, выбор которых и составляет содержание тактического решения, следует остановиться на требованиях, предъявляемых к нему и определяющих, в сущности, его содержание.

С нашей точки зрения, к тактическому решению должны предъявляться такие требования, как законность, нравственность, своевременность, обоснованность и реальность исполнения.

Законность тактического решения означает, что оно: а) принимается следователем в пределах его процессуальной компетенции; б) предполагает использование лишь тех средств тактического воздействия, которые допустимы с точки зрения закона и не противоречат ему. Законность решения тесно связана с его **нравственностью**, под которой мы понимаем соответствие решения и средств его осуществления моральным принципам производства расследования, о чем подробнее будет идти речь ниже.

Своевременность тактического решения заключается в его принятии и реализации именно в тот момент, который диктуется обстоятельствами данной следственной ситуации, в тот момент, когда принятие и реализация тактического решения обеспечивает поступательное развитие процесса доказывания.

Несвоевременное (преждевременное или запоздалое) принятие тактического решения, так же как и непринятие его вообще, бездеятельность следователя могут привести, как свидетельствует следственная практика, к непоправимым результатам, к такому развитию следственной ситуации, при котором отрицательный исход расследования уже не удастся предотвратить. Здесь следует, правда, сделать одну оговорку. Не всякое тактическое решение предполагает обязательно активные действия. Реализация решения может выразиться и в **воздержании от действий**, когда именно невмешательство в следственную ситуацию приводит к ее развитию в благоприятном для следствия направлении. Такое воздержание от действий не есть бездействие следователя: решение принято и оно реализуется, но именно таким своеобразным путем.

Обоснованность тактического решения представляет собой сложное комплексное понятие.

- I. Это, во-первых, фактологическая обоснованность, то есть соответствие решения действительному положению дел, сложившейся следственной ситуации, информации об этой ситуации.
- II. Во-вторых, это научная обоснованность решения, соответствие его данным криминалистической тактики, психологии и других областей знания, на которых оно должно базироваться. В научной обоснованности сплавляются воедино и данные науки, и данные обобщенной следственной практики, и такое качество следователя, которое мы именуем его компетентностью.
- III. В-третьих, это нормативная обоснованность решения, когда оно направлено на реализацию прямого требования закона и осуществляется во исполнение его нормы. К нормативной обоснованности тактического решения примыкает и обоснование его решениями лиц, осуществляющих надзор за следствием или руководство им. Это могут быть указания следователям о направлении расследования, о производстве отдельных следственных действий, о привлечении в качестве обвиняемого, о производстве расследования группой следователей и др.
- IV. Наконец, в-четвертых, это обоснование решения интересами взаимодействия следователя с оперативными и другими службами органов внутренних дел, иных государственных органов и общественных организаций. В этой стороне обоснованности тактического решения находит свое проявление такой его признак, как согласованность, включение его в общую систему всех решений по делу. (Здесь налицо, разумеется, и обратная зависимость: само решение обосновывает цели и формы взаимодействия следователя с соответствующими органами и службами.)

Требование *реальности* исполнения тактического решения предполагает реальную возможность осуществления всех намеченных действий, применения в действительности всех предполагаемых средств тактического воздействия.

Тактическое решение принимается, как правило, единолично следователем, поскольку это соответствует характеру следственной деятельности в целом как деятельности по своей процессуальной основе единоличной. Между тем известно, что всякой индивидуальной деятельности присущи определенные трудности.

Мыслительные возможности отдельной личности ограничены, скорость процессов восприятия информации и мышления индивидуума сравнительно невысоки. Человек способен воспринимать в секунду не более 100 двоичных единиц смысловой информации, вести диалог со скоростью до 30 двоичных единиц в секунду, перерабатывать при вы-

числениях 20 — 30 бит информации в секунду. Реальных возможностей существенно увеличить скорость мышления не предвидится. Человек способен сравнительно быстро ориентироваться в неожиданной ситуации, но не производить сложные вычисления.

Индивидуальное мышление субъективно. “Субъективное восприятие ситуаций влечет за собой субъективность решения. Непосредственным следствием является стереотипность решений, привычный способ поведения. Устранение субъективизма под воздействием внешней информации — явление редкое. Человеческая природа такова, что способ переработки информации тщательно ограждается от внешнего влияния”⁵⁷.

Существенную роль при принятии тактического решения может сыграть такое отрицательное явление, как приспособительный конформизм, выражающийся в давлении общего мнения или мнения отдельных авторитетов. Противоположным этому явлению выступает волюнтаризм, о котором мы уже упоминали.

Выход мы видим в том, чтобы при строгом соблюдении принципа единоличного ведения следствия максимально использовать при выработке тактических решений те возможности, которые предоставляет борьба с преступностью как *коллективная деятельность*, то есть в сочетании единоличного и коллективного начал. Коллектив обеспечивает привлечение для принятия решения комплексных знаний, высокий и разносторонний уровень эрудиции. Кроме того, как правильно отмечают В. В. Дружинин и Д. С. Конторов, “коллектив обладает могучим стимулирующим действием. Воздействуя на мысли и чувства индивидуума, коллектив способен сыграть роль “спускового механизма” для “лавины” мыслей и направить “лавину” в нужном направлении”⁵⁸.

О коллективизме, комплексности как чертах, присущих практической деятельности в борьбе с преступностью на современном этапе, уже не раз упоминалось в литературе⁵⁹. Разумеется, эти черты не имеют ничего общего с “коллективным ведением предварительного следствия”, против которого справедливо выступал М. С. Строгович⁶⁰. Речь идет об

⁵⁷ Дружинин В. В., Конторов Д. С. Идея, алгоритм, решение, с. 148.

⁵⁸ Там же, с. 149.

⁵⁹ Винберг А. И. Техника и уголовное судопроизводство. — Сов. государство и право, 1970, № 7, с. 94; Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., 1973, сс. 63-67.

⁶⁰ Строгович М. С. О криминалистической одорологии. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. Иркутск, 1970, сс. 136-138.

объединении усилий всех тех лиц, которые принимают участие — каждый в пределах своей компетенции — в раскрытии и расследовании преступления. Такое объединение усилий может оказаться и на деле оказывается особенно плодотворным при выработке и принятии тактических решений.

Нам представляется, что формами **коллективного содействия** процессу выработки тактического решения, которое, в конечном счете, принимается следователем единолично, могут быть такие, как:

- ◆ анализ следственной ситуации с участием прокурора-криминалиста, прокурора или начальника следственного подразделения, осуществляющего руководство расследованием;
- ◆ обсуждение возможных тактических решений с другими следователями, особенно при расследовании преступлений группой следователей, с оперативными работниками, работающими по данному делу, со специалистами и экспертами;
- ◆ доклад следователя о ходе расследования и намечаемых тактических решениях на оперативном совещании с участием работников всех взаимодействующих со следствием служб;
- ◆ совместная со взаимодействующими по делу оперативными работниками разработка плана реализации тактического решения;
- ◆ метод мозгового штурма.

Эффективность последнего метода обусловлена сложением интеллектуальных возможностей и опыта членов коллектива при творческом поиске решения. Характеризуя возможности применения метода мозгового штурма (мозговой атаки) при расследовании преступлений, Г. А. Зорин считает, что при его применении:

- ◆ “1) умножается интеллектуальный потенциал следственной группы;
- ◆ 2) синтезируются точки зрения “следователя — генератора идей” и “следователя-критика”, что повышает качество принимаемых решений;
- ◆ 3) принимаемые решения носят более ответственный характер, хотя и более рискованный (но риск в данном случае обоснован и тактически оправдан);
- ◆ 4) групповые решения более продуктивны в исполнении следователями, которые сами же их приняли”⁶¹.

Он называет два подвида мозговой атаки (МА): прямая МА и обратная МА⁶². Прямая МА эффективна на начальном этапе расследования, в условиях дефицита информации о событии и основная решаемая ею

⁶¹ Зорин Г. А. Криминалистическая эвристика, с. 203.

⁶² Сам метод МА предложен американским психологом А. Осборном в работе “Прикладное воображение” (1957) (см.: Зорин Г. А. Указ. раб., с. 302.)

задача — определение путей расследования и средств установления значимых для дела обстоятельств. Обратная МА направлена на выявление недостатков в расследованном уголовном деле или проведенном следственном действии⁶³.

Учет коллективных рекомендаций при выработке тактического решения, несомненно, повышает его обоснованность и результативность, вероятность прогностической модели и обуславливает более строгий и тщательный отбор средств тактического воздействия.

Основными средствами тактического воздействия на следственную ситуацию и отдельные ее компоненты являются тактические приемы и их системы, объединяемые в рамках одного или нескольких следственных действий — тактические комбинации⁶⁴.

В системе “следователь — следственная ситуация” тактическое воздействие играет роль средства управления. И. М. Лузгин справедливо отмечает, что следственные ситуации — это управляемые категории, поддающиеся целенаправленному изменению⁶⁵. В этой связи представляет интерес сконструированная Л. Л. Каневским модель системы управления применительно к процессу расследования.

Л. Л. Каневский представляет систему криминалистической методики вместе с конкретной следственной ситуацией в виде системы управления, в которой функционируют управляемая система “А” — конкретная следственная ситуация и управляющая система “В” — система методики расследования преступлений и следователь совместно с оперативными работниками милиции как орган управления. Обе они связаны между собой прямыми и обратными связями.

Информационное сообщение С о совершенном преступлении поступает от системы А на управляющую систему В, которая начинает функционировать и вырабатывать управляющие (тактические и иные) воздействия К на систему А. На управляющую систему оказывают воздействия и тормозящие развитие системы факторы: показания лже-свидетелей, представленные заинтересованными лицами фиктивные документы и др. По терминологии Р. Г. Кравченко, это так называемые возмущающие воздействия. Наряду с ними сюда же поступает и позитивная информация, объективно отражающая состояние системы А и компенсирующая возмущающие воздействия. Эта информация способствует максимальному приближению результатов расследования к тем

⁶³ Зорин Г. А. Криминалистическая эвристика, сс. 204, 207.

⁶⁴ Критерии допустимости тактических приемов достаточно детально исследованы в литературе, в том числе и в первых двух томах настоящего Курса.

⁶⁵ Лузгин И. М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений, сс. 64-65.

целям, которые были поставлены в самом начале расследования по данному делу. Получение достоверной и полной информации о состоянии управляемой системы, о результатах ее реагирования на управляющее воздействие субъекта управления необходимо для выработки наиболее эффективных средств воздействия в целях полного раскрытия преступления, выявления и устранения причин и условий, способствующих его совершению⁶⁶.

Эта модель в целом правильно отражает роль и место в системе управления тактического (управляющего) воздействия, но нуждается, как нам представляется, в некоторых поправках.

Систему методики расследования преступлений нельзя отнести к управляющей системе наряду со следователем. Криминалистическая методика, как система рекомендаций, является одним из оснований принятия решений следователем, своеобразным алгоритмом его действий, выраженным в обобщенной, типичной форме. Для того чтобы стать основанием для конкретного тактического решения, она должна быть максимально детализирована применительно к данной следственной ситуации.

Возмущающие воздействия не ограничиваются только дезинформацией следователя. К ним следует отнести противодействие следователю со стороны заинтересованных лиц, выраженное в любой форме, в том числе и в форме так называемого пассивного сопротивления (отказ отвечать на вопросы, отказ от участия в следственном действии и т. п.).

Таковы в общих чертах наши представления о процедуре принятия тактических решений. Эта процедура в последние годы получила существенное подкрепление в виде интеллектуальных экспертных систем поддержки принятия решений.

До мнению Г. А. Зорина такая экспертная система применительно к следственной деятельности должна состоять из следующих элементов:

- 1) база данных, содержащая модели конкретных ситуаций, в которых приходится принимать решения;
- 2) база знаний эксперта в виде особых правил — продукций, имеющих форму “если..., то...”;

⁶⁶ Системный подход к методике расследования преступлений. — В кн.: Методика расследования преступлений (общие положения). Материалы научно-практической конф. М., 1976, сс. 112-113; *Каневский Л. Л.* Проблемы методики расследования преступлений несовершеннолетних. Уфа, 1976, сс. 15-16.

3) “решатель проблем” (иногда называемый “машиной логического вывода”), управляющий порядком применения продукции к анализируемой ситуации и выбором рекомендуемого решения⁶⁷.

Комфортное состояние пользователя, работающего в диалоге с экспертной системой обеспечивается следующими дополнительными компонентами: системой типовых моделей следственных действий; системой тактических приемов, обеспечивающих оптимальность проведения следственного действия; системой логических методов, оптимизирующих в традиционных формах решение стандартных следственных задач; системой эвристических методов решения следственных задач. Эффективность конкретной экспертной системы зависит от числа и качества типовых программ, введенных в память ЭВМ, логических и эвристических методов их преобразования, а также числа продукций, содержащихся в ее базе знаний⁶⁸.

Исходя из того, что преступления определенной группы, в особенности осуществляемые организованными преступными сообществами или так называемые “серийные преступления”, можно предвидеть, прогнозировать, ожидать, Г. А. Зорин считает возможным реализовать возможности *преактивизма* — наступательного стиля оперативной и следственной работы. На базе этого принципа он выдвинул идею формирования криминалистической экспертно-креативной системы, выступающей в роли интеллектуального партнера человека при расследовании преступлений⁶⁹.

Из других направлений в области компьютерной поддержки решений следователя отметим формируемую следственную информативно-аналитическую систему для обеспечения информационного сопровождения деятельности следователя. Система базируется на методе программирования, “который понимается как использование в процессе расследования программ, т.е. особым образом организованных в систему криминалистических предписаний по распознаванию наличной ситуации, определению задач расследования и выбору средств для их достижения”⁷⁰.

⁶⁷ **Зорин Г. А.** Криминалистическая эвристика, т. II. Гродно, 1994, с. 117.

(См. также: **Шрейдер Ю. А.** Проблемы развития инфосреды и интеллект специалиста. — В кн.: Интеллектуальная культура специалиста, Новосибирск, 1989, с. 113.)

⁶⁸ Там же, сс. 117-118.

⁶⁹ **Зорин Г. А. Попуцевич В. Ф.** Введение в экспертно-креативные системы. Гродно, 1995, с. 4.

⁷⁰ **Соя-Серко Л. А.** Компьютеризация расследования преступлений в структуре криминалистики (тезисы доклада Ученому совету). М., 1993, с. 5.

7.5. Некоторые специальные вопросы принятия тактических решений

7.5.1. Тактическое решение при расследовании преступления группой следователей

Сложившийся на практике и апробированный ею метод ведения расследования по сложным делам группой следователей был закреплен в действующем уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 129 УПК).

В соответствии с законом “в случае сложности дела или его большого объема предварительное следствие может быть поручено нескольким следователям. Об этом указывается в постановлении о возбуждении дела или выносятся отдельные постановления. Один из следователей принимает дело к производству и руководит действиями других следователей” (ст. 129, ч. 3). Этот порядок расследования не противоречит принципу “единоличного следствия”, поскольку руководство расследованием и ответственность за его производство возлагаются на руководителя бригады. В то же время при групповом методе расследования возникает возможность использовать преимущества, которые дает коллективная подготовка и реализация тактических решений.

Уже в первых работах, в которых рассматривалась организация расследования бригадным (групповым) методом, высказывались различные мнения о субъекте принятия решений по делу, расследуемому группой следователей. В. И. Ключанский считал, что при расследовании бригадным методом трудоемких, но не сложных дел руководитель, то есть следователь, принявший дело к своему производству, выполняет по нему все основные действия, руководит и координирует работу каждого члена бригады, лично принимает все процессуальные решения, но привлекает всех членов бригады к составлению плана расследования, то есть к подготовке важнейших тактических решений.

При расследовании сложных дел, по мнению В. И. Ключанского, необходимо создавать бригаду из опытных и квалифицированных следователей, равных в своих правах по делу и равно отвечающих за дело. Руководитель бригады лишь координирует работу членов бригады и обеспечивает их взаимодействие, определяя с помощью членов бригады основные направления расследования. “Иногда высказывается суждение, — пишет В. И. Ключанский, — что только руководитель бригады имеет право принимать решения по делу. Этот вывод представляется

необоснованным. Каждый член бригады, какое бы место он ни занимал, может высказать свое суждение о том или ином аспекте дела. Если с ним не будет согласен кто-либо из членов бригады или ее руководитель, спорный вопрос следует разрешать у начальника следственного отдела или иного наблюдающего прокурора”⁷¹.

Смысл этого рассуждения не очень ясен, так как высказывание суждения при обсуждении решения еще не равнозначно его принятию, хотя из контекста следует, что В. И. Ключанский, по-видимому, стоит за предоставление каждому члену бригады права принимать любое решение по делу.

По мнению И. Шкорбатова и А. Рощина, правом принимать ответственные процессуальные решения и проводить ключевые следственные действия должен пользоваться только руководитель группы, остальные члены бригады могут принимать решения только в пределах своих участков работы по делу⁷².

И. С. Галкин выступал за полную процессуальную самостоятельность членов группы, но считал необходимым согласование ими с руководителем группы таких вопросов, как решение об аресте, привлечении в качестве обвиняемого и т. п., что обеспечит “сочетание единства тактического плана расследования с инициативной и процессуальной самостоятельностью следователей — членов группы”⁷³.

Позже А. Рощин пришел к выводу, что руководство следствием, принятие решений по делу руководителем группы нельзя противопоставлять самостоятельности ее участников, но при возникновении разногласий решение остается за руководителем группы, который принял дело к своему производству и несет ответственность за расследование в целом⁷⁴. Л. М. Карнеева также не считала руководителя группы единственным лицом, пользующимся правом принимать решения по делу⁷⁵.

⁷¹ Карнеева Л. М., Ключанский В. И. Организация работы следователя. М., 1961, с. 119.

⁷² Шкорбатов И., Рощин А. Из нашего опыта расследования преступлений группой следователей. — Соц. законность, 1963, № 6, сс. 14-15.

⁷³ Галкин И. Расследование преступлений группой следователей. — Соц. законность, 1963, № 4, сс. 39-40.

⁷⁴ Рощин А. Организационные вопросы расследования преступлений группой следователей. — Соц. законность, 1965, № 2, с. 44.

⁷⁵ Карнеева Л. М. Организационные и процессуальные вопросы расследования преступлений группой следователей. — Соц. законность, 1964, № 6, с. 45. Позднее Л. М. Карнеева и И. С. Галкин высказали мнение, что, когда члены группы не имеют своих участков работы, а выполняют поручения руководителя группы.

Анализ существующих точек зрения позволяет свести к следующим вариантам решение рассматриваемой проблемы:

- 1) все решения, в том числе и тактические, по делу принимает исключительно руководитель группы, остальные члены группы лишь участвуют в реализации решений;
- 2) руководитель группы принимает единолично лишь наиболее ответственные решения, касающиеся всего процесса расследования в целом, остальные решения в пределах поставленных перед ними задач принимают члены группы;
- 3) наиболее ответственные решения, касающиеся всего процесса расследования, принимаются коллегиально всей группой, остальные решения принимаются каждым следователем самостоятельно;
- 4) все члены группы равноправны в принятии любых решений в пределах своих участков работы, (некоторый участок выделяется и руководителю группы).

Тактические решения по своей направленности и содержанию могут касаться направления расследования в целом либо отдельных эпизодов преступной деятельности, отдельных лиц, частных следственных ситуаций, связанных с отдельными обстоятельствами или отдельными следственными действиями. Тактические решения, относящиеся ко всему процессу расследования, принимаются обычно в начале каждого этапа расследования при составлении плана расследования или при его существенной корректировке. При расследовании преступлений группой следователей подобные решения (назовем их условно общими) должны готовиться, с нашей точки зрения, коллегиально, всеми членами группы, как и реализовываться — каждым в пределах порученных ему функций. Приниматься же эти решения должны единолично руководителем группы, независимо от того, работают ли члены группы по заданиям руководителя или на самостоятельных участках. Такой порядок обусловлен, как нам кажется, представлением о роли и единоличной ответственности руководителя группы за ход и результаты расследования.

Если при выполнении поручений руководителя группы или в процессе самостоятельной работы в пределах выделенного участка сложив-

пы, последний берет на себя проведение наиболее ответственных мероприятий и сам выносит постановления по делу, то есть принимает процессуальные решения. «Если же члены группы самостоятельно работают в пределах выделенного каждому из них участка, руководитель освобождается от такой детализации заданий, и основная его задача заключается в координации действий всех следователей» (*Карнеева Л. М., Галкин И. С.* Расследование преступлений группой следователей. М., 1965, с. 42). Аналогична и позиция А. Тихонова (Расследование преступления группой следователей. — Соц. законность, 1974, № 6).

шаяся ситуация потребует принятия общего тактического решения, касающегося работы следователей всей группы, например, изменения последовательности проведения запланированных действий, то следователь, столкнувшийся с необходимостью принятия такого решения, должен передать всю соответствующую информацию руководителю группы для коллегиального обсуждения, а затем принятия руководителем единоличного решения. Если же каждому члену группы предоставить право принятия общих тактических решений, то следствие будет дезорганизовано, тактический план расследования нарушен и действия одного из членов группы поставят под угрозу успех работы всех остальных.

Мы полагаем, что член группы не вправе принимать самостоятельно и такие тактические решения, которые касаются расследуемого им эпизода или версии в целом, даже пользуясь при этом полной самостоятельностью на этом участке работы. Поскольку эпизоды по делу взаимосвязаны, а проверка одной версии не может осуществляться в полной изоляции от проверки других, принятое им тактическое решение может отразиться на работе других следователей и должно приниматься после согласования с руководителем группы, имеющим полную информацию о всем ходе расследования и складывающейся следственной ситуации.

Что же остается на долю каждого участника группы следователей? По нашему мнению, это — принятие тактических решений в рамках одного следственного действия: о применении тех или иных тактических приемов, выборе определенной линии поведения, применении соответствующих средств фиксации и т. п. Такие решения, даже если и окажутся неправильными, едва ли отразятся на всей работе группы и всегда могут быть надлежащим образом скорректированы.

7.5.2. Принятие решений в условиях тактического риска

В 1974 г. в одной из своих работ мы употребили термин “тактический риск”⁷⁶, понимая под ним ситуацию, грозящую провалом замысла следователя при проведении следственного действия

⁷⁶ Этимология слова “риск” восходит к морской торговле средних веков: от испанского “*risco*” — скала (производным является “*arriesca!*” — идти на скалу, в расширительном смысле — подвергаться опасности) и новолатинского “*risicum*”. Этим термином обозначается всякая возможность ущерба, угроза благам лица — физического или юридического.

(речь шла об очной ставке)⁷⁷. Сейчас нам представляется, что о тактическом риске вполне можно говорить в более широком плане, как о важном факторе, поддающемся учету и оценке.

Под тактическим риском мы понимаем допущение отрицательных последствий при реализации тактического решения. Мы говорим о принятии решения в **условиях тактического риска**, когда возможность отрицательных последствий допускается при принятии решения и отсутствие более “выигрышной” альтернативы побуждает нас принимать решение, несмотря на имеющийся риск.

В теории игр принято считать, что условия риска имеют место, когда лицо, принимающее решение, не может быть уверено в конкретном результате и должно в расчете на лучший результат быть готовым, что на деле осуществится худший. При этом выделяют два классических случая:

- 1) собственно условия риска: когда возможно узнать или хотя бы оценить вероятности наступления тех или иных событий, в связи с чем можно планировать некоторую “среднюю выгоду”;
- 2) условия неопределенности, когда информация о вероятности наступления событий отсутствует или неизвестна лицу, принимающему решение, так что приходится делать предположение об оптимальности ходов соперника и стремиться обеспечить себе некоторую “максимальную гарантированную выгоду” (стратегия максимина)⁷⁸.

Типичными для процесса расследования чаще всего являются условия неопределенности, когда следственная ситуация недостаточно известна. Поскольку здесь “диапазон информационного обеспечения решения может колебаться от почти полного отсутствия до почти исчерпывающего, велик и диапазон неопределенности — от почти однозначного до практически бесконечного количества альтернатив... Здесь в качестве компенсации за отсутствие информации выступают личный опыт руководителя, его знания, интуиция, использование опыта решения задач, аналогичных (опять-таки в весьма различной степени) данной задаче”⁷⁹.

Тактический риск является **закономерным компонентом** расследования. Сама специфика расследования делает принятие решений в условиях тактического риска типичным явлением. Стремление вообще избежать риска нереально; задача заключается в том, чтобы **избрать стратегию наименьшего тактического риска**, предвидеть возмож-

⁷⁷ См. Криминалистика. М., 1974, с. 366.

⁷⁸ См.: **Макаров И. М.** и др. Теория выбора и принятия решений. М., 1982.

⁷⁹ **Афанасьев В. Г.** Социальная информация и управление обществом, с. 159.

ные отрицательные последствия своего решения и заранее продумать меры по ликвидации или ослаблению этих последствий, минимизировать риск. Иными словами, риск — это деятельность, осуществляемая в условиях выбора, когда существует опасность в случае неудачи оказаться в худшем положении, нежели до выбора.

Действовать в условиях тактического риска следователя побуждает ряд обстоятельств.

- I. Во-первых, это **дефицит времени**, особенно ощущаемый на стадии возбуждения уголовного дела, при задержании преступника в поличном, при расследовании “по горячим следам” и вообще на первоначальном этапе расследования.
- II. Во-вторых, это **информационная неопределенность ситуации**, недостаточность и неполнота информации для принятия всесторонне взвешенного решения.
- III. В-третьих, это уверенность следователя в своем **превосходстве в ранге рефлексии** над противодействующей стороной, интуитивное предвидение успешности своих действий, пусть даже и рискованных.
- IV. Наконец, в-четвертых, **процессуальная необходимость** совершения действий независимо от складывающейся следственной ситуации, например, проведения очной ставки для предписанного законом устранения противоречий в показаниях допрошенных лиц.

В общем виде ситуация тактического риска характеризуется наличием неопределенности, альтернативностью выбора решения и возможностью оценки вероятности осуществления сделанного выбора, при этом следует подчеркнуть неизбежность выбора, невозможность ухода, отказа от принятия решения.

Принятие тактического решения в ситуации риска связано с оценкой степени риска. Такая оценка предполагает, прежде всего, необходимость сравнения вероятных практических выгод (и оценку степени реальности их извлечения) и возможных негативных (как близких, так и отдаленных) последствий, которые могут наступить при реализации содержащего риск решения. Это оценочное отношение “польза — вред”.

Оценить степень тактического риска сравнительно несложно при оценке последствий отдельного следственного действия. Так, например, принимая решение о проведении очной ставки между обвиняемым, дающим ложные показания, и свидетелем, чьи показания его изобличают, следователь в состоянии предвидеть следующие возможные результаты:

- ◆ а) под влиянием показаний свидетеля обвиняемый перестанет лгать и даст правдивые показания — оптимальный результат; в расчете на его достижение и проводится очная ставка;

- ◆ б) под влиянием показаний обвиняемого свидетель изменит свои показания и подтвердит слова обвиняемого — наихудший отрицательный результат, наибольший “проигрыш” следователя;
- ◆ в) участники очной ставки остались при своих показаниях; внешне нейтральный результат, фактически — отрицательный, так как цель очной ставки не достигнута, хотя и выполнено требование закона и сделана попытка устранить имеющиеся противоречия; потеря времени, замедление темпа расследования;
- ◆ г) участники очной ставки остались при своих показаниях, но обвиняемый почерпнул из показаний свидетеля ранее неизвестную ему информацию, которую он может использовать к своей выгоде, — отрицательный результат: возможность усиления противодействия обвиняемого установлению истины;
- ◆ д) обвиняемый изменил свои показания, согласовав их в той или иной степени с показаниями свидетеля, заменив прежнюю ложь новой, труднее поддающейся разоблачению, — отрицательный результат: необходимость затраты дополнительных усилий для изобличения обвиняемого во лжи; как следствие — потеря времени, замедление поступательного движения расследования.

Из пяти возможных вариантов последствий очной ставки, которые поддаются предвидению, четыре носят отрицательный характер, в том числе три — существенно отрицательный. Казалось бы, что при таких ограниченных условиях можно даже математически исчислить степень вероятности риска, однако это не так. Степень тактического риска зависит не только и не столько от числа вариантов отрицательных последствий и его отношения к числу возможных вариантов последствий вообще. Здесь пришлось бы сделать многочисленные поправки, вызванные необходимостью учитывать такое количество субъективных и объективных факторов, которое делает такой учет возможным лишь в сугубо вероятностной форме и только на основе опыта и интуиции следователя. Так, например, в приведенном примере результат очной ставки будет зависеть от того, что собой представляет личность обвиняемого во всех ее качествах, личность свидетеля, насколько он убежден в правильности своих показаний, насколько решительно он настроен на их повторении; от того, в каких взаимоотношениях находятся участники очной ставки, насколько важен предмет допроса, насколько сильна вообще негативная позиция обвиняемого, и от многих и многих других обстоятельств.

От следователя (его опыта, наблюдательности, способности к анализу, объема и качества собранной им информации и т. д.) зависит правильная оценка возможного тактического риска. Поэтому и оценка такая

носит субъективный характер, и у опытного следователя она точнее, чем у начинающего. Опытный следователь может не рассматривать как рискованное такое тактическое решение, реализация которого, по мнению неопытного, сулит почти наверняка полный провал и кажется поэтому рискованным в высшей степени.

Использование оценочного подхода, при котором основным критерием служит обоснованность выбора, позволяет выделить риск обоснованный (рациональный) и необоснованный (нерациональный). Следственная ситуация может оказаться такой, когда рациональным может быть решение с любой степенью риска — от минимальной до максимальной, причем, как показывает следственная практика, постоянная ориентация на минимальный риск может приводить к значительным издержкам, расточительному расходованию сил и средств, замедлению темпов расследования.

Рациональным будет риск при выбранном оптимальном решении.

1. Оптимальным в ситуации тактического риска будет решение, которое обеспечивает при данных условиях достижение нужного результата при минимальных затратах.⁸⁰
2. Оптимальность решения зависит от затрачиваемого на выбор решения времени. Это условие связано с необходимостью затраты на его поиск определенного времени, которое не может быть сокращено при выборе решения в условиях риска. Иначе возникает угроза качеству решения (Ю. Ю. Осипов, 1992).

В теории принятия решений выделяют следующие виды решений в зависимости от субъекта принятия решения:

- ♦ **Уравновешенные решения.** Для субъекта решения характерны осознание исходной цели, предварительный анализ проблемы, вариативность гипотез, критичность мышления, гибкость принимаемых решений.

⁸⁰ Отметим, что концепция оптимального решения всегда предусматривает наличие некоей целевой функции, оптимизация которой и достигается при выборе данного решения. В данном случае неявно предполагалось, что имеется в виду минимизация затрат; при ином целеполагании оптимальным может быть иное решение (например, достижение нужного результата за минимальное время или с минимальными людскими и техническими ресурсами и т. п.). В реальных задачах могут быть учтены и несколько критериев, при этом один из них выступает в роли целевой функции, а остальные — в роли ограничений (например, достижение нужного результата при минимальных затратах с ограничениями на время проведения операции и используемые ресурсы).

- ♦ **Импульсивные решения.** Процессы принятия решений субъектом, выдвижения версий, планирования поступков преобладают над действиями по их проверке.
- ♦ **Инертные решения.** Характерны для профессионально неподготовленных. Поиск решений неуверенный и осторожный. Преобладают контрольные и устойчивые действия.
- ♦ **Осторожные решения.** Субъект, принимая решение, больше боится возможных ошибок, чем радуется успеху. Принятие решения отличается особой тщательностью оценки, критичностью. Прежде чем сделать вывод, субъект совершает множество подготовительных действий.

Таким образом, процесс принятия решения зависит от личностных особенностей субъекта, чем в значительной степени определяется характер и алгоритм действий следователя в ситуациях тактического риска.

В литературе предложен типовой алгоритм принятия решения в ситуации тактического риска (Ю. Ю. Осипов, 1992). Он состоит из следующих элементов (этапов):

Инициатива в подготовке и принятии решения о производстве следственного действия в условиях риска принадлежит следователю (дознавателю). Ее определяют либо состояние расследования и возникшие задачи, либо требования уголовно-процессуального закона.

Осознание проблемы и постановка задачи — это моделирование действия с выводом возможного положительного и отрицательного результата при его осуществлении. Содержание этого этапа: а) анализ имеющейся информации; б) сравнение со схожими ситуациями; в) выработка альтернатив.

Восполнение модели действий. Преобладание возможных негативных последствий, свидетельствующих о недопустимом уровне тактического риска, связанном с неминуемым провалом замысла следователя, требует восполнения пробелов в модели действий путем насыщения ее дополнительной необходимой информацией.

Выбор оптимального варианта. Ему предшествует вновь расчет и оценка последствий при реализации откорректированной за счет дополнительной информации модели действий. Итогом этого этапа выступает оценка вероятности наступления положительного результата и принятия решения о производстве действий в конкретной ситуации риска.

Моделирование действий по минимизации риска и возможных при этом последствий. При невозможности минимизации риска моделирование следственной ситуации при отказе от проведения “рискованного” действия.

Минимизация тактического риска может быть осуществлена путем:

- ◆ изменения структуры тактического приема или тактической комбинации с включением в нее предъявления вещественных доказательств, документов, видео- и звукозаписей и иных источников информации, направленной на изменение позиции противостоящего лица;
- ◆ изменения психологической обстановки действия (изменение места и времени производства действия, исключение воздействия внешних факторов (постороннего фона), мешающих полному и всестороннему воздействию передаваемой и принимаемой информации);
- ◆ отказа от тактически верного и перехода на алогичный тактический прием (например, отказ от допроса по обстоятельствам, на который охотно идет допрашиваемый, замена его проверкой алиби последнего; обыск в местах, где искомого “быть не должно”);
- ◆ замены следователя, проведения действия группой следователей с участием оперативного работника, обеспечивающей более интенсивное допустимое воздействие и более жесткий контроль за реакциями подследственного на ту или иную информацию;
- ◆ изменения темпа проведения следственных действий и всего расследования, не останавливаясь на проигрышных для следователя эпизодах до изменения следственной ситуации в благоприятную сторону;
- ◆ исключения ненужных пауз, дающих подследственному возможность адаптироваться к ситуации;
- ◆ сравнения данной ситуации тактического риска по аналогии с ранее возникавшими подобными ситуациями, оценки примененных ранее тактических приемов в плане их использования в подобных условиях;
- ◆ использования превосходства следователя в ранге рефлексии, широкого использования фактора внезапности.

Разумеется, стремление минимизировать тактический риск может не увенчаться успехом, и действия следователя приведут к отрицательному результату. Возникнет проблема нейтрализации отрицательных последствий тактики риска с минимальными потерями для следователя. Имея в виду многовариантность возникающих при этом ситуаций, можно дать только общие рекомендации решения этой проблемы. Следователю в такой ситуации необходимо:

1. Тщательно проанализировать весь ход “рискованного” действия и установить момент “поворота к худшему”, момент, когда уже нельзя было предотвратить наступление негативного результата.
2. Определить, какие ошибки были допущены, выяснить их причины; смоделировать ситуацию при устранении этих ошибок.

3. Заново рассмотреть всю исходную информацию и переоценить ее; определить комплекс мер по исправлению допущенных ошибок и недопущению их в будущем.
4. Исследовать ситуацию на основе новой стратегии расследования и разработать новую модель следственного действия, необходимость проведения которого осталась.

Эффективным средством предотвращения негативных последствий в условиях тактического риска служат тактические комбинации (операции).

Специфика расследования делает, на наш взгляд, принятие решения в условиях тактического риска типичным явлением, особенно при действиях в условиях конфликтных ситуаций, и является важным элементом тактики следствия. Стремление вообще избежать риска нереально: задача заключается в том, чтобы избрать стратегию наименьшего тактического риска, предвидеть возможные отрицательные последствия своего решения и заранее продумать меры по ликвидации или ослаблению этих последних, что в конечном счете и приведет к максимально возможному в данных условиях положительному результату.

7.5.3. Принятие тактического решения в условиях конфликтной ситуации

В предыдущей главе мы уже кратко охарактеризовали понятие конфликтной ситуации в процессе расследования. Для конфликтной ситуации типично такое положение, «когда стороны не только объективно стремятся к противоположным целям, но знают об этом и при составлении своих планов учитывают действия противоположной стороны, взаимно создавая трудности и помехи, чтобы обеспечить себе выигрыш или не дать победить противнику»⁸¹.

Различают конфликтные ситуации со строгим соперничеством (в которых интересы сторон прямо противоположны, выигрыш одной стороны означает проигрыш другой) и с нестрогим соперничеством (сталкивающиеся интересы сторон не носят полярного, диаметрально противоположного характера).

По типу разрешения конфликтные ситуации разделяют на остроконфликтные, отличающиеся высокой эмоциональной напряженностью, в известном смысле стрессовым состоянием сторон, бурными словесны-

⁸¹ **Ратинов А. П.** Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике. — В кн.: Правовая кибернетика. М., 1970, с. 186.

ми реакциями, сопротивлением и т. п., и не остроконфликтные, протекающие с меньшим эмоциональным накалом.

По форме выражения выделяют явные и скрытые конфликты⁸². Некоторые исследователи называют еще одну разновидность конфликтных ситуаций — ложноконфликтные, возникающие в связи с ошибочным пониманием сущности, цели, направленности психического отношения, роли его участников. «Ложноконфликтные психические отношения наиболее часто возникают из-за неправильной предварительной информации, из-за определенной предвзятости, складывающейся еще до вступления в общение по отношению к предполагаемому партнеру»⁸³.

В каждом конфликте следует различать внешнюю и внутреннюю стороны. А. Р. Ратинов характеризует внешнюю сторону конфликта как реальное соперничество двух сил, противодействие друг другу участников расследуемого дела. Правовой формой этой стороны конфликта является состязательность уголовного процесса. С внутренней же стороны «конфликт предстает перед нами, во-первых, как соотношение различных информационных систем, как определенная взаимосвязь субъектов, принимающих, сообщающих и использующих информацию друг о друге, и, во-вторых, как двустороннее решение взаимосвязанных и взаимоопределяющих мыслительных задач, лежащих в основе поведения противников и направляющих ход реальной борьбы»⁸⁴.

Конфликт является предметом исследования такой области знаний, как теория игр. Представляется, что еще не созрели условия использования математического аппарата этой теории в следственной практике; попытки применения теории игр к расследованию предпринимаются в настоящее время по линии так называемого рефлексивного управления, рефлексивных игр.

Под рефлексией понимают имитацию рассуждений одного участника конфликта другим, оценку мотивов и поведения. Глубина проникновения в представления противостоящей стороны о себе самом характеризуется «рангом рефлексии»⁸⁵.

⁸² **Ратинов А. Р.** Теория рефлексивных игр., с. 187; **Дулов А. В.** Судебная психология. Минск, 1975, с. 104; **Водолазский Б. Ф., Гутерман М. П.** Конфликты и стрессы в деятельности работников органов внутренних дел. Омск, 1976, сс. 11-12; **Баев О. Я.** Конфликты в деятельности следователя. Воронеж, 1971, с. 7.

⁸³ **Дулов А. В.** Судебная психология. Минск, 1975, с. 103.

⁸⁴ **Ратинов А. Р.** Судебная психология для следователей. М., 1967, сс. 157-158; **Ратинов А. Р.** Теория рефлексивных игр., с. 186.

⁸⁵ **Дружинин В. В., Конторов Д. С.** Идея, алгоритм, решение, с. 177.

Представление о рефлексии и ее рангах дает модель, разработанная В. А. Лефевром. Пусть есть два противника⁸⁶ — А и Б. Первый преследует второго, который скрывается в убежище, откуда есть два пути: легкий и тяжелый. Рассуждения игроков при различии в рангах рефлексии могут выглядеть примерно так:

1. Если ранг рефлексии у обоих противников равен нулю, то есть один не имитирует рассуждений другого, Б пойдет по легкому пути, А пойдет также этим путем. Результат преследования определится соотношением скоростей.
2. Ранг рефлексии А равен нулю, ранг рефлексии Б — единице. Б рассуждает так: “А наверняка ждет меня на легком пути, поэтому я пойду по тяжелому.” Б уйдет от преследования.
3. Ранг рефлексии А равен двум, а Б — единице. Б рассуждает по-прежнему и пойдет трудным путем. А рассуждает так: “Б полагает что я жду на легком пути, и пойдет по тяжелому пути. Я же именно по тяжелому пути и пойду.” А настигнет Б⁸⁷.

Нетрудно представить себе подобные игровые ситуации в процессе расследования, протекающего в конфликтной обстановке. Задача следователя при этом заключается в том, чтобы превзойти противника в ранге рефлексии и с помощью принимаемых для разрешения конфликта тактических решений переиграть противника, то есть реализовать намеченные способы ликвидации конфликта.

Тактическое решение в конфликтной ситуации может преследовать двоякую цель: 1) формирование у противника истинного представления об обстановке и условиях, в которых ему предстоит действовать, или целей, совпадающих с целями следователя, и 2) создание условий для формирования у противника ошибочных представлений о тех или иных обстоятельствах дела, целях следователя и его действиях, состоянии

⁸⁶ Следует иметь в виду, что термины теории игр, такие, как борьба, конфликт, противник, игра, игровая ситуация, выигрыш, проигрыш, победа и др., носят весьма условный характер, особенно при употреблении их применительно к процессу расследования. Как мы уже отмечали, это нередко несправедливо игнорируют противники признания существования конфликтных ситуаций при расследовании. Иногда неприятие этих терминов доводит просто до абсурда. Так, уже упоминавшийся А. М. Ларин объявил употребление этих терминов одним из следствий утверждения в стране тоталитаризма, милитаризации общества “с присущими им командным режимом управления, широким использованием силовых приемов” и т. п. (*Ларин А. М.* Криминалистика и паракриминалистика, М., 1996, с. 100). Вот уж, воистину, классический образчик конъюнктурного нео-приспособленчества, стремление выглядеть еще большим католиком, чем сам папа!

⁸⁷ *Лефевр В. А.* Конфликтующие структуры. М., 1967.

расследования. В общих случаях тактическое воздействие заключается в передаче противнику нужной информации и в создании определенных условий для ее оценки противником.

Поскольку средством достижения второй из названных целей тактического решения в конфликтной ситуации является преимущественно, как мы полагаем, тактическая комбинация, которой посвящается следующая глава, здесь мы остановимся лишь на вопросе о формировании у противника истинных представлений, нужных следователю.

Наиболее детально типовые варианты целей тактического воздействия в плане рефлексии разработаны А. Р. Ратиновым⁸⁸. Он называет следующие варианты целей первого из указанных выше видов:

1. Формирование у подсудственного истинного представления об обстановке и условиях, в которых ему придется действовать. Для этого ему передается правильная информация о реальных обстоятельствах, которые в интересах следователя должен учесть подсудственный, например, сообщение об аресте соучастника лицу, находящемуся на свободе, способное побудить к отказу от продолжения преступной деятельности.

Этот вариант Г. Ф. Горский и Д. П. Котов комментируют следующим образом: “При неумелом применении данного метода очень легко можно дойти до психического насилия, то есть лишит подсудственного свободы выбора не в вопросе прекращения преступной деятельности, а например, в вопросе дачи показаний. Поэтому при его применении следователь должен быть очень осторожным”⁸⁹. Признаться, эти соображения не представляются нам убедительными, поскольку “дойти до психического насилия” можно при незаконном и неправильном применении любого метода, а осторожность также следует соблюдать всегда, какой бы тактический прием ни применялся.

2. Формирование у подсудственного целей, которые, в определенной степени совпадая с целями следователя, побуждают к желательным компромиссным решениям и действиям. Такой целью может быть, например, добровольное возмещение обвиняемым причиненного вреда,

⁸⁸ **Ратинов А. Р.** Судебная психология для следователей. М., 1967, сс. 159-160; **Ратинов А. Р.** Теория рефлексивных игр., сс. 194-196.

⁸⁹ **Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П.** Судебная этика. Воронеж, 1973, с. 101.

которое рассматривается как смягчающее вину обстоятельство и, к тому же, облегчает работу следователя⁹⁰.

Подготовка и принятие тактического решения, направленного на достижение перечисленных целей, проходит в несколько этапов. На первом этапе собирается информация о следственной ситуации, среди которой особенно выделяется информация о личности противника. Затем осуществляется выбор цели и выделяется информация, подлежащая передаче противнику с помощью тактического воздействия. Третий этап — принятие решения и определение средств и способов передачи информации противодействующему лицу⁹¹.

Рефлексивное управление, открывая большие возможности установления истины в процессе расследования, в то же время чревато и осложнениями в работе по делу, если следователь уступит противнику в ранге рефлексии. Между тем ранг рефлексии зависит от влияния целого ряда факторов: от его врожденных и приобретенных способностей, объема знаний и профессиональных навыков, готовности к рефлексивным рассуждениям и умения “вживаться” в противника, субъективного состояния. Развитие всех этих качеств и умений является необходимым элементом профессиональной подготовки и совершенствования следователей.

⁹⁰ Комментарий Г. Ф. Горского и Д. П. Котова: “Этот метод не вызывает возражений, если само формирование указанных целей идет нравственными средствами” (указ. раб., с. 102).

⁹¹ **Гранат Н. Л.** О моделировании ситуаций, порождающих потребность в даче правдивых показаний. — В кн.: Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973, сс. 76-77.

8. ТАКТИЧЕСКАЯ КОМБИНАЦИЯ

8.1. Возникновение проблемы

На протяжении всей истории развития криминалистической тактики перед учеными и практиками возникал и по-разному ими решался вопрос о границах дозволенного воздействия на подозреваемых и обвиняемых, потерпевших и свидетелей. Этот вопрос приобретал особенную остроту, когда речь заходила о тактике допроса — следственного действия, при производстве которого истари применялись различные приемы изобличения во лжи, психического воздействия на допрашиваемого, постановки хитроумных, каверзных вопросов, рассчитанных на то, чтобы преодолеть сопротивление допрашиваемого, нежелающего говорить правду. Недаром допрос называли искусством, приравнивали его к искусству шахматной игры — «столько ума, углубленного внимания, способностей к логическим комбинациям, умения проникнуть в психику своего собеседника и выдержки оно требует»¹. И. Н. Якимов прямо писал, что поскольку допрос является искусством, ему трудно обучить другого, так как тут многое зависит от личных способностей допрашивающего².

Отечественные криминалисты всегда отрицали возможность использования следователем неправомерных форм насилия, какими бы высокими целями они ни оправдывались. Это касалось не только допроса, но и других следственных действий и всего расследования в целом. Нравственные принципы уголовного судопроизводства не позволяли даже поставить под сомнение недопустимость любых тактических приемов, основанных на насилии, их применение всегда расценивалось как

¹ Якимов И. Н. Криминалистика. Уголовная тактика. М., 1929, с. 113.

² Там же.

грубейшее нарушение законности, граничащее с преступлением, а иногда и признаваемое преступным и наказуемым.

Но все ли, что внешне может быть принято или кем-то расценено как обман, в действительности является обманом? Всякое ли воздействие на обвиняемого или свидетеля, в силу которого он вынужден поступать именно так, а не иначе, является насилием? Всякое ли сокрытие от заинтересованных в исходе дела лиц тех или иных данных является лицемерием, недопустимым для следователя? По мере развития криминалистической тактики, расширения арсенала тактических приемов, все более активного использования в следственной практике данных психологии, рефлексивных игр, наконец, по мере накопления чисто эмпирических сведений об искусно и тонко проведенных следственных действиях эти и подобные им вопросы все чаще возникали и в криминалистической науке и в практике борьбы с преступностью.

Сейчас трудно сказать, кто первым употребил в нашей литературе термины “следственная хитрость” и “психологические ловушки”, но уже в 1964 г. во время дискуссии по некоторым проблемам криминалистической тактики И. Д. Перлов возражал против термина “следственная хитрость” и говорил, что допрос нужно вести “умно, а не хитро”, что недопустимы дезориентация обвиняемого, сокрытие неосведомленности следователя. Возражая ему, В. Г. Танасевич привел пример правомерной хитрости следователя, а Г. И. Кочаров заявил, что существует целый ряд следственных приемов, применяемых на практике, включающих в себя элементы хитрости, которые можно и нужно взять следователю на вооружение.

Г. М. Миньковский справедливо указал, что дело заключается не столько в терминах, в частности, в допуске термина “следственная хитрость” или отказе от него, а в том, чтобы по существу ответить на вопрос, можно ли применять приемы, связанные с использованием психологии обвиняемого. Участники дискуссии выразили пожелание продолжить разработку всех этих спорных проблем³.

Вскоре дискуссия была продолжена на страницах “Следственной практики” В. Г. Красуским. Приведя несколько приемов допроса, которые он отнес к разряду “следственных хитростей”, и высказав убеждение в правомерности их применения, он заключил статью словами: “Самой собой разумеется, что любые тактические приемы, в том числе и те, о

³ *Гаврилов О. А., Соя-Серко Л. А.* Дискуссия о некоторых основных положениях следственной тактики. — Вопросы криминалистики, вып. 10. М., 1964, сс. 210-216.

которых шла речь, применяются при строгом соблюдении законности”⁴. Комментируя по поручению редакции статью В. Г. Красуского, А. Р. Ратинов отметил, что “соответствие требованиям закона есть главное, но не единственное требование, предъявляемое к тактическим приемам. Из указания закона о необходимости всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела вытекает и другое требование, определяющее целевое назначение тактических приемов, — это направленность каждого из них к выяснению истины и в то же время такие его качества, которые обеспечивали бы неспособность тактического приема помешать этому, породив ложь, ошибки и искажения”⁵, то есть то, что впоследствии стали называть избирательностью действия тактического приема.

Включившийся в дискуссию Б. Г. Розовский категорически высказался против любых оправданий обмана ссылками на его “удачное” использование при допросе⁶. Этот тезис был поддержан и другими участниками дискуссии — В. Н. Бортневым и Ю. И. Лавровым, — которые полностью присоединились к мнению о том, “что следователи могут и должны использовать при производстве следственных действий тактические преимущества, применять определенные “психологические хитрости”⁷.

Разумеется, у концепции правомерности “следственных хитростей” вскоре нашлись и убежденные противники, на аргументах которых далее мы остановимся подробно. Здесь же отметим, что особенное раздражение вызывали и вызывают у них получившие распространение термины “следственная хитрость”, “психологическая ловушка” и т. д., действительно носящие несколько двусмысленный, сомнительный характер и не совсем точные по своему существу.

Изучение проблемы “следственных хитростей” привело нас к выводу, что этот термин не вполне соответствует обозначаемому им понятию по следующим основаниям.

⁴ *Красуский В. Г.* О некоторых психологических приемах — Следственная практика, № 65, М., 1964, с. 105.

⁵ *Ратинов А. Р.* О допустимости и правомерности некоторых тактических приемов. — Следственная практика, № 65, М., 1964, с. 106.

⁶ *Розовский Б. Г.* Некоторые вопросы применения психологических приемов в допросе обвиняемых. — Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 2, Киев, 1965, с. 14.

⁷ *Бортнев В. Н., Лавров Ю. И.* О “психологических хитростях” в следственной тактике. — Следственная практика, № 71, М., 1966, с. 88.

Описанные в литературе варианты “следственных хитростей” как тактических приемов в большинстве своем не содержат никакой хитрости в общепотребительном смысле этого слова. Это либо приемы сокрытия значимой для дела информации от заинтересованных лиц, либо приемы создания такой обстановки, которая может быть двояко оценена этими лицами, либо приемы формирования у них выгодных для следствия целей. Нужное воздействие эти приемы оказывают, как правило, не своим содержанием, а временем, местом, последовательностью применения. В сущности, они представляют собой **комбинации** приемов, объединенные одной целью и рамками одного следственного действия.

Дальнейшее исследование показало, что такое же воздействие на проходящих по делу лиц может иметь комбинация уже не отдельных приемов, а следственных действий — в рамках отдельного акта расследования, комбинация, разумеется, более сложная, чем комбинация приемов. Так возникло представление о **тактической комбинации**, разновидность которой — простая (элементарная) тактическая комбинация — охватывает собой все те способы рефлексивного управления (а это именно способы рефлексивного управления, как читатель убедится далее), которые неточно и неудачно обозначались термином “следственная хитрость”.

Столь же, если не более, неточен и неудачен термин “психологическая ловушка”. Действительно, по логике вещей всякое рефлексивное управление рассчитано на промахи противника, на попадание его в такую ситуацию, из которой невозможен или во всяком случае затруднен беспроигрышный выход. В этом смысле подобная ситуация играет роль ловушки. Но это слово имеет ярко выраженный привкус какого-то обмана, коварства, вероломства, что никак не приемлемо для характеристики вполне правомерных методов разрешения конфликтных ситуаций в процессе расследования, а поэтому не должно быть использовано в данном случае. Это как раз та ситуация, когда обычное словоупотребление, общепринятый смысл слова делают совершенно невозможным его использование в качестве термина для обозначения специального понятия. Кроме того, этот прием (или комбинация приемов), хотя и основывается на данных психологии, является **тактическим** приемом, **тактической**, а не психологической комбинацией.

Исходя из изложенных соображений, мы в 1974 г. употребили термин “тактическая комбинация” для обозначения тех тактических приемов допроса, которые именовались “психологическими ловушками” или

“следственными хитростями”⁸, а позже расширили понятие тактической комбинации, включив в него сочетание не только тактических приемов, но и следственных действий⁹.

Определенное влияние на формирование нашей концепции тактической комбинации оказали идеи А. В. Дулова о тактических операциях. Их основное содержание заключалось в следующем.

В существующем виде криминалистическая тактика не отвечает потребностям следственной практики, ибо ограничивается разработкой рекомендаций, рассчитанных на отдельные следственные действия. Между тем, следователю часто приходится решать задачи, по которым ответ может быть найден только путем проведения серии следственных, оперативно-розыскных, ревизионных и иных действий. Отсюда — необходимость разработки тактические рекомендации для оптимального решения задач общего характера, требующих для своего разрешения проведения группы следственных, оперативно-розыскных, ревизионных действий. Такие общие задачи обозначаются понятием “тактические операции”.

Некоторые тактические операции разрабатываются уже сейчас. К ним можно отнести розыск и изучение личности обвиняемого. Можно выделить и другие тактические операции общего класса, подлежащие научной разработке, например, группу тактических операций “изобличение”. Наряду с классом общих тактических операций существуют и операции, проводящиеся только по определенной группе дел, такие, как “розыск трупа”, “отождествление трупа”. Каждая из указанных задач разрешается при помощи целой системы следственных и оперативно-розыскных действий, то есть является тактической операцией.

Разработка и выделение в отдельных методиках расследования тактических операций приведет к определенному изменению этого раздела криминалистики. В частных методиках, кроме изложения первоначальных следственных действий, будут рассматриваться и группы тактических операций, проводимых по данной категории уголовных дел.¹⁰

⁸ Криминалистика. М., 1974, с. 361.

⁹ **Белкин Р. С.** Проблемы определения последовательности следственных действий. — В кн.: Проблемы совершенствования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в аспекте ликвидации преступности в СССР. Алма-Ата, 1974, с. 16.

¹⁰ **Дулов А. В.** О разработке тактических операций при расследовании преступления. — В кн.: 50 лет советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия. Л., 1972, сс. 23-26.

В концепции А. В. Дулова заключалось одно существенное противоречие: тактическими операциями он именовал задачи общего и менее общего характера, возникающие в процессе расследования, а не средства решения этих задач. Между тем в теории организации понятие операции трактуется прямо противоположным образом. «Множество действий образуют операцию, если каждое действие необходимо для достижения желаемого результата и если эти действия взаимосвязаны», — пишет Р. Л. Акоф¹¹. «Операция — множество действий, каждое из которых необходимо для достижения желаемого результата при условии, что эти действия взаимосвязаны», — вторит Акофу Ф. Ф. Аунапу¹².

Сам термин «операция» (от латинского *operatio* — действие) обозначает деятельность по выполнению какой-либо задачи, а не саму задачу.

Отмеченный недостаток определения тактической операции, очевидно, учел Л. Я. Драпкин, по мнению которого, тактическая операция — это комплекс следственных, оперативно-розыскных, организационно-подготовительных и иных действий, проводимых по единому плану и направленных на решение отдельных промежуточных задач, подчиненных общим целям расследования уголовного дела¹³.

Л. Я. Драпкин предпринял и первую попытку классификации тактических операций, разделив их: а) по содержанию — на неоднородные тактические операции, включающие в себя следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия и иные действия, и однородные, состоящие только из следственных действий; б) по временной структуре — на сквозные, производство которых осуществляется на протяжении нескольких этапов расследования, и локальные тактические операции, проводимые на каком-нибудь одном этапе расследования; в) по организационной структуре — тактические операции, осуществляемые работниками, объединенными в постоянное структурно-организационное звено (ОУР, ОБХСС и т. д.), и тактические операции, проводимые работниками, объединенными во временное структурно-функциональное звено (следственная бригада, оперативно-следственная группа)¹⁴.

¹¹ **Акоф Р. Л.** Системы, организации и междисциплинарные исследования. — В кн.: Исследования по общей теории систем. М., 1969, с. 146.

¹² **Аунапу Ф. Ф.** Научные методы принятия решений в управлении производством. М., 1974, с. 69.

¹³ **Драпкин Л. Я.** Особенности информационного поиска в процессе расследования и тактика следствия. — В кн.: Проблемы повышения эффективности предварительного следствия. Л., 1976, с. 54.

¹⁴ Там же, сс. 54-55.

Позднее В. И. Шикановым было предложено еще одно определение тактической операции: «Тактическая операция — система согласованных между собой следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, предпринятых в соответствии с требованиями норм уголовно-процессуального закона правомочными должностными лицами для выяснения вопросов, входящих в предмет доказывания по расследуемому ими уголовному делу»¹⁵. Не отличаясь по существу от определения Л. Я. Драпкина, это определение раскрывает понятие также через действие, а не через их задачу.

Наконец, в 1979 г. А. В. Дулов сформулировал свое полное определение тактической операции, сущность которой заключается в том, что это «совокупность следственных, оперативных, ревизионных и иных действий, разрабатываемых и производимых в процессе расследования по единому плану под руководством следователя с целью реализации такой тактической задачи, которая не может быть решена производством по делу отдельных следственных действий»¹⁶.

Из сказанного очевидно, что как А. В. Дулов, так и развивавшие его инициативу Л. Я. Драпкин и В. И. Шиканов рассматривают тактическую операцию (а В. И. Шиканов упоминает и термин «тактическая комбинация») лишь как систему следственных и иных действий, но не как систему приемов в рамках одного действия. В этом и состоит принципиальное отличие между нашими позициями.

Концепция тактических операций в существующем ее виде не охватывает собой понятия «следственных хитростей»; концепция тактической комбинации включает в себя это понятие как подчиненное, как частный случай. В этом, с нашей точки зрения, еще одно различие указанных концепций, весьма существенное как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

¹⁵ **Шиканов В. И.** Разработка теории тактических операций — важнейшее условие совершенствования методики расследования преступлений. — В кн: Методика расследования преступлений (общие положения). М., 1976, сс. 156-157.

¹⁶ **Дулов А. В.** Тактические операции при расследовании преступлений. Минск, 1979, с. 44.

8.2. Понятие и виды тактической комбинации

Одной из актуальных задач криминалистической науки является исследование связей как между отдельными тактическими приемами в рамках одного следственного действия, так и между отдельными следственными действиями, осуществляемыми в соответствии со складывающейся следственной ситуацией при производстве конкретного акта расследования. Эти связи определяют **системность** тактических приемов и следственных действий, их зависимость друг от друга и от следственной ситуации, взаимную детерминированность. При этом мы исходим из того, что под тактическим приемом следует понимать наиболее рациональный и эффективный способ действия или наиболее целесообразную в данных условиях линию поведения лица, осуществляющего процессуальное действие, а под следственным действием — самостоятельный элемент регламентированной уголовно-процессуальным законодательством деятельности следователя по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств.

Разработка тактики следственного действия предполагает определенную систематизацию применяемых при его производстве тактических приемов, типизацию их системы в рамках этого следственного действия. Данная система носит открытый характер, поскольку всегда может быть пополнена приемами, законом не регламентированными. В отличие от нее, следственные действия под углом зрения действующего уголовно-процессуального закона образуют закрытую систему с зафиксированным числом элементов. Изменение числа элементов системы связано и обусловлено изменением закона: признанием правомерности нового следственного действия или исключением изжившего себя звена этой системы. Внутри системы следственные действия располагаются в определенной последовательности.

В соответствии с местом процессуальной регламентации данного следственного действия в уголовно-процессуальном законе последовательность следственных действий может быть процессуально-законодательной. С этой точки зрения система следственных действий по УПК России будет выглядеть, например, следующим образом: а) допрос, б) предъявление для опознания, в) выемка, г) обыск, д) наложение ареста на имущество, е) осмотр, ж) следственный эксперимент, з) получение образцов для сравнительного исследования, и) экспертиза.

Последовательность следственных действий можно рассматривать как категорию криминалистической методики, когда идет речь об их ти-

пичных круге и последовательности, наиболее характерных и эффективных при расследовании определенной категории преступлений¹⁷.

Наконец, последовательность следственных действий можно рассматривать и как категорию тактико-криминалистическую, имея в виду такое упорядочение их системы, которое наилучшим образом обеспечивает собирание, исследование и использование доказательств в конкретной следственной ситуации.

Следственная ситуация влияет не только на круг и последовательность осуществляемых в данный момент следственных действий, но и на цели этих действий.

С. А. Шейфер считает, что целью следственного действия является либо собирание доказательств, либо их проверка (исследование)¹⁸. С этим едва ли можно согласиться. Не говоря о том, что практически каждое следственное действие служит одновременно и целям собирания и целям исследования (а также и использования) доказательств, целью следственного действия может быть создание условий для проведения другого следственного действия (например, получение образцов для сравнительного исследования или выемка документов для последующего их экспертного исследования и т. п.). Целью следственного действия или их комплекса может быть и формирование нужной следственной ситуации. Эффективным средством достижения цели одного или нескольких следственных действий, средством тактического воздействия на следственную ситуацию является тактическая комбинация.

Тактическая комбинация — это определенное сочетание тактических приемов или следственных действий, преследующее цель решения конкретной задачи расследования и обусловленное этой целью и следственной ситуацией.

Рассмотрим основные признаки этого понятия.

1. Тактическая комбинация может заключаться в определенном сочетании тактических приемов. Такое сочетание тактических приемов, детерминированное целью тактической комбинации и следственной ситуацией, в которой они применяются, осуществляется в рамках одного следственного действия — допроса, обыска, задержания и др. Следует специально подчеркнуть, что в этом случае речь идет о сочетании так-

¹⁷ Об этом правильно и обстоятельно пишет О. Я. Баев (*Баев О. Я.* Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. Воронеж, 1977, сс. 56-62).

¹⁸ *Шейфер С. А.* Познавательное значение следственных действий и их система. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 15. М., 1972, с. 67; *Шейфер С. А.* Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972, гл. 2.

тических приемов осуществления именно **одного** следственного действия.

Было бы неверным считать, что содержанием тактической комбинации может быть сочетание тактических приемов одного следственного действия с тактическими приемами другого. Комбинационное сочетание тактических приемов возможно, повторяем, только в рамках одного следственного действия, тактика которого и понимается как система приемов. Иное понимание сочетания тактических приемов неизбежно приведет к выводу о существовании неких комбинированных следственных действий типа, например, “осмотра-эксперимента” или “задержания-обыска” и т. п., что, как известно, противоречит и представлению о самостоятельном характере следственных действий, и процессуальному порядку их производства.

2. Тактическая комбинация может заключаться в определенном сочетании следственных действий в рамках одного акта расследования. И в этом случае, как и при сочетании тактических приемов, нет никакого “комбинированного” следственного действия, комбинация выступает как система следственных действий, как момент процесса расследования. В структуре тактической комбинации каждое следственное действие как элемент структуры является **незаменимым**, а их последовательность — обычно жестко определенной, поскольку в этой последовательности и может заключаться замысел комбинации. Примером тому служат тактические комбинации, проводимые на начальном этапе расследования дела, возбужденного на основании данных, полученных оперативным путем.

3. Тактическая комбинация может состоять из одноименных или из разноименных следственных действий. В ее состав могут входить организационно-технические мероприятия, носящие обеспечивающий характер; их включение не отражается на тактической природе комбинации, поскольку они не имеют самостоятельного значения.

Если в ходе расследования, особенно на начальном его этапе, реализуются данные, полученные оперативным путем, то тактическая комбинация может представлять собой сочетание как оперативно-розыскных мероприятий, так и следственных действий. Такую комбинацию можно назвать оперативно-тактической, но при этом нужно иметь в виду следующее:

◆ а) с процессуальной точки зрения, имеют значение только входящие в структуру подобной комбинации следственные действия, путем проведения которых реализуются, используются, то есть приобретают процессуальное значение данные, полученные в процессе оперативно-розыскных мероприятий;

◆ б) оперативно-розыскные мероприятия, как элемент комбинации, служат целям создания условий, обеспечивающих результативность, целеустремленность и безопасность входящих в структуру комбинации следственных действий. В свою очередь, следственные действия могут быть проведены для обеспечения эффективности последующих оперативно-розыскных мер, выступающих как промежуточное звено между следственными действиями в структуре одной оперативно-тактической комбинации. Например, допрос подозреваемого, намеренно оставленного до осуществления комбинации на свободе, проводится таким образом, что у него возникает необходимость встретиться с кем-то из лиц, чью связь с подозреваемым следствию необходимо установить. Наблюдение за подозреваемым после допроса позволяет выявить это лицо. Последующий допрос этого лица, а затем подозреваемого, а при необходимости и очная ставка между ними являются средствами процессуального установления и фиксации факта связи. В этой комбинации первый допрос подозреваемого преследовал цель обеспечения эффективности следующего за ним оперативно-розыскного мероприятия, а последующие допросы позволили реализовать полученные оперативным путем данные;

◆ в) комбинационное сочетание следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий вовсе не означает возникновения на этой основе неких комбинированных “оперативно-следственных” действий. Оперативно-розыскные меры и следственные действия сочетаются, а не смешиваются, не переплетаются друг с другом в каком-то неизвестном нашему процессуальному закону новообразовании. Следовательно при этом отнюдь не приобретает права участия или непосредственного проведения оперативно-розыскных мероприятий, он не определяет и методы их осуществления. Оперативно-тактическая комбинация осуществляется путем взаимодействия между следователем и оперативным работником органа дознания, каждый из которых действует строго в пределах своей компетенции и своими методами.

Так как с комбинационной точки зрения оперативно-тактическая комбинация существенно не отличается от комбинации тактической, а различие усматривается лишь в плане процессуальной однородности или неоднородности структуры этих комбинаций, мы полагаем возможным дальнейшее исследование проблемы вести применительно к обоим видам этих комбинаций, специально оговаривая лишь различия между ними.

4. Целью комбинации всегда является решение конкретной задачи следствия. В конечном счете это установление истины по делу, то есть осуществление процесса доказывания. Но это общая цель, а непосредственными целями тактической комбинации могут быть:

- ◆ а) разрешение конфликтной ситуации с помощью рефлексии с получением следователем определенного выигрыша;
- ◆ б) создание условий, необходимых вообще для проведения следственного или иного процессуального действия следователя;
- ◆ в) создание условий, обеспечивающих результативность следственного действия;
- ◆ г) обеспечение следственной тайны, и в том числе сохранения в тайне источника используемой информации;
- ◆ д) обеспечение сохранности до необходимого момента еще неиспользованных источников доказательственной информации;
- ◆ е) иные тактические воздействия на следственную ситуацию с целью ее изменения или использования.

Как уже отмечалось, взаимосвязь цели тактической комбинации и следственной ситуации может быть двоякой.

Если существующая следственная ситуация благоприятна для ведения следствия, то эта ситуация просто используется при осуществлении тактической комбинации, а ее благоприятные стороны учитываются при планировании и проведении комбинации.

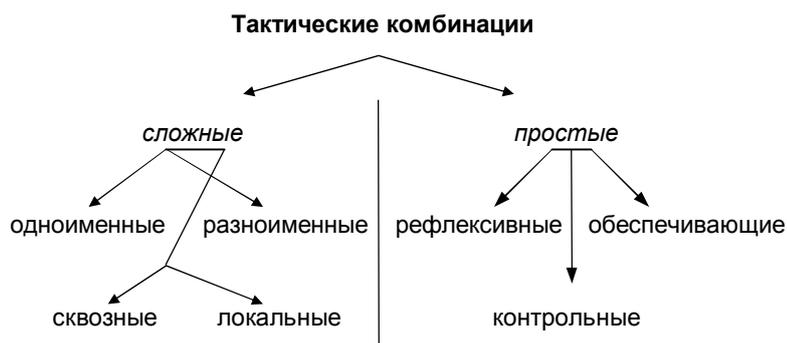
Если следственная ситуация неблагоприятна, то тактическая комбинация призвана прежде всего изменить ее к лучшему, изменить ее «препятствующий» следствию характер. Неблагоприятная следственная ситуация непосредственно влияет на структуру тактической комбинации, ограничивает следователя в выборе ее элементов, не позволяет применить те или иные тактические приемы или провести те или иные следственные действия как элементы комбинации. Так например, при круговой поручке свидетелей, дающих ложные показания, комбинация, преследующая цель изобличения одного из них во лжи, уже не сможет включать в себя в качестве одного из элементов использование показаний другого свидетеля. В другом случае неблагоприятная следственная ситуация может вообще исключить возможность проведения тактической комбинации в данный момент: если, предположим, неосторожные, непродуманные действия следователя насторожили преступника, то комбинация по его захвату с поличным окажется безрезультатной.

Мы подразделяем тактические комбинации на сложные, содержанием которых является система отдельных следственных действий, и элементарные, или простые, состоящие из системы тактических приемов, применяемых в рамках одного следственного действия. Пользуясь классификациями, предложенными Л. Я. Драпкиным, и применительно к ним сложные тактические комбинации мы подразделяем на однородные, или одноименные (состоящие из одноименных следственных действий), и разнородные, или разноименные (состоящие из различных следствен-

ных действий, а также из следственных действий, иных действий и мероприятий), на сквозные и локальные. Третья его классификация — по организационной структуре, — на наш взгляд, лишена практического значения и имеет смысл только при различении тактических и оперативно-тактических комбинаций.

Простые тактические комбинации можно подразделить на рефлексивные, целью которых является рефлексивное управление лицом, противодействующим следствию, обеспечивающие и контрольные, осуществляемые для проверки правильного хода расследования, хода отдельных следственных действий и т. д.

Схематически классификация тактических комбинаций выглядит следующим образом:

Несмотря на то, что сущность сложных тактических комбинаций, именуемых многими авторами операциями, практически всеми понимается однозначно, нередко под ними понимаются комплексы различных действий и мер, которые никак комбинациями не являются, поскольку у них отсутствует такой необходимый признак комбинации, как незаменимость каждого элемента комбинации, их жесткая связь и последовательность. Так, например, В. И. Шиканов считает тактической операцией комплекс мер по установлению личности погибшего, хотя это, в сущности, набор возможных путей и средств идентификации личности, причем достижение результата с помощью одного из них делает ненужным остальные¹⁹. Не избежал подобной ошибки и А. П. Онучин, который назвал “большой тактической операцией” розыск скрывшегося с места до-

¹⁹ Шиканов В. И. Информация к тактической операции “атрибуция трупа”. Иркутск, 1975.

рожно-транспортного происшествия водителя и машины. В структуру такой “операции”, по его мнению, входят: 1) обнаружение машины путем выполнения заградительных мероприятий; 2) обнаружение машины с помощью учетов ГАИ; 3) обнаружение машины с использованием ее внешних признаков; 4) обнаружение машины с помощью отправителей и получателей груза; 5) установление участия в ДТП водителя установленной машины²⁰. Пункты 1-4 связаны между собой только целью, но совершенно ясно, что для решения задачи может оказаться достаточно какого-то одного, любого из них. Пункт 5 — это самостоятельная задача, которая будет решаться после установления машины. Для ее решения установление машины — одно из возможных условий и средств.

Подобную ошибку допускают и другие авторы. Предложенный нами термин “тактическая комбинация” был принят не всеми криминалистами. Так, Л. Я. Драпкин писал: “Что касается термина “тактическая комбинация”, то он представляется нам менее удачным, чем “тактическая операция”. Понятие “комбинация” пришло в криминалистику из теории и практики оперативно-розыскной деятельности (ОРД), где оно имеет иную функциональную и структурную нагрузку. Кроме того, этот термин недостаточно строг и в обычном смысловом его понимании”²¹.

Не придавая принципиального значения термину, следует все же заметить ошибочность доводов Л. Я. Драпкина. Во-первых, термин “операция”, как и термин “комбинация”, — военные по происхождению. Они действительно (оба!) были восприняты теорией ОРД (вспомним: операция по задержанию преступника и т. п.). Во-вторых, термин “операция” в ОРД несет ту же функциональную и структурную нагрузку, что теперь и в криминалистике. И в ОРД он обозначает систему действий, жестко связанных единым замыслом и направленным на решение единой задачи. Как и в криминалистике, эта система может быть по своему составу однородной и неоднородной. Наконец, в-третьих, термин “комбинация” (от позднелат. *combinatio* — сочетание) означает “совокупность объединенных единым замыслом приемов, действий и т. п., ухищрение, улов-

²⁰ **Онучин А. П.** Вопросы ситуативной методики и тактических операций при расследовании преступлений. — В кн.: Тактические операции и эффективность расследования. Свердловск, 1986, сс. 32-33.

²¹ **Драпкин Л. Я.** Первоначальные следственные действия в методике расследования преступлений и проблема повышения их эффективности. — В кн.: Вопросы методики расследования преступлений. Свердловск, 1976, с. 57.

ка”²². Как видим, термин не только достаточно строг, но и более точно выражает суть этого криминалистического понятия.

Как следует из сказанного, мы использовали термин “тактическая комбинация” для обозначения и простых и сложных комбинаций, различая их по содержанию. Этой авторской трактовкой понятия некоторые авторы просто пренебрегли и стали искать различия между комбинацией и операцией, что позволило бы употреблять оба термина. В некоторых случаях стремление обнаружить такие различия привело просто к запутыванию вопроса. Так, В. И. Шиканов посчитал, что тактическая комбинация — это сложная операция, связанная с “особо сложными, “многоходовыми” расчетами, основанными на возможностях рефлексивного анализа”²³. А. В. Дулов писал, что это разновидность тактической операции, направленной на реализацию отдельного тактического приема²⁴. А. Е. Михальчук и В. В. Степанов пришли к выводу, что операция и комбинация — самостоятельные криминалистические категории и что тактическая комбинация может быть структурным элементом тактической операции, а может носить и независимый характер²⁵. Так же полагает и Р. А. Каледин²⁶. Возникла любопытная ситуация: термин зажил самостоятельной жизнью, независимой от его автора, который и не предполагал, какой он сделал подарок теории вопроса!

Думается, что нет необходимости анализировать рассуждения о различии терминов “операция” и “комбинация” с точки зрения упомянутых авторов. Для нашей концепции это не имеет значения, поскольку, повторяем, между понятиями сложной тактической комбинации и понятием тактической операции в общепринятом употреблении — нет разницы, это, если хотите, синонимы; что же касается простой тактической комбинации, то этот термин имеет чуть ли не единственное назначение — заменить неудачные и двусмысленные термины “следственная хитрость” и “психологическая ловушка”, и в то же время продемонстриро-

²² Большой энциклопедический словарь, т. 1. М., 1991, с. 608.

²³ **Шиканов В. И.** Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978, с.120.

²⁴ **Дулов А. В.** Тактические операции..., с. 45.

²⁵ **Михальчук А. Е., Степанов В. В.** Соотношение тактических операций и комбинаций в криминалистике. — В кн.: Проблемы интенсификации деятельности по расследованию преступлений. Свердловск, 1987, с. 36.

²⁶ **Каледин Р. А.** О содержании понятия “тактическая операция”. — В кн.: Тактические операции и эффективность расследования. Свердловск, 1986, с.36.

вать его правомерность именно как комбинации, правомерность его отнесения к этой криминалистической категории.

8.3. Общие условия допустимости тактических комбинаций

Допустимость тактической комбинации определяется допустимостью целей комбинации, тактических приемов и следственных действий, составляющих ее содержание, а также правомерностью и этичностью их сочетания.

В приведенном нами ориентировочном перечне целей тактической комбинации спорной, служащей предметом непрекращающейся дискуссии, является первая — разрешение конфликтной ситуации с помощью рефлексии. При этом возражения вызывает даже не столько цель, которая, в общем, признается правомерной (хотя некоторыми и с оговорками), сколько средства достижения этой цели, те конкретные способы тактического воздействия на следственную ситуацию и ее компоненты, которые являются наиболее эффективными.

По форме внешнего выражения воздействие может быть физическим и психическим. Правомерность физического воздействия, направленного на объекты неживой природы, определить сравнительно несложно. Следователь вправе воздействовать на эти объекты в пределах и случаях, обусловленных возникшей по делу необходимостью и предписаниями закона. Личные и имущественные права и интересы граждан могут быть ограничены при этом в строгом соответствии с установлениями закона, причиняемый имущественный вред полностью обоснован. Так, например, “при производстве обыска и выемки следователь вправе вскрывать запертые помещения и хранилища, если владелец отказывается добровольно открыть их, при этом следователь должен избегать не вызываемого необходимостью повреждения запоров, дверей и других предметов” (ст. 170 УПК).

Столь же ясным представляется вопрос о физическом принуждении, физическом воздействии на личность в процессе судопроизводства. Физическое воздействие на личность недопустимо. Исключения из этого категорического правила допустимы лишь при прямом предписании закона и касаются лишь мер процессуального принуждения: задержания (в том числе до окончания обыска), заключения под стражу в качестве

меры пресечения, привода, принудительного освидетельствования и получения образцов для сравнительного исследования²⁷.

Значительно более сложно и неоднозначно решается вопрос о психическом воздействии.

Различают два вида психического воздействия: неправомерное и правомерное. Неправомерное психическое (как и физическое) воздействие — насилие над личностью — прямо запрещено законом во всех формах. Обман, шантаж, внушение, вымогательство, угрозы и иные виды психического насилия противоречат принципам уголовного судопроизводства, его нравственным основам и должны быть безоговорочно исключены из арсенала следователя и работника органов дознания.

Это бесспорно и не нуждается в обсуждении. Ясно, что допустимо только правомерное психическое воздействие. Но от того, что понимать под таким воздействием, зависит и определение средств воздействия, признание законными и допустимыми или, наоборот, незаконными и аморальными тех или иных приемов и средств воздействия. Именно поэтому проблема приобретает чрезвычайную научную и практическую остроту, чему способствуют и встречающиеся еще высказывания о недопустимости вообще какого-либо воздействия на проходящих по делу лиц. “Запрещение помогать показаниям обвиняемого путем насилия, угроз и иных незаконных мер, — читаем в комментарии к УПК РСФСР, подготовленном ленинградскими учеными, — это недопустимость применения **каких бы то ни было мер** физического или **психического воздействия** при допросах не только обвиняемого, но и других лиц”²⁸ (выделено нами — **Р. Б.**).

Общее определение воздействия на человека удачно, как нам кажется, сформулировал Н. П. Хайдуков: “Воздействие на человека есть процесс передачи информации от субъекта воздействия посредством различных методов и средств, отражение этой информации в психике данного лица, способной вызвать соответствующую реакцию, которая проявляется в его поведении, деятельности, отношениях и состояниях, становясь доступной для восприятия воздействующим посредством “обратной связи”²⁹. Основным признаком правомерного психического

²⁷ Комментарий к УПК РСФСР. М., 1995, сс. 256, 265.

²⁸ Комментарий к УПК РСФСР 1960 г. Л., 1962, с. 27. В Настольной книге следователя говорится о безусловной недопустимости всякого “морального воздействия” на допрашиваемого (М., 1949, с. 325).

²⁹ **Хайдуков Н. П.** Понятие воздействия, его правомерность и допустимость в деятельности следователя. — В кн.: Вопросы теории и практики предварительного следствия в органах внутренних дел. Саратов, 1973, с. 136; **Хайдуков** см. след. стр.

воздействия признается сохранение подвергающимся воздействию свободы выбора позиции³⁰. К этому добавляют и наличие условий для изложения своей позиции, для ее выбора³¹ и непротиворечие законности и нравственным принципам общества³².

“Правомерное психическое влияние, — совершенно правильно замечает А. Р. Ратинов, — само по себе не диктует конкретное действие, не требует показание того или иного содержания, а, вмешиваясь во внутренние психические процессы, формирует правильную позицию человека, сознательное отношение к своим гражданским обязанностям и лишь опосредствованно приводит его к выбору определенной линии поведения”³³. Развивая эту мысль, А. В. Дулов специально подчеркивает, что воздействие всегда должно строиться так, чтобы не только сохранились, но и дополнительно создавались стимулы для активного психического участия лица, на которое оно оказывается, во всех действиях по расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел³⁴.

Таковы исходные положения юридической психологии по вопросу о правомерном психическом воздействии. К этому можно добавить, что психическое воздействие оказывается следователем на всем протяжении производства по делу, ибо всякое общение есть воздействие, а не только при допросе, да и то не всегда, как полагает Ю. В. Корневский³⁵.

Позиции противников приведенных исходных положений противоречивы. С одной стороны, они говорят об ошибочности общей концепции психического воздействия в уголовном судопроизводстве³⁶, с другой — полагают, что если психическое воздействие “понимается как положи-

Н. П. Тактико-психологические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц. Саратов, 1984, с. 13.

³⁰ *Ратинов А. Р.* Судебная психология для следователей, с. 163.

³¹ *Дулов А. В.* Судебная психология. Минск, 1975, с. 165.

³² *Хайдуков Н. П.* Понятие воздействия..., с. 137.

³³ *Ратинов А. Р.* Судебная психология для следователей, с. 163. “Для следователя-мастера, — пишет В. Л. Васильев, — характерно тонкое психологическое воздействие на личность допрашиваемого, обыскиваемого и пр. с целью изменения состояния и даже направленности этой личности для раскрытия преступления и предупреждения преступности” (*Васильев В. Л.* Юридическая психология. Л., 1974, с. 45).

³⁴ *Дулов А. В.* Судебная психология, с. 165-166.

³⁵ Проблемы судебной этики. М., 1974, с. 166.

³⁶ *Пантелеев И. Ф.* Некоторые вопросы психологии расследования преступлений. — Труды ВЮЗИ, вып. XXIX. М., 1973, с. 223.

тельное влияние на психику человека, как создание наиболее благоприятных условий для течения психических процессов, поддержания активных психических состояний и проявления положительных психических свойств личности, то такое психическое воздействие в советском уголовном судопроизводстве вполне правомерно и полезно³⁷.

Считая, что наличия свободы выбора позиции недостаточно для определения правомерности психического воздействия, И. Ф. Пантелеев полагает необходимым для свободного выбора благоприятное психическое состояние лица, на которое оказывается воздействие, нормальное течение психических процессов, когда берут верх его положительные психические свойства³⁸. Но что может скрываться за словами о “благоприятном психическом состоянии”?

При активном противодействии установлению истины “благоприятным психическим состоянием” подследственного будет состояние осознания своей безнаказанности, бесплодности усилий следователя по изобличению виновного и т. п. Очевидно, такое состояние действительно обеспечивает “нормальное течение психических процессов”, ибо успокаивающе действует на преступника. Но едва ли оно будет способствовать тому, что возьмут верх его положительные психические свойства. Скорее наоборот.

В условиях же реального изобличения, неминуемо сопровождающегося эмоциональным напряжением подследственного, как раз и возникают такие благоприятные условия, когда должны взять верх его положительные психические свойства, если он их не утратил. Кстати, понятие нормального течения психических процессов имеет не абсолютное, а относительное, ситуационное значение. Течение психических процессов является нормальным, если оно соответствует переживаемому психическому состоянию; спокойное в условиях стресса, оно не будет нормальным, как и наоборот. Очевидно, И. Ф. Пантелеев под нормальным имеет в виду именно спокойное, но можно ли ожидать, чтобы психические процессы в условиях следствия протекали так во всех случаях, если даже вызов на допрос в качестве свидетеля по самому незначительному поводу вызывает заметное эмоциональное возбуждение!

Как свидетельствует следственная практика и подтверждают психологические исследования, относительное спокойствие подследственный испытывает лишь после осознания своей вины и признания в ней, то

³⁷ Там же, с. 221.

³⁸ Там же, с. 222.

есть после разрешения конфликта. Но и тогда это спокойствие относительно, поскольку судьба его еще не решена судом, наказание не определено и это, естественно, вызывает озабоченность и тревогу. Только полное безразличие к себе и окружающим как следствие психической депрессии может быть принято за то “спокойствие”, которое, очевидно, хотел бы видеть в идеале И. Ф. Пантелеев.

Итак, психическое воздействие может и должно быть правомерным. Его правомерность зависит от правомерности средств воздействия.

В криминалистике и судебной психологии вопрос о правомерности средств воздействия исследован достаточно подробно, сформулированы те условия (критерии) допустимости приема, средства воздействия, которые являются необходимыми для признания его правомерным. Это:

♦ **1. Законность**, то есть непротиворечие средства, приема воздействия букве и духу закона.

♦ **2. Избирательность воздействия**, то есть направленность воздействия лишь на определенных лиц и нейтральность по отношению к остальным. “Необходимо, чтобы они (средства психического воздействия — **Р. Б.**) давали положительный эффект только в отношении лица, скрывающего правду, препятствующего установлению истины, — пишет А. Р. Ратинов, — и были бы нейтральны в отношении незаинтересованных лиц. Образно говоря, психологические методы должны быть подобны лекарству, которое, действуя на больной орган, не причиняет никакого вреда здоровым частям организма”³⁹.

Оказалось, что это правильное положение очень легко выдать за пропаганду психического насилия, стоит только произвести невинную, на первый взгляд, подстановку лишь одного слова. И. Ф. Пантелеев опускает первую часть процитированного предложения, и в его изложении мысль А. Р. Ратинова приобретает такой вид: “По мнению же некоторых авторов, “средства психического воздействия должны обладать избирательным действием”, применяться (выделено нами — **Р. Б.**) “только в отношении лица, скрывающего правду, препятствующего установлению истины...” — и далее по тексту А. Р. Ратинова.

И. Ф. Пантелеев также делает вывод: “Здесь мысль автора обнажена еще больше и, как это очевидно, касается таких методов, которые отнюдь не равнозначны правомерному психическому влиянию и применяются лишь в отношении недобросовестных “больных”. А кто же ставит диагноз? Тот же, кто применяет методы психического воздействия (следователь). Почему же у автора не возникает вполне реальное предположение, что “диагноз” может быть ошибочным, что показания “недоб-

³⁹ **Ратинов А. Р.** Судебная психология для следователей, с. 168.

росовестного” и есть та единственная правда, которую (может быть, сознательно или неумышленно) искажают те, кто сегодня представляется следователю “добросовестным” ?”⁴⁰.

Но все эти обличения бьют мимо цели, ибо А. Р. Ратинов, как легко убедиться, вовсе не предлагал применять средства психического воздействия только в отношении лица, скрывающего правду; он писал, что они должны давать положительный эффект только в отношении этого лица и быть нейтральными к другим, а это, заметим, совершенно иная мысль. Следователь ставит “диагноз” с помощью средств воздействия, а вовсе не до их применения, произвольно, по своему усмотрению. Речь-то идет не об избирательном применении, а об избирательном воздействии этих средств, как раз об их “диагностическом” значении, то есть прямо о противоположном тому, что приписывает А. Р. Ратинову И. Ф. Пантелеев с помощью добавления только одного, но искажающего весь смысл критикуемого положения слова “применяться”. Такой метод критики едва ли служит выяснению истины в споре.

◆ **3. Нравственность.** Средства психологического воздействия должны соответствовать принципам морали, быть нравственными. “Следовать иезуитскому правилу “цель оправдывает средства” значит забывать, что применением недостойных средств можно испоганить и извратить любую благородную цель, — справедливо замечают А. Ратинов и Ю. Зархин. — Подобно тому, как “святость” средств не делает безнравственную цель возвышенной, так “цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель”⁴¹. Применяя аморальные средства, мы, возможно, и сделаем шаг вперед в каком-либо отношении. Но мы можем сделать этот шаг, не прибегая к подобным средствам используя же их, мы тут же делаем два шага назад, деморализуя и развращая людей, снижая их активность и политическую сознательность, содействуя росту цинизма и безверия”⁴².

Наиболее полно этические требования, предъявляемые к тактическому приему, изложены в докторской диссертации И. Е. Быховского. Он обоснованно считал, что тактический прием:

- ◆ не должен унижать честь и достоинство участников расследования;
- ◆ не должен влиять на позицию невиновного, способствуя признанию им несуществующей вины;

⁴⁰ Пантелеев И. Ф. Указ. раб., сс. 222-223.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 65.

⁴² Ратинов А., Зархин Ю. Следственная этика. — Соц. законность, 1970, № 10, с. 39.

- ◆ не должен оправдывать само совершение преступления и преуменьшать его общественную опасность;
- ◆ не должен способствовать оговору невиновных или обвинению виновных в большем объеме, чем это отвечает их действительной вине;
- ◆ не должен основываться на неосведомленности обвиняемого или иных лиц в вопросах уголовного права и процесса;
- ◆ не должен способствовать развитию у обвиняемого или иных лиц низменных побуждений и чувств, даче ими ложных показаний, совершению иных аморальных поступков;
- ◆ не должен основываться на сообщении следователем заведомо ложных сведений;
- ◆ не должен подрывать авторитета органов прокуратуры, МВД и суда⁴³.

К этому можно добавить, что в основе тактического приема не должна лежать никакая форма неправомерного насилия.

Блестящий ученый **Игорь Евсеевич Быховский** (1924-1988) внес существенный вклад в уголовно-процессуальную науку и криминалистику. Его исследования в области процессуального режима и тактики различных следственных действий легли в основу многих диссертаций и монографий в области криминалистической тактики и методики и широко используются в следственной практике. Руководя в течение десяти лет ведущей кафедрой Института усовершенствования следственных работников Прокуратуры, он остался в памяти слушателей и всех, кто его знал, как талантливый педагог-новатор, яркий полемист, непревзойденный лектор.

В предыдущей главе мы указывали на две основные цели тактического решения в условиях конфликтной ситуации: формирование у противника истинного представления об обстановке и условиях, в которых ему предстоит действовать, или целей, совпадающих с целями следователя (1), и создание условий для формирования у противника ошибочных представлений о тех или иных обстоятельствах дела, целях следователя и его действиях, состоянии расследования (2). Средством достижения второй из этих целей и является преимущественно тактическая комбинация. Рассмотрим разработанные А. Р. Ратиновым варианты этой цели⁴⁴ в совокупности с высказанными в отношении них критическими замечаниями его оппонентов.

⁴³ **Быховский И. Е.** Процессуальные и тактические вопросы системы следственных действий. Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1975, сс. 219-220.

⁴⁴ **Ратинов А. Р.** Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике. — В кн.: Правовая кибернетика. М., 1970, сс. 194-196.

I. Формирование у подсудственного ошибочного представления об обстоятельствах, которые в действительности могли бы привести к нежелательным решениям и действиям. Имеется в виду оставление в неведении относительно имеющихся у следователя доказательств либо, наоборот, создание преувеличенного представления об их объеме, весе и т. п.

Г. Ф. Горский и Д. П. Котов комментируют это положение следующим образом: «Если оставление в неведении подсудственного в отношении имеющихся у следователя доказательств (естественно, до выполнения требований ст. 201 УПК и ознакомления обвиняемого с заключением экспертизы в порядке ст. 193 УПК) следует признать вполне допустимым, то при создании преувеличенного представления об объеме отдельных доказательств следователь всегда неизбежно стоит на грани лжи. Это всегда необходимо учитывать»⁴⁵.

М. С. Строгович высказывается по этому поводу совершенно категорически. «Нет никаких сомнений в том, — пишет он, — что умышленное, намеренное «формирование ошибочного представления» у кого-либо есть обман этого лица, сообщение ему ложных сведений, а не что либо иное. Но солгать можно прямо, словами, а можно это же сделать более сложным способом, — таким образом, что слова и предложения сами по себе ложными не являются, но они так построены и даны в таком контексте, сказаны таким тоном и с такой мимикой, что тот, кому они высказаны, ложь примет за правду, а правду за ложь. А это есть обман, ложь, которая от того, что она подана в особо хитроумной форме, не делается допустимой; наоборот, она приобретает особо нетерпимый, незаконный и аморальный характер»⁴⁶.

Мы полагаем, что существенным поводом для критических замечаний послужила неудачная формулировка рассматриваемого положения. В самом деле, термин «формирование» как в этом, так и в некоторых последующих вариантах цели тактического воздействия невольно наводит на мысль о непосредственном воздействии следователя на течение психических процессов у подсудственного путем введения его в заблуждение. Здесь, действительно, возникает представление об обмане, лжи со стороны следователя. Между тем, как следует из комментария к этому положению самого автора, речь здесь идет лишь о создании следователем условий для формирования у подсудственного ошибочного представления. Следователь не формирует такого представления, не

⁴⁵ Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика. Воронеж, 1974, с. 102.

⁴⁶ Проблемы судебной этики. М., 1974, с. 20.

воздействует в этом направлении на подсудственного, он лишь создает такие условия, при которых это формирование становится возможным, а случится это или нет — зависит целиком от подсудственного, от свободно выбранной им позиции.

II. Формирование целей, попытка достижения которых поставит преступника в проигрышное положение, например намерения перепрятать похищенное имущество, что позволит захватить его с поличным.

Комментарий Г. Ф. Горского и Д. П. Котова: “Метод имеет характер “психологической ловушки”... Подобное поведение следователя находится на грани провокации, если вообще не превращается в таковую. К тому же, этот метод, даже при очень точном соблюдении всех нравственных принципов, что весьма затруднительно ввиду самой его структуры, скорее будет относиться не к следственным, а к оперативно-розыскным. Поэтому (!) данный метод, как и другие “психологические ловушки”, следует признать недопустимым с моральной точки зрения”⁴⁷.

В подтверждение своей позиции они ссылаются на мнение А. Н. Васильева, считавшего, что “психологические ловушки” стоят за пределами допустимого, прежде всего, вследствие их сомнительности и неизбежности нарушения контакта между следователем и допрашиваемым, который, естественно, почувствует себя обманутым и перестанет верить следователю⁴⁸. Но А. Н. Васильев в этой работе писал вовсе не о том, о чем вел речь А. А. Ратинов, а о некоторых приемах допроса, применение которых он не отрицал совсем, а считал на грани допустимого. Точно так же он относился и к “следственным хитростям”, отрицая те из них, которые, имея характер “ловушки”, не ведут к доказательственным результатам.

Мы полагаем, что рассматриваемый вариант цели тактической комбинации вполне допустим. Относительно того, что он “находится на грани провокации, если вообще не превращается в таковую”, можно сказать о неправильном применении практически любого приема психического воздействия. Даже простое убеждение подсудственного дать правдивые показания можно при известной доле скептицизма расценить как провоцирование признания. Но криминалистическая тактика не рассчитана на “эксцесс исполнителя” и не может во всех случаях предусматривать популярную в технике “защиту от дурака” в виде, на-

⁴⁷ Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Указ. раб., с. 102.

⁴⁸ Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М., 1970, с. 151.

пример, системы предохранителей, не позволяющей по невежеству или небрежности нажать спусковое устройство.

В данном случае термин «формирование» также не вызывает у нас возражений, поскольку действия следователя направлены именно на это, активно способствуют возникновению нужных для следствия целей у подследственного.

Г. Ф. Горский и Д. П. Котов правы лишь в том, что достижение рассматриваемой цели возможно, скорее, путем проведения не тактической, а оперативно-тактической (в нашей терминологии) комбинации. Но в их контексте получается, что последняя недопустима с моральной точки зрения, что никак нельзя признать правильным.

III. Формирование желательного следователю метода решения задачи и образа действий подследственного.

Комментарий Г. Ф. Горского и Д. П. Котова: «Прием при правильном его применении, так, чтобы он не превратился в провокацию, может быть признан допустимым»⁴⁹.

Этот вариант цели типичен для рефлексивного управления. Как и в предыдущем случае, мы не видим особой необходимости в оговорке относительно провокации.

IV. Формирование у подследственного ошибочного представления о целях отдельных действий следователя.

Комментарий Г. Ф. Горского и Д. П. Котова: «В целом метод допустим. Однако его нельзя применить при первых допросах лиц в качестве подозреваемого или обвиняемого, так как им должно быть известно, в чем они подозреваются или обвиняются (ст.ст. 123, 148-150 УПК), то есть скрывать цель данных следственных действий недопустимо»⁵⁰.

И в данном случае правильнее говорить не о формировании, а о создании условий для возникновения у подследственного ошибочного представления о целях следователя. Можно полностью согласиться с А. М. Лариным, когда он указывает, что «в этих условиях искусство следователя состоит в том, чтобы продуманно, точно решать, какая информация, в каком объеме и в какой момент может стать известна предполагаемому преступнику и связанным с ним лицам, с таким расчетом, чтобы это не только не повредило, но и помогло достижению истины... То, что... заинтересованные лица субъективно ошибаются, не может быть поставлено в упрек следователю как обман, поскольку

⁴⁹ Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Указ. раб., с. 103.

⁵⁰ Там же.

исходящая от него информация была правдива”⁵¹. Сообщаемая подследственному информация оценивается им свободно, в соответствии с представлениями о своих интересах и интересах следствия, его выбор ничем не стеснен и осуществляется без всякого принуждения со стороны следователя.

С мнением Г. Ф. Горского и Д. П. Котова о том, что данный метод не допустим при первых допросах подозреваемого и обвиняемого, мы согласиться не можем. Сообщение указанным лицам, в чем они подозреваются или обвиняются, вовсе не означает раскрытия всех целей их допроса. Следователь может быть, например, заинтересован в том, чтобы у допрашиваемого возникло представление, что следствие не интересуется его соучастниками или источниками информации, необходимой для совершения преступления, и т. п. Скрывая эту цель, следователь делает упор при допросе на выяснении действий только самого подозреваемого или обвиняемого и, как правильно отмечает А. Р. Ратинов, не вызывая негативной реакции, достигает одновременно без помех и подлинной цели.

Фактически вариантом рассмотренной цели является и следующая из называемых А. Р. Ратиновым: создание затруднений для правильной оценки заинтересованными лицами подлинных целей следователя. Все изложенное выше относится и к этому варианту.

V. Формирование у заинтересованных лиц ошибочного представления об осведомленности следователя относительно подлинных целей, которые они преследуют, или о неосведомленности следователя относительно ложности выдвинутых объяснений и представленных доказательств.

Г. Ф. Горский и Д. П. Котов возражений против этих вариантов цели не имеют и считают их допустимыми, правда, с той же оговоркой относительно возможной провокации. Мы же полагаем, что и здесь следует вести речь не о формировании ошибочных представлений, а о создании условий для их возникновения.

VI. Формирование у подследственного намерения воспользоваться негодными средствами противодействия расследованию. Думается, что здесь правильнее говорить либо о непротодействии такому намерению подследственного, либо даже о создании условий реализации этого намерения.

⁵¹ Ларин А. М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., 1970, с. 50.

Как видно из изложенного, перечисленные варианты целей тактической комбинации предполагают определенное маневрирование следователем имеющейся у него информацией о следственной ситуации. А. М. Ларин правильно определяет именно так сущность “следственной хитрости”, благодаря которой “возможные попытки преступника и связанных с ним лиц применить в своих целях информацию о материалах и планах расследования не достигают цели, а напротив, служат на пользу раскрытию преступления”⁵².

Представляется, что все варианты целей тактической комбинации, осуществляемой в условиях конфликтной ситуации с применением рефлексивного управления, основываются на использовании следователем:

- ◆ а) фактора внезапности;
- ◆ б) неосведомленности противодействующих лиц об имеющихся доказательствах, результатах следственных действий, намерениях следователя;
- ◆ в) предоставленной противодействующим лицам возможности выбора решения при дефиците информации;
- ◆ г) инерционности мышления, стандартности решения противодействующим лицом возникшей перед ним задачи.

В недавнем прошлом в процессуальной и криминалистической литературе появились высказывания, ставящие под сомнение использование фактора внезапности в интересах следствия.

Критикуя внезапную постановку неожиданного для допрашиваемого вопроса, М. С. Строгович писал по поводу этого и некоторых других приемов допроса: “С точки же зрения моральной (этической), приемы допроса, основанные “на предвзятом отношении к допрашиваемому и на отсутствии элементарного уважения к человеку, виновность которого еще не установлена, не признана, — заслуживают самого решительного осуждения, а никак не одобрения и рекламирования”⁵³. “Не “психологические хитрости”, не “ловушки” и “захват врасплох”... должен брать себе на вооружение следователь”, — поддерживал М. С. Строговича И. Ф. Пантелеев⁵⁴. “Эти приемы (допроса — **Р. Б.**) должны отличаться тем, — писал Р. Д. Рахунов, — чтобы они не могли вызвать со стороны допрашиваемого непродуманных ответов”⁵⁵, — то есть, по существу, он также

⁵² Там же.

⁵³ Проблемы судебной этики, с. 18.

⁵⁴ **Пантелеев И. Ф.** Ошибочные рекомендации в теории уголовного процесса и криминалистики. — Соц. законность, 1974, № 7, с. 56.

⁵⁵ **Рахунов Р. Д.** Признание обвиняемым своей вины. М., 1975, с. 137.

выступил против внезапной постановки вопросов, рассчитанных именно на правдивый, а не “продуманный” ответ.

Поскольку далее мы специально остановимся на проблеме учета и использования в процессе расследования фактора внезапности, эту форму его использования мы сейчас анализировать не будем.

В начале настоящего параграфа мы указывали, что допустимость тактической комбинации определяется, помимо других условий, допустимостью составляющих ее содержание следственных действий, а также правомерностью и этичностью сочетания всех ее элементов.

Правомерность следственного действия означает наличие его правовой регламентации в законе. С правовой точки зрения, результаты действий, не предусмотренных законом, ничтожны: фактические данные, установленные подобным путем, не могут быть доказательством.

При проведении оперативно-тактической комбинации решение о ее допустимости требует оценки правомерности не только следственных действий, но и входящих в ее содержание оперативно-розыскных мероприятий. Правомерность оперативно-розыскного мероприятия означает его соответствие закону и требованиям подзаконных актов. Подобно тому, как УПК дает исчерпывающий перечень допустимых следственных действий, закон “Об оперативно-розыскной деятельности” 1995 г. перечисляет допустимые оперативно-розыскные мероприятия и условия их осуществления, исключая произвол в их выборе и порядке проведения. “Вся работа оперативных аппаратов должна быть основана на строжайшем соблюдении законности. Это один из основополагающих принципов оперативно-розыскной деятельности. Любые нарушения законности, откуда бы они ни исходили, наносят ущерб интересам народа, но они вдвойне опасны, если возникают в тех органах, на которых лежит прямая обязанность вести борьбу за соблюдение законов”⁵⁶.

Законность следственного действия и оперативно-розыскного мероприятия, образующих оперативно-тактическую комбинацию, зависит и от основания для их проведения.

Таким основанием для проведения следственных действий является акт возбуждения уголовного дела. Как исключение, до возбуждения уголовного дела может проводиться лишь осмотр места происшествия. Таким образом, тактическая комбинация может осуществляться лишь по возбужденному уголовному делу и только в редких случаях начинаться до возбуждения уголовного дела, если ее элементом является

⁵⁶ *Гребельский Д. В.* Обеспечение реализации ленинского принципа социалистической законности в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. — Труды ВШ МВД СССР, № 27, М., 1970, с. 179.

осмотр места происшествия, по результатам которого дело возбуждается. Это бывает в тех случаях, когда осмотр места происшествия служит средством реализации оперативных данных, да и то при исключительных обстоятельствах, поскольку обычно и в этих случаях ничто в принципе не препятствует возбуждению дела до осмотра.

Основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела указаны в законе “Об оперативно-розыскной деятельности” (ст.ст. 7, 8), а после возбуждения уголовного дела и принятия его к производству следователем указываются последним. Поэтому оперативно-тактическая комбинация, как форма взаимодействия следователя и оперативного работника, может начинаться до возбуждения уголовного дела, а завершаться в стадии предварительного расследования либо полностью осуществляться в процессе следствия по делу. При этом та часть оперативно-тактической комбинации, которая осуществляется до возбуждения уголовного дела и выражается в проведении определенных оперативно-розыскных мероприятий, выполняется оперативным работником без участия следователя, но по их общему замыслу.

Мы не видим ничего противоправного в таком сотрудничестве следователя и оперативного работника, ибо совместная разработка ими плана предстоящей оперативно-тактической комбинации (а только в этом и заключаются в данном случае действия следователя до возбуждения уголовного дела) никак не противоречит процессуальному положению следователя и не означает смешения его функций с функциями органа дознания. Изложенное можно проиллюстрировать на примере типичной оперативно-тактической комбинации по захвату взяточников с поличным.

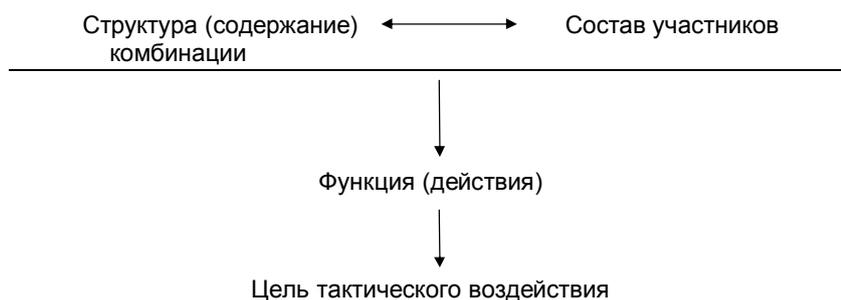
Следователь получает сообщение о том, что у заявителя определенным лицом вымогается взятка. По словам заявителя, деньги должны быть переданы им вымогателю в условленном месте условленным способом.

Полученные следователем данные еще не дают ему основания для возбуждения уголовного дела и требуют проверки. Средством такой проверки и одновременно получения оснований для возбуждения уголовного дела является следующая оперативно-тактическая комбинация.

Оперативным работником подготавливается необходимая сумма денег, все или часть купюр помечаются специальными метками или фиксируются их номера. За действиями заявителя и вымогателя взятки устанавливается наблюдение, с помощью которого фиксируется момент передачи денег, после чего осуществляется задержание взяточполучателя с поличным, его личный обыск и изъятие предмета взятки, осмотр

предмета взятки для установления на нем заранее образованных или зафиксированных признаков. Все оперативные мероприятия и следственные действия при этом объединены единой целью — изобличением взяточника, составляя систему, подчиненную единому замыслу, то есть отвечающую признакам оперативно-тактической комбинации. Однако часть элементов этой комбинации осуществляется до, а другая часть — после возбуждения уголовного дела.

Для сложных тактических комбинаций, выполняемых двумя и более следователями, и для оперативно-тактических комбинаций чрезвычайно важно точное и качественное выполнение каждым участником комбинации своих обязанностей, комбинация в процессе ее реализации выступает как функционирующая система, схема которой может быть представлена следующим образом:

Из общей теории систем следует, что структура и состав должны быть необходимыми и достаточными для обеспечения такого функционирования, которое способствует достижению цели⁵⁷. С точки зрения теории управления каждый участник тактической или оперативно-тактической комбинации выступает как орган управления, несущий всю полноту ответственности за свои действия в общем комплексе тактического воздействия. «В хорошо организованной операции за выполнение каждой цели должен нести ответственность соответствующий орган управления. Иначе говоря, иерархический граф целей и задач должен совпадать с графом организационной системы. В противном случае будут задачи, которые некому решать, и организации, которым нечего де-

⁵⁷ Сагатовский В. Н. О категориальной структуре системного подхода. — В кн.: Методологические проблемы теории организации. Л., 1976, с. 38.

лать”⁵⁸. Можно полагать, что исследование тактических комбинаций в аспекте теорий управления и организации окажется весьма плодотворным и позволит полнее выявить закономерности их построения и реализации.

Правомерность и этичность сочетания элементов тактической комбинации в значительной степени определяются тем, в качестве какого метода борьбы ее предполагается использовать или какую роль в ней и в каком сочетании будут играть эти методы.

Мы употребляем термин “методы борьбы”, как и иные термины теории игр и праксеологии, применительно к процессу расследования, разумеется, в условном их значении и считаем необходимым еще раз подчеркнуть это, хотя и допускаем, что несмотря на эту оговорку, которая не спасла от критики и других криминалистов, можем вызвать неудовольствие возможных оппонентов.

Избираемые следователем методы борьбы зависят, естественно, от тактики противодействующих лиц, составляющих один из компонентов следственной ситуации. Характеризуясь в целом как противодействие следствию, тактика недобросовестных участников следственных действий может выражаться в пассивном и активном сопротивлении усилиям следователя установить истину по делу. Формами пассивного противодействия являются:

- ◆ отказ от дачи показаний;
- ◆ немотивируемое (“голое”) отрицание фактов (“...помимо выжидательной позиции, стремления выиграть время, оно иногда имеет своей причиной “бегство” (обвиняемого, подозреваемого) от действительности с целью облегчения неприятных переживаний”⁵⁹);
- ◆ умолчание о фактах;
- ◆ неявка по вызову следственных и судебных органов;
- ◆ несообщение запрашиваемых сведений и невыдача требуемых объектов (предметов, документов);
- ◆ неказание помощи ;
- ◆ невыполнение требуемых действий и отказ от участия в следственных действиях.

Активное противодействие следствию может проявляться в следующих формах:

⁵⁸ **Поспелов Г. С., Ириков В. А.** Программно-целевое планирование и управление. М., 1976, с. 142.

⁵⁹ **Сыров А.** Проблемы научных основ тактики следственных действий. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1969, с. 11.

- ◆ умышленная дезинформация следователя — дача ложных показаний⁶⁰, обман, создание лжедоказательств путем инсценировок, фальсификации предметов и документов и т. п.;
- ◆ сокрытие и уничтожение нужных предметов;
- ◆ подстрекательство к даче ложных показаний и неповиновению следователю;
- ◆ прямое сопротивление следователю⁶¹;
- ◆ уничтожение доказательств при ознакомлении с материалами следствия.

Наиболее распространенными формами противодействия являются ложь и обман, которые, как и иные «обманные движения» (по терминологии В. А. Лефевра и Г. Л. Смоляна⁶²), служат средствами рефлексивного управления со стороны противодействующих следствию лиц. Методы же борьбы с противодействием выступают как средства рефлексивного управления со стороны следователя.

На базе праксеологии и теории игр в криминалистике и судебной психологии⁶³ сформулированы следующие методы борьбы:

- ◆ концентрация доказательств или направленных действий в решающем столкновении с учетом наиболее уязвимых мест противника;
- ◆ раздробление сил и средств противодействующей стороны, например, путем разжигания конфликта между соучастниками преступления;
- ◆ создание условий, неблагоприятных для достижения целей противной стороной и способствующих реализации планов следователя;

⁶⁰ А. Сыров называет такие способы лжи, как легендирование, то есть сочинение «выдумки», «легенды» события (при этом выделяются импровизированные и заранее подготовленные, согласованные и несогласованные легенды, а также легенды отдельных элементов состава преступления), создание ложного алиби (без «подкрепления», под которым понимаются искусственно созданные доказательства, и с «подкреплением»), оговор и самооговор, опорочение источника правдивой информации (Указ. раб., с. 13).

⁶¹ **Ратинов А. Р.** Судебная психология для следователей, с. 161. См. также: **Карагодин В. Н.** Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск, 1992, § 2, гл. 1.

⁶² **Лефевр В. А., Смолян Г. Л.** Алгебра конфликта. М., 1968, сс. 49-50.

⁶³ **Ратинов А. Р.** Судебная психология для следователей, сс. 161-163; **Винберг А. И.** Некоторые вопросы теории криминалистической тактики. — В кн.: Проблемы совершенствования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в аспекте ликвидации преступности в СССР. Алма-Ата, 1974, сс. 9-12; **Дулов А. В.** Судебная психология. Минск, 1970, сс. 139-151, 234-244; 1975, сс. 169-188, 320-329; **Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П.** Судебная этика, сс. 104-111.

- ◆ использование сил и средств противодействующей стороны в своих целях;
- ◆ использование фактора внезапности, в том числе путем проведения “эмоционального эксперимента”;
- ◆ создание “резервов” сил и средств;
- ◆ предвосхищение событий;
- ◆ уклонение от столкновения в невыгодных условиях при неблагоприятном соотношении сил и средств (метод задержки, тактика выжидания);
- ◆ побуждение противника к действиям в неблагоприятных для него условиях;
- ◆ угроза нежелательными для противной стороны действиями;
- ◆ сокрытие своей информации и дезинформация;
- ◆ применение новых приемов и средств, неизвестных противнику;
- ◆ синхронизация действий, нанесение одновременных ударов;
- ◆ воздействие на нравственную и эмоциональную сферу противника, вызывающее невыгодный для “его эффект”;
- ◆ косвенное внушение.

У криминалистов, процессуалистов и судебных психологов нет единого мнения по поводу правомерности и допустимости всех указанных методов. В ряде случаев, повторяем, отрицательную роль играет термин, которым обозначается метод, несмотря ни на какие оговорки об его условном значении. Именно таковы, например, многие критические замечания И. Ф. Пантелеева в адрес авторов, употребляющих эту терминологию. Говоря о несвойственных советскому уголовному процессу методах и не обращая внимания на условное значение критикуемых терминов, он делал акцент именно на их звучании, могущем вызвать негативную реакцию у неосведомленного об их подлинном смысле читателя.

Вот как это выглядит в его подборке и с использованными им приемами выделения самых “возмутительных” мест текста: “В упоминавшемся пособии (речь идет о книге А. Р. Ратинова “Судебная психология для следователей” — **Р. Б.**) указывается, что “следователю необходимо владеть техникой психологической борьбы”, что данная техника предполагает использование таких методов, как **“раздробление сил и средств** противодействующей стороны. Это достигается, например, **разжиганием конфликта** между соучастниками преступления”. Далее утверждается, что **“нанесение удара в наиболее важное место”, “дезинформация”,** использование фактора внезапности... **захват врасплох** вносят **дезорганизацию в психические процессы** заинтересованных лиц и вызывают нецелесообразные с их точки зрения поступки...

Нарочито **нерациональный образ действий следователя** может нарушить расчеты заинтересованного лица, **сбить его с толку**... Все это, конечно, недопустимо, противоправно, находится в явном противоречии с закономерностями человеческой психики, дезорганизует нормальную психическую деятельность и может быть квалифицировано не иначе, как психическое насилие⁶⁴. Еще более резкие оценки этим методом дает, изменив свои прежние взгляды в свете “нового мышления”, А. М. Ларин, считая, как мы уже отмечали, подобные методы наследием тоталитаризма и диктаторского режима и административно-командной системы управления страной⁶⁵.

Действительно, такой предвзятый подбор “устрашающих” юриста терминов без раскрытия обозначаемых ими в большинстве случаев привычных для всякого работника следствия и суда понятий, не вызывающих возражений ни с правовой, ни с этической точек зрения, может произвести удручающее впечатление и привести к мысли, что И. Ф. Пантелеев и А. М. Ларин правы в своей критике и выводах. Вполне естественно, что при таком противопоставлении подобных почти “инквизиционных” методов следствия вообще и допроса в частности выдвинутой И. Ф. Пантелеевым нереальной, но заманчивой идее создания наиболее благоприятных условий для течения нормальных психических процессов у подследственного, допрашиваемого эта идея не могла не вызвать у некоторых сочувствия⁶⁶.

Сказанное вовсе не свидетельствует о нашей безоговорочной поддержке всех названных методов преодоления противодействия в процессе расследования. Они, бесспорно, нуждаются в серьезном правовом и этическом научном анализе, а те из них, которые выдержат эту проверку, — в целенаправленной апробации практикой. Попытку такого анализа предприняли Г. Ф. Горский и Д. П. Котов, предпослав ей слова

⁶⁴ **Пантелеев И. Ф.** Некоторые вопросы психологии расследования преступлений, сс. 223-224.

⁶⁵ **Ларин А. М.** Криминалистика и паракриминалистика, М., 1996, с. 100.

⁶⁶ Так, **П. С. Элькин** пишет: “Следует решительно возразить... против проникновения в данную сферу общественной жизни (имеется в виду уголовное судопроизводство — **Р. Б.**) каких бы то ни было методов психического насилия, принуждения допрашиваемых к даче желаемых показаний. Положительное же психологическое влияние на допрашиваемых предполагает использование новейших достижений психологической науки в целях создания оптимально благоприятных условий для развития нормальных психических процессов...” (Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство. — Советская юстиция, 1977, № 3, с. 3).

одного из основоположников праксеологии — Т. Котарбиньского: “Техника борьбы, как и любая техника, может применяться с пользой для людей либо использоваться им во зло”. Они совершенно обоснованно считают, что угроза противнику нежелательными для него действиями безнравственна, если предупреждение о применении мер процессуального принуждения делается обвиняемому или подозреваемому в связи с тем, что он не дает правдивых показаний.

Такое предупреждение справедливо расценивается ими как психическое насилие. (Со своей стороны заметим, что напоминание в аналогичной ситуации свидетелю об уголовной ответственности за дачу ложных показаний представляется вполне нравственным.) Они подчеркивают сугубо условное значение термина “дезинформация”, поскольку “дезинформация” не может в тактике основываться на лжи и обмане, вероломстве и злоупотреблении доверием. Воздействие на нравственную и эмоциональную сферу не должно превращаться в использование суеверий, невежества или в игру на низменных чувствах. Сомнительна и этическая допустимость “разжигания конфликта”⁶⁷. Здесь, действительно, правильнее было бы говорить об использовании противоречий, конфликтных интересов соучастников, причем с условием, чтобы такое использование не повлекло оговора или других затрудняющих установление истины последствий.

Мы полагаем, что подобные оговорки и предупреждения могут быть сделаны относительно каждого из названных методов, поскольку при их применении необходимо избегать недопустимых деформаций. Так, говоря о создании условий, затрудняющих достижение целей противодействующей стороной, следует иметь в виду, конечно, лишь противоправные цели; нанесение удара в наиболее уязвимое или наиболее важное место не может быть осуществлено путем разглашения интимных сторон жизни обвиняемого или другим незаконным и аморальным путем. Сочетание методов тактического воздействия также должно быть правомерным и нравственным, причем это, очевидно, вопрос факта, конкретной следственной ситуации.

Как в сложных, так и в простых тактических комбинациях могут быть использованы и отдельные методы борьбы и их система. Поскольку проблема тактических комбинаций возникла применительно к тактике допроса и именно здесь наиболее наглядно можно проследить столкновение полярных мнений об их допустимости и формах осуществления, попытаемся изложить свои позиции в этой области.

⁶⁷ Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика, сс. 105-106.

8.4. Тактические комбинации при производстве допроса

Тактические комбинации, осуществляемые в процессе допроса, относятся к классу простых и бывают трех видов: рефлексивные, обеспечивающие и контрольные. В большинстве своем это рефлексивные комбинации, преследующие либо только цель получения информации от допрашиваемого, либо, кроме этого, цель создания таких условий, при которых допрашиваемый сам сформирует себе неправильное представление о степени осведомленности следователя по поводу тех или иных обстоятельств дела, или о его планах и намерениях, или о состоянии расследования.

Рефлексивные комбинации проводятся при допросах недобросовестных свидетелей и потерпевших и дающих ложные показания подозреваемых и обвиняемых; обеспечивающие и контрольные тактические комбинации могут быть осуществлены при допросе любого лица. Целью обеспечивающей комбинации может быть создание условий для сохранения в тайне факта допроса (например, замаскированный вызов на допрос), оказание помощи добросовестному допрашиваемому в припоминании существенных для дела фактов и т. п. Цель контрольной комбинации — получение в процессе допроса данных для оценки показаний при ориентирующей информации, позволяющей следователю оценить правильность своей линии поведения, направления допроса и т. д.

Содержание тактических комбинаций составляют тактические приемы допроса, являющиеся предметом рассмотрения широкого круга работ по тактике и психологии допроса.

Существует множество классификаций тактических приемов допроса, в том числе и в конфликтной ситуации, которая в аспекте рассматриваемой проблемы интересует нас преимущественно. Основания этих классификаций самые различные: характер ситуации допроса, виды психического воздействия на допрашиваемого, этапы допроса, цели применения приемов и т. д. Так, Л. М. Карнеева делит тактические приемы допроса на две группы в зависимости от того, применяются они в конфликтной или бесконфликтной ситуации. Приемы, применяемые в конфликтной ситуации, подразделяются ею также на две группы. Основанием здесь служит причина конфликта: отказ от дачи показаний или дача ложных показаний. В последнем случае она различает приемы эмоционального воздействия и приемы, основанные на использовании доказательств. Наконец, группу приемов, основанных на использовании доказательств, Л. М. Карнеева делит на три подгруппы в зависимости от

того, достаточно ли доказательств для изобличения допрашиваемого, или в системе доказательств имеются пробелы, или доказательств недостаточно для изобличения⁶⁸.

Л. Б. Филонов и В. И. Давыдов классифицировали тактические приемы по их целевому назначению, однако это основание не было выдержано достаточно строго. Так, одна группа приемов предназначалась для получения информации, другая — для определения истинности или ложности показаний, что фактически также сводится к получению информации; в самостоятельную группу сводились ими приемы воздействия на состояние обвиняемого, а в другую — приемы использования индивидуальных особенностей личности обвиняемого, хотя отделить их друг от друга именно по функциональному признаку весьма затруднительно, а иногда и невозможно⁶⁹. Г. Г. Доспулов использует в своей классификации одновременно множество оснований⁷⁰. Н. И. Порубов в качестве оснований для классификации избрал стадии допроса, объем доказательственного материала и характер ситуации допроса⁷¹.

В. Ю. Шепитько классифицирует тактические приемы допроса по их направленности на: 1) установление психологического контакта; 2) побуждение к даче показаний; 3) уточнение показаний и устранение в них противоречий; 4) актуализацию в памяти допрашиваемого забытого; 5) разоблачение лжи; 6) устранение искажений при добросовестном заблуждении допрашиваемого⁷².

Мы полагаем, что попытки найти универсальное “жесткое” основание для классификации тактических приемов, используемых при проведении тактических комбинаций во время допроса, обречены на провал, также

⁶⁸ *Карнеева Л. М.* Тактические приемы допроса обвиняемых. — Труды ВШ МВД СССР, № 32, М., 1971, с. 173; *Карнеева Л. М.* Тактические основы организации и производства допроса в стадии расследования. Волгоград, 1976, с. 58.

⁶⁹ *Филонов Л. Б., Давыдов В. И.* Психологические приемы допроса обвиняемого. — Вопросы психологии, 1966, № 6, с. 115. Впоследствии В. И. Давыдов предложил иную классификацию, в зависимости от сферы воздействия приемов (см. *Давыдов В. И.* К вопросу о классификации и пределах применения тактических приемов допросов обвиняемого. — В кн.: Актуальные проблемы правовой науки. М., 1970, с. 226).

⁷⁰ *Доспулов Г. Г.* Процессуальные и психологические основы допроса свидетелей и потерпевших на предварительном следствии. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1968, с. 18.

⁷¹ *Порубов Н. И.* Допрос в советском уголовном судопроизводстве Минск, 1973, с. 134.

⁷² *Шепитько В. Ю.* Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике. Харьков, 1995, с. 128.

как и стремление некоторых авторов “намертво” привязать тот или иной прием к определенному звену классификации⁷³. Наиболее близок, по нашему мнению, к истине В. Ю. Шепитько, рассматривающий приемы в связи с ситуацией допроса и при этом допускающий использование одного и того же приема в разных ситуациях.

Поскольку сочетание приемов в тактических комбинациях даже в рамках одного следственного действия настолько велико, что практически не поддается описанию, целесообразно, на наш взгляд, обратиться к отдельному рассмотрению тех приемов допроса, которые могут быть использованы в тактических комбинациях с наибольшим успехом⁷⁴.

Внезапность. Суть этого приема трактуется как неожиданная постановка допрашиваемому вопроса, не связанного с предыдущими вопросами и ответами, на который допрашиваемый должен дать немедленный ответ.

Выше мы уже касались использования фактора внезапности при осуществлении тактических комбинаций и оценки его со стороны некоторых ученых. Что же касается указанной формы использования фактора внезапности — постановки неожиданных вопросов, — то, считая ее принципиально допустимой, следует учесть обоснованные опасения, высказанные А. Н. Васильевым. Добросовестный допрашиваемый, будь то обвиняемый или свидетель, воспримет такой вопрос как проявление недоверия к его показаниям, а иногда и как обман, что может вызвать недоверие к следователю⁷⁵ и нарушение его психологического контакта с допрашиваемым. Г. Ф. Горский и Д. П. Котов совершенно справедливо замечают, что “внезапный вопрос должен всегда опираться не на “голую” следственную интуицию, не на оперативные данные, не закреп-

⁷³ С. П. Митричев в этой связи писал: “Некоторые авторы пытались классифицировать тактические приемы. Однако множественность оснований и их разнотипность представляют определенную трудность для классификации. Одни авторы в основу классификации клали цели, содержание, другие — сферы воздействия, ситуации. Поэтому такие попытки не дали положительных результатов” (*Митричев С. П.* Следственная тактика. М., 1975, с. 6).

⁷⁴ За основу мы принимаем перечни приемов, приводимые в работах: *Филонов Л. Б., Давыдов В. И.* Психологические приемы допроса обвиняемого. — Вопросы психологии, 1966, № 6; *Ароцкер Л. Е.* Тактика и этика судебного допроса. — М., 1973; *Порубов Н. И.* Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск, 1973; *Карнеева Л. М.* Тактические основы организации и производства допроса в стадии расследования. Волгоград, 1976; *Дослулов Г. Г.* Психология допроса на предварительном следствии. М., 1976; *Шепитько В. Ю.* Указ. работа.

⁷⁵ *Васильев А. Н., Карнеева Л. М.* Тактика допроса при расследовании преступлений. М., 1970, с. 148.

ленные процессуальным путем, а на какие-либо доказательства. Тогда в любом случае следователь не попадет в неудобное положение... Даже если внезапный вопрос “не прошел”, следователь всегда может объяснить обвиняемому, почему этот вопрос был задан, сославшись на доказательства, которые лежали в основе вопроса⁷⁶.

Однако использование фактора внезапности при допросе не исчерпывается постановкой неожиданных вопросов. Более того, с нашей точки зрения, последняя даже не является основной формой использования фактора внезапности, о чем речь будет идти в следующей главе.

Последовательность. Прием заключается в последовательном предъявлении допрашиваемому доказательств в порядке нарастания их силы. Иногда можно встретить рекомендацию предъявлять доказательства в обратном порядке — начиная с самого веского⁷⁷. Этот совет сомнителен: если самое веское доказательство оказало должное воздействие, едва ли нужно предъявлять остальные, если же предъявление самого веского доказательства не дало нужного эффекта, то вряд ли этот эффект будет достигнут предъявлением менее веских доказательств.

В тактической комбинации этот прием сочетается с приемами, именуемыми “допущение легенды”, “пресечение лжи” и т. п.

Создание напряжения обеспечивается путем предъявления множества доказательств, напоминанием о нравственной оценке совершенного преступления и т. п. В тактической комбинации этот прием может сочетаться с приемом, именуемым **снятие напряжения**, что достигается различными средствами: голосом, интонациями, репликами следователя и т. п. Г. Ф. Горский и Д. П. Котов, считая эти приемы нравственно допустимыми, справедливо полагают, что “иногда целесообразно, объединяя приемы, сперва создать напряжение, а затем снять его. Однако создание напряжения не должно происходить за счет грубости или иного психологического насилия со стороны следователя”⁷⁸.

Допущение легенды — прием заключается в том, что допрашиваемому предоставляется возможность беспрепятственно излагать свою ложную легенду. Прием сочетается в комбинации с такими, как **пресечение лжи**, внезапность, последовательность, повторность допроса. “Этот прием носит загадочное и интригующее название “допущение легенды”, — комментирует М. С. Строгович. — Это значит, что допрашиваемому на суде допрашивающий дает возможность лгать сколько

⁷⁶ Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика, с. 107.

⁷⁷ Дослулов Г. Г. Психология допроса на предварительном следствии, с. 80.

⁷⁸ Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика, с. 108.

угодно, даже поощряет к этому... а потом, когда допрашиваемый выговорился (то есть заврался), изобличает его во лжи. И это “допущение легенды” опять-таки происходит в публичном, гласном процессе, на глазах у всех присутствующих... Мы думаем, что подобные приемы (речь идет и о таких приемах, как внезапность и отвлечение внимания — **Р. Б.**) не только не будут содействовать обнаружению истины, но на публику, присутствующую в зале, произведут самое отрицательное, отталкивающее впечатление”⁷⁹. Аналогична позиция и **Р. Д. Рахунова**⁸⁰.

С такой оценкой этого тактического приема нельзя согласиться. Следуя логике, вообще нужно было бы сделать вывод, что ложь следует пресекать буквально с первых же слов допрашиваемого. Но такая линия допроса в суде едва ли произведет на публику менее “отрицательное, отталкивающее впечатление”, а скорее, приведет к мнению, что подсудимому “затыкают рот”, не дают высказаться и т. д. Именно поэтому **В. Ю. Шепитько** критикует **Ф. В. Глазырина**, который писал: “Обладая определенными собранными доказательствами, сложившейся версией, следовательно, обнаружив, что обвиняемый начинает давать ложные показания, останавливает его. При этом следователь предупреждает обвиняемого, что его показания противоречат всем имеющимся доказательствам, являются ложными, только усложняют положение обвиняемого и предлагает ему начать снова. При дальнейших попытках обвиняемого давать ложные показания следователь опять останавливает его, «пресекает ложь»”⁸¹. **В. Ю. Шепитько** справедливо пишет: “По нашему мнению, не выслушав аргументы допрашиваемого, нельзя его прерывать и оценивать его сообщения в качестве ложных. Прием “пресечение лжи” нацелен на создание у допрашиваемого установки на общение только “признательных” показаний, которые желает получить следователь”⁸².

Причина изложенного спора заключается в том, что и **Ф. В. Глазырин**, и **В. Ю. Шепитько** неправильно трактуют содержание приемов “допущение легенды” и “пресечение лжи”. Допуская легенду, не следует пресекать ложь немедленно, как только она обнаружена следователем. То, что описано **Ф. В. Глазыриным**, — это вовсе не указанный тактический прием, ибо, по смыслу, допущение легенды — беспрепятственное до определенного момента изложение ложных показаний: ведь следователь умышленно это допускает (“**допущение** легенды”). Тем более про-

⁷⁹ Проблемы судебной этики, с. 17-18.

⁸⁰ **Рахунов Р. Д.** Тактические приемы допроса обвиняемых, с. 179.

⁸¹ **Глазырин Ф. В.** Конспект лекций по судебной психологии, часть особенная. Свердловск, 1978, с. 35.

⁸² **Шепитько В. Ю.** Указ. раб., с. 153.

тиворечит этому приему предложение начать показания снова. В такой трактовке Ф. В. Глазырина “пресечение лжи” действительно становится побуждением к “признательным показаниям”, как обоснованно считает В. Ю. Шепитько. Но “пресечение лжи” — это не словесная остановка ложных показаний, его нельзя понимать буквально, как “затыкание рта” допрашиваемому. “Пресечение лжи” — это тактически избранный момент начала изобличения во лжи, момент, когда в ходе изложения допрашиваемым легенды возникает ситуация, наиболее благоприятная для изобличения. В начале допроса она возникнуть никак не может, поскольку легенда еще не изложена.

Отвлечение внимания, или косвенный допрос. Л. М. Карнеева так раскрывает сущность этого приема: “Следователь, заведомо зная, что не получит правильного ответа на основной интересующий его вопрос, задает ряд других вопросов, менее “опасных” с позиции допрашиваемого. Между тем ответы на эти допросы помогают найти ответ и на основной замаскированный вопрос”⁸³.

Этот тактический прием комбинационно может сочетаться с приемами, именуемыми **форсирование темпа допроса** и **инерция**. Под последним понимают незаметный перевод допроса из одной сферы в другую в расчете на то, что допрашиваемый “по инерции” проговорится.

В. Ю. Шепитько возражает и против приема “форсирование темпа допроса”, который он вообще не считает тактическим приемом: “...форсированный темп предлагается вести с целью не дать допрашиваемому обдумать свой ответ, а значит, и избежать лжи. Однако, неверно избранный темп допроса может вносить нервозность в общение, влиять на качество информации, но не устранять ложь. Темп допроса — это не тактический прием, а его характеристика, он должен избираться следователем в соответствии с психологическими особенностями допрашиваемого (типом темперамента, уровнем интеллекта и др.) и характером информации, подлежащей выяснению”⁸⁴. Но если темп допроса может избираться “в соответствии с...”, то почему же он не может использоваться в качестве тактического приема? Тем более, что темп допроса никак не характеризует допрос по существу, по содержанию. Сам по себе ускоренный темп допроса не устраняет ложь, он лишь создает условия, препятствующие ей.

По поводу этичности расчета на проговорку допрашиваемого также существуют полярные мнения. Так, Р. Д. Рахунув и С. Г. Любичев счи-

⁸³ Карнеева Л. М. Тактические приемы допроса обвиняемых, с. 179.

⁸⁴ Шепитько В. Ю. Указ. раб., с. 153.

тают такой расчет неправомерным⁸⁵, а Л. М. Карнеева, А. Р. Ратинов, А. В. Дулов, Б. Г. Розовский и многие другие криминалисты полагают этот прием допустимым и с правовой, и с нравственной точек зрения. Г. Ф. Горский и Д. П. Котов выражают мнение большинства криминалистов, когда указывают, что “данный прием можно считать нравственным, ибо опора здесь делается не на случайную оговорку, а на проговорку об обстоятельствах, как правило, известных только лицу, причастному к преступлению”⁸⁶.

В основе многих тактических комбинаций при допросе лежит такой прием, как **создание условий для неправильной оценки недобросовестным допрашиваемым переживаемой ситуации**. Как элемент рефлексивного управления, этот прием рассчитан на возможную ошибочную оценку того или иного обстоятельства допроса лицом, действительно причастным к этому обстоятельству.

М. С. Строгович считал этот прием попыткой обойти запрещение лгать допрашиваемому, выраженным в “осторожной и завуалированной форме” предложением обманывать обвиняемого или свидетеля⁸⁷. Однако, насколько нам известно, это мнение никем не разделяется. Даже И. Ф. Пантелеев, занимающий, как это было показано, отрицательную позицию по вопросу о допустимости многих тактических приемов допроса, не высказывается в данном случае против. Здесь нет ни обмана, ни

⁸⁵ **Рахунов Р. Д.** Указ. раб., с. 133. С. Г. Любичев в этой связи пишет: “Противоречащими нормам морали следует признать предложения о признании доказательственного значения за так называемыми “проговорками” допрашиваемого. На использовании “проговорок” с целью получить признание обвиняемого некоторыми криминалистами рекомендуется целая группа “тактических приемов”, в основе которых лежит вызов у допрашиваемого такого состояния, в котором он может неожиданно для себя проговориться. При этом создается ситуация, при которой допрашиваемый лишается возможности не только свободно занять ту или иную позицию, но в ряде случаев даже уяснить себе содержание того или иного вопроса. Это может привести не к получению достоверных показаний, не к установлению истины по делу, а к самооговору и оговору, привлечению к ответственности невиновных” (**Любичев С. Г.** Этические основы следственной тактики. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1976, с. 11). Но как и о чем может проговориться (именно проговориться) невиновный? Почему он может неожиданно оговорить себя или “неожиданно для себя” оговорить других? Рассуждения С. Г. Любичева представляются нам типичным примером абстрактного морализирования. Кстати, специальное исследование явления самооговора не называет проговорку среди его причин (см.: **Скотникова Т. А.** Самооговор (процессуальное, криминалистическое и судебно-психологическое исследование). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1972; **Ратинов А. Р., Скотникова Т. А.** Самооговор. М., 1973).

⁸⁶ **Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П.** Судебная этика, с. 109.

⁸⁷ Проблемы судебной этики, с. 19.

принуждения допрашиваемого к выбору одной, ошибочной, позиции, ни воздействия, носящего наводящий характер. Дезинформация допрашиваемого, которая может явиться следствием применения этого приема, — “дело рук” самого допрашиваемого. Безусловно правы А. Р. Ратинов и Ю. П. Адамов, указавшие, что “следователю нет нужды прибегать к ложным утверждениям, в его распоряжении имеется неограниченный запас таких средств, как прямой отказ в сообщении данных, которые хотя и выведать заинтересованные лица, умолчание, реплики и заявления, допускающие многозначное толкование, создание ситуаций, скрывающих действительное положение дела, разнообразные вопросы, которые способны породить те или иные догадки у допрашиваемого. Такой образ действий, на наш взгляд, не противоречит... критериям допустимости тактических приемов”⁸⁸. Главное, чтобы исходящая от следователя информация была правдивой.

Рассматриваемый прием хорошо комбинируется с такими тактическими приемами, как **выжидание, создание “заполненности”, вызов**⁸⁹.

В заключение остановимся на одной из разновидностей оперативно-тактических комбинаций, непосредственно связанной с допросом подозреваемого. Мы имеем в виду комбинацию с использованием так называемых трансферов — специальных приспособлений, используемых для защиты различных объектов от преступных посягательств путем оставления на субъекте посягательства следов его преступных действий. Трансферы могут быть химического действия, могут представлять собой устройство для получения фото- и видеоизображения преступника в момент совершения преступления и т. п.

Действие большинства трансферов рассчитано не на захват преступника с поличным (хотя могут быть и такие варианты), а на последующее изобличение путем проведения входящих в структуру комбинации следственных действий: задержания подозреваемого, его освидетельствования с целью обнаружения признаков воздействия на его тело

⁸⁸ **Ратинов А., Адамов Ю.** Лжесвидетельство. М., 1976, с. 101. См. также: **Шмидт А. А.** Тактические основы распознавания ложных показаний и изобличение лжесвидетелей. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1973; **Каминская В. И.** Показания обвиняемого в советском уголовном процессе. М., 1960, с. 105-106.

⁸⁹ Выжидание заключается в том, что в допросе делается перерыв для того, чтобы в психическом состоянии допрашиваемого произошли изменения под влиянием оказанного воздействия; создание “заполненности” — это подчеркивание следователем невыясненных мест в деле, вызывающее у допрашиваемого стремление “заполнить” пробелы в соответствии с логикой; вызов преследует цель побудить допрашиваемого к объяснению логическим путем с позиции своей линии обстоятельств, обеспеченных доказательствами.

или одежду трансферов и допроса с использованием имеющихся доказательств. В процессе этого допроса могут быть использованы все упоминающиеся приемы, причем наиболее эффективными, как показывает практика, оказываются последовательность, создание и снятие напряжения, допущение легенды в сочетании с пресечением лжи.

9. ФАКТОР ВНЕЗАПНОСТИ, ЕГО УЧЕТ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

9.1. Фактор внезапности, его смысл и формы использования при расследовании преступлений

“Фактор внезапности”, “внезапность” — термины, весьма распространенные в криминалистической и процессуальной литературе. Они обычно употребляются при указании на то или иное следственное действие для характеристики момента его проведения или момента реализации какого-либо элемента действия. Например: “Обыск надо проводить внезапно для такого-то лица”, “Допрашиваемому внезапно задается неожиданный для него вопрос”, — и т. п. Именно в этом смысле чаще всего используются названные термины, только такую функциональную нагрузку в большинстве случаев они и несут.

Фактически во всех публикациях по вопросам тактики задержания, обыска, допроса отмечается положительное значение внезапности тех или иных действий следователя. Подобно лингвистам, криминалисты рассматривают понятия “внезапность” и “неожиданность” в качестве синонимов, а каждое из них в соединении со словом “фактор” — как существенное обстоятельство, подлежащее учету и использованию в следственной деятельности.

Однако нам известны лишь две работы, специально посвященные этому аспекту следственной практики: статья И. Е. Быховского “Об использовании фактора внезапности при расследовании преступлений” (Вопросы криминалистики, 1963, № 8-9) и брошюра В. П. Бахина, В. С. Кузьмичева и Е. Д. Лукьянчикова “Тактика использования внезапности в раскрытии преступлений органами внутренних дел” (Киев, 1990). В статье И. Е. Быховского о внезапности говорится лишь применительно к выбору момента обыска и постановке вопросов допрашиваемому. Авто-

ры же указанной брошюры рассматривают данное понятие более многопланово, трактуя внезапность как организацию следственной работы, обеспечивающую невозможность предсказания содержания и характера действий следователя противодействующей стороной (подследственными лицами, их криминальными связями, родственниками и т. п.). В. П. Бахин и его коллеги полагают, что понятие внезапности может иметь тройкий смысл, то есть выражать:

- 1) принцип следственной деятельности, характеризующий и отражающий ее наступательность и действенность при преодолении противодействия, оказываемого расследованию заинтересованными лицами;
- 2) тактическую задачу по собиранию фактических данных применительно к конкретным обстоятельствам расследования;
- 3) реализацию фактора неожиданности.

В то же время В. П. Бахин и его соавторы возражают против отождествления внезапности с неожиданностью. По их мнению, внезапность есть способ действий с целью достижения результата в расчете на неожиданность, неожиданность же — это следствие внезапности действий. Они различают неожиданность полную, когда соответствующее лицо не знает и не предполагает о факте и характере планируемых по отношению к нему мер, и частичную, когда противодействующие следствию лица прогнозируют возможные меры следователя, но не знают точного характера и направленности его действий, времени и места их проведения.

Кроме того, в отличие от других авторов В. П. Бахин и его коллеги, хотя и кратко, но отмечают, что элемент неожиданности может проявиться по отношению к следователю и оперативному работнику. Тем самым подчеркивается, что фактор внезапности может использоваться в расследовании обеими противостоящими сторонами. Понимание этого обстоятельства представляется весьма важным.

Определение, которое дается понятию “внезапность” авторами упомянутой брошюры, в принципе, верно раскрывает его сущность. Внезапность характеризует именно способ и форму деятельности и отдельных действий субъекта. Однако их утверждение, что о внезапности можно говорить только в том случае, если ее следствием является неожиданность для противодействующей стороны, справедливо, на наш взгляд, лишь отчасти. Не случайно они вводят понятие “частичная неожиданность”. Здесь возникает вопрос: существует ли и некая “частичная внезапность”? Для того чтобы уяснить это, надо рассмотреть формы, в которых может проявиться фактор неожиданности в процессе расследования.

Прежде всего, заметим, что данный фактор может быть использован обеими противодействующими в процессе расследования сторонами, то

есть как следователем в отношении подследственного и его связей, так и ими в отношении следователя и других участников процесса доказывания. Кроме того, для следователя внезапными могут быть не только действия (или поведение) противодействующей стороны, но и возникновение иных обстоятельств, с ее усилиями непосредственно не связанных, но в той или иной степени отражающихся на следственной ситуации.

Для противодействующей следователю стороны неожиданными могут быть следующие моменты:

- ◆ сам факт проведения того или иного следственного действия либо его осуществление в неожиданное время, в непредуганном месте;
- ◆ применение следователем в ходе расследования какого-либо экстраординарного, нетрадиционного тактического приема;
- ◆ получение от следователя информации о вовлечении в доказывание лиц, возможность участия которых в данном процессе исключалась противодействующей стороной либо не исключалась, но предполагалась на более позднем этапе;
- ◆ то же самое и в отношении материальных объектов: следов преступления и преступника, иных вещественных доказательств, результатов их экспертного исследования и т. п. (неожиданными здесь могут быть и содержание передаваемой следователем информации о таких объектах, и сам факт их использования при производстве следственного действия).

Для следователя, как отмечалось, неожиданными могут быть действия или поведение противоборствующей стороны и появившиеся новые обстоятельства, требующие реагирования. К числу таковых, например, относятся: поступление новой доказательственной или ориентирующей информации, исчезновение тех или иных проходящих по делу лиц; изменение ранее данных ими показаний. Неожиданны для следователя иногда и изменения в уголовном либо уголовно-процессуальном законодательстве. Все это влияет на следственную ситуацию и отражается на программе действий следователя.

Рассматривая их содержание в условиях тактического риска, Ю. Ю. Осипов называет три типа ситуаций, в которых может проявиться для следователя фактор внезапности:

- ◆ “1. Ожидаемые события известны, программа деятельности отрабатывается, неизвестно время наступления события.
- ◆ 2. Событие известно в общих чертах, поэтому нет точной программы, время наступления события неизвестно.

◆ 3. Время и характер события известны¹.

Последняя ситуация, по нашему мнению, не представляет собой формы проявления фактора внезапности. В ней лишь находят свое выражение такие качества следователя, как постоянная готовность к изменениям следственной ситуации и способность оперативно на них реагировать.

Внезапность — и неожиданность как ее следствие — имеют еще одну форму проявления, существенно влияющую на содержание и ход расследования. Это — внезапность самого события, подлежащего затем расследованию, неожиданность случившегося для всех или отдельных участников события, для окружающих. Подобное типично для многих дорожно-транспортных происшествий, для потерпевших при грабежах, разбоях и некоторых других преступлениях. Наконец, неожиданность события может выступать как необходимое условие достоверности результатов следственного действия (например, следственного эксперимента).

Указанные формы использования фактора внезапности и неожиданности как его следствия рассчитаны на срабатывание в сознании людей определенного психологического механизма. Суть его заключается в следующем.

Внезапность как способ действий сторон в процессе расследования представляет собой воздействие одного человека на другого с целью добиться, внушить что-нибудь. Оно может быть оказано не только действием, но и бездействием. Однако для рассматриваемой нами проблемы интерес представляет воздействие именно путем внезапного действия.

Известно, что воздействие может быть физическим и психическим. В рассматриваемом нами аспекте правомерным будет внезапное физическое воздействие при задержании правонарушителя, но, конечно, в пределах, диктуемых ситуацией. Психологическое воздействие осуществляется путем передачи или воздержания от передачи значимой для адресата информации. Внезапность предполагает передачу информации различными способами.

Мы уже писали, что, по мнению Н. П. Хайдукова, «воздействие одного человека на другого — это осуществляемый в личных или общественных интересах процесс передачи информации путем использования различных методов и средств с целью вызвать необходимую реакцию

¹ **Осипов Ю. Ю.** Деятельность следователя в условиях тактического риска. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1992, с. 21.

со стороны лица, на которое оказывается воздействие, и тем самым обусловить желательную позицию и поведение этого лица в нужном направлении". Далее названный автор отмечает, что оказываемое следователем воздействие должно осуществляться "в допустимо правомерной форме, когда оно не согласуется с волей и потребностями объекта воздействия, но не ограничивает его прав, свободы выбора поведения и не противоречит законности и нравственным принципам общества"².

На противостоящую сторону следователю надо воздействовать с учетом ее психического состояния в данный конкретный момент. Если такой стороной является подозреваемый или обвиняемый, то следует иметь в виду, что он находится в состоянии постоянного внутреннего напряжения, вызываемого страхом перед угрозой полного изобличения, желанием получить информацию об имеющихся у следователя доказательствах, о поведении сообщников и т. п. Отсутствие у данного лица подобных сведений приводит его к самым различным предположениям об осведомленности следователя. Это в конечном счете делает обвиняемого или подозреваемого особенно сильно восприимчивым ко всей информации, исходящей от следователя.

Изобличения во лжи бояться и свидетель, дающий необъективные показания, и потерпевший, также скрывающий по тем или иным мотивам правду от следователя. Их психическое состояние характеризуется напряженностью, обостренной реакцией на передаваемую следователем информацию, если она относится к существу их показаний.

Воздействие, оказываемое внезапными действиями следователя на общем фоне постоянной напряженности подобного субъекта, обычно вызывает резкое изменение его эмоционального состояния — повышенное возбуждение либо торможение психических процессов. В таком состоянии он нередко утрачивает контроль за своими словами или поступками, "причем неожиданность может привести к значительному превышению роли и места данного факта в общей системе доказательств со стороны лица, которому сообщается эта информация"³.

Испытываемая субъектом напряженность может достигать порога фрустрации, то есть психического состояния, которое характеризуется гнетущим чувством тревожности, отчаяния. Такое состояние при неожиданности и значимости действий следователя может вызвать защитную реакцию психики субъекта в виде заторможенности его психических

² Хайдуков Н. П. Тактико-психологические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц. Саратов, 1984, с. 13.

³ Дулов А. В. Судебная психология. Минск, 1975, с. 175.

процессов, являющейся средством “ухода” от трудной ситуации. Субъект не реагирует на действия следователя; он растерян, но не пытается как-то выйти из сложившегося положения, молчит, глух к логическим доводам следователя, пытающегося убедить его в значении переданной информации.

Внезапные действия следователя иногда влекут за собой реакцию субъекта, неожиданную для него самого. Она может проявиться: в избыточном его ответе на поставленный вопрос или в играющих ту же роль его импульсивных действиях, в переосмыслении своей позиции с ее изменением в благоприятную для следствия сторону.

Фактор внезапности, как отмечалось, нередко негативно воздействует и на следователя. Уже сам конфликтный характер большинства следственных ситуаций, обусловленный противодействием следователю обвиняемого и иных лиц, способен сформировать у следователя состояние тревожности, беспокойства. И. Д. Левитовым тревожность определяется как такое “психическое состояние, которое вызывается возможными или вероятными неприятностями, неожиданностью, изменениями в привычной обстановке и деятельности, задержкой приятного, желательного и выражается в специфических переживаниях (опасения, волнения, нарушения покоя и др.) и реакциях”⁴.

Кроме того, на отдельных этапах расследования создается высокая напряженность в работе. Это обуславливает острое реагирование следователя на неожиданно возникающие помехи, вызванные внезапными действиями или поведением противостоящих ему лиц. Разумеется, профессиограмма следователя включает в себя такие его качества, как спокойствие, выдержка, умение принимать правильные решения в экстремальных условиях, при неожиданном неблагоприятном изменении следственной ситуации. Однако в то же время ему могут быть присущи и обычные психологические черты.

Внезапность поведенческих актов обвиняемого или иных лиц может привести следователя в состояние растерянности и обусловить неправильную оценку ситуации, а отсюда, как следствие, и принятие ошибочных решений. Как справедливо отмечает А. В. Дулов, “ожидаемое противодействие должно побуждать следователя к предварительной выработке в себе осторожности, предельной внимательности к действиям, поведению определенного участника. Никакие действия последнего не

⁴ *Левитов И. Д.* Психологическое состояние беспокойства, тревоги. — Вопросы психологии, 1969, № 1, с. 133.

должны застать врасплох следователя, хорошо подготовившегося к любой возможной конфликтной ситуации”⁵.

Однако даже высокий профессионализм, уравновешенность психики следователя не могут полностью исключить возможность его негативных реакций на внезапные действия противостоящей стороны. Как бы ни был осторожен и предусмотрителен следователь, он не в состоянии предвидеть все вероятные события. Его профессиональный и жизненный опыт ограничивается, как правило, лишь типичными изменениями ситуаций и типичными для них программами действий. Неожиданность же происшедших изменений по тем или иным причинам может оказать на следователя дестабилизирующее воздействие. Этому способствует состояние “постоянной эмоциональной экстремальности следственной деятельности, а иногда и ее повышение до “аварийных” пределов”⁶.

Итак, фактор внезапности может воздействовать и на следователя, и на противодействующую ему сторону. Следователь, в силу своих профессиональных качеств, должен находиться в состоянии постоянной готовности к воздействию данного фактора (должен, но отнюдь не всегда пребывает в этом состоянии). Противодействующая же ему сторона чаще всего такой готовностью не обладает, всех действий следователя предусмотреть не может по причине информационной неопределенности своего положения, складывающейся следственной ситуации.

Ранее уже отмечалось, что неожиданность как следствие внезапности имеет еще одну форму проявления, не связанную с противоборством сторон в процессе расследования. Это — внезапность самого события, подлежащего расследованию, или неожиданность события как необходимое условие оценки достоверности результатов следственного действия. Психологические механизмы воздействия фактора внезапности в подобных ситуациях отличаются от механизмов ситуаций противостояния. Они зависят от характера события, от роли в нем его участников и проявляются в процессах восприятия, запечатления и воспроизведения в памяти информации о событии, в их особенностях, связанных именно с ролью и состоянием субъекта.

В этом нетрудно убедиться, сравнив состояние и показания, например, водителя и потерпевшего при дорожно-транспортном происшествии или нападавшего и жертвы при разбойном нападении, изнасиловании и иных подобных преступлениях. Здесь речь идет уже не об

⁵ Дулов А. В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. Минск, 1973, с. 137.

⁶ Котов Д. П., Шиханцев Г. Г. Психология следователя. Воронеж, 1976, с. 92.

использовании фактора внезапности в расследовании, а о его проявлении и учете в процессе собирания и оценки доказательств.

9.2. Тактика действий следователя с использованием фактора внезапности

Рассмотрению данного вопроса должно предшествовать выяснение правомерности использования следователем фактора внезапности, поскольку отдельные исследователи не только сомневаются, но и прямо отрицают законность подобной тактики. Особенно резкие возражения вызывает, например, такой прием в следственной практике, как внезапная постановка вопросов, неожиданных для допрашиваемого. Так, М. С. Строгович полагал, что этот и схожие приемы заслуживают самого решительного осуждения⁷. Позицию М. С. Строговича решительно поддержал И. Ф. Пантелеев⁸.

“Приемы, основанные на внезапности, — пишет С. Г. Любичев, — некоторыми авторами рекомендуются как при производстве допроса, в результате чего у допрашиваемого возникает стрессовое состояние, лишаящее его возможности быстро сориентироваться, и в котором он может сообщить сведения, которые в другой ситуации он попытался бы скрыть, так и при производстве других следственных действий, например, обыска...”

Недопустимо, — продолжает С. Г. Любичев, — использование внезапности при воздействии на интеллектуальную сферу человека, когда результаты следственного действия зависят от состояния психики индивида, его способности оценивать обстоятельства и давать правильные ответы на поставленные вопросы. Использование в этих случаях внезапности может привести к дезорганизации психических процессов. Внезапная постановка вопроса вне всякой связи с предыдущими действиями следователя оказывает определенное воздействие на допрашиваемого, нередко приводит к недостоверности его показаний⁹.

⁷ Проблемы судебной этики. М., 1974, с. 18.

⁸ **Пантелеев И. Ф.** Некоторые вопросы психологии расследования преступлений. — Труды ВЮЗИ. М., 1973, вып. XXIX, с. 224.

⁹ **Любичев С. Г.** Этические основы следственной тактики. М, 1980, сс. 14-15.

А. Н. Васильев назвал замаскированным обманом одну из форм указанного выше тактического приема, “когда допрашиваемому внезапно, после того как он даст по какому-то вопросу категорический отрицательный ответ, вновь, спустя некоторое время, неожиданно задается тот же вопрос”. Далее А. Н. Васильев пишет: “В результате иногда получают желательный для следователя ответ. Но при этом забывают, что подобная проговорка может и не иметь никакого доказательственного значения... допрашиваемый может заявить, что его не так поняли, или он не понял вопроса, или он сознательно поддался “на удочку”, чтобы разоблачить следователя, ведущего с ним “нечестную игру”, и т. п.”¹⁰

Таким образом, аргументы противников использования при расследовании фактора внезапности основываются преимущественно на нравственных позициях. С них же толкуется и воздействие на психику допрашиваемых таких тактических приемов следователя. Здесь возникает вопрос: допустим ли подобный прием, если он не противоречит общепризнанным принципам законности, закону?

Действительно, проговорка, допущенная допрашиваемым под влиянием внезапного вопроса, может не иметь доказательственного значения, из чего отнюдь не следует вывод о противоправности или безнравственности примененного приема. Это лишь свидетельство либо неправильного выбора следователем в данной ситуации самого приема, либо неумения тактически грамотно реализовать полученный с его помощью результат. Рассуждения же о “дезорганизации психических процессов” подследственного, недопустимости “вторжения” в его интеллектуальную сферу, нарушении “морального суверенитета личности” представляются бесплодным морализированием. В отношении последнего Б. Г. Розовский саркастически заметил: “Не скатываемся ли мы на позиции ультраморалистов, которые на всякий случай даже книги писателей-мужчин и женщин ставят на разные полки?”¹¹

Итак, с позиции нравственности допустимость использования фактора внезапности в расследовании — вопрос факта. Что же касается законности осуществления такого приема, то достаточно упомянуть: по действующему процессуальному законодательству он не подпадает ни под один из установленных запретов типа “насилие, угрозы и иные незаконные методы”. Кроме того, эта формулировка закона неточна хотя бы потому, что угроза есть форма насилия, которое может быть и вполне правомерным.

¹⁰ **Васильев А. Н.** Тактика отдельных следственных действий. М, 1981, с. 21.

¹¹ **Розовский Б. Г.** Допрос обвиняемого. Ровно, 1969, с. 9.

Законными и «вполне этичными» являются такие приемы, как использование внезапности, неподготовленности заинтересованных лиц ко лжи¹². По этому поводу В. Е. Коновалова совершенно резонно замечает: «На каком основании внезапность постановки вопроса как нарушение продуманной логики изложения, в том числе «логики лжи», можно считать безнравственной?... Это не хитрость, не уловка, а проявление избранной позиции, системы правомерных действий для достижения цели, продуманная логика поведения в конкретной ситуации»¹³.

Внезапность действий следователя представляет собой одно из средств преодоления противодействия расследованию. Как показали результаты исследования, факты такого противодействия отмечены по 88% изученных уголовных дел; о его оказании расследованию заявили 90,7% осужденных¹⁴. Уже только это свидетельствует о необходимости разработки и активного применения тактических приемов преодоления должного противодействия. Учитывая типичность его проявлений, А. М. Ларин замечает, что «теория уголовного процесса и тактика расследования позволяют выделить следующие условия, предотвращающие действия указанных факторов (противодействия расследования — **Р. Б.**) при розыске и обнаружении доказательств:

- ◆ а) быстрота расследования и внезапность производства следственных действий;
- ◆ б) осведомленность следователя о действиях и намерениях обвиняемого как при совершении преступления, так и во время его расследования;
- ◆ в) следственная тайна¹⁵.

К этому можно добавить, что внезапность — действенное средство реализации такого требования закона (ст. 127 УПК), как своевременное проведение следственных действий, а своевременность — залог быстроты расследования (ст. 2 УПК).

Совершенно прав И. Е. Быховский, когда пишет, что «своевременно произведенный допрос предотвращает возможность сговора между обвиняемыми. Неожиданное проведение обыска пресекает действия, на-

¹² **Леоненко В. В.** Профессиональная этика участников уголовного судопроизводства. Киев, 1981, с. 61.

¹³ **Коновалова В. Е.** Нравственные начала советского судопроизводства. — Соц. законность, 1984, № 5, с. 35.

¹⁴ **Бахин В. П.** и др. Тактика использования внезапности в раскрытии преступлений органами внутренних дел. Киев, 1990, с. 12.

¹⁵ **Ларин А. М.** Работа следователя с доказательствами. М., 1966, с. 46.

правленные на уничтожение доказательств, сокрытие имущества. Во время произведенная выемка гарантирует сохранность документов. Внезапность при производстве расследования достигается отнюдь не скороспелыми решениями, непродуманными действиями. Напротив, необходим хладнокровный учет всех плюсов и минусов определенного момента производства следственных действий¹⁶. Следственная практика свидетельствует, что иногда следует поступать таким образом, чтобы исключить неожиданность проведения следственного действия для того или иного лица. И в этом как раз и может заключаться замысел тактической комбинации. Такое промедление может быть умышленно допущено даже в отношении, например, обыска, с тем чтобы подозреваемый перепрыгнул искомое имущество из своей квартиры, обыска которой он ожидает, к своему соучастнику, где оно и будет затем обнаружено как поличное.

Использование фактора внезапности может служить средством сохранения следственной тайны или предупреждения отрицательных последствий ее разглашения. Так, внезапный допрос подозреваемого до того, как ему станет известно об отрицательных результатах обыска у его соучастника, позволит предупредить укрепление его негативной позиции этим обстоятельством.

Целью внезапности действий следователя является достижение эффекта их неожиданности для противодействующей стороне. Неожиданными могут быть: время, место, содержание действия, участники следственного действия. Иногда эти компоненты могут сочетаться, например, при неожиданном для подозреваемого — по времени и месту — задержании с поличным. Рассмотрим подробнее варианты использования фактора внезапности, причем, поскольку рассматриваемая проблема с точки зрения ряда авторов, содержит немало спорных моментов, вопреки нашему обыкновению не иллюстрировать примерами из практики выдвигаемые нами положения, здесь мы для демонстрации эффективности использования фактора внезапности такие примеры решили приводить.

Неожиданность времени действия. Тактической целью следователя в этом случае служит достижение неожиданности действия путем выбора такого момента, когда противодействующая сторона либо вообще не ожидает каких-либо действий следователя, либо полагает, что они бу-

¹⁶ **Быховский И. Е.** Об использовании фактора внезапности при расследовании преступлений. — Вопросы криминалистики, № 8-9, М., 1963, сс. 171-172.

дуг осуществлены позднее, либо считает, что не будет проведено именно данное действие.

В рассматриваемой ситуации действия следователя нередко носят упреждающий характер. Как отмечают В. П. Бахин и его коллеги, «наиболее благоприятная ситуация для использования данного приема обычно складывается на первоначальном этапе расследования, когда внезапность (действий во времени — **Р. Б.**), как правило, связана с быстротой и неотложностью следственных действий, а также одновременным их осуществлением (обыск, допрос и т. п.) в отношении нескольких лиц. Так, 78,4% проинтервьюированных следователей отметили зависимость реализации внезапности от этапов расследования. По данным анализа уголовных дел, проведение обысков в день возбуждения уголовного дела было результативным в 82% случаев, а затем результативность данного следственного действия резко сокращалась: в течение трех дней — до 25%, в течение 10 дней — до 15%»¹⁷.

Надо отметить, что неожиданным по времени может быть не только следственное действие, под которым обычно понимают не все процессуальные акты, а лишь те, которые служат средством собирания, исследования и проверки доказательств. Таким процессуальным актом может быть любое процессуальное действие, реализующее принятое процессуальное решение: возбуждение уголовного дела, привлечение в качестве обвиняемого, избрание меры пресечения и др.

Так, по факту недостачи материальных ценностей на значительную сумму для дачи объяснений к следователю был вызван бухгалтер Б., уверенный в том, что уже в процессе ревизии ему удалось достаточно убедительно обосновать свою непричастность к недостаче. По прошлому опыту Б. полагал, что проверка материалов ревизии будет продолжаться долго, а привлечение к уголовной ответственности ему во всяком случае никак не угрожает. Следователь, извинившись перед Б., на несколько минут вышел из кабинета, оставив на своем столе постановление о возбуждении уголовного дела по факту недостачи. В тексте постановления Б. увидел и свою фамилию. Это, как и сам факт возбуждения уголовного дела, явилось для него настолько неожиданным, что он в волнении на первый же вопрос следователя дал уличающие себя показания.

Аналогичное воздействие оказало на Г. постановление о привлечении его в качестве обвиняемого по делу о дорожно-транспортном происшествии, когда он своими действиями создал аварийную ситуацию, приведшую к наезду на пешехода. Ранее посредством ложных показаний Г. пытался избежать ответственности и полагал, что это ему удалось, но тут, не ожидая для себя такого поворота событий, правдиво рассказал о случившемся.

¹⁷ Бахин В. П. и др. Указ. раб, с. 22.

Подобное же воздействие может оказать неожиданное избрание такой меры пресечения, как заключение под стражу, когда подсудимый рассчитывает, самое большее, на подписку о невыезде, либо даже неожиданная замена меры пресечения на более легкую.

Например, обвиняемый В., упорно бравший на себя вину своего соучастника, был неожиданно для себя вызван к следователю, который объявил ему о замене меры пресечения (с заключения под стражу на подписку о невыезде). Следователь разъяснил В., что такое решение он принял, поскольку сумел установить факты, свидетельствующие о второстепенности его участия в совершении преступления и подлинной роли в происшедшем другого лица, которую В. напрасно скрывал. Это так подействовало на обвиняемого, что он выразил желание дать правдивые показания о действиях соучастника.

Неожиданность действий следователя по времени их осуществления весьма типична для ряда тактических комбинаций, особенно в тех случаях, когда реализуются оперативные материалы. Как правило, это характерно для ситуаций, связанных с задержанием с поличным преступников, в том числе и взяточполучателей.

По делу Р. имелась оперативная информация о получении им взяток за выдачу сотрудникам смежных производств свидетельств о повышении квалификации. Сначала тайне от Р. были допрошены все лица, от которых он требовал деньги. Одновременно две оперативные группы с санкционированными прокурором постановлениями на обыски выехали к местам работы и жительства Р. Оперативную группу, прибывшую на рабочее место, Р. принял за очередных лиц, желающих получить свидетельства, и тут же сообщил о своих условиях. Предъявление ему постановления о производстве обыска произвело на Р. ошеломляющее впечатление. Он был совершенно подавлен.

В ходе обысков на рабочем месте и дома у Р. были собраны многочисленные доказательства его преступной деятельности. Сразу же по окончании обысков он был подробно допрошен и во всем признался. Более того, обнаруженные при обысках документы позволили изобличить Р. не только во взяточничестве, но и в крупном хищении денежных средств по подложным ведомостям.

Иногда неожиданное для преступника его задержание с поличным представляет собой заключительный этап оперативно-тактической комбинации. Подобная ситуация складывается при получении органами внутренних дел сообщений о вымогательстве или готовящейся передаче взятки. В данном случае от объекта вымогательства получают подробную информацию о характере и процедуре передачи взятки, предмет взятки маркируют, организуется наблюдение за ходом передачи взятки. Затем осуществляются задержание с поличным, немедленный обыск места передачи взятки, ее осмотр и допрос взяточполучателя. Все эти действия по времени неожиданны для преступника, что оказывает на него сильное психологическое воздействие.

Действие может быть неожиданным даже в тех случаях, когда субъект, против которого оно направлено, в принципе ожидает чего-либо подобного, но не знает, когда это произойдет. В указанной ситуации успех обеспечивается действиями, которые создают у такого субъекта ложное представление о неизбежной отсрочке или вообще об отказе следователя от проведения данного действия.

Например, при расследовании крупного хищения чая из транспортируемого контейнера у одного из подозреваемых был произведен обыск, окончившийся безрезультатно. Его соучастники, которые в тот момент еще не были известны следователю, решили перенести в уже обысканное место свои доли украденного, рассчитывая, что "в одну и ту же воронку снаряды дважды не падают". Однако все украденное они там разместить не смогли и часть похищенного возвратили к себе домой. Между тем в процессе расследования были выявлены все связи задержанного подозреваемого. Следователь, обеспечив с помощью оперативных работников внезапность своих действий, произвел одновременные неожиданные обыски у всех причастных к краже лиц, в том числе и повторный обыск дома арестованного подозреваемого. Обыски увенчались успехом, а последовавшее за ними задержание остальных соучастников позволило в короткий срок завершить расследование: неожиданность и результативность обысков сыграли в этом решающую роль.

Неожиданность места действия. В приведенном выше примере неожиданным для преступников было место производства повторного обыска (да и сам обыск). Наиболее сильное воздействие на преступника оказывает неожиданность места действия органа расследования при задержании с поличным. Внезапность самого задержания, причем в таком месте, которое представлялось преступнику безопасным в силу тех или иных специально осуществленных им мер, способно парализовать его сопротивление и не дать возможности выстроить систему оправдательных аргументов.

Подобная ситуация часто возникает при задержании вымогателей (рэкетиров), когда принятые ими меры безопасности получения установленной суммы или предмета вымогательства неожиданно для них оказываются безрезультатными, а сами они — задержанными на месте преступления. Психологический шок вызывает у них не только сам факт задержания, но и то, что их расчет на безопасность места завершения акта вымогательства почему-то не оправдался. Задержанный при этом испытывает чувство растерянности и острую потребность в получении информации, объясняющей его ошибку при планировании финальной стадии вымогательства. Задача следователя заключается в том, чтобы умело использовать такое состояние задержанного, быстро и тактически правильно произвести его допрос.

В практике борьбы с преступностью прием, связанный с неожиданностью и места, и времени производства, осуществляется достаточно

часто. Типично сочетание воздействий указанных факторов, когда, допустим, в момент допроса задержанного в кабинете следователя одновременно производится обыск жилища допрашиваемого, о чем он ставится в известность. А. П. Дербенев приводит пример тактически правильного использования подобного сочетания при расследовании дела о нарушении правил валютных операций.

У задержанного за незаконную скупку иностранной валюты Б. при личном обыске изъяли 120 немецких марок. Он заявил, что приобрел их для покупки нужных ему вещей в валютном магазине. Между тем, у оперативных работников имелись данные о том, что Б. систематически занимается валютными спекуляциями.

При допросе Б. следователь неожиданно сообщил ему, что в это время на его квартире производится обыск. Такая информация явно взволновала допрашиваемого, хотя он поспешил заверить следователя, что дома у него искать нечего. При каждом телефонном звонке Б. вздрагивал и, когда после очередного такого звонка следователь сообщил, что на дому у Б. найдена валюта (не говоря, какая именно), поспешил заявить о спрятанных в подоконнике на кухне 200 американских долларах. На самом же деле оперативные работники обнаружили в письменном столе тайник с 450 финскими марками. Поскольку Б. был более уверен в надежности тайника, то он и решил, что именно доллары обнаружены при обыске¹⁸. Внезапность задержания, допроса и обыска в сочетании друг с другом и правильной тактикой их проведения способствовали быстрому изобличению правонарушителя.

В. П. Бахин и его соавторы приводят еще один вариант неожиданности места производства следственного действия — необычность места допроса. «По общему правилу, — пишут они, — допрос производится в кабинете следователя, что ограничивает возможности применить внезапность, поскольку вызов повесткой или нарочным предоставляет субъекту возможность обдумать причину вызова и определить линию своего поведения. Поэтому следователь, руководствуясь тактическими соображениями, проведение допроса может предусмотреть не в служебном кабинете, а в ином месте (на работе, в жилище и т. п.). Сам факт следственного действия и необычность места его проведения воздействуют на допрашиваемого, лишают его возможности оказать продуманное противодействие»¹⁹.

Указанные исследователи, по всей видимости, несколько переоценивают в данном случае степень воздействия самого места допроса. Основное значение здесь приобретает неожиданность момента допроса.

¹⁸ **Дербенев А. П.** Эффективный тактический прием допроса. — Следственная практика, вып. 125, М., 1980, с. 67.

¹⁹ **Бахин В. П.** и др. Указ. раб, с. 28.

Выбор же места его проведения есть условие, способствующее реализации эффекта неожиданности следственного действия. В общей форме создание такого условия организуется так: решение о проведении следственного действия (допроса) должно быть реализовано немедленно после сообщения о нем лицу, которое будет допрошено, с выбором момента, когда оно этого не ожидает.

Оценивая способы вызова на допрос, В. Л. Васильев пишет: “При выборе способа нужно иметь в виду индивидуальные особенности личности допрашиваемого. Внезапная доставка в следственный орган без предварительного предупреждения, чтобы сохранить следственную тайну и быстро получить правдивые показания, не всегда приводит к успеху. В таких случаях нужно учитывать индивидуальные особенности человека, который вызывается на допрос. Лица со слабой нервной системой, наделенные повышенной чувствительностью к раздражителям, в описанной выше острой и сложной для них ситуации “уходят в себя”; с ними невозможно наладить контакт не только на первом, но и на последующих допросах. Такое внезапное “приглашение” надолго травмирует их психику и вызывает стойкие отрицательные эмоции в отношении следователя”²⁰.

Неожиданность самого действия. Вариантами подобной тактики при расследовании преступлений могут быть:

- ◆ неожиданное для подозреваемого (обвиняемого) лица проведение следственного действия вообще или какого-либо конкретного вида;
- ◆ неожиданное для него применение тактического приема как такового или как элемента тактической комбинации;
- ◆ неожиданное предъявление данному лицу объектов, приобретающих доказательственное значение.

Выбор момента проведения неожиданного для подследственного конкретного следственного действия приобретает в определенной ситуации очень важное значение.

Так, по одному из эпизодов группового дела по фактам мошенничества путем производства самочинных обысков один из тех, у кого был произведен такой “обыск”, упорно отрицал сам факт его совершения. В ином случае он вынужден был бы назвать источник получения значительной суммы денег, изъятой у него мошенниками. Между тем преступники по этому эпизоду дали полные и правдивые показания. Возникла сложная ситуация: для подтверждения и уточнения показаний уголовных эле-

²⁰ **Васильев В. Л.** Психологические основы организации труда следователя. Волгоград, 1976, сс. 32-33.

ментов нужны были показания потерпевшего, а он вообще отрицал событие преступления.

Естественно, в данных обстоятельствах потерпевший не допускал и мысли, что ему могут предъявить для опознания кого-либо из участников преступления. Однако следователь, рассчитывая на психологическое воздействие этого следственного акта, в процессе которого он допускал и возможность “встречного” опознания преступником потерпевшего, решил его провести.

При очередном вызове потерпевшего на допрос следователь неожиданно для него объявил о проведении предъявления лиц для опознания. Несмотря на настойчивые возражения потерпевшего, убеждавшего следователя в вымышленности расследуемого эпизода, ему было предложено принять участие в проведении этого следственного действия. Как и можно было ожидать, он заявил, что никого не опознает, хотя от внимания присутствующих не ускользнуло, что опознающий избегает встречаться взглядом с находящимся среди предъявляемых одним из преступников. Последний, услышав отрицательный ответ опознающего, неожиданно для него воскликнул, смеясь: “Хватит дурочку-то валять, не узнаешь, — как же! Глянь-ка еще раз на того, кого водой поил, когда тебя шмонали!” Окончательно растерявшийся потерпевший через силу выдал: “Это ложь, я вас не знаю”, — чем вызвал новый взрыв хохота уже многих присутствующих.

Немедленно после опознания следователь (опять-таки неожиданно для потерпевшего) провел очную ставку его с участником преступления. Тот в своих показаниях привел настолько убедительные доказательства присутствия потерпевшего при самочинном обыске, что последнему ничего не оставалось, как признать факт случившегося. В дальнейшем это стало одним из оснований доказательства причастности его самого к совершению преступления — хищению денежных средств в крупных размерах.

Значительное психологическое воздействие может оказать неожиданный допрос. Имеется в виду воздействие самого факта допроса, которого допрашиваемый вообще не ожидал, полагая, что ему удалось не оказаться в сфере внимания органа расследования. Это в первую очередь, разумеется, относится к участникам преступления, но может касаться и свидетелей, и даже потерпевших, по каким-то причинам не желающих огласки их причастности к преступлению в данном качестве.

С последним обстоятельством следователю иногда приходится сталкиваться по делам об изнасиловании. Стремиться всячески избежать огласки может как сама потерпевшая под влиянием боязни народной молвы о происшедшем с нею, так и ее родственники — по той же причине или из-за опасения, что следственные процедуры еще больше травмируют пострадавшую. При неожиданном для таких лиц допросе необходимо учитывать и по возможности максимально устранять травмирующие воздействия подобной тактики допроса на психику потерпевших и вероятные негативные последствия их внезапного вызова на допрос.

Внезапность применения тактического приема, неожиданного для лица, противостоящего расследованию, обеспечивается наличием условий, способствующих его эффективности. Наиболее популярной в следственной практике разновидностью такого приема является внезапно задаваемый в процессе допроса вопрос, неожиданный в данной ситуации для допрашиваемого. Действенность такого приема достигается созданием соответствующей атмосферы допроса путем применения других тактических приемов. В сочетании с внезапным вопросом они образуют тактическую комбинацию, в которую может, например, входить такой упоминавшийся в предыдущей главе прием, как “допущение легенды”. Допрашиваемому предоставляется возможность излагать беспрепятственно ложные объяснения по предмету допроса, создавая впечатление, что они убеждают следователя. Этому способствуют и задаваемые следователем вопросы, характер которых должен укрепить допрашиваемого во мнении, что его показания произвели требуемое впечатление.

В данной обстановке у допрашиваемого, удовлетворенного достигнутым эффектом, наступает эмоциональное расслабление, снимается напряженность. Именно в этот момент ему внезапно задается вопрос, который свидетельствует, что он обманулся в своих ожиданиях и следователь вовсе не введен в заблуждение его ложными показаниями. Естественно, неожиданность такого вопроса, разрушающего все надежды допрашиваемого, может решающим образом изменить его позицию и побудить к даче правдивых показаний.

Другим тактическим приемом, преследующим те же цели отвлечения внимания допрашиваемого, служит уже упоминавшийся косвенный допрос. Суть его заключается в том, что следователь задает ряд вопросов, “неопасных” с позиции допрашиваемого. Когда его внимание отвлечено, следует внезапно задаваемый неожиданный вопрос, относящийся к главному моменту допроса. Этот прием иногда сочетают с другим, который именуют форсированием темпа допроса. Вопросы, по-прежнему “неопасные”, не требующие от допрашиваемого обдумывания, задаются ему во все ускоряющемся темпе. Выбрав нужный момент, следователь задает внезапно неожиданный для допрашиваемого вопрос.

Вместо внезапной постановки неожиданного вопроса может быть использован (тоже неожиданно) другой тактический прием. Он состоит в том, что после выслушивания ложных показаний допрашиваемого следователь описывает реальную картину события, демонстрируя тем самым свою полную осведомленность о происшедшем и тщетность попыток ввести его в заблуждение. Этот прием особенно эффективен, если

предшествующим ходом допроса у допрашиваемого формируется убеждение в неосведомленности следователя.

Рассказ следователя может представлять собой описание события без приведения подтверждающих фактических данных или с указанием на них.

Так, по делу В., обвиняемого и нескольких убийствах и изнасилованиях, следователь подробно описал его действия при совершении преступления. Сделал он это внезапно, перебив излагавшего свою легенду допрашиваемого. В ходе рассказа следователь сообщил В., что при обыске его квартиры были обнаружены вещи и ценности потерпевших, опознанные их родственниками. И хотя других доказательств, подтверждающих рассказ следователя, не имелось на момент допроса, ему удалось создать у допрашиваемого впечатление, что все уже подтверждено собранными доказательствами его вины.

Допрашиваемый был явно удручен, он замкнулся и перестал отвечать на вопросы. Тогда следователь прервал допрос и внезапно для В. предъявил его для опознания оставшимся в живых потерпевшим. Он был уверенно опознан ими всеми. Это произвело на В. сильнейшее впечатление, он попросил прекратить проведение других следственных действий и признался не только в совершении расследуемых преступлений, но и рассказал о тех, которые следствию не были известны.²¹

Не меньшее, а иногда и более сильное воздействие на допрашиваемого оказывает, как правило, внезапное предъявление ему предметов или материалов, имеющих доказательственное значение. Неожиданность их предъявления для допрашиваемого может быть следствием его убеждения в том, что эти "вещдоки" были уничтожены им или кем-то по его просьбе, или они вообще не существуют, или что с их помощью ничего нельзя доказать.

Пример неожиданного предъявления вещественных доказательств во время допроса приведен следователем В. В. Крыловым по делу о гибели получателя почтовой посылки, в которую было вмонтировано самодельное взрывное устройство. После многочисленных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, производства квалифицированной взрывотехнической экспертизы следствие вышло на некоего К., племянника жены погибшего. При планировании его допроса использовали осведомленность следствия об обстоятельствах изготовления взрывного устройства и его конструктивных особенностях, почерпнутую из заключения взрывотехнической экспертизы. Учитывая честолюбивый характер К., предполагалось, ссылаясь на техническую оригинальность устройства, "разговорить" его в нужном направлении.

²¹ *Станкевич И. С.* Формы и методы помощи прокурора-криминалиста следователям при расследовании убийств и изнасилований. — Следственная практика, вып. 149, М., 1986, сс. 71-75.

В начале допроса К. вообще отказался отвечать на вопросы, касающиеся дела, настаивал на своем алиби. Тогда разговор перевели на обнаруженные при обысках сделанные им электро- и радиоизделия, формулируя вопросы с подчеркнутым уважением к техническим знаниям и умениям К. Тот разговорился и рассказал, что изготовил для отца обогреватель из металлической болванки с ребрами. Неожиданно его внимание обратили на лежащие на столе и накрытые бумагой осколки оболочки взрывного устройства, скрепленные пластилином в единое целое, и сказали: "А вот и вторая болванка". Посмотрев на вещественное доказательство и получив разрешение взять его в руки, К. заявил: "Я рассчитывал, что ее именно так и разорвет..." — и стал внимательно рассматривать осколки. В этот момент ему задали вопрос: "А чем, интересно, были сделаны поперечные нарезы на болванке?" Он ответил: "Ножовкой". Тут К. спохватился и стал снова отрицать свою причастность к преступлению, но вскоре дал правдивые показания²².

А. В. Дулов назвал такой тактический прием, оказывающий сильное психическое воздействие на обвиняемого, "эмоциональным экспериментом". Он пишет: "Это действие является экспериментом по той причине, что следователь специально создает условия, при которых резко изменяется эмоциональное состояние допрашиваемого, часто влекущее за собой и определенные физиологические реакции. Эмоциональным же эксперимент именуется в связи с тем, что цель его — выявление изменений в эмоциональном состоянии, последующий анализ и использование в допросе этого выявленного изменения... Чем больше событие преступления переживается, сохраняется в памяти обвиняемого (в силу раскаяния или в силу страха перед разоблачением), тем большее эмоциональное воздействие на него будет оказывать информация, напоминающая об этом событии, особенно в том случае, если он не знает о наличии ее в распоряжении следователя, если считает, что эта информация начисто разрушает его линию защиты от предъявляемого обвинения"²³.

Как уже говорилось, внезапность в форме постановки неожиданных для допрашиваемого вопросов была оценена особенно отрицательно М. С. Строговичем²⁴. "Эмоциональный эксперимент" вызвал столь же резкие оценки со стороны И. Ф. Пантелеева, чему в немалой степени, как нам кажется, способствовал сам предложенный А. В. Дуловым термин, который едва ли можно признать удачным. "Нужно ли пояснять, — пишет И. Ф. Пантелеев, — что подобные "эксперименты" способны "вы-

²² Крылов В. В. Версия, основанная на данных взрывотехнической экспертизы, подтвердилась. — Следственная практика, вып. 139, М., 1983, сс. 76-85.

²³ Дулов А. В. Судебная психология. Минск, 1975, сс. 322-323.

²⁴ Проблемы судебной этики, сс. 16-17.

звать возбуждение, бледность, пот и тем более страх скорее у невинного лица, чем у действительного преступника? И где тот провидец, который был бы способен расшифровать кривую страха, бледности или потоотделения и сказать, “причастен” обвиняемый к делу или нет?”²⁵

Более сдержанно, но не менее категорично высказывался по этому поводу Б. Н. Звонков, который делал акцент на том, что речь идет об эксперименте над человеком, и продолжал: “Возможность применения указанных приемов допроса представляется спорной не столько потому, что в состоянии стресса изменяются функциональные возможности человека, сколько по соображениям недопустимости нарушения морального суверенитета личности”²⁶, — а позднее счел нужным добавить к этому, что в основе подобных приемов “лежит принцип утилитарной эффективности, который не может не повлечь за собой утрату чувства меры при выборе тактических приемов допроса”²⁷.

Но, критикуя “эмоциональный эксперимент”, И. Ф. Пантелеев, как это следует из той же статьи, сознательно игнорирует выдвинутое А. Р. Рапиновым и другими учеными такое требование, предъявляемое к подобным тактическим приемам, как избирательность воздействия. Дело именно в том, что возбуждение, бледность, пот, страх и т. п. предъявленное доказательство вызовет как раз у действительного преступника, а не у невинного человека, на которого никак не может повлиять вид старой сумки или поношенных туфель. Что же касается оценки психофизиологических реакций, то ни А. В. Дулов, ни кто-либо другой из ученых, насколько нам известно, не кладет ее в основу решения вопроса о причастности и не придает этим реакциям доказательственного значения.

Очень трудно назвать работу по тактике допроса, в которой бы не рекомендовалось внезапное предъявление при допросе доказательств²⁸. Мы же определенно присоединяемся к мнению Л. Е. Ароцке-

²⁵ **Пантелеев И. Ф.** Некоторые вопросы психологии расследования преступлений, с. 226.

²⁶ **Звонков Б. Н.** Этические аспекты тактики допроса. — В кн.: 50 лет советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия. Л., 1972, с. 57.

²⁷ **Звонков Б. Н.** Проблемы этики и психологии расследования. — В кн. Актуальные проблемы государства и права, кн. 1. Краснодар, 1976, с. 127.

²⁸ Положительно оценивается этот прием в таких, например, работах, как: **Карнеева Л. М., Ордынский С. С., Розенблит С. Я.** Тактика допроса на предварительном следствии. М., 1958, с. 140; **Кертес И.** Тактика и психологические основы допроса. М., 1965, с. 161; **Карнеева Л. М., Соловьев А. Б., Чувилов** см. след. стр.

ра, что “многолетний опыт применения этих тактических приемов на предварительном следствии и в судебном разбирательстве является достаточной гарантией проверки правомерности их применения как с процессуальной, так и с этической точек зрения”²⁹.

О. Я. Баев описал группу неожиданных для допрашиваемого тактических приемов, использование которых позволяет добиться должного результата. Он назвал их приемами “демонстрации возможностей расследования” для:

- ◆ а) получения доказательств, изобличающих допрашиваемого, путем производства определенных следственных действий (допросов, очных ставок и т. п.);
- ◆ б) применения научных методов расследования и производства различных видов экспертиз.³⁰

Для иллюстрации О. Я. Баев приводит пример из практики прокурора-криминалиста Э. Б. Межиковского о раскрытии двух убийств. Не имея к моменту допроса подозреваемого в них А. заключений назначенных экспертиз, следователь решил провести предварительное исследование вещественных доказательств, а подозреваемого сделать его “участником”. Об этом неожиданно для последнего было ему сообщено, что вызвало у него заметное волнение.

Изъятый при осмотре квартиры А. плащ участника расследования стали тщательно осматривать в присутствии его владельца. Обратили внимание на меловое пятно около правого рукава, причем рассуждали о механизме его образования. Включившись в разговор, А. заявил, что испачкал плащ мелом у себя в коридоре, когда пьяный возвращался домой. Было принято решение о немедленном изъятии соскобов мела в коридоре и комнате его квартиры. На вопрос А., зачем все это делается, ему разъяснили, что судебно-химическая экспертиза сможет определить происхождение мела на плаще — из его квартиры или с места происшествия. Затем лист растения, изъятый из кармана плаща А., сопоставили с образцами листьев акации с того же места убийства и сообщили А. о достижениях в области биологической экспертизы. Такая “демонстрация” возможностей криминалистики сыграла свою роль: А. изменил первоначальную позицию и последующими показаниями способствовал установлению истины.

А. А. Допрос подозреваемого и обвиняемого. М., 1969, с. 46; **Доспулов Г. Г.** Психология допроса на предварительном следствии. М., 1976, с. 79; **Карнеева Л. М.** Тактические приемы допроса обвиняемого. — Труды ВШ МВД СССР, № 32, М., 1971, с. 173; **Закатов А. А.** Тактика допроса потерпевшего. Волгоград, 1976, с. 49.

²⁹ **Ароцкер Л. Е.** О соотношении процессуальных, тактических и этических начал в следственных действиях. — В кн.: 50 лет Советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия. Л., 1972, с. 54.

³⁰ **Баев О. Я.** Тактические приемы “демонстрации возможностей расследования”. — Следственная практика, вып. 120, М., 1978, сс. 85-90.

По соотношению проявлений первой и второй сигнальных систем И. П. Павлов различал три типа людей. Лиц, у которых более активизируется первая сигнальная система, он относил к “художественному” типу. Людей с преобладанием второй сигнальной системы — к “мыслительному”, а остальных — к “среднему” типу³¹.

“Люди “художественного” типа, — пишет Н. П. Хайдуков, — характеризуются повышенной эмоциональностью, яркостью восприятий, наглядно-образной памятью, богатством воображения, которое преобладает над абстрактным мышлением. Реальные доказательства, факты, чувственно отражаемые “художником”, могут быть использованы как действенные средства, позволяющие изменить поведение и деятельность такого типа в нужном направлении”³².

Так, по делу об убийстве у знакомых одного из обвиняемых Д., характеризовавшегося повышенной эмоциональной восприимчивостью, был изъят саквояж с вещами жертвы, в котором среди прочих предметов была колода гадальных карт. Поскольку Д. был уверен, что эти вещи надежно им спрятаны и следователем обнаружены быть не могут, его допрос построили следующим образом. Из колоды карт отобрали ту, на которой был изображен крест с надписью: “Видеть во сне крест — значит скоро умереть”. Карту положили на стол с тем расчетом, чтобы Д., войдя в кабинет следователя, обязательно ее увидел. И действительно, как только в кабинет ввели Д., его взгляд сразу же упал на карту. Он словно оцепенел, даже не смог назвать следователю свою фамилию и все смотрел, как замороженный, на карту. Когда его спросили, откуда эта колода, он, не отвечая на вопрос, попросил бумагу, чтобы самому изложить, как было совершено преступление.

В отличие от “художников”, “мыслители” более подвержены влиянию абстрактных понятий, теоретических положений, логических рассуждений и выводов. Именно в отношении их эффективно может быть использована упомянутая “демонстрация возможностей расследования”.

“При воздействии на таких участников расследования, — отмечает и Н. П. Хайдуков, — научное обоснование заключения эксперта, мнение специалиста, рассуждения следователя о причинах и последствиях преступных деяний могут оказаться более продуктивными, чем обращение к конкретным образам”³³. На них может произвести нужное воздействие внезапное сообщение значимой информации, наличия которой у следователя они никак не ожидали. Особенно сильное впечатление на таких

³¹ Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М., 1951, с. 464.

³² Хайдуков Н. П. Тактико-психологические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц. Саратов, 1984, с. 99.

³³ Там же.

лиц производит детальное описание следователем механизма события, если оно опирается на достоверно установленные факты и создает у подследственного представление о всесторонней осведомленности следователя.

Среди приемов, основывающихся на использовании фактора внезапности, надо упомянуть и такой, который заключается в сообщении подследственному в тактически правильно выбранный момент о существовании лица или объекта, о которых, по его представлению, никто другой не мог знать или которые должны были находиться вне пределов досягаемости следователя. Таким приемом является, например, сообщение о задержании соучастника, о присутствии которого на месте события, по мнению подследственного, постороннее лицо не должно было даже подозревать, или о появлении очевидцев, которые могут опознать обвиняемого, или об оставшемся в живых потерпевшем.

Подобный пример приводит А. Б. Соловьев. Некий К. совершил покушение на убийство Е., нанеся ему несколько ножевых ранений, на территории ИТК, где оба они отбывали наказание. Затем К. доставил Е. в санчасть, заявив, что подобрал его раненым. При этом К. был уверен, что от полученных ранений Е. умрет. Свою причастность к преступлению он категорически отрицал, держась уверенно и вызывающе.

Между тем выдвинутые в ходе расследования версии о совершении данного деяния другими лицами не подтвердились, но и серьезных доказательств вины К. также не было. Действия подозреваемого исключали возможность использования в качестве доказательств имевшихся на нем следов крови. Пальцевых отпечатков на рукоятке ножа не было, но в любом случае К. мог сослаться на то, что дотрагивался до него при обнаружении потерпевшего.

В результате оказанной медицинской помощи и последующего лечения Е. остался жив, однако потерял дар речи и возможность писать. Такое его состояние, как предполагали врачи, могло продлиться несколько месяцев.

О том, что потерпевший жив, К. не сообщалось. У него сложилось впечатление, что Е. скончался и теперь уже нечего бояться разоблачения.

Следователь, чтобы побудить К. дать правдивые показания, решил попытаться сформировать у него мнение, будто Е. не только жив, но и дает уличающие К. показания. С этой целью во время очередного допроса К. на столе среди бумаг было положено несколько фотографий потерпевшего, на которых он был запечатлен вместе со следователем. К. сразу же увидел снимки, и все его внимание сконцентрировалось на них. Следователь же спокойно вел допрос. К. не выдержал и спросил, что это лежит среди бумаг. Следователь с безразличным видом что-то ответил и продолжал допрашивать подозреваемого.

Далее К. уже не мог сдерживать себя и попросил показать снимки. После его неоднократных и настойчивых просьб следователь, наконец, разрешил посмотреть их. Было заметно, что допрашиваемый потрясен, но ничего не сказал следователю, который тоже ничего не говорил ни о фотографиях, ни о Е., а просто закончил допрос и

отпустил К. На следующем допросе К. дал правдивые показания и признался в покушении на убийство Е.³⁴

Безусловно, варианты использования подобного тактического приема, основанного на факторе внезапности, различны. Особенно эффективным может быть неожиданное участие живого потерпевшего, задержанного соучастника, неизвестного подозреваемому очевидца в следственных действиях, проводимых в присутствии подозреваемого. Такими следственными действиями могут быть: очная ставка; предъявление для опознания; проверка и уточнение показаний на месте преступления; следственный эксперимент и т. д.

Выбор тактически верного момента для использования фактора внезапности, обеспечивающего неожиданность воздействия на лицо, противодействующее следствию, может быть результатом превосходства следователя над преступником в способности мысленно воссоздавать реальную картину развития того или иного события. Именно такая ситуация возникает в процессе розыска скрывшегося обвиняемого или подозреваемого. Следователь как бы моделирует ход мыслей данного лица, представляя, как бы он сам, вероятнее всего, поступил в этом случае.

При использовании следователем фактора внезапности надо учитывать степень тактического риска, заключающегося в предвидении и допущении возможности негативных последствий осуществляемых действий. Тактический риск может выразиться, например, в том, что неожиданное для подозреваемого предъявление его для опознания свидетелю-очевидцу окажется безрезультатным либо соучастник на неожиданно проведенной очной ставке изменит свои правдивые показания на ложные и т. п.

Если при действиях в ситуации риска негативные последствия предотвратить или хотя бы свести до приемлемых пределов не удалось, следует признать, что данный вариант использования фактора внезапности не достиг цели. Естественно, повторная попытка его реализации в аналогичной ситуации или с аналогичными средствами предприниматься не должна. Возможен лишь иной вариант действий с учетом всех допущенных ошибок и коренным образом отличающийся от предшествующего.

Это отнюдь не означает, что следователь, осознавая рискованность предстоящих действий, должен обязательно отказаться от них. Исполь-

³⁴ Соловьев А. Б. Совершенствовать производство допросов на предварительном следствии. — Следственная практика, вып. 119, М., 1978, сс. 52-53.

зование фактора внезапности всегда связано с риском, но возможный “выигрыш” следствия, как правило, его оправдывает.

9.3. Учет воздействия фактора внезапности на деятельность следователя

Ранее уже указывалось, что в процессе расследования необходимо учитывать возможность воздействия фактора внезапности и на самого следователя. Это может проявиться как в неожиданных для него действиях противостоящей стороны, так и в неожиданном возникновении новых обстоятельств, изменяющих следственную ситуацию (получение свежей информации, изменение показаний проходящими по делу лицами и т. п.). Отмечалось также, что следователь должен находиться в состоянии постоянной готовности к подобным неожиданностям. Но ясно, что следователь, как и любой человек, под влиянием ситуации может не сразу найти правильное решение, наконец, просто растеряться, упустить время для эффективных ответных действий.

Конечно, дать следователю исчерпывающие рекомендации о том, как надо поступать в каждом подобном случае, нереально. Речь может идти лишь о рекомендациях более или менее общего характера, рассчитанных на относительно типичные ситуации. Суть их заключается в раскрытии возможности предвидения неожиданного. Существенный интерес здесь представляют вопросы, связанные с природой этого феномена, его значимостью в следственной практике.

Особенно важно предвидение следователем поведения проходящих по делу лиц, особенно находящихся на позициях противостоящей ему стороны. По этому поводу А. В. Дулов пишет: “Обязательным является предварительное построение следователем мысленной модели поведения участника во время предстоящего следственного действия. При построении ее принимаются во внимание: результаты изучения личности; объем информации, которой, вероятно, располагает данный участник; предполагаемое воздействие на него условий и общений; информация, которую будет получать лицо в процессе следственного действия; психическое состояние, которое может наступить у участника в результате всех этих воздействий; возможность выполнения функции при сложившихся условиях и наступившем психическом состоянии. Прогнозирование

ние поведения участников следственного действия — обязательный этап психологической подготовки”³⁵.

Феномен рассматриваемого предвидения, как правило, основывается на коллективном или личном опыте следователя. Именно опыт коллективной следственной практики обычно побуждает его принять меры против возможной попытки подследственного уничтожить те или иные предъявляемые ему доказательства (такие случаи нередки) либо неожиданно напасть на следователя и т. п.

Предвидение может быть результатом рефлексии следователя. В условиях конфликтной ситуации противоборствующие субъекты стараются предвосхитить поведение противостоящей стороны и принять соответствующие меры противодействия. Так, “лицо, совершившее преступление, исходит из учета возможных способов и приемов, применяемых следователем, старается их затруднить и сделать безрезультатными. В свою очередь, следователь исходит из учета возможных способов совершения и сокрытия преступления, стараясь установить скрываемые факты, парализовать сопротивление заинтересованных лиц, обеспечить наказание виновного”³⁶. Иногда предвидение следователя носит интуитивный характер.

Обладание способностью предвидения позволяет следователю составить представление о рискованности предпринимаемых им действий и заблаговременно принять меры к минимизации тактического риска, если его нельзя избежать совсем. В подобной ситуации ничего неожиданного для следователя не будет. Например, он не может не предвидеть, что на очной ставке определенный субъект, ранее давший правдивые показания, может их изменить. В расчете на такую “неожиданность” следователь должен строить тактику очной ставки. При выходе с обвиняемым на место происшествия он обязан предвидеть возможную его попытку совершить побег. Внезапность действий противостоящей стороны перестает, таким образом, быть неожиданностью для следователя, и он уже готов к нейтрализующему их реагированию.

Внезапным может быть и изменение следственной ситуации, не связанное с действиями противостоящей следователю стороны. Как отмечалось, ситуация может внезапно измениться при неожиданном получении следователем какой-то важной, значимой информации. Ее источ-

³⁵ **Дулоев А. В.** Основы психологического анализа на предварительном следствии. Минск, 1973, с. 120.

³⁶ **Ратинов А. Р.** Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике. — В кн.: Правовая кибернетика. М., 1970, с. 188.

никами могут быть: любое лицо, проходящее по делу или до того неизвестное следователю; оперативный работник; результаты следственного действия. Эта информация может потребовать от следователя:

- ◆ а) выдвижения новой версии, дающей иное направление расследованию и неожиданно изменяющей правовое положение проходящих по делу лиц со всеми вытекающими отсюда последствиями (например, потребовалось немедленно освободить задержанного или, наоборот, задержать лицо, считавшееся ранее свидетелем);
- ◆ б) немедленного производства тех или иных следственных действий, осуществление которых потребует неожиданного для следователя изменения планируемой работы, оперативного и безотлагательного решения возникших новых задач;
- ◆ в) осуществления фактически без надлежащей подготовки сложной оперативно-тактической комбинации с немедленным привлечением оперативных работников, специалистов и других лиц, нередко ранее со следователем не взаимодействовавших.

Готовность к подобным «крутым поворотам» в ходе расследования формируется не только в процессе профессиональной подготовки следователя, но и на практике путем приобретения им опыта действий в аналогичных ситуациях. В итоге такая готовность становится одним из качеств, характеризующих хорошего следователя, подлинного профессионала.

Одна из форм проявления фактора внезапности, которая может отразиться на ходе расследования, есть внезапный для следователя срыв каких-то планируемых действий или мероприятий. Это чаще всего происходит по техническим или организационным причинам: из-за неявки вызванных свидетелей, непредоставления транспорта для выезда с обвиняемым на место происшествия и т. п. Конечно, возможность самих фактов и вероятные последствия подобных срывов вполне поддаются предвидению и не должны заставить опытного следователя врасплох, однако для молодого следователя, еще не достигшего достаточного уровня профессионализма, такой срыв может быть полной неожиданностью.

9.4. Влияние фактора внезапности на полноту и достоверность доказательственной информации

В процессе расследования преступлений фактор внезапности воздействует не только на поведение, решения и действия следователя и противодействующей ему стороны. Его влияние необходимо также учитывать при оценке полноты и достоверности доказательственной информации, полученной в результате производства следственных действий. Речь идет прежде всего о той информации, которую содержат показания участника или очевидца расследуемого события.

Известно, что процесс формирования показаний имеет несколько стадий. Первую из них называют восприятием. Эта стадия «представляет собой создание определенных представлений, образов на основании совокупности ощущений, синтезированных в мыслительных процессах. Говоря о стадии восприятия, надо иметь в виду, что в своих показаниях участники процесса свидетельствуют не только о наблюдении объектов. Восприятия могут касаться и динамики события, действий того или иного лица. Наконец, очень часто объектом восприятия являются собственные действия лица, которое дает показания»³⁷. На полноту и адекватность восприятия характеру события влияют многочисленные факторы. Среди них одно из важнейших мест занимает фактор внезапности самого события, обуславливающий неожиданность последнего для тех или иных субъектов.

Событие может оказаться неожиданным:

1. Для всех его участников и очевидцев. Эта ситуация характерна для многих транспортных происшествий. Особенно часто — для дорожно-транспортных столкновений, наездов и т. п. Событие при этом, как правило, характеризуется не только внезапностью, но и быстротечностью, кратковременностью.

Внезапность и, как следствие, неожиданность события есть тот объективный фактор, который существенно влияет на его восприятие участниками и очевидцами. Особенности такого процесса определяются тем, что восприятие происходит в результате непроизвольного внимания, привлеченного действием определенного раздражителя — самого события или связанных с ним обстоятельств.

Как отмечает Н. И. Гаврилова, «особенностью непроизвольной формы внимания является то, что оно возникает без предварительного соз-

³⁷ Дулов А. В. Судебная психология. Минск, 1975, с. 301.

нательного намерения. Чем вызывается произвольное внимание и что обычно привлекает к себе людей? Это необычность предмета, события, странная форма, цвет, общий вид и компоновка, несоответствие предмета обстановке, непривычное положение, несоответствие размера, интенсивность раздражителя. Вызывает произвольное внимание также и то, что контрастирует или согласуется с психическим состоянием человека”³⁸.

При произвольном внимании его объекты специально не выбираются, у субъекта нет заранее поставленной цели. Отсюда и результаты произвольного внимания в целом значительно беднее, чем внимания произвольного, и могут таить в себе значительно больше ошибок и искажений. Это, конечно, не означает, что восприятие при произвольном внимании вообще не может содержать отражения существенных для дела обстоятельств. В силу особенностей обстановки, роли в событии, психического состояния его участника и иных причин восприятие и при произвольном внимании может оказаться достаточно полным, конкретизированным и адекватным воспринятому.

Следует также учитывать, что неожиданно начавшееся событие не всегда скоротечно и кратковременно. Оно может длиться какой-то период, в течение которого (во всяком случае для его очевидцев, а иногда и участников) произвольное внимание заменяется произвольным. “Если в ходе восприятия происходит осознание свидетелем смысла и значения происходящего, то произвольное внимание, вызванное необычностью события или интенсивностью раздражителя, может перейти в произвольное, целенаправленное внимание, повышая качество восприятия в целом”³⁹.

Конечно, неожиданные, быстротечные и кратковременные события воспринимаются неполно и менее детально. Экспериментально установлено, что при этом лучше запоминаются признаки, приметы и особенности более яркие, заметные, необычные, а также те, которые обращают на себя внимание субъекта в силу его профессиональных качеств и знаний.

2. Для потерпевших, некоторых участников и очевидцев.

Здесь речь идет о таких ситуациях, обычных на практике, когда преступное событие происходит неожиданно лишь для потерпевших и некоторых связанных с происшествием лиц. Другие же субъекты становятся участниками события уже в его ходе, позднее.

³⁸ Гаерилова Н. И. Ошибки в свидетельских показаниях. М., 1983, с. 36.

³⁹ Там же, с. 37.

Например, в городском парке трое подвыпивших парней, сидевших на скамейке, нарочито громко в нецензурных выражениях «комментировали» внешний вид и облик проходивших мимо них посетителей парка. Неподалеку от них сидел молодой человек с девушкой. Когда мимо парней проходил пожилой человек, один из них внезапно подбежал к нему и в наглой форме потребовал сигарету. Тот ответил, что не курит. Тогда хулиган ударил его по лицу, повалил на землю. Его товарищ также подскочил к лежавшему и нанес ему удар ногой. В этот момент сидевший с девушкой юноша вмешался в происходящее. Несколько приемами самбо он свалил на землю обоих нападавших и удерживал зачинщика до прихода милиционера.

Можно сделать вывод: в данной ситуации все происшедшее было неожиданностью только для потерпевшего. Очевидцы же событий (в том числе и юноша, который активно вмешался в происходившее) в той или иной степени, судя по поведению хулиганов, были подготовлены к их подобным действиям.

Типичным примером того, как событие, неожиданное для других, не является таковым для одного из очевидцев, служит практика действий оперативных сотрудников, ведущих поиск и задержание карманных воров. Наблюдая за действиями подозрительного субъекта, оперативный работник прослеживает его, начиная от подготовки к совершению кражи и до момента покушения на нее или ее совершения, а затем задерживает преступника с поличным. Для потерпевшего и других граждан, присутствующих в месте кражи, событие, развернувшееся внезапно, оказывается совершенно неожиданным.

3. Для потерпевших (при отсутствии очевидцев события).

Эта ситуация характерна для многих разбойных нападений, изнасилований, убийств. Восприятие события преступления оставшимися в живых потерпевшими зависит от психологических черт их личности и эмоционального состояния в момент нападения. «Особенно отрицательно, — отмечает А. А. Закатов, — сказывается на восприятии событий чувство страха. Оно не только притупляет память, но и угнетающе действует на всю психику человека, на его интеллектуальную деятельность, снижает волю, нравственный самоконтроль и критическое отношение к окружающему, препятствует правильной оценке обстановки происшествия»⁴⁰. Все это необходимо учитывать при допросе таких потерпевших. Тактические приемы корректировки их показаний, оживления в их памяти воспринятого детально изложены в специальной литературе.

⁴⁰ Закатов А. А. Тактика допроса потерпевшего. Волгоград, 1976, с. 26.

Влияние фактора внезапности на достоверность доказательственной информации имеет еще одно проявление, которое необходимо учитывать при производстве отдельных следственных действий. Речь идет об учете этого влияния, прежде всего, при следственном эксперименте, достоверность результатов которого зависит от возможности воспроизведения неожиданности исследуемого события для его участников.

Типичными примерами подобных экспериментов служат опыты, направленные на определение возможности вовремя остановить транспортное средство при внезапном возникновении на проезжей части препятствия, например, пешехода. «Камнем преткновения» здесь является невозможность практически воспроизвести неожиданность возникновения препятствия. Как известно, участникам эксперимента необходимо сообщить его цель, проинструктировать о действиях, которые им предстоит совершить, а согласно закону экспериментальные действия не должны создавать угрозу для жизни и здоровья данных лиц.

В результате следователь не в состоянии выполнить важнейшее тактическое условие эксперимента — добиться максимального сходства подлинной и воспроизводимой обстановки события. Довольствуясь производством опытов с макетом препятствия, он может получить только вероятные выводы. Лишь в том случае, когда результаты эксперимента не зависят от необходимости информировать участника опыта о его содержании, они могут приобрести доказательственное значение (например, при проверке возможности восприятия того или иного факта, явления).

Ранее уже упоминалась такая форма использования фактора внезапности, как неожиданное для лиц, противостоящих следователю, производство следственного действия. Теперь же необходимо ответить на вопрос: надо ли обеспечивать неожиданность следственного действия для других его участников, например для опознающего или того участника очной ставки, который дает правдивые показания? Однозначного ответа на этот вопрос дать не удастся.

Можно допустить, что внезапным может быть лишь момент проведения следственного действия, но не сама неожиданность его производства. Так, правдивому участнику очной ставки совсем не обязательно знать, в какой момент расследования она будет проведена. Вряд ли следует и скрывать от него, что такое действие будет предпринято. В ряде случаев — наоборот, следует заранее психологически готовить его к очной ставке, укреплять решимость в отстаивании своей позиции. То же может потребоваться и в отношении опознающего. Таким образом,

эти действия для оказанных субъектов неожиданными в принципе не становятся.

При производстве же иных следственных действий (допроса или проверки показаний на месте происшествия, получения образцов для сравнительного исследования, осмотра и т. п.) на психологические процессы добросовестных их участников, стремящихся содействовать установлению истины, фактор внезапности дезорганизующего влияния, как правило, не оказывает. Да и необходимости в его использовании не возникает. Если же по тактическим соображениям он в данной ситуации используется против лиц, оказывающих противодействие следователю, и может оказать негативное влияние на добросовестных участников расследования, то возникает задача нейтрализовать это негативное влияние, приняв необходимые меры, то есть минимизировать допустимый тактический риск.

10. ПРОБЛЕМА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТЕХНИКИ И МЕТОДИКИ ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ

10.1. О сетевом методе планирования расследования

Под техникой планирования расследования преступлений понимают обычно внешнее (материальное) выражение мысленного плана действий следователя, то есть материализацию его тактического замысла о характере и очередности проведения следственных действий и организационно-технических мероприятий, взаимодействию со специалистами, оперативными работниками, представителями общественности. Вопросы, относящиеся к технике планирования: виды и формы планов, виды вспомогательной плановой документации и т. п., в отечественной криминалистике разработаны достаточно подробно, рекомендованы различные формы письменных планов процесса расследования в целом, его отдельных этапов, следственных действий; существуют рекомендации по разработке календарных планов работы следователя по группе дел, планов работы бригады следователей, отражающие положения науки управления и научной организации труда следователя¹.

¹ См., например: **Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А.** Планирование расследования преступлений. М., 1957; **Ларин А. М.** Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., 1970; **Порубов Н. И.** Научная организация труда следователя. Минск, 1970; **Дубровицкая Л. П., Лузгин И. М.** Планирование расследования. М., 1972; **Сергеев Л. А., Сося-Серко Л. А., Якубович Н. А.** Планирование расследования. М., 1975; **Антипов В. П.** Системы версий, типичных при планировании следствия по отдельным категориям уголовных дел. М., 1981; **Антипов В. П.** Планирование расследования в проблемных ситуациях. М., 1983; Справочник следователя, вып. 2. М., 1990; Организация и планирование деятельности следственных бригад. М., 1990; см. след. стр.

Многолетняя следственная практика подтвердила жизненность одних рекомендаций по технике планирования, усовершенствовала другие, отвергла третьи. Совершенно естественно при этом, что время от времени в литературе появляются новые предложения, относящиеся к усовершенствованиям в области техники планирования расследования. Иногда эти предложения не встречают должной критической оценки и порой создается иллюзия их актуальности и ценности для практики. Примерно такая ситуация сложилась в отношении предложения о применении при планировании расследования преступлений метода сетевого планирования и управления (СПУ).

Насколько нам удалось установить, впервые вопрос о применении метода сетевого планирования и управления при расследовании преступлений был поставлен А. П. Сыровым в работах 1966-1968 гг.² В одной из них он утверждал, что “методы СПУ целесообразно применять при организации расследования сложного многоэпизодного дела обычно бригадой следователей под руководством одного из них. Однако СПУ может применяться при расследовании любого другого дела и даже как метод планирования и организации расследования нескольких дел, находящихся в производстве следователя”³.

В 1967 г. о СПУ в следственной деятельности упомянул А. Р. Ратинов. Он писал: “Одним из крупных достижений научной организации труда за последние годы является так называемая система сетевого планирования. Она позволяет оптимально связывать деятельность различных исполнителей и даже коллективов, участвующих в решении общей задачи, выявлять неувязку и несогласованность их планов, своевременно обнаруживать и устранять “узкие” места подобной кооперации, контролировать ход работы и активно влиять на него. Сетевые графики — вещь вполне применимая при расследовании, для планирования работы следственных бригад и даже индивидуальной работы по

соответствующие главы в учебниках по криминалистике 1993-1995 гг. и др. работы.

² **Сыров А. П.:**

- Общие методы и научные основы тактики следственных действий. — Вестник МГУ, сер. *Право*, 1966, вып. 5, с. 41;
- Применение сетевого графика при планировании и организации расследования сложного уголовного дела. — В кн.: Организация работы следователей, вып. 1. М., 1968;
- Сетевое планирование и управление в расследовании уголовных дел. — В кн.: Проблемы правовой кибернетики. М., 1968.

³ **Сыров А. П.** Сетевое планирование и управление в расследовании уголовных дел, с. 152.

большим и сложным делам”⁴. В подтверждение своей мысли А. Р. Ратинов ссылался на работы о применении СПУ в промышленности. В 1968 г. за СПУ в расследовании высказался А. А. Герасун⁵.

В 1970 г. появились сначала обширная статья А. П. Сырова, а затем монография А. М. Ларина “Расследование по уголовному делу. Планирование, организация”, в которых излагалось содержание метода сетевого планирования и высказывались рекомендации по его применению в следственной практике⁶.

В изложении этих авторов метод сетевого планирования выглядит в общих чертах следующим образом.

Одним из основных понятий СПУ является **сетевая модель плана** или сетевой график. Кружками, квадратами и другими геометрическими фигурами на модели плана обозначают события, а соединяющими их стрелками — работы. Графическое изображение последовательно соединенных событий называется **путем**.

Работой обозначается любой трудовой процесс, требующий затрат времени и ресурсов, а также и пассивный процесс, не требующий затрат труда, но отнимающий время, например, ожидание ответа на запрос. Работой в СПУ именуют и простую зависимость, то есть логическую связь между операциями. Это так называемая холостая или **фиктивная** работа, поскольку она не требует никаких затрат. Ожидание и холостая работа обозначаются на графике пунктирными стрелками. Под событием в СПУ понимается итог какой-то деятельности. Это промежуточный этап на графике. **Длиной** пути называется сумма длительностей всех работ, входящих в состав этого пути. **Критический путь** — это путь с максимальной длиной.

Для построения сетевой модели предварительно составляется полный перечень работ. В перечне указывается номер работы, ее наименование, длительность и номера непосредственно следующих работ.

Пути, состоящие из цепочки работ, требующих меньшего суммарного времени по сравнению с критическим путем, называют некритическими. Сравнение некритических путей с критическим позволяет получить представление о резервах времени, под которым в СПУ понимают раз-

⁴ Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967, с. 152.

⁵ Герасун А. А. Бригадный метод расследования в советском уголовном процессе. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1968, сс. 17-18.

⁶ Сыров А. П. О возможностях сетевого планирования в расследовании преступлений. — В кн.: Правовая кибернетика. М., 1970; Ларин А. М. Указ. раб.

ницу между продолжительностью критического и любого некритического пути.

По мнению А. П. Сырова и А. М. Ларина, сетевое планирование процесса расследования имеет следующие преимущества перед существующими формами планирования:

- ◆ СПУ позволяет четко сформулировать все промежуточные цели и задачи, ведущие к достижению основной цели расследования или производства следственного действия;
- ◆ СПУ дает возможность выявить и с достаточной степенью детализации отразить действия и мероприятия, совершение которых необходимо и достаточно для достижения заданной цели;
- ◆ СПУ отражает и наглядно представляет зависимости между действиями и мероприятиями, их логическую структуру;
- ◆ СПУ делает возможным обоснованное прогнозирование тех действий и мероприятий, сроки проведения которых определяют срок расследования или производства следственного действия в целом, выявляя тем самым заблаговременно “узкие места” в плане и позволяя более эффективно использовать ресурсы, в частности, ресурсы времени;
- ◆ с помощью СПУ можно систематически корректировать план и таким путем практически реализовать принцип динамичности планирования;
- ◆ расчет параметров сетевого графика позволяет получить ответы на такие важные вопросы, как например: насколько раньше планируемого срока возможно начать и насколько позднее допустимо закончить проведение какого-либо действия, чтобы уложиться в запланированные общие сроки; где найти необходимый резерв времени, каков размер этого резерва; можно ли изменить сроки или продолжительность данного следственного действия, чтобы остался без изменения запланированный срок начала следующего за ним следственного действия?

Эти качества СПУ позволяют, по мнению А. П. Сырова, устранить недостатки традиционных способов планирования, заключающиеся, “во-первых, в том, что они, включая (как и СПУ) перечень действий и мероприятий, не отражают в должной мере и достаточно наглядно их взаимосвязи. Во-вторых, организационные решения в календарных графиках принимают как бы застывшую форму и вскоре после начала реализации плана перестают отражать фактическое состояние дела. Недостаточная гибкость традиционных моделей плана ограничивает возможность **прогнозирования** и **предсказуемости** дальнейшего хода расследования

или следственного действия. Кроме того, календарные способы не могут отразить ту **неопределенность**, которая свойственна следственной работе; состав действий и мероприятий, их сроки иногда включаются без достаточного обоснования, без расчета времени”⁷. О преимуществах СПУ перед традиционными методами планирования расследования А. П. Сыров писал и в своей кандидатской диссертации⁸.

Н. А. Селиванов также рекомендует сетевое планирование, “благодаря чему структура планируемой деятельности приобретает наглядность, что помогает обеспечить наибольшую полноту круга подлежащих выполнению мер и наилучшую очередность их осуществления”⁹. О возможности применения сетевого планирования пишет Л. Я. Драпкин¹⁰. Сетевое планирование упоминает и Н. П. Яблоков, но, не вдаваясь в детали, замечает: “Подобная форма плана весьма наглядна, но техника его составления более сложна, требует более длительного времени и специальных навыков”¹¹.

Видели ли инициаторы предложения о применении СПУ в расследовании преступлений какие-либо недостатки этого метода, затрудняющие реализацию их предложения? Скорее всего, нет, потому что отмечаемые ими трудности использования СПУ в следственной практике оказались, по их мнению, легко преодолимыми.

Эффективность СПУ, как это легко заметить по его описанию, зависит от точности временных оценок планируемых работ. Собственно, на этом и базируется в конечном счете весь метод. Отмечая, что в следственной деятельности возможность детерминированных оценок времени при планировании ограничена и в большинстве случаев эти оценки усугубляются в условиях полной неопределенности, А. П. Сыров считал, что “преимуществом СПУ является именно учётывание такой неопределенности, чего не происходит при других методах планирования”¹². Этот учёт осуществляется в СПУ применением вероятностного метода

⁷ **Сыров А. П.** О возможностях сетевого планирования в расследовании преступлений, с. 199.

⁸ **Сыров А. П.** Проблемы научных основ тактики следственных действий. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1969, с. 8.

⁹ Справочник следователя, вып. 2, М., 1990, сс. 12-17.

¹⁰ Криминалистика. Под ред. И.Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. М, 1994, с. 239.

¹¹ Криминалистика. Под ред. Н. П. Яблокова. М. 1995, с. 116.

¹² **Сыров А. П.** О возможностях сетевого планирования..., с. 209.

оценки продолжительности работ, рекомендуемого как вполне удовлетворительный и А. М. Лариным¹³.

Вторая трудность, возникающая при использовании СПУ при расследовании и отмеченная А. М. Лариным, заключается в сложности этого метода. Но и эта трудность, по его мнению, вполне преодолима. “Нет спора, СПУ — метод не из простых, — писал он. — Он требует новых знаний, вдумчивости, кропотливости. Но ведь сложны и расследуемые преступления. Сложны и требования, предъявляемые к качеству следствия. Этой возросшей сложности следственной работы и соответствует современный прогрессивный метод СПУ. В наиболее трудных случаях к составлению и анализу сетевых графиков при планировании расследования может быть привлечен специалист”¹⁴.

А. П. Сыров, в свою очередь, для приспособления методов СПУ к следственному планированию считал необходимым, помимо решения организационных, учебно-методических и других связанных с внедрением СПУ вопросов, обеспечить следственный аппарат счетной техникой и техническим вспомогательным персоналом, который, наряду с другой работой, осуществлял бы просчет параметров сетевых графиков, разгрузив следователей для творческой работы по расследованию преступлений¹⁵. В сложных случаях, например при расследовании большого многоэпизодного дела, когда график должен включать сотни “работ” и “событий”, А. П. Сыров в перспективе видел возможность использования для расчетов параметров сетевой модели электронных цифровых вычислительных машин. По его мнению, “здесь возникает еще совершенно не разработанная в криминалистической литературе проблема применения кибернетики в следственной практике”¹⁶.

Сложность СПУ отмечают и А. А. Герасун, С. Н. Чепуркин, И. М. Шапиро. В связи с этим они рекомендуют организовать подготовку в каждом следственном аппарате одного-двух специалистов, которые могли бы оказывать помощь следователям, и прежде всего, руководителям бригад, в применении этого метода по сложным и трудоемким делам¹⁷.

¹³ Ларин А. М. Указ. раб., сс. 131-132.

¹⁴ Ларин А. М. Указ. раб., с. 146.

¹⁵ Сыров А. П. О возможностях сетевого планирования..., с. 211.

¹⁶ Сыров А. П. Сетевое планирование и управление в расследовании уголовных дел. — В кн.: Проблемы правовой кибернетики. М., 1968, сс. 152-153.

¹⁷ Герасун А. А., Чепуркин С. Н., Шапиро И. М. О возможности применения сетевого планирования в расследовании уголовных дел. — В кн.: Вопросы судебной экспертизы, вып. 12. Баку, 1971, с. 209.

Мы специально столь подробно остановились на изложении взглядов безоговорочных сторонников применения СПУ в расследовании преступлений, ибо без этого было бы невозможно оценить реальность и практическую целесообразность их предложений.

О возможностях применения СПУ в расследовании в работах, вышедших после появления указанных статей А. П. Сырова, А. А. Герасуна и других и монографии А. М. Ларина, пишут двояко. Одни авторы несколько декларативно констатируют целесообразность применения этого метода, никак не аргументируя свою точку зрения или просто ссылаясь на прогрессивный характер СПУ. Таковы, например, высказывания Н. А. Якубович¹⁸ и И. Ф. Крылова¹⁹. Другие ограничиваются сдержанно осторожными оценками, отмечая некоторые уязвимые места СПУ применительно к процессу расследования. “Метод сетевого планирования в расследовании преступлений, — пишет Н. И. Порубов после указания на ряд препятствующих применению СПУ обстоятельств, — может найти применение, как нам представляется, в случаях, когда существенные обстоятельства дела выяснены (известен конечный результат — кто совершил преступление) и работа следователя заключается в оформлении уголовного дела, процессуальной обработке доказательств”²⁰, то есть, по существу, тогда, когда работа следователя в значительной мере утрачивает поисковый, творческий характер.

Исключение составляет лишь позиция А. Н. Васильева, которому “использование СПУ в расследовании представляется спорным, потому что в нем превалируют элементы сокращения сроков работы, ее беспребойность, которые в расследовании не являются главными, определяющими качество работы. В СПУ нельзя предусмотреть творческий элемент следственной работы, определить заранее потребное количество допросов, их продолжительность и т. д. По-видимому, СПУ может быть применено лишь в случаях, когда необходимо проделать заранее известный большой объем работы и сократить ее сроки, а само расследование заключается в производстве ревизии, бухгалтерских и крими-

¹⁸ Руководство для следователей. М., 1971. сс. 102-103.

¹⁹ Криминалистика. Л., 1976, с. 300. Свой вывод о возможности применения СПУ в расследовании И. Ф. Крылов заключает словами: “Применение сетевого планирования способствует ритмичности работы следователя и сокращению сроков расследования, однако составление его требует особой подготовки, а иногда и личного участия специалиста”.

²⁰ **Порубов Н. И.** Научная организация труда следователя. Минск, 1970, с. 224.

налистических экспертиз, по материалам которых будет ясно, кто и какие преступления совершил”²¹.

Прежде чем перейти к изложению своей позиции по рассматриваемому вопросу, посмотрим, на основе какого практического материала делают свои положительные выводы сторонники СПУ в расследовании.

А. М. Ларин в своих выводах опирается на одно дело о хищениях²², А. А. Герасун, С. Н. Чепуркин, И. М. Шапиро упоминают о применении СПУ также по одному делу, и притом на этапе окончания расследования²³. А. П. Сыров демонстрирует преимущества СПУ в своей диссертации на условном примере начала расследования дела о хищении²⁴. Л. Д. Самыгин разрабатывает свой модифицированный вариант сетевого графика, о котором речь будет идти далее, на материалах архивных уголовных дел, то есть по данным уже проведенного расследования²⁵. Все это позволяет нам сделать вывод, что говорить о положительной апробации СПУ следственной практикой и даже о сделанных “первых шагах по применению сетевого метода в расследовании преступлений” (Н. А. Якубович) нет достаточно серьезных оснований и по меньшей мере преждевременно.

Правда, в литературе нам встретился пример использования сетевого метода планирования по “живому” делу. Д. И. Сулейманов описывает процесс использования сетевого метода при расследовании дела о хищении. На начальном этапе расследования специалисты рассчитали параметры сетевого графика на ЭВМ (сколько времени продолжалась эта процедура с учетом необходимости разработки для нее специальной программы, автор не сообщает²⁶). Расследование продолжалось с сентября 1978 г. по конец февраля 1979 г. и велось бригадой следова-

²¹ **Васильев А. Н.** Следственная тактика. М., 1976, сс. 166-167.

²² **Ларин А. М.** Указ. раб., с. 146.

²³ **Герасун А. А., Чепуркин С. Н., Шапиро И. М.** Указ. раб., с. 203.

²⁴ **Сыров А. П.** Проблемы научных основ тактики следственных действий. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1969, с. 8.

²⁵ **Самыгин Л. Д.** Графическая форма плана расследования уголовного дела. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 14. М., 1971, с. 127.

²⁶ Справедливости ради, отметим, что программы расчета сетевых графиков в настоящее время достаточно стандартны, но суть наших возражений, как читатель уже понял, совсем в другом.

телей. За это время сетевой график дополнялся и пересоставлялся 5 раз. Каждый раз это делали специалисты с использованием ЭВМ²⁷.

В этой статье автор полемизирует с нами по поводу трудностей при составлении сетевого графика. Он пишет, что наше мнение о невозможности на начальном этапе с достаточной полнотой предусмотреть предстоящие следственные действия преувеличено, поскольку «точность, с какой этот перечень составляется при календарном планировании, вполне устраивает и метод СПУ», забывая свои же слова о том, что уже «на исходе первой недели возникла необходимость существенно дополнить график»²⁸. Он не считает препятствием и необходимость пересоставления графика время от времени, и невозможность точно определить затраты времени на производство следственных действий, поскольку их «продолжительность определяется на основании опыта следователя»²⁹. Однако доводы Д. И. Сулейманова не смогли поколебать наших убеждений в этой области.

Мы полагаем, что на пути применения СПУ в следственной практике существуют следующие препятствия, которые в настоящее время (и, пожалуй, даже в будущем) либо существенно ограничивают сферу применения этого метода планирования расследования, либо вообще вызывают серьезные сомнения по поводу возможности его использования.

I. Краеугольным камнем сетевого планирования является перечень предстоящих работ. Однако по сложным многоэпизодным делам составить на начальном этапе расследования такой перечень с нужной для СПУ точностью нам представляется невозможным. Нельзя определить заранее не только количество необходимых допросов, как правильно считает А. Н. Васильев, но и всех других следственных действий. Следственной практике известно, насколько иллюзорными могут оказаться расчеты следователя получить нужную информацию от «верного» свидетеля, даже не потому, что он ею не располагает (хотя возможен и просчет подобного рода), и не потому, что не хочет передать ее следователю (известно, что и это не редкость), а в силу неспособности передать эту информацию, неумения выразить свои мысли, описать увиденное и т. п. Но такой оказавшийся безрезультатным или мало результативным допрос влечет за собой попытки следователя восполнить пробел в системе источников доказательств, поиск новых свидете-

²⁷ Сулейманов Д. И. Опыт применения метода сетевого планирования при расследовании крупного хищения. — Вопросы борьбы с преступностью, вып. 41, М., 1984, сс. 63-68.

²⁸ Там же, с. 65.

²⁹ Там же, с. 67.

лей и т. п., что никак не предусматривалось сетевым графиком, поскольку расчет делался на достаточность запланированного допроса. Практически таким образом может быть исход любого запланированного следственного действия.

Где же выход? Планировать, не принимая в расчет возможность неуспеха, бессмысленно: при первой же неудаче весь сложный сетевой график пойдет насмарку. Планировать на всякий случай дублирующие действия также бессмысленно, поскольку они могут и не понадобиться, а могут понадобиться совсем не те, которые планируются. Кроме того, при таком дублировании подрывается сама идея сетевого графика, так как не удастся рассчитать потребное для данной работы время и в конечном счете выявить имеющиеся резервы.

Очевидно, что этих опасностей можно избежать лишь на самой завершающей стадии расследования, когда уже не приходится ждать никаких неожиданностей, твердо определен круг оставшихся процессуальных действий. Но нужен ли в этом случае вообще сетевой график? Не проще ли обойтись одним из традиционных способов планирования окончания работы по делу, не требующим ни сложных расчетов, ни привлечения специалистов для его составления?

Сказанное можно дополнить словами Н. И. Порубова: «Весьма сложно формализовать и смоделировать содержание и последовательность следственных действий, способность к предвидению, интуицию, волю, творческий поиск — компоненты, определяющие успех расследования»³⁰. А ведь и от этого в немалой степени зависит содержание требуемого СПУ перечня работ и их расположение на графической модели.

II. Не менее важной для сетевого планирования представляется очередность запланированных операций, их связь друг с другом. В некоторых случаях решение этого вопроса не представляет трудностей, так как подчиняется определенной логике процесса доказывания. Совершенно очевидно, например, что получение образцов для сравнительного исследования должно предшествовать соответствующей экспертизе, задержание — личному обыску, предпринимаемому с целью обнаружить у обыскиваемого личное, допрос — проверке и уточнению показаний на месте. Но, видимо, суть проблемы заключается не в этих азбучных примерах. Да и эти примеры хороши для иллюстрации планирования процесса проверки одной версии. А если проверяется несколько версий?

Мы планируем в первую очередь проведение таких следственных действий, которые, по нашему представлению, являются средством проверки нескольких версий, увязываем в сетевом графике эти действия с

³⁰ Порубов Н. И. Научная организация труда следователя, сс. 223-224.

теми, которые логически будут вытекать из них, если наши расчеты верны; но неожиданно терпим фиаско. Запланированное следственное действие дает материал лишь по одной версии. Следуя требованию одновременной проверки всех выдвинутых версий, мы срочно вносим дополнения в план, предусматривая новые следственные действия, а в итоге вновь самым варварским образом ломаем стройный вначале сетевой график.

Кстати, по поводу правила или требования одновременной проверки версий можно заметить следующее. Это требование, трактуемое буквально, иногда встречается в литературе. Так, Н. И. Порубов пишет, что «при планировании следует исходить из того, что эпизоды сложного дела нужно отрабатывать последовательно или небольшими группами, **версии — одновременно...**». И далее: «поскольку проверка версий производится **одновременно...**»³¹ (выделено нами — **Р. Б.**). Чаще, правда, пишут о параллельной проверке версий, но очень редко при этом оговариваются, что параллельность следует понимать как недопущение больших разрывов во времени между следственными действиями по каждой версии, равномерную работу по всем версиям³². Между тем именно в этом и должен заключаться смысл требования «одновременной» проверки версий.

Более того, нам представляется, что нельзя категорически отрицать и осуждать последовательную проверку версий. Фактически, если по делу работает один следователь, он по логике вещей проверяет в первую очередь наиболее вероятную (с его точки зрения) версию (или версии), не имея возможности одновременно вести следствие во всех направлениях. Естественно, что он не должен выпускать из виду и иные версии, но резонно допустить, что проверка в первую очередь самой вероятной версии может обеспечить быстрое раскрытие преступления, а этим никак нельзя пренебрегать. Очевидно, это вопрос факта, решение которого зависит от конкретной следственной ситуации и, может быть, в решающей степени от опыта и интуиции следователя, позволяющих ему с наименьшей погрешностью определить наиболее вероятную версию³³.

³¹ **Порубов Н. И.** Научная организация труда следователя, сс. 219-221.

³² О параллельной проверке версий писали А. Н. Васильев, Г. Н. Мудьюгин, Н. А. Якубович (Планирование расследования преступлений. М., 1957), И. М. Лузгин (Построение и проверка версии при производстве расследования по уголовному делу. — Вопросы криминалистики, № 8-9. М., 1963), А. М. Ларин, Л. А. Сергеев, Л. А. Соя-Серко и многие другие.

³³ Мы предвидим возражения против такого допущения и тем не менее полагаем, что этот принцип при определенных условиях предпочтительнее принципа *см. след. стр.*

Резюмируя сказанное, можно заключить, что и определение жесткой очередности предполагаемых действий, “работ”, без чего невозможно сетевое планирование, в ходе расследования часто носит лишь приближительный характер, да и то не на весь процесс расследования.

III. Третий “кит”, на котором держится СПУ, — знание продолжительности предстоящих работ. Здесь одно из самых уязвимых мест идеи применения СПУ в расследовании, что чувствуют и авторы предложения.

Как уже указывалось, затруднения с определением продолжительности предстоящих следственных действий сторонники СПУ полагают возможным преодолеть путем предложения вероятностной системы исчисления этих величин.

Прежде чем раскрыть содержание вероятностного метода, А. П. Сыров отметил, что “в криминалистической литературе нет указаний о технике, приемах точного определения продолжительности запланированных действий. В большинстве случаев полагались на интуицию и опыт следователя. В то же время следователю предлагается точно указывать сроки отдельных действий в плане. При таких условиях плановые сроки неизбежно определяются “волевыми” методами, а потому они нередко не соблюдаются и только компрометируют идею планирования”³⁴. После такого заявления логично ожидать, что вероятностный метод лишен этих недостатков, что субъективный фактор в нем не играет никакой роли при определении продолжительности планируемых работ. На деле, оказывается, все обстоит совсем не так.

В стохастических, то есть вероятностных, системах оценка продолжительности выполнения некоторой операции основывается на учете трех оценок: оптимистической оценки t_{\min} (минимально возможный период времени, в течение которого может быть выполнена данная операция), обратной ей пессимистической оценки t_{\max} и реалистической или наиболее вероятной оценки $t_{\text{вер}}$, то есть наиболее часто встречающейся при данных условиях. Кто же дает эти оценки и на каком основании?

“Количественные показатели оптимистической, пессимистической и реалистической оценок длительности следственных действий ввиду отсутствия объективных нормативов следователь определяет, исходя из личного опыта, а также используя опыт товарищей по работе. Эти же показатели в отношении ревизий и экспертиз следователь устанавлива-

параллельной проверки, что подтверждается практикой раскрытий преступлений по горячим следам.

³⁴ Сыров А. П. О возможностях сетевого планирования в расследовании преступлений, с. 208.

ет путем опроса исполнителей — ревизоров и экспертов³⁵. Но ведь это и есть именно то, что А. П. Сыров осудил как “волевой” метод, используемый при традиционных способах планирования. И здесь и там в основе лежит опыт следователя, его интуиция, только при традиционных способах следователь исходит сразу из реалистической оценки, а в СПУ — из ожидаемой длительности действия, определяемой по специальной формуле³⁶.

Как показывают расчеты, расхождение между реалистической оценкой и расчетным ожидаемым временем, определяемым по вероятностной формуле, практически таково, что при планировании им можно пренебречь. Так, предположим, что реалистическая оценка продолжительности предстоящего допроса составит 2,5 ч., оптимистическая — 1,5 ч., а пессимистическая — 3 ч. По формуле, предлагаемой А. М. Лариным, ожидаемая длительность d составит:

$$d = (1,5 + 4 \cdot 2,5 + 3) / 6 = 2 \text{ ч. } 25 \text{ мин.}$$

Но дело заключается еще и в том, что даже наиболее вероятная реалистическая оценка может существенно разойтись с фактической длительностью проведенного действия из-за воздействия таких факторов, которые следователь даже не мог предвидеть, например, значительного опоздания свидетеля на допрос, непредвиденного изменения

³⁵ Ларин А. М. Расследование по уголовному делу..., сс. 131-132.

³⁶ Отметим, что в вопросе оценки средней продолжительности операции в изученных нами источниках нет единодушия. Так, если эксперт (в нашем случае — следователь, ревизор, эксперт) дает три априорные оценки: t_{\min} — оптимистическую оценку длительности, t_{\max} — пессимистическую и $t_{\text{вер}}$ — наиболее вероятную, по его мнению, то в качестве оценки средней длительности операции обычно используется линейная форма типа

$$t = (a_1 t_{\min} + a_2 t_{\text{вер}} + a_3 t_{\max}) / (a_1 + a_2 + a_3) \quad (1),$$

где a_1 , a_2 , a_3 — некоторые “весовые” коэффициенты. Классические труды по СПУ и PERT обычно рекомендуют формулу, дающую значение оценки

$$t = (t_{\min} + 4 t_{\text{вер}} + t_{\max}) / 6 \quad (2),$$

уделяющую основное внимание $t_{\text{вер}}$. В то же время А. П. Сыров и А. А. Герасун, С. Н. Чепуркин, И. М. Шапиро вообще не учитывают возможность получения от эксперта оценки $t_{\text{вер}}$ и обрабатывают лишь оценки t_{\min} и t_{\max} . Причем если А. П. Сыров предлагает формулу $t = (3 t_{\min} + 2 t_{\max}) / 5$, то авторы упомянутой статьи рекомендуют для оценки величины t несколько иную формулу: $t = (2 t_{\min} + 3 t_{\max}) / 5$. Думается все же, что оценка, учитывающая $t_{\text{вер}}$, более точна, ибо именно $t_{\text{вер}}$ эксперт способен оценить точнее, в отличие от t_{\min} и t_{\max} , оцениваемых, как правило, более приблизительно и в силу этого играющих в формулах (1) и (2) роль поправок.

линии поведения обвиняемого, задержки с освобождением помещения, где должен быть проведен следственный эксперимент, и пр.

Если традиционные способы планирования позволяют в подобных случаях сравнительно безболезненно нейтрализовать эти задержки, предусмотрев запасные варианты действий следователя, то сетевой график такой возможности не дает вследствие жесткой детерминации его элементов, внесение же необходимых коррективов в сетевой график может потребовать его существенной переделки, а следовательно, таких затрат времени, которые потребуют существенной компенсации за счет исключения из графика каких-то запланированных действий и т. д. По нашему мнению, сетевой график обладает очень большой чувствительностью по отношению к подобным ситуациям, меньшей гибкостью, нежели традиционные способы планирования.

IV. Заслуживает внимания довод, который привел Н. И. Порубов. «Метод СПУ требует знания конечного результата, способов решения промежуточных задач. Расследование же, как правило, начинается «с нуля», когда только известен факт, результат преступного действия, от которого надо идти к установлению лица, совершившего преступление. Расследование обращено в себя, а не вперед, к предстоящему³⁷, то есть нужно проделать путь, обратный тому, который прошел преступник. На этом пути встретятся самые неожиданные обстоятельства, которые могут изменить ход расследования в самом непредвиденном направлении. Поэтому заранее построить графически весь путь расследования невозможно даже с учетом допусков и поправок, предусматриваемых этим методом»³⁸. Об этом же говорил, как указывалось, А. Н. Васильев, считающий, что СПУ не может отразить творческий (добавим — поисковый) характер расследования.

Нам могут возразить, что цель расследования всегда известна заранее: это установление истины. Но эта цель настолько обща, что ее знание еще не позволяет определить, каким путем следует идти к ней и какими средствами она будет достигнута. Знания же наши об этом пути и средствах в начале расследования столь же общи, как и знание цели; и даже в тех случаях, когда следователь располагает типовой программой действий в виде криминалистической методики, ему еще предстоит приспособить ее к данному конкретному случаю, то есть проделать оп-

³⁷ Здесь, как нам кажется, мысль автора выражена недостаточно точно. Расследование обращено не «в себя», а вовне, его движение — это движение вперед, к поставленной цели, а вот предмет его — прошлое, событие, уже происшедшее; метод познания — ретросказание.

³⁸ **Порубов Н. И.** Научная организация труда следователя, с. 223.

ределенные поисковые и творческие операции, которые едва ли могут быть исчерпывающе предусмотрены в сетевом графике.

V. Наконец, не следует упускать из виду и общепризнанную сложность СПУ. Фактически все криминалисты, которые поддерживают идею использования этого метода планирования, считают необходимым для составления сетевых графиков в сложных случаях (а для простых, по их же признанию, СПУ использовать нецелесообразно) привлекать специалистов, обоснованно полагая, что следователю самому не справиться с этой работой. Требуемого количества таких специалистов нет, хотя, разумеется, их можно подготовить. Но нужно ли и, главное, реально ли это? Мы воздерживаемся от положительного ответа на эти вопросы.

Сложность составления сетевого графика, необходимость затрат на его разработку значительных усилий и времени чревата еще одной существенной опасностью для следствия. Мы имеем в виду приверженность однажды составленному плану действий, порой безотчетное стремление сохранить план, составление которого было долгим и трудным делом, без изменений, пренебречь необходимостью внесения в него требуемых жизнью поправок. Это подметил еще Ганс Гросс, мысли которого по этому поводу представляют интерес и сегодня.

«Нельзя сравнивать план следствия с теми планами, которые составляются для предприятий, всецело состоящих в зависимости от воли человека, — писал он. — План следствия рассчитан на явления подвижные, изменяющиеся, часто совершенно неизвестные и отнюдь не зависящие от воли составителя плана. Такой план нельзя сравнивать с чертежом для постройки дома и можно сравнить лишь с планом предстоящей войны... Этому плану надо следовать энергично, пока данные, на которых он был построен, остались те же или даже получили более осязательную форму. Но как только окажется, что основные данные изменились или были ложно поняты, то и план должен быть изменен весь или в частях. Что это так, представляется естественным и понятным, но не в природе человека так легко отступать от составленного однажды плана... Если трудно начертать план следствия и не менее трудно руководствоваться им при дальнейшей работе, то понятно, что отказаться от него нелегко не только сознательно, но и тогда, когда работа ведется механически. Таким образом, может случиться так: следствие ведется по плану, которого держатся с самой щепетильной точностью, но основные положения этого плана или изменились, или давно уже оказались неправильными, так что все здание, воздвигнутое по этому плану, если и не оказалось совершенно висящим в воздухе, то во

всяком случае вышло косым, готовым рухнуть... Поэтому в большинстве случаев легче и вернее составлять план по возможности несложный³⁹.

Л. Д. Самыгин предпринял попытку упростить, с его точки зрения, и сделать нагляднее сетевой график. В качестве исходных он выдвинул следующие положения:

а) «словесная» форма плана следствия не в полной мере соответствует принципу динамичности планирования, необходимости постоянно оценивать изменяющуюся обстановку, постоянно корректировать план. Поэтому наряду с этой традиционной формой целесообразно составлять наглядную графическую модель расследования;

б) для создания графических моделей расследования вполне могут быть применены основная идея и некоторые правила построения сетевых графиков;

в) с целью придания графической модели большей наглядности целесообразно дополнить основные правила построения сетевых моделей графическими приемами, позаимствованными из военной тактики и топографии. Следственные действия и розыскные мероприятия должны изображаться стрелкой соответствующей формы, результаты следственных действий — полученные доказательства — условными знаками в кружках или квадратах, направления расследования соответствуют версиям⁴⁰.

Проверка этих положений была осуществлена построением графической модели по материалам архивного уголовного дела. Судя по описанию, процесс построения графической модели оказался весьма сложным и, главное, трудоемким, однако вопреки этим очевидным фактам Л. Д. Самыгин утверждал, что «такой графический план расследования значительно проще, меньше по объему, удобнее, а главное, гораздо нагляднее «словесно-описательного» плана»⁴¹. На это А. Н. Васильев резонно заметил: «Преимущество такого плана сомнительно, потому что множество разных знаков трудно запомнить и их легко перепутать»⁴². Сомнительная наглядность графического плана, по нашему мнению, никак не окупается тем трудом, который требуется для его составления и постоянного отражения на нем существующего положения дел.

Метод сетевого планирования может быть применен, по нашему мнению, в расследовании только тогда, когда ожидаемый от этого результат оправдывает усилия и время, затрачиваемые на составление

³⁹ **Гросс Г.** Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908, сс. 19-20.

⁴⁰ **Самыгин Л. Д.** Указ. раб., сс. 122-125.

⁴¹ Там же, с. 131.

⁴² **Васильев А. Н.** Следственная тактика, с. 167.

сетевого графика, а сам график несложен. С нашей точки зрения, это возможно и целесообразно только в одном случае: при работе бригады следователей, каждому из которых выделен свой участок в виде эпизода преступной деятельности. Под “работой” в таком графике будет подразумеваться вся совокупность действий того или иного следователя по расследованию этого эпизода, а простой сетевой график позволит показать связь этих “работ” между собой и по очередности и последовательности выполнения тех процессуальных действий, которые являются общими для дела в целом. Большого от этого графика не следует ни требовать, ни ожидать, не следует его рассматривать и как замену традиционно составленного плана расследования.

Говоря о различных формах планов расследования, предлагаемых в литературе, Ю. А. Кукушкин в работе “Общие вопросы организации следственной работы”⁴³ справедливо отметил, что проблема заключается не в создании какой-то универсальной формы плана, что вообще принципиально ошибочно, а в том, что многие следователи свою работу по делам не планируют вовсе, какие бы формы планов им ни рекомендовали. “Планирование должно облегчить, а не затруднять работу следователя, — пишет он, — поэтому без особой нужды не следует усложнять и процесс планирования. Стремление навязать следователю, порой без достаточных на то оснований, сложную форму плана расследования, требующую значительных затрат времени, вызывает, как правило, отрицательную психологическую реакцию, доходящую иногда до отрицания письменных планов вообще... Внедрять принудительно какую бы то ни было форму плана следствия по делу нельзя” (с. 23-25). Этими словами мы и закончим рассмотрение проблемы сетевого планирования расследования преступлений.

10.2. О программировании расследования преступлений

Проблема методически обоснованной систематизации действий следователя получила свое решение уже на раннем этапе формирования криминалистической методики как раздела криминалистической науки. Сам термин “методика” был введен в научный и практический обиход В. И. Громовым в 1929 г. Раскрывая содержание

⁴³ Кукушкин Ю. А. Общие вопросы организации следственной работы. Волгоград, 1975.

понятия методики, он писал: “Указание тех или других методов для какой-либо области исследования или работы и правил применения их, равно как и объяснение значения этих методов, условий их применения и их научное обоснование относится к той области научных знаний, которую принято называть методологией или методикой”⁴⁴, далее он разъяснил, что “под методами в области расследования преступлений следует понимать все те допускаемые законом, выработанные наукой или практикой и проверенные на опыте способы и приемы, которые способствуют достижению практической задачи исследования преступления и обнаружения его виновников”⁴⁵. Базируясь на этих положениях, В. И. Громов предлагает типовую схему построения методики расследования, предлагая в ней “выделить важнейшие основные моменты процесса расследования, которые являются как бы отдельными этапами в движении уголовного дела и которые требуют применения тех или других особых методов работы в зависимости от стадии или фазиса, в котором находится расследуемое дело...”, затем “изложить сущность и значение отдельных процессуальных “следственных” действий, предпринимаемых органами милиции и уголовного розыска в целях собирания и установки доказательств, и в связи с этим указать наиболее правильные общие методические приемы при выполнении этих действий...”, после чего “указать методы построения выводов и заключений из фактов, которые являются решающими для каждого уголовного дела и определяют его дальнейшее направление”, и наконец “дать образцы методики расследования отдельных видов общественно опасных деяний путем построения примерных планов расследования по этим делам”⁴⁶.

Как известно, по этим схемам примерно и строились первые частные криминалистические методики. Впоследствии, по мере разработки основ криминалистической методики, содержание частных методик усложнялось, объем содержащейся в них информации увеличивался, методики “обрастали” научными комментариями, дискуссионными положениями и различными вспомогательными данными. Использование их непосредственно при работе по конкретному уголовному делу становилось все затруднительнее, адаптация частной методики к обстоятельствам реального случая требовала все более трудоемких процедур. Некоторое время проблему пытались разрешить с помощью издания различных справочников — от справочников типа “Первоначальные следственные

⁴⁴ Громов В. И. Методика расследования преступлений. М., 1929, с. 15.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, с. 27.

действия” до справочников по отдельным действиям: по осмотру места происшествия, по допросу и т. п.⁴⁷ Однако эти справочники при всей их положительной роли не могли способствовать оперативному решению возникающих задач в условиях дефицита времени. Руководства по методике расследования тех или иных видов преступлений, методические и практические пособия по частным криминалистическим методикам все более вытеснялись в сферу криминалистического образования и переставали быть практическими инструментами следственной работы.

Упрощению процесса оценки исходной информации, определения направлений расследования и выдвижения версий в известной степени способствовали исследования Л. Г. Видонова, Н. А. Селиванова, Л. А. Соя-Серко по установлению корреляционных зависимостей между элементами криминалистической характеристики по делам об убийствах. Результаты этих исследований демонстрировались в виде схем или кодовых таблиц типовых версий⁴⁸. Постепенно умами ученых, работающих в области криминалистических методик, все больше овладевала идея разработки лаконичных программ действий следователя в зависимости от вида расследуемого преступления, исходной информации и складывающихся следственных ситуаций.

Исследования Л. Г. Видонова, к сожалению, не имели столь же усердных последователей. В литературе звучали высказывания о том, что криминалистическая характеристика преступления может иметь практическое значение лишь при условии исчисления указанных зависимостей, однако разработок, аналогичных названным, нам более не встречалось. Зато появились утверждения, сводящие на нет работы Л. Г. Видонова. По мнению А. М. Ларина, работы Видонова завели его в тупик, но “прозрение, осознание тупика к нему пришло поздно — после нескольких лет изучения дел. В тот момент ему можно было посочувствовать. Но сочувствие его не устраивало. Он хотел славы — участия в конференциях, публикаций, ученых степеней. Речи и печатную продукцию Л. Г. Видонов оснащал учеными словами — “матрицы”, “доминирующие характеристики”, “стереотипы”, “аналоговая типологическая информация”, “алгоритмический анализ”, утаивал объем наблюдений, подменяя мизерные абсолютные цифры процентными показателями, оперировал приспособ-

⁴⁷ *Селиванов Н. А., Теребилев В. И.* Первоначальные следственные действия. М., 1969; *Колл. авторов.* Осмотр места происшествия. М., 1982; *Виноградов И. В., Кочаров Г. И., Селиванов Н. А.* Экспертизы на предварительном следствии. М., 1967 и др.

⁴⁸ Например, кодовую таблицу типовых версий по делам об убийствах Н. А. Селиванов разработал с использованием эмпирических данных Л. Г. Видонова.

собленными примерами”, — то есть, говоря простым языком, попросту жульничал, выдавал за подлинные мошеннические результаты. А. М. Ларин не рискнул употребить эти слова, он интеллигентно заключил: “Все это — верные признаки паракриминалистики, с которой прочно связал свое имя Л. Г. Видонова”⁴⁹.

Остается предположить, что, видимо, Ларин был близок с Видоновым настолько, что тот поверял ему свои сокровенные мечты о славе, степенях и т. п. А Ларин, очевидно, по своей врожденной любви к истине и справедливости не мог не разоблачить его коварных устремлений, не заметив, что попутно он “вывел на чистую воду” и Н. А. Селиванова, и Л. А. Соя-Серко, и большой коллектив сотрудников НИИ Генеральной прокуратуры РФ, занимавшийся разработкой программ, аналогичных программированным схемам Л. Г. Видонова и Н. А. Селиванова.

Нам претит обличительный стиль “poleмических” приемов Ларина, которые мы приводим лишь для того, чтобы читатель мог окончательно убедиться в каком-то патологическом стремлении Ларина низвести всех “инакомыслящих” до уровня шарлатанов, карьеристов и фальсификаторов.

Мы не задаемся целью проверки эмпирической базы программ Л. Г. Видонова и других авторов аналогичных программ. Дело не в конкретных показателях корреляционных зависимостей между элементами криминалистической характеристики, а в том, что этот подход, с нашей точки зрения, методически верен и разработка подобных программ должна основываться именно на нем. Именно подобным образом должны выглядеть программы построения типичных версий. Однако эти программы — не единственный вариант программирования действий следователя.

Еще в 70-х гг. ВНИИ МВД СССР были разработаны программы действий оперативной группы, выезжающей на место происшествия. Программы содержали перечень неотложных следственных действий с краткими комментариями, различающимися в зависимости от вида преступлений, и хранились в дежурной части органа внутренних дел. Оперативная группа получала нужную программу-карточку при выезде на место происшествия. Думается, что эти карточки программированных действий были прообразом эффективных следственных программ.

О значении и практической полезности алгоритмизации следственной деятельности пишут многие авторы⁵⁰. По мнению А. А. Эйсмана, в

⁴⁹ Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. М., 1996, с. 127.

⁵⁰ Соя-Серко Л. А. Программирование расследования. — Соц. законность, 1980, №1; Селиванов Н. А. Типовые версии, следственные ситуации и их см. след. стр.

программе, рассчитанной на реализацию самим следователем (в отличие от машинной) «должны содержаться как минимум следующие элементы:

- 1) формулировка задачи либо системы конечных и промежуточных задач применительно к исходным данным;
- 2) выбор средств и методов решения задачи;
- 3) оптимальная последовательность действий по решению задачи;
- 4) вспомогательная информация, способствующая решению задач (по некоторым категориям дел)⁵¹.

Решение проблемы программирования расследования выдвигает, по нашему мнению, как минимум, два вопроса: в каком соотношении должны находиться программы действий следователя с соответствующими частными криминалистическими методиками и какая область следственной деятельности должна быть объектом программирования.

Решение первого вопроса связано с представлением о содержании частных криминалистических методик. А. А. Эйсман справедливо отмечал, что поиск новых форм подачи методических данных привел к формализации компонентов частных методик: отсекалась вся мотивировочная или обосновывающая часть рекомендаций, следственные действия излагались в логической последовательности и т. п.⁵² Содержание методики сближалось с типичной программой действий. Думается, что эта тенденция приводит к смешению двух видов методической документации: программы и частной методики.

Вопрос, по нашему мнению, следует решать так.

Частные методики излагаются, как правило, в руководствах, практических и учебных пособиях, в справочниках и т. п. Они обычно предназначены для обучения, для формирования у обучающихся определенного комплекса знаний о процессе расследования тех или иных

значение для расследования. — Соц. законность, 1985, № 7; **Ищенко Е. П.** Алгоритмизация следственной деятельности: методологические основы. — В кн.: Актуальные проблемы следственной деятельности. Свердловск, 1990; **Ищенко Е. П.** Создание следственных алгоритмов — перспективный путь развития криминалистики. — В кн.: Перспективы развития криминалистики. Свердловск, 1991; **Ильиных В. Л.** Использование тактических программ при выявлении хищений. — В кн.: Актуальные проблемы борьбы с правонарушениями. Екатеринбург, 1992; **Селиванов Н. А., Эйсман А. А.** Проблемы программирования расследования и совершенствования криминалистических методик. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 46. М., 1988 и др. работы.

⁵¹ **Эйсман А. А.** Теоретические вопросы программирования расследования. — Вопросы борьбы с преступностью, вып. 45. М., 1987, с. 85.

⁵² Там же, с. 87.

видов преступлений. Формальное требование к изложению этих учебных методик заключается в системности их содержания, в четком структурированном распределении их материала по единообразной схеме. Здесь несомненно есть место и научному обоснованию, и рассмотрению дискуссионных вопросов, и определенному массиву вспомогательной информации. По большому счету, эти методики не являются рабочим инструментом следователя в силу избыточности содержащейся в них информации и весьма общей связи с конкретными следственными ситуациями. Это именно средство обучения, средство повышения квалификации. Проблема формирования частных методик — предмет дальнейшего рассмотрения; здесь же заметим лишь, что существующая форма изложения методических рекомендаций в виде таким образом формализованных их систем имеет обоснованную функциональную направленность и не требует радикальной перестройки. Нужно только отчетливо представлять, что это не программы действий оперативного характера, а общее руководство к действию.

Программы действий следователя не должны подменять собой частные криминалистические методики, но и не должны включаться в их содержание. Это методические разработки прямого действия, рассчитанные на оперативное использование и максимально приспособленные к такому оперативному использованию. Их адаптация к условиям конкретного случая должна быть максимально проста — путем перебора зафиксированных в программе вариантов действий в зависимости от наличной информации.

При каком условии возможно создание таких программ? Ответ на этот вопрос, по существу, призван явиться и ответом на вопрос об объектах программирования.

Полагаем, что таким объектом должен служить первоначальный этап расследования, точнее даже — его неотложная часть. Именно на этом этапе деятельность следователя поддается формализации, число ее вариантов относительно невелико, вариантов исходной информации также немного. Программа действий на начальном этапе расследования действительно способна повысить его оперативность и результативность, риск шаблонизации здесь сравнительно невелик при достаточно квалифицированном анализе исходной информации.

Следует ли программировать отдельные следственные действия? Утвердительного ответа заслуживает осмотр места происшествия: он легко программируется именно в связи с разительными особенностями, зависящими от характера преступления и способа его совершения. Программирование же других следственных действий, и в особенности допроса чревато их шаблонизацией. Здесь программа действий должна

носить сугубо индивидуальный характер, общее же следует черпать из соответствующей частной криминалистической методики.

РАЗДЕЛ III. ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ

11. ФОРМИРОВАНИЕ ЧАСТНЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК КАК КОМПЛЕКСОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ

11.1. Частные криминалистические методики как комплексы криминалистических рекомендаций

Конечным “продуктом” криминалистической науки, поступающим на вооружение следственной практики, являются частные криминалистические методики, в содержании которых на основе положений и выводов общей и частных криминалистических теорий формируются криминалистические рекомендации по осуществлению судебного исследования и предотвращения преступлений.

Совокупность частных методик образует криминалистическую методику как раздел науки криминалистики, в который, помимо них, входит и некоторая система научных положений как основание построения и адаптации этих методик. Криминалистическая методика, как и криминалистические техника и тактика, представляет собой результат отражения криминалистикой своего предмета, о чем подробно говорилось в первом томе нашего Курса. В своем “овеществленном” выражении этот результат выступает в методике в виде систем криминалистических ре-

комендаций различной степени общности, относящихся к организации и ведению расследования, оптимальному для типовых условий применению средств и приемов криминалистических техники и тактики, управления и научной организации труда и данных других областей знания.

Представление о структуре и содержании частных криминалистических методик зависит, естественно, от общего представления о криминалистической методике как разделе криминалистической науки. Напомним, что мы понимаем под криминалистической методикой систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения отдельных видов преступлений. В литературе есть и ряд других определений криминалистической методики, часть из которых была нами уже проанализирована в т. 1 настоящего Курса. В последнее время интерес к криминалистической методике, которая долгое время в теоретическом отношении оставалась, пожалуй, наименее разработанным разделом криминалистики, существенно возрос. Этому способствовало проведение ряда криминалистических конференций, где вопросы криминалистической методики подверглись многостороннему обсуждению, а также накопление значительного массива диссертационных работ, посвященных отдельным частным методикам, и появление проблемных работ дискуссионного характера.

Считая нецелесообразным рассмотрение всех определений криминалистической методики, появившихся ранее или в последнее время, поскольку многие из них отличаются друг от друга чисто редакционно, остановимся лишь на некоторых, представляющих, с нашей точки зрения, интерес либо новыми элементами своего содержания, либо новым аспектом рассмотрения. Приведем их текстуально с тем, чтобы облегчить последующее сравнение и анализ.

Определение А. Н. Васильева: «Криминалистическая методика расследования — это разработанная на основе изучения следственной практики, способов преступлений и механизма образования их следов система рекомендаций о криминалистической классификации преступлений, организации начального и последующих периодов расследования, а также об особенностях применения тактических приемов и научно-технических средств в целях эффективного расследования»¹.

¹ **Васильев А. Н.** Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. — Соц. законность, 1975, № 4, с. 63. В 1978 г. А. Н. Васильев предложил еще одно определение методики расследования отдельных видов преступлений, которую, по его мнению, «представляется более правильным (по сравнению с определениями В. Г. Танасевича, Н. А. Селиванова и И. А. Воз- см. след. стр.

Определение Н. А. Селиванова: “Методика расследования — это обусловленная предметом доказывания система взаимосвязанных и взаимообусловленных следственных действий, осуществляемых в наилучшей последовательности, в целях установления всех необходимых обстоятельств дела и доказывания, на основе планирования и следственных версий, с учетом типичных способов совершения преступлений данного вида, следственных ситуаций и характерных для их расследования особенностей применения тактических приемов и научно-технических средств”².

Определение В. Г. Танасевича: “Это — система рекомендуемых в целях раскрытия и предупреждения преступлений методов и приемов по последовательному исследованию обстоятельств совершения преступления и изобличению лиц, его совершивших, опирающаяся на разработанные криминалистикой общетеоретические положения, научно-технические средства и криминалистическую тактику”³.

Определение Н. Л. Гранат: “Под методикой расследования преступлений можно понимать наиболее целесообразно организованную систему тактических, технических, оперативно-розыскных и организационных приемов и средств, рекомендуемых криминалистикой для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений”⁴.

Определение И. А. Возгрин: “Криминалистическая методика, являясь одним из разделов криминалистики, изучает закономерности организа-

рина — **Р. Б.**) характеризовать как основанную на изучении способов совершения преступлений и механизма формирования материальных и иных следов преступления систему наиболее целесообразных методов организации расследования в первоначальный и последующий его периоды, использования особенностей применения тактических приемов и научно-технических средств в специфических условиях расследования отдельных видов преступлений” (Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978, с. 24). Это определение отличается от предыдущего незначительно: вместо системы рекомендаций говорится о системе методов организации расследования; существовавшая формулировка нам кажется более правильной, ибо методика носит именно рекомендательный, а не императивный характер.

² **Селиванов Н. А.** Советская криминалистика: система понятий. М., 1982, с. 112.

³ **Танасевич В. Г.** Теоретические основы методики расследования преступлений. — Сов. государство и право, 1976, № 6, с. 92; **Танасевич В. Г.** Проблемы методики раскрытия и расследования преступлений. — В кн.: Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М., 1978, с. 171.

⁴ **Гранат Н. Л.** Первоначальные следственные действия и их роль в методике расследования. — В кн.: Методика расследования преступлений. М., 1976, с. 80.

ции и осуществления раскрытия, расследования и предотвращения преступлений в целях выработки, в строгом соответствии с требованиями социалистической законности, научно обоснованных рекомендаций по наиболее эффективному проведению судебного исследования отдельных видов преступлений”⁵.

Определение Н. П. Яблокова: “Методика расследования отдельных видов преступлений представляет собой целостную часть криминалистики, изучающую опыт совершения и практику расследования преступлений и разрабатывающую на основе познания их закономерностей систему наиболее эффективных методов расследования и предупреждения разных видов преступлений”⁶.

Все приведенные определения можно разбить на три группы. В первую входят два определения — И. А. Возгрин, Н. П. Яблокова и наше. Это определения криминалистической методики как раздела науки. Определение И. А. Возгриня раскрывает содержание тех научных положений, на базе которых разрабатываются рекомендации практике по осуществлению расследования и предотвращения преступлений. Их содержанием является отражение определенной группы объективных закономерностей. У нас эта часть определения дана в свернутом виде⁷.

На основе определения криминалистической методики как раздела науки можно представить частную криминалистическую методику как типизированную систему методических (научно-практических) рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения отдельного вида преступлений. Комментарий, которым И. А. Возгрин сопровождает свое определение криминалистической методики, позволяет предположить, что он представляет себе частную криминалистическую методику примерно так же⁸.

Вторая группа приведенных определений — это определения криминалистической методики именно как результата выполнения криминали-

⁵ **Возгрин И. А.** Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Курс лекций, ч. I. СПб., 1992, с. 61.

⁶ Криминалистика. М., 1995, с. 482.

⁷ Мы не рассматриваем сейчас содержания тех научных положений, на которых базируются методические рекомендации, поскольку ведем речь только о самих этих рекомендациях как “продукте” данного раздела криминалистической науки, ее “выходах” в практику, хотя по этому вопросу у нас имеются с И. А. Возгриным определенные разногласия.

⁸ **Возгрин И. А.** Указ. раб., ч. IV, СПб., 1993, с. 6.

стикой своей служебной функции, то есть как средств и методов борьбы с преступностью. Попытаемся проследить то общее, что связывает между собой эти определения, и то особенное, что их отличает друг от друга.

Общим для всех приведенных определений является:

- ◆ представление о методике как **системе**, а не случайной совокупности элементов, не связанных между собой, системе, обладающей определенной структурой. Системность составляющих криминалистическую методику частей подчеркнул еще А. Н. Колесниченко, который первым исследовал в монографическом плане этот раздел криминалистики⁹;
- ◆ представление о методике как системе **средств** расследования преступлений.

Пожалуй, этим и исчерпывается общее; **особенное** же заключается в следующем.

- ◆ По-разному определяются элементы, составляющие систему криминалистической методики. А. Н. Васильев считает, что это рекомендации о виде преступлений, об организации их расследования и особенностях применения криминалистических приемов и средств. По Н. А. Селиванову, — это следственные действия, осуществляемые по определенным правилам и с учетом определенных обстоятельств. В. Г. Танасевич полагает, что систему составляют рекомендации о методах и приемах расследования, опирающиеся на данные криминалистической науки. По мнению отдельных авторов приведенных определений, систему методики образуют приемы и средства раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.
- ◆ Неодинаково понимается содержание рекомендаций, когда методика рассматривается как их система. А. Н. Васильев относит рекомендации к широкому кругу явлений, В. Г. Танасевич — только к методам, приемам последовательного исследования обстоятельств совершения преступлений и изобличения преступников.
- ◆ Различна и степень детализации определяемого понятия. В одних случаях она весьма высока (А. Н. Васильев, Н. А. Селиванов), в других — незначительна (Н. Л. Гранат). В некоторых определениях о применении приемов и средств говорится в общей форме (В. Г. Танасевич, Н. Л. Гранат), в остальных делается акцент на особенно-

⁹ **Колесниченко А. Н.** Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1967, с. 9.

стях такого применения, связанных с видом преступлений (А. Н. Васильев, Н. А. Селиванов, Н. П. Яблоков).

Мы полагаем, что определение понятия частной криминалистической методики должно исходить из следующих положений.

Частная криминалистическая методика — это система определенных элементов, взаимосвязанных и взаимоопределяющих. Эта система обладает определенной структурой, в соответствии с которой ее элементы располагаются в определенной последовательности, образуя подсистемы.

Элементами системы являются не криминалистические приемы и средства, не следственные или иные действия и мероприятия, а криминалистические (в данном случае — методические) рекомендации, то есть научно обоснованные и апробированные практикой советы, касающиеся организации расследования, выбора и применения с учетом определенных обстоятельств технико-криминалистических средств и криминалистических приемов. Система выступает как **комплекс советов** типизированного характера, то есть отражающий типичное для расследования преступлений определенного вида. Основанием для комплексирования служат:

- ◆ комплексный характер задач, решаемых в процессе расследования;
- ◆ необходимость комплексирования действий, предпринимаемых для решения этих задач;
- ◆ комплексное участие в раскрытии, расследовании и предотвращении преступлений в пределах своей компетенции, кроме следователя, работников органов дознания, экспертных учреждений и иных специалистов, представителей общественности;
- ◆ реально существующие связи и зависимости между рекомендациями.

Наряду с криминалистическими рекомендациями, частная криминалистическая методика содержит и их **обоснование** в виде определенных научных или эмпирических положений. Таким обоснованием, например, для рекомендаций по выбору направления расследования служит перечень типичных для данной категории уголовных дел версий, для рекомендаций по определению типичного круга следственных действий, оперативно-розыскных и организационно-технических мероприятий — характеристика наиболее часто встречающихся в практике способов совершения данного вида преступлений и следов их применения и т. д. Такое обоснование может даваться вместе с рекомендацией, например, обоснование особенностей тактики того или иного следственного действия, а в случае, если оно носит более или менее общий характер для всех рекомендаций данной частной криминалистической методики, — в виде самостоятельного структурного элемента ее содержания. Приме-

ром подобного общего обоснования служит совокупность положений, обозначаемая в последнее время термином “криминалистическая характеристика преступления”.

Структура частной криминалистической методики и есть структура этого комплекса рекомендаций и их обоснований.

Вопрос о структуре частной криминалистической методики относится к числу дискуссионных. При формировании криминалистической методики как раздела науки в структуре частной криминалистической методики обычно различали:

- ◆ вопросы квалификации и особенности возбуждения уголовных дел данной категории;
- ◆ особенности тактики первоначальных следственных действий;
- ◆ составление плана расследования;
- ◆ последующие следственные действия и их тактику;
- ◆ особенности расследования отдельных разновидностей данного вида преступлений¹⁰.

Нередко различные частные методики по структуре отличались друг от друга. Можно, пожалуй, утверждать, что в этот период более или менее единообразной структуры частных методик еще не существовало.

Первая попытка унификации структуры частных криминалистических методик была предпринята А. И. Винбергом и Б. М. Шавером в 1945-1949 гг. при изложении методик в учебнике по криминалистике для средних юридических учебных заведений. Они различали следующие структурные элементы методики:

- ◆ основные особенности расследования;
- ◆ первичные действия следователя;
- ◆ основные вопросы, подлежащие выяснению и исследованию;
- ◆ основные приемы обнаружения, исследования и фиксации доказательств;
- ◆ выявление мотивов преступления
- ◆ и (иногда) — причины и обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений¹¹.

Начиная с 1952 г., в учебниках криминалистики структура частных криминалистических методик унифицируется, правда, иногда каждым авторским коллективом по-своему. Так, в учебнике для вузов 1952 г. она

¹⁰ См.: Криминалистика. Кн. II. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1936; *Голунский С. А., Шавер Б. М.* Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1939.

¹¹ *Винберг А. И., Шавер Б. М.* Криминалистика. Изд. 2-е М., 1945; Изд. 3-е М., 1949.

выглядела следующим образом: задачи расследования; первоначальные неотложные действия следователя; обстоятельства, подлежащие выяснению и исследованию; основные приемы и методы обнаружения и фиксации доказательств; выявление обстоятельств, способствовавших данному виду преступлений¹². В учебнике для средних специальных учебных заведений назывались три части конкретных частных методик: определение обстоятельств, подлежащих выяснению и исследованию по данной категории дел, в том числе и обстоятельств, способствовавших совершению преступления; определение круга первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; изложение специфических особенностей иных следственных действий¹³.

Не вдаваясь в анализ последующей эволюции взглядов на структуру частной криминалистической методики, остановимся на предложениях по этому вопросу, являющихся предметом дискуссии.

И. М. Лузгин включил в структуру частной криминалистической методики следующие элементы: 1) обстоятельства, подлежащие доказыванию; 2) особенности возбуждения уголовного дела; 3) специфику первоначальных следственных действий и их сочетание с оперативно-розыскными мероприятиями; 4) особенности планирования и построения версий; 5) последующие следственные действия; 6) особенности работы следователя на завершающем этапе расследования; 7) особенности установления причин и условий, способствовавших совершению преступления¹⁴. И. Ф. Пантелеев предлагал иную систему: задачи расследования; совокупность обстоятельств, подлежащих установлению; следственные версии и планирование расследования; тактика первоначальных и иных следственных действий; уголовная профилактика (характеристика обстоятельств, способствовавших совершению данного вида преступлений, и мероприятий по их предупреждению)¹⁵.

Начиная с 1975-76 гг., при описании структуры частной методики все чаще фигурирует понятие криминалистической характеристики преступления. Так, по мнению А. Н. Васильева, в структуру частной методики входят: криминалистическая характеристика данного вида преступления; первоначальные следственные и иные действия следователя; система дальнейшего расследования; особенности применения тактических

¹² Криминалистика, ч. 2. М., 1952.

¹³ Криминалистика. М., 1959.

¹⁴ Криминалистика. М., 1976, с. 383.

¹⁵ *Пантелеев И. Ф.* Методика расследования преступлений. М., 1975, с. 3.

приемов и научно-технических средств¹⁶. Криминалистическую характеристику преступления в качестве элемента структуры частной методики называют теперь А. Н. Колесниченко¹⁷, И. А. Возгрин¹⁸, В. Г. Танасевич¹⁹, В. А. Образцов²⁰, И. Ф. Герасимов²¹ и многие другие криминалисты, хотя единообразного понимания криминалистической характеристики пока еще не достигнуто.

Для того чтобы попытаться найти оптимальное решение вопроса о структуре комплексов криминалистических рекомендаций, образующих частные криминалистические методики, необходимо предварительно оценить справедливость тех положений, на основе которых выделяются подсистемы этих комплексов, то есть может быть построена их структура. Это требует рассмотрения таких проблем, как криминалистическая характеристика и криминалистическая классификация преступлений, определение направления и предмета расследования и периодизация процесса расследования.

11.2. Криминалистическая характеристика преступления

Первое упоминание о криминалистической характеристике преступления мы встретили в работах А. Н. Колесниченко. В автореферате своей докторской диссертации он писал, что к числу наиболее существенных положений, общих для всех частных методик, относится «общая криминалистическая характеристика данного вида преступлений», и далее, что «преступления имеют и общие черты криминали-

¹⁶ **Васильев А. Н.** О криминалистической классификации преступлений. — В кн.: Методика расследования преступлений. М., 1976, с. 26.

¹⁷ **Колесниченко А. Н.** Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976, с. 19.

¹⁸ **Возгрин И. А.** Указ. раб., ч. IV, СПб., 1993, с. 21.

¹⁹ **Танасевич В. Г.** Указ. раб., с. 8.

²⁰ Криминалистика, М., 1995, с. 378.

²¹ Криминалистика. Под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. М, 1994, с. 328.

стического характера"²². К сожалению, более подробно он на этом вопросе не остановился.

Первое развернутое представление о криминалистической характеристике преступления дал Л. А. Сергеев. Он включил в ее содержание способы совершения преступления; условия, в которых совершаются преступления и особенности обстановки; обстоятельства, связанные с непосредственными объектами преступных посягательств, с субъектами и субъективной стороной преступлений; связи преступлений конкретного вида с другими преступлениями и отдельными действиями, не являющимися уголовно наказуемыми, но имеющими сходство с данными преступлениями по некоторым объективным признакам; взаимосвязи между вышеуказанными группами обстоятельств²³. К сожалению, эти соображения Л. А. Сергеева не были замечены и должным образом отмечены в литературе за редкими исключениями.

Позже о криминалистической характеристике преступлений в связи с криминалистической методикой вновь лишь упомянул С. П. Митричев. Он включил в содержание этого понятия типичные признаки преступления, особенности данного вида преступлений, выражающиеся в способах совершения преступления, характерных следах, оставляемых на месте преступления, преступных связях, профессиональных и преступных навыках преступников. "Видовая криминалистическая характеристика, — писал он, — должна включать наибольшее количество признаков, имеющих криминалистическое значение"²⁴.

В работах И. Ф. Пантелеева, В. Г. Танасевича, В. А. Образцова и И. А. Возгриня понятию и содержанию криминалистической характеристики преступлений уделяется уже значительное внимание.

Отмечая важность проблемы криминалистической характеристики преступления и то, что это понятие относится только к конкретному виду преступлений, а не преступлению вообще, И. Ф. Пантелеев напоминает, что она была предметом рассмотрения на Всесоюзном семинаре руководителей кафедр криминалистического цикла, проведенном ВЮЗИ в

²² Колесниченко А. Н. Указ. автореферат, сс. 10, 14. Неясность термина "общая криминалистическая характеристика" впоследствии отметил Д. Я. Мирский (*Мирский Д. Я.* Некоторые вопросы методики расследования преступлений. — В кн.: Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики. Свердловск, 1972, с. 41).

²³ Сергеев Л. А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1966, сс. 4-5.

²⁴ Митричев С. П. Методика расследования отдельных видов преступлений. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 10. Киев, 1973, с. 28.

марте 1974 г. По рекомендации этого семинара проблема криминалистической характеристики каждого вида преступлений была включена в программу вузовского курса криминалистики. По мнению И. Ф. Пантелеева, в содержание криминалистической характеристики входят характеристика типичных ситуаций данного вида преступлений, наиболее распространенных способов их совершения, технических средств, применяемых преступниками, источников получения этих средств, характеристика типичных материальных следов преступления, могущих иметь значение вещественных доказательств, наиболее вероятных мест их обнаружения, тайников, способов сокрытия следов преступления и других средств маскировки преступников, характеристика их преступных навыков, преступных связей²⁵.

В. Г. Танасевич и В. А. Образцов сначала выступили с совместной статьей "О криминалистической характеристике преступлений"²⁶, а затем отдельные ее положения повторили в отдельных публикациях. Так, В. Г. Танасевич включил в приведенное им понятие криминалистической характеристики "такие взаимосвязанные элементы, как: способ совершения преступления; обстановка совершения преступления, непосредственный предмет преступного посягательства, условия охраны его от посягательства (включая характеристику лиц, связанных с обеспечением неприкосновенности блага, на которое произведено покушение), личность субъекта преступления; маскировка, направленная на сокрытие преступного деяния и виновных лиц, осуществляемая как в процессе совершения преступления, так и после него"²⁷.

В. А. Образцов же избрал сформулированное в их совместной статье общее понятие криминалистической характеристики — "совокупность данных о механизме совершения преступления, средствах отражения, отражаемых и отражающих объектах, взаимодействующих при этом, особенностях и источниках формируемой ими фактической информации, имеющей значение для раскрытия определенных категорий преступлений путем применения обусловленных ими криминалистических средств, приемов и методов, а также разработки научных рекомендаций по оптимальному решению данной задачи"²⁸.

²⁵ **Пантелеев И. Ф.** Методика расследования преступлений. М, 1975, сс. 9-10.

²⁶ **Танасевич В. Г., Образцов В. А.** О криминалистической характеристике преступления. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 25. М., 1976.

²⁷ **Танасевич В. Г.** Теоретические основы методики расследования преступлений. — Сов. государство и право, 1977, № 6, с. 92.

²⁸ **Образцов В. А.** Проблемы раскрытия преступлений против здоровья населения, связанных с пищевыми отравлениями. Автореф. дисс. ... канд. юрид. см. след. стр.

Иначе подошел к решению этого вопроса И. А. Возгрин, по мнению которого криминалистическая характеристика преступления “представляет собой описание состояния и особенностей борьбы с различными категориями преступных действий”. Он включает в нее понятие данного вида преступлений, подследственность, сроки расследования и законодательно закрепленные особенности производства по делам данной категории; описание состояния и значения борьбы с отдельными видами преступлений и классификацию преступлений по способу совершения и личности преступника²⁹.

В последнее время И. А. Возгрин пришел к выводу, что структура криминалистической характеристики должна включать следующие элементы: 1) характеристика исходной информации; 2) сведения о предмете преступного посягательства; 3) данные о способах приготовления, совершения и сокрытия преступлений и типичных последствиях преступных действий; 4) сведения о типичных личностных особенностях преступников и потерпевших; 5) обобщенные данные о наиболее распространенных мотивах преступлений. Отмечая, что вопрос о включении в криминалистическую характеристику предмета доказывания носит дискуссионный характер, он присоединяется к тем ученым, которые полагают, что характеристика предмета доказывания также должна являться одним из структурных элементов криминалистической характеристики³⁰.

На Всесоюзной криминалистической конференции в 1976 г. проблема криминалистической характеристики преступлений затрагивалась в целом ряде докладов.

А. Н. Васильев высказал мнение, что целесообразно объединить в криминалистическую характеристику данного вида преступления способ преступления, механизмы действий преступника и образования следов преступления, источники получения доказательств, определение круга лиц, среди “которых может находиться виновный, и проверку этого вы-

наук. М., 1976, с. 8; **Образцов В. А.** К вопросу о методике раскрытия преступлений. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 27. М., 1977, с. 107.

²⁹ **Возгрин И. А.** Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1976, сс. 6-9. Ранее в содержание криминалистической характеристики классификацию способов совершения преступлений он не включал (см. **Возгрин И. А.** О структуре методик расследования отдельных видов преступлений. — В кн.: Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. Л., 1974, с. 75).

³⁰ Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Часть IV, СПб., 1993, сс. 25-27.

вода". Н. П. Яблоков свел содержание криминалистической характеристики к трем элементам: криминалистическим чертам способа совершения преступлений, типичным следственным ситуациям, характеру информации, подлежащей выяснению³¹.

Существенные различия обнаружились и между представлениями о криминалистической характеристике, существующими у И. Ф. Герасимова, А. Н. Васильева, А. Н. Басалаева и В. А. Гуняева, С. И. Винокурова, В. А. Ледащева.

Элементами, общими для определений И. Ф. Герасимова и В. А. Ледащева явились: распространенность преступления, данные о способе совершения преступления, о сокрытии, маскировке преступления, о личности преступника, о месте преступления. И. Ф. Герасимов, помимо этого, назвал еще особенности обнаружения и выявления преступлений и характеристику типичных следственных ситуаций³²; В. А. Ледащев, в свою очередь, — данные о наиболее характерных мотивах преступления³³.

Несколько иначе подошел к определению рассматриваемого понятия С. И. Винокуров. По его мнению, это — научно разработанная система наиболее существенных черт, признаков, свойств, отношений преступления³⁴. А. Н. Басалаев и В. А. Гуняев криминалистической характеристикой назвали "состав события данного вида преступления, указывающий на его устойчивые признаки, проявляющиеся вовне в качестве определенной по содержанию, жестко связанной системы материальных и интеллектуальных следов". Они различают общую криминалистическую характеристику по признаку субъективной стороны; частные криминалистические характеристики, даваемые в соответствии с уголовно-правовой классификацией преступлений; особенные криминалистические характеристики по видам внутри этой классификации³⁵.

³¹ **Васильев А. Н.** О криминалистической классификации преступлений. — В кн.: Методика расследования преступлений. М., 1976, сс. 25-26.

³² **Герасимов И. Ф.** Криминалистические характеристики преступлений в методике расследования. — Указ. сб., сс. 94-95.

³³ **Ледащев В. А.** О совершенствовании структуры методики расследования отдельных видов преступлений. — Указ. сб., с. 172.

³⁴ **Винокуров С. И.** Криминалистическая характеристика преступления, ее содержание и роль в построении методики расследования конкретного вида преступлений. — Указ. сб., с. 101.

³⁵ **Басалаев А. Н., Гуняев В. А.** Криминалистическая характеристика преступления (общее понятие и практическое значение). — Указ. сб., с. 100.

По мнению А. Н. Колесниченко, криминалистическая характеристика охватывает следующие группы методических вопросов: а) классификацию преступлений данного вида на разновидности и группы; б) типичные следственные ситуации и основные направления расследования; в) характеристику способов совершения преступлений данного вида, разновидностей, следов их применения и возможных путей установления преступника; характеристику способов сокрытия преступлений, типичные признаки сокрытия и их роль в установлении преступления и преступника³⁶. В одной из последних своих работ А. Н. Колесниченко несколько иначе определил структуру криминалистической характеристики, назвав ее элементами: способ приготовления, совершения и сокрытия преступлений; место, время, обстановку, орудия и средства совершения преступления; предмет посягательства; личность потерпевшего; личность преступника; следы преступления³⁷.

И. Ф. Герасимов представляет структуру криминалистической характеристики своеобразно. Он включает в нее: 1) распространенность преступного деяния — «фактор, который обуславливает так называемую криминалистическую готовность органов расследования»; 2) особенности выявления и обнаружения данных преступлений; 3) типичные черты преступного события и обстановки совершения преступления; 4) механизм слеодообразования; 5) способ совершения преступления; 6) особенности личности и поведения обвиняемых; 7) обобщенные данные о личности потерпевших; 8) другие сведения, «полученные в результате проведенных исследований по разработке криминалистической характеристики»³⁸.

Предпринятый нами столь широкий обзор существующих представлений о криминалистической характеристике преступления преследует две цели: выявить то, что считается существенным для этого понятия, и определить место криминалистической характеристики в системе элементов частной криминалистической методики.

Как видно из изложенного, идея криминалистической характеристики преступления отнюдь не нова. Еще до того момента, как впервые был употреблен термин «криминалистическая характеристика преступления», в частных криминалистических методиках упоминались отдельные ее

³⁶ Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976, с. 20.

³⁷ Советская криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений. Киев, 1988, гл. II, сс. 34-40.

³⁸ Криминалистика. Под ред. И.Ф.Герасимова, Л. Я. Драпкина. М., 1994, сс. 330-333.

элементы и подчеркивалась их роль для выбора направления и организации расследования. К числу таких элементов относились способ совершения и сокрытия преступления³⁹, обстановка совершения преступления: место, время, иные условия⁴⁰, данные о личности вероятного преступника⁴¹, характер исходной информации (то, что сейчас некоторые авторы именуют неточно следственной ситуацией)⁴². Мы умышленно ссылаемся на старые работы, чтобы наглядно подтвердить справедливость утверждения, что учет элементов криминалистической характеристики при разработке частных методик осуществлялся в отечественной криминалистике с момента их зарождения.

Разумеется, на первом этапе развития криминалистической методики эти данные приводились иногда не в систематизированном виде, круг их не был постоянен, в некоторых методиках часть их отсутствовала. Но тенденция к их использованию при построении частных криминалистических методик просматривается всегда, хотя в этом использовании отсутствовала системность.

В работах более позднего времени этот недостаток оказывается в значительной степени уже устраненным. В качестве примера можно сослаться на две работы, вышедшие в свет в начале 50-х годов: написанное коллективом авторов методическое пособие "Расследование убийств" (М., 1954) и методическое пособие В. Я. Осенина и А. Н. Позднякова "Расследование хищений в системе сберегательных касс" (М., 1951). В этих пособиях, как и в других аналогичных работах того времени, то, что сейчас называют элементами криминалистической характеристики преступления, изложено довольно подробно и систематично.

Еще более детально и, как правило, по одной и той же схеме рассматриваются все названные обстоятельства в учебниках по кримина-

³⁹ **Якимов И. Н.** Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924, с. 169; Криминалистика, кн. II. М., 1936, с. 12; **Голунский С. А., Шавер Б. М.** Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1939, с. 25.

⁴⁰ **Громов Вл.** Методика расследования преступлений. М., 1929, с. 49; **Голунский С. А., Шавер Б. М.** Указ. раб., с. 25; **Евгеньев М. Е.** Методика и техника расследования преступлений. Киев, 1940, сс. 29-31; **Громов Вл.** Материальная истина и научно-уголовная техника. М., 1930, с. 10.

⁴¹ **Громов Вл.** Методика расследования преступлений. М., 1930, с. 110; **Громов Вл., Лаговичер Н.** Расследование хозяйственных и должностных преступлений. М., 1928, с. 22; Методика расследования дел о хищениях в колхозах. М., 1940, с. 7.

⁴² Криминалистика, кн. II. М., 1936, с. 33; **Голунский С. А., Шавер Б. М.** Указ. раб., гл. II; **Якимов И. Н.** Криминалистика. Уголовная тактика. М., 1929, разд. II.

листки 60-70-х гг. Так, в учебнике для вузов МВД (т. 2. М., 1970), в главе 33, предваряющей описание частных криминалистических методик, говорится, какое значение имеет описание типичных способов совершения преступлений данного вида, наиболее часто встречающихся причин и условий, способствующих совершению этого вида преступлений, определение круга лиц, среди которых надлежит искать преступника по делам данной категории, круга типичных доказательств и т. д. В учебнике для юридических вузов 1971 г. (МГУ) прямо говорится о криминалистической характеристике, в состав которой включаются способ совершения преступления, примененные орудия и средства, механизм формирования доказательств, типизация исходных данных, именуемых здесь следственными ситуациями (гл. XX).

Мысль о формировании криминалистической характеристики преступления как обобщенного обоснования определенного комплекса методических рекомендаций, несомненно, заслуживает одобрения и поддержки, но следует ли включать в такую характеристику все то, что предлагается? Не окажется ли в этом случае, что криминалистическая характеристика подменяет собой фактически ряд других структурных элементов частной криминалистической методики?

Сравнение приведенных нами определений показывает, что большинство их авторов указывает следующие элементы криминалистической характеристики:

- ◆ типичные следственные ситуации, под которыми понимается характер исходных данных;
- ◆ способ совершения преступления;
- ◆ способ сокрытия преступления, маскировка;
- ◆ типичные материальные следы преступления и вероятные места их нахождения;
- ◆ характеристика личности преступника;
- ◆ обстановка преступления (место, время и др. обстоятельства).

Рассмотрим эти элементы и попытаемся выяснить, действительно ли они характеризуют тот или иной вид преступлений именно в криминалистическом аспекте.

Характер исходных к моменту начала расследования данных имеет непосредственное значение для выдвижения версий по делу и, следовательно, определения направления расследования. В зависимости от содержания и полноты этих сведений определяется круг и последовательность проведения первоначальных следственных действий и круг лиц, среди которых надлежит искать возможного преступника.

Исходные данные нельзя расценивать как следственную ситуацию, а их типизацию как типизацию следственных ситуаций. Как указывалось ранее, характер и содержание исходных данных дают представление о некоторых компонентах следственной ситуации и поэтому не могут быть приравнены к ней всей. Но они, несомненно, соответствуют понятию криминалистической характеристики преступления и должны быть включены в ее содержание.

Не вызывает сомнения и наличие чисто криминалистических аспектов рассмотрения способов совершения и сокрытия преступления, существование у них черт, характерных именно для данного конкретного вида преступлений. Не рассматривая сейчас подробно эту проблему, поскольку мы предполагаем ее исследовать далее в связи с методом расследования, остановимся лишь на вопросе о том, следует ли понимать под способом совершения преступления и действия по его сокрытию или же следует говорить раздельно о способе совершения и способе сокрытия преступления, как это делают многие другие авторы приведенных определений криминалистической характеристики.

Г. Г. Зуйков дает на первую часть вопроса положительный, а на вторую — отрицательный ответ. Он рассматривает способ совершения преступлений как систему действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности, могущих быть связанными с избирательным использованием соответствующих орудий или средств и условий места и времени⁴³. Это определение, как нам представляется, верно для тех случаев, когда подготовка, совершение и сокрытие преступления совершаются по единому замыслу, когда все эти действия действительно связаны между собой в единую систему и, еще не совершив преступление, субъект имеет четкую программу действий по его сокрытию.

Однако так бывает не всегда. Действия по совершению и сокрытию преступления могут быть разорваны по **субъекту**, когда сокрытие преступления совершается не тем, кто его совершил, а другим лицом без ведома субъекта преступления, не предпринимавшего этих мер к сокрытию своих преступных действий. Действия по совершению и сокрытию преступления могут быть разорваны по **замыслу**, когда цели сокрытия первоначально не преследовались, а возникли уже после совершения преступления в связи с непредвиденными или изменившимися обстоятельствами. Поэтому мы полагаем более правильным считать, что способ сокрытия может существовать самостоятельно как система дейст-

⁴³ Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1970, с. 10.

вий по уничтожению, маскировке или фальсификации следов преступления и преступника — как материальных, так и идеальных.

Способ совершения и сокрытия преступления относится к объективной стороне состава преступления и поэтому включается в его уголовно-правовую характеристику. Относится он и к характеристике предмета доказывания, то есть обладает и процессуальным содержанием. Однако он имеет решающее значение и для частной криминалистической методики, поскольку является базой для выдвижения как общих, так и частных версий, в этом качестве влияет на определение направлений расследования и решение других вопросов раскрытия и расследования преступления. Поэтому он, без сомнения, должен быть включен в содержание криминалистической характеристики преступления.

Следует ли выделять в качестве самостоятельного элемента характеристики типичные материальные следы преступления и вероятные места их нахождения?

Мы полагаем, что этого делать не следует. Описание способов совершения и сокрытия преступлений заключается не только в описании действий или бездействий, с помощью которых достигаются цели преступного посягательства, но и в описании типичных последствий применения того или иного способа, то есть оставляемых им следов его применения и мест, где эти следы вероятнее всего могут быть обнаружены. При разработке частных криминалистических методик идут именно этим путем: описывают, например, типичные способы хищений денег и тут же указывают, какие признаки позволяют судить об этих способах, то есть какие следы они оставляют; описывают способы убийства, указывая, какие следы на теле потерпевшего и окружающей обстановке остаются от их применения, и т. п. "Голое" описание способа совершения преступления не достигает цели, его надо производить либо от следов применения данного способа с тем, чтобы по ним раскрывать механизм преступления, либо к следам применения этого способа, чтобы, зная его, суметь обнаружить доказательства совершенного преступления и установить личность преступника.

Характеристика типичной для данного вида преступлений личности возможного преступника также может иметь криминалистическое значение. Не говоря о том, что это позволяет сузить круг лиц, среди которых может находиться преступник, такая характеристика позволяет выдвинуть версии о мотиве и цели преступления, о способе совершения и сокрытия преступления (как и наоборот), о месте нахождения искомых объектов и т. п.

Столь же специфическое криминалистическое значение имеет характеристика некоторых обстоятельств преступления, в первую очередь, места и времени, а для имущественных преступлений — непосредст-

венного предмета посягательства. Вообще следует заметить, что целесообразно различать родовые и видовые криминалистические характеристики. Родовой, например, будет характеристика имущественных преступлений, видовыми — краж и мошенничества. Состав элементов родовых характеристик, совпадая в главном, может отличаться в частности, как это может быть с включением в характеристику описания типичных непосредственных предметов посягательства и условий охраны его от этого посягательства, на что справедливо указывает В. Г. Танаевич.

Предложения включить в криминалистическую характеристику также и данные о распространенности и динамике конкретного вида преступления, его общественной опасности (И. Ф. Герасимов, В. А. Ледащев) представляются нам необоснованными. Не говоря о том, что эти данные не являются стабильными, они ничего не дают методике расследования как комплексу практических рекомендаций. Эти данные важны для криминалистической науки, поскольку показывают, на разработке и совершенствовании методик расследования каких видов преступлений следует сосредоточить внимание и усилия. По своему существу они представляют собой элемент криминологической и уголовно-правовой характеристик, а не криминалистической.

Едва ли целесообразно включать в криминалистическую характеристику в качестве самостоятельных элементов указание на применяемые при совершении преступления технические средства (И. Ф. Пантелеев) и на источники получения доказательств (А. Н. Васильев), поскольку эти данные определяются способом совершения и сокрытия преступления и личностью возможного преступника. Не имеют, с нашей точки зрения, самостоятельного значения и такие предлагаемые элементы характеристики, как особенности обнаружения и выявления преступлений, под которыми И. Ф. Герасимов понимает, как и кем чаще или реже выявляются, обнаруживаются преступления данного вида; мотив преступления (В. А. Ледащев), указания на который содержатся в характеристике личности. В то же время пробелом рассмотренных перечней элементов криминалистической характеристики является отсутствие в них указания на описание типичных для данного вида преступлений причин и условий, способствующих его совершению, и их признаков.

Таким образом, с нашей точки зрения, криминалистическая характеристика отдельного вида преступлений должна включать характеристику исходной информации, системы данных о способе совершения и сокрытия преступления и типичных последствиях его применения, личности вероятного преступника и вероятных мотивах и целях преступления, личности вероятной жертвы преступления, о некоторых обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка). Как

отмечалось, все эти элементы составляют систему, то есть связаны друг с другом.

В свое время Н. А. Селиванов высказал важные соображения о значительном научном и практическом интересе, который представляет выявление количественных показателей закономерных связей между различными элементами криминалистической характеристики. Он привел результаты исследований Л. Видонова, который на основе примерно тысячи уголовных дел об умышленных убийствах получил ценные данные, касающиеся этих связей⁴⁴.

К сожалению, эти существенные рекомендации, помимо Н. А. Селиванова, так никто и не использовал в достаточно репрезентативном виде. И мы, и другие авторы говорят о системности криминалистической характеристики, то есть о связях между ее элементами. Однако следует признать, что это утверждение за очень редкими исключениями носит до сих пор сугубо декларативный характер, а между тем именно с системностью криминалистической характеристики связан вопрос о ее новизне и практическом значении.

Дело в том, что практическое значение составляющих криминалистическую характеристику элементов само по себе не вызывает сомнений, общеизвестно и подтверждено практикой: без их знания и учета невозможно успешно раскрывать и расследовать преступления. Но что же мы выигрываем, сведя эти элементы в систему, то есть, иными словами, — что нового в практическом отношении дает нам криминалистическая характеристика как целое?

Представляется, что криминалистическая характеристика как целое, как единый комплекс, имеет практическое значение лишь в тех случаях, когда установлены корреляционные связи и зависимости между ее элементами, носящие закономерный характер и выраженные в количественных показателях. Данные об этих зависимостях могут служить основанием для построения типичных версий по конкретным делам. В этом и только в этом, на наш взгляд, заключается практическое значение криминалистической характеристики как целого.⁴⁵

В связи с понятием и ролью криминалистической характеристики возникает важный вопрос: существует ли криминалистическая характеристика конкретного преступления?

⁴⁴ Селиванов Н. А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования. — Соц. законность, 1977, № 2, с. 57.

⁴⁵ Об этом см.: Белкин Р. С., Быховский И. Е., Дулов А. В. Модное увлечение или новое слово в науке? — Соц. законность, 1987, № 9.

В работах ряда авторов утверждается, что такая характеристика существует. «Качественное расследование заканчивается получением достаточно полной и подробной криминалистической характеристики преступления», — пишет Н. А. Селиванов⁴⁶. А. А. Фокина разъясняет, для чего нужна индивидуальная криминалистическая характеристика: «Правоммерно ли говорить о криминалистической характеристике конкретного преступления? Безусловно, поскольку конкретное преступление — единица совокупности, именуемая видом (родом) преступлений. Составить типологическую характеристику совокупности можно лишь в результате исследования входящих в нее единиц. Поэтому в каждой из них должны быть выделены элементы, учтены имеющиеся между ними связи (детерминированные или случайные), характер взаимодействия с иными явлениями. Криминалистическая характеристика рода (вида) преступления — лишь результат анализа множества единичных преступлений»⁴⁷. В. К. Гавло оспаривает утверждение Н. А. Селиванова, считая, что «объективная криминалистическая характеристика (конкретного преступления — **Р. Б.**) складывается на момент провозглашения приговора и вступления его в законную силу, то есть с установлением истины по делу»⁴⁸.

Мы полагаем, что рассуждения о существовании криминалистической характеристики конкретного преступления ошибочны, и эта ошибочность коренится в самой концепции сторонников подобной точки зрения.

Криминалистическая характеристика преступления представляет собой абстрактное научное понятие, и именно в этом качестве она фигурирует в криминалистической науке. Это признают все без исключения авторы работ о криминалистической характеристике. Совершенно прав В. К. Гавло, когда пишет: «Криминалистические характеристики преступлений содержат понятия различной степени абстракции, соответственно этому они имеют различные уровни содержания информации»⁴⁹. Действительно, общее понятие криминалистической характеристики всякого преступления — это высший уровень абстракции; затем следуют родовые и видовые криминалистические характеристики. Но В. К. Гавло и его единомышленники идут дальше, полагая, что «самая низкая степень

⁴⁶ Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий, с. 132.

⁴⁷ Роль криминалистической характеристики преступлений в укреплении связи науки криминалистики и практики расследования. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 41. Киев, 1990, с. 18.

⁴⁸ Гавло В. К. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений. — В кн.: Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск, 1980, с. 122.

⁴⁹ Гавло В. К. Указ. раб., с. 122.

абстракции (выделено нами — **Р. Б.**) — это криминалистическая характеристика конкретного преступления”.

Казалось бы, все ясно. Практическое значение криминалистической характеристики заключается, как правильно отмечает В. И. Шиканов, в том, что она “может рассматриваться лишь как вероятностная модель и соответственно использоваться следователем только в качестве ориентирующей информации”⁵⁰. Но о какой же криминалистической характеристике конкретного преступления, да еще окончательно устанавливаемой судом, можно говорить, если она — научная абстракция, вероятностная модель? Суд не занимается формулированием научных абстракций, а его приговор — отнюдь не вероятностная модель события. Совершенно прав А. Г. Филиппов, считающий, что “нельзя соглашаться с теми авторами, которые рассматривают криминалистическую характеристику на уровне единичного явления, фактически отождествляя ее с обстоятельствами конкретного преступления”⁵¹. К этому остается добавить, что в криминалистической характеристике конкретного преступления нет и никакой практической надобности, поскольку она не может выполнять те функции, которыми обладает криминалистическая характеристика как элемент криминалистической методики. Сторонники оспариваемой нами точки зрения нередко аргументируют тем, как и А. А. Фокина, что для обобщения практики в научных целях необходимо дать характеристику каждому изучаемому конкретному преступлению, что, по их мнению, и доказывает существование индивидуальной криминалистической характеристики. Однако в данном случае смешиваются два понятия: криминалистическая характеристика как категория методики расследования, как “инструмент” следователя, и анализ расследованного преступления по материалам уголовного дела по схеме типовой криминалистической характеристики, предпринимаемый в целях разработки или уточнения последней.

В литературе периодически дискутируется вопрос: следует ли включать в криминалистическую характеристику в качестве самостоятельного ее элемента перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по

⁵⁰ **Шиканов В. И.** Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. Иркутск, 1983, с. 24. Несмотря на это верное утверждение, В. И. Шиканов — сторонник существования криминалистической характеристики конкретного преступления (там же, сс. 23-24).

⁵¹ **Филиппов А. Г.** К вопросу об особенностях расследования отдельных видов и групп преступлений. — В кн.: Особенности расследования отдельных видов и групп преступлений. Свердловск, 1980, с. 23; см. также: **Эйман А. А.** О содержании понятия криминалистической характеристики преступлений. — В кн.: Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1985, с. 100.

делам данного рода (вида) преступлении? Нам представляется, что в этом нет необходимости, поскольку предмет доказывания достаточно полно характеризуется общепризнанными элементами криминалистической характеристики, достаточно полно отражающими состав преступления и обстоятельства события. Подробнее об этом будет сказано далее.

Иногда некоторые авторы рассуждают о том, равнозначны ли понятия следственной ситуации и криминалистической характеристики преступления, в какой зависимости они находятся в отношении друг друга. Думается, что сама постановка подобных вопросов некорректна, поскольку это все разноплановые понятия, несравнимые между собой.

Наконец, еще одно замечание. Нередко можно встретить выражения типа “криминалистическая характеристика следственной ситуации” или “криминалистическая характеристика орудий преступления” и т. п. С точки зрения требований, предъявляемых к языку криминалистики, эти выражения противоречат основному принципу употребления понятий науки — их однозначности. Термин “криминалистическая характеристика” должен употребляться только в том смысле, в каком он соответствует определяемому этим термином понятию.

Таковы наши общие соображения о криминалистической характеристике преступления как подсистеме частных методик.

11.3. Криминалистическая классификация преступлений

В качестве элемента криминалистической характеристики некоторые авторы (А. Н. Колесниченко, И. А. Возгрин) называют криминалистическую классификацию преступлений. О криминалистической классификации преступлений упоминают и многие другие криминалисты, рассматривая ее не как элемент, а как основание криминалистических характеристик и построения системы частных криминалистических методик. В связи с этим возникают вопросы о том, существует ли криминалистическая классификация преступлений, и если да, то на каких основаниях она строится, в чем заключается ее методическое значение и в каком отношении она находится с криминалистической характеристикой преступления.

Если опять обратиться к истории вопроса, то можно заметить, что в первых работах по криминалистической методике была принята классификация преступлений по смешанным основаниям. Вся система част-

ных криминалистических методик строилась на основе уголовно-правовой классификации: по родам и видам преступлений. Например, И. Н. Якимов излагает частные криминалистические методики по такой схеме: 1) преступления против личности: лишение жизни; нанесение телесных повреждений; 2) преступления имущественные: а) похищение чужого имущества — кража, грабеж и разбой (бандитизм); б) повреждение чужого имущества; 3) преступления против общества: подделка, подлог. В некоторых случаях он использует второе основание для классификации — способ совершения преступления⁵².

По мере накопления эмпирического материала и разработки на его основе все большего числа частных криминалистических методик этот двойной принцип классификации получает дальнейшее развитие. В первом советском учебнике по криминалистической методике уже дается семь родовых методик, построенных на основе уголовно-правовой классификации преступлений, и ряд видовых, выделяемых по способу совершения и сокрытия преступления. Например, выделяются особенности методики расследования убийств, определяемые способом их совершения, особенности расследования должностных растрат в зависимости от способа их сокрытия и т. д. Употребляется в этой работе и новое основание для классификации — характеризующее личность преступника, его отношение к непосредственному предмету посягательства, в частности, имел или не имел он доступ к похищенному имуществу⁵³.

Все эти основания классификации сохранены и детализированы в учебнике С. А. Голунского и Б. М. Шавера. Получает дальнейшее развитие классификация по субъекту преступления: на ее основе выделяются разновидности методики расследования дел о растратах (совершаемых единолично и совершаемых при соучастии других работников данного предприятия или учреждения), методики расследования дел об изнасиловании (совершенном лицом, знакомым с потерпевшей и не знакомым с нею), разрабатывается самостоятельная методика расследования дел о преступлениях, совершаемых несовершеннолетними⁵⁴.

Все работы по криминалистической методике более поздних лет сохраняют эту множественность классификаций преступлений по нескольким основаниям.

⁵² Якимов И. Н. Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924. Часть III.

⁵³ Криминалистика, кн. II. М., 1936.

⁵⁴ Голунский С. А., Шавер Б. М. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1939.

В 1971 г. А. Н. Васильев и Н. П. Яблоков выступили с предложением отказаться от классификации преступлений в криминалистической методике по уголовно-правовым характеристикам и исходить только “из криминалистических по различным основаниям, имеющих значение для раскрытия преступлений, и, главным образом, по способу совершения преступлений, примененным орудиям и средствам, механизму формирования доказательств”. По их мнению, “такая классификация должна вводить в атмосферу борьбы с данным видом преступлений, создавать предпосылки к правильной ориентировке в складывающихся ситуациях при расследовании, сознательному подходу к выбору направления расследования, разработке версий”⁵⁵. Однако реализовать эту идею в замышляемом виде им полностью не удалось: в основе системы излагаемых далее в этом учебнике частных криминалистических методик лежит уголовно-правовая характеристика (квалификация) преступлений, а уже в качестве основания для последующего деления — способ совершения преступления, то есть, по существу, те же принципы классификации, что и раньше. Во многом это, естественно, объяснялось структурой программы по криминалистике для вузов, в соответствии с которой был написан данный учебник.

Однако через два года после выхода в свет указанного учебника А. Н. Колесниченко, отмечая существенное значение для методики расследования криминалистической классификации преступлений, счел необходимым указать на важность правильного сочетания критериев уголовно-правового характера и специфически криминалистических, “существенных для рационального построения методик расследования”⁵⁶. Позднее он высказался по этому поводу более категорично, заявив, что “допускают известную неточность криминалисты, отрицающие значение уголовно-правовых характеристик для классификации преступлений в методике” и что “в основе классификации преступлений на виды (на разновидности, группы и подгруппы) должны лежать именно уголовно-правовые признаки, уголовно-правовая характеристика всегда в общем виде определяет методику. То, что методику расследования определяют многие криминалистические признаки (способы совершения

⁵⁵ Криминалистика. МГУ, 1971, с. 425.

⁵⁶ *Колесниченко А. Н.* Теоретические проблемы методики расследования преступлений. — В кн.: Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973, с. 78.

преступления и др.), не исключает основополагающего влияния на нее уголовно-правовых положений”⁵⁷.

По механизму возникновения доказательственной информации предложил классифицировать преступления А. Д. Трубачев. Он разделил их на две группы. К первой отнес преступления, “процесс осуществления которых находит отражение в учетной документации хозяйственных и торговых организаций, деятельность и материальные ценности которых используются виновным в личных целях... Ко второй группе мы относим такие преступления, — писал он, — механизм совершения которых находит отражение в человеческой памяти, в обстановке места происшествия и в отдельных предметах, используемых виновным для достижения своих преступных целей, не отражаясь при этом в учетной документации... Предлагаемая классификация, в основном, соответствует проводимому на практике делению преступлений на учитываемые в органах БХСС и по линии уголовного розыска”⁵⁸. При этом А. Д. Трубачев специально оговорился, что эта классификация не исключает уголовно-правовой классификации при разработке частных методик.

Детальному рассмотрению вопросы криминалистической классификации подверг И. Ф. Герасимов. Его концепция заключена в следующем.

Существует родовая (по группам преступлений, объединенных одной главой уголовного кодекса) и видовая уголовно-правовая классификация преступлений. Они используются криминалистикой как принцип разработки частных криминалистических методик. “Однако возможны и другие классификации, которые должны учитываться в разработке методик, так как они дают возможность выявить некоторые иные закономерности и характеристики, важные для раскрытия преступлений”. К числу таких классификаций он относил:

- ◆ а) классификацию по способу совершения преступления;
- ◆ б) классификацию по степени сокрытия и маскировки преступления (здесь он оговаривается, что это деление преследует только научные цели и что он согласен с Г. Г. Зуйковым, включающим действия по сокрытию в понятие способа совершения преступления);

⁵⁷ *Колесниченко А. Н.* Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976, с. 14.

⁵⁸ *Трубачев А. Д.* Следственные ситуации в раскрытии отдельных видов преступлений. — В кн.: Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Свердловск, 1975, сс. 67-71.

- ♦ в) классификацию по преступному опыту лица, совершившего преступление;
- ♦ г) классификацию преступлений по месту их совершения:
 - * преступления, место совершения которых локализуется чисто пространственно и, как правило, ограничено небольшой площадью;
 - * преступления, место совершения которых не имеет определенных границ пространственного характера, а связано с какой-то организационной структурой, системой;
 - * преступления, место совершения которых не носит однозначного характера, и потому его можно назвать сложным (например, преступления на транспорте, взяточничество, спекуляция и т. п.)⁵⁹.

На Всесоюзной криминалистической конференции 1976 г. проблема криминалистической классификации преступлений затрагивалась, главным образом в докладах А. Н. Васильева и И. Ф. Герасимова.

А. Н. Васильев выдвинул идею о двух формах криминалистической классификации преступлений. В качестве первой формы он рассматривает следственные ситуации и определяемые ими направления расследования в первоначальный период, считая, как отмечалось, что следственная ситуация в этот период складывается из исходных данных возбужденного уголовного дела и самых первых следственных и оперативно-розыскных действий. Второй формой классификации он назвал криминалистическую характеристику преступления⁶⁰. И. Ф. Герасимов в своем докладе повторил свои изложенные выше соображения⁶¹.

В последнее время появились еще две точки зрения на проблему криминалистической классификации преступлений. Н. А. Возгрин пришел к выводу о трех основаниях такой классификации: способе совершения преступления, личности преступника и личности потерпевшего⁶²,

⁵⁹ **Герасимов И. Ф.** Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975, сс. 151-168.

⁶⁰ **Васильев А. Н.** О криминалистической классификации преступлений. — В кн.: Методика расследования преступлений (общие положения). М., 1976, сс. 25-26. Несколько ранее он назвал шесть понимаемых по-своему следственных ситуаций как результат применения его первой формы классификации (**Васильев А. Н.** Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. — Соц. законность, 1975, № 4, сс. 62-63).

⁶¹ **Герасимов И. Ф.** Криминалистические характеристики преступлений в методике расследования. — В кн.: Методика расследования преступлений, сс. 94-96.

⁶² **Возгрин И. А.** Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1976, с. 43.

В. А. Образцов посчитал таким единственным основанием криминалистическую характеристику преступления⁶³.

В дальнейшем взгляды этих авторов претерпели изменения.

И. А. Возгрин пришел к выводу, что основой классификации типичных криминалистических методик служит уголовно-правовая классификация преступлений. В соответствии с Особенной частью Уголовного кодекса он назвал 12 групп таких типичных методик: методики расследования государственных преступлений, преступлений против социалистической собственности, против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности и т. п. Основой классификации так называемых особенных частных методик, по его мнению, могут быть место совершения преступления, личность преступника, личность потерпевшего и др. Далее частные методики могут классифицироваться по уровню конкретизации криминалистических рекомендаций. Например, общая методика расследования краж — методика расследования краж личной собственности — методика расследования квартирных краж — методика расследования квартирных краж по “горячим следам” и т. д. Кроме этого, частные методики могут классифицироваться по объему (полные и сокращенные), по охватываемым видам преступлений (единичные и комплексные)⁶⁴.

В. А. Образцов не ограничился простой констатацией тех или иных оснований криминалистической классификации преступлений. Он предпринял попытку формирования оригинальной теории криминалистической классификации преступлений и уже в рамках этой теории решения вопроса об основаниях классификации преступлений. По его мнению, “объектами криминалистической классификации преступлений как подсистемы деятельности являются: преступления; определенные группы криминалистически сходных видов и уголовно-правовые роды преступлений; отдельные виды преступлений; определенные уголовно-правовые подвиды (разновидности) преступлений; определенные группы преступлений, выделяемые на основе криминалистической классификации уголовно-правовых видов и подвидов указанных явлений”⁶⁵.

Скажем несколько слов об авторах этих концепций.

⁶³ **Образцов В. А.** К вопросу о методике раскрытия преступлений. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 27. М., 1977, с. 107.

⁶⁴ **Возгрин И. А.** Научные основы криминалистической методики расследования преступлений, ч. IV, сс. 9-13.

⁶⁵ **Образцов В. А.** Криминалистическая классификация преступлений. Красноярск, 1988, с. 61.

Игорь Александрович Возгрин — один из наиболее серьезных исследователей проблем криминалистической методики. Эти проблемы были предметом фактически первой фундаментальной работы в области методики после докторской диссертации А. Н. Колесниченко (полностью не опубликованной) — «Криминалистическая методика расследования преступлений» (Минск, 1983), а затем и докторской диссертации И. А. Возгрин. В 1992-93 гг. Санкт-Петербургский юридический институт МВД России предпринял издание уникального курса лекций И. А. Возгрин «Научные основы криминалистической методики расследования преступлений» в четырех частях — первое издание подобного рода в отечественной криминалистике, высоко оцененное научной общественностью.

Весьма многогранна и плодотворна научная деятельность **Виктора Александровича Образцова**, одного из самых ярких представителей ученых-криминалистов наших дней. Многолетний личный следственный опыт, широкий научный кругозор, оригинальное научное мышление — наложили свой отпечаток на труды этого ученого. Его теоретические концепции отличаются самобытным подходом к предмету исследования и к криминалистической науке в целом, а такие книги, как «Теоретические основы раскрытия преступлений, связанных с ненадлежащим исполнением профессиональных функций в сфере производства» (Иркутск, 1985), авторский курс «Основы криминалистики» (М., 1996) свидетельствуют о диапазоне научных интересов автора, подлинного «генератора идей» в отечественной криминалистике.

Возвращаясь к предмету нашего рассмотрения, констатируем, что несмотря на известную усложненность позиций И. А. Возгрин и В. А. Образцова, в основе их классификации отчетливо просматривается уголовно-правовая квалификация преступлений.

Мы глубоко убеждены в том, что в основе **системы** частных криминалистических методик (но не их разновидностей) должна лежать уголовно-правовая квалификация преступлений. Нет необходимости останавливаться на ее значении для частных методик, поскольку этот вопрос достаточно подробно и убедительно освещен в криминалистической литературе. Достаточно сказать, что ею определяется содержание предмета доказывания, т.е. в главных чертах круг тех обстоятельств, на установление которых и направлено расследование и которые оказывают заметное влияние на содержание частных криминалистических методик.

Слов нет, частная криминалистическая методика, построенная только на основе уголовно-правовой характеристики преступления, носит, в значительной степени, общий характер и требует для своего конкретного применения адаптации весьма высокой степени, поскольку учитывает опять-таки лишь самые общие криминалистические особенности преступления. Но делать из этого вывод о ненужности для криминалистики уголовно-правовой классификации преступлений представляется в корне неверным.

Без уголовно-правовой классификации совокупность частных криминалистических методик утратила бы признаки системы, проследить связи между методиками оказалось бы невозможным из-за отсутствия основания их группировки, потребовалась бы разработка для каждой методики в отдельности того, что есть общего у их вида или рода, нарушилась бы логическая последовательность адаптации по принципу от общего к отдельному, а от последнего — к особенному.

Разумеется, это не означает, что криминалистическая методика может ограничиться уголовно-правовой классификацией. Мы достаточно подробно показали, что уже на заре развития криминалистической методики, кроме уголовно-правовой классификации, применялись и криминалистические по различным основаниям, причем уже тогда эти классификации с полным правом могли быть названы криминалистическими.

Мы склоняемся к мысли, что существует одновременно ряд криминалистических классификаций, система которых опять-таки строится, в основном, применительно к уголовно-правовому понятию — составу преступления, что лишний раз доказывает наличие различных и самых тесных связей криминалистической методики с уголовным правом.

Если принять состав преступления за основание для группировки криминалистических классификаций преступлений, то система последних будет выглядеть следующим образом.

I. Классификации преступлений, связанные с субъектом преступления:

- ◆ совершаемые единолично и группой;
- ◆ совершаемые впервые и повторно;
- ◆ совершаемые лицами, находящимися в особом отношении с непосредственным объектом посягательства и не состоящими в таком отношении;
- ◆ совершаемые взрослыми преступниками и несовершеннолетними;
- ◆ совершаемые мужчинами и женщинами (эта классификация имеет ограниченную сферу применения и относится только к некоторым “чисто мужским” преступлениям или преступлениям, совершение которых более свойственно женщинам).

II. Классификации преступлений, связанные с объектом преступления:

- ◆ по личности потерпевшего;
- ◆ по характеру непосредственного предмета посягательства;
- ◆ по месту расположения непосредственного предмета посягательства (по месту совершения преступления);

- ◆ по способам и средствам охраны непосредственного предмета посягательства.

III. Классификации преступлений, связанные с объективной стороной преступления:

- ◆ по способу совершения преступления;
- ◆ по способу сокрытия преступления, если оно не входит в качестве составной части в способ совершения преступления.

IV. Классификации преступлений, связанные с субъективной стороной преступления:

- ◆ совершенные с заранее обдуманном намерением и со внезапно возникшим умыслом.

На практике конкретное преступление определяется по нескольким классификациям, и это отражается в содержании конкретных частных методик. Некоторые классификации могут не иметь значения для данной методики, но во всех случаях — без всяких исключений — сохраняет свое значение классификация по способу совершения преступления. Это — основная криминалистическая классификация преступлений и, в сущности, определяющая среди всех других подобных классификаций, ибо признаки, по которым преступление классифицируется применительно к иным элементам состава преступления, как правило, отражаются в способе совершения и сокрытия преступления или в особенности его применения. Именно поэтому в криминалистическую характеристику нет необходимости включать описание преступления в соответствии с большинством других классификаций.

Следует ли вообще включать криминалистическую классификацию преступлений в криминалистическую их характеристику, как предлагают некоторые авторы? Мы полагаем, что этого делать не следует. В криминалистическую характеристику включается не классификация, а описание преступления на основе его классификационных данных, не классификация способов совершения и сокрытия преступлений, а описание тех из них, которые типичны для данного вида преступлений, не классификация по личности преступника, а описание тех признаков множества, которые характерны для круга лиц, среди которых может находиться вероятный преступник, и т. п.

Что же касается некоторых предложений по рассматриваемому вопросу, изложенных нами ранее, то хотелось бы заметить следующее.

В соответствии с логическими правилами классификации, она должна базироваться на едином основании. Криминалистическая характеристика преступления, представляя собой сложное комплексное понятие, не может быть таким основанием в силу как своего состава, так и своего

разнообразия. Невозможно построить классификацию, учитывающую одновременно все компоненты, образующие криминалистическую характеристику преступления. Такая классификация неизбежно окажется либо классификацией по способу совершения или сокрытия преступления, либо по личности вероятного преступника, либо по тем или иным обстоятельствам совершения преступления. Поэтому, на наш взгляд, нельзя согласиться с предложением А. Н. Васильева рассматривать криминалистическую характеристику как основание или форму криминалистической классификации преступлений.

Нельзя, как нам кажется, согласиться и с другим предложением некоторых криминалистов — классифицировать преступления в криминалистических целях на основе следственных ситуаций, складывающихся на начальном этапе расследования, понимая при этом под следственной ситуацией характер исходных данных.

Такая классификация попросту будет не классификацией преступлений, а классификацией исходных данных, которыми располагает следователь, приступая к расследованию. Она, несомненно, имеет значение для определения направления расследования и решения других важных вопросов следствия, но классифицировать по ней преступление невозможно, так как, например, полнота или неполнота исходных данных, наличие в них тех или иных пробелов самого преступления еще не определяют. Это особенности «не самого преступления, а лишь одной из сторон (осведомленности следователя) и лишь одного из компонентов (информационного) следственной ситуации.

Криминалистическая классификация по примененным орудиям и средствам, как и по механизму формирования доказательств (А. Н. Васильев, Н. П. Яблоков, 1971), есть не что иное, как классификация по способу совершения и сокрытия преступлений, признакам его применения. То же самое можно сказать и о классификации по механизму возникновения доказательственной информации (А. Д. Трубачев).

Завершая рассмотрение вопроса о криминалистической классификации преступлений, следует принять во внимание еще одно важное обстоятельство. При построении системы частных криминалистических методик мы, как и другие криминалисты, исходили из уголовно-правовой классификации преступлений. Однако при построении следующего звена системы — криминалистических классификаций до сих пор практически не использовались совсем или использовались лишь в незначительной степени данные другой смежной науки — криминологии — и тех классификаций преступлений, которые формируются ею. Между тем, эти данные могут оказаться весьма полезными и для решения классификационных проблем криминалистики и для разработки криминалистических характеристик преступления.

Констатируя имеющиеся различия между уголовно-правовой и криминологической классификациями преступлений, Ю. Д. Блувштейн отмечает «наличие криминологически значимых различий между деяниями, однородными в уголовно-правовом смысле; сказанное относится в ряде случаев даже к деяниям, квалифицируемым по одной норме уголовного закона. С другой стороны, разнородные с точки зрения уголовного закона деяния подчас являются однородными в криминологическом плане». В качестве примера он ссылается на единую по закону категорию деяний — хищение государственного или общественного имущества путем кражи, которая при криминологическом анализе явственно распадается на две группы — кражи в традиционном их понимании, близко примыкающие по своей криминологической характеристике (мы можем добавить — и по криминалистической характеристике) к кражам личного имущества. Ко второй группе относятся кражи имущества, к которому виновный имел доступ в связи с исполнением своих трудовых функций. Эти кражи, как правило, настолько тесно смыкаются с хищениями, совершенными путем присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением, что даже их правовое разграничение, не говоря о разграничении криминологических характеристик, нередко вызывает значительные трудности.

Далее автор приводит различия в криминологических характеристиках лиц, совершающих кражи первого и второго видов. Эти криминологические различия прямо «просятся» в криминалистические характеристики преступлений. Так например, конкретные криминологические исследования показали, что лица, впервые судимые за кражу, регистрируемые по линии уголовного розыска, значительно более склонны к рецидиву, чем лица, впервые судимые за кражу, регистрируемые по линии службы БЭП. Для лиц первой категории вероятность, что повторно совершенное преступление вновь будет такой же кражей, примерно равна вероятности того, что повторно совершенное преступление будет кражей личного имущества, для лиц второй категории вероятность совершения кражи личного имущества крайне незначительна⁶⁶. Нет необходимости доказывать, насколько эти и подобные им криминологические данные могут быть полезны при построении криминалистических классификаций и криминалистических характеристик преступлений.

⁶⁶ *Блувштейн Ю. Д.* К вопросу соотношения криминологической и уголовно-правовой классификации преступлений и преступников. — В кн.: Вопросы судебной экспертизы и криминологии, вып. 13. Вильнюс, 1977, сс. 54-59.

11.4. Определение предмета и направления расследования

До того как термин “криминалистическая характеристика преступления” вошел в обиход и литературу, в структуре частных криминалистических методик неизменно различали такой элемент, как предмет доказывания (обстоятельства, подлежащие установлению) по делам данной категории.

Обычно этот структурный элемент конкретной частной методики излагался первым или следом за описанием особенностей возбуждения дела и все то, что теперь относят к криминалистической характеристике преступления, раскрывалось применительно к конкретным обстоятельствам, подлежащим доказыванию.

Отправляясь от общей характеристики предмета доказывания, даваемой уголовно-процессуальным законом, авторы разработок по конкретным частным методикам видят свою задачу в том, чтобы максимально детализировать предмет доказывания по конкретной категории преступлений, наполнить абстрактную обобщенную уголовно-процессуальную формулу конкретным типичным для данных дел содержанием; на следующем этапе, при адаптации частной криминалистической методики к условиям расследования отдельного преступления это типичное содержание заменяется индивидуальным, отражающим особенности только данного конкретного дела.

Естественно, что при признании криминалистической характеристики преступления неизбежно возникает вопрос, поглощает ли характеристика указанный структурный элемент частной методики или не поглощает, а если поглощает, то полностью или частично.

Инициаторы замены уголовно-правовой классификации преступлений криминалистической А. Н. Васильев и Н. П. Яблоков, говоря о криминалистической характеристике, не включили в нее все вопросы предмета доказывания, и при дальнейшем изложении содержания конкретных частных методик в книге предмет доказывания сохранил свою структурную обособленность⁶⁷. По тому же пути пошли авторы учебников по криминалистике для юридических вузов 1973 и 1976 гг.⁶⁸ Впоследствии мнения ученых по этому вопросу разделились.

⁶⁷ Криминалистика. МГУ, 1971, гл. XX.

⁶⁸ Криминалистика. М., 1973; Криминалистика. М., 1976.

И. Ф. Герасимов по-прежнему придерживается мнения о необходимости выделения предмета доказывания в структуре частных криминалистических методик⁶⁹. Эту позицию разделяет Н. П. Яблоков⁷⁰. Весьма туманна позиция В. А. Образцова. С одной стороны, говоря о типовой криминалистической характеристике, он называет в ее структуре такие элементы, которые соответствуют элементам предмета доказывания⁷¹, а с другой — при описании содержания общих методик расследования в их содержание включает «положения, содержащие информацию о том, какие обстоятельства устанавливаются во всех случаях исследования определенных событий»⁷². Не выделяют предмет доказывания в качестве самостоятельного элемента частной методики И. А. Возгрин и др. авторы⁷³.

На страницах нашего Курса не случайно часто упоминается **Иван Федорович Герасимов**, которого с полным правом считают лидером уральской школы криминалистов. Многолетний заведующий кафедрой Уральской государственной юридической академии, он известен своими работами преимущественно в области криминалистической методики, проблем раскрытия и расследования преступлений. И. Ф. Герасимов — один из инициаторов и организаторов систематически издаваемых академией сборников по актуальным для теории криминалистики и практики проблемам борьбы с преступностью, многие из которых открываются его заглавными статьями.

Мы полагаем, что правильное понимание содержания криминалистической характеристики преступления делает ненужным приведение в качестве самостоятельного структурного элемента конкретной частной методики перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию (установлению) по данной категории уголовных дел. Содержание криминалистической характеристики должно охватывать собой все элементы предмета доказывания с теми их особенностями, которые характерны именно для расследования конкретной категории преступлений. Иное решение вопроса неизбежно приводит либо к неполноте криминалистической характеристики, в которой не отражаются какие-то элементы предмета доказывания, характеризующие преступление именно в криминалисти-

⁶⁹ Криминалистика. Под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. М., 1994, с.328.

⁷⁰ Криминалистика. Под ред. Н. П. Яблокова. М., 1995, с.485.

⁷¹ Криминалистика. Под ред. В. А. Образцова. М., 1995, с. 39 и след.

⁷² Там же, с. 377.

⁷³ Криминалистика. Под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. СПб., 1995, сс. 354-355.

ческом аспекте, либо к дублированию содержания этих двух структурных элементов методики.

Одно из двух: либо признание необходимости криминалистической характеристики преступления и тогда исключение перечня указанных обстоятельств из числа элементов конкретной частной методики, либо отрицание характеристики и тогда оставление перечня; третьего решения, по нашему мнению, не существует. Правда, такое решение требует интенсивной разработки криминалистических характеристик преступлений всех видов, для всех существующих частных криминалистических методик, но, думается, что это вопрос дальнейшего накопления и обобщения эмпирических данных, который может решаться постепенно. На существующем этапе такие криминалистические характеристики могут быть сконструированы на основе имеющихся уже сведений, в том числе и сведений об особенностях предмета доказывания по отдельным категориям преступлений, наличествующих в соответствующих источниках.

Иначе мы решаем вопрос о соотношении криминалистической характеристики преступления с определением направления расследования и описанием особенностей планирования процесса собирания, исследования, оценки и использования доказательств. Мы полагаем, что этот структурный элемент конкретных частных криминалистических методик должен сохранить свою самостоятельность по следующим основаниям.

Как уже отмечалось, криминалистические характеристики преступлений основываются на уголовно-правовой и криминалистических классификациях преступлений с учетом криминологических классификаций преступлений и преступников. Определение же направления расследования осуществляется, исходя из других оснований, хотя, разумеется, с учетом криминалистической характеристики преступления, служащей ориентиром и при построении версий, и при конкретизации целей расследования в соответствии с предметом доказывания. Таким основанием является объем и содержащиеся исходной информации. Это основание, как мы пытались показать, — не криминалистическая классификация преступлений, а иная классификация — исходных данных, — характеризующая информативный компонент следственной ситуации.

Исходные данные не могут, как правило, за исключением тех случаев, когда преступление совершено в условиях полной очевидности и преступник задержан на месте происшествия с поличным, дать полное представление о следственной ситуации, учет которой необходим для определения направления расследования. Именно поэтому следователь вынужден нередко довольствоваться в самом начале расследования лишь типичными версиями, которые конкретизируются уже в процессе производства первоначальных следственных действий. Исходя из наличной информации и руководствуясь типичными версиями, следова-

тель определяет направление расследования в самых общих чертах еще до производства первоначальных следственных действий и на этой основе планирует свою работу на начальном этапе расследования.

Между тем в большинстве разработок по конкретным частным криминалистическим методикам вопросы планирования расследования рассматриваются после особенностей тактики первоначальных следственных действий. Это обычно объясняют тем, что развернутое планирование характерно только для второго этапа расследования, когда в результате информации, собранной с помощью первоначальных следственных действий, возможно составление подробного письменного плана расследования. Такая система изложения принята практически во всех учебниках по криминалистике, хотя иногда и сопровождается оговорками, что планирование расследования может охватывать и этап первоначальных следственных действий⁷⁴.

Подобный подход к построению структуры частной криминалистической методики теперь нам представляется неправильным. При существующем положении вещей невольно создается впечатление, что начальный этап расследования, от которого, как известно, в значительной степени зависит успех всего процесса доказывания, не планируется, что планирование расследования возможно только на основе достаточно полной информации, а исходные данные не могут служить для него основой. Тем самым мы невольно допускаем взгляд на начальный этап расследования как на нечто бесплановое, в лучшем случае — нечто трафаретное, что можно осуществлять по стандарту, годному для любых ситуаций, когда учет индивидуальных особенностей и не требуется. И такой стандарт действительно предлагается в виде типичного перечня первоначальных следственных действий, даваемого в типичной последовательности.

Этот алгоритм начального этапа расследования действительно необходим и, безусловно, полезен. Однако он не может предлагаться в единственном числе. Подобных алгоритмов должно быть несколько — хотя бы по числу типичных версий или по числу вариантов содержания исходной информации. Именно поэтому им и должен быть предпослан раздел методики о планировании расследования.

⁷⁴ В изданном при участии и под редакцией автора учебнике по криминалистике для юридических вузов 1976 г. по этому поводу сказано: «Планирование расследования может быть начато и до производства неотложных следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела» (с. 384). Однако и в этом учебнике этот структурный элемент методики значителен после первоначальных следственных действий.

С рассматриваемым вопросом связан и вопрос о необходимости выделения в самостоятельный структурный элемент методики такой стадии процесса, как возбуждение уголовного дела.

Ряд авторов начинает изложение частных криминалистических методик с изложения особенностей возбуждения уголовного дела по данной категории преступлений. Здесь обычно излагаются типичные поводы и основания для возбуждения дела и некоторые вопросы проверки первичных материалов.

Возражая против практики отнесения указанных вопросов к криминалистической методике, А. Н. Васильев писал: «Рассмотрение первичных материалов и возбуждение уголовного дела должны относиться к науке уголовного процесса, а не к методике расследования и не к криминалистике вообще. Задача криминалистики разработать свою методику расследования преступлений. При проверочных же действиях нет необходимости применять приемы и средства криминалистики, если, конечно, не становится на путь подмены расследования проверкой. Статья 109 УПК РСФСР допускает возможность совершать до возбуждения уголовного дела лишь самые простые действия — истребовать необходимые материалы и получать объяснения, рекомендации по рассмотрению первичных материалов должна давать процессуальная наука»⁷⁵.

Оспаривая доводы А. Н. Васильева, А. Н. Колесниченко выдвинул контраргумент. «Решение этого вопроса, — пишет он, — имеет как бы две стороны, два аспекта. Действительно, решение вопроса о достаточности имеющихся данных для возбуждения уголовного дела, необходимости провести их проверку относится к уголовному процессу. Однако исходные данные, по которым возбуждено дело, являются объектом и специфической криминалистической оценки, позволяющей принять во внимание какую-либо из типичных версий, характерных именно для данной совокупности признаков преступления, по которым начато расследование. В таком плане рассмотрение вопроса о возбуждении уголовного дела вполне оправдано в методике расследования»⁷⁶.

В этом споре мы на стороне А. Н. Васильева. В криминалистической методике нет необходимости дублировать процессуальные вопросы, не

⁷⁵ **Васильев А. Н.** Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений, с. 61. Ранее А. Н. Васильев вместе с Н. П. Яблоковым придерживался прямо противоположной точки зрения (см. Криминалистика. МГУ, 1971, с. 426).

⁷⁶ **Колесниченко А. Н.** Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976, с. 21.

относящиеся к тому, как именно нужно организовывать и осуществлять расследование. Что же касается необходимости криминалистической оценки исходных данных, о чем справедливо пишет А. Н. Колесниченко, то такая оценка и дается при рассмотрении вопросов направления и планирования расследования так что ее незачем выделять в самостоятельный структурный элемент частной методики.

Таким образом, мы определили два структурных элемента частной криминалистической методики: криминалистическая характеристика преступления и определение направления и особенности планирования расследования. Третьим элементом мы считаем описание первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, причем в отношении первых указывается перечень, типичная последовательность и особенности тактики, а в отношении вторых — приводится только перечень с указанием вопросов, которые могут быть решены их проведением.

11.5. Первоначальные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия

Выделение этого структурного элемента частной криминалистической методики было произведено уже в первых работах советских криминалистов, хотя оно не всегда мотивировалось. В 1959 г. мы объясняли такое выделение значением первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в процессе расследования. Нами указывалось, что на начальном этапе расследования производством следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий решаются следующие задачи:

- ◆ ориентирование лица, производящего расследование, в обстоятельствах того события, которое ему предстоит расследовать, уяснение фактов, подлежащих исследованию по делу, получение исходных данных для развернутого планирования расследования;
- ◆ сбор и фиксация всех возможных доказательств, которые в противном случае с течением времени могут быть утрачены;
- ◆ установление, розыск и задержание преступника по горячим следам⁷⁷.

⁷⁷ Криминалистика. М., 1959, сс. 333-334.

Впоследствии этот перечень был дополнен такими задачами первоначальных следственных действий, как обеспечение возмещения материального ущерба, конфискации имущества, пресечение и предупреждение преступлений⁷⁸.

Одно время в литературе дискутировался вопрос о соотношении первоначальных и неотложных следственных действий. Высказывалось мнение, что первоначальные следственные действия всегда являются неотложными, тогда как “в процессе расследования необходимость немедленного проведения определенного действия может возникнуть как в начале расследования, так и в дальнейшем”⁷⁹. Другое мнение заключалось в том, что первоначальные следственные действия могут быть и не быть неотложными и “в соответствии с этим различались первоначальные и первоначально-неотложные следственные действия”⁸⁰. Сейчас этот вопрос, пожалуй, уже нельзя считать дискуссионным⁸¹.

Н. П. Яблоков справедливо указывал, что понятие первоначальных следственных действий является криминалистическим, а неотложных следственных действий — и криминалистическим, и уголовно-процессуальным⁸². Оба эти понятия — первоначальные и неотложные — могут совпадать и не совпадать. В большинстве случаев неотложные следственные действия осуществляются на начальном этапе расследования, и тогда эти понятия совпадают. Однако, как верно указывал А. Н. Колесниченко, неотложный характер в принципе может приобрести любое следственное действие на любом этапе расследования, например, обыск места, указанного обвиняемым после предъявления ему обвине-

⁷⁸ **Колесниченко А. Н.** Общие положения методики расследования отдельных видов преступления. Харьков, 1965, с. 37.

⁷⁹ Там же, с. 36.

⁸⁰ Криминалистика. М., 1959, с. 351.

⁸¹ Довольно удачное определение первоначальных следственных действий предложил в свое время Ю. Н. Лукин, понимающий под ними “комплекс взаимосвязанных процессуальных, наиболее целесообразных для данной следственной ситуации, действий, производимых следователем на первом этапе расследования преступлений в определенной последовательности для уяснения в основных чертах характера происшествия, а также для собирания такого объема фактических данных, который явился бы основой дальнейшего расследования и позволил бы построить более или менее полный круг версий по основным обстоятельствам дела и составить развернутый план расследования”. (**Лукин Ю. Н.** Расследование убийств, совершенных из огнестрельного оружия. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1968, сс. 5-6).

⁸² **Яблоков Н. П.** Проблемы расследования и предупреждения преступлений в области охраны труда и техники безопасности. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1972, с. 20.

ния, или эксгумация трупа при получении информации, что в данной могиле захоронен не потерпевший, а иное лицо, и т. п.

В рассматриваемом разделе методики обычно приводится типичный перечень первоначальных следственных действий и дается их типичная последовательность с учетом того, какое из них может иметь по данной категории дел неотложный характер. Здесь же обычно описываются и особенности тактики их применения в зависимости опять-таки от категории преступлений.

Наконец, в этом же разделе конкретной частной методики идет речь и об оперативно-розыскных мероприятиях, осуществляемых на начальном этапе расследования. Этот вопрос, в отличие от вопроса о соотношении первоначальных и неотложных следственных действий, действительно является в криминалистической методике спорным. Позиции спорящих сторон различаются в зависимости от того, признают ли они теорию оперативно-розыскной деятельности частью криминалистики или самостоятельной областью научного знания. В первом случае в разделе частной криминалистической методики считается необходимым излагать, по возможности, подробно вопросы тактики оперативно-розыскных мероприятий начального этапа расследования. Во втором случае дается лишь перечень типичных оперативно-розыскных мероприятий с акцентом не на их содержание и тактику, а на сочетание с ними следственных действий⁸³.

Мы полагаем этот второй путь единственно верным, так как он исходит из правильной посылки о признании в современных условиях теории оперативно-розыскной деятельности самостоятельной наукой и отпочковании ее от криминалистики.

11.6. Последующие следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия

Заключительным разделом частной криминалистической методики мы считаем описание типичного круга и особенностей тактики последующих следственных действий и их сочетания с оперативно-розыскными мероприятиями, осуществляемыми на этом этапе расследования.

⁸³ Лузгин И. М. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. — В кн.: Криминалистика. М., 1976, с. 383.

Обычно этот структурный элемент частной криминалистической методики охватывает собой процесс расследования от момента предъявления обвинения и до направления дела в суд или его прекращения, то есть завершения расследования. Хотя мы несколько изменили свои взгляды на периодизацию этапов процесса расследования, о чем речь будет идти далее, это не отражается на содержании рассматриваемого элемента методики, поскольку он охватывает не все процессуальные, а лишь следственные действия, только в отношении которых правомерно, с нашей точки зрения, вести речь о тактике проведения. Лишь в области планирования расследования приходится выходить за эти пределы, так как в плане расследования указываются все действия следователя, а не только те, которые направлены на собирание, исследование, оценку и использование доказательств для установления истины.

Мы полагаем целесообразным открывать заключительный раздел частной криминалистической методики описанием типичного перечня и особенностей тактики последующих (за первоначальными) следственных действий, и в этой связи хотелось бы высказать следующее замечание.

К сожалению, в большинстве случаев применительно как к первоначальным, так и к последующим следственным действиям речь идет не об особенностях тактики проведения, а об общих положениях тактики и процессуальных процедурах производства данных следственных действий. Действительных особенностей тактики, связанных с расследованием конкретной категории преступлений, называется немного.

В качестве особенностей тактики в учебниках чаще всего фигурируют наименования объектов, подлежащих осмотру или поиску при обыске, категории лиц, среди которых вероятнее всего может быть обнаружен преступник или которые могут выступать в качестве свидетелей, некоторые вопросы, постановка которых характерна для допроса обвиняемых или свидетелей по данной категории дел.

Нам представляется, что изменение существующего положения является насущной задачей научной разработки частных криминалистических методик. Для этого, видимо, необходимо дальнейшее накопление эмпирического материала и его обобщение именно в плане выявления особенностей тактики, характерных для конкретных категорий уголовных дел, решительное исключение из методики общих тактических положений и процессуальных правил, если они также не связаны с особенностями тактики.

Помимо рассматриваемого раздела, посвященного особенностям тактики последующих следственных действий и их сочетанию с оперативно-розыскными мероприятиями, в частные криминалистические ме-

тодики в последние годы обычно включается раздел о выявлении причин и условий, способствующих совершению данного вида преступлений, и принятии следователем мер по их устранению. В этом разделе приводится зачастую один и тот же перечень обстоятельств, способствующих совершению преступлений, и один и тот же перечень процессуальных и непроцессуальных мер следователя. Такая практика уже подвергалась справедливой критике в литературе, но еще не изжита.

Думается, что частная криминалистическая методика не должна содержать раздела о профилактической работе следователя. Общие необходимые сведения о ней должны содержаться в учении о принципах организации деятельности по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств, а все специфическое, характерное для данного вида преступлений — в их криминалистической характеристике.

* * *
* * *

Мы рассмотрели структуру частной криминалистической методики как “скелет”, основу формирования комплекса криминалистических (методических) рекомендаций. Базой для формирования служат уголовно-правовые и криминалистические классификации преступлений, а из числа последних — в основном, классификация по способу совершения и сокрытия преступлений, частично — по личности преступника. Но построенные лишь по этим основаниям методики уже не могут удовлетворять практику борьбы с преступностью, нуждающуюся в более полном учете общественных явлений и их последствий, которые порождены научно-техническим прогрессом, проблемами экономического и демографического характера. Задачи борьбы с преступностью требуют гибкого, тонкого подхода к выбору оснований для комплексирования криминалистических рекомендаций, разработки методических комплексов на базе криминалистических классификаций преступлений, которые пока лишь обозначаются, но еще не реализуются в криминалистической методике в должной мере.

Вопрос о развитии в криминалистической методике новых направлений привлекает к себе более пристальное внимание ученых-криминалистов. Рассматривая последствия научно-технической революции в сфере борьбы с преступностью, ученые-криминалисты и практики обращают внимание на появление новых видов или способов совершения преступлений, например, в области хранения и передачи информации, использования современных достижений медицины и биологии и т. п. Существенно пополнилась Особенная часть нового Уголовного кодекса РФ. Все это требует разработки новых или уточнения и корректировки существующих частных криминалистических методик. Однако это

направление развития криминалистической методики представляется не единственным.

Ряд новых оснований для комплексирования методических рекомендаций был обозначен И. М. Лузгиным. Дальнейшая разработка частных методик, по его мнению, должна идти по пути совершенствования уже сложившихся частных методик; по пути выявления общих особенностей в расследовании нескольких видов преступлений и построения ситуационных моделей расследования; по пути разработки рекомендаций по расследованию правонарушений, типичных для определенного региона, микросреды, отрасли народного хозяйства, возрастной или профессиональной группы, специфических условий (например, при стихийных бедствиях); по пути создания новых методик, обусловленных совершенствованием законодательства⁸⁴.

Ведутся активные разработки по комплексированию криминалистических рекомендаций в области раскрытия и расследования преступлений по горячим следам, нераскрытых преступлений прошлых лет, на транспорте.

Мы полагаем, что, учитывая высказанные в литературе предложения и руководствуясь запросами практики борьбы с преступностью, можно констатировать наличие и развитие двух направлений комплексирования частнометодических криминалистических рекомендаций:

1. Совершенствование существующих и разработка новых частных криминалистических методик. К числу последних относятся такие, которые обусловлены появлением новых составов преступлений, связанных, например, с защитой окружающей среды, исторических памятников, рациональным использованием природных богатств и т. п. Изменения в существующих методиках могут быть связаны с новыми способами совершения преступлений, с изменением контингента субъектов преступных посягательств, изменением обстоятельств, способствующих совершению данного вида преступлений, и т. п.

2. Создание комплексов частнометодических криминалистических рекомендаций большей степени общности, охватывающих несколько видов и даже родов преступных посягательств, но совершаемых не вообще, а в специальных условиях места, времени либо лицами, характеризующимися общим для них отличительным признаком. Такие комплексы

⁸⁴ Лузгин И. М. Проблемы развития методики расследования отдельных видов преступлений. — В кн.: Методика расследования преступлений. М., 1976, с. 32-33; Лузгин И. М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений. — Правоведение, 1977, № 2, с. 65.

отличаются от традиционных частных методик своей структурой и содержанием. По сути, они должны состоять из характеристики основания комплексирования (условий преступного посягательства, группы субъектов преступления и т. п.) и раскрытия особенностей методики расследования, которые обусловлены данной характеристикой и в которых она проявляется. Можно наметить следующий ориентировочный перечень подобных комплексов:

А. По субъекту преступления. Особенности методики расследования преступлений:

- ◆ совершенных рецидивистами;
- ◆ совершенных женщинами (здесь имеется в виду выявление признаков, свидетельствующих о совершении преступления женщиной, использование криминологических данных об избираемых преимущественно женщинами непосредственных предметах преступных посягательств, о частоте совершения женщинами тех или иных видов преступлений, избираемых ими способах сокрытия преступлений и т. п.);
- ◆ совершенных лицами с дефектами психики;
- ◆ совершенных сезонными работниками;
- ◆ совершенных осужденными, отбывающими наказание в условиях, не связанных с лишением свободы;
- ◆ совершенных осужденными в исправительно-трудовых учреждениях;
- ◆ совершенных иностранцами.

Б. По времени совершения преступления. Особенности методики расследования:

- ◆ преступлений по горячим следам;
- ◆ нераскрытых преступлений прошлых лет.

В. По месту совершения преступления. Особенности методики расследования преступлений:

- ◆ на транспорте;
- ◆ совершенных в сельской местности;
- ◆ совершенных в курортных районах, местах общественного отдыха, массового туризма;
- ◆ совершенных в экстремальных климатических или территориальных и производственных условиях (на отдаленных лесоразработках, зимовках, охотничьих заимках, горных метеостанциях, в альпинистских группах, на сложных туристических маршрутах и т. п.).

Г. По личности потерпевшего. Особенности методики расследования преступлений:

- ◆ против иностранных граждан;
- ◆ против лиц с дефектами и расстройствами психики.

Для формирования этих и иных комплексов частнометодических криминалистических рекомендаций весьма важно широкое использование всех источников криминалистической методики, к анализу которых мы переходим.

12. ИСТОЧНИКИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ

12.1. Право как определяющий фактор и источник методических рекомендаций криминалистики

В системе источников формирования криминалистических методических рекомендаций нормы права играют определяющую роль. Мы уже показали в общих чертах, в чем заключается значение норм уголовного и уголовно-процессуального права для комплексирования методических рекомендаций в частные криминалистические методики. Напомним, что нормы особенной части уголовного права, помимо своей классификационной роли, наполняют необходимым содержанием общую формулу предмета доказывания и, следовательно, определяют цели процесса расследования.

Касаясь этого вопроса, С. И. Тихенко справедливо замечал, “что следователь не занимается расследованием по делу “вообще”, а устанавливает в случаях, когда было совершено преступление, путем его расследования такие факты, которые, имея уголовно-правовое значение, доказывают наличие в действиях виновного состава данного преступления, а также обстоятельства, отягчающие или смягчающие его ответственность. Так как признаки состава преступления, определенные уголовным законом, имеют существеннейшее значение для производимого следователем расследования, они, естественно, должны иметь и имеют столь же большое значение также для теоретических разработок в области методики расследований преступлений отдельных видов”¹.

Эту же мысль об основополагающем значении уголовного права для криминалистической методики высказывали и многие другие кримина-

¹ *Тихенко С. И.* Борьба с хищениями социалистической собственности, связанными с подлогом документов. Киев, 1959, с. 180.

листы. Так, например, А. Н. Колесниченко, неоднократно подчеркивавший роль уголовного права для разработки частных криминалистических методик, в одной из своих работ писал: “Определяющую роль в расследовании и его методике играет квалификация преступления, которая позволяет установить конкретные задачи расследования, что в свою очередь влияет на применение тех или иных методов. Положения уголовного права помогают правильно определить обстоятельства, подлежащие выяснению в ходе расследования преступления”².

Несколько подробнее следует остановиться на вопросе о значении для криминалистической методики уголовно-процессуального права.

Не будет преувеличением сказать, что нормы уголовно-процессуального права, как в системе, так и в отдельности, в буквальном смысле слова являются определяющим фактором и источником криминалистических методических рекомендаций. Эта их роль проявляется в следующем.

I. Уголовно-процессуальный закон устанавливает общую процедуру расследования преступлений и изъятия из этой процедуры. На этой процедуре основывается структура частных криминалистических методик, отражающая последовательность действий следователя и содержание этих действий на каждом этапе расследования.

Процессуальная процедура определяет обязательные процессуальные действия, а иногда и их последовательность и определенные временные границы их проведения. Все это играет роль определенных “вех”, “узловых моментов” процесса доказывания и обуславливает его периодизацию и в известной степени содержание планирования расследования. К этому следует добавить, что уголовно-процессуальный закон, устанавливая два порядка расследования и определяя компетенцию органов дознания по делам, подследственным органам предва-

² *Колесниченко А. Н.* Общие положения методики расследования отдельных видов преступления. Харьков, 1965, с. 12. Позже он вновь подчеркивал, что “положения уголовного права обуславливают общую направленность методики служить точному выяснению, имеется ли в расследуемом действии или бездействии конкретного субъекта состав преступления и какой именно, подлежит ли он уголовной ответственности” (*Колесниченко А. Н.* Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976, сс. 7-8). И. М. Лузгин констатировал “зависимость расследования отдельных видов преступлений от объективных особенностей расследуемого преступления, его юридических признаков и условий совершения” и значение для методики норм уголовного и уголовно-процессуального права (*Лузгин И. М.* Развитие методики расследования отдельных видов преступлений. — Правоведение, 1977, № 2, с. 62, *Лузгин И. М.* Методологические проблемы расследования. М., 1973, сс. 9-10).

рительного следствия, тем самым влияет на состав первоначальных следственных действий. Известно, что по этой категории дел закон ограничивает круг неотложных следственных действий, которые вправе провести орган дознания после возбуждения уголовного дела. Естественно, что это не может не отразиться и на методических рекомендациях.

В силу сказанного ясно, что изменение процессуальной процедуры самым непосредственным образом влияет на криминалистическую методику в целом и на ту или иную частную криминалистическую методику в особенности. В подтверждение достаточно сослаться на изменение процессуальной процедуры по некоторым категориям дел о хулиганстве, повлиявшее на содержащиеся соответствующей частной криминалистической методики. Естественно поэтому, что криминалистическая методика как раздел криминалистической науки и система практических рекомендаций не остается нейтральной к процессам унификации или дифференциации уголовного судопроизводства. Для криминалистической науки важны и те идеи, которые высказываются в этой области.

Иллюстрацией к этому служит давняя дискуссия на страницах журнала «Социалистическая законность» о единстве и дифференциации уголовного судопроизводства, выявившая различные, порой диаметрально противоположные точки зрения ученых-процессуалистов на эти проблемы, представляющие и сейчас существенный интерес для криминалистов, работающих в области методики расследования. Из числа поднятых в дискуссии вопросов остановимся в этой связи на двух: предложениях об упрощении или ликвидации предварительного расследования по некоторым категориям уголовных дел и предложениях об упрощении процедуры судебного разбирательства по тем же делам³.

«Упрощение порядка уголовного судопроизводства по несложным делам, — писал В. Д. Арсеньев, — важно для усиления борьбы с преступностью в целом. Оно позволяет наиболее рационально распределять силы и средства, в частности, уделять больше внимания расследованию наиболее опасных и сложных преступлений... Упрощение производства по несложным делам, как свидетельствует многолетний опыт рассмотрения дел частного обвинения и опыт борьбы с хулиганством, должно, на наш взгляд, идти прежде всего по линии отказа от обязательного проведения предварительного расследования по этим делам». Другой участник дискуссии высказался за упрощение процедуры расследования преступлений, совершенных в условиях полной очевидно-

³ Материалы дискуссии см.: Соц. законность, 1974, № 9, 1975, №№ 1-4, 8.

сти: “Когда преступление очевидно, лицо, совершившее его, застигнуто на месте совершения... достаточно возбудить дело, допросить свидетелей, потерпевших и лицо, совершившее преступление, составить краткую справку с перечислением доказательств его вины и с санкции прокурора направить в суд для рассмотрения по существу”⁴.

П. Пашкевич и ряд других участников дискуссии высказались и за упрощение процедуры рассмотрения в суде дел простых, ясных, когда факт совершения преступления очевиден.

В редакционной статье, подводящей итоги дискуссии, содержалось несогласие с предложением упростить судебную процедуру и признание возможности упрощения как досудебной подготовки некоторых категорий дел, так и предварительного расследования некоторых видов неопасных преступлений, но подчеркивалось, что “и это предложение требует более тщательного и всестороннего изучения. При этом было бы неправильным исходить только из вида и размера наказания, которое может быть назначено за то или иное деяние”⁵. Позднее Н. А. Якубович предложила отнести к юрисдикции органа дознания “все дела о преступлениях, влекущих наказание до 1 года лишения свободы, введя по ним ускоренное производство предварительного расследования, если обвиняемый в совершении этого преступления не может быть освобожден от уголовной ответственности”⁶.

Какие выводы следует сделать криминалистам как из материалов дискуссии, так и из самого факта существования проблемы и процесса дифференциации уголовного судопроизводства? Полагаем, что эти выводы заключаются в следующем.

Процесс дифференциации уголовного судопроизводства представляется нам реальным и необходимым. В этом нас убеждают как те законоположения, которые подтверждают его реальность (например, о протокольной форме досудебной подготовки материалов), так и те тенденции, которые наблюдаются в развитии уголовной политики. В случае выделения понятия уголовного проступка процесс дифференциации судопроизводства, очевидно, получит новый импульс. Мы не беремся

⁴ **Арсеньев В.** Упрощение неравнозначно упрощенчеству. — Соц. законность, 1975, № 3, с. 63; **Ооржак А.** Предложения о дифференциации заслуживают поддержки. — Соц. законность, 1975, № 3, с. 64.

⁵ Проблема совершенствования уголовного судопроизводства. — Соц. законность, 1975, № 8, сс. 36-38.

⁶ **Якубович Н. А.** Предварительное расследование. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1977, с. 21.

оценивать вероятность изменения процедуры судебного разбирательства по таким делам, хотя пример с протокольной формой разрешения некоторых категорий уголовных дел позволяет предположить такую возможность. Но что касается предварительного расследования, то, скорее всего, определенные изменения в его процедуре для некоторых категорий дел последуют. Следовательно, существенные изменения претерпят и соответствующие частные криминалистические методики. Они упростятся и станут более похожи на алгоритмы расследования в собственном смысле этого понятия, то есть на такие программы действий следователя, которые выглядят более жесткими и однозначными по сравнению с обычными частными методиками, где такие алгоритмы неизбежно многовариантны и менее категоричны.

Но такой упрощенный порядок расследования, а тем более упрощенная процедура судебного разбирательства потребуют, чтобы качество рассмотрения дела в суде по-прежнему обеспечивало реализацию всех принципов уголовного процесса, незыблемость демократических основ отправления правосудия. Поэтому возрастает важность научной разработки средств и приемов судебного следствия с тем, чтобы даже при упрощении процедуры предварительного производства гарантировать полное, объективное и справедливое рассмотрение дела в суде. Возникает вопрос о разработке криминалистической методики судебного разбирательства.

Инициатором постановки этого вопроса был Л. Е. Ароцкер. Поскольку никто иной, включая и автора настоящего Курса, исследованием этой проблематики не занимался, мы ограничимся кратким изложением концепции Л. Е. Ароцкера⁷.

Различие в исходных данных у следователя и суда, в их процессуальном положении, в характере и процессуальных условиях деятельности не позволяют суду при судебном разбирательстве использовать ту же методику, которая была применена следователем в ходе расследования, хотя знание методик расследования небесполезно для суда, так как помогает в правильном выборе методики судебного разбирательства.

Методика судебного разбирательства отдельных категорий уголовных дел должна обеспечить всесторонность, полноту и объективность исследования в соответствии с требованиями закона; проверку всех доказательств, положенных в основу обвинения, на началах устности,

⁷ Приводится по статье: **Ароцкер Л. Е.** О методике судебного разбирательства уголовных дел и ее соотношении с методикой расследования. — В кн.: Методика расследования преступлений (общие положения). М., 1976, сс. 41-45.

непосредственности и непрерывности; восполнение пробелов расследования, необходимое для рассмотрения в суде дел определенной категории; выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Методика судебного разбирательства зависит от двух групп обстоятельств, которые следует учитывать лишь в совокупности. Первая группа включает обстоятельства, отражающие специфику определенной категории уголовных дел, которые обусловлены характером преступления, совершенного подсудимым, и определяют его квалификацию. Вторая группа включает обстоятельства, относящиеся к характеру и условиям судебной деятельности. По каждому уголовному делу судом производятся определенные судебные действия. Необходимость в них определяется не только конкретными обстоятельствами дела, но и видом преступления, его уголовно-правовой квалификацией. Наряду с такими судебными действиями, которые проводятся, как правило, по любому делу, имеются и такие, которые проводятся в зависимости от категории уголовного дела: определенные виды судебных экспертиз, судебный осмотр места происшествия и т. п. Таким образом, при выборе методики судебного разбирательства следует учитывать и необходимость производства определенных судебных действий, отражающих своеобразие категории уголовного дела.

В криминалистическом плане структура методики судебного разбирательства должна содержать как элементы, общие для всех дел, так и элементы, общие только для всех дел одной и той же категории. Этим требованиям может отвечать структура методики судебного разбирательства, состоящая из:

- ◆ а) обстоятельств, подлежащих выяснению по конкретной категории уголовных дел;
- ◆ б) особенностей построения и проверки судебных версий, типичных для данной категории уголовных дел;
- ◆ в) особенностей производства судебных действий по делам данной категории.

Концепция Л. Е. Ароцкера представляется нам весьма убедительной и заслуживает дальнейшего развития. Она свидетельствует, к тому же, и о тех усилиях, которые прилагал автор к распространению криминалистических рекомендаций на сферу судебного разбирательства, в чем он, бесспорно, являлся пионером среди отечественных криминалистов.

Лев Ефимович Ароцкер вошел в историю отечественной криминалистики не только своими работами в области использования данных криминалистики в деятельности суда, но и многочисленными исследованиями в разных областях судебной экспертизы. Одним из первых он проявил интерес к проблеме автоматизации процесса экспертного исследования и использованию для этих целей современных

ЭВМ; известны его работы по различным аспектам почерковедческих исследований, оценке заключения эксперта, нравственным началам экспертной деятельности и др. Преждевременная смерть в 1980 г. на пятьдесят третьем году жизни оборвала кипучую научную и организаторскую деятельность этого незаурядного ученого и прекрасного человека.

II. Уголовно-процессуальный закон исчерпывающим образом определяет круг следственных действий, с помощью которых осуществляется процесс доказывания. Допуская возможность проведения большинства из них по усмотрению следователя, в отношении некоторых он содержит императивные указания, относящиеся либо ко всем делам, либо к некоторым категориям дел. Частные криминалистические методики, содержащие рекомендации по типичному кругу следственных действий и их типичной последовательности, естественно, могут оперировать только теми следственными действиями, которые регламентированы законом, и учитывать при этом его императивные указания.

Доказывание осуществляется только средствами, которые допускает уголовно-процессуальный закон.

III. В уголовно-процессуальном законе содержится общая формула предмета доказывания, на базе которой криминалистическая методика разрабатывает круг обстоятельств, подлежащих выяснению по каждой категории уголовных дел, являющийся элементом криминалистической характеристики преступлений.

IV. Наконец, важнейшее общее значение для криминалистической методики в целом имеют требования уголовно-процессуального закона о быстром и полном раскрытии преступлений, о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела. Эти требования, в сочетании с требованием неукоснительного обеспечения установленных законом процессуальных гарантий, прав и интересов участников процесса, «обязывают следователя планировать свою работу по делу так, чтобы исключить односторонний подход к исследованию событий, предвзятость и тенденциозность»⁸.

Существенное влияние на содержание ряда частных криминалистических методик оказывает административное право. Мы имеем в виду ряд подзаконных нормативных актов, которые имеют значение для криминалистических характеристик таких, например, преступлений, как нарушение правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта или городского электротранспорта; нарушение действующих на транспорте правил; нарушение правил хранения, использования,

⁸ Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., 1973, с. 10.

учета или перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ; незаконное ношение, хранение, изготовление и сбыт оружия и т. п. Составы всех этих преступлений сконструированы таким образом, что соответствующие правила, содержащиеся в определенных административно-правовых нормативных актах, должны быть обязательно учтены в предмете доказывания. Естественно поэтому, что криминалистическая характеристика преступления в этом случае должна содержать указания на типичные нарушения подобных правил, которые сами по себе или по своим последствиям носят общественно опасный характер.

Аналогичную роль играют подзаконные акты других отраслей права, например земельного, трудового, семейного. Вопрос о влиянии всех этих отраслей права на частные криминалистические методики еще мало изучен, но разработка детальных криминалистических характеристик преступлений, несомненно, потребует его исследования.

12.2. Следственная практика как источник криминалистических методических рекомендаций

Формирование криминалистической методики как раздела криминалистической науки и комплексов методических рекомендаций как частных криминалистических методик, предназначенных для использования в борьбе с преступностью, происходило на основе изучения и обобщения следственной практики. Следственная практика — и источник методических рекомендаций, и критерий их истинности, эффективности. Это положение в криминалистической методике играет роль основополагающей аксиомы.

Уже в одной из первых советских работ по криминалистической методике указывалось, что изучение практики расследования преступлений, опыта прошлого дают возможность сделать важные обобщающие практические выводы о методах работы по расследованию преступлений⁹. «Без постоянного обобщения и научного анализа практики расследования отдельных видов преступлений не может быть научно органи-

⁹ Громов Вл. Методика расследования преступлений. М., 1930, с. 8.

зованного следствия”, — писали С. А. Голунский и Б. М. Шавер¹⁰. Б. Л. Зотов, отметив, что изучение способов совершения преступлений расширяет познания следователя и указывает пути их раскрытия, назвал такие формы изучения и обобщения практики, как анализ следователем своей собственной работы, обмен опытом на оперативных совещаниях, организация семинаров следователей, созыв конференций лучших следователей, издание специальной литературы¹¹.

Общее требование изучения практики расследования преступлений Б. М. Шавер конкретизировал в виде принципов-условий, на которых должна базироваться разработка криминалистической методики. В их числе он назвал освоение опыта расследования анализируемой категории дел, включая сюда и способы совершения преступлений; установление — где, на каком участке, на каких предметах обычно остаются следы при совершении преступлений данной категории и какими методами и способами эти следы могут быть обнаружены, исследованы и оценены как доказательства; определение данных, пользование которыми облегчало бы установление круга лиц, среди которых может быть обнаружен преступник и выявлены свидетели¹².

Для современного периода развития криминалистической методики характерен дифференцированный подход к изучению и обобщению следственной практики. Отмечается необходимость изучения не практики вообще, а целеустремленного систематизированного накопления, анализа и обобщения эмпирического материала по следующим направлениям:

- ♦ способы совершения и сокрытия преступлений (изучение способов совершения и сокрытия преступлений имеет как научное — для совершенствования и разработки частных криминалистических методик, — так и сугубо практическое значение для конкретного акта расследования и действий следователя по аналогичным делам¹³;

¹⁰ Голунский С. А., Шавер Б. М. Криминалистика. М., 1939, с. 3.

¹¹ Зотов Б. Л. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1955, с. 11.

¹² Шавер Б. М. Предмет и метод советской криминалистики и применение ее к расследованию отдельных видов преступлений. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1939. Цит. по кн.: Советская криминалистика на службе следствия, вып. 8. М., 1956, сс. 107-108.

¹³ Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1967, с. 13.

- ◆ признаки преступления и совершения и сокрытия его определенным способом¹⁴;
- ◆ типичное содержание исходных данных при возбуждении отдельных категорий уголовных дел;
- ◆ применяемые в практике приемы и средства раскрытия и расследования данного вида преступлений, организация процесса их расследования¹⁵.

Анализ работы органов расследования и процесса научной разработки проблем криминалистической методики позволяет выделить две области человеческой деятельности, являющиеся источником криминалистических методических рекомендаций. Во-первых, это область противоправной деятельности, совершения и сокрытия преступлений и, во-вторых, ее антипод — область раскрытия и расследования преступлений, т.е. правоохранительной и правоприменительной деятельности органов расследования. Применительно к каждой из этих областей, неразрывно, естественно связанных друг с другом, можно определить в методическом аспекте цели их изучения. Такими непосредственными целями научного изучения преступной деятельности, на наш взгляд, являются:

- ◆ выявление типичных способов совершения и сокрытия конкретных видов преступлений, закономерностей выбора этих способов, различных факторов, влияющих на поведение преступника до и после совершения преступления;
- ◆ выявление закономерностей возникновения доказательств и определение содержания их комплексов, характерного для применения данного способа совершения и сокрытия преступления, типичных вариантов таких комплексов, выступающих в качестве исходных данных для расследования;
- ◆ получение иных данных, необходимых для формирования криминалистической характеристики преступления.

Достижение этих непосредственных целей обеспечивает в определенной части решение основной задачи — формирование частной криминалистической методики. Однако для ее полного решения необходимо изучение и другой области — практики раскрытия и расследования

¹⁴ **Колесниченко А. Н.** Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976, с. 5.

¹⁵ **Возгрин И. А.** Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1976, сс. 35-36; **Бахин В. П.** Следственная практика: проблемы изучения и совершенствования. Киев, 1991, сс. 17-29.

преступлений. В качестве непосредственных целей такого изучения могут быть названы:

- ◆ выявление закономерностей процесса доказывания и определяемых ими особенностей организации расследования конкретных видов преступлений;
- ◆ определение эффективности применяемых методов раскрытия и расследования преступлений, в том числе приемов рефлексивного управления действиями и поведением лиц, противодействующих следователю;
- ◆ проверка правильности методических рекомендаций, обоснованности их комплексирования, доступности и распространенности.

В. А. Кухарев и В. А. Мальцев, в целом, правильно описывают ступени научного исследования при обобщении следственной практики:

- ◆ накопление определенной совокупности эмпирических данных;
- ◆ логическая, математическая и иная обработка этих данных, их систематизация и классификация;
- ◆ выявление закономерностей, характеризующих отдельные группы обработанных фактов;
- ◆ выработка на основе выявленных закономерностей частных методик;
- ◆ проверка частных методик в ходе практической деятельности по расследованию преступлений¹⁶.

Изучение следователем противоправной деятельности, преступления, которое он должен расследовать, преследует чисто практические цели и отличается ими от научного исследования практики. Эти цели — обнаружить признаки преступления, распознать по ним способ его совершения и сокрытия; отправляясь от знания последнего, выявить всю совокупность доказательств по делу, применив для этого как рекомендуемые наукой, так и подсказанные опытом методы и средства. Столь же практический аспект имеет изучение следователем коллективной практики расследования путем различных форм обмена опытом, ознакомления с информационными материалами и т. п. Важной задачей криминалистической методики следует признать разработку предназначенных для следователя методов анализа практики, анализа конкретного преступления, без чего его действия не могут носить целеустремленного характера. Вопрос об анализе конкретного преступления, тесно

¹⁶ Кухарев В. А., Мальцев В. А. К вопросу об общих положениях методики расследования преступлений. — В кн.: Методика расследования преступлений (общие положения). М., 1976, сс. 71-72.

связанный с общей проблемой метода расследования, мы рассмотрим в одной из последующих глав.

12.3. Наука как источник криминалистических методических рекомендаций

Рассматривая вопрос о науке как источнике криминалистических рекомендаций, чаще всего ограничивают его исследованием внутривидисциплинарных связей методики с другими разделами криминалистики — техникой и тактикой. Нет сомнения, что методика, являясь синтезирующим разделом криминалистики, испытывает на себе влияние криминалистической техники и тактики, что под их воздействием формируется значительная часть методических рекомендаций.

Прямые связи техники и тактики с методикой исследованы достаточно и на них нет необходимости останавливаться подробно. Следует лишь добавить, что **всякое** изменение технико-криминалистических средств и приемов, тактических приемов и рекомендаций оказывает влияние и на криминалистическую методику, вызывая к жизни изменение существующих или появление новых методических рекомендаций. Это особенно относится к расширению возможностей техники и тактики, естественно влекущему за собой повышение эффективности криминалистической методики.

Гораздо меньшее внимание привлекали к себе обратные связи методики с техникой и тактикой. Фактически влияние следственной практики на криминалистику в целом проявляется главным образом через методику, являющуюся “передним краем” криминалистики по отношению к практике борьбы с преступностью. Возникающие в практике задачи ощущаются криминалистикой через этот ее “передний край”; появление новых способов совершения и сокрытия преступления, приводящих в действие новые механизмы возникновения доказательств, изменение контингента вероятных преступников, круга обстоятельств, способствующих совершению того или иного вида преступлений, и т. п. — все это, прежде всего, отражается на эффективности применяемых частных криминалистических методик и уже через них ставит новые задачи перед криминалистической техникой и тактикой. Таким образом, криминалистическая методика оказывает стимулирующее влияние на технику и тактику, побуждая к совершенствованию и изысканию новых средств, приемов и рекомендаций.

Сложные двусторонние связи существуют между методикой и общей теорией криминалистики. В соответствии с нашей концепцией, так называемые общие положения криминалистической методики есть не что иное, как “экстракт” из частных криминалистических теорий, система которых и образует общую теорию криминалистики. Эти положения составляют общую базу всех частных криминалистических методик, то общее, что их объединяет в едином разделе науки. Развитие частных криминалистических теорий в тех их направлениях, которые относятся к проблемам частных криминалистических методик, служит источником формирования новых методических рекомендаций. В свою очередь, частные криминалистические методики в их практической реализации дают эмпирический материал для теоретических обобщений и выводов.

Наконец, источником формирования методических рекомендаций служит сама криминалистическая методика как раздел науки. Осуществление синтеза криминалистической техники и тактики предполагает возникновение нового результата — методических рекомендаций. Другой путь — совершенствование существующих частных криминалистических методик.

К методике как разделу криминалистической науки, естественно, относится и все то, что говорилось о связях криминалистики с другими областями знания. Использование же данных наук в практической деятельности по применению конкретных криминалистических методик обладает определенной спецификой.

Как любая разновидность человеческой практической деятельности, расследование преступлений базируется и использует положения из самых различных областей знания. Часть из них адаптируется через криминалистическую науку и в конечном счете обретает форму криминалистических методических рекомендаций. Другая часть используется практикой помимо криминалистики, непосредственно. К их числу относится большая часть положений правовых наук, касающихся процесса расследования, некоторые данные науки управления, научной организации труда следователя и т. п. Те из них, которые оказываются связанными с методикой расследования, могут стать непосредственным источником методических рекомендаций. Таким источником, например, служит научный экономический анализ деятельности промышленных или торговых предприятий. Его рекомендации теперь прямо используются частной криминалистической методикой расследования ряда видов преступлений.

Столь же непосредственно используются в методике и положения теории доказывания, в том числе и различные системы связи доказательств, принципы доказывания при помощи косвенных доказательств, разработанные **Александром Алексеевичем Хмыровым**, чьи работы, исследующие пограничные между

уголовным процессом и криминалистикой проблемы, представляют собой существенный вклад в обе эти науки. В работах “Косвенные доказательства” (1979), “Основы теории доказывания” (1981) “О системе доказательств по уголовному делу” (1985) он продемонстрировал значение и роль системного подхода к доказыванию, криминалистическое значение установления связей между доказательствами.

Весьма эффективным оказывается использование в следственной практике данных статистической науки, перспективным представляется и внедрение кибернетических методов в процесс расследования.

Право, практика и наука в своей совокупности образуют исчерпывающий перечень источников криминалистических методических рекомендаций. Формирование же их на базе этих источников происходит в жестких рамках требований законности и нравственности.

13. СОКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ФОРМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ

13.1. Понятие сокрытия преступления

В структуре преступной деятельности различают действия по приготовлению, совершению и сокрытию преступления. Будучи объектом криминалистических исследований, эти действия обычно рассматриваются в аспекте способа их совершения и объединяются по этому признаку в систему, именуемую способом совершения преступления (или способом совершения и сокрытия преступления) либо в две системы — когда отдельно рассматриваются способ совершения и способ сокрытия преступления. Из этого следует, что для определения рассматриваемого нами понятия сокрытия преступления и места этого элемента в структуре преступной деятельности целесообразно обратиться к центральному понятию учения о способе совершения преступления — понятию самого способа преступной деятельности.

Мы уже неоднократно отмечали интерес криминалистов к проблеме способа совершения преступления как к одной из ключевых проблем криминалистической методики. Однако лишь в послевоенное время было обращено внимание на понятийную сторону этой проблематики, что и легло в основу формирования криминалистического учения о способе совершения преступления как частной криминалистической теории. В рассматриваемом нами аспекте практически сразу же обнаружились расхождения в определении содержания понятия способа совершения преступления и его соотношения с сокрытием преступлений.

В. П. Колмаков, исследуя проблемы раскрытия преступлений против жизни, различал способ совершения преступления и способ сокрытия преступления. В содержание первого он включал не только действия и бездействие, направленные на достижение преступного результата, но и материальные предметы (орудия, средства), с помощью которых совершено преступление, избранные преступником место и время совер-

шения преступления, примененные им уловки для проникновения на место преступления, создание условий, удобных для преступника. Способ сокрытия преступления он рассматривал как действия преступника, направленные на маскировку факта преступления и ликвидацию следов этого преступления¹. Утверждение раздельного существования способов совершения и сокрытия преступления явилось выражением первой по времени точки зрения на эту проблему.

Эта точка зрения получила поддержку в трудах ряда харьковских криминалистов. А. Н. Колесниченко предложил различать в методике расследования способ подготовки к совершению преступления, способ самого совершения и способ сокрытия преступления, мотивируя это тем, что указанные действия могут быть совершены в различное время, различными лицами и иметь различное уголовно-правовое значение². И хотя в дальнейшем он изменил свои взгляды по этому вопросу³, они оказали определенное влияние на других исследователей. Б. Н. Коврижных высказался за признание самостоятельного существования способа сокрытия преступления в отличие от способа его совершения, но предложил и тот и другой рассматривать в качестве элементов инте-

¹ **Колмаков В. П.** Значение для расследования точного установления способов совершения и сокрытия преступлений против жизни. — Труды Харьковского гос. медицинского института, вып. 5. Харьков, 1956, сс. 193-196. Этой же точки зрения он придерживался и в последующем (см. **Колмаков В. П.** Следственный осмотр. М., 1969, с. 56).

² **Колесниченко А. Н.** Общие положения методики расследования отдельных видов преступления. Харьков, 1965, сс. 18-19. Правда, до этого он считал, что "способ совершения преступления — это все то, что характеризует действия преступника при подготовке... совершении преступления и сокрытии его следов" (**Колесниченко А. Н., Савченко А. Н.** К вопросу о понятии способа совершения преступления в криминалистике. — В кн.: Вопросы криминалистики и судебной экспертизы, вып. 2. Душанбе, 1962, с. 62).

³ В 1970 г. он писал: "...основным содержанием способа совершения преступления следует считать образ действий преступника, совокупность приемов, создавших реальную возможность наступления преступных последствий, повлекших эти последствия, либо направленных на их сокрытие", — но еще признавал относительно самостоятельное значение способа сокрытия преступления (**Колесниченко А. Н.** Актуальные проблемы методики расследования преступлений. — В кн.: Вопросы государства и права. М., 1970, с. 336). В 1976 г. он не делал уже и этой оговорки в отношении сокрытия преступления и определил способ совершения преступления как "образ действий преступника, выражающийся в определенной взаимосвязанной системе действий и приемов подготовки, совершения и сокрытия преступлений" (**Колесниченко А. Н.** Общие положения методики расследования преступлений. Харьков, 1976, с.9).

грального понятия “способ преступления”, в которое он включил, помимо двух указанных, и действия по приготовлению к преступлению⁴. По этому же пути пошел и В. А. Овечкин, предложив “определить способ преступления как совокупность способа приготовления к преступлению, способа совершения и способа сокрытия преступления, причинно обусловленных факторами внешней среды и свойствами личности”⁵. Из известных нам авторов лишь Б. Б. Рыбников рассматривал сокрытие преступлений как самостоятельную, хотя и связанную с другими, разновидность преступной деятельности⁶.

Противоположную позицию занимают сторонники включения действий по сокрытию преступления в содержание понятия способа совершения преступления. Еще в 1949 г. Т. М. Арзуманян писал, что “составной частью способа совершения преступления является способ сокрытия преступления”⁷. Эта точка зрения нашла свое выражение в понятии способа совершения преступления, сформулированном Э. Д. Курановой, которая определила его как “комплекс действий по подготовке, совершению, сокрытию преступления, избранных виновным в соответствии с намеченной целью и теми условиями, в которых осуществляется преступный замысел”⁸.

В цикле работ Г. Г. Зуйкова по проблемам криминалистического учения о способе совершения преступления четко прослеживается мысль о том, что структуру способа совершения преступления образуют действия по подготовке, совершению и сокрытию преступлений, выступающие во взаимосвязанном комплексе⁹. На этой идее он основывает свой

⁴ **Коврижных Б. Н.** Деятельность органов прокуратуры по делам о нераскрытых убийствах. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1969, с. 14.

⁵ **Овечкин В. А.** Общие положения методики расследования преступлений, скрытых инсценировками. Харьков, 1975, с. 5.

⁶ **Рыбников Б. Б.** Проблема сокрытия преступлений и ее место в советской криминалистике. — В кн.: Криминалистический сборник. Рига, 1972, с. 51.

⁷ Настольная книга следователя. М., 1949, с. 634.

⁸ **Куранова Э. Д.** Об основных положениях методики расследования отдельных видов преступлений. — В кн.: Вопросы криминалистики, № 6-7. М., 1962, с. 165.

⁹ **Зуйков Г. Г.:**

- Поиск по признакам способов совершения преступлений. М., 1970, с. 74;
- Криминалистическое учение о способе совершения преступления. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1970, с. 10;
- Проблема идентификации способа совершения преступления. — В кн.: Вопросы судебной экспертизы, вып. 12. Баку, 1971, сс. 83-84;

см. след. стр.

анализ криминалистического значения способа совершения преступления.

Взгляды на действия по сокрытию преступления как часть, элемент содержания способа совершения преступления разделяют и многие другие криминалисты. Так, И. Ш. Жордания в более детализированном виде повторяет определение способа совершения преступления, сформулированное Г. Г. Зуйковым¹⁰. Н. А. Сенчик придерживался тех же взглядов, говоря о способе совершения спекуляции¹¹, С. С. Куклянскис¹², И. Я. Моисеенко¹³, В. В. Тищенко¹⁴, Я. М. Козицин¹⁵ — применительно к способу совершения хищений, Е. В. Баранов — при решении вопроса о природе инсценировок преступлений¹⁶.

Третья, промежуточная по отношению к двум названным, позиция была сформулирована Г. Н. Мудьюгиным. Он считал, что «о способе совершения преступления можно говорить в двух смыслах: а) в широком, включая в это понятие как само совершение, так и сокрытие преступления, и б) в узком, имея в виду лишь непосредственное совершение преступления». В тех случаях, когда сокрытие произведено после совершения преступления или же не являлось необходимым условием его совершения, способ сокрытия можно считать самостоятельным комплексом действий, не входящим в содержание понятия способа со-

• Криминалистическое учение о способе совершения преступления. — Соц. законность, 1971, № 11, сс. 16-17 и др. работы.

¹⁰ **Жордания И. Ш.** Понятие, классификация и правовое значение способов совершения преступлений. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тбилиси, 1972, с. 9.

¹¹ **Сенчик Н. А.** Особенности установления способа совершения спекуляции. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 8. Киев, 1971, с. 71.

¹² **Куклянскис С. С.** Криминалистическое значение способа хищения. — В кн.: Применение научных методов при расследовании преступлений и изучении преступности, ч. 2. Вильнюс, 1973, с. 48.

¹³ **Моисеенко И. Я.** Расследование хищений в лесозаготовительной промышленности. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1973, с. 11.

¹⁴ **Тищенко В. В.** Расследование хищений продукции полеводства в колхозах и совхозах. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Одесса, 1973, с. 10.

¹⁵ **Козицин Я. М.** Расследование и рассмотрение дел о хищениях, совершаемых с использованием служебного положения. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1975, с. 12.

¹⁶ **Баранов Е. В.** Криминалистическая сущность инсценировок и методы их разоблачения при расследовании преступлений. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1977, с. 8.

вершения преступления¹⁷. В дальнейшем эту концепцию способа сокрытия преступления, в основном, разделил В. Г. Танасевич¹⁸.

Спустя почти двадцать лет взгляды Г. Н. Мудьюгина и В. Г. Танасевича нашли свое косвенное отражение в классификации способов совершения преступления, разработанной М. С. Уткиным, который эти способы разделил на:

- 1) полноструктурные или наиболее квалифицированные способы (подготовка, совершение, сокрытие преступлений);
- 2) менее квалифицированные или усеченные первого типа (совершение и сокрытие преступлений);
- 3) менее квалифицированные или усеченные второго типа (подготовка и совершение преступлений);
- 4) неквалифицированные или упрощенные, состоящие только из действий по совершению преступлений¹⁹.

Хотя само определение способа совершения преступлений, которое было положено М. С. Уткиным в основу его классификации, содержало все три элемента — подготовку, совершение и сокрытие преступления, — два последних из названных им видов способов допускают мысль о возможном существовании самостоятельного комплекса действий по сокрытию преступления, не входящего в способ совершения преступления. Это могут быть действия других лиц по сокрытию того же самого преступления или действия самого преступника, осуществляемые с разрывом во времени с преступлением и не входившие в осуществленный им замысел.

Концепция Г. Н. Мудьюгина подвергалась критике рядом криминалистов, причем с разных позиций. Так, если Б. Н. Коврижных критиковал его за то, что он допускал в ряде случаев включение в способ совершения преступления понятия “способ сокрытия преступления”²⁰, то С. С. Куклянскис выражал свое несогласие именно с тем, что в понятие способа совершения преступления в некоторых случаях, по мнению Г. Н. Мудьюгина, действия по сокрытию преступления не включаются. “Это обстоятельство, — писал он, — ни в коем случае не может служить основанием для двоякого понимания способа совершения преступления.

¹⁷ **Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А.** Планирование расследования преступлений. М., 1957, с. 66.

¹⁸ **Танасевич В. Г.** Проблемы борьбы с хищениями государственного и общественного имущества. Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1967, с. 123.

¹⁹ **Уткин М. С.** Особенности расследования и предупреждения хищений в потребительской кооперации. Свердловск, 1975, с. 6.

²⁰ **Коврижных Б. Н.** Указ. раб., с. 14.

Речь может идти лишь о том, что сложность совершения преступления может быть различной. Понятие же способа совершения преступления должно охватывать все этапы его развития, а именно — приготовление, совершение и сокрытие преступления²¹.

Мы не ставим себе целью формулирование нового определения способа совершения преступления, поскольку полагаем, что определение Г. Г. Зуйкова, в целом, является вполне приемлемым и может быть дополнено только указанием на то, что называемая им система действий объединяется единым преступным замыслом²². Однако мы согласны с теми учеными, которые допускают самостоятельное существование при определенном условии и способа сокрытия преступления, не входящего в структуру способа его совершения. Таким обязательным условием и является отсутствие названного нами единого преступного замысла, охватывающего собой все стадии преступной деятельности. Отсутствие единого преступного замысла может проявиться в том, что:

- ◆ а) при подготовке и совершении преступления субъект не планирует действий по сокрытию преступления, либо относясь к ним безразлично, либо предполагая, что их все равно не удастся осуществить, а затем, после совершения преступления, в связи с неожиданно возникшим намерением или неожиданно появившимися благоприятными для него обстоятельствами, принимает меры к сокрытию преступления;
- ◆ б) при подготовке и совершении преступления субъект не планирует действий по сокрытию преступления, рассчитывая, что его следы сами исчезнут под воздействием природных или иных стихийных факторов, а затем, обманувшись в своих ожиданиях, импровизирует меры по сокрытию преступления;
- ◆ в) при подготовке и совершении преступления субъект не планирует действий по сокрытию преступления по тем же причинам, что и в первом случае, но эти действия предпринимаются помимо его желания иными лицами, заинтересованными в исходе дела (такими лицами могут быть соучастники субъекта по прежним преступлениям, которым непринятие им мер к сокрытию преступления может грозить

²¹ Куклянскис С. С. Указ. раб., с. 49.

²² Мы бы предложили следующую редакцию этого определения: «Способ совершения преступления — это система действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности, могущих быть связанными с избирательным использованием соответствующих орудий или средств и условий места и времени и **объединенных общим преступным замыслом**».

изобличением по связям, или друзья или родственники субъекта преступления, обнаружившие преступление и принимающие меры к сокрытию виновного);

- ◆ г) при подготовке и совершении преступления субъект планирует осуществление действий по его сокрытию другими лицами (пособники, укрыватели), однако в связи с их неосуществлением по тем или иным причинам вынужден с разрывом во времени сам принимать меры к сокрытию, ранее им не планировавшиеся и не соответствующие единому преступному замыслу;
- ◆ д) при подготовке и совершении преступления субъект первоначально планирует осуществление неких действий по его сокрытию, но вследствие изменившихся обстоятельств вынужден принимать иные меры, не соответствующие единому преступному замыслу и не обеспечивающие предусмотренного планом оптимального варианта сокрытия (мы имеем в виду случай утраты логической связи между элементами преступной деятельности, замену одного из этих элементов — действий по сокрытию преступления — другим, однородным, но не связанным с первоначальным преступным замыслом).

В любом из этих случаев можно, по нашему мнению, констатировать наличие самостоятельного способа сокрытия преступления, не входящего в структуру способа его совершения. Поскольку в связи с этим утверждением возникает вопрос о двойственном понимании содержания понятия “способ совершения преступления” и возможна терминологическая путаница, представляется целесообразным предложение об употреблении термина “способ преступления” для интегрального обозначения способов осуществления всех этапов преступной деятельности; термином “способ совершения преступления” обозначать действия по приготовлению и осуществлению преступления (при необходимости может быть употреблен и термин “способ приготовления к преступлению”, если действия субъекта исчерпываются приготовлением), а термином “способ сокрытия преступления” — действия, не связанные единым замыслом с первыми двумя этапами преступной деятельности²³.

Из сказанного следует, что действия по сокрытию преступления могут быть связаны и не связаны единым замыслом с приготовлением и совершением преступления. В первом случае они могут быть даже не-

²³ При дальнейшем изложении мы употребляем в настоящем Курсе термин “способ совершения преступления” в его принятом сейчас большинством криминалистов значении и лишь в случаях выделения способа сокрытия преступления — для обозначения действий по приготовлению к преступлению и его совершению.

посредственным условием применения определенного способа совершения преступления или одним из его обязательных элементов. Именно такую роль играют действия по сокрытию преступления в структуре многих способов совершения замаскированных хищений, когда действия по приготовлению и сокрытию преступления совершаются одновременно с изъятием ценностей или предшествуют ему или когда до изъятия ценностей совершаются только действия по сокрытию хищения²⁴.

Типичность для хищений такого сочетания действий по приготовлению, совершению и сокрытию преступления и служит, по-видимому, основанием для распространения некоторыми авторами такого сочетания на любую разновидность преступной деятельности, что по указанным выше основаниям мы не можем признать правильным. Такова, например, позиция С. С. Куклянскиса, который, прямо ссылаясь на такие особенности значения сокрытия преступления при совершении хищений, писал: "Исходя из приведенных доводов, мы полагаем, что вряд ли обоснована позиция тех авторов, которые оставляют действия по сокрытию преступления за пределами способа совершения преступления... Как подготовительные действия, так и действия по сокрытию преступления подчинены главной для виновного цели — достижению преступного результата. Практика показывает, что иногда ввиду отсутствия предпосылок для сокрытия хищения преступники отказываются и от самого хищения; общеизвестно также, что в последнее время расхитители все чаще применяют усовершенствованные и изощренные приемы сокрытия хищения. Исключение приготовления и сокрытия из комплексного понятия, каковым является способ совершения преступления, носило бы, таким образом, искусственный характер и в известной мере препятствовало бы раскрытию хищения"²⁵.

Не случайно подобные взгляды высказываются преимущественно авторами работ по борьбе с хищениями. Но они свидетельствуют, как нам кажется, лишь о том, что утверждаем и мы: сокрытие преступления **может быть**, но не обязательно должно быть условием или элементом осуществления способа совершения преступления, однако во всех случаях это деятельность **по сокрытию** преступления.

Нашу позицию о возможности самостоятельного существования способа сокрытия преступления поддержали И. М. Лузгин, В. П. Лавров, В. Н. Карагодин и ряд других авторов²⁶. Специальное исследование,

²⁴ Куклянскис С. С. Указ. раб., с. 48.

²⁵ Там же, сс. 48-49.

²⁶ Лузгин И. М., Лавров В. П. Способ сокрытия преступления и его криминалистическое значение. М., 1980; Карагодин В. Н. Соотношение сокрытия и способ. след. стр.

осуществленное коллективом кафедры криминалистики Московского филиала юридического заочного обучения при Академии МВД СССР (ныне Юридический институт МВД РФ) в течение ряда лет, подтвердило на достаточно репрезентативном эмпирическом материале возможность существования при определенных условиях самостоятельного способа сокрытия преступления²⁷. Г. Г. Зуйков, ранее отрицавший такую возможность, очевидно, под воздействием нашей аргументации изменил свою позицию и, хотя и с многочисленными оговорками, согласился с тем, что действия по сокрытию могут образовывать самостоятельный комплекс. Но, стремясь, видимо, сохранить свою концепцию способа совершения преступления, он назвал эти действия не способом сокрытия преступления, а способом уклонения от ответственности²⁸, как бы подчеркивая этим совершенно иную природу этой деятельности.

Полагаем, что предложенное Г. Г. Зуйковым для указанных действий наименование неприемлемо по следующим основаниям.

Во-первых, не во всех случаях сокрытие преследует цель вовсе уклониться от ответственности. Иногда субъект своими действиями лишь стремится оттянуть момент обнаружения следов преступления; во-вторых, указанные действия могут быть совершены субъектом, непричастным ни в какой степени к совершенному преступлению, и поэтому они никак не могут быть расценены как способ уклонения от ответственности; в-третьих, субъект мог по каким-либо причинам не рассматривать свои действия по сокрытию преступления как преступные, а поэтому и не преследовал цель уклониться с их помощью от ответственности; наконец, в-четвертых, термин, предложенный Г. Г. Зуйковым, носит процессуальный характер и в этом качестве имеет вполне определенное содержание, отличающееся от понятия способа сокрытия преступления.

Что же именно представляет собой деятельность по сокрытию преступления? И из комплекса каких действий может состоять способ сокрытия преступления?

соба совершения преступления. — В кн.: Государство и право в системе социального управления. Свердловск, 1981, сс. 109-112; **Карагодин В. Н.** Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск, 1992; **Лавров В. П.** Криминалистические проблемы установления способа сокрытия тяжких преступлений против личности. — В кн.: Вопросы криминалистики и судебной экспертизы по делам о тяжких преступлениях. Караганда, 1985.

²⁷ **Лузгин И. М., Лавров В. П.** Указ. работа.

²⁸ **Зуйков Г. Г.** Исследование способов совершения преступлений и уклонения от ответственности как предпосылка повышения эффективности планирования расследования. — В кн.: Версии и планирование расследования, Свердловск, 1985, с. 103.

Б. Б. Рыбников следующим образом отвечал на этот вопрос: “Сокрытие преступления — это деятельность лица, направленная на утаивание известных ему фактов и обстоятельств совершенного преступления”²⁹. Едва ли данное определение можно признать исчерпывающим, поскольку утаивание, как будет показано далее, является не единственной формой сокрытия преступления.

По мнению Г. Н. Мудьюгина, сокрытие преступления — это комплекс действий преступника в целях уклонения от ответственности за содеянное. Эти действия могут быть направлены на сокрытие: самого события преступления, его преступного характера, участия в нем преступника³⁰.

В. А. Овечкин под комплексом действий по сокрытию преступления, то есть под способом сокрытия преступления, понимал “совокупность действий и бездействие всех лиц, скрывающих преступление или способствующих этому в момент его совершения и после его окончания”³¹. Это правильно, но неполно, поскольку не включает действий или бездействия самого виновного, относящихся к стадии приготовления преступления, но имеющих целью его сокрытие.

Отдавая предпочтение термину “способ уклонения от ответственности”, Г. Г. Зуйков так определил его содержание: “способ уклонения от ответственности — это повторяющийся у разных и у одних и тех же лиц, объективно и субъективно детерминированный комплекс взаимосвязанных вербальных, поведенческих и материальных актов, сознательно осуществляемый после совершения преступления с целью полного или частичного уклонения от ответственности”. Он отличается от действий по сокрытию преступления в рамках способа его совершения большим разнообразием вербальных актов — ложных показаний, дезинформирующих сообщений, угроз³². Стало быть, это во всех случаях умышленное виновное поведение.

О значении установления способа сокрытия преступления, необходимости его выявления в ходе расследования неоднократно упоминает один из ведущих отечественных криминалистов **Николай Павлович Яблоков**, автор ряда фундаментальных исследований по проблемам криминалистической тактики и методики, неперенный соавтор всех учебников по криминалистике, изданных МГУ, и редактор последнего из них. Научные интересы Н. П. Яблокова охватывают все разделы криминалистической науки, но приоритетным для него направлением в течение ряда лет

²⁹ **Рыбников Б. Б.** Указ. раб., с. 67.

³⁰ **Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А.** Планирование расследования преступлений, сс. 67-68.

³¹ **Овечкин В. А.** Указ. раб., с. 6.

³² **Зуйков Г. Г.** Указ статья, с. 104.

остается методика расследования преступлений в области охраны труда и техники безопасности.

Мы полагаем, что соккрытие преступления можно определить следующим образом:

Соккрытие преступления — деятельность (элемент преступной деятельности), направленная на воспрепятствование расследованию путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления и преступника и их носителей.

В нашем понимании деятельность в данном случае охватывает, как верно пишет В. А. Овечкин³³, не только активную форму человеческого поведения — действия, но и пассивную — бездействие. Воспрепятствование расследованию заключается в недопущении включения соответствующей доказательственной информации в сферу уголовного судопроизводства, ее использования в процессе расследования³⁴. Под следами понимается всякое — материальное и идеальное — отражение события преступления и любого из его элементов (вещи, люди, действия, процессы).

Эта деятельность осуществляется различными способами соккрытия преступления.

13.2. Виды способов соккрытия преступления

Общепринятой классификации способов соккрытия преступления в криминалистике нет. Более того, при изучении этого вопроса мы вообще встретили в литературе лишь одну классификацию способов соккрытия преступления, предложенную В. А. Овечкиным. Чаще можно встретить упоминание или перечень целей соккрытия, повторяющий приведенный нами перечень Г. Н. Мудьюгина (соккрытие события преступления, его преступного характера, участия в нем), а еще чаще — описание отдельных способов соккрытия преступления без какой-либо их систематизации или применительно к конкретному виду преступлений.

³³ Овечкин В. А. Указ. раб., с. 6.

³⁴ В. Н. Карагодин обоснованно рассматривает соккрытие преступлений в качестве одного из вариантов и способов противодействия расследованию (*Карагодин В. Н.* Преодоление противодействия расследованию. Свердловск, 1992, с. 16).

Способы сокрытия преступлений В. А. Овечкин условно подразделил на две группы: а) способы, выступающие в форме воспрепятствования получению органами предварительного расследования информации о преступлении, и б) способы, выступающие в форме воспрепятствования получению органами предварительного расследования информации о преступлении и выдачи вместо нее ложной информации.

К первой группе способов он отнес: 1) перемещение материальных источников информации о преступлении; 2) маскировку материальных источников информации о преступлении; 3) уничтожение материальных, а в некоторых случаях и идеальных (люди) источников информации о преступлении; 4) уклонение от явки в орган расследования; 5) отказ от дачи показаний; 6) недонесение.

Ко второй группе: 1) фальсификацию; 2) инсценировку; 3) заведомо ложное сообщение с целью сокрытия преступления и 4) заведомо ложное показание с целью сокрытия преступления³⁵.

Отдавая должное автору этой единственной классификации способов сокрытия преступления, мы в то же время не можем согласиться ни с избранным им основанием классификации, ни с распределением способов по этому основанию. Избранное им основание классификации не позволяет строго распределить по этим двум группам названные типичные способы сокрытия преступления. Так, перемещение материальных источников информации, отнесенное к первой группе, может быть средством инсценировки, то есть выдачи ложной информации, что является признаком способов второй группы. То же можно сказать о маскировке, которая иногда служит целям фальсификации, и об уничтожении материальных источников доказательств в целях создания инсценированной обстановки события.

Разумеется, мы учитываем оговорку В. А. Овечкина о том, что «конкретный способ сокрытия преступления, известный из практики расследования преступлений, может быть отнесен как к одному из приведенных в классификации способов, так и к совокупности двух и более способов, как из одной группы способов, так и из разных»³⁶. Это справедливо и, видимо, должно относиться к любой классификации **типичных**, т. е. обобщенных, способов сокрытия преступления, как и к способам совершения преступления. И хотя такую же оговорку следует сделать и нам, думается, что классификация по содержательной стороне способа сокрытия преступления позволит уменьшить число подоб-

³⁵ Овечкин В. А. Указ. раб., с. 7.

³⁶ Там же, с. 8.

ных исключений и более строго распределить способы сокрытия по классификационным группам.

По **содержательной** стороне способы сокрытия преступления разделяются на ряд групп, включающих сокрытие преступления путем:

- ◆ 1) **утаивания** информации и/или ее носителей;
- ◆ 2) **уничтожения** информации и/или ее носителей;
- ◆ 3) **маскировки** информации и/или ее носителей;
- ◆ 4) **фальсификации** информации и/или ее носителей.

Возможны также и

- ◆ 5) **смешанные** способы.

Попытаемся раскрыть содержание каждой из этих групп способов.

Утаивание. В буквальном смысле слова означает оставление следователя в неведении относительно тех или иных обстоятельств расследуемого дела или источников требуемой для установления истины информации; может быть осуществлено как в пассивной, так и в активной форме.

Пассивными способами утаивания являются умолчание, недонесение, несообщение запрашиваемых сведений, отказ от дачи показаний, невыполнение требуемых действий. К числу активных способов утаивания относится сокрытие предмета посягательства, вещественных доказательств, денег и ценностей, нажитых преступным путем, иных объектов — источников информации; уклонение от явки в орган расследования.

Уничтожение. Эти способы сокрытия преступления можно подразделить в зависимости от их направленности на уничтожение следов преступления либо следов преступника. При этом имеется в виду уничтожение как самой доказательственной информации, так и ее носителей.

Уничтожение может быть полным и частичным. Частичное уничтожение граничит с фальсификацией, иногда переплетается с ней.

Маскировка преследует цели изменения представления о способе совершения преступления, личности виновного, назначении объектов — носителей информации — и их круге.

В качестве способов маскировки могут быть названы: перемещение объектов (например, из того места, где они должны быть в соответствии с существующими или предписанными правилами, в другое место, как это бывает при нарушении правил хранения и движения документов), изменение внешнего вида субъекта преступления (парик, грим, смена одежды, изменение волосяного покрова, фальшивые коронки, искусственное создание или изменение особых примет и т. п.), создание видимости использования объекта не по действительному назначению, сокрытие параллельно совершаемыми действиями (например, звуков от действия орудий взлома — шумом проходящего поезда).

Фальсификация (от латинского *falsificare* — подделывать) — подделка, создание ложной информации или ее носителей. Способами сокрытия преступления путем фальсификации служат:

- ◆ заведомо ложное показание;
- ◆ заведомо ложные сообщение, заявление, донос;
- ◆ создание ложных следов и иных вещественных доказательств;
- ◆ полная или частичная подделка документов;
- ◆ подмена, дублирование объектов;
- ◆ частичное уничтожение объекта с целью изменения его внешнего вида, фальсификации назначения и т. п.

Комбинированным способом фальсификации является ложное алиби — создание преступником ложного представления о своем пребывании в интересующий следствие момент в другом месте.

Следственной практике известны два способа создания ложного алиби. В первом случае виновный вступает в сговор с соучастниками или лицами, которые впоследствии будут фигурировать как свидетели алиби. Они дают ложные показания об алиби виновного. Иногда для придания показаниям достоверности предварительно все эти лица действительно проводят вместе какой-то отрезок времени до или после совершения преступления и затем в показаниях изменяют лишь дату своего совместного пребывания на ту, которая нужна виновнику.

Другой, более сложный, способ создания ложного алиби основан на обмане виновным свидетелей относительно даты или времени пребывания совместно с ними. В этом случае свидетели, подтверждающие ложное алиби, добросовестно заблуждаются.

Смешанные способы сокрытия преступления представлены в следственной практике различными инсценировками или, по старой терминологии, различными видами симуляции обстоятельств преступления.

Упоминание об инсценировке (симуляции) преступлений можно найти еще в дореволюционной литературе и в первых советских криминалистических работах. Так, И. Н. Якимов специально указывал, что «преступник очень часто прибегает к разным видам симуляции, изменяя для этого обстановку преступления»³⁷. Позднее он писал о возможности симуляции как со стороны преступника, так и со стороны окружающих, совершенной в его интересах. Симуляция выражается чаще всего в из-

³⁷ Якимов И. Н. Криминалистика. Уголовная тактика. М., 1929, с. 44.

менении обстановки места происшествия или приведении ее в порядок³⁸.

Первое определение инсценировки преступления мы встретили в методическом обзоре “Симуляция преступлений”, составленном Л. П. Рассказовым в 1945 г. Там говорилось: “Симуляция преступления есть искусственное создание обстановки какого-либо преступления, чтобы замаскировать другое преступление либо подготовить будущее”³⁹. В другом обзоре, также составленном Л. П. Рассказовым, указывалось, что целью симуляции может быть и создание видимости не только иного преступления, но и иного события⁴⁰.

Термин “симуляция преступления” был подвергнут критике А. Р. Ратиновым. “Очень часто различные инсценировки именуют симуляцией взлома, самоубийства, несчастного случая, — писал он. — Такое наименование неправильно, ибо симуляция — это ложное изображение человеком собственных болезненных явлений, притворное выражение чувств или физических состояний”. Можно полагать, что эта критика была признана правильной, потому что с этого времени термин “симуляция преступления” уже почти не встречается.

А. Р. Ратинов сформулировал и определение инсценировки преступления, под которой, по его мнению, “следует понимать не просто уничтожение преступником следов или воспрепятствование их появлению, а создание ложной обстановки места происшествия”. Он назвал следующие разновидности инсценировки: инсценировка одного преступления для сокрытия другого; инсценировка непроступного события для сокрытия совершенного преступления; фальсификация отдельных доказательств с целью направить следствие по ложному пути⁴¹.

Читатель, очевидно обратил внимание, что всех томах этого Курса неоднократно и по самым различным поводам упоминается **Александр Рувимович Ратинов**, автор многочисленных работ по различным вопросам криминалистики и судебной психологии. В прошлом блестящий следователь, он был одним из тех молодых ученых, вчерашних практических работников следствия, усилиями которых созданный в 1949 г. ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР завоевал право считаться головным научным учреждением в области разработки проблем криминалистической тактики и методики, организации следственной работы в стране. Написанная им в те

³⁸ Криминалистика. Кн. 1. М., 1935, с. 176; Криминалистика. М., 1938, с. 356; **Якимов И. Н.** Осмотр. М., 1935, с. 7.

³⁹ Симуляция преступлений. М., 1945, с. 3.

⁴⁰ Значение осмотра мест происшествий в разоблачении симуляции преступлений. М., 1949, с. 3.

⁴¹ **Ратинов А. Р.** Версии об инсценировке на месте происшествия. — В кн.: Осмотр места происшествия. М., 1960, сс. 67-75; **Ратинов А. Р.** Судебная психология для следователей. М., 1967, сс. 250-254.

годы книга «Обыск и выемка» (М., 1961) привлекла внимание не только ученых-криминалистов, но и практических работников дознания и следствия. В течение последующих лет А. Р. Ратинов занялся проблемами судебной психологии — науки, которая была возвращена к жизни, в первую очередь, его усилиями. Выход в 1967 г. его фундаментальной книги «Судебная психология для следователей» положил начало активным исследованиям в этой области целой плеяды ученых, признанным главой которых стал А. Р. Ратинов. Много лет он руководил сектором судебной психологии НИИ Прокуратуры и по праву считается ведущим отечественным специалистом в этой области знаний.

Но вернемся к предмету нашего разговора. Начиная с 1963 г., понятие инсценировки преступления начинает определяться и в учебниках криминалистики. Таково определение А. Н. Васильева, который рассматривает инсценировку как искусственное создание определенной обстановки в целях сокрытия истинного события⁴²; по определению И. Х. МаксUTOва, «под инсценировкой понимается искусственное создание картины происшествия с целью сокрытия преступления»⁴³.

В 1970 г. мы определили инсценировку преступления как искусственное создание лицом, заинтересованным в определенном исходе следствия, обстановки, не соответствующей фактически происшедшему на этом месте событию. Нами отмечалось, что инсценировка может преследовать следующие цели:

- ◆ создание видимости совершения в определенном месте иного преступления и сокрытия признаков подлинного события;
- ◆ создание видимости происшедшего на данном месте события, не имеющего криминального характера, для сокрытия совершенного преступления;
- ◆ создание видимости совершения преступления для сокрытия фактов аморального поведения, беспечности и иных поступков, не имеющих криминального характера;
- ◆ создание ложного представления об отдельных деталях фактически совершенного преступления или об отдельных элементах его состава: инсценирование совершения преступления другим лицом, в другом месте, в иных целях и по иным мотивам, в другое время и т. п.⁴⁴

В последующие годы проблема инсценировки преступления подверглась более детальному рассмотрению в монографических исследованиях. И. М. Лузгин, определив инсценировку как «создание видимости другого преступления с целью замаскировать действительное деяние и

⁴² Криминалистика. МГУ, 1963, с. 330.

⁴³ Криминалистика. ЛГУ, 1976, с. 316.

⁴⁴ Криминалистика. Т. 2. М., 1970, с. 53; Руководство для следователей. М., 1971, с. 339.

ввести, таким образом, органы расследования в заблуждение, затруднить следствие”, проанализировал отношение между системой связей, образующих инсценируемое событие, и системой связей, образующих действительное преступление. На примере инсценировки кражи с целью сокращения совершенного хищения он показал, что преступник при инсценировке рассчитывает на внешнее отличие событий, а сама инсценировка становится возможной благодаря внутреннему сходству одного из существенных признаков этих событий, из чего сделал вывод, что инсценировка не затрагивает внутренние связи, образующие сущность подлинного деяния”⁴⁵.

Основываясь на концепции И. М. Лузгина, его ученик Е. В. Баранов сформулировал более развернутое определение инсценировки преступления, и предложил классификацию инсценировок. По его мнению, “инсценировка — это сознательная, умышленная деятельность правонарушителя, направленная на соккрытие преступления или некриминального события путем видоизменения обстановки на месте происшествия или в ином месте с целью замаскировать истинное событие, создать представление о подлинности инсценируемого и тем направить следствие по ложному пути”.

Все инсценировки он разделил на два класса: инсценировки с целью сокращения преступлений и инсценировки с целью сокращения некриминального события. Первый класс разделяется на четыре вида: в зависимости от субъекта их совершения (одним преступником или группой, другими лицами по указанию преступника, преступником в соучастии с другими лицами); в зависимости от времени совершения преступления (предварительные — превентивные; совпадающие с моментом совершения преступления; осуществляемые после совершения преступления); в зависимости от места их совершения (на месте совершения преступления и вне места совершения преступления); в зависимости от способа осуществления (иного преступления, некриминального события, отдельных обстоятельств события)⁴⁶.

Представляется, что определение Е. В. Баранова страдало скрытой тавтологией. Соккрытие преступления не может не быть “сознательной, умышленной деятельностью”, поэтому это предложение, как дублирую-

⁴⁵ Методологические проблемы расследования М., 1973, сс. 47-48. Эту же идею И. М. Лузгин высказывал и в своей докторской диссертации (см.: *Лузгин И. М.* Расследование как процесс познания. Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1968, с. 224).

⁴⁶ *Баранов Е. В.* Криминалистическая сущность инсценировок и методы их разоблачения при расследовании преступлений. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1977, сс. 10-11.

щее характеристику одной из сторон сокрытия, в определении является лишним. Ничего не добавляет к существу определения и его окончание, так как в нем лишь перечисляются очевидные цели сокрытия преступления и такого его способа, как инсценировка, которые ясны из самого его существа. Вызывают некоторые возражения и его классификация инсценировок. Не вдаваясь в детали, заметим, что инсценировки, отнесенные им к четвертому виду первого класса, отражают не способ их осуществления, а инсценируемый объект или явление.

Новизной и более широким подходом к проблеме отличались взгляды В. А. Овечкина. Во-первых, он правильно расценил инсценировку как стремление преступника «осуществить рефлексивное управление следователем с целью ввести его в заблуждение относительно фактически происшедшего события и его отдельных элементов и таким образом скрыть преступление и свое участие в его совершении». Во-вторых, он пришел к заслуживающему внимания выводу, что «преступники часто не только создают искусственно обстановку места определенного происшествия, но и соответствующим образом ведут себя в этой обстановке и в процессе расследования преступления, прибегая к ложному поведению и сообщению ложных сведений... Указанные факторы органически связаны между собой и представляют единый способ сокрытия преступления, поэтому рассматривать их необходимо во взаимосвязи».

Отправляясь от этих посылок, В. А. Овечкин пришел к заключению, что «инсценировка — это обстановка места определенного события, созданная искусственным путем, которая может сочетаться с соответственным притворным поведением и сообщением ложных сведений лицом, создавшим эту обстановку, с целью вызвать у следователя и других лиц ошибочное объяснение происшедшего события и таким образом скрыть истину»⁴⁷. Хотя это определение и не является безупречным, с точки зрения точности и лаконичности (например, инсценировка — это не сама обстановка, а действия по ее созданию и т. п.), оно содержит важные конструктивные положения, которые не должны, по нашему мнению, оставаться незамеченными.

Основываясь на тех соображениях, которые были высказаны нами ранее, и учитывая результаты и выводы более поздних исследований, мы полагаем, что можно определить инсценировку преступления как создание обстановки, не соответствующей фактически происшедшему на этом месте событию, что может дополняться согласуемыми с этой обстановкой поведением и ложными сообщениями как исполнителей инсценировки, так и связанных с ними лиц.

⁴⁷ Овечкин В. А. Указ. раб., сс. 8-9.

В основе инсценировки преступления всегда лежит искусственное создание материальных следов события. Поведение и сообщения исполнителя инсценировки или связанных с ним лиц, преследующие цель усиления воздействия на следователя материальных следов, всегда являются дополнением к ним, хотя по времени могут и предшествовать их обнаружению и восприятию следователем. Таковы те случаи, когда исполнители инсценировки сами сообщают органу расследования об обнаружении ими признаков якобы совершенного преступления (например, заявление о мнимой краже) или о возникших у них предположениях о возможном совершении преступления (например, заявления об исчезновении человека).

Классификации инсценировок могут быть представлены по следующим основаниям:

1) по целям:

- ◆ соккрытие преступления;
- ◆ соккрытие некриминального события;

2) по объекту инсценирования:

- ◆ инсценирование преступления;
- ◆ инсценирование события некриминального характера;
- ◆ инсценирование отдельных деталей совершенного преступления или отдельных элементов его состава;
- ◆ инсценирование инсценировок;

3) по времени:

- ◆ осуществленная до совершения преступления;
- ◆ осуществляемая во время преступления (или некриминального события);
- ◆ осуществляемая после преступления (некриминального события);

4) по субъекту:

- ◆ совершаемая преступником (-ами);
- ◆ совершаемая иными лицами;

5) по месту:

- ◆ на месте преступления;
- ◆ на ином месте;

6) по способу легализации:

- ◆ рассчитанная на обнаружение по сообщениям исполнителя или связанных с ним лиц;
- ◆ рассчитанная на обнаружение посторонними лицами;

7) по длительности воздействия:

- ♦ рассчитанная на то, что подлинное событие не будет установлено вообще;
- ♦ рассчитанная на получение выигрыша во времени (для создания ложного алиби, приискания убежища, сокрытия похищенного и т.п.) или иных временных преимуществ перед следствием;

8) по содержанию:

- ♦ инсценирование материальных следов события;
- ♦ инсценирование материальных следов события в сочетании с соответствующим поведением и сообщением ложных сведений.

В практике встречаются инсценировки смешанного характера, объединяющие в себе два или более классификационных признака одной и той же классификации, например инсценировки, выполняемые преступником совместно с иными лицами или осуществляемые как до, так и во время совершения преступления и т. п.

Знание видов инсценировок необходимо для обнаружения свидетельствующих о них признаков и их разоблачения.

13.3. Факторы, побуждающие к сокрытию преступления и влияющие на выбор способа и возможность сокрытия

Основным фактором, побуждающим преступника принимать меры к сокрытию преступления, является желание избежать разоблачения и ответственности за содеянное. Но само это желание может быть обусловлено разными причинами. Чаще всего это, разумеется, страх перед наказанием, особенно при совершении таких преступлений, за которые грозит лишение свободы на длительный срок или даже исключительная мера наказания. Иногда преступником движет не только и даже, может быть, не столько страх перед наказанием, сколько стыд, боязнь позорящей огласки, как бывает при совершении преступлений против близких людей, сексуальных преступлений, сопряженных с половами извращениями.

В иных случаях стремление избежать разоблачения продиктовано желанием как можно дольше продолжать преступную деятельность, что характерно для преступников-рецидивистов. Наконец, сокрытие преступления осуществляется и тогда, когда оно само входит обязательным элементом в способ совершения преступления, т.е. само преступление невозможно совершить без специальных заблаговременных мер к со-

крытию. Такое положение возникает при совершении длящихся хищений.

Соккрытие преступления путем инсценировки может преследовать еще одну цель. Это создание из чувства мести, зависти, ревности и других побуждений ложных доказательств виновности лица, никак не связанного с совершением преступления. Здесь мы, по существу, сталкиваемся с тем же оговором, который, как указывалось, тоже может быть способом сокрытия преступления, но оговором с помощью ложных “немых свидетелей” — инсценированной обстановки места события, фальсифицированных доказательств. Особая опасность такого оговора отмечена уголовным законом: ст. 306 УК РФ рассматривает искусственное создание доказательств обвинения как квалифицирующий признак заведомо ложного доноса.

Если сокрытие преступления осуществляется не самим виновным, а по сговору с ним иными лицами, то мотивами действий последних могут быть корысть, если они ожидают за это вознаграждения, чувства любви, жалости к виновному, ложно понимаемого товарищеского долга, стыда перед оглаской, когда дело касается близкого человека, или нежелание огласки, из опасений изобличения их самих в совершении иных преступлений или позорящих поступков.

Наконец, следует указать еще две группы факторов, побуждающих к сокрытию преступлений посторонних лиц и потерпевших.

В следственной практике, хоть и редко, но встречаются случаи, когда постороннее лицо, скрывая “чужое” преступление по просьбе виновного или по собственной инициативе, случайно его обнаружив, преследует цель получения оснований для последующего шантажа субъекта преступления. При этом шантажист стремится “материализовать” полученную им информацию об обстоятельствах преступления, скрывая от органа расследования вещественные доказательства виновности объекта шантажа в сокрытом преступлении.

Сокращения преступления со стороны потерпевшего лица можно ожидать в трех случаях:

- 1) когда преступление носит позорящий данное лицо характер, свидетельствующий, например, о таких его качествах, как алчность, нечестность и т. п., как это бывает, в частности, если потерпевший стал жертвой некоторых видов мошенничества, психологически рассчитанных именно на эти стороны человеческого характера. Преступление может расцениваться потерпевшим как позорящее его в силу определенных взглядов, распространенных в данной среде. Именно так иногда воспринимается изнасилование, в силу чего потерпевшая нередко предпочитает скрыть совершенное против нее преступление, с тем чтобы сохранить репутацию;

- 2) когда раскрытие преступления угрожает уголовной ответственностью самому потерпевшему. Так может быть при совершении мошенничества («самочинный обыск») против лица, чьи деньги и ценности, изъятые преступником, в свою очередь нажиты им преступным путем — в результате кражи, взяточничества и т. п.;
- 3) в целях сведения потерпевшим из числа преступников-рецидивистов личных счетов или охраны групповых интересов лиц этой категории.

Помимо факторов, побуждающих к сокрытию преступления, существует ряд обстоятельств влияющих на возможность, полноту и выбор способа реализации этого замысла.

Все способы сокрытия преступления, за исключением лишь пассивных способов утаивания, требуют затраты определенного времени. Между тем, во многих случаях преступник осуществляет сокрытие преступления уже после его совершения и испытывает при этом естественный дефицит времени. Это отражается на выборе способа сокрытия преступления, неполноте или небрежности инсценировок, их расчете на временное действие сокрытия.

«Временные способы сокрытия преступлений, — пишет Г. Н. Мудьюгин, — требуют значительно меньше хлопот и времени, чем постоянные. Как правило, такую цель ставят перед собой преступники, которые ничем не связаны с объектом их посягательства, в частности, с потерпевшим. Правда, нельзя полностью исключать возможность применения способа временного сокрытия с той же целью и лицом, тесно связанным с объектом преступного посягательства. Например, кассир, похитив из кассы крупную сумму денег, запирает и опечатывает дверь кассы, чтобы выиграть время для побега из данного населенного пункта. Однако такие случаи, разумеется, не типичны для «своих» преступников»⁴⁸.

Из сказанного вытекает еще одно обстоятельство, влияющее, помимо имеющегося в распоряжении преступника времени, на выбор способа сокрытия преступления: отношение к предмету преступного посягательства. Чем непосредственнее это отношение, чем теснее связь преступника с предметом посягательства, тем сложнее и изощреннее способ сокрытия преступления, ставящий, помимо прочего, цель маскировки этой связи. Это, как правило, способы постоянного сокрытия преступления.

Помимо сказанного, детерминирующее значение по отношению к способу сокрытия преступления имеют те же факторы, которые опреде-

⁴⁸ *Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А.* Планирование расследования преступлений, с. 70.

ляют выбор способа совершения преступления. Это, прежде всего, объективная обстановка совершения преступления, включающая факторы, характеризующие место и время совершения действий, понимаемые преимущественно с социальных, бытовых, производственных и иных позиций; качества и свойства материальных объектов на месте сокрытия преступления; метеоусловия места и времени сокрытия преступления; условия и образ жизни лиц, имеющих отношение к месту сокрытия преступления. Группа детерминирующих факторов относится к психическим свойствам личности (характер, навыки, умения, привычки) и соматическим ее качествам (Г. Г. Зуйков). Из числа этих качеств следует подчеркнуть особое значение навыков преступного назначения, играющих существенную роль при реализации способов маскировки, фальсификации и инсценировки преступлений.

Говоря о факторах, детерминирующих выбор способа совершения преступления, Г. Г. Зуйков не упоминает таких психических качеств личности, как воображение и изобретательность. Между тем именно их следует учитывать при решении вопроса о детерминации способа сокрытия преступления.

Замышляя совершение преступления, выбирая способы его осуществления и сокрытия, преступник строит мысленную модель своих действий, воспроизводя в ней всю систему своих предстоящих действий. Содержание этой модели, ее детализация зависят во многом от уровня воссоздающего воображения субъекта, а выбор и сочетание действий по совершению и сокрытию преступления — в немалой степени от его изобретательности, прошлого преступного опыта и осведомленности о значении для раскрытия преступления тех или иных следов.

Сказанное особенно заметно проявляется в инсценировке преступлений. Имитируя совершение иного преступления или событие некриминального характера, преступник должен четко представлять себе те признаки, которые характеризуют их в глазах следователя, знать способы совершения имитируемого преступления и оставляемые им характерные следы, суметь представить в своем воображении и мысленно “проиграть” весь механизм этого преступления для придания инсценировке должной убедительности. Здесь не последнюю роль играют преступный опыт субъекта и его изобретательность, обладание им своеобразным чувством меры при фальсификации доказательств, а при сочетании инсценирования материальных следов события с притворным поведением и ложными сообщениями — умение строить многоходовые комбинации, где опять-таки нельзя обойтись без развитого воображения. И однако, каким бы тонким и изощренным ни был замысел преступника по сокрытию преступления, им неизбежно допускаются более или менее значительные просчеты, в большинстве случаев по-

зволяющие следователю обнаружить инсценировку и выявить признаки подлинного события. Преодоление усилий преступника по сокрытию содеянного — первый шаг на пути к раскрытию преступления.

14. РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ЦЕЛИ ПРИМЕНЕНИЯ ЧАСТНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ

14.1. Криминалистическое понятие раскрытия преступления

В правовой науке понятие раскрытия преступления относится к числу таких, по поводу которых многолетняя дискуссия пока еще не привела к общепризнанному результату. В науке уголовного процесса — именно в ней развернулась, в основном, эта дискуссия — существует несколько точек зрения на содержание понятия раскрытия преступления. Не приводя аргументации их сторонников, поскольку это делалось уже многократно и достаточно подробно, ограничимся лишь перечислением “сосуществующих” позиций.

1. Раскрытие преступления — понятие оперативно-розыскное, означающее, что преступник найден. Все остальное “скорее характеризует стадию расследования преступления, чем раскрытие его, ибо оно уже раскрыто (преступник найден)”¹.

2. Раскрытие преступления — установление данных о преступлении и виновном в его совершении в таком объеме, который позволяет предъявить обвинение. Момент раскрытия связывается с моментом вынесения постановления о предъявлении обвинения².

¹ *Карпец И. И.* Проблема преступности. М., 1969, с. 152; *Калинин Ю. В.* О понятии раскрытия преступлений. — В кн.: Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973, сс. 35-36.

² *Михайлов А. И., Сергеев Л. А.* Процессуальная сущность раскрытия преступлений. — Сов. государство и право, 1971, № 4, сс. 114-115; *Веселов Ю. И.* Понятие полного раскрытия преступлений. — Сборник статей адъюнктов и соискателей, вып. 3. М., 1971, с. 30; *Гаврилов А. К.* Раскрытие преступлений. Волгоград, 1976, с. 25; *Герасимов И. Ф.* Некоторые проблемы раскрытия преступлений. — *см. след. стр.*

3. Раскрытие преступления — установление всех обстоятельств предмета доказывания, что является основанием для окончания предварительного расследования и составления обвинительного заключения³.

4. Раскрытие преступления — весь процесс производства по делу, завершающийся вступлением в законную силу приговора суда; раскрытым является такое преступление, по которому приговор вступил в законную силу⁴.

Все изложенные позиции, трактуя понятие раскрытого преступления, момент раскрытия связывают с определенным процессуальным решением — от принятия следователем дела к своему производству до вступления в силу приговора суда. Но понятие раскрытия преступления, момент, когда преступление может считаться раскрытым, и для криминалистики имеют существенное значение, поскольку должны ориентировать в решении вопроса о периодизации этапов процесса расследования, а значит, и в решении вопроса о структуре частной криминалистической методики и содержании ее частей. Поэтому имеет смысл ознакомиться с мнениями по этому поводу не только процессуалистов, но и криминалистов, высказанных именно в криминалистическом, а не в процессуальном аспекте.

А. Н. Васильев полагал, что “под раскрытием преступления принято понимать лишь обнаружение преступления и установление виновных, что является главным в расследовании преступлений”⁵. Практически тоже самое писал С. П. Митричев: “Раскрыть преступление — это значит установить факт события преступления и лицо, виновное в его совер-

ступлений. Свердловск, 1975, с. 50; **Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н.** Предварительное следствие. М., 1965, с. 38.

³ **Майоров Н.** Учет раскрытия преступлений. — Соц. законность, 1970, №2, с. 44.

⁴ **Розенцвайг В. Е.** К вопросу о понятии раскрытого преступления. — Сборник научных работ Казахского НИИСЭ, № 2. Алма-Ата, 1971, с. 277; **Лузгин И. М.** Расследование как процесс познания. М., 1969, с. 16; **Остроумов С., Панченко С.** Критерии оценки раскрытия преступлений. — Соц. законность, 1976, № 9, с. 51. По этому поводу А. Герасун писал: “Действительно, если быть последовательным, нужно говорить о признании преступления раскрытым только и исключительно на основе приговора. Но так далеко никто не заходит, ибо это означало бы возложение ответственности за полное раскрытие преступления на суд и снижение требований, предъявляемых к органам дознания и следствия”, что “не имеет ни научного, ни практического смысла” (**Герасун А.** Раскрытие преступления. — Соц. законность, 1972, № 8, с. 57). Но оказывается, что можно зайти и “так далеко”.

⁵ **Васильев А. Н.** Введение в курс советской криминалистики. МГУ, 1962, с. 4.

шении”⁶. По существу, этими и некоторыми еще подобными высказываниями и ограничивалось отношение криминалистов к понятию раскрытия преступления. Довольствуясь процессуальными решениями вопроса, криминалисты связывали с ними обычно и свои представления о периодизации процесса расследования. Так, И. М. Лузгин, производя структурный анализ расследования, выделил в нем два этапа: от возбуждения уголовного дела до предъявления обвинения и от предъявления обвинения до окончания расследования и принятия окончательных решений по делу⁷. Однако позже появились и высказывания о необходимости формулирования собственно криминалистического понятия раскрытия преступления.

19 мая 1975 г. на заседании Ученого совета ВНИИ по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности с докладом “Теоретические основы методики расследования преступлений” выступил В. Г. Танасевич. В докладе и затем в написанной на его основе статье он развил мысль о том, что о раскрытии преступления можно говорить в двух аспектах — процессуальном и криминалистическом. “В уголовно-процессуальном смысле, — писал он, — раскрытие преступления предполагает выяснение всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, и окончательно вопрос о раскрытии преступления решает суд при вынесении приговора”.

Криминалистическое понятие раскрытия преступления, совпадающее с процессуальным с точки зрения того, что должно быть достигнуто (предмет доказывания по делу), нельзя, по мнению В. Г. Танасевича, связывать с моментом предъявления обвинения. “Под криминалистическим (предварительным) раскрытием преступления следует понимать выяснение всех обстоятельств события преступления, изобличающих лиц, его совершивших, и устанавливающих характер и степень их ответственности за содеянное. Моментом, определяющим раскрытие преступления, является составление обвинительного заключения”⁸.

Словно угадывая недоумение читателей, поскольку его определение криминалистического понятия раскрытия ничем не отличалось от определения тех процессуалистов, которые момент признания преступления раскрытым также связывают с составлением обвинительного заключения, В. Г. Танасевич позже пояснил: “Криминалистическим (предварительным) это раскрытие является не по кругу исследованных обстоя-

⁶ Митричев С. П. Теоретические основы советской криминалистики. М., 1965, с. 56.

⁷ Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., 1973, с. 89.

⁸ Танасевич В. Г. Криминалистическое понятие раскрытия преступления. — Соц. законность, 1975, № 10, с. 58.

тельств, а потому, что оно основано на оценке следователем материалов предварительного следствия”⁹. Однако, как нам кажется, и это разъяснение не убеждает в том, что сформулированное В. Г. Танасевичем понятие является криминалистическим.

Весьма интересная концепция криминалистического понятия раскрытия преступления была выдвинута Ф. Ю. Бердичевским. В ее основу он положил свою модификацию нашего определения предмета криминалистики¹⁰ и тезис о том, что расследование далеко не всех уголовных дел обязательно связано с процессом раскрытия преступления, что есть преступления, которые нужно, расследуя, раскрывать, и те, которые надо только расследовать, поскольку исходная информация о них содержит прямые указания на виновного¹¹.

По мнению Ф. Ю. Бердичевского, содержанием криминалистического понятия раскрытия преступления является “деятельность по расследованию преступления, осуществляемая в условиях отсутствия информации, делающей известной личность преступника, заключающаяся в отыскании такой информации и ее использовании для доказывания искомых фактов”.

Эта деятельность отличается от последующих этапов расследования по своим целям (она создает лишь предпосылки для достижения конечных целей расследования), по условиям (острая нехватка полезной информации и наличие большого объема информации избыточной) и по субъектам (в отличие от расследования, субъектами деятельности по раскрытию являются как следователь, так и органы дознания в пределах не зависящей друг от друга компетенции)¹².

Ф. Ю. Бердичевский не делает вывода о том, когда преступление может считаться раскрытым с криминалистической точки зрения, в аспекте его определения. Но логически можно заключить, что, во-первых, он не связывает это с каким-то определенным процессуальным моментом, а, во-вторых, связывает раскрытие с процессом перехода от незнания к знанию вероятному¹³.

⁹ **Танасевич В. Г.** О предмете советской криминалистики. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 24. М., 1976, с. 130.

¹⁰ Анализ определения Ф. Ю. Бердичевского см. в томе I настоящего Курса.

¹¹ См. **Драпкин Л. Я.** Некоторые вопросы процесса раскрытия преступлений. — Сборник аспирантских работ, вып. 10. Свердловск, 1969, с. 185.

¹² **Бердичевский Ф. Ю.** О предмете и понятийном аппарате криминалистики. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 24. М., 1976, сс. 131-149.

¹³ Там же, сс. 144, 147.

Представляется, что взгляды Ф. Ю. Бердичевского могут лечь в основу формулирования криминалистического понятия раскрытия преступления. В качестве исходных посылок могут фигурировать следующие.

Преступления делятся на две группы в зависимости от содержания исходной информации. Первую группу составляют “очевидные” преступления, то есть такие, которые совершаются в условиях очевидности, когда исходная информация содержит данные о виновном. Исходная информация о “неочевидных” преступлениях таких данных не содержит. В раскрытии нуждаются только преступления этой второй группы.

Начав с незнания (виновный неизвестен), следователь и орган дознания в процессе раскрытия приходят к вероятному знанию (предположение о виновности определенного лица). Возникновение этого вероятного знания означает раскрытие преступления: личность виновного становится известной органам расследования, известной, разумеется, в предположительной форме.

Предположение о виновности лица означает возникшее в отношении него подозрение в совершении преступления; при этом раскрытие преступления связывается с появлением по делу заподозренного лица.

Возникновение подозрения в отношении возможного субъекта преступления мы не склонны приравнивать к появлению в деле фигуры подозреваемого как участника уголовного процесса и рассматриваем это понятие в более широком смысле.

Л. М. Карнеева совершенно права, когда утверждает, что возникшее у следователя подозрение “должно рассматриваться применительно к его деятельности, по крайней мере, в трех значениях: как психологическая характеристика состояния сознания следователя, определяющая его субъективное отношение к исследуемому факту; как криминалистическое понятие, используемое при подборе оснований к решению задач расследования и для выдвижения версий и, наконец, как процессуальная категория, когда с возникшим подозрением закон связывает наступление определенных процессуальных последствий”¹⁴. Она употребляет термин “заподозренный”, обозначая им субъективное отношение следователя к лицу, совершение преступления которым он исследует, а не процессуальное положение такого лица. Заподозренный при наличии оснований, указанных в ст. 52 УПК РСФСР, становится подозреваемым в процессуальном значении этого термина. Права Л. М. Карнеева и в том, что именовать таких лиц “условно подозреваемыми”, как это делает

¹⁴ Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., 1971, с. 61.

В. В. Котровский¹⁵, неверно, так как подозрение, имеющееся у следователя, не условно, а вполне реально¹⁶.

Появление заподозренного лица в криминалистическом значении этого понятия, как правило, совпадает с окончанием этапа первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Таким образом, в общей форме можно сказать, что содержанием этого этапа является раскрытие преступления, тогда как содержанием последующих — его доказывание.

Конечно, не всегда начальный этап расследования заканчивается раскрытием или с раскрытием преступления. Но на этом вопросе мы остановимся далее.

Таким образом, криминалистическое понятие раскрытия преступления, как нам представляется, может быть определено так: это — деятельность по расследованию преступления, направленная на получение информации, дающей основание к выдвижению версии о совершении преступления определенным лицом.

Мы отдаем себе отчет в том, что предлагаемое понятие не может быть положено в основу учета раскрытых преступлений или служить определению показателей раскрываемости: для этой цели годится только жесткий однозначный критерий, в качестве которого был вполне пригоден ранее существовавший, когда преступление считалось раскрытым при наличии достаточных оснований для предъявления обвинения, или, как считается теперь, — с момента направления обвинительного заключения на утверждение прокурору, а затем дела — в суд. Криминалистическое понятие раскрытия преступления необходимо для успешного решения задач частнометодического характера: определения направления расследования на разных его этапах, решения вопроса о задачах каждого этапа и т. п. Для подтверждения достаточно сравнить задачи начального этапа расследования преступления, совершенного в условиях полной очевидности, то есть такого, какое нет необходимости раскрывать, и преступления неочевидного, когда нет еще данных о виновном. Ясно, что во втором случае эти задачи более многообразны, сложны и требуют больших усилий, чем во втором. Процесс расследования неочевидного преступления вступит в ту фазу, с которого начался процесс расследования очевидного преступления, лишь на втором сво-

¹⁵ *Котровский В. В.* Понятие подозреваемого по новому УПК РСФСР. — Правоведение, 1962, № 3, с. 82.

¹⁶ *Карнеева Л. М.* Указ. раб., с. 64. Термин "заподозренный" можно встретить в работах И. Н. Якимова (1924) и В. И. Громова (1930).

ем этапе, когда в поле зрения следователя окажется заподозренный, то есть опять-таки после раскрытия преступления.

В отличие от мнения И. И. Карпеца, мы не считаем, что раскрытие преступления — задача только оперативно-розыскных аппаратов органов внутренних дел. Это совместная задача и их, и следователя, и решаться она должна на основе взаимодействия между ними. Но всегда ли может быть решена эта задача? Все ли преступления при любых обстоятельствах могут быть раскрыты и действительно раскрываются?

Существуют две точки зрения по этому вопросу.

Большинство советских юристов считало, что нет и не может быть преступлений, которые нельзя было бы раскрыть. “По судебным делам, — писал А. И. Трусов, — любые обстоятельства и факты также в полной мере познаваемы... Не существует таких фактов и обстоятельств, которые мы не в силах были бы раскрыть и установить в той мере, как это необходимо для правильного разрешения каждого дела”¹⁷. Столь же категоричен И. Ф. Герасимов: “Любое преступление безусловно можно раскрыть, но во многих случаях это довольно трудная задача”¹⁸. Возражая “инакомыслящим”, Н. А. Якубович утверждала, что “нет объективных причин, в силу которых бы оказалось невозможным раскрыть преступление и установить по нему истину. Если есть еще дела, по которым преступления остаются нераскрытыми, то это происходит, главным образом, в связи с тем, что в какой-то момент их расследования была упущена такая возможность со стороны органов расследования”¹⁹. Аналогичных взглядов ранее придерживался и В. Д. Арсеньев, когда полагал, что “нет такого преступления, которое нельзя было бы раскрыть. И если все еще встречаются нераскрытые преступления, то это — результат недостатков в организации раскрытия преступления”²⁰.

Однако с течением времени тезис о том, что нет преступлений, которые нельзя было бы раскрыть, в глазах ряда ученых перестал выглядеть аксиомой. Сначала сомнения в его правильности высказывались весьма осторожно, в сопровождении ряда оговорок, означающих в конечном счете, что можно раскрыть любое преступление, но при наличии некоторых условий, зависящих от следователя. Характерными в этой

¹⁷ **Трусов А. И.** Основы теории судебных доказательств. М., 1960, с. 15.

¹⁸ **Герасимов И. Ф.** Некоторые проблемы раскрытия преступлений, с. 35.

¹⁹ **Якубович Н. А.** Предварительное расследование. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1977, с. 7.

²⁰ **Арсеньев В. Д.** Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, с. 46.

части являются высказывания А. М. Ларина. “Возможность познания любого преступления, как и всякого иного явления объективного мира, заложена в объективных законах природы и общества. Однако наряду с возможностью раскрыть преступление практически существует и возможность того, что преступление останется нераскрытым, — писал он. — Как превратить возможность раскрыть преступление в действительность? Как устранить возможность тайных и безнаказанных преступлений?” И отвечал на этот вопрос следующим образом: “Теория уголовного процесса и практика расследования позволяют выделить следующие условия, предотвращающие действие указанных отрицательных факторов (уничтожение, исчезновение доказательств, сокрытие преступлений — **Р. Б.**) при розыске и обнаружении доказательств: а) быстрота расследования и внезапность производства следственных действий; б) осведомленность следователя о действиях и намерениях обвиняемого как при совершении преступлений, так и во время расследования; в) следственная тайна”²¹.

Через несколько лет А. К. Гаврилов пришел к тем же выводам с несколько иных позиций. Признавая влияние на возможность раскрытия преступления как субъективных, так и объективных факторов, он посчитал, что на долю последних выпадает столь незначительное число случаев, “которое не в состоянии существенным образом поколебать общую закономерность раскрытия всех совершенных преступлений”²². Такими отрицательными субъективными факторами он назвал медлительность в принятии надлежащих мер по первому сигналу о преступлении или вообще отказ от активных действий, ненадлежащую организацию работы следователя; недостаточно эффективную систему взаимодействия следователя с другими службами органов внутренних дел; несовершенство ведомственного процессуального контроля за деятельностью следователя; несовершенство ряда норм УПК; недостаточную квалификацию следователей²³.

Таким образом, если А. М. Ларин перечислял условия, **при наличии которых** любое преступление может быть раскрыто (хотя и допускал возможность, что этого не произойдет), причем условия, целиком зависящие от качества следствия, то А. К. Гаврилов перечислил условия, **при отсутствии которых** достигается тот же результат, и опять-таки связанные только с качеством следствия, то есть субъектив-

²¹ Ларин А. М. Работа следователя с доказательствами. М., 1966, сс. 44, 46.

²² Гаврилов А. К. Указ. раб., с. 61.

²³ Там же, сс. 61-67.

ного характера. Его вывод: реальная возможность того, что преступление останется нераскрытым, полностью может быть нейтрализована и обращена в свою противоположность усилиями органов расследования.

Но такое полупризнание существования преступлений, которые при определенном стечении обстоятельств остаются нераскрытыми в силу, главным образом, объективных причин (независимо от того, много ли таких причин или мало и в какой степени удастся их преодолеть), не могло остановить развитие иных представлений о возможности раскрытия всех без исключения преступлений

Базирующаяся на постулате о познаваемости мира принципиальная возможность раскрытия каждого преступления не всегда превращается в действительность. «Вывод о возможности раскрытия всякого преступления, — пишет Г. М. Резник, — верен применительно к понятию преступления как вида или типа, но он иногда оказывается несостоятельным в отношении конкретного уголовного дела»²⁴. Он подчеркивает, что неправильно связывать вывод о недостаточности доказательств для категорического суждения по делу во всех случаях с ошибками, допущенными при работе с доказательствами: «Предварительное и судебное следствие по делу могут быть проведены с исчерпывающей полнотой и объективностью и тем не менее не завершиться достоверными выводами. Закон предусмотрел такие ситуации, регламентировав оправдание или прекращение дела при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств (ст.ст. 208, 234, 309, 349 УПК)»²⁵.

Ответ на вопрос о том, почему невозможно собрать все необходимые доказательства, дал Я. О. Мотовиловкер, указав, что правило о том, будто нет нераскрываемых преступлений, «не может быть распространено на случаи, когда следы преступления исчезли и тем самым объективно отпала возможность закончить процесс познавательным результатом»²⁶.

Еще более определенно высказался по этому поводу В. Д. Арсеньев. Исходя из принципиальной возможности раскрытия каждого совершенного преступления, он в то же время отмечал, что определенная (сравнительно небольшая) часть выявленных преступлений остается нерас-

²⁴ Резник Г. М. Оправдание за недоказанностью. — Советская юстиция, 1969, № 15, с. 12.

²⁵ Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М., 1977, с. 16.

²⁶ Мотовиловкер Я. О. Вопросы теории советского уголовного процесса. Томск, 1971, с. 30.

крытой. Объяснение этому он находит в том, что принципиальная возможность познания мира и его закономерностей отнюдь не означает такой возможности для каждого конкретного случая²⁷.

Мы уже неоднократно высказывали свою точку зрения по рассматриваемому вопросу²⁸. Вкратце она заключается в следующем.

Закономерный характер процессов возникновения и обнаружения доказательств обеспечивает **принципиальную возможность** раскрытия всякого преступления. Однако поскольку всякая объективная закономерность проявляется как тенденция, прокладывая себе путь через случайности, через отступления от общих правил и учитывая, что наряду с закономерностью возникновения доказательств действует закономерность их исчезновения, следует признать, что в конкретном случае процессы возникновения, существования и обнаружения доказательств могут протекать нетипично. Это означает, что доказательства могут не возникнуть в таком качестве, чтобы быть обнаруженными современными средствами и методами, либо что их количество окажется недостаточным для раскрытия преступления. При этом мы имеем в виду объективные процессы, не зависящие от качества расследования и субъективных качеств следователя.

Разумеется, в большинстве случаев то, что преступление остается нераскрытым, — следствие недостатков в организации и осуществлении расследования. В этом нельзя не согласиться с А. М. Лариным, А. К. Гавриловым, Н. А. Якубович и другими авторами, придерживающимися подобных взглядов. Наши аргументы относятся к той небольшой части уголовных дел, расследование по которым не увенчалось успехом именно в силу действия объективных отрицательных факторов. И как бы мало ни было таких дел, пренебречь ими нельзя, как нельзя и возлагать ответственность за них на следователя. Но А. К. Гаврилов безусловно прав в том, что «с точки зрения практической деятельности нельзя прогнозировать невозможность раскрытия преступления заранее, не проникнув в сущность явления, то есть не произведя расследования на самом высоком организационном уровне. Для того, чтобы признать, что

²⁷ **Арсеньев В. Д.** Некоторые процессуальные проблемы раскрытия преступлений. — В кн.: Проблемы предварительного следствия, вып. 2. Волгоград, 1973, с. 29.

²⁸ **Белкин Р. С.:**

- Перспективы развития советской криминалистики. — Труды ВШ МВД СССР, вып. 15. М., 1967;
- Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970, гл.гл. 1-2;
- настоящий Курс, т. 1.

конкретное преступление не может быть раскрыто ввиду уничтожения доказательств (или невозможности их обнаружения), необходимо вначале дать оценку всей совокупности действий, использованию процессуальных средств и полной реализации полномочий субъектов расследования. В противном случае любая трудность могла бы объясняться как объективная закономерность невозможности получения доказательственной информации”²⁹.

Сказанное относится и к основной массе латентных преступлений. Они остаются обнаруженными не в силу объективных причин, препятствующих их раскрытию, а потому, что вне поля зрения оперативных, преимущественно, но также и следственных аппаратов остаются наличные признаки их совершения.

Тезис о том, что раскрытие преступления является задачей, общей для органов дознания и предварительного следствия, стал, по-видимому, отправным для идеи формирования так называемой общей теории раскрытия преступлений в рамках криминалистики, которую мы ранее упоминали. Пионером этой идеи был И. Ф. Герасимов, по мнению которого эта теория должна содержать следующие разделы:

- ◆ Методологические основы теории раскрытия преступлений.
- ◆ Сущность и этапы процесса раскрытия преступлений. Раскрытие как задача уголовного судопроизводства и как деятельность соответствующих органов и лиц.
- ◆ Система деятельности по раскрытию преступлений, взаимодействие различных органов и лиц.
- ◆ Учение о следственных ситуациях как элемент общей теории раскрытия.
- ◆ Криминалистические классификации и характеристики и их роль в разработке частных методик.
- ◆ Общие положения и структура методик раскрытия отдельных видов и групп преступлений. Соотношение методик раскрытия и расследования.

Именно “с теории раскрытия преступлений, — по его мнению, — должен начинаться курс криминалистики”³⁰. Идею И. Ф. Герасимова активно поддержал Л. Я. Драпкин. Он прямо называет эту теорию кри-

²⁹ *Гаврилов А. К.* Указ. раб., с. 61.

³⁰ *Герасимов И. Ф.* Проблемы общей теории раскрытия преступлений. — В кн.: Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1980, сс. 28-31.

миналистической и указывает, что процесс раскрытия преступлений основан на динамическом развитии системы следственных версий³¹.

На первый взгляд, идея формирования комплексной общей теории раскрытия преступлений выглядит привлекательно. Однако даже самый поверхностный ее анализ показывает ее несостоятельность.

Во-первых, само выделение раскрытия преступлений из общего процесса установления истины по уголовному делу позволяет сделать вывод о том, что расследование подобной цели не преследует. Это заключение подкрепляется и необходимостью выяснения соотношения “методик раскрытия и расследования”, которые, как полагает И. Ф. Герасимов, существуют раздельно. Сразу же возникает вопрос: для кого разрабатываются методики раскрытия и для кого — методики расследования? Поскольку расследование раскрытием не занимается, очевидно, методики раскрытия предназначаются для органов дознания, осуществляющих раскрытие оперативно-розыскным путем. Но как быть, если им раскрыть преступление не удалось и эту задачу все-таки предстоит решить следователю? Ответа “теория раскрытия” не дает.

Во-вторых, объявляя эту теорию криминалистической и включая в ее содержание фактически оперативно-розыскную деятельность, автор противоречит собственному признанию самостоятельного существования оперативно-розыскной теории. По сути, с ним солидаризируется и Л. Я. Драпкин, рассматривая теорию раскрытия как версию деятельности, причем оперируя именно со следственными версиями и даже не упоминая о версиях оперативно-розыскных. В свое время А. Н. Васильев писал: “Оперативно-розыскная деятельность имеет более широкий диапазон применения, охватывая не только расследование, в рамках которого применяется криминалистика, но и более ранний период, когда возможно выявление оперативными методами преступных замыслов и организуемых преступных групп, подготовки к совершению преступлений, пресечение этой деятельности, предупреждение преступлений, обнаружение оперативными мерами совершенных преступлений”³². Так не логичнее ли включить “теорию раскрытия” вместе со всем ее криминалистическим содержанием в теорию оперативно-розыскной деятельности, да и вообще покончить с криминалистикой,

³¹ Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987, с. 32

³² Васильев А. Н. Яблоков Н. П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984, с. 50.

которая ведь, как считает И. Ф. Пантелеев, не что иное, как “наука о раскрытии преступлений”³³ ?

Попытки объединить “на системной основе” в явно надуманной теории раскрытия возможности и средства оперативно-розыскной деятельности, учение о версии, процессуальные средства доказывания и т. п. — лишены всякого практического смысла и теоретически ущербны, не говоря о том, что в рамках этой теории смешиваются процессуальные и непроцессуальные виды деятельности правоохранительных органов, объединение которых возможно лишь на уровне целей деятельности, а не в рамках единой теории.

Наконец, в-третьих, если уж пытаться создать “теорию раскрытия” как нечто практически значимое, то в ее содержание следовало бы включить всю криминалистику, всю теорию оперативно-розыскной деятельности, поскольку все содержание той и другой предназначено для решения этой — хотя и не только этой — задачи.

Нет и не может быть самостоятельной “теории раскрытия преступлений”, как не может быть “теории пресечения преступлений” или теории их расследования. Как процессуальная, так и непроцессуальная деятельность правоохранительных органов решает все подобные виды задач на базе своих теоретических основ, используя для этого весь прирующий им арсенал средств и методов, а при возможности применяя и средства и методы смежных областей деятельности. Так например, для раскрытия преступлений используются процессуальные (следственные и иные) действия, специальные знания, криминалистическая техника и криминалистические учеты, оперативно-розыскные меры и средства, оперативные учеты и др. И в таком комплексном использовании “продукта” криминалистики, теории ОРД и других областей знания — залог успешного раскрытия преступлений.

14.2. Этапы расследования преступления

Мы уже отмечали, что периодизация этапов расследования имеет существенное значение для структуры частной криминалистической методики, поскольку в известной степени определяет состав ее элементов.

³³ **Пантелеев И. Ф.** Теоретические проблемы советской криминалистики. М., 1980, сс. 14, 18 и др.

Определение этапа расследования удачно, на наш взгляд, сформулировал И. М. Лузгин: «Этап (или часть) расследования — это такой его элемент, который представляет собой взаимосвязанную систему действий, объединенных единством задач, условиями расследования, спецификой криминалистических приемов»³⁴.

С вопросом о периодизации предварительного следствия мы сталкиваемся уже в первых советских криминалистических работах. И. Н. Якимов разделил весь процесс расследования (от возбуждения уголовного дела до предъявления обвинения) на три периода: установление вещественного состава преступления (оканчивается воссозданием картины преступления), собирание и использование улик (оканчивается выявлением личности предполагаемого виновника преступления) и обследование предполагаемого виновника преступления (оканчивается предъявлением обвинения заподозренному)³⁵. О трех стадиях в процессе расследования писал В. И. Громов в первых работах по методике расследования преступлений³⁶.

В последующем в криминалистике наиболее распространенным стало мнение о двух этапах расследования: начальном и последующем, хотя не всегда содержание этих этапов понималось одинаково³⁷. Окончание первого этапа обычно связывают с моментом предъявления обвинения, второго — с окончанием расследования³⁸. Эта периодизация совпадает и с принятой большинством процессуалистов, которые за редкими исключениями также делят предварительное расследование на те же два этапа или части. Правда, И. Д. Перлов разделил эту стадию процесса не на две, а на шесть частей, однако его предложение поддержки не получило³⁹.

В 70-е гг. все чаще стали раздаваться голоса о том, что двухчленная периодизация расследования должна уступить место трехчленной.

³⁴ Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., 1973, с. 86.

³⁵ Якимов И. Н. Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924, сс. 168-171.

³⁶ Громов Вл. Методика расследования преступлений. М., 1930, с. 44. Он называл такие стадии: принятие дела к производству, определяющее «приступ к расследованию»; группировка и оценка собранного материала, которым изобличается подозреваемый, определяющая момент предъявления обвинения; обобщение всего материала по законченному расследованию.

³⁷ Такого деления мы придерживались с 1959г. (Криминалистика. М, 1959, с. 330).

³⁸ Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования, с. 89.

³⁹ Советский уголовный процесс. М., 1968, с. 34.

Признавая, в основном, правильной существующую в криминалистике периодизацию этапа расследования, И. А. Возгрин в то же время отметил ее незавершенность и, исходя из этого, выделил третий, заключительный, этап расследования. “Во временном отношении, — писал он, — третий этап должен начинаться с момента принятия следователем решения об окончании расследования, т.е. с момента прекращения следственных действий, направленных на собирание, исследование и оценку новых доказательств, и заканчивается направлением дела прокурору или вынесением постановления о прекращении уголовного дела”. С криминалистической точки зрения содержание этого этапа, по его мнению, составляют особенности оценки доказательств, особенности производства дополнительных и повторных следственных действий, анализ наиболее часто встречающихся заявлений и ходатайств обвиняемых при окончании расследования конкретной категории преступлений⁴⁰.

Три, но иные, этапа назвал Н. К. Кузьменко: неотложный, первоначальный и последующий. Границы первого этапа — от возбуждения уголовного дела до производства последнего неотложного действия или передачи дела по подследственности (следователю от органа дознания). Второй этап охватывает производство всех остальных следственных действий до привлечения в качестве обвиняемого. “Третий этап посвящен сбору дополнительных доказательств после допроса обвиняемого с целью обеспечения дальнейших задач уголовного судопроизводства. Заканчивается он составлением обвинительного заключения”⁴¹.

И. Ф. Герасимов, акцентируя внимание на раскрытии преступления, делит процесс работы по делу до предъявления обвинения на три этапа, которые он называет этапами раскрытия преступления. Это: обнаружение и выявление преступления или его признаков; собирание сведений о лице, совершившем преступление; установление всех обстоятельств преступного события и лица, совершившего это деяние⁴². Можно было бы представить, что, поскольку автор говорит о деятельности, предшествующей предъявлению обвинения, он допускает

⁴⁰ **Возгрин И. А.** О структуре методик расследования отдельных видов преступлений. — В кн.: Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. Л., 1974, с. 82.

⁴¹ **Кузьменко Н. К.** Периодизация этапов в методике расследования преступлений. — В кн.: Методика расследования преступлений (общие положения). М., 1976, с. 115.

⁴² **Герасимов И. Ф.** Этапы раскрытия преступления. — В кн.: Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Свердловск, 1975, с. 10.

еще один, последующий, этап расследования. Однако далее он пишет: "...раскрытие любого преступления (а в конечном счете предварительное расследование **в целом**) проходит через указанные этапы"⁴³ (выделено нами — **Р. Б.**). Этим смысл его рассуждений затемняется и становится неясным, охватывают ли указанные три этапа все расследование или только его начальный (по принятой терминологии) этап.

Схема И. Ф. Герасимова, если не считать некоторых чисто словесных различий, весьма напоминает указанную схему И. Н. Якимова. Общность их схем проявилась и в общем, весьма сомнительном, на наш взгляд, тезисе, что задача установления всех обстоятельств преступного события решается еще до предъявления обвинения.

Логичнее выглядит концепция А. К. Гаврилова, в основе которой также лежит раскрытие преступления, связываемое им, как упоминалось, с предъявлением обвинения. Процесс предварительного расследования он делит на три этапа: производство первоначальных неотложных следственных действий; дальнейшее расследование с целью выявления оснований для предъявления обвинения; окончание расследования, когда "следователь принимает меры к возможному выявлению новых преступлений, а также завершает полное расследование. Раскрытие преступления — задача первого, а при необходимости и второго этапов. На третьем этапе следователь уже работает по делу, по которому преступление раскрыто"⁴⁴.

Наконец, Л. Я. Драпкин в одной из своих работ также указал три этапа собственно расследования: начальный этап, последующее исследование, завершение расследования⁴⁵. Вернувшись к этому вопросу в более поздней работе 1988 г., он вновь назвал три этапа: начальный, последующий и заключительный⁴⁶.

Мы полагаем, что **единая периодизация** процесса расследования не может исходить из содержания действий по раскрытию преступле-

⁴³ Там же, с. 11.

⁴⁴ **Гаерилов А. К.** Указ. раб., с. 100.

⁴⁵ **Драпкин Л. Я.** Структура и функции первоначальных следственных действий в методике расследования преступлений. — В кн.: Методика расследования преступлений (общие положения). М., 1976, с. 87.

⁴⁶ **Драпкин Л. Я.** Ситуационный подход в криминалистике и проблема периодизации процесса расследования преступлений. — В кн.: Проблемы оптимизации первоначального этапа расследования преступлений. Свердловск, 1988, сс. 8-11.

ния, хотя бы потому, что не каждое преступление нужно раскрывать, но каждое — расследовать. Еще одно обоснование такой точки зрения заключается в том, что преступление может быть раскрыто — в том смысле, как мы понимаем раскрытие — на начальном этапе расследования, причем еще до его завершения, то есть до решения всех задач этого этапа.

Раскрытие преступления может совпасть с завершением начального этапа расследования. Однако, как показывает практика, бывает, что преступление раскрывается лишь на этапе последующих следственных действий, если не связывать начало этого этапа с предъявлением обвинения. В тех случаях, когда раскрытие преступления связывают с предъявлением обвинения, а завершение начального этапа расследования также обозначают этим процессуальным актом, как это делал, например, И. М. Лузгин, деятельность по раскрытию преступления полностью укладывается в границах этого этапа и, следовательно, даже в этом случае едва ли может служить основанием для периодизации всего процесса расследования.

Мы пришли к выводу о целесообразности деления процесса расследования не на два, как считали ранее, а на три этапа. Основанием деления служит направленность выполняемых на каждом из этих этапов следственных (но не вообще процессуальных) действий и сопутствующих им оперативно-розыскных мероприятий.

I. Начальный этап (или этап первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий). Основная направленность этапа — интенсивный поиск, обнаружение и закрепление доказательств в тех целях, которые мы характеризовали ранее. На этом этапе осуществляется основная работа по раскрытию преступления (опять-таки в том смысле, какой мы вкладываем в это понятие). Действия следователя и оперативных работников на этом этапе характеризуются максимальной оперативностью, в большинстве случаев массивностью, неотложностью. На этом этапе главный определяющий фактор — время.

Начальный этап фактически может иметь своим исходным моментом осмотр места происшествия, производимый до возбуждения уголовного дела, но, как правило, — принятие дела к производству расследования. Момент окончания этого этапа нельзя зафиксировать в общем виде, связав его категорически с каким-то определенным процессуальным решением по делу. Он может завершиться с накоплением достаточной для предъявления обвинения доказательственной информации, однако может окончиться и раньше, когда характерный для этого этапа ускоренный темп действий будет по каким-либо причинам утрачен.

Мы не можем согласиться с Н. А. Хлюпиным, считающим, что «начальный этап расследования не завершается окончанием проведения неотложных и первоначальных следственных действий, поскольку в этот период чаще всего по делам о преступлениях против личности, общественной собственности и другим) не удается в достаточном объеме добыть достоверные данные о преступлении и преступнике. Поэтому можно считать, что первоначальный этап расследования начинается с момента обнаружения преступления и завершается временем предъявления обвинения и допроса обвиняемого по конкретному делу»⁴⁷. Именно потому, что начальный этап характерен условиями и спецификой проводимых на нем действий, а не непременно достижением указанной Н. И. Хлюпиным цели, не следует искусственно продлевать его за пределы первоначальных действий по делу.

Мы бы рискнули сравнить начальный этап расследования с первым этапом наступления, когда войска в условиях дефицита времени, прилагая максимум усилий, добиваются успеха. Развивая его, они продвигаются вперед до тех пор, пока наступление не выдохнется, пока не потребуются перегруппировка сил и введение в действие резервов для новых усилий или пока не будет просто выполнена задача первого этапа наступления. Ясно, что такое сравнение дает весьма приблизительное представление о предмете нашего описания, но оно помогает представить себе конечный момент этого этапа расследования: все наличные доказательства обнаружены и закреплены, все неотложные действия выполнены, все, что представлялось необходимым в этих условиях, сделано. А дальше? А дальше следствие может идти по одному из двух путей.

1. Преступление раскрыто, то есть преступник найден. Начинается этап его изобличения, детального установления всех обстоятельств дела, всех элементов предмета доказывания.

2. Преступление не раскрыто. Систематизируются, анализируются и оцениваются собранные доказательства. Определяются пути дальнейшего поиска, производится перегруппировка сил для нового «наступления».

Таким образом, видно, что второй этап расследования не всегда начинается предъявлением обвинения. Случается, что привлечение в качестве обвиняемого осуществляется и в его середине и даже фактически в его конце. Именно поэтому мы и не считаем правильным

⁴⁷ Хлюпин Н. И. Планирование расследования преступлений. — В кн. Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР, вып. 4. Калининград, 1975, сс. 39-40.

связывать окончание первого этапа расследования и начало второго этапа с этим процессуальным «рубежом» дела. По существу, и А. К. Гаврилов, признавая, что раскрытие преступления, как деятельность, может охватывать собой и первый, и второй этапы расследования, тем самым не связывает окончание первого этапа с привлечением виновного к уголовной ответственности.

Экстремальные условия работы следователя (дефицит времени, дефицит полезной информации, большой объем работы, решение сложных мыслительных задач в условиях высокой степени неопределенности, необходимость организации многостороннего взаимодействия и т. п.) характерны именно для начального этапа расследования. В некоторой, но далеко не в такой степени они могут повториться при окончании расследования, когда истекают установленные для него сроки. Но там уже идет речь не о напряженном поиске, а лишь о выполнении в срок работы, то есть о количественной, а не качественной напряженности.

II. Последующий этап (или этап последующих следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий). Основная направленность этого этапа — развернутое, последовательное, методическое доказывание.

Если преступник найден и собрано достаточно доказательств для привлечения его к ответственности, то на последующем этапе расследования осуществляется скрупулезная проверка оснований обвинения, выявляются все соучастники и все эпизоды преступной деятельности, изучаются все связи между элементами состава преступления, устанавливаются во всей возможной полноте причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

Однако содержание последующего этапа и в этом случае нельзя сводить лишь к проверке и анализу уже имеющихся данных о событии преступления и роли в нем участников преступления, как полагает Н. И. Хлюпин⁴⁸. Из сказанного нами следует, что задачи этого этапа гораздо шире, тем более в тех случаях, когда на начальном этапе расследования преступление раскрыть не удалось. Тогда после анализа и оценки собранных доказательств, с учетом имеющейся ориентирующей информации, составляется развернутый план дальнейшего расследования для решения в первую очередь задачи раскрытия преступления и только затем уже — всестороннего доказывания формулы обвинения.

Такая подвижность границ между начальным и последующими этапами расследования соответствует динамике и индивидуальному характеру этого процесса, который каждый раз протекает со своими специ-

⁴⁸ Хлюпин Н. И. Указ. раб., с. 39.

фическими особенностями. Иными словами, момент окончания одного этапа и начала другого — это вопрос факта, конкретного акта расследования.

III. Заключительный этап расследования, как уже отмечалось, ранее не назывался нами, как и большинством криминалистов. Однако некоторые аргументы в пользу этого этапа, появившиеся позже в литературе, побуждают нас пересмотреть свою точку зрения.

Обосновывая необходимость выделения заключительного этапа расследования, И. А. Возгрин указывает, что “по содержанию третий этап должен включать в себя оценку собранных по делу доказательств, принятие решения об окончании расследования, определение порядка окончания расследования и тактические приемы его проведения”⁴⁹. На этом основании он предлагает включать соответствующий структурный элемент и в каждую частную криминалистическую методику.

Не все в рассуждениях И. А. Возгрин бесспорно. Содержание заключительного этапа составляют процессуальные действия, однако в его перечислении — это не те следственные действия, тактику которых призвана разрабатывать криминалистика. Здесь его позиция смыкается с позициями криминалистов, в частности, И. Ф. Герасимова, полагающих, что следует разрабатывать тактику предъявления обвинения, тактику предъявления материалов законченного производства, тактику составления обвинительного заключения и т. п., с чем мы согласиться не можем, имея в виду, что тактика присуща не всем процессуальным действиям, а лишь тем, которые относятся к следственным и направлены на сбор, исследование, оценку и использование доказательств в доказывании. Это, кстати, является и одним из оснований, по которому мы не считаем нужным выделять в частной криминалистической методике в качестве ее структурного элемента заключительный этап расследования. Его содержание с тактической и методической стороны вполне охватывается таким структурным элементом, как последующие следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. Иными словами, этот элемент методики охватывает два этапа расследования — последующий и заключительный.

Важные соображения, могущие быть использованными при определении содержания заключительного этапа расследования, высказаны В. П. Бахиным, В. М. Быковым и Н. Л. Макаровым. Они поставили вопрос о разработке тактики повторного следствия, под которым понима-

⁴⁹ *Возгрин И. А.* Указ. раб., с. 82.

ют как повторение всей или части работы по делу, так и повторное производство отдельных следственных действий⁵⁰.

Известно, что расследование приходится осуществлять повторно (частично или в целом) либо дополнять при возвращении дела прокурором или судом для дополнительного расследования, при отмене приговора кассационной или надзорной инстанцией и направлении дела для нового расследования, при возобновлении производства по приостановленному делу или в связи с отменой постановления о прекращении дела. Здесь возможны два варианта: повторные действия начинаются со второго этапа расследования и захватывают заключительный этап (1) либо повторные действия проводятся только на заключительном этапе (2). Это зависит от содержания и объема требуемой повторной работы.

Дополнительное расследование по своей структуре неоднородно. Оно может включать в себя проведение только дополнительных, то есть ранее не проводившихся следственных действий. Они вписываются в рамки заключительного этапа, который как бы расширяет при этом свои границы. Это не повторное следствие, как полагают названные авторы, поскольку имеется в виду работа, ранее не выполнявшаяся. Но дополнительное расследование иногда требует и повторного проведения тех или иных следственных действий то ли в силу допущенных процессуальных нарушений или тактических ошибок, то ли потому, что ранее они проводились в других целях, и в силу этого их результаты страдают неполнотой. Такое расследование действительно будет являться повторным в буквальном смысле слова.

Повторным является и производство по расследованию нераскрытых преступлений прошлых лет. Однако и в этом случае оно состоит, по нашему мнению, только из двух этапов — второго и третьего, так как начальный этап, отличающийся, как мы указывали, не перечнем следственных действий, а условиями их проведения, повторен быть не может.

Таким образом, можно заключить, что в содержание заключительного этапа входят:

- ◆ процессуальные действия по завершению производства расследования;
- ◆ дополнительные следственные действия, проводимые по ходатайству обвиняемого или его защитника, указанию надзирающего прокурора или начальника следственного подразделения органа внутренних дел, а также по определению суда;

⁵⁰ *Бахин В. П., Быков В. М., Макаров Н. Л.* О тактике повторного следствия. В кн.: Сибирские юридические записки, вып. 4. Иркутск-Омск, 1974, сс. 182-190.

- ◆ повторные следственные действия, проводимые по тем же основаниям, а также в связи с возобновлением производства по приостановленному или прекращенному делу, возвращением дела со стадии судебного разбирательства или после отмены приговора;
- ◆ организационные и организационно-технические мероприятия, необходимые для завершения расследования.

Естественно, что в каждом конкретном случае содержание заключительного этапа будет определяться задачами расследования и не обязательно, чтобы наличествовали все перечисленные элементы. Приведенный перечень является по своему составу максимальным.

14.3. Обнаружение признаков преступления

Закон связывает возбуждение уголовного дела и все последующее производство по нему с обнаружением признаков преступления. В общей форме, видимо, точнее было бы говорить об обнаружении признаков **возможного** преступления, поскольку одни и те же признаки бывают свойственны как преступному, так и не преступному деянию. Это учитывают Г. А. Густов и В. Г. Танасевич, когда определяют признаки преступления как “определенные факты реальной действительности, представляющие собой следы преступления, указывающие на **возможность** (выделено нами — **Р. Б.**) совершения конкретного преступления”⁵¹.

Признаки преступления могут относиться к любому элементу состава преступления, но обычно их соотносят со способом совершения и сокрытия преступления. “При изучении методики расследования отдельных видов преступлений, — писал С. П. Митричев, — следует обращать внимание на типичные признаки, имеющие криминалистическое значение, на особенности данного вида преступлений, выражающиеся в способах совершения преступлений, характерных следах, оставляемых на месте преступления, преступных связях, профессиональных и преступных навыках преступника, т.е. на все то, что является типичным, общим и включается в криминалистическую характеристику преступлений”⁵².

⁵¹ Густов Г. А., Танасевич В. Г. Признаки хищений социалистической собственности. — В кн.: Вопросы совершенствования предварительного следствия. Л., 1971, с. 89.

⁵² Митричев С. П. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1973, с. 13.

Между признаками преступления и способом его совершения и сокрытия существует обоюдная связь: по признакам судят о способе, знание способа позволяет максимально полно обнаружить признаки его применения, а через способ и признаки в совокупности — и событие в целом. «Раскрытие тайны многих преступлений, — пишет Н. А. Селиванов, — представляет собой нелегкую задачу, требующую от следователя значительных усилий, сосредоточенности, большого профессионального и житейского опыта. В схематическом виде эта задача сводится к тому, чтобы познать прошедшие события по ограниченному числу признаков, порой весьма малозаметных. По образному выражению известного русского юриста В. Случевского, труд криминалиста подобен труду палеонтолога, восстанавливающего флору и фауну давно минувших веков по ископаемым остаткам вымерших растений и животных»⁵³.

Как последствия преступления, его отпечатки в окружающей среде, признаки преступления могут носить как материальный, так и идеальный характер (отображения в сознании человека). Воспользовавшись классификацией признаков хищений, разработанной Г. А. Густовым и В. Г. Танасевичем⁵⁴, и дополнив ее, можно предложить следующие классификации признаков преступления.

А. По содержанию: признаки приготовления к преступлению, его совершения, сокрытия и признаки использования результатов преступления.

Б. По месту проявления: проявляющиеся на месте преступления или на месте происшествия (если эти места не совпадают); проявляющиеся на иных местах; проявляющиеся в материалах государственных и общественных организаций; проявляющиеся в быту и личной жизни преступников и их связей; содержащиеся в данных о других преступлениях или происшествиях.

В. По связи с событием преступления: непосредственно указывающие на возможное преступление; признаки инсценировок и иных способов сокрытия преступления.

Г. По связи с предметом доказывания: оцениваемые как прямые доказательства; оцениваемые как косвенные доказательства (к их числу относятся и улики поведения).

Д. По отношению к процессу отражения: необходимые и случайные.

⁵³ Селиванов Н. А. Вещественные доказательства. М., 1971, с. 3.

⁵⁴ Густов Г. А., Танасевич В. Г. Указ. раб., сс. 91-99. Мы внесли дополнения в первые две разновидности классификации признаков преступления и добавили еще три основания классификации.

Признаки преступления могут быть обнаружены трояким путем. Во-первых, их обнаруживают путем проведения оперативно-розыскных мероприятий, предшествующих возбуждению уголовного дела. Во-вторых, их могут обнаружить граждане, а также представители различных государственных и общественных организаций при проведении проверочных и контрольных мероприятий и т. п. В-третьих, они обнаруживаются непосредственно следователем, прокурором и судом. В большинстве случаев данные о признаках преступления входят в состав той исходной информации, которой располагает следователь или орган дознания к моменту возбуждения уголовного дела и начала расследования.

Велика роль в обнаружении признаков преступления оперативно-розыскных мероприятий, своевременного получения надежной и полной оперативной информации. В этой связи выглядит целесообразным рассмотреть вопросы использования оперативной информации подробнее.

Получение информации, значимой для пресечения и раскрытия преступной деятельности, представляет собой в конечном счете цель любого оперативно-розыскного мероприятия. Об этом свидетельствует сам перечень оперативно-розыскных мероприятий, содержащийся в ст. 6 Закона об ОРД в Российской Федерации: все они решают в информационном плане одну и ту же задачу, хотя средства и процедуры решения этой задачи могут быть различными.

Информация, получаемая при производстве оперативно-розыскных мероприятий, носит непроцессуальный характер. Это обусловлено тем, что ее источники и способы получения не относятся к числу процессуальных, допустимых уголовно-процессуальным законом. Перечень последних законом ограничен следственными действиями; процессуальными действиями, допустимыми в стадии возбуждения уголовного дела; представлением доказательств участниками процесса. Любая информация, полученная иным путем, является непроцессуальной, но при этом следует иметь в виду, что не всякая непроцессуальная информация является оперативной, полученной в результате оперативно-розыскной деятельности. Помимо оперативной, к непроцессуальной информации Д. И. Бедняков справедливо относит: «сведения, полученные субъектами доказывания с нарушениями требований закона или с помощью действий, не предусмотренных законом; сведения о преступлении, полученные гражданами, организациями, предприятиями, в том числе с помощью различных технических средств, ловушек и т. п.; информацию, собираемую частными сыскными агентствами, охранными, экспертными и иными юридическими фирмами; данные, полученные правоохранительными и правоприменительными органами в ходе реа-

лизации их административных и административно-процессуальных полномочий⁵⁵.

Для характеристики непроцессуальной информации Д. И. Бедняков использует в второй критерий — характеристику ее носителя. Он имеет в виду такие носители информации, которые не могут стать источниками доказательств, например, информация, полученная от свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности, или от лиц, не способных правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания, или из документов, не обладающих требуемыми ст. 88 УПК РФ признаками, и др.⁵⁶

Мы отметили, что не всякая непроцессуальная информация является информацией оперативной. Точно также следует заметить, что не всякая процессуальная информация может быть названа доказательственной, хотя Д. И. Бедняков считает, что между понятиями процессуальной и доказательственной информации можно поставить знак равенства: "Информация о преступлении может быть или процессуальной (доказательственной), или непроцессуальной"⁵⁷.

Можно полагать, что доказательственной является лишь та информация, которая составляет содержание доказательств, служит средством доказывания. Эта информация может быть получена лишь путем производства следственных действий, то есть таких процессуальных действий, целью которых является собирание, исследование, оценка и использование доказательств. Не всякое процессуальное действие может быть названо следственным, а поэтому и не всякая информация, полученная в результате проведения процессуального действия, может быть отнесена к числу доказательственной. Помимо доказательственной, к процессуальной относится регистрационная информация, розыскная информация, полученная из процессуальных источников, а также ориентирующая информация, если она также получена из процессуального источника. Примером последней служит вероятное заключение эксперта, не имеющее доказательственного значения, но могущее играть важную ориентирующую роль при выдвижении следственных версий, определении направлений дальнейшего расследования, сужении круга подозреваемых и т. п.

Резюмируя сказанное, можно заключить, что:

⁵⁵ **Бедняков Д. И.** Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991, сс. 65-66.

⁵⁶ **Бедняков Д. И.** Указ. раб., сс. 66-67.

⁵⁷ Там же, с. 34.

а) в сфере доказывания циркулирует информация двух видов: процессуальная и непроцессуальная;

б) в составе процессуальной информации выделяется информация доказательственная, представляющая собой содержание доказательств и служащая целям доказывания; доказывание представляет собой информационный процесс, процесс собирания, исследования, оценки и использования доказательственной информации;

в) в составе непроцессуальной информации выделяется информация оперативная (оперативно-розыскная); применительно к процессу доказывания она играет ориентирующую, то есть вспомогательную роль; для органа расследования это ориентирующая информация.

Задача заключается в том, чтобы показать значение ориентирующей информации для доказывания, пути ее использования и связи ориентирующей и доказательственной информации. Для этого прежде всего следует выяснить, что может составлять содержание ориентирующей информации, полученной оперативным путем.

По мнению А. Р. Ратинова, оперативная информация может охватывать три группы данных. "Первую группу составляют сведения, непосредственно указывающие на фактические данные, которые, будучи закреплены процессуальными средствами, могут служить доказательствами по делу. Эти доказательства существовали объективно вне связи с оперативно-розыскными мероприятиями, которые лишь облегчают их отыскание. Другую группу образуют материалы, которые возникают в результате оперативно-розыскных мероприятий, являются как бы продуктами этой деятельности. Речь идет, например, о выявлении свидетелей... Подобные материалы полезны не столько сами по себе, сколько своими указаниями на объективно существующие доказательства, которые подлежат собиранию процессуальными средствами... Наконец, третью группу образуют сведения, полученные оперативным путем, которые, хотя и не содержат указаний на конкретные доказательства и пути их отыскания, но освещают событие преступления и отдельные обстоятельства, ограничивают круг подозреваемых. Эти данные используются для правильной ориентировки в расследуемом событии, построении версий, определения направления расследования и розыска виновных, для выбора тактических приемов и средств"⁵⁸.

Д. И. Бедняков подходит к определению содержания оперативной информации под углом зрения анализа материалов документирования. Он различает: "а) сведения, указывающие на лиц, могущих быть свиде-

⁵⁸ Взаимодействие следователей прокуратуры и органов милиции при расследовании и предупреждении преступлений. М., 1964, с. 29.

телями по уголовному делу, местонахождение предметов и документов, поведение и взаимоотношения преступников, воздействие преступников на потерпевших, свидетелей и т. п.; б) предметы и документы, могущие быть доказательствами при соответствующих условиях”⁵⁹.

Мнения А. Р. Ратинова, Д. И. Беднякова, как и других авторов, касающихся вопроса о содержании оперативной информации⁶⁰, в сущности, совпадают. Следует лишь отметить, что и названные, и иные авторы характеризуют оперативную информацию в аспекте целей и задач доказывания, хотя в принципе ее содержание не исчерпывается этим. Достаточно, например, упомянуть информацию о формировании преступной группы, еще только замышляющей совершение преступлений, и т.п.

Д. И. Бедняков коснулся попутно еще одного заслуживающего внимания вопроса. Речь идет об отмеченном им сходстве доказывания с такой категорией оперативно-розыскной деятельности, как документирование.

Под документированием в теории оперативно-розыскной деятельности обычно понимается совокупность оперативно-розыскных мероприятий, направленных на получение информации об обстоятельствах преступления, лицах, его совершивших, и др. Между тем, по буквальному смыслу, документировать — обосновывать документами, то есть документально выражать ход и результат какого-то процесса. В сущности, термин “документирование” должен обозначать лишь какую-то одну стадию процесса — фиксацию добытой оперативной информации.

Сходство “документирования” и доказывания не только в том, что они используют одинаковые познавательные методы, как считает Д. И. Бедняков, и что единым для них является информационный процесс (сбор информации (обнаружение, фиксация, изъятие), исследование, оценка информации). Это сходство гораздо значимее, оно заключается в общности целей, в соблюдении критерия относимости информации, обеспечении ее достоверности. В сущности, оперативная информация должна удовлетворять, с точки зрения содержания, тем же требованиям, что и информация доказательственная. Различия между ними заключаются в источниках, средствах сбора, отчасти исследования и значимости результатов оценки.

⁵⁹ Бедняков Д. И. Указ. раб., с. 84.

⁶⁰ Васильев А. Н., Яблоков Н. П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984, с. 72 и др. работы.

Как и доказательственная, оперативная информация имеет своими источниками людей и вещественные образования — предметы и документы. И те и другие могут быть разделены на две группы: те, которые в перспективе могут стать источниками доказательственной информации при выполнении необходимых для этого процессуальных процедур, и те, которые такими источниками не станут и останутся лишь источниками оперативной информации. Закон РФ “Об ОРД” определяет, что “результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений... а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств” (ст. 11). Основываясь на содержании нормы, рассмотрим возможные варианты использования в доказывании оперативной информации, как результата оперативно-розыскной деятельности.

1. Оперативная информация, ориентирующая следователя о действиях и поведении лиц, причастных к расследуемому событию:

- ◆ сведения о преступной деятельности подозреваемых и обвиняемых;
- ◆ сведения о действиях различных лиц по сокрытию совершенных преступлений;
- ◆ сведения о действиях или намерениях совершить действия, противодействующие расследованию;
- ◆ сведения о лицах — носителях указанных сведений — и вещественных образованиях, могущих стать источником этих сведений. Использование этой информации в доказывании возможно двояким путем: непосредственно и опосредованно, путем преобразования источника оперативной информации в источник доказательства.

Непосредственное использование следователем оперативной (ориентирующей) информации заключается:

- ◆ а) в ее учете при определении направлений расследования и конструировании версий о личности вероятного преступника;
- ◆ б) в определении на ее основе очередности и характера следственных действий;
- ◆ в) в обосновании ею решения о проведении конкретных следственных действий — задержания с поличным, обыска и др.;
- ◆ г) в ее использовании для достижения превосходства над противостоящим лицом в ранге рефлексии; оперативная информация при этом выполняет функции “обратной связи”, позволяя следователю

свои действия оценить “глазами партнера” по его высказываниям третьим лицам⁶¹;

- ◆ д) в ее учете следователем как компонента следственной ситуации при оценке последней и принятии тактического решения⁶².

Опосредованное использование оперативной информации заключается, прежде всего, в поиске и определении путей придания ее источникам процессуального статуса, а затем извлечении из этих источников той же информации, но уже выступающей в качестве доказательственной.

2. Оперативная информация, ориентирующая следователя о местонахождении объектов, имеющих значение для дела. Эта информация используется:

- ◆ при принятии решения об обыске, выемке, наложении ареста на имущество, аресте корреспонденции и т. п. Едва ли можно согласиться с авторами, считающими, что наличие только оперативной информации недостаточно для производства, например, обыска⁶³, то есть она не составляет содержания понятия “достаточных оснований” для его производства;
- ◆ для производства иных действий, целью которых служит вовлечение указанных объектов в сферу судопроизводства для придания им процессуального статуса: следственного осмотра, выхода на место, освидетельствования и т. п.

3. Оперативная информация, содержащаяся в материальных образованиях и полученная либо непосредственно оперативным работником либо с помощью специалиста.

Согласно Закону об ОРД, непосредственно оперативным работником информация может быть получена путем опроса граждан, наведения справок, исследования предметов и документов, наблюдения, обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, прослушивания телефонных переговоров, снятия информации с технических каналов и др. (ст. 7).

⁶¹ Зорин Г. А. Тактический потенциал следственного действия. Минск, 1989, сс. 17-19.

⁶² Копылов И. А. Следственная ситуация и тактическое решение. Волгоград, 1988, с. 5.

⁶³ Быховский И. Е. Производство следственных действий. Л., 1984, с. 15; Каневский Л. Л. Использование оперативно-розыскной информации в процессе доказывания по уголовным делам. — В кн.: Актуальные проблемы борьбы с правонарушениями. Екатеринбург, 1992, с. 74.

Проблема использования этой оперативной информации сводится к проблеме придания процессуального статуса источникам информации. Чаще всего это документы, отражающие результаты оперативно-розыскного мероприятия, которые, по нашему мнению, могут быть приобщены к делу в порядке ст. 88 УПК РФ. Если речь идет о таких носителях оперативной информации, как вещественные образования, то их введение в уголовный процесс может быть осуществлено путем производства оперативно-тактической операции. Она планируется и осуществляется при тесном взаимодействии следователя с оперативным работником. Д. И. Бедняков совершенно прав, когда замечает: «Там, где оперативный работник и следователь работают в атмосфере взаимного доверия, товарищеского сотрудничества, согласованности действий, строгого соблюдения требований закона и нормативных актов, не возникает недоразумений, быстро и удачно реализуются оперативные материалы, успешно используются процессуальные и непроцессуальные методы при сборе ориентирующей информации и доказательств»⁶⁴.

Более сложным представляется решение вопроса об использовании в доказывании результатов так называемых предварительных исследований материальных объектов, впоследствии, как правило, фигурирующих в качестве вещественных доказательств. Проблема обусловлена тем, что по действующему законодательству до возбуждения уголовного дела не допускается исследований материальных объектов с помощью специальных познаний, результаты которых приобретали бы доказательственное значение. Иными словами, не допускается производство судебных экспертиз. Между тем, обоснование решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела нередко требует использования специальных познаний именно для выявления признаков преступления. Именно этими обстоятельствами объясняется получившая широкое распространение в оперативно-розыскной деятельности и при производстве доследственных проверок практика проведения так называемых предварительных (непроцессуальных) исследований⁶⁵. Это, как правило, специальные криминалистические,

⁶⁴ **Бедняков Д. И.** Указ. раб., сс. 98-99. Об этом же пишет и **Н. П. Яблоков** (Общеметодические проблемы оперативно-розыскной деятельности в борьбе с организованной преступностью. — Вестник МГУ, сер. *Право*, 1996, № 2, сс. 48-50).

⁶⁵ Как мы уже отмечали в § 5.2. (см., в частности, сноску 9 к главе 5), в УПК Узбекистана 1994 г. разрешено производство экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела (ст. 180), а производство предварительных исследований не допускается (ст. 172). В УПК Казахстана в ст. 85 также разрешена экспертиза при решении вопроса о возбуждении уголовного дела.

химические, биологические и некоторые иные исследования таких объектов, как документы, денежные знаки и ценные бумаги, вещества неизвестной природы, пищевые продукты и др. Чаще всего такие исследования проводятся сотрудниками экспертно-криминалистической службы органов внутренних дел. Нередко по своему содержанию и примененным методам исследования они отличаются от соответствующих экспертиз лишь статусом лица, производившего исследование, и формой итогового документа, в котором излагаются результаты исследования и который источником доказательств не является и доказательственной силы не имеет.

Стремясь легализовать использование результатов предварительных исследований в уголовном процессе, некоторые авторы полагают, что вывод об их допустимости при доказывании можно сделать на основании отсутствия соответствующих запретов в законе и постановлениях руководящих судебных инстанций⁶⁶. Но в УПК вообще нет никакого упоминания о подобных исследованиях, как нет упоминания и о других конкретных оперативно-розыскных мероприятиях. Не упоминаются они и среди мер, осуществляемых в стадии возбуждения уголовного дела.

Проведение предварительных исследований — вынужденная мера, необходимость в которой исчезнет с разрешением производства экспертизы в стадии возбуждения дела. Дело усугубляется еще и тем, что предварительные исследования в большинстве случаев не могут заменить экспертизу, даже если и придать их результатам доказательственное значение. Это связано с необходимостью сохранения объекта исследования в неизменном виде с тем, чтобы впоследствии он мог быть подвергнут экспертному исследованию. Это обусловлено и тем, что при производстве предварительного исследования решаются, как правило, лишь типичные вопросы, тогда как в ходе расследования могут возникнуть и иные вопросы, которые будут поставлены перед экспертом. Все это чаще всего приводит к тому, что после возбуждения уголовного дела назначается соответствующая экспертиза, дублирующая предварительное исследование, причем документ о производстве последнего к делу не приобщается и вообще в нем не фигурирует.

Иногда в практике складывается такая ситуация, когда возникает вопрос об изыскании путей непосредственного использования в доказывании результатов предварительных исследований. Это связано с утратой объекта исследования или его существенным повреждением, делающими невозможным требуемое экспертное исследование этого объекта. В подобных случаях документ, содержащий описание хода и результатов

⁶⁶ *Бедняков Д. И.* Указ. раб., сс. 124-125.

предварительного исследования (справка или заключение специалиста и т. п.), должен быть представлен следователю при рапорте оперативного работника.

Поскольку речь зашла об оперативно-розыскной деятельности, остановимся на некоторых проблемах ее теории и использования оперативно-розыскных мероприятий в процессе доказывания.

В криминалистике и следственной практике типовая информационная модель преступлений определенного вида, рода, как известно, носит название криминалистической характеристики. Стремление создать нечто похожее на криминалистическую характеристику преступления в аспекте оперативно-розыскной деятельности побудило некоторых авторов (Б. П. Смагоринский, 1990 и др.) выдвинуть идею формирования специфической оперативно-розыскной характеристики преступления — тоже обобщенной информационной модели преступного события, но уже имеющей специальную оперативно-розыскную направленность.

Анализ предложенной конструкции оперативно-розыскной характеристики преступления свидетельствует о несостоятельности самой идеи ее формирования.

Б. П. Смагоринский предложил включать в подобную характеристику обобщенные данные о социально-экономических факторах в сфере охраны тех или иных прав, переменные данные о состоянии, динамике, структуре и уровне преступных посягательств, данные статистики об эффективности мер по борьбе с данным видом преступлений. Но все эти данные не являются имманентно присущими данному виду преступлений и не могут входить в характеристику конкретного вида преступлений, как типовую его модель, отражающую комплекс характерных для данного вида преступлений признаков, причем признаков устойчивых, относительно неизменяемых. В противном случае характеристика преступления теряет свое значение некоей матрицы, наложение которой на конкретный случай может ориентировать оперативного работника или следователя в выборе направлений его действий, служить основой для выдвижения оперативно-розыскной и следственной версии. Но после исключения из конструкции Б. П. Смагоринского указанных данных в ней остаются лишь сведения о способах совершения и сокрытия преступлений данного вида и о структуре преступных групп и личности преступника. Эти данные обычно содержатся в криминалистической характеристике преступления, включающей, кроме них, и другую важную информацию о преступлении.

Оперативно-розыскная деятельность имеет своей целью при выявлении и раскрытии преступления, в сущности, установление тех же данных, что и расследование, то есть фактически состава преступления во всех его элементах. Думается, что из этого можно сделать вывод, что в

процессе оперативно-розыскной деятельности можно с успехом использовать криминалистическую характеристику преступления, содержащую все необходимые ориентиры для осуществления ОРД по выявлению и раскрытию конкретного преступления. Заимствование теорией ОРД одной из научных категорий криминалистики следует рассматривать как проявление естественных связей между этими отраслями научного знания. При этом криминалистическую характеристику следует пополнить данными, которые позволят более эффективно использовать ее в оперативно-розыскной деятельности. Так например, при характеристике типичных способов совершения и сокрытия преступлений следует специально выделить типичные действия подготовительного характера, знание которых необходимо оперативному работнику для успешного пресечения и предупреждения преступлений. При характеристике личности типичного преступника следует привести данные о его типичных связях, о типичных приемах противодействия правоохранительным органам, типичных приемах уклонения от следствия и суда и т. п. Иными словами, криминалистическая характеристика детализируется за счет обобщенных данных, имеющих значение преимущественно для оперативного работника. Естественно, такая уточненная и детализированная криминалистическая характеристика преступления только тогда будет с успехом использоваться на практике, когда все ее элементы окажутся связанными друг с другом определенными корреляционными зависимостями. В этом случае она послужит эффективной базой для формирования оперативно-розыскных версий.

Использование теоретических концепций оперативно-розыскной деятельности в криминалистике нередко сопровождается их критическим анализом, стремлением в какой-то мере сблизить их с соответствующими криминалистическими или процессуальными категориями или понятиями. Примерами подобного отношения служат высказываемые в криминалистической теории взгляды на содержание таких понятий, как оперативно-розыскная ситуация, документирование, оперативно-розыскные правоотношения и некоторые другие.

Оперативно-розыскная ситуация определяется как реально существующие в данный момент обстоятельства криминального события (В. А. Нетреба, 1992). По мнению криминалистов, такая трактовка этого понятия не дает достаточно полного представления о его содержании. В определении смешиваются два понятия: оперативно-розыскная и криминальная ситуация. Между тем, первая включает в себя элементы второй, но ее содержание этим не ограничивается.

Оперативно-розыскная ситуация — это комплекс условий, в которых в данный момент осуществляются оперативно-розыскные меры. Составляющими этого комплекса служат элементы преступной деятельно-

сти, образующие докриминальную, криминальную или посткриминальную ситуации, то есть ситуации, возникающие при замыслении, подготовке, совершении и сокрытии преступления. Выявление признаков этих ситуаций составляет цель оперативно-розыскной деятельности и определяет остальные слагаемые оперативно-розыскной ситуации: наличие у оперативного работника информации о криминальном событии и его участниках, их замыслах, принимаемых ими мерах противодействия раскрытию преступления, наличие еще неиспользованных источников оперативной информации, степень осведомленности участников криминального события о принятых и планируемых оперативно-розыскных мерах и др. На содержание оперативно-розыскной ситуации влияют различные объективные и субъективные факторы. Можно полагать, что более полному раскрытию понятия оперативно-розыскной ситуации способствовало бы обращение к существующим трактовкам следственной ситуации, как к сходному и близкому по смыслу понятию.

Серьезные сомнения вызывает утверждение некоторых ученых — специалистов в области теории оперативно-розыскной деятельности — о существовании неких специфических оперативно-розыскных правоотношений (например, В. П. Кувалдин, 1993; А. Г. Маркушин, 1994 и др.). Они полагают, что такие правоотношения переплетаются с правоотношениями других видов, но не могут быть сведены ни к одному из них.

Спор о природе правоотношений, возникающих в процессе оперативно-розыскной деятельности, имеет уже свою историю. Тезис о самостоятельном существовании оперативно-розыскных правоотношений не поддерживается никем из ученых-правоведов, не разделяется он и криминалистами. Противники этого тезиса считают, что специфических оперативно-розыскных правоотношений не существует, что речь должна идти о группе административно-правовых отношений, а в определенных ситуациях вообще не может быть речи о правоотношениях, субъекты которых — по определению — должны не только обладать взаимными правами и обязанностями, но, главное, должны знать о возникновении этих прав и обязанностей. Но о чем может знать, например, субъект, в отношении которого сугубо конспиративно (а это принцип ОРД) проводятся оперативно-розыскные меры? Да еще в том случае, когда преступление еще только замышляется? Едва ли в этом и подобных случаях можно считать, что вообще возникли какие-то правоотношения. Отношения же между оперативным аппаратом и негласными сотрудниками полностью укладываются в рамки административно-правовых отношений, а между оперативным работником и следователем — в содержание уголовно-процессуальных отношений.

Стремясь усилить аргументацию, подтверждающую существование оперативно-розыскных правоотношений, некоторые авторы идут еще

далее, объявляя о существовании “оперативно-розыскного права” (А. Г. Маркушин, 1994). Основанием для такой декларации послужило принятие закона об оперативно-розыскной деятельности в РФ.

Думается, что для подобных утверждений нет никаких оснований. Нет никакого “оперативно-розыскного права”, а есть нормы, которые относятся к непроцессуальной деятельности органов дознания, их оперативных аппаратов, которые можно характеризовать, как нормы административно-правовые, и есть нормы, регулирующие ОРД в процессе расследования, относящиеся к числу уголовно-процессуальных норм. Признание теории оперативно-розыскной деятельности специальной юридической наукой вовсе не означает наличия неких оперативно-розыскных правовых норм, подобно тому, как нет “криминологических” норм права, и т. п. Предметом теории ОРД не являются нормы права, а объектами ее могут быть любые правовые нормы, которые для этого незначим именовать оперативно-розыскными.

Если в области криминалистической техники связи с теорией оперативно-розыскной деятельности носят, в основном, чисто практический характер и преимущественно одностороннюю направленность, заключающуюся в прямом использовании криминалистической техники в оперативно-розыскной деятельности, то в области криминалистической тактики и методики эти связи обоюдны, а процесс использования их содержания взаимен. Наибольший интерес и практическую значимость для криминалистической тактики и методики представляют те разделы теории оперативно-розыскной деятельности, которые в специальной литературе объединяются термином “оперативно-розыскная тактика”. Правда, единого понимания содержания этого понятия не наблюдается, ему даются различные трактовки. Некоторые авторы полагают, что оперативно-розыскная тактика включает в себя и такие категории теории, как оперативная проверка (разработка), оперативная комбинация и др. Некоторые же считают, что оперативно-розыскная тактика — это система рекомендаций по раскрытию отдельных видов преступлений. А. Г. Маркушин (1994) предлагает различать теорию общих положений оперативно-розыскной тактики и частную тактику (частные теории тактики). К первой он относит учения о закономерностях организации и осуществления оперативно-розыскных мероприятий и т. п., ко второй — научно-практические рекомендации по предупреждению отдельных видов преступлений, розыску отдельных категорий преступников и др. По аналогии с криминалистикой частная тактика напоминает частные криминалистические методики.

Несмотря на то, что существование самостоятельной области знаний — теории ОРД — сейчас практически не оспаривается, отдельные

ее разделы иногда по-прежнему включаются в содержание криминалистики. Так, например, И. М. Лузгин методы проведения оперативно-розыскных мероприятий причислял к числу криминалистических методов⁶⁷. Г. Г. Зуйков, М. П. Шаламов, В. Е. Коновалова и др. утверждали, что криминалистическая тактика включает учение о способах и приемах осуществления не только следственных действий, но и оперативно-розыскных мероприятий⁶⁸. А. А. Эксархопуло полагает, что тактическое решение следователя может заключаться в выборе «тех или иных приемов и средств при производстве следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий... в выборе из нескольких возможных такого следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия, проведение которого на данный момент расследования признается оптимальным для достижения конкретной цели»⁶⁹. По этому поводу Н. А. Якубович справедливо замечает: «Следователь, производящий расследование, не может применять оперативно-розыскных мер... Тем более он не вправе давать указание о порядке проведения оперативно-розыскных действий»⁷⁰.

Некоторые авторы считают тактико-криминалистическим приемом взаимосвязь, взаимодействие следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, косвенно включая таким образом последние в сферу криминалистической тактики⁷¹. Возражая против такого толкования тактического приема, Н. А. Якубович пишет: «Нельзя, по нашему мнению, рассматривать оперативно-розыскные действия в расследовании как своеобразные тактические приемы. Тактический характер приобретает использование не самих оперативно-розыскных мер (это не входит в его компетенцию), а лишь данных, полученных таким путем, если орган дознания применил специальные средства при выполнении по заданию следователя розыскных действий. В силу этого предметом изучения криминалистической тактики является не сама оперативно-

⁶⁷ Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., 1973, с. 107.

⁶⁸ Зуйков Г. Г. — в кн. Криминалистика, т. II, М., 1970, с. 10; Шаламов М. П. — в кн. Криминалистика, М., 1973, с. 251; Коновалова В. Е. Теоретические проблемы следственной тактики. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук, Харьков, 1966, с. 15.

⁶⁹ Эксархопуло А. А. Основы криминалистической теории. СПб., 1992, с. 111.

⁷⁰ Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М., 1978, с. 137.

⁷¹ Васильев А. Н. Тактика отдельных следственных действий. М., 1981, с. 18; Комиссаров В. И. Научные, правовые и нравственные основы следственной тактики. Саратов, 1980, с. 34.

розыскная деятельность, являющаяся предметом исследования специальной дисциплины, а рациональное и эффективное сочетание оперативно-розыскных и следственных действий, то есть организация взаимодействия следователя и работников милиции при расследовании и предупреждении преступлений⁷².

Полагаем, что вопрос об отнесении приемов и средств проведения оперативно-розыскных мероприятий к оперативно-розыскной, а не к криминалистической тактике следует считать решенным. Поэтому речь должна идти либо об использовании этих приемов и средств в криминалистике и доказывании, либо о том, как на их основе разрабатываются уже чисто криминалистические приемы и рекомендации.

Важной проблемой, непосредственно связанной с соотношением криминалистики и теории оперативно-розыскных действий, является разработка рекомендаций по связям и соотношениям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в рамках конкретных частных криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений. О значении такого сочетания следственных действий и оперативно-розыскных мер свидетельствует, например, то, что некоторые авторы включают указание на него в само определение криминалистической методики. Так, например, Н. Л. Гранат считает, что "под методикой расследования преступлений можно понимать наиболее целесообразно организованную систему тактических, технических, оперативно-розыскных и организационных приемов и средств, рекомендуемых криминалистикой для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений"⁷³. И. Ф. Пантелеев пишет, что "сочетание следственных действий с оперативно-розыскными мероприятиями является одним из важных условий повышения качества расследования преступлений"⁷⁴. Определение такого сочетания называют даже компонентом тактического решения⁷⁵.

К сожалению, следует констатировать, что разработка форм и путей сочетания следственных действий и оперативно-розыскных мер и в криминалистической тактике, и в криминалистической методике оставляет желать лучшего. В тактике это преимущественно краткое указание на

⁷² Якубович Н. А. Указ. раб., с. 137.

⁷³ Гранат Н. Л. Первоначальные следственные действия и их роль в методике расследования. — В кн.: Методика расследования преступлений. М. 1976, с. 80.

⁷⁴ Пантелеев И. Ф. Теоретические проблемы советской криминалистики. М., 1980, с. 77.

⁷⁵ Копылов И. А. Следственная ситуация и тактическое решение. Волгоград, 1988, с. 10.

сопутствующие следственному действию оперативные меры гласного характера: опрос очевидцев преступления, поквартирный обход с целью выявления свидетелей, прочесывание местности, облава, засада, изучение места предстоящего обыска и т. п. Особенности и тактика этих мер не описываются. Иногда можно встретить упоминание об оперативно-розыскных мерах, проведение которых способствует применению того или иного тактического приема. Так например, говорится, что такой тактический прием, как использование фактора внезапности, обеспечивается значительно эффективнее, когда дело возбуждается по оперативным материалам, поскольку для противодействующих лиц действия следователя в большей степени вероятности окажутся неожиданными⁷⁶. В то же время при исследовании вопроса о тактическом потенциале, то есть прогностических возможностях следственного действия, роль оперативно-розыскных мер в повышении такого потенциала просто упускается из виду⁷⁷.

Для того чтобы правильно решать задачи сочетания следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, следует четко представлять функции оперативно-розыскных мер в системе действий по делу. Эти функции заключаются в следующем.

- ◆ При возбуждении дела по оперативным данным содержание и результаты проведенных оперативных мер определяют характер и тактику первоначальных следственных действий, с помощью которых осуществляется реализация оперативных данных.
- ◆ Оперативно-розыскные меры служат средством создания условий для проведения конкретных следственных действий. Эта форма сочетания может носить и обратный характер, когда следственное действие проводится с целью создания оптимальных условий для принятия тех или иных оперативно-розыскных мер.
- ◆ Оперативно-розыскные меры проводятся в целях снижения тактического риска при проведении следственных действий.
- ◆ Оперативно-розыскные меры служат целям отвлечения внимания от следственных действий, конспирирования их результатов.
- ◆ Оперативно-розыскные меры выполняют функцию компонента тактической (сложной) комбинации.

Вернемся к вопросу о признаках преступления.

⁷⁶ **Бахин В. П.** и др. Тактика использования внезапности в раскрытии преступлений органами внутренних дел. Киев, 1990, с. 22.

⁷⁷ **Зорин Г.А.** Тактический потенциал следственного действия. Минск, 1989, с.5.

Поскольку криминалистическому учению о признаках посвящена специальная глава второго тома Курса, здесь целесообразно рассмотреть лишь такие вопросы, как возможность установления способа совершения преступления по его признакам, распознавание признаков инсценировок и значение улик поведения как признаков преступления.

Утверждение возможности установления по признакам преступления способа его совершения и наоборот стало обиходным и в следственной практике, и в криминалистической литературе. Так, об “опознании” способа следователем по признакам преступления пишет Э. Д. Куранова⁷⁸. У Я. М. Козицина мы читаем: “Назвать признаки хищений, дающие основание к возбуждению уголовного дела, можно, исходя из знания тех или иных способов, применяемых расхитителями”⁷⁹. Подобные суждения типичны для работ по криминалистической методике.

Но что значит установить по признакам преступления способ его совершения? Идет ли речь в этом случае о родовом или видовом понятии способа или об установлении индивидуально определенного способа, применение которого свойственно конкретному субъекту?

Прежде всего, отметим, что характеризовать способ совершения преступления может только комплекс определенных устойчивых признаков его применения. Следует согласиться с С. С. Куклянским, который отмечает, что “одни и те же признаки до выявления их комплекса могут оказывать на совершение преступления различными способами”⁸⁰. Однако даже наличие комплекса признаков не дает основания для категорического суждения об индивидуальной определенности использованного способа совершения преступления. Г. Г. Зуйков совершенно прав, утверждая, что “повторяемость способов совершения преступлений, обусловленная изменяющимся составом детерминирующих факторов, не может быть абсолютной и неизменной, а приобретает ту или иную полноту совпадающих признаков в зависимости от ситуационно определяющейся совокупности детерминирующих факторов” и что “признание аналогичности повторяющихся способов совершения преступлений на

⁷⁸ *Куранова Э. Д.* Об основных положениях методики расследования отдельных видов преступлений. — Вопросы криминалистики, вып. 6-7. М., 1962, с. 165.

⁷⁹ *Козицин Я. М.* Расследование и рассмотрение дел о хищениях, совершаемых с использованием служебного положения. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1975, с. 17.

⁸⁰ *Куклянский С. С.* Криминалистическое значение способа хищения. — В кн.: Применение научных методов при расследовании преступлений и изучении преступности. Ч. II. Вильнюс, 1973, с. 53.

основе совпадения некоторого количества их признаков в двух и более преступлениях может иметь условный характер”⁸¹.

Мы полагаем, что в аспекте криминалистической методики можно говорить об установлении по признакам преступления лишь родовой или видовой принадлежности способа его совершения. Уже в этом можно обнаружить черты определенной типизации и признаков, и устанавливаемых по ним способов, характерной и требуемой именно для криминалистической методики.

Когда мы говорим об индивидуально определенном способе, то имеем в виду, что несколько преступлений совершено таким способом, признаки которого позволяют утверждать, что субъектом этих преступлений является одно и то же лицо, то есть фактически ведем речь об идентификации преступника по способу совершения или сокрытия преступления. Нам представляются убедительными доводы Г. Г. Зуйкова, считающего, что это возможно “только в довольно редких случаях: а) при наличии в способе действий совокупности видовых признаков, образующих сочетание, повторение которого в действиях других лиц маловероятно, и б) при наличии признаков, индивидуализирующих преступников”⁸². Однако вызывают сомнения его представления о процессе идентификации самого способа совершения преступления, являющейся основанием для вменения виновному всех преступлений, совершенных одним и тем же способом, отразившим индивидуальные признаки этого субъекта. Эти представления заключаются в следующем.

Способ совершения преступления может быть отождествлен по совпадению совокупности признаков, отраженных в учетно-регистрационных материалах. Само же отождествление может быть осуществлено только следователем на основе совокупности доказательств, имеющихся в деле, в том числе и заключений экспертов, производивших исследования отдельных объектов, относящихся к способу совершения преступления⁸³.

Возникает вопрос: в какой процессуальной форме осуществляется и отражается отождествление способа совершения преступления следователем? Ответа на этот вопрос Г. Г. Зуйков не дает.

Если отождествление производится на основании учетно-регистрационных данных, то неясно, почему вывод о тождестве делает не сотрудник регистрационного аппарата, как это имеет место при иден-

⁸¹ Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1970, с. 8.

⁸² Там же.

⁸³ Зуйков Г. Г. Проблема идентификации способа совершения преступления. — В кн.: Вопросы судебной экспертизы, вып. 12. Баку, 1971, с. 89.

тификации по дактилоскопическим картам, а следователь. Мы полагаем, что здесь Г. Г. Зуйков допустил противоречие, оставленное им неразрешенным.

В данном случае следователь производит не отождествление способа, что можно отнести к компетенции регистрационно-учетного аппарата, а оценку его вывода о тождестве в совокупности с другими доказательствами по делу, относящимися к этому обстоятельству. Результаты такой оценки в конечном счете излагаются им в обвинительном заключении. Другое дело, если бы Г. Г. Зуйков утверждал, что только учетных данных недостаточно для идентификации способа. В этом случае еще можно было бы говорить о его следственной идентификации, однако при избранных им посылках такое решение, по нашему мнению, исключается.

Обратимся к рассмотрению второго из поставленных нами вопросов — распознаванию признаков инсценировок преступления и выяснению в этом аспекте значения улик поведения.

Мы уже отмечали, что инсценировка преступления является отражением мнимого события и по отношению к событию, скрываемому инсценировкой, носит характер ложного отражения. Признаки инсценировки связаны с событием преступления опосредствованно — через способ сокрытия преступления, который в них проявляется.

Обычно признаки инсценировки именуют негативными обстоятельствами, имея в виду их несоответствие подлинному отражению преступления. Так, В. А. Овечкин по этому поводу замечает: "...в инсценированной преступником обстановке места определенного события остаются обстоятельства, противоречащие предположению следователя о ходе события — негативные обстоятельства, обнаружение которых может свидетельствовать о наличии инсценировки"⁸⁴. Но все ли признаки инсценировки являются негативными обстоятельствами и всегда ли негативные обстоятельства свидетельствуют об инсценировке события?

При фальсификации материальных следов мнимого события преступник может изменить положение вещей на месте преступления, унести оттуда или принести туда те или иные предметы и т. п. Однако, являясь признаком инсценировки, все эти изменения могут не быть расценены следователем как негативные обстоятельства по отношению к подлинному событию, если они не противоречат его представлению об обычном механизме этого события.

⁸⁴ **Овечкин В. А.** Общие положения методики расследования преступлений, скрытых инсценировками. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1975, с. 12.

Дело в том, что событие может протекать по-разному, и в то же время каждый раз — обычным, то есть заурядным, встречающимся в жизни путем. Следователь не всегда однозначно представляет себе течение события (отсюда и множественность версий на начальном этапе расследования, то есть тогда, когда обычно обнаруживаются инсценировки) и его последствия. Одно и то же с уголовно-правовой точки зрения событие может протекать по-разному и оставить разные следы, причем эти следы также могут расцениваться и как следы преступления, и как изменения обстановки, не связанные с ним. Поясним сказанное примером.

Совершено убийство. Потерпевший оказывал сопротивление, в ходе которого были повреждены некоторые предметы обстановки. Эти повреждения позволяют сделать вывод о механизме преступления. Но убийство могло быть совершено тем же способом и также с преодолением сопротивления потерпевшего, однако предметы обстановки при этом могли остаться неповрежденными. И третий вариант: потерпевший непосредственно перед посягательством на него случайно уронил цветочные горшки с подоконника, и они разбились. Это обстоятельство никак не было связано с последующим событием преступления, но его последствия вполне могут быть расценены и как признаки борьбы, и как изменения обстановки, не связанные с убийством.

Аналогичная ситуация возможна и при инсценировке преступления. Инсценированный признак вполне может соответствовать представлению следователя о ходе подлинного, скрываемого инсценировкой, события и не расцениваться им как негативное обстоятельство, хотя фактически он будет признаком не действительного события, а инсценировки. Точно так же не все обстоятельства, расцененные как негативные и действительно противоречащие представлению следователя об **обычном** ходе вещей в данной ситуации, на самом деле являются признаками инсценировки.

Инсценируется кража из помещения первого этажа, имеющего неоткрывающиеся окна и дверь с врезным замком. Исполнитель инсценировки разбивает оконное стекло, имитируя тем самым проникновение в помещение через окно, и оставляет прикрытой, но не запертой входную дверь (“преступник ушел через дверь”). При осмотре обнаруживается, что взлом окна произведен изнутри помещения. Может ли этот факт расцениваться как негативное обстоятельство, указывающее на инсценировку? Да, может. Но теперь представим себе иную картину события.

Кража действительно совершена. Преступник проник в помещение через дверь, скажем, воспользовавшись выкраденными ключами, которые он впоследствии вернет на место. Дверь за собой он прикрыл, но не запер. По каким-то причинам он не смог покинуть помещение, уйдя че-

рез дверь, и вынужден был поэтому выдавить изнутри стекло и вылезти через окно. Обстоятельство, расцененное как негативное, теперь таковым не является.

Более того, обстоятельство действительно может быть негативным по отношению к картине подлинного события и в то же время не быть признаком инсценировки. На это правильно указывает С. И. Медведев, который перечисляет случаи, когда возможны подобные неверные оценки обстоятельств события.

“Нельзя, однако, считать, — пишет С. И. Медведев, — что негативные обстоятельства, выявленные в процессе расследования (а чаще уже при осмотре места происшествия), говорят только об инсценировке. Это мнение может создаться в случаях, если: 1. Неправильно объяснены их существенные связи с событием преступления. Негативные обстоятельства могут появиться в деле в результате случайных причин, не связанных с преступлением, или внесены впоследствии лицами, не имеющими отношения к этому происшествию... 2. Позитивное обстоятельство хотя причинно связано с событием преступления, но под воздействием других причин, как имеющих, так и не имеющих связи с событием, трансформируется в негативное... 3. При совершении совокупности преступлений признаки и обстоятельства одного из них могут переплетаться, смешиваться с признаками другого преступления и будут ему противоречить. Разграничив же преступления, можно дифференцировать и обстоятельства”⁸⁵.

Из сказанного следует вывод: негативные обстоятельства не исчерпывают собой всего круга признаков инсценировки, поэтому ее разоблачение требует не простого сопоставления инсценированной обстановки места с представлением о том, как это место должно было бы выглядеть, если бы здесь действительно произошло инсценированное событие. Необходим детальный анализ самой инсценированной обстановки, выяснение и проверка всех связей между ее элементами, обнаружение признаков искусственности этих связей и т. п., то есть операции по разоблачению инсценировки “изнутри”, исходя из дефектов и просчетов, допущенных исполнителем инсценировки при реализации своих замы-

⁸⁵ *Медведев С. И.* Негативные обстоятельства и их использование в раскрытии преступлений. Волгоград, 1973, с. 38.

слов⁸⁶. Это особенно важно при разоблачении инсценированных инсценировок преступления.

Инсценирование инсценировки заключается в том, что преступник, совершив преступление, затем создает обстановку, наводящую на мысль, что преступления совершено не было, а оно инсценировано. Действия преступника при этом выражаются в нарочитом преувеличении следов подлинного события, добавлении к ним инсценированных следов, создании типичных признаков инсценировки. Так, совершив действительно кражу, преступник затем инсценирует все атрибуты “грубой работы” вора, нетипичные для действительной кражи: наносит явно не вызывающиеся необходимостью повреждения предметам обстановки, учиняет демонстративный беспорядок и т. п.

С. И. Медведев неправильно раскрывает смысл инсценирования инсценировки, иллюстрируя его таким примером: “Совершив кражу из магазина, преступник создает признаки, по которым было бы видно, что произошла не кража, а хищение ценностей материально-ответственным лицом, инсценировавшим кражу”⁸⁷. Но здесь нет инсценирования **инсценировки**, это обычная инсценировка другого преступления с целью скрыть преступление, имевшее место в действительности.

От ложных инсценировок следует отличать ошибочное представление о наличии инсценировки, якобы скрывающей иное преступление. Последнее бывает тогда, когда обстановка места происшествия ошибочно расценивается как инсценированная и выдвигается версия о совершении преступления, которого в действительности не было и которое якобы скрывается этой мнимой инсценировкой. Известен случай, когда на месте происшествия в магазине следователь обнаружил взломанный дверной замок и лужу водки на полу торгового зала. В магазине была обнаружена недостача водки. Обстановка была расценена как инсценированная с целью создания видимости кражи для покрытия предполагаемого хищения. В действительности оказалось, что водку украли подростки, содержимое бутылок частично вылили в торговом зале магазина, а частично на улице, посуду сдали, а на вырученные деньги приобрели радиодетали.

⁸⁶ В. А. Овечкин называет этот метод разоблачения инсценировки методом интеллектуального анализа действий преступника на месте происшествия (указ. раб., с. 15).

⁸⁷ **Медведев С. И.** Указ. раб., с. 39.

Е. В. Баранов удачно связывает возникновение признаков инсценировки преступления со стадиями процесса инсценирования — созданием мысленной модели инсценировки в сознании правонарушителя, реализацией замысла и подготовкой аргументации на случай разоблачения инсценировки. Соответственно возникновение признаков инсценировки на первой стадии связано с неправильным представлением о характере инсценируемого события, с незнанием закономерностей следообразования, на второй стадии — с неточностями при реализации замысла, на третьей стадии — с ошибками, характерными для первых двух стадий, и несоответствием объяснений инсценировки⁸⁸.

Не представляется возможным привести исчерпывающий перечень признаков инсценировки. Пожалуй, можно лишь сказать, что признаки инсценировки в целом характеризуются своей демонстративностью, избыточностью или явной недостаточностью, разнородностью, то есть принадлежностью к разным системам признаков различных видов преступлений.

Признаки инсценировки могут являться и признаками скрываемого преступления, поскольку свидетельствуют о способе его сокрытия. Такую же двойную роль могут играть и так называемые улики поведения.

Под уликами поведения в теории уголовного процесса понимают либо “действия обвиняемого, направленные на сокрытие истины... с целью избежать ответственности за совершенное им преступление”⁸⁹, либо “поведение обвиняемого после совершения преступления, обусловленное фактом совершения им преступления”⁹⁰, либо “действие или бездействие обвиняемого (подозреваемого), которое, не входя в состав преступления, может оказаться причинно связанным с его совершением, а потому указывает на возможную причастность к нему обвиняемого”⁹¹.

К уликам поведения обвиняемого, по мнению А. И. Винберга, Г. М. Миньковского и Р. Д. Рахунова, относится заведомая ложность показаний, фальсификация доказательств; данные, свидетельствующие о зна-

⁸⁸ **Баранов Е. В.** Криминалистическая сущность инсценировок и методы их разоблачения при расследовании преступлений. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1977, сс. 6, 14-15.

⁸⁹ **Гродзинский М. М.** Улики в советском уголовном процессе. — Ученые труды ВИЮН, вып. VII. М., 1945, с. 111.

⁹⁰ **Строгович М. С.** Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955, с. 373.

⁹¹ **Мудьюгин Г. Н.** Расследование убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1962, с. 338.

нии им определенных обстоятельств расследуемого события; данные о том, что обвиняемый при обыске отказался добровольно выдать отыскиваемую вещь, заявив заведомо ложно, что ее у него нет; данные о том, что обвиняемый преднамеренно уклоняется от явки к следователю или в суд⁹².

Дополняя и детализируя этот перечень, Г. Н. Мудьюгин называет следующие доказательства поведения: ложь (как в процессе расследования, так и вне его рамок); умолчание о невыгодном факте; заведомо ложное неопознание; инсценировки как комплекс искусственно созданных доказательств, уничтожение или сокрытие вещественных доказательств, документов, одежды и вещей потерпевшего; меры, принимаемые для непосредственного уклонения от уголовной ответственности (тайный отъезд, изменение фамилии и пр.); поступки и высказывания, в которых проявляется осведомленность о событии, характере и обстоятельствах преступления и которые могли быть известны лишь лицам, виновным в его совершении⁹³. Некоторые виды улики поведения называют М. С. Строгович, Б. Н. Коврижных, С. И. Медведев, А. И. Ковалев и другие авторы⁹⁴.

Улики поведения играют роль признаков инсценировки, когда связаны с материальными следами инсценировки единым замыслом, либо служат средством разоблачения инсценировки. В иных случаях их можно оценить как непосредственные признаки преступления. В таком, например, качестве выступают такие действия при расследовании краж, как приобретение ценных вещей, создание крупных вкладов в сберкассах и банках, изменение образа жизни и т. п.⁹⁵

⁹² **Винберг А. И., Миньковский Г. М., Рахунов Р. Д.** Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1956, сс. 58-59.

⁹³ **Мудьюгин Г. Н.** Указ. раб., с. 338. Об уликах поведения см. также **Мудьюгин Г. Н.** Расследование убийств, замаскированных инсценировками. М, 1973.

⁹⁴ **Строгович М. С.** Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, с. 390; **Коврижных Б. Н.** Деятельность органов прокуратуры по делам о нераскрытых убийствах. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1969, сс. 15-16; **Медведев С. И.** Указ. раб., с. 43; **Ковалев А. И.** Улики поведения и их роль в расследовании преступлений. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974.

⁹⁵ **Густов Г. А., Танасевич В. Г.** Указ. раб., с. 95.

14.4. Вопрос о методе раскрытия и расследования преступлений

Становление криминалистической методики как раздела науки и системы ее рекомендаций следственной практике сопровождалось исследованием вопроса о том, существует ли, может ли существовать общий метод раскрытия и расследования преступлений, определяющий принципиальные подходы к решению задачи установления истины по уголовным делам независимо от их разновидностей.

Известно, что западная криминалистическая наука пыталась дать положительный ответ на этот вопрос. Г. Гросс утверждал существование смешанного правового и естественнонаучного метода раскрытия преступлений. По А. Вейнгарту, научный метод раскрытия преступлений состоит из двух частей: главного и дополнительного методов. Главный метод преследует цель выяснения личности виновного, дополнительный — определения круга доказательств, типичных для данного вида преступлений⁹⁶. А. Ничефоро и Е. Аннушат рассматривали метод расследования как прикладную логику, выведение умозаключений из сформулированных посылок. Российский процессуалист Л. Владимиров выдвигал задачу создания действительно научной теории уголовного судопроизводства как метода исследования истины в области уголовного суда.

Оценивая попытки западных криминалистов сконструировать метод расследования преступлений, И. Н. Якимов писал: "... относительно метода Вейнгарта должно сказать, что он настолько расчленен на мельчайшие составные части, в нем столько отдельных рубрик и классификаций уголовных доказательств, что за ними не видна общая конструктивная мысль автора. Метод Ничефоро, в ущерб чисто материальным приемам расследования, выдвигает психологию следственного процесса, придавая излишне большое значение изучению мотива и цели преступления (логика процесса) и личности преступника (психология процесса). Метод Аннушата явно искусственно упрощен сведением следствия к логическому выведению заключения из посылок, взятых из материалов данного уголовного дела. Автор сам чувствует, что в частях и целиком следственный процесс не может быть сведен к "решению криминалистической проблемы средствами одной только логики (как в беллетристических произведениях Эдгара По), и вводит в него элемен-

⁹⁶ Вейнгарт А. Уголовная тактика. СПб., 1912, сс. 65, 68.

ты, не поддающиеся предварительному логическому учету (введение в заблуждение и случайность)”⁹⁷.

Однако, подвергнув критике неудачные попытки предшественников, И. Н. Якимов поддался искушению создать свой метод расследования преступления, “который мог бы быть усвоен как рабочий прием в практике следственных и розыскных работников”⁹⁸. Он назвал его методом расследования преступлений по косвенным доказательствам (улика́м) по той схеме, которую мы уже упоминали.

Пожалуй, это была первая и последняя заметная попытка создания универсального метода расследования в отечественной криминалистике, попытка, отмеченная явной печатью влияния западной криминалистики. Было бы по меньшей мере несправедливо сейчас упрекать И. Н. Якимова и других пионеров советской криминалистики, что они не смогли в те годы преодолеть этого влияния, да мы и не ставим себе задачу с высоты сегодняшнего дня науки бичевать взгляды полувековой давности. Уже в последующие годы само развитие криминалистики показало, что следует идти другим путем.

Уже В. И. Громов, который ввел в науку и практику термин “методика расследования преступлений”, выдвинул тезис о множественности методов расследования. Под ними он понимал “все те допускаемые законом, выработанные наукой или практикой и проверенные на опыте способы и приемы, которые способствуют достижению практической задачи исследования преступления и обнаружения его виновников”, и считал задачей методики расследования преступлений “изложение всей совокупности правил о наиболее целесообразном использовании и применении способов и приемов, которые могут облегчить работу по расследованию преступлений”⁹⁹. Позднее он вновь подчеркивал, что “расследование уголовных дел требует от органа расследования известного “навыка в маневрировании всеми указанными способами в целях раскрытия существа исследуемого преступления, — требует умения выбрать и применить именно те методы, использование которых в данном конкретном случае является наиболее целесообразным и может дать наиболее эффективные результаты”¹⁰⁰.

Формированию взглядов отечественных криминалистов на проблему методов расследования преступлений существенно способствовали

⁹⁷ Якимов И. Н. Криминалистика. Уголовная тактика. М., 1929, с. 161.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Громов Вл. Методика расследования преступлений. М., 1930, с. 17.

¹⁰⁰ Громов Вл. Техника расследования отдельных видов преступлений. М., 1931, с. 5.

работы Б. М. Шавера, и в частности, его статьи “Об основных принципах частной методики расследования преступлений” и “Предмет и метод криминалистики”. Он сформулировал основные предпосылки решения проблемы, которые заключались в том, что: а) не существует единого метода расследования различных преступлений и б) должны быть разработаны некоторые общие принципы, исходя из которых следует решать проблемы частной методики¹⁰¹.

В своей кандидатской диссертации Б. М. Шавер назвал эти принципы:

- ◆ освоение опыта расследования анализируемой категории дел, включая способы совершения преступлений;
- ◆ установление обычного для данной категории дел местоположения следов преступления и методов их обнаружения, исследования и оценки;
- ◆ определение данных, облегчающих установление круга лиц, среди которых может быть обнаружен преступник и выявлены свидетели;
- ◆ указание способов анализа, сопоставления и изучения фактов и событий, пользуясь которыми можно было бы ближе всего подойти к установлению истины;
- ◆ приспособление научных и специальных знаний для расследования данной категории уголовных дел;
- ◆ приспособление для тех же целей уже известных приемов и методов криминалистики;
- ◆ определение политической направленности следствия;
- ◆ разработка форм и методов сочетания оперативно-розыскных и следственных действий;
- ◆ определение процессуальных особенностей проверки и оформления доказательств, которые нужно учитывать при расследовании данной категории дел¹⁰².

Можно сказать, что, в целом, эти положения сохранили свое значение, хотя и не все в них сейчас представляется бесспорным в той форме, в какой они были сформулированы Б. М. Шавером. Главная их мысль, которую он воспринял у В. И. Громова и развил, заключалась в замене идеи метода расследования идеей методики расследования. “Никаких шаблонных методов и способов, которые можно было бы ме-

¹⁰¹ Шавер Б. М. Об основных принципах частной методики расследования преступлений. — Соц. законность, 1938, № 1, с. 46.

¹⁰² Приводится по обзору “Диссертации советских криминалистов”. — В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, вып. 8, М., 1956, с. 107-108.

ханически применять при расследовании различных дел, нет, — утверждали впоследствии С. А. Голунский и Б. М. Шавер. — Не только методика расследования отдельных категорий дел, но и методика расследования каждого конкретного дела отличается целым рядом индивидуальных особенностей”. Учет таких особенностей возможен при следовании правилу: “Идти от метода совершения преступления к методу его раскрытия”¹⁰³.

Это правило, относящееся к разработке частных криминалистических методик, постепенно стали употреблять и для характеристики путей установления истины по уголовным делам, то есть в смысле метода расследования. “Расследование каждого преступления идет от установления и изучения способа совершения преступления к его раскрытию”¹⁰⁴, — такова типичная формулировка этого метода, хотя само слово “метод” и не употребляется и тем более не говорится вслух об универсальном методе расследования. Но тем не менее смысл приведенной формулы именно таков, поскольку она носит универсальный характер, в чем можно убедиться, если вспомнить слова Г. Г. Зуйкова: “Широко распространенная схема — от способа совершения преступления к способу его раскрытия — вполне приемлема как определение *пути познания истины* (выделено нами — *Р. Б.*) по конкретному делу”¹⁰⁵. Путь познания истины и есть метод ее постижения.

Из числа известных нам авторов лишь один поднял свой голос против абсолютизации правила “от метода совершения к методу раскрытия” при разработке криминалистической методики. В 1965 г. А. Н. Колесниченко писал: “Изучение способов совершения преступлений является важной предпосылкой разработки научной методики расследования. При этом, однако, следует иметь в виду два положения. Во-первых, методика расследования основывается на обобщениях методов раскрытия преступлений, изучая которые анализирует и способы совершения преступлений, определяющие использование тех или иных приемов и способов следователем. Во-вторых, способ совершения преступления необходимо рассматривать как самостоятельно, так и в не-

¹⁰³ Голунский С. А., Шавер Б. М. Криминалистика. М., 1939, с. 11.

¹⁰⁴ Сенчик Н. А. Особенности установления способа совершения спекуляции. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 8. Киев, 1971, с. 71.

¹⁰⁵ Зуйков Г. Г. Криминалистическое понятие и значение способа совершения преступления. — Труды ВШ МООП СССР, вып. 15. М., 1967, с. 70.

разрывной связи с другими признаками объективной стороны преступления”¹⁰⁶.

Еще более категоричен он был при подведении итогов своего исследования общих положений криминалистической методики. “Автор не разделяет мнения о том, что формирование методики идет “от способов совершения преступлений к способу их раскрытия” (С. А. Голунский, Б. М. Шавер), — читаем в автореферате его докторской диссертации. — В диссертации обосновывается взгляд, согласно которому методика расследования разрабатывается, в частности, на основе обобщения методов раскрытия преступлений, для объяснения же использованных приемов расследования необходим анализ способов совершения преступлений. Изучение передового опыта следственной работы — одна из важнейших задач и в то же время условие развития методики расследования”¹⁰⁷.

Такое смещение акцента со способа совершения преступления на метод его раскрытия при разработке частных криминалистических методик было тоже, как нам кажется, своего рода крайностью. Но эта крайность дальнейшего развития не получила. И сам А. Н. Колесниченко впоследствии, хотя и указывал на необходимость изучения методов раскрытия преступлений, в логической “цепочке” этапов создания методики на первое место поставил способ совершения преступления: “...способы совершения преступления — следы преступления — криминалистические приемы и способы собирания доказательств, методика расследования”¹⁰⁸.

В предыдущей главе мы отмечали, что источниками формирования рекомендаций криминалистической методики является и область противоправной деятельности, и область следственной практики. Обе эти области равнозначны с точки зрения науки и ни одной из них — опять-таки в плане науки — не следует отдавать предпочтения. В практическом же плане правило “от метода совершения к методу раскрытия” означает, что предпочтение отдается изучению противоправной деятельности — конкретного факта преступления, под который затем “подбираются” подходящие к этому случаю выработанные или проверенные следственной практикой методы раскрытия преступления. Из

¹⁰⁶ **Колесниченко А. Н.** Общие положения методики расследования отдельных видов преступления. Харьков, 1965, с. 21.

¹⁰⁷ **Колесниченко А. Н.** Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений. Автореф. дисс. ...докт. юрид. наук. Харьков, 1967, с. 14.

¹⁰⁸ **Колесниченко А. Н.** Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976, с. 9.

сказанного следует, что упоминаемое правило нельзя рассматривать как метод разработки частных криминалистических методик (хотя его роли в этом отрицать нельзя), но не следует ответ на вопрос, можно ли все-таки считать это правило общим методом расследования. Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, следует выяснить, идет ли вообще в современной криминалистике речь о методе или методах расследования в общепринятом понимании метода познания, установления истины.

В своих работах мы неоднократно упоминали методы практической деятельности следователя, эксперта, суда, не сводя их воедино в понятие метода расследования или метода судебного следствия. Не пошел по пути конструирования такого единого метода и И. М. Лузгин, детально исследовавший многие аспекты рассматриваемой проблемы. Он формулировал понятие криминалистических методов познания, используемых в расследовании, полагая, что «криминалистические методы представляют собой разработанную в полном соответствии с требованиями... методологии, уголовно-процессуального и уголовного права взаимосвязанную систему научно обоснованных приемов, правил и рекомендаций по обнаружению, исследованию, использованию и оценке доказательств, применяемых в целях установления истины по уголовному делу»¹⁰⁹.

И. М. Лузгин разработал структуру криминалистических методов познания¹¹⁰ и первым среди советских криминалистов определил закономерности, лежащие в основе криминалистических методов познания: закономерности методов разных уровней; закономерности, определяющие структуру метода; закономерности функционирования науки в качестве методов познания в расследовании преступлений¹¹¹.

Однако к решению проблемы оказалось возможным подойти и с совсем другой стороны.

В 1972 г. А. В. Дулов выступил на заседании кафедры криминалистики Высшей школы МВД СССР с докладом «Понятие и структура методов расследования преступлений». Положения этого доклада заслуживают специального упоминания.

¹⁰⁹ Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., 1973, с. 103.

¹¹⁰ Лузгин И. М. Расследование как процесс познания. М., 1969, сс. 51-60.

¹¹¹ Лузгин И. М. К вопросу о предмете советской криминалистики. — В кн.: Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики. Свердловск, 1972, сс. 172-173.

По мнению А. В. Дулова, криминалистика располагает развернутой системой научных методов практической деятельности по расследованию преступлений. Таковы системы методов криминалистической техники и тактики. В то же время методика расследования отдельных видов преступлений до настоящего времени еще в очень незначительной степени оснащена системой научно разработанных методов, что привело к ее отставанию от других разделов криминалистической науки. Разработка методик расследования отдельных видов преступлений ведется по шаблону, тогда как их основой должны быть именно методы расследования преступлений, разрабатываемые на основе общих принципов применения методов расследования с учетом особенностей отдельных категорий уголовных дел.

Целью таких общих методов расследования должно быть обеспечение процесса сбора информации при расследовании, и главное — обеспечение обработки (анализ и синтез) уже установленных фактов и процесса обнаружения новых, необходимых для полного установления истины фактов.

Для разработки этих методов предварительно необходимо: тщательно изучить возможности, особенности, направленность всех современных методов «познания прошлых событий, явлений, фактов»; изучить все особенности подлежащих познанию событий (преступлений); изучить особенности всех сопутствующих явлений, которые возникают, изменяются в связи с совершенным преступлением; изучить все факты, которые могут быть выявлены после совершения преступления.

Структуру общих методов расследования составляют разновидности таких методов, как метод системно-структурного анализа преступного события, с помощью которого выявляется объективно обусловленная система действий преступника, элементов его деятельности, неминуемо оставляемых следов и т. д.; метод генетического анализа, который обеспечивает познание развития преступной деятельности; метод криминалистической корреляции, при помощи которого устанавливается связь между прошлыми действиями преступника и рядом других развивающихся независимо от его воли и желания событий, процессов; метод криминалистического отождествления, при помощи которого производится отождествление фактов, событий, явлений настоящего с явлениями, объектами прошлого преступного события¹¹².

¹¹² Дулов А. В. Понятие и структура методов расследования преступлений (тезисы). М., 1972.

Спустя несколько лет А. В. Дулов предпринял попытку разработать на основе этой концепции методы расследования хищений. Структуру последних он определил состоящей из общих методов расследования и методов, которые применяются только при расследовании хищений — методов бухгалтерского, экономического и технологического анализа¹¹³. Таким образом, можно было предположить сложную структуру метода расследования хищений, состоящего, с учетом сказанного ранее, минимум из семи элементов.

Кроме А. В. Дулова, о методах — на этот раз организационных, общих и частных — упомянул Л. Н. Калинин, выдвинув задачу их разработки на основе теории управления. С его точки зрения, «общие методы включают основные принципы и общий порядок организации деятельности органов дознания и предварительного следствия по раскрытию преступлений, частные предназначены для раскрытия отдельных видов преступлений, применительно к различным ситуациям»¹¹⁴.

Таковы позиции авторов, рассматривавших вопрос о методе расследования в общем плане. Мы понимаем, что это лишь первые наброски решений вопроса о методах расследования, может быть, даже только обозначение путей таких решений. Но ясно, что эти решения не направлены на утверждение существования общего метода расследования, не зависящего от категорий преступлений и играющего роль некоего руководящего начала при применении типовых частных криминалистических методик. А между тем, как нам представляется, такой метод есть, и его суть как раз и заключается в том самом правиле, о котором шла речь в начале этого параграфа: «от способа совершения преступления — к методу его раскрытия». Но во избежание возможных обвинений в догматизме, формализме и приверженности к мертворожденным схемам (хотя это не исключается, несмотря ни на какие пояснения) следует более подробно изложить нашу точку зрения.

В нашем представлении общий метод расследования преступлений — это путь максимально возможной адаптации частной криминалистической методики к обстоятельствам конкретного акта расследования, система правил такой адаптации, помогающая следователю полнее использовать рекомендации криминалистической науки в области орга-

¹¹³ Дулов А. В. Основы разработки методов расследования хищений социалистической собственности. — В кн.: Методика расследования преступлений (общие положения). М., 1976, сс. 46-49.

¹¹⁴ Калинин Л. Н. Об использовании достижений науки управления в разработке методов раскрытия преступлений. — В кн.: Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973, сс. 31-32.

низации и осуществления расследования. Формула “от способа совершения к методу раскрытия” в лаконичной форме выражает суть этого метода, хотя, как и всякая подобная формула, нуждается в комментариях.

Если схематически описать процесс расследования в упрощенной форме, то он будет выглядеть примерно так.

К следователю поступает сообщение о событии, требующем расследования. Он анализирует эту исходную информацию, чтобы получить хотя бы ориентировочное представление о том, с чем ему предстоит иметь дело. Составив приблизительное представление о событии и руководствуясь типичными версиями и другими данными криминалистической характеристики вероятного преступления, он проводит первоначальные следственные действия, соотнося их круг и последовательность со своими знаниями о следственной ситуации, сложившейся к началу расследования. Затем собранную информацию вновь анализирует, составляет развернутый план дальнейшего расследования на базе выдвинутых по уточненным данным общих и частных версий и реализует этот план. В сущности, весь процесс расследования состоит из перемежающихся актов анализа имеющейся информации, выбора соответствующих этой информации приемов и средств работы с доказательствами и их применения.

Целью расследования является получение исчерпывающей информации о событии преступления и всех связанных с ним обстоятельствах. Начальная “порция” этой информации может быть различной по своему объему и содержанию. Объем и содержание исходной информации определяют направление и содержание начальных действий следователя. Именно исходя из объема и содержания исходной информации о событии в криминалистической методике разрабатываются рекомендации о типичных направлениях расследования на начальном его этапе.

Предложено несколько классификаций уголовных дел, базирующихся на характеристике исходной информации. Г. Н. Мудьюгин счел целесообразным и достаточным выделение трех групп дел, объединяемых комплексом исходных данных и направлением следствия в его начальный период: дела, по которым в исходных данных содержится информация о событии, подлежащем расследованию, причина которого не известна; дела, по которым в исходных данных содержатся сведения о преступлении, подлежащие проверке; дела, по которым очевидность

события преступления сомнения не вызывает, но данных о субъекте преступления либо нет вовсе, либо они крайне ограничены¹¹⁵.

Несколько иначе построил свою классификацию А. Н. Колесниченко. Он называет три категории дел: дела, исходные данные по которым содержат относительно полную информацию и о преступлении, и о преступнике; дела, где исходные данные содержат сведения о событии преступления, но нет данных о преступнике; дела, где нет полных данных о событии преступления¹¹⁶.

Более подробную классификацию предлагает А. Н. Васильев, который называет шесть категорий дел:

а) сведения о событии преступления и конкретном виновнике есть, но надо установить, действительно ли было это событие и носило ли оно преступный характер;

б) событие с признаками преступления и вредные последствия установлены, известны лица, ответственные за эти последствия, но их поведение в событии неизвестно;

в) событие с признаками преступления, совершить которое и воспользоваться результатами которого могли только определенные лица, установлено;

г) событие с признаками преступления, совершить которое могли, вероятнее всего, лица, заинтересованные не в непосредственном, а в косвенном или в более или менее отдаленном результате преступления, установлено;

д) событие с признаками преступления, для совершения которого требуются особые профессиональные навыки или особое знание какого-либо специфического обстоятельства, установлено;

е) событие с признаками преступления налицо, но сведения о виновном крайне ограничены¹¹⁷. Имеется и ряд других классификаций¹¹⁸.

¹¹⁵ **Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А.** Планирование расследования преступлений, сс 154-171.

¹¹⁶ **Колесниченко А. Н.** Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений. Дисс. ...докт. юрид. наук. Харьков, 1967, сс. 446-453.

¹¹⁷ **Васильев А. Н.** Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. — Соц. законность, 1975, № 4.

¹¹⁸ См., например: **Мальцев Е. Г.** Первоначальные следственные действия и методика расследования преступлений. — В кн.: Методика расследования преступлений (общие положения). М., 1976, сс. 91-92; **Хмыров А. А.** Криминалистическая характеристика преступления как фактор, определяющий методику расследования и пути косвенного доказывания. — В кн.: Методика расследования преступлений (общие положения). М., 1976, сс. 105-106.

В наши цели не входит детальный анализ приведенных классификаций и их обоснованности; они потребовались нам для того, чтобы продемонстрировать то **общее**, что объединяет исходные данные по любой категории дел, независимо от их полноты. Это — наличие во всех случаях более или менее полных данных о событии.

Но что из себя представляют данные о событии?

Ранее мы показали, что не все элементы состава преступления играют одинаковую роль в акте его отражения в окружающей среде. Непосредственно отражаемыми объектами, строго говоря, являются совокупности признаков, характеризующие субъекта и объективную сторону преступления. Субъект преступления как индивидуум отражается через свои свойства, средства и способы действий; действия или бездействие — через средства и способы осуществления. В акте возникновения доказательственной информации в сложных связях участвуют и объект преступления, мотив, цель, вина преступника, но они репрезентируются в акте отражения опять-таки либо действиями, либо действиями и предметом посягательства¹¹⁹. Таким образом, обязательным элементом акта отражения преступного события, наличествующим во всех случаях, являются действия.

Но действия, совокупность или система действий — это и есть способ совершения и сокрытия преступления. Следовательно, неизменным и наиболее значимым компонентом исходных данных является информация о способе совершения преступления. Именно на ней основываются решения о направлении расследования в его начальный период. Именно она определяет выбор средств и приемов поиска и исследования доказательств, по сути, в целях пополнения знаний о способе совершения и сокрытия преступления и отсюда — о субъекте и остальных обстоятельствах преступления.

Все сказанное, на наш взгляд, позволяет утверждать, что способ совершения и сокрытия преступления, точнее — знания о нем, определяют путь познания истины по делу, то есть метод раскрытия и расследования. А это и есть реализация формулы “от способа совершения — к методу раскрытия”, то есть применение правила, имеющего силу для расследования всех преступлений и поэтому могущего быть расцененным как общий метод расследования.

Структурно общий метод расследования, с нашей точки зрения, состоит из двух частей: анализа исходной и дополнительной информации

¹¹⁹ Подробнее см. настоящий Курс, т. I.

о преступлении и адаптации в соответствии с нею конкретной частной методики.

В связи с рассматриваемым вопросом заслуживают серьезного внимания идеи А. В. Дулова о криминалистическом анализе преступления. Он понимает его как изучение преступления во всех возможных взаимосвязях и опосредствованиях. Такое изучение возможно в двух планах: «как теоретическое изучение закономерностей, подлежащих исследованию в предмете науки, и как практическая деятельность по расследованию конкретного преступления. Имеется тесная взаимосвязь между этими уровнями анализа. Эффективная практическая деятельность по расследованию преступления может быть осуществлена только на основе уже проведенного криминалистического анализа на теоретическом уровне... Именно поэтому для обеспечения практической деятельности по расследованию конкретных преступлений в криминалистике должны изучаться общие закономерности преступлений; закономерности конкретного вида преступления; закономерности, проявляющиеся при наличии определенных факторов. Знание указанных закономерностей существенно облегчает процесс расследования, а изучение их входит в предмет науки криминалистики»¹²⁰.

Мнение о том, что в предмет криминалистики входит изучение закономерностей преступного деяния, не ново¹²¹, но речь сейчас не об этом. То, что А. В. Дулов именуется криминалистическим анализом преступления на теоретическом уровне, осуществляется в аспекте их предметов и криминалистикой, и уголовным правом, и криминологией с момента возникновения этих областей научного знания. В его предложении нас привлекает идея криминалистического анализа преступления как элемента практической деятельности по расследованию, и мы склонны считать, что это понятие отражает содержание первой части общего метода расследования. Итак, криминалистический анализ преступления по наличию информации о нем. Такой анализ осуществляется на базе типовой криминалистической характеристики данного вида преступления, содержащей обобщенные результаты изучения подобных преступлений.

¹²⁰ Дулов А. В. К вопросу о криминалистическом анализе преступления. — Сборник рефератов научных сообщений на теоретическом семинаре — криминалистических чтениях, вып. 19. М., 1977, сс. 3-9.

¹²¹ См., например: Краснобаев Ю. И. Понятие предмета советской криминалистики (история и современное состояние проблемы). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1976.

Вторая часть общего метода расследования — адаптация, приспособление частной криминалистической методики к особенностям и условиям конкретного акта расследования. В общей форме это учет ситуационных особенностей расследования и соответствующая корректировка типовых методических рекомендаций, осуществляемые на всем протяжении расследования.¹²²

Адаптация частной криминалистической методики должна обеспечить максимальное использование фактора внезапности, динамичность и непрерывность расследования, оптимальное и строго соответствующее закону сочетание единоличного и коллегиального труда всех участников доказывания, экономию их сил и средств, ситуационный характер применения тактических приемов и технических средств при расследовании. В этом ее практический смысл и значение.

Таковы наши соображения об общем методе расследования, который в такой трактовке не является ни “универсальной отмычкой” тайны преступления и преступника, ни шаблоном, сковывающим следователя жесткими рамками раз и навсегда предписанных действий; но служит лишь направляющим началом в поисках каждый раз особенных путей установления истины.

¹²² Такова же структура общего метода расследования по мнению С. Н. Чурилова, разрабатывающего частную криминалистическую теорию общего метода расследования преступлений (*Чурилов С. Н.* Проблемы общего метода расследования преступлений. М., 1993, с. 59).

РАЗДЕЛ IV. КРИМИНАЛИСТИКА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ И СРАВНЕНИЯ

15. КРИМИНАЛИСТИКА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

15.1. Криминалистика как компонент юридического образования

15.1.1. Организационное становление вузовского курса криминалистики

Криминалистика далеко не сразу завоевала признание как необходимый компонент юридического образования. Хотя еще Линцкий конгресс Международного союза криминалистов в 1894 г., а двумя годами раньше Ганс Гросс в своем “Руководстве для судебных следователей” настоятельно рекомендовали включить криминалистику в число дисциплин, изучаемых на юридических факультетах университетов, в течение ряда лет после этого в связи с ее сугубо практическим, прикладным характером университеты не включали криминалистику в программы подготовки юристов. Ее первые аудитории составляли практические работники следствия и полиции. Так, в 1902 г., задолго до преподавания криминалистики в Римском университете, проф. Сальваторе Оттоленги читал цикл лекций о научных методах расследования на курсах полицейских чиновников в Риме. В 1908 г. проф. С. Н. Трегубов чи-

тал криминалистику на курсах кандидатов на должности начальников уголовно-розыскных отделений полиции. Летом 1911 г. 16 чинов судебного ведомства были командированы под руководством С. Н. Трегубова в Лозанну, где в течение двух с половиной месяцев слушали лекции Р. А. Рейсса. И это был курс лекций не для студентов, а для практиков.

Первые, как бы мы сейчас сказали, вузовские курсы криминалистики были прочитаны в начале XX века Гроссом, Ничефоро, Рейссом, Миновичи соответственно в Пражском, Римском, Лозаннском и Бухарестском университетах. В России впервые такой курс криминалистики был прочитан в 1911-12 гг. С. Н. Трегубовым в Военно-юридической академии и Училище правоведения.

В первые послереволюционные годы отношение в наших университетах к преподаванию криминалистики было негативным. Криминалистику рассматривали как предмет преподавания практическим работникам, имеющим уже опыт следственной или розыскной работы, в целях повышения их профессионального уровня. Классическая университетская юридическая наука восставала против криминалистики, и лишь отдельные университетские профессора поднимали, да и то робко, свой голос в ее защиту. Одним из первых с большей решимостью по этому вопросу высказался профессор Иркутского университета Г. Ю. Маннс. Он писал: «Отрицательное отношение к преподаванию криминалистики в университетах представляется в корне неправильным. Желательно, чтобы ее изучение предшествовало, а не только сопутствовало практической деятельности. Не следует забывать, что следователь, который учится во время практики или на практике, учится всегда за ее счет, то есть за счет людей, которые имеют несчастье попасть в сферу его неумелой деятельности, или за счет интересов общества, которые он, терпя неудачу при раскрытии преступлений, не в состоянии в должной мере оградить»¹.

Г. Ю. Маннс считал, что криминалистику следует преподавать не всем студентам-юристам, а лишь тем, кто специализируется по судебно-следственному профилю подготовки, что преподавать криминалистику должны юристы «ввиду теснейшей связи криминалистики с уголовным судопроизводством, необходимости знания преподавателем норм материального уголовного права и отдельных вопросов, изучаемых уголовной социологией». Характер и содержание криминалистики требовали,

¹ Маннс Г. Ю. Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания. — Сборник трудов профессоров и преподавателей государственного Иркутского Университета, отдел I, вып. 2. Иркутск, 1921, сс. 162-163.

по его мнению, смешанной системы преподавания с перенесением центра тяжести на практические занятия².

Усилиями сторонников курса криминалистики ее преподавание постепенно включается в программы подготовки юристов в тех правовых вузах, где существовала прокурорско-судебная специализация. Постановке вузовских курсов криминалистики существенно способствовала организация в ряде юридических высших учебных заведений криминалистических лабораторий, выполнявших функции экспертных учреждений.

Первая такая лаборатория была создана при Саратовском юридическом институте в 1930 г. В 1935 г. по инициативе Е. У. Зицера организуется криминалистическая лаборатория в Московском правовом институте им. П. Стучки, в 1936 г. — в Ленинградском юридическом институте, в 1939 г. — в Алма-Атинском юридическом институте, в 1940 г. — в Ташкентском юридическом институте. По идее их создателей, эти лаборатории должны были выполнять две функции: служить базой для овладения криминалистическими знаниями и навыками в области применения технико-криминалистических средств и приемов студентами и проводить экспертизы по заданиям судебно-следственных органов, поскольку разветвленной сети судебно-экспертных учреждений в те годы еще не существовало. Но жизнь внесла коррективы в эти замыслы: на первый план выдвинулась задача производства криминалистических экспертиз, лаборатории все более теряли характер учебных подразделений.

Анализируя работу лаборатории при Московском юридическом институте, А. И. Винберг в 1940 г. писал: «Лаборатория ставила своей задачей производить криминалистические экспертизы с той целью, чтобы на имеющемся практическом материале, подобно клинике, обучать студентов, проходящих лабораторную криминалистическую практику. Однако жизнь захлестнула эти скромные начинания лаборатории. Органы прокуратуры, суда, арбитража и др. стали направлять со всех концов Республики требования о производстве экспертизы. За 2,5 года работы лаборатория, лишенная штатных единиц, сумела дать заключение свыше чем по тысяче уголовных и гражданских дел, из коих 90% падает на исследование документов»³. Однако даже и при такой экспертной нагрузке криминалистические лаборатории вузов оказали благотворное влияние на уровень учебного процесса по криминалистике.

² Там же, сс. 161, 163. См. также *Маннс Г. Ю.* Криминалистика, ее значение и место в системе юридического образования. — Сов. право, 1926, № 6 (24).

³ *Винберг А. И.* Криминалистическая экспертиза письма. М., 1940, с. 151.

Важным моментом, стимулирующим развитие преподавания криминалистики, было издание первых вузовских учебников по криминалистике в 1935 и 1936, в 1938 и 1939 гг. Несмотря на некоторое несовершенство, они оказали положительное влияние на систематизацию и унификацию учебных курсов криминалистики, способствовали распространению криминалистических знаний среди практических работников и подняли авторитет самой криминалистической науки среди вузовских ученых.

Однако упрочение положения криминалистики как необходимого компонента вузовской подготовки юристов тормозилось в те годы двумя обстоятельствами. Во-первых, среди самих криминалистов не было единодушия в вопросе о юридической природе криминалистики и ее предмете. Естественно, что это укрепляло позиции противников расширения курса криминалистики в правовых вузах и придания ему большего значения. Во-вторых, дело существенно осложнялось тем, что господствующей в правовой науке была выдвинутая А. Я. Вышинским концепция науки судебного права, включающей в свое содержание, наряду с науками уголовного и гражданского процесса, и криминалистику, что, таким образом, лишало ее возможности быть представленной самостоятельными вузовскими кафедрами.

Оба эти обстоятельства в совокупности привели к тому, что в организационном отношении криминалистика в вузах оказалась представленной по-разному, нередко в соответствии с тем, как она понималась руководителями учебных заведений. Так, в 1938 г. в Харьковском институте была создана кафедра криминалистики и судебной медицины, такая же кафедра существовала в 1945-1954 гг. в Военно-юридической академии, где до этого криминалистика в полном объеме преподавалась по кафедре судебного права. Когда в Военно-юридической академии была образована кафедра криминалистики и судебной медицины (ее начальником стал член-корреспондент АМН СССР проф. М. И. Авдеев), раздел криминалистической методики по-прежнему преподавался по кафедре судебного права. В других юридических вузах криминалистика преподавалась по кафедрам уголовного процесса, уголовного права или по комплексным кафедрам уголовно-правового цикла.

Организация самостоятельных кафедр криминалистики в юридических высших учебных заведениях началась в 1949-50 гг. Такие кафедры были образованы сначала в Московском государственном университете, Московском юридическом и Всесоюзном юридическом заочном Институтах, затем в Харьковском, а позже в Саратовском и Свердловском юридических институтах. Первыми руководителями этих кафедр были И. Н. Якимов, С. А. Голунский, П. И. Тарасов-Родионов, В. Я. Колдин, С. П. Митричев, В. П. Колмаков, Д. П. Рассейкин, Д. Я. Мирский. В 1955 г. в Высшей школе МВД СССР была образована самостоятельная кафедра

криминалистики, которую возглавил А. И. Винберг, который руководил ею до начала 1960 г. В последующие годы на кафедре сформировался мощный высококвалифицированный коллектив; численность кафедры (вместе с адъюнктами) порой превышала 50 человек. После создания на базе Высшей школы Академии МВД кафедра была разделена на три части: за ее счет была сформирована кафедра криминалистики на Московском филиале юридического заочного обучения при Академии МВД (начальник — проф. И. М. Лузгин), часть преподавателей образовала секцию на специальном факультете Академии и часть составила кафедру криминалистики Академии. Эта кафедра в таком виде существовала недолго, в конце 70-х гг. она была преобразована сначала в кафедру организации расследования преступлений, а позже слита с кафедрой уголовного процесса; криминалистика постепенно вытеснялась из учебных планов как «неуправленческая» дисциплина. В 1978 г. была создана кафедра криминалистики на специальном факультете, которая обеспечивала преподавание и на других факультетах Академии, ведя курс для слушателей, не имеющих высшего юридического образования. После преобразования специального факультета в самостоятельный Московский институт МВД, группа криминалистов была включена в состав кафедры организации оперативно-розыскной деятельности, и лишь в начале 1996 г. в Академии наконец была образована самостоятельная кафедра криминалистического обеспечения деятельности ОВД.

В настоящее время кафедры криминалистики существуют в МГУ, Московской, Саратовской, Екатеринбургской государственных правовых академиях, в высших учебных заведениях системы МВД РФ. В ряде учебных заведений образованы специализированные криминалистические кафедры, в том числе в Волгоградском юридическом институте и Саратовской Высшей школе МВД — кафедры экспертных дисциплин для обеспечения подготовки экспертов-криминалистов. В ряде вузов криминалистика преподается на комплексных кафедрах: криминалистики и уголовного процесса (например, в СПбГУ), уголовного процесса, права и криминалистики и т. п.

Преподавание криминалистики велось с 1935 г. и в средних юридических учебных заведениях НКЮ-МЮ СССР. В 1940 г. специально для них был издан учебник криминалистики А. И. Винберга и Б. М. Шавера. В послевоенные годы значительно повысился уровень преподавания криминалистики в средних специальных учебных заведениях системы МВД, в ряде которых образованы самостоятельные циклы криминалистики по типу вузовских кафедр.

15.1.2. Развитие содержательной стороны курса криминалистики

Первые курсы криминалистики акцентировали внимание обучающихся преимущественно на вопросах криминалистической (уголовной) техники и осмотра места происшествия — опять-таки, скорее, в техническом, чем тактическом аспекте. На это ориентировала студентов и учебная литература. «Владеть криминалистикой нужно, прежде всего, для того, — писали авторы первого советского вузовского учебника, — чтобы знать, в каком случае обратиться за помощью... научно-технических учреждений и какие поставить перед ними вопросы. Для того, чтобы лаборатория научно-технического учреждения могла разрешить тот или иной вопрос, поставленный перед нею следователем, она должна иметь необходимый для этого материал; собрать этот материал и сохранить его для расследования невозможно без знания криминалистики. Наконец, следователь, прокурор и судья не могут слепо принимать к руководству заключения криминалистической экспертизы. Эти заключения, как и заключения всякой другой экспертизы, подлежат оценке со стороны органов юстиции. Произвести такую оценку может лишь лицо, знающее те способы и приемы, которые были применены при производстве экспертизы. По всем этим соображениям знание криминалистики безусловно обязательно для каждого следователя, прокурора и судьи»⁴.

Однако уже учебник 1938 г. содержал значительно более обширный по сравнению с прежними пособиями материал по криминалистической тактике, а учебник С. А. Голунского и Б. М. Шавера 1939 г. по криминалистической методике весьма полно представлял этот раздел науки. Сложившись все условия для создания полных учебных курсов криминалистики.

Структура учебного курса криминалистики следовала системе криминалистической науки и вместе с нею претерпевала определенные изменения. После того, как в криминалистике на некоторое время возобладала концепция Б. М. Шавера об ее делении на общую и особенную части, по этому же принципу стал строиться и учебный курс, в соответствии с чем в некоторых учебных заведениях приводилась и организационная структура кафедр. Именно так, как уже отмечалось, и обстояло дело в Военно-юридической академии. Из такого деления кур-

⁴ Криминалистика. Кн. I. М., 1935, с. 7.

са исходили и первые послевоенные программы по криминалистике, как и первый послевоенный вузовский учебник 1950-52 гг.

Содержание этих разделов варьировалось; наряду с последовательным изложением тем по технике и тактике, составлявших общую часть курса, иногда избиралась иная система изложения учебного материала. Например, А. И. Винберг вел свой курс в такой последовательности: 1) введение, в котором излагались вопросы предмета, метода, системы науки, ее соотношения со смежными областями знания, история науки; 2) обнаружение, собирание и фиксация доказательств (научно-технические и тактические приемы и методы работы следователя по собиранию судебных доказательств); 3) исследование судебных доказательств; 4) уголовная регистрация и розыск преступников. Обосновывая эту систему курса, А. И. Винберг указывал, что центральное место в ней отводится вопросам, имеющим профилирующее значение в работе следователя и суда, а не узко специальным вопросам техники⁵.

К концу 50-х годов, вслед за возвращением к прежней трехчленной системе науки, была перестроена и система вузовского курса, в котором после вводной темы были выделены разделы техники, тактики и вернувшейся в криминалистику из судебного права криминалистической методики. Составленная в 1956 г. на основе общевузовской программы первая программа по криминалистике Высшей школы МВД СССР уже состояла из введения и трех разделов, причем раздел криминалистической методики содержал тему, посвященную ее общим положениям, и 16 тем, излагающих конкретные частные методики.

Действовавшая в эти годы вузовская программа по криминалистике имела ряд недостатков, что побудило сначала С. П. Митричева, а затем Н. В. Терзиева внести ряд предложений по ее усовершенствованию и изменению традиционной системы курса⁶. Однако эти предложения поддержки не получили, и введенная в действие в 1964 г. программа была построена по прежней системе. Поскольку положения этой программы оказали значительное влияние на содержание последующих вариантов программы, на ней целесообразно остановиться несколько подробнее.

Программа 1964 г. была подготовлена кафедрой криминалистики юридического факультета МГУ и вышла в свет под редакцией А. Н. Ва-

⁵ **Винберг А. И.** Криминалистика. Выпуск I. Введение в криминалистику. М., 1950, с. 39.

⁶ См. об этом подробнее настоящий Курс, т. I.

Сильева и С. П. Митричева⁷. Она была рассчитана на сравнительно небольшой объем учебного времени (130 часов), отведенного на изучение курса криминалистики по учебному плану юридических факультетов университетов. Однако ею руководствовались и юридические институты, где лимит времени был несколько больше.

Тема 1 — «Введение в курс советской криминалистики» — содержала указание на такие вопросы, как предмет, задачи, система и метод криминалистики, ее место в системе правовых наук, возникновение, развитие и современное состояние советской криминалистики, советские научные криминалистические учреждения, криминалистика в странах народной демократии, криминалистика в капиталистических странах.

В разделе криминалистической техники вслед за темой, посвященной общим ее положениям, назывались такие темы, как: идентификация и установление групповой принадлежности; судебная фотография; тра-сология; судебная баллистика; криминалистическое исследование документов — вещественных доказательств; криминалистический учет (уголовная регистрация); криминалистическое отождествление человека по признакам внешности.

Раздел «Следственная тактика» содержал темы: общие положения тактики, планирование следствия и следственные версии, осмотр места происшествия, следственный эксперимент и проверка показаний на месте, обыск, допрос, предъявление для опознания, назначение и проведение экспертизы, привлечение общественности к расследованию и предупреждению преступлений; розыск.

Раздел «Методика расследования отдельных видов преступлений» открывался темой «Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений», вслед за которой шли восемь тем, посвященных методикам расследования хищений, убийств, преступных нарушений правил охраны труда, краж личного имущества, грабежей и разбойных нападений, спекуляции, должностных преступлений, поджогов и нарушений правил противопожарной безопасности, дорожно-транспортных происшествий.

К моменту издания этой программы курс криминалистики в Высшей школе МВД СССР уже три года изучался по своей программе, в которой был выделен специальный раздел «Введение в науку», включавший темы «Предмет, задачи и система науки советской криминалистики» и «Идентификация (отождествление) и установление групповой принад-

⁷ Программа по советской криминалистике для юридических высших учебных заведений. Утверждена Учебно-методическим управлением по вузам Министерства высшего и среднего спец. образования СССР 20.06.64. М., 1964.

лежности в криминалистике”. Последняя была перенесена в этот раздел из раздела техники в силу ее общего значения для всей криминалистики. В теме “Общие положения криминалистической тактики” (именно так именовался этот раздел курса во всех программах учебных заведений МВД) была выделена подтема “Частные методы познания истины в процессе расследования уголовных дел”, раздел криминалистической методики был скомпонован в соответствии с системой особенной части УК. Ни одно из этих изменений не было воспринято общевузовской программой.

Программа 1964 г. была заменена в 1967 г. новой общевузовской программой⁸, которая ничем не отличалась от прежней.

В 1970 г. на страницах журнала “Социалистическая законность” прошла дискуссия о том, как готовить юристов. Ряд пожеланий участников дискуссии относился к преподаванию криминалистики, касался необходимости расширения вузовского курса криминалистики, включения в программу ряда новых вопросов⁹. В 1972 г. на Всесоюзной научной конференции по проблемам судебной экспертизы Н. А. Селиванов выступил с критикой методов обучения криминалистике в юридических учебных заведениях общего типа, учебной литературы, действующей программы по криминалистике. Эта критика была обоснованной¹⁰.

Некоторая часть высказанных пожеланий была учтена в общевузовской программе 1974 г.¹¹ Однако отличия ее от прежних программ были невелики. Во вводной теме появилось указание на общие и специальные методы криминалистики. В тему об общих положениях техники внесено дополнение о новейших высокочувствительных методах исследования состава и структуры вещественных доказательств, об использовании кибернетических методов, о магнитофонах, видеомагнитофонах и передвижных криминалистических лабораториях. Некоторые, главным образом, редакционные, изменения внесены в остальные темы криминалистической техники. Тема “Общие положения следственной тактики” пополнилась фразой о возможностях и условиях применения тактиче-

⁸ Программа по криминалистике для юридических высших учебных заведений. Утверждена Учебно-методическим управлением по вузам МВиССО 30.03.67. М., 1967.

⁹ Соц. законность, 1970, №№ 2, 5, 6, 9.

¹⁰ **Селиванов Н. А.** Проблемы совершенствования преподавания криминалистики в высших юридических учебных заведениях общего типа. — Сборник материалов Всесоюзной научной конференции, ч. 1. М., 1972, сс. 16-20.

¹¹ Программа курса “Криминалистика” для государственных университетов и юридических институтов. Утверждена Учебно-методическим управлением МВиССО СССР 18 апреля 1974 г. М., 1975.

ских приемов при судебном рассмотрении дела. В названии тем этого раздела теперь фигурирует термин “тактика” (“Тактика осмотра”, “Тактика допроса” и т. п.), редакционно несколько изменены темы этого раздела. Вместо темы “Розыск” в программе появилась тема “Тактические положения взаимодействия следственных и оперативных органов”, включающая в себя и вопросы розыска. В темах по криминалистической методике фигурирует выражение “криминалистическая характеристика”; сам набор частных методик остался прежним.

1967-74 годы ознаменовались оживленными научными дискуссиями как в области общей теории советской криминалистики, так и в области всех ее разделов. Однако в программе 1974 г. не появилось даже упоминания ни об общей, ни о новых частных криминалистических теориях и концепциях. Настойчиво повторялись некоторые устаревшие понятия и термины, совершенно недостаточное внимание уделялось важнейшим вопросам методологических основ криминалистики.

Иным путем пошло развитие содержательной стороны курса криминалистики в учебных заведениях МВД. Уже в 1965 г. были разработаны специализированные курсы криминалистики по профилям подготовки работников милиции, исправительно-трудовых учреждений и следователей. Соответственно вместо одной программы по криминалистике были введены три, отражающие эту специфику, наряду, разумеется, с общими для всех курсов темами. Программы 1971 г. содержали принципиально новую — первую — часть: “Введение в советскую криминалистику. Методологические основы советской криминалистики”, в которую были включены следующие темы:

- ◆ Предмет, система и задачи советской криминалистики.
- ◆ Понятие и сущность методологических основ советской криминалистики.
- ◆ Идентификация и установление групповой принадлежности в криминалистике.
- ◆ Методологическое значение изучения способов совершения преступлений.
- ◆ Криминалистика в дореволюционной России. Возникновение и развитие советской криминалистики.
- ◆ Криминалистика в странах социалистического содружества.
- ◆ Современное состояние криминалистики в буржуазных странах.

В разделе криминалистической техники внимание было обращено на основные формы применения криминалистической техники в расследовании, предотвращении преступлений и судебном разбирательстве, на правовые основания ее применения, новые технико-криминалистические

средства и приемы. В раздел криминалистической тактики были включены такие новые темы, как: “Тактика задержания”, “Тактика получения образцов для сравнительного исследования”, “Изучение личности обвиняемого в процессе расследования”, “Деятельность следователя по предупреждению преступлений”. В раздел криминалистической методики, помимо расширения круга частных криминалистических методик, были также включены новые для вузовского курса темы: “Особенности расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними”, “Особенности расследования преступлений, совершенных рецидивистами”, “Расследование ранее не раскрытых преступлений (“старых дел”) и др.

Эта линия на модернизацию преподаваемого курса криминалистики была продолжена в системе учебных заведений МВД и в последующем. При этом в первую очередь учитывался контингент обучающихся.

Решая вопрос о критериях соотношения программ по криминалистике для вузов и средних специальных учебных заведений МВД СССР, И. М. Лузгин показал, что такими критериями следует считать развитие теоретических основ науки и уровень их изложения, специализацию учебного заведения и уровень подготовки кадров. “В зависимости от уровня подготовки кадров с учетом специализации и времени, отводимого на изучение криминалистики, — писал И. М. Лузгин, — должен рассматриваться вопрос о номенклатуре, содержании тем, объеме материала, глубине разработки каждой темы, перечне литературных источников и другие вопросы программы курса”¹².

Когда возникла задача разработки такой вузовской программы, которая бы максимально учитывала знания слушателей, уже изучавших (и в большом объеме) криминалистику в средних специальных учебных заведениях, то выход был найден, в первую очередь, как раз за счет включения в программу новейших достижений криминалистической науки, изложения ее актуальных проблем, повышения удельного веса теории при рассмотрении отдельных тем курса. Раздел I программы теперь именовался “Основы общей теории советской криминалистики” и включал в себя темы, посвященные понятию и системе общей теории криминалистики, основам учения о методах криминалистики, основам криминалистической систематики и учения о языке криминалистики, криминалистического учения о способах совершения преступлений и др.

¹² Лузгин И. М. О критериях соотношения программ по криминалистике для вузов и средних учебных заведений МВД СССР. — Сборник материалов конференции по вопросам совершенствования преподавания криминалистики в учебных заведениях МВД СССР. Омск, 1971, с. 23.

Были перестроены и остальные разделы программы и включены такие актуальные темы, как “Теория и практика использования в расследовании оперативной информации”, “Организация и методика повышения эффективности применения средств и приемов криминалистической техники в раскрытии и расследовании преступлений”, “Тактическая комбинация” и темы прогностического характера типа “Основные тенденции развития криминалистической тактики”.

Создание Академии МВД СССР, рассчитанной на обучение лиц с высшим образованием, обусловило постановку ряда курсов проблемного характера, не дублирующих одноименные курсы высших учебных заведений. И в этом случае упор был сделан на углубленное изучение не исследовавшихся ранее теоретических проблем криминалистики, что, естественно, потребовало интенсивной их разработки.

Именно в таком ключе ныне преподается криминалистика для слушателей Академии, имеющих высшее юридическое образование: в учебном курсе для них нет ни одной темы, которая преподавалась бы в средних или высших учебных заведениях МВД.

Как нам представляется дальнейшее развитие вузовского курса криминалистики?

Криминалистика относится к числу тех учебных дисциплин, от которых зависит уровень и содержание профессиональной подготовки будущих оперативных сотрудников, следователей, прокуроров, судей, руководителей правоохранительных органов всех уровней. Роль криминалистики в системе профессиональной подготовки этих категорий сотрудников правоохранительных органов постоянно возрастает, и этот процесс характерен для всех форм обучения. Достаточно обратиться к программе любого семинара практических работников указанных профилей, любой их научно-практической или научно-методической конференции, как можно заметить, что вопросам криминалистики во всех без исключения случаях отводится весьма существенное место.

Преподавание криминалистики призвано обеспечить не только привитие обучающимся необходимых практических навыков работы с доказательствами, организации и проведения расследования уголовных дел, но и формирование у них системы взглядов, убеждений и принципов, лежащих в основе их будущей специальности и обеспечивающих сознательный, творческий и инициативный подход к решению задач борьбы с преступностью. Такая постановка вопроса обуславливает необходимость самого серьезного внимания к проблемам теории науки, решительного искоренения голого практицизма в преподавании криминалистики, умелого и правильного сочетания в учебном курсе теоретических положений и практических рекомендаций. Привитие **навыков и знаний** должно стать действительно двуединой задачей.

Совершенствование преподавания криминалистики требует определения правильного соотношения вопросов теории и практики этой науки в учебном курсе, установления разумных пропорций между ними, воспитания у обучающихся глубокого уважения к теории науки. Они должны проникнуться сознанием важности теоретических разделов курса, должны понять, что теория является одним из элементов, формирующих мировоззрение специалиста в области борьбы с преступностью. Естественно, что это невозможно без изменения самих представлений о роли криминалистической теории, которую в обобщенном виде следует рассматривать, в первую очередь, как систему идей, принципов, отдельных научных положений, имеющую в целом мировоззренческое значение и определяющую конкретное содержание науки. Только такая теория может играть роль методологии криминалистики, только такая теория способна оказывать существенное влияние на практику и сама отражать все передовое, что можно почерпнуть из практики. Без детальной разработки теоретических проблем невозможно подлинно научное преподавание криминалистики.

Многолетний опыт работы кафедр криминалистики вузов МВД показал, что внимание к вопросам теории в учебном курсе всегда окупается сторицей, если формируются знания и навыки, необходимые обучающимся для решения практических задач, что повышение внимания к теории обеспечивает не только успешное привитие практических навыков работы с доказательствами, но и способствует глубокому осознанию обучающимися важности криминалистики в целом, умению правильно ориентироваться в системе и содержании этой науки, способствует возникновению у обучающихся потребности постоянно пополнять впоследствии знания, полученные в стенах учебного заведения, и совершенствовать свои профессиональные навыки.

Теоретическая часть курса несет еще одну функциональную нагрузку. На ее базе у обучающихся формируется умение ориентироваться в том потоке научной и практической информации, с которой им придется сталкиваться с первых же шагов работы по специальности после окончания вуза. Теория науки позволяет им усваивать эту новую информацию, не давая и самой науке застыть в рамках ограниченной суммы практических рекомендаций.

В соответствии с нашими представлениями о системе науки криминалистики, ее учебный курс, по нашему мнению, должен открываться разделом, посвященным общей теории науки.

Вопросы общей теории криминалистики во многом еще дискуссионны, тем не менее это не должно влиять на преподавание общей теории, и уж во всяком случае не может быть основанием для игнорирования

общей теории в учебном курсе. В процессе изложения основ общей теории целесообразно как раз и показывать дискуссионный характер отдельных ее положений и тем самым вносить в преподавание необходимые элементы проблемного обучения.

Особое место должен занять в курсе такой вопрос, как роль и проявление в криминалистике критерия практики, его соотношения с внутренним убеждением следователя и эксперта, конкретные формы его использования в криминалистических научных исследованиях.

Вопросы общей теории криминалистики должны найти свое отражение и в таких разделах курса, как техника, тактика и методика. Достижение этой цели может быть осуществлено в два этапа.

На первом этапе соответствующие элементы общей теории следует излагать при освещении вводных к этим разделам тем, именуемых, как известно, "общими положениями". Мы уже рассматривали вопрос о методологическом их значении и содержании, однако преподавание таких тем курса не только оправдано, но и необходимо из методических соображений, особенно на современном этапе, когда общая теория криминалистики только складывается и пока еще не может преподаваться в полном объеме.

На втором этапе в каждый из указанных разделов курса включаются специальные темы, в которых рассматриваются частные криминалистические теории, составляющие научную основу соответственно техники, тактики и методики. Таким образом, в курсе получают освещение все элементы общей теории науки.

Акцентируя внимание на важности теоретической части курса, мы вовсе не считаем, что по объему учебного времени ее положение должно быть доминирующим. Преподавание криминалистики должно быть направлено по-прежнему в сторону практического обучения, в сторону привития обучающимся необходимых практических навыков и умений. Собственно, в этом же направлении "работает" и теоретическая часть курса.

Изменения в практической части курса должны идти, как нам кажется, по линии исключения из программы узкотехнических вопросов, которые на практике не решают ни следователь, ни оперативный работник, ни судья. В то же время следует прививать обучающимся необходимые организационные навыки как в области комплексирования средств и усилий по раскрытию и расследованию преступлений, так и в области решения тактических и методических задач. Должны практически отрабатываться вопросы взаимодействия в процессе расследования, сочетания следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, использования средств массовой информации и др.

Особое место в практической части курса следует отвести развитию тех интеллектуальных и психологических качеств обучающихся, которые необходимы для работы по избранному профилю. Этому с успехом могут способствовать специальные семинары по логике следствия и психологические практикумы. Практика проведения в течение ряда лет занятий на следственном факультете Высшей школы МВД по логике следствия А. А. Эйсманом и И. М. Лузгиным полностью это подтверждает¹³.

Особо следует остановиться на вопросах дублирования в курсе криминалистики некоторых положений, излагаемых в смежных курсах уголовного процесса, уголовного права, а в учебных заведениях МВД — теории оперативно-розыскной деятельности. Известно, что среди части преподавателей распространено мнение о совершенной недопустимости дублирования, его вредности и т. п. Так например, В. Резепов утверждал, что «чем решительнее и скорее будет устранено дублирование в процессе преподавания уголовного процесса и криминалистики, тем больше останется времени на более глубокое изучение каждой из этих наук, тем с большим интересом будут они изучаться студентами»¹⁴. Думается, что с такой точкой зрения можно согласиться лишь с определенными оговорками.

Преподавание криминалистики немисливо вести в отрыве от принципов уголовного процесса, от уголовно-правовых институтов, от практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Поэтому напоминание обучающимся некоторых положений этих учебных дисциплин необходимо и методически оправданно. Речь, следовательно, должна идти о пределах такого дублирования и об уровне изложения вопросов смежных курсов, о решительном недопущении профанации при упоминании положений из смежных курсов, подмены собственно криминалистической материи этими положениями.

Что же касается дублирования некоторых вопросов самой криминалистики, например, положений вводного раздела при преподавании тех-

¹³ Программа по логике следствия, разработанная А. А. Эйсманом в 1968 г., включала, помимо вводной, такие темы: введение в структурный анализ доказательств; структура и классификация элементарных актов доказывания; линейные акты доказывания; альтернативные акты доказывания; методы проверки доказательств и структура вспомогательных комплексов; система доказательств; версии и их роль в построении системы доказательств.

¹⁴ **Резепов В.** Об устранении дублирования в преподавании уголовного процесса и криминалистики в юридических вузах. — В кн.: Материалы научно-методической конференции по вопросам преподавания криминалистики. Л., 1959, с. 29.

ники или тактики или положений техники при чтении лекций по криминалистической методике, то такое дублирование, разумеется, также в определенных пределах, нужно приветствовать, ибо оно способствует не только более прочному закреплению материала, но и формированию представления о криминалистике как о науке, в которой все части связаны в единое целое, как о **системе** знаний.

15.1.3. Криминалистическая специализация

Ряд участников упомянутой дискуссии о путях подготовки юридических кадров подчеркивал необходимость вузовской специализации обучающихся с целью лучшей их подготовки к будущей практической деятельности. Нам также представляется, что специализация (в разумных, конечно, пределах) необходима уже в стенах вуза.

Проблема специализации особенно трудно решается в юридических вузах общего типа. Основными средствами специализации здесь являются, как известно, спецкурсы, спецсеминары и практика. По криминалистике спецкурсы и спецсеминары введены с 1958 г., и в этой области накоплен уже значительный опыт, позволяющий утвердительно ответить на вопрос об их полезности.

Мы не беремся судить об эффективности существующей специализации для подготовки будущих прокуроров, судей и адвокатов. Однако, учитывая высказывавшиеся мнения научных и практических работников и опыт подготовки следователей в учебных заведениях системы МВД, полагаем, что существующих форм специализации недостаточно для подготовки следователей в вузах общего типа. С этой точки зрения заслуживает всяческой поддержки введение в юридических вузах следственно-криминалистической специализации и поиск новых форм ее осуществления.

Представляется, что специализация будущих следователей должна осуществляться не на последних курсах, а на протяжении всего срока обучения, начиная с момента отбора кандидатов на учебу. Для этого следует решить две взаимосвязанные проблемы: профессионального отбора и модели специалиста. На основе последней строится учебный план подготовки следователей, подобный тому, который принят в Волгоградском юридическом институте МВД РФ. Такой порядок позволяет решать вопросы специализации не преимущественно количественным путем, сокращая учебное время для одних и увеличивая для других дисциплин, а принципиально иначе, определяя необходимый набор дисциплин учебного плана и оставаясь при этом в рамках специально-

сти “правоведение”. По такому же пути пошли и другие учебные заведения МВД.

В учебном плане подготовки специалистов этого профиля вместо единого курса криминалистики предусматривается целый цикл криминалистических дисциплин, начиная от курса общих основ криминалистики экспертизы и кончая курсом организации расследования. Такой набор специальных дисциплин вкупе с фундаментальными учебными курсами по всем основным правовым наукам, определяющим содержание юридического образования, обеспечивает подготовку высококвалифицированных следователей, обладающих широким правовым кругозором.

Существующие ныне специализации при подготовке работников уголовного розыска, службы БЭП, исправительно-трудовых учреждений строятся по таким же принципам.

15.1.4. Вопросы методики преподавания криминалистики

Специфика преподавания курса криминалистики заключается, главным образом, в тех формах обучения, которые преследуют цель привития обучающимся определенных умений и навыков и развития их субъективных качеств. Что же касается лекций по криминалистике, то, помимо общих требований, предъявляемых к лекции как основной форме обучения в вузе (а мы по-прежнему придерживаемся этого мнения, несмотря на получившее с некоторых пор известное распространение скептическое отношение к лекции как “устаревшей” форме учебного процесса), лекция по криминалистике должна пробуждать желание практически проверить выдвигаемые в ней положения, лично испытать те средства, приемы и рекомендации практической деятельности, о которых в ней идет речь. Лекция должна пробудить интерес к предстоящим практическим формам обучения.

Исторически первой формой практического обучения криминалистике были лабораторные или практические занятия — сначала по темам криминалистической техники, а затем и криминалистической тактики. Позже стали проводиться семинары или практические занятия по криминалистической методике. В 1945 г. появился первый практикум по криминалистической технике Е. У. Зицера и Д. Я. Мирского. Авторы следующим образом обосновывали цель издания практикума: “Находясь все время под руководством преподавателя, учащийся не привыкает самостоятельно решать задачи, выдвигаемые оперативной практикой органов юстиции. Это иногда приводит к тому, что лицо, превосходно выполнявшее все задания в лабораторной обстановке, оказывается беспомощным, по крайней мере на первых порах, когда дело доходит до

выполнения таких же заданий в процессе подлинного следствия”. По мнению авторов, эти недостатки групповых аудиторных занятий можно изжить путем сочетания групповых занятий с индивидуальными. “Для организации таких, то есть комбинированных, занятий необходимы не только устные указания преподавателя, но и, главным образом, письменное руководство, которое дало бы студентам возможность работать и в составе группы, и самостоятельно”¹⁵.

Практикум оказался удачной методической находкой. В 1948 г. Е. У. Зицер и Д. Я. Мирский дополнили второе его издание казусами по криминалистической тактике. Вслед за этим появились различные варианты подобных сборников заданий: лабораторные практикумы, сборники задач, сборники упражнений и т. п. Но особенно полезной оказалась эта форма подачи учебного материала для заочников. Поскольку в условиях заочного обучения обучающийся лишен возможности систематически консультироваться у преподавателя, практикумы для заочников стали снабжать специальными методическими указаниями¹⁶. По всему курсу такие методические указания стали получать и обучающиеся на очных отделениях¹⁷.

В 1954-59 гг. вышли руководства к практическим занятиям по криминалистической технике и тактике, а в 1962 г. — по криминалистической методике, которые объединяли в себе задания, методические указания к ним для студентов и методические указания для преподавателя¹⁸. Эта форма методической литературы оказалась весьма полезной. Свое развитие она получила в форме практикумов по всем разделам курса¹⁹.

Развитие в вузах программированного обучения, а впоследствии обучения с использованием ЭВМ получило отклик и при преподавании

¹⁵ **Зицер Е. У., Мирский Д. Я.** Практикум по криминалистике (лабораторные задания и казусы). Изд. 2-е. М., 1948, с. 3.

¹⁶ **Макаров И. В., Сова Ф. П.** Криминалистическая техника. Методические указания и практикум. М., 1965; **Жарский В. Е., Скорченко П. Т.** Методические указания и практикум по криминалистической тактике и методике расследования отдельных видов преступлений. М., 1965; аналогичные пособия А. П. Дербенева (1975), В. С. Аханова (1978) и др.

¹⁷ **Шевченко Б. И., Колдин В. Я.** Методические указания по изучению криминалистической техники. М., 1960; **Яблоков Н. П.** Методические указания по изучению методики расследования преступлений. М., 1960.

¹⁸ **Попов В. И.** Руководство для практических занятий по криминалистике. Алма-Ата, 1954; **Попов В. И.** Руководство к практическим занятиям по криминалистической тактике. М., 1955; **Шевченко Б. И., Мирский Д. Я.** Руководство к практическим занятиям по криминалистической технике. М., 1955; **Давыдов Г. П., Прутузова В. А., Шевченко Б. И.** Тактика следственных действий. М., 1959; Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1962.

¹⁹ Практикум по криминалистике. М., 1970, 1976, 1989 и др.

криминалистики. В ряде юридических учебных заведений создаются компьютерные классы, разрабатываются учебные компьютерные программы и специализированные учебные и учебно-тренировочные системы по отдельным темам и разделам курса криминалистики. Это стало развитием такой традиционной формы обучения, как практические занятия.

Начиная с 60-х годов стали развиваться новые формы практического обучения криминалистике: групповые упражнения, оперативные тренировки, криминалистические учения, специализированная стажировка.

При групповых упражнениях, когда каждый обучающийся выступает в роли определенного должностного лица правоохранительных органов, сочетаются в едином комплексе оценка исходной для решения информации, процесс принятия решения, выполнение письменных заданий во внеучебное время, разбор, обсуждение и оценка их на занятиях, выполнение практических действий по работе с доказательствами.

Проведением групповых упражнений обеспечивается эффективный педагогический контроль за самостоятельной работой слушателей, поскольку на занятиях происходит живое обсуждение вариантов решений с их теоретическим и правовым обоснованием; преподаватель получает более широкую возможность донести до аудитории сложный научный материал, что достигается при обосновании решений, подведении итогов и т. д., создаются благоприятные условия формирования у обучающихся профессионально важных и сложных умений и навыков, развивается интерес к предмету.

В отличие от группового упражнения, оперативные тренировки представляют собой такую форму практических занятий, когда обучаемые выступают в ролях разных должностных лиц. Эти занятия особенно эффективны для отработки вопросов взаимодействия следователя с оперативным сотрудником, процедур принятия и выполнения тактических решений, выработки навыков ведения расследования групповым методом и др.

Весьма перспективной представляется такая форма практического обучения, как криминалистические учения, проводившиеся кафедрой криминалистики бывшей Высшей школы МВД СССР с 1968 г.

После ряда методических экспериментов с различными формами практических занятий коллектив кафедры пришел к выводу, что эти занятия станут более эффективными, если проводить их в обстановке, сходной с обстановкой расследования реального уголовного дела. Первое такое учение состояло из семи занятий, проводившихся в рамках расследования уголовного дела о квартирной краже, оно было рассчитано на 16 учебных часов. С учетом выявленных недочетов следующее

учение проводилось уже в течение 36 часов (14 занятий). Оно занимало шесть полных учебных дней, что еще более приблизило учение к реальной обстановке расследования.

В ходе учения каждый слушатель выполнял комплекс следственных действий, связанных единой фабулой, применял широкий ассортимент технико-криминалистических средств; активно использовались учебное телевидение, двусторонняя связь, магнитофонные записи. Результаты учений подтвердили их высокую эффективность и позволили рекомендовать эту форму обучения другим вузам²⁰.

Наконец, специфической формой практического обучения является специализированная стажировка в органах внутренних дел по раскрытию преступлений прошлых лет, которая практиковалась также в бывшей Высшей школе МВД СССР с 1968 г. Такая стажировка способна решать три задачи: проверить усвоение слушателями теоретических знаний по криминалистике и смежным дисциплинам, привить им навыки расследования сложных преступлений, в силу ряда причин оставшихся нераскрытыми, и оказать практическую помощь конкретным органам внутренних дел.

Из наиболее подготовленных слушателей комплектовались бригады, руководителями которых назначались сотрудники Следственного управления и Управления уголовного розыска МВД СССР; к каждой бригаде прикреплялся преподаватель кафедры. Стажировка осуществлялась по специальной программе. Продолжительность стажировки — 30-35 дней.

Специализированная стажировка, как показал опыт, оказывается весьма полезной как в учебно-методическом, так и в практическом отношении. Обстановка реального процесса расследования, да еще, к тому же, достаточно сложной по ситуации, способствует быстрому приобретению новых и «оживлению» уже имеющихся навыков следственной работы. Что же касается практических результатов, то достаточно сказать, что только за два года стажерам совместно с местными практическими работниками удалось раскрыть 366 «старых» преступлений и 416 вновь совершенных²¹.

²⁰ Филиппов А. Г. Эффективная форма организации практических занятий (из опыта проведения криминалистических учений). — В кн.: Вопросы методики преподавания. М., 1972.

²¹ Подробнее об этом см. Лаэров В. П. Методика проведения стажировок слушателей по раскрытию преступлений прошлых лет. — В кн.: Вопросы методики преподавания. М., 1972.

В течение всего срока стажировки стажер вел дневник, в который вносил записи о работе, проделанной за истекшие сутки. В конце стажировки составлялся отчет, который оценивался кафедрой с учетом характеристики работы стажера и заключения преподавателя — руководителя стажировки.

В 1991 г. Академия МВД издала уникальный учебник В. Г. Коломацкого “Курс криминалистики. Дидактика и методика”, в котором автор проанализировал и обобщил обширный опыт преподавания криминалистики в высших учебных заведениях и разработал методические указания ко всем формам учебных занятий: по проведению лекций, семинарских и практических занятий, криминалистических игр, учений, учебной практики и стажировки, а также по организации и методике индивидуальных занятий со слушателями и самостоятельной работы слушателей при изучении курса криминалистики.

15.1.5. Учебная литература

Одним из показателей уровня учебного процесса является его обеспеченность учебниками и другими учебными и методическими пособиями. Для того чтобы дать наглядное представление о процессе обеспечения литературой учебного курса криминалистики, назовем в хронологическом порядке изданные в нашей стране общевузовские и ведомственные учебники по криминалистике для высших и средних специальных учебных заведений и фактически соответствующие им комплексные учебные пособия, охватывающие все содержание курса.

А. Учебники и учебные пособия для вузов

- 1935 год. Коллектив авторов.** Криминалистика, кн. I. Техника и тактика расследования преступлений. Под ред. А. Я. Вышинского. Изд-во “Советское законодательство” (Научно-исследовательский институт уголовной политики.)
- 1936 год. Коллектив авторов.** Криминалистика, кн. II. Методика расследования отдельных видов преступлений. Под ред. А. Я. Вышинского. Изд-во “Советское законодательство” (Научно-исследовательский институт уголовной политики).
- 1938 год. Коллектив авторов.** Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений. Под ред. А. Я. Вышинского. Юриздат (ВИЮН).

- 1939 год.** *Голунский С. А. и Шавер Б. М.* Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений. Под ред. А. Я. Вышинского. Юриздат (Институт права АН СССР).
- 1950 год.** *Коллектив авторов.* Криминалистика, ч. I. Под ред. А. И. Винберга и С. П. Митричева. Госюриздат (ВИЮН).
- 1952 год.** *Коллектив авторов.* Криминалистика, ч. II. Под ред. С. П. Митричева и П. И. Тарасова-Родионова. Госюриздат (ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР).
- 1958 год.** *Коллектив авторов.* Советская криминалистика, ч. 1. Под ред. С. П. Митричева и Н. В. Терзиева (ВЮЗИ).
- 1959 год.** *Коллектив авторов.* Криминалистика. Под ред. С. А. Голунского. Госюриздат (МГУ и ВНИИК Прокуратуры СССР).
- 1962 год.** *Коллектив авторов.* Советская криминалистика, ч. 1. Под ред. С. П. Митричева и Н. В. Терзиева (ВЮЗИ).
Коллектив авторов. Советская криминалистика, ч. 2. Учебное пособие по методике расследования отдельных видов преступлений. Под ред. С. П. Митричева и М. П. Шаламова (ВЮЗИ).
Винберг А. И. Криминалистика. Разд. I. Введение в науку (ВШ МВД СССР).
- 1963 год.** *Коллектив авторов.* Криминалистика. Разд. II. Криминалистическая техника. Под ред. Н. С. Полевого и Г. А. Самойлова (ВШ МООП РСФСР).
Коллектив авторов. Криминалистика. Под ред. А. Н. Васильева (МГУ).
Коллектив авторов. Криминалистика. Под ред. С. П. Митричева и М. П. Шаламова. Юридическая литература (ВЮЗИ).
- 1964 год.** *Коллектив авторов.* Криминалистика. Разд. III. Под ред. И. М. Лузгина и Н. С. Полевого (ВШ МООП РСФСР).
- 1965 год.** *Коллектив авторов.* Криминалистика. Разд. IV. Под ред. Р. С. Белкина (ВШ МООП РСФСР).
- 1966 год.** *Коллектив авторов.* Криминалистика. Под ред. С. П. Митричева и М. П. Шаламова. Юридическая литература (ВЮЗИ).
Коллектив авторов. Криминалистическая экспертиза. Вып. I. Под ред. Р. С. Белкина и И. М. Лузгина (ВШ МООП РСФСР).
Коллектив авторов. Криминалистическая экспертиза. Вып. II. Под ред. М. В. Кисина (ВШ МООП СССР).
Коллектив авторов. Криминалистическая экспертиза. Вып. IV. Под ред. А. Н. Самончика (ВШ МООП СССР).
- 1967 год.** *Коллектив авторов.* Криминалистическая экспертиза. Вып. V. Под ред. В. С. Аханова и В. А. Снеткова (ВШ МООП СССР).

- 1968 год. Коллектив авторов.** Криминалистика. Под ред. Р. С. Белкина, Г. Г. Зуйкова. Юридическая литература (ВШ МООП СССР).
Коллектив авторов. Криминалистическая экспертиза. Вып. VI. Под ред. Г. А. Самойлова (ВШ МООП СССР).
- 1969 год. Коллектив авторов.** Криминалистика, т. I. Под ред. Р. С. Белкина и Г. Г. Зуйкова (ВШ МВД СССР).
Коллектив авторов. Криминалистическая экспертиза. Вып. III. Под ред. А. А. Эйсмана и П. Ф. Силкина (ВШ МВД СССР).
- 1970 год. Коллектив авторов.** Криминалистика, т. II. Под ред. Р. С. Белкина и Г. Г. Зуйкова (ВШ МВД СССР).
- 1971 год. Коллектив авторов.** Криминалистика. Под ред. А. Н. Васильева (МГУ).
- 1973 год. Коллектив авторов.** Криминалистика. Под ред. С. П. Митричева, Н. А. Селиванова, М. П. Шаламова. Юридическая литература (ВЮЗИ).
Коллектив авторов. Радянська криміналістика. Криміналістична техніка і слідча тактика. За ред. В. П. Колмакова. Киев (на укр. яз.).
Коллектив авторов. Криминалистическая экспертиза. Вып. VIII. Под ред. А. Н. Самончика и Ф. П. Софы (ВШ МВД СССР).
- 1975 год. Коллектив авторов.** Основы советской криминалистической экспертизы. Под ред. И. М. Лузгина (Академия МВД СССР).
- 1976 год. Коллектив авторов.** Криминалистика. Под ред. Б. А. Викторова и Р. С. Белкина. Юридическая литература (Академия МВД СССР).
Коллектив авторов. Криминалистика. Под ред. И. Ф. Крылова (ЛГУ).
- 1978 год. Коллектив авторов.** Криминалистика, т. I. Под ред. Р. С. Белкина и И. М. Лузгина (Академия МВД СССР).
- 1980 год. Коллектив авторов.** Криминалистика, т. 2. Под ред. Р. С. Белкина и И. М. Лузгина (Академия МВД СССР).
- 1984 год. Коллектив авторов.** Криминалистика (для слушателей-иностранцев). Под ред. Ю. Г. Корухова, В. Г. Коломацкого (Академия МВД СССР).
- 1987 год. Коллектив авторов.** Специализированный курс криминалистики (для слушателей вузов МВД, обучающихся на базе среднего специального юридического образования). Под ред. М. В. Салтевского (Киевская высшая школа МВД).
Коллектив авторов. Криминалистика, т. 1. Под ред. Р. С. Белкина, В. П. Лаврова, И. М. Лузгина (Академия МВД СССР).

- 1988 год. Коллектив авторов.** Криминалистика, т. 2. Под ред. Р. С. Белкина, В. П. Лаврова, И. М. Лузгина (Академия МВД СССР).
- 1988 год. Коллектив авторов.** Советская криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений. Под ред. В. К. Лисиченко. Киев, Вища школа.
- 1990 год. Коллектив авторов.** Криминалистика. Под ред. Н. П. Яблокова, В. Я. Колдина (МГУ).
- 1991 год. Коллектив авторов.** Криминалистическая тактика. Под ред. В. И. Киреева (Военный Краснознаменный институт).
- 1993 год. Коллектив авторов.** Криминалистика (Методика расследования отдельных видов преступлений). Под ред. Н. М. Балашова (Военная академия экономики, финансов и права).
Коллектив авторов. Криминалистика. Под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. М., Юридическая литература.
- 1994 год. Коллектив авторов.** Криминалистика. Под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. М., Высшая школа.
- 1995 год. Коллектив авторов.** Криминалистика. Под ред. В. А. Образцова, М., Юристъ.
Коллектив авторов. Криминалистика. Под ред. Н. П. Яблокова. М., изд-во Бек (МГУ).
Коллектив авторов. Криминалистика. Под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло (Санкт-Петербургский университет).

В 1991 г. по инициативе В. Г. Коломацкого было принято решение об издании трехтомного учебника по криминалистике для вузов МВД. По замыслу Главной редакции (Р. С. Белкин, В. Г. Коломацкий, В. П. Лавров), первый том посвящался общей и частным теориям криминалистики, второй — криминалистической технике, тактике, методике, третий — дидактике, практикуму. Второй и третий тома планировалось выпустить по четырем специализациям: для следователей, работников уголовного розыска, службы борьбы с экономическими преступлениями и сотрудников ИТУ. Подготовлены и вышли в свет:

- 1993 год. Коллектив авторов.** Криминалистика, т. 2. Под ред. А. Г. Филиппова, А. А. Кузнецова (Московский юридический институт и Омская ВШ милиции), Омск (профиль — уголовный розыск).
- 1994 год. Коллектив авторов.** Криминалистика, т. 2. Под ред. Б. П. Смагоринского (Волгоградский юридический институт МВД), Волгоград (профиль — следствие).

1995 год. Коллектив авторов. Криминалистика, т. 3. Под ред. Б. П. Смагоринского, А. А. Закатова (Волгоградский юридический институт), Волгоград (профиль — следствие).

Коллектив авторов. Криминалистика, т. 2. Под ред. В. Д. Грабовского, А. Ф. Лубина (Нижегородский юридический институт), Нижний Новгород (профиль — служба БЭП).

Коллектив авторов. Криминалистика, т. 1. Под ред. Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого, И. М. Лузгина (Академия МВД, для всех вузов МВД).

Б. Учебники для средних юридических учебных заведений

1940 год. Шавер Б. М. и Винберг А. И. Криминалистика. Юриздат.

1945 год. Шавер Б. М. и Винберг А. И. Криминалистика. Изд. 2-е. Юриздат.

1949 год. Винберг А. И. и Шавер Б. М. Криминалистика. Изд. 3-е. Госюриздат.

1950 год. Винберг А. И. и Шавер Б. М. Криминалистика. Изд. 4-е. Госюриздат.

1959 год. Коллектив авторов. Криминалистика. Под ред. А. И. Винберга. Госюриздат.

1967 год. Коллектив авторов. Криминалистика. Под ред. Р. С. Белкина. Юридическая литература.

1974 год. Коллектив авторов. Криминалистика. Под ред. Р. С. Белкина. Юридическая литература.

1979 год. Коллектив авторов. Советская криминалистика. Под ред. Р. С. Белкина. Юридическая литература.

1986 год. Коллектив авторов. Криминалистика. Под ред. Р. С. Белкина. Юридическая литература.

Из приведенных данных можно сделать вывод, что курс криминалистики регулярно обеспечивается новыми учебниками, написанными квалифицированными коллективами ведущих кафедр криминалистики страны, причем в последние 2-3 года у обучающихся появилась возможность выбора учебника.

15.2. Криминалистика как компонент профессионально-служебной подготовки практических работников

Мы уже отмечали, что исторически криминалистика впервые стала предметом преподавания на курсах практических работников полиции и следствия, а уже потом в стационарных учебных заведениях. В нашей стране в первые годы после революции потребность практических работников в криминалистических знаниях была особенно велика уже в силу того, что в правоохранительные органы пришли люди, не обладавшие такими знаниями и остро нуждавшиеся хотя бы в элементарной профессиональной подготовке. В приказах и инструкциях ВЧК, НКВД, НКЮ за 1918-20 гг. подчеркивалась необходимость использовать в борьбе с преступностью судебную фотографию, уголовную регистрацию, дактилоскопию и другие криминалистические средства и методы²². В приказе № 40 по уголовно-розыскной милиции за 1918 г. предлагалось принять «самые срочные и интенсивные меры к ознакомлению с методами регистрации преступников, антропометрией, дактилоскопией и фотографией, «словесным портретом» и т. д.»²³

И. Ф. Крылов приводит выдержку из письма Центроура к местным Советам по поводу организации борьбы с преступностью на местах (1918): «Дело уголовного розыска в России было при царском режиме в суровых тисках жандармерии и полиции. Настало время поставить дело сыска на научную высоту и создать кадры действительно опытных сотрудников, научных специалистов»²⁴. Комментируя это указание, И. Ф. Крылов писал: «Такая задача стояла не только перед розыскными, но и перед следственными и судебными органами. Решать ее приходилось в сложных условиях. В аппарат ЧК, в следственные и судебные органы, в органы милиции пришли рабочие и крестьяне, не имевшие не только опыта работы, но и достаточного образования. Но работая, они самоот-

²² См. Инструкцию чинам Петроградской городской милиции по обнаружению и исследованию преступных деяний (1918), Инструкцию для народных следователей (Киев, 1919); Общую инструкцию милиционерам Советской РК милиции (1919) (приводится по работе: **Коновалова В. Е.** Некоторые вопросы истории советской криминалистики (1917-1920). — В кн.: Сборник материалов научной конференции. Харьков, 1956, сс. 62-65).

²³ ЦГАОР, ф. 393, оп. 16, сс. 79-81.

²⁴ ЦГАОР, ф. 393, оп. 6, ед. хр. 4.

верженно учились, а учась, не покладая рук работали. Уже в первое десятилетие Советской власти удалось сделать многое. В органах дознания и следствия появились кадры опытных работников”²⁵. Обучение на различных краткосрочных курсах было оперативной формой подготовки работников различных уровней и профилей. Таким путем была подготовлена и первая группа экспертов-криминалистов в количестве 26 человек, выпуск которой на специально организованных Курсах для подготовки научно-технических экспертов состоялся в Москве в 1928 г.²⁶

В программы всех курсов соответствующих профилей включалось преподавание криминалистики.

Система курсовой подготовки сохранилась и в последующие годы, но направленность ее изменилась. По мере укрепления органов дознания и следствия юристами с высшим образованием, а затем полного перехода на этот принцип комплектования курсовая подготовка и переподготовка стала формой совершенствования профессионального уровня работников. К ней добавились и такие формы усовершенствования, как методические сборы и семинары, систематические занятия в системе служебной учебы, научно-практические и методические конференции, конференции лучших следователей по обмену опытом работы и т. п. Непременным компонентом занятий на всех этих курсах, сборах и семинарах были лекции и упражнения по криминалистике.

В 1944 г. Следственный отдел Прокуратуры СССР начал издание “Следственной практики” — сборников материалов по обмену опытом расследования, акцентирующих внимание следователей на применение криминалистических средств и методов работы с доказательствами. В эти годы в “Следственной практике” публиковались своеобразные криминалистические памятки “Прочти и запомни”. Они содержали советы типа “На место происшествия прибудь первым — вскрыешь преступле-

²⁵ Криминалистика. ЛГУ, 1976, с. 21.

²⁶ Курсы были организованы на основании постановления СНК РСФСР от 28 июня 1927 г. (протокол № 40) при Отделе уголовного розыска ЦАУ НКВД РСФСР и объявлены открытыми с 1 октября 1927 г. К приему на курсы допускались лица, имевшие образование не ниже среднего и стаж работы в уголовном розыске не менее года. Помимо основ уголовной техники и научно-судебной экспертизы (312 часов), курсанты изучали уголовное право и уголовный процесс (96 часов), уголовную тактику (72 часа), организацию и делопроизводство уголовного розыска (24 часа), судебную медицину (96 часов), судебную химию и микроскопию (168 часов), криминальную психологию (48 часов), судебную психологию (48 часов). Курс обучения был рассчитан на шесть месяцев (приводится по статье: *Гинзбург А. Я.* К вопросам истории советской криминалистики. — Сборник научных работ Казахского НИИСЭ, вып. 2. Алма-Ата, 1971 г.).

ние”, “Тщательная подготовка обеспечит успех обыска”, “Промедлишь с обыском — потеряешь доказательства”²⁷, “Производя расследование, используй научно-технические приемы”, “Привлекай в помощь следствию специальные познания из области естественных и технических наук”, “Успех обыска зависит от твоей наблюдательности, последовательности, находчивости”²⁸ и т. п.

С 1950 г. “Следственная практика” стала издаваться ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР. Знаменательно, что первый выпуск этого пособия открывался статьей П. И. Тарасова-Родионова “Овладеть научно-техническими приемами расследования”. Показу, как конкретно реализуется это требование на практике, и был посвящен весь выпуск²⁹. В целях совершенствования профессионального мастерства следователей ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР с момента создания начал широкую подготовку методических пособий по криминалистической тактике и методике расследования, а НИИ криминалистики Главного управления милиции МВД СССР — по криминалистической технике и криминалистической экспертизе.

Важным событием в деле профессионального совершенствования следователей была организация в 1952 г. в Ленинграде Курсов усовершенствования следователей, преобразованных в декабре 1965 г. в Институт усовершенствования следственных работников органов внутренних дел и прокуратуры. В институте было создано две криминалистических кафедры — криминалистической техники (зав. О. М. Глотов) и криминалистической тактики и методики расследования (зав. И. Е. Быховский). Уже в первые пять лет существования института в нем прошли переподготовку свыше 4500 следователей и руководителей следственных подразделений³⁰.

Преподавание криминалистики на курсах, сборах, семинарах и в Институте усовершенствования следователей имеет ряд специфических особенностей. Здесь особенно важно учитывать опыт работы обучающихся, их специализацию, уровень подготовки и характер имеющегося образования, индивидуальные запросы. “По нашему мнению, система

²⁷ Следственная практика. Вып. 1. М., 1944, с. 37.

²⁸ Следственная практика. Вып. 3. М., 1945, с. 62.

²⁹ Следственная практика. Вып. 1. М., Госюриздат, 1950. К сожалению, в настоящее время выпуск “Следственной практики” прекращен.

³⁰ **Любавин А. А., Филиппов А. П.** Проблемы улучшения профессиональной подготовки следователей в институте усовершенствования следственных работников. — В кн.: Вопросы совершенствования предварительного следствия. Л., 1971, с. 3.

повышения профессионального мастерства следователей, — писали Н. Баранов и Н. Майоров, — будет более эффективной, если она будет предусматривать обучение следователей в зависимости от стажа, опыта работы и специализации по следующим этапам: занятия по индивидуальным планам и семинары, школа профессионального мастерства и учебно-методические сборы, Институт усовершенствования следственных работников при Прокуратуре СССР, затем специализированные всесоюзные, республиканские и групповые учебно-методические сборы”³¹. Основное содержание всех этих форм обучения составляют вопросы криминалистики — от изучения новых средств криминалистической техники до тем проблемного характера.

Существенную помощь в повышении уровня криминалистических знаний в системе служебной подготовки оказывают криминалистические музеи органов внутренних дел и кабинеты криминалистики прокуратур.

Первый музей криминалистики был создан в 1918 г. при Управлении уголовно-розыскной милиции г. Москвы по инициативе ее комиссара К. Г. Розенталя. В том же году создается центральный музей ОУР³². В 1922-23 гг. при участии Л. П. Рассказова экспозиция музея перестраивается, и циркуляром ЦАУ НКВД РСФСР № 432 от 7 декабря 1923 г. местные учреждения уголовного розыска обязываются направлять в центральный музей экземпляры наиболее важных предметов или их фотокопии. Тем же циркуляром предписывалось организовать криминалистические музеи при губернских и областных управлениях уголовного розыска. Хорошо оборудованные музеи с обширной экспозицией создаются в Москве, Ленинграде, Костроме и в ряде других городов.

После Великой Отечественной войны музейно-криминалистическое дело пришлось в большинстве мест ставить заново.

Директивой Главного управления милиции МВД СССР от 3 апреля 1947 г. было предложено организовать криминалистические музеи при НТО всех управлений милиции республик, краев и областей. В 1949 г. Научно-исследовательским институтом криминалистики НТО ГУМ разрабатываются методические указания об организации и работе криминалистических музеев. “Криминалистический музей имеет своей целью способствовать более широкому внедрению научно-технических методов и средств борьбы с преступностью и серьезному повышению деловой квалификации оперативно-следственных работников милиции, —

³¹ Баранов Н., Майоров Н. Пути повышения мастерства следователей. — Соц. законность, 1970, № 11, с. 63.

³² Приводится по указ. работе А. Я. Гинзбурга, сс. 17-18.

говорилось в этих указаниях. — Задача музея — всесторонне показать работникам милиции способы совершения тех или иных преступлений, приемы и ухищрения, к которым прибегают преступники как при совершении самих преступлений, так и при сокрытии их следов, а также наиболее эффективные методы и приемы раскрытия преступлений и возможности наиболее полного использования при этом криминалистической экспертизы, данных науки и техники”. Рекомендовалось наряду с демонстрацией примеров из местной практики собрать в музей специальный учебный материал, позволяющий хорошо усвоить тот или иной раздел криминалистики.

Типовая структура музея предусматривала создание в нем шести основных разделов: уголовная регистрация и идентификация личности; следы и вещественные доказательства; документы; осмотр места происшествия; проведение операций (задержание и обыск); методика расследования отдельных видов преступлений (бандитизм, грабежи и разбои, убийства, кражи разных видов, хищения, мошенничество, спекуляция, подделки документов, пожары и поджоги, ското- и конокрадство). Определялись формы работы музея: экскурсии работников милиции, целевые посещения при изучении работниками милиции определенного раздела криминалистики, а также проведение при музее учебных занятий, бесед, семинаров по этим разделам, консультаций по криминалистике³³.

В настоящее время криминалистические музеи выполняют значительную учебную работу по распространению криминалистических знаний среди сотрудников органов внутренних дел. Накоплен значительный опыт функционирования этих музеев в стенах высшего учебного заведения, где материалы музея используются не только для обучения практических работников, но и слушателей — систематически на всем протяжении изучения курса криминалистики³⁴.

Введение в органах прокуратуры института прокуроров-криминалистов способствовало оживлению учебно-методической работы на местах, активизировало внедрение в практику технико-криминалистических средств. Опыт методической работы прокуроров-криминалистов стал систематически обобщаться и распространяться ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР, а позже Всесоюзным институтом по изучению при-

³³ Методические указания по организации и работе криминалистических музеев (за подписями начальника НТО ГУМ МВД СССР Вецнера и начальника НИИК НТО ГУМ СССР Комаринца). М., 1949.

³⁴ *Салтеевский М. В., Матусовский Г. А.* Вопросы организации и руководства специальной кафедрой юридического вуза. Киев, 1973, сс. 13-14.

чин и разработке мер предупреждения преступности³⁵. В целях унификации кабинетов криминалистики прокуратур были разработаны рекомендации по содержанию и тематике наглядных пособий и сформулированы общие методические, технические и организационные принципы их создания³⁶.

Особо следует остановиться на децентрализованной подготовке экспертов-криминалистов.

Долгое время учебные заведения МВД СССР, готовившие кадры экспертов-криминалистов (Московская средняя специальная школа милиции и Высшая школа МВД СССР), не могли удовлетворить потребности практики в специалистах этого профиля. В связи с этим на местах, в наиболее мощных криминалистических подразделениях, и в НИИ криминалистики (впоследствии — НИИ милиции) ГУМ МВД СССР была организована подготовка сотрудников (без отрыва от работы), вновь принимаемых на должности экспертов. В 1959 г. НИИМ разработал единую программу по криминалистике для подготовки экспертов-криминалистов и Положение о стажировке работников НТО в НИИМ в целях повышения квалификации, привития экспертам необходимых практических навыков, обмена опытом и овладения новыми технико-криминалистическими методами и средствами раскрытия преступлений³⁷.

Острота проблемы комплектования криминалистических подразделений органов внутренних дел несколько сгладилась после создания на базе Волгоградской следственной школы (ныне — Волгоградский юридический институт МВД РФ) факультета по подготовке экспертов-криминалистов (1973), однако указанная форма пополнения кадров этих специалистов по-прежнему играет известную роль, несмотря на организацию в Саратове Высшей экспертной школы МВД РФ. Не утратила она своего значения и для учреждений судебной экспертизы Министерства юстиции РФ, поскольку система подготовки экспертов при Российском федеральном центре судебных экспертиз не может обеспечить количественно потребности практики.

³⁵ См., например: *Коврижных Б. Н.* Прокурор-криминалист — наставник следователя. М., 1962.

³⁶ *Селиванов А. Н., Орлов В. М.* Наглядные пособия кабинета криминалистики прокуратуры. М., 1973.

³⁷ Программа по криминалистике для подготовки экспертов-криминалистов в научно-технических подразделениях милиции. Положение о стажировке работников НТО — НТГ. М., 1959.

15.3. Историография и библиография отечественной криминалистики

Историография отечественной криминалистики бедна. Первый краткий очерк истории советской криминалистики (2 страницы) появился в учебнике 1938 г. Также кратко излагались эти вопросы и в последующих учебниках для вузов общего типа. Несколько подробнее вопросы истории советской криминалистики освещены в учебниках для вузов МВД, где им посвящены самостоятельные параграфы и главы³⁸; но за редким исключением, в учебниках рассматривалась не история науки, а, в основном, история криминалистических учреждений.

В диссертационных исследованиях авторы, руководствуясь принципом историзма, исследовали, как правило, историю вопроса, однако такие исследования обычно не становились достоянием широкой аудитории. Исключение составляли лишь те диссертации, материалы которых были опубликованы отдельными изданиями. Таковы, например, кандидатская и докторская диссертации А. И. Винберга, докторская диссертация В. Ф. Орловой³⁹ и некоторые другие.

Первой специальной исторической работой была статья А. И. Винберга “К истории криминалистических учреждений”, опубликованная в “Трудах Военно-юридической академии” в 1948 г.⁴⁰ Статья состояла из четырех разделов: вопросы возникновения, развития и организации криминалистической экспертизы; криминалистические учреждения судебной экспертизы в России; криминалистические учреждения СССР; некоторые организационные вопросы криминалистической экспертизы. Как видно из сказанного, автор рассматривал историю экспертных учреждений и только в связи с нею некоторые вопросы истории самой криминалистики.

Такая направленность в освещении истории криминалистики сохранилась и впоследствии. Даже в подробном и обстоятельном очерке истории криминалистического исследования документов Н. В. Терзиева

³⁸ См. Криминалистическая экспертиза. Вып. I. М., 1966, гл. 2 (авт. **Р. С. Белкин**); Криминалистика, т. I. М., 1969, гл. 6 (авт. **И. М. Лузгин**); Основы советской криминалистической экспертизы. М., 1975, гл. 9 (авт. **И. М. Лузгин**).

³⁹ **Винберг А. И.** Криминалистическая экспертиза письма. М., 1940; **Винберг А. И.** Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М., 1949; **Орлова В. Ф.** Теория судебно-почерковедческой идентификации. — Труды ВНИИСЭ, вып. 6, М., 1973.

⁴⁰ Труды ВЮА, вып. VIII. М., 1948.

история советского периода, по сути, свелась к истории организации и развития экспертных учреждений, производивших указанные исследования.⁴¹

Первыми перешагнули этот “заколдованный круг” С. И. Тихенко, опубликовавший статью “Развитие советской криминалистики на Украине”, В. И. Попов своей статьей “Из истории дореволюционной русской криминалистики” и А. В. Дулов и И. Ф. Крылов, издавшие работу об истории криминалистической экспертизы, а не криминалистических учреждений. Весьма интересным в этой работе был и очерк деятельности выдающихся судебных экспертов дореволюционной России⁴². Работа была продолжена И. Ф. Крыловым, описавшим историю института судебной экспертизы в России и СССР на фоне истории законодательной регламентации этого института⁴³. После публикации статей на исторические темы⁴⁴ он в 1966 г. защитил докторскую диссертацию “Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в ее историческом развитии” (ЛГУ). Это была первая и пока, к сожалению, единственная диссертация подобного рода и уровня.

Продолжались публикации материалов о развитии криминалистических экспертных учреждений в союзных республиках⁴⁵.

В связи с полувековой годовщиной советской юридической науки в периодической печати и различных сборниках появились статьи, посвященные развитию криминалистики и криминалистических учрежде-

⁴¹ **Терзиев Н. В.** Введение в криминалистическое исследование документов, ч. I, гл. III. М., 1949. Примерно в этом же ключе написана и статья: **Зицер Е. У.** Возникновение и развитие советской криминалистики — Ученые записки МЮИ, вып. 4. М., 1948.

⁴² **Тихенко С. И.** Развитие советской криминалистики на Украине. — В кн.: Криминалистика и научно-судебная экспертиза, вып. 2. Киев, 1948; **Попов В. И.** Из истории дореволюционной русской криминалистики. — В кн.: Вопросы криминалистики, № 6-7. М., 1962; **Дулов А. В., Крылов И. Ф.** Из истории криминалистической экспертизы в России. М., 1960.

⁴³ **Крылов И. Ф.** Судебная экспертиза в уголовном процессе. ЛГУ, 1963.

⁴⁴ **Крылов И. Ф.:**

- 40 лет советской криминалистики. — В кн.: Межвузовское научное совещание — 40 лет советского государства и права. Л., 1957;
- Из истории криминалистики. — Вестник ЛГУ, 1959, № 23;
- Из истории судебной экспертизы в России. — В кн.: Вопросы судебной экспертизы. Л., 1960.

⁴⁵ **Рыбников Б. Б., Соколов В. А.** Возникновение и развитие криминалистических учреждений в Латвийской ССР. — В кн.: Вопросы криминалистики и судебной экспертизы, вып. 2. Душанбе, 1962; **Мгеладзе О. М.** Из истории криминалистической экспертизы и криминалистических учреждений Грузии. — Вопросы криминалистики, № 8-9. М., 1963.

ний за 50 лет. По содержанию статьи были трех видов: обзорные, характеризующие развитие и состояние советской криминалистики в целом по стране⁴⁶, по отдельным регионам⁴⁷ и относящиеся к истории отдельных криминалистических научно-исследовательских и экспертных учреждений⁴⁸.

В последующий период исторические исследования ведутся по следующим направлениям:

1. Комплексные исследования, в которых сочетаются вопросы истории отдельных отраслей криминалистики, криминалистических экспертных учреждений, жизни и деятельности выдающихся ученых-криминалистов. Это направление представлено монографией И. Ф. Крылова «Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы» (ЛГУ, 1975) — наиболее фундаментальной работой исторического плана в отечественной литературе.

Монография И. Ф. Крылова открывается главой, посвященной идейным установкам и их роли в становлении и развитии советской криминалистики. Затем рассматривается история развития криминалистических экспертных учреждений в СССР и показывается развитие учения о предмете криминалистики и криминалистической экспертизы. Последующие главы посвящены истории возникновения и развития трасологической и баллистической экспертиз, экспертизы документов, экспертизы отождествления личности по признакам внешности. В заключительном разделе книги, который автор назвал «Пионеры советской криминалистики», содержатся очерки жизни и деятельности ряда

⁴⁶ **Белкин Р. С., Лузгин И. М.** 50 лет советской криминалистики. — Труды ВШ МООП СССР, вып. 16. М., 1967; **Кочаров Г., Селиванов Н.** Развитие советской криминалистики и ее задачи на современном этапе. — Соц. законность, 1968, № 1; **Белкин Р. С.** Полувековой путь советской криминалистики. — Труды ВШ МООП СССР, вып. 19. М., 1968.

⁴⁷ **Хван В. А.** Развитие криминалистики в Казахстане за 50 лет. — В кн.: Сборник научных трудов. Алма-Ата, 1967; **Тихенко С. И., Лисиченко В. К.** Развитие криминалистики в Украинской ССР за 50 лет Советской власти. — Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 4. Киев, 1967; **Елисеев А. А.** К истории развития советской криминалистики на Украине. — Вопросы судебной экспертизы, вып. 4. Киев, 1967; **Индулен И. Г.** Вопросы развития криминалистики и деятельности экспертных учреждений в Латвии. — В кн. Вопросы уголовного права и процесса. Рига, 1969; **Давудов Ф. Э.** Из истории развития и организации судебной экспертизы в Азербайджане за 50 лет Советской власти. — Вопросы судебной экспертизы, вып. 6. Баку, 1968.

⁴⁸ **Давудов Ф. Э.** Дальнейшее развитие организационных и процессуальных проблем судебной экспертизы (10-летие Азербайджанского НИИСЭ). — В кн.: Вопросы судебной экспертизы, вып. 4. Баку, 1967.

выдающихся советских криминалистов, написанные с привлечением уникальных биографических и архивных материалов.

Несмотря на некоторые неточности и пробелы⁴⁹, работа И. Ф. Крылова заслуживает, по нашему мнению, высокой оценки. Являясь результатом многолетних кропотливых исторических изысканий автора, она позволяет получить цельное представление о развитии криминалистической техники и основных видов криминалистической экспертизы в СССР, причем не обезличенно, а с показом вклада в науку наиболее заметных ученых-криминалистов.

Иван Филиппович Крылов (1906-1996) вошел в историю отечественной криминалистики не только как историк науки, но и как видный специалист в области следоведения, исследователь процессуальных проблем института судебной экспертизы. Его многолетние архивные изыскания позволили вовлечь в научный обиход целый пласт ранее неизвестных данных об экспертных исследованиях выдающихся ученых России, проследить процесс становления различных видов криминалистической и судебно-медицинской экспертиз, воскресить в памяти криминалистов имена и дела первых отечественных экспертов. Блестящий популяризатор науки, И. Ф. Крылов своими книгами "В мире криминалистики" (Л., 1980, 1989) и "Были и легенды криминалистики" (Л., 1987) дал возможность познакомиться с криминалистикой и ее возможностями широкому читателю.

Другой работой подобного плана была "История советской криминалистики" Р. С. Белкина и А. И. Винберга, изданная двумя выпусками Академией МВД (вып. 1 — Этап возникновения и становления науки (1917-1930-е гг.). М., 1982; вып. 2 — Формирование частных криминалистических теорий (1940-50-е гг.). М., 1983).

2. Исследования, посвященные отдельным криминалистическим учреждениям или системам таких учреждений.

Здесь следует прежде всего упомянуть цикл статей, посвященных истории старейших советских криминалистических учреждений: Киевского и Харьковского научно-исследовательских институтов судебной экспертизы и Одесской научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы⁵⁰. Периодически публикуются также статьи общего характера об истории дореволюционных экспертных учреждений⁵¹.

⁴⁹ Так, например, автор считает, что первое научное определение криминалистики принадлежит И. Н. Якимову, тогда как его сформулировал в 1921 г. Г. Ю. Маннс; не упомянуто определение предмета криминалистики С. М. Потаповым (1946), не освещено развитие этого понятия с 1952 по 1967 гг. и т. д.

⁵⁰ См. статьи А. П. Сапуна и М. Я. Сега, В. П. Колмакова, Т. Ф. Шарковой в кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 4. Киев, 1967; **Яворский А. Е.** Итоги и задачи деятельности судебно-экспертных учреждений. — Криминалист. след. стр.

В начале 70-х годов заметно активизировалось изучение истории криминалистических учреждений органов внутренних дел, благодаря, главным образом, работам А. И. Миронова⁵².

Своеобразным “итоговым” исследованием процесса развития и становления отечественных экспертных криминалистических учреждений и криминалистической экспертизы стала коллективная монография “Криминалистическая экспертиза: возникновение, становление и тенденции развития”, изданная Юридическим институтом МВД РФ под редакцией В. П. Лаврова (М., 1994).

3. Исследования, посвященные истории отдельных криминалистических институтов, понятий, криминалистических средств и приемов. Это обычно экскурсы в историю разработки отдельных криминалистических проблем в диссертационном плане, несколько реже — специальные исторические работы⁵³.

стика и судебная экспертиза, вып. 15. Киев, 1977; **Кононенко И. П.** К истории возникновения судебно-экспертных учреждений МЮ УССР. — Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 16. Киев, 1978; **Салтеевский М. В., Мальшев В. Н.** Из истории развития криминалистики и криминалистических подразделений МВД Украинской ССР. — Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 19. Киев, 1979; **Стефанюк В. С.** 70-летие судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Украины и пути повышения научно-методического обеспечения судебной экспертизы в республике. — Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 46. Киев, 1993.

⁵¹ **Зуев Е. Я.** К истории возникновения экспертных криминалистических учреждений. — Вопросы судебной экспертизы, вып. 5. Баку, 1967.

⁵² **Миронов А. И.:**

- Научно-техническая служба уголовного розыска в первые годы Советской власти (1918-1919). — Труды ВНИИ МВД СССР, вып. 15. М., 1970;
- У истоков советской криминалистики. — Сов. милиция, 1973, № 9;
- Криминалистические подразделения органов внутренних дел в период Великой Отечественной войны 1941-45 гг. — В кн.: Экспертная практика, 1975, № 6;
- Возникновение и развитие криминалистических подразделений органов внутренних дел. М., 1978.

⁵³ К числу последних можно отнести, пожалуй, лишь “Очерки истории уголовной регистрации” **Д. П. Рассейкина**, изданные уже после смерти автора (Саратов, 1976) и статью **А. Я. Гинзбурга** “К вопросам истории советской криминалистики” (Сборник научных работ Казахского НИИСЭ, вып. 2. Алма-Ата, 1971). Некоторые сведения о развитии отечественной криминалистики, криминалистических кафедр вузов и научно-исследовательских криминалистических учреждений содержатся в коллективной монографии “Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР” (М., “Наука”, 1976).

4. Биографические исследования жизни и творчества выдающихся криминалистов — ученых и практиков, иногда сочетающиеся с библиографическими справками⁵⁴.

Библиография отечественной криминалистической литературы насчитывает сравнительно мало источников. По своему содержанию они могут быть разделены на две группы: библиографические указатели литературы по криминалистике и судебной экспертизе (по стране в целом, отдельным учреждениям и отдельным авторам) и разделы криминалистической литературы в библиографических справочниках более широкого профиля (по вопросам борьбы с преступностью в целом или с отдельными видами преступлений, указатели и обзоры диссертаций и т. п.).

I. Первый общий библиографический указатель литературы по криминалистике был издан в 1937 г. Белорусским институтом криминалистики совместно с Институтом уголовной политики и охватил период по 1935 г. включительно. Составитель указателя — М. Н. Гернет — включил в него не только советскую, но и дореволюционную литературу⁵⁵.

Работа по составлению библиографии криминалистической литературы была продолжена ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР и Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. В 1956 г. под редакцией А. И. Винберга выходит Библиографический указатель литературы по советской криминалистике, охватывающий период с 1936 по 1955 г., в 1964 г. под его же редакцией — Библиографический указатель литературы по криминали-

⁵⁴ **Швецов В. М.** Иван Николаевич Якимов — выдающийся советский криминалист. — Труды ВШ МВД СССР, № 34. М., 1972; **Ануфриев В. В.** Выдающийся советский криминалист Сергей Михайлович Потапов. — Труды ВШ МВД СССР, № 34. М., 1972; **Пымкин В. А.** Петр Сергеевич Семеновский. — Труды ВШ МВД СССР, № 34. М., 1972; **Шаркова Т. Ф.** Профессор Н. П. Макаренко — организатор и руководитель экспертного учреждения в Одессе. — Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 11. Киев, 1975; Виктор Павлович Колмаков (библиография). Одесса, 1975; журнальные и газетные статьи Л. П. Рассказова, Э. А. Финна и др. о С. М. Потапове, П. С. Семеновском, А. Д. Хананине и других криминалистах.

⁵⁵ **Гернет М. Н.** Систематический библиографический указатель литературы по криминалистике. Минск, 1937.

стике за 1956-60 гг. и в 1969 г. под редакцией Н. А. Селиванова — Библиографический указатель за 1961-65 гг.⁵⁶

В 1970-73 гг. Белорусский НИИСЭ предпринял издание трехтомного библиографического указателя, составленного М. С. Штейнгаузом. Первые два тома содержали сведения о криминалистической литературе, третий — о литературе по вопросам судебной экспертизы (кроме криминалистической)⁵⁷. Справочник охватывал период с 1961 по 1968 г.

Библиографические указатели литературы по вопросам судебной экспертизы стали ежегодно издаваться с 1968 г. ВНИИСЭ МЮ СССР. Первый такой указатель содержал данные о литературе, изданной в 1966 г. Он охватывал лишь советские источники⁵⁸. Последующие указатели содержат также сведения о переводах и рефератах зарубежной литературы, опубликованных в отечественных специальных источниках.

В 1969 и 1974 гг. ВНИИСЭ было предпринято издание библиографии по судебной экспертизе (криминалистическое исследование документов и трасология) за период с 1917 по 1967 г.⁵⁹ Библиографические указатели работ сотрудников данного научного криминалистического учреждения были изданы Харьковским, Киевским, Литовским и Азербайджанским НИИ судебной экспертизы⁶⁰.

⁵⁶ **Стрехнина Я. Д., Цирульникова Р. И.** Библиографический указатель литературы по советской криминалистике за 1936-1955 гг. М., 1956; **Степанова Т. С., Алексеева Н. Б.** Библиографический указатель литературы по советской криминалистике за 1956-1960 гг. М., 1964; **Баскакова Г. С., Степанова Т. С.** Библиографический указатель литературы по советской криминалистике за 1961-1965 гг. М., 1969.

⁵⁷ **Штейнгауз М. С.** Библиографический указатель литературы по советской криминалистике и судебной экспертизе за 1961-1968 гг. Под ред. Н. А. Новоселовой. Минск. Кн. 1: Криминалистика и судебная экспертиза, 1970; кн. 2: Криминалистическая техника, 1971; кн. 3: Судебная экспертиза, 1973.

⁵⁸ **Вольнский А. Ф., Прошина Г. П.** Библиографический указатель литературы по вопросам судебной экспертизы за 1966 г. Под ред. В. М. Галкина.

⁵⁹ Коллектив составителей. Библиографический указатель литературы по криминалистической экспертизе за 1917-1967 гг. Вып. 1. Криминалистическое исследование документов. Под ред. Н. С. Полевого. М., 1969; Вып. 2. Судебная трасология. Под ред. С. И. Поташника. М., 1973.

⁶⁰ **Елизеев А. А.** Библиографический указатель научных работ сотрудников Харьковского НИИСЭ (1923 — июль 1967 гг.). Харьков, 1967; **колл. составителей:** Библиографический указатель научных работ сотрудников Азерб. НИИСЭ. Баку, 1969; **Папакуль А. Б., Пяркумене Л. Б.** Библиографический указатель научных работ сотрудников Литовского НИИ судебной экспертизы. *см. след. стр.*

В 1988 г. Киевский госуниверситет издал подготовленный В. П. Бахиным и А. В. Ищенко справочник “Вопросы криминалистики и судебных экспертиз в диссертационных исследованиях” и в том же году Киевский НИИСЭ издает “Библиографический указатель статей, помещенных в сборнике “Криминалистика и судебная экспертиза”, вып. 1-35 (1964-1987)”. В 1969 г. ВНИИ Прокуратуры издает “Библиографический указатель диссертаций до криминалистике 1936-1986 гг.” (составители В. П. Бахин, Е. Н. Викторова, А. В. Ищенко).

II. Из числа библиографических справочников широкого профиля, содержащих сведения о криминалистической литературе, упомянем:

- ◆ Ю. Б. Утевский. Вопросы борьбы с преступностью. Библиография. Части 1-2 ⁶¹;
- ◆ М. Ю. Рагинский, М. Я. Савицкий. Организация работы и деятельность прокуратуры по борьбе с преступностью ⁶²;
- ◆ Г. М. Арзуманян. Расследование и предупреждение хищений государственного имущества ⁶³;
- ◆ В. А. Рахлевский, К. Г. Борисов. Библиографический справочник диссертаций ⁶⁴;
- ◆ П. Д. Биленчук, Н. С. Карпов, Т. А. Сиродан. Научно-технический прогресс и методология познания юридической науки ⁶⁵;

Вильнюс, 1971; *Юзефович В. Г., Ильницкая Н. И.* Библиографический указатель научных работ сотрудников Киевского НИИСЭ. Киев, 1973; и др.

⁶¹ *Утевский Ю. Б.* Библиографический указатель советской юридической литературы по вопросам борьбы с преступностью. Под ред. С. В. Бородина. Ч. 1. 1917-1942 гг. М., 1968; ч. 2. 1943-1966 гг. М., 1969.

⁶² *Рагинский М. Ю., Савицкий М. Я.* Организация работы и деятельность прокуратуры по борьбе с преступностью. Обзор юридической литературы (1963-1971). М., 1973. Обзор содержит аннотации 191 источника.

⁶³ *Арзуманян Т. М.* Расследование и предупреждение хищений государственного и общественного имущества. Библиографический указатель (1932-1971). М., 1974.

⁶⁴ *Рахлевский В. А., Борисов К. Г.* Библиографический справочник диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук. Под ред. В. М. Чиквадзе. Душанбе, 1965. В 1956 г. был опубликован обзор “Диссертации советских криминалистов (1938-1955 гг.)”, подготовленный группой сотрудников ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР под ред. Э. Д. Курановой и В. И. Терсбилова (“Советская криминалистика на службе следствия”, вып. 8. М., Госюриздат, 1956).

⁶⁵ Изд. Киевской ВШ МВД, Киев, 1988.

- ♦ Ю. В. Проханов, С. И. Родина. Издания Академии МВД РФ 1989-1992. Библиографический сборник⁶⁶.

Уникальный по своему содержанию и полноте библиографический справочник “Советские криминалисты” подготовлен Т. В. Аверьяновой и Н. Н. Лысовым⁶⁷

Сведения о новой криминалистической литературе (монографии, учебники, сборники) публикуются журналами “Государство и право”, “Законность”, “Милиция”. Однако все эти “локальные” библиографические издания, как и текущая экспресс-информация, издаваемая ВНИИСЭ-РФЦСЭ с 1973 г., не могут, разумеется, заменить издания полного библиографического указателя криминалистической литературы за период с 1969 г. по настоящее время, который послужил бы продолжением белорусского трехтомника, а еще лучше — полного и уточненного справочника за весь период существования отечественной криминалистики. Думается, что такая задача вполне по силам объединенному коллективу службы научной информации криминалистических научных учреждений во главе с РФЦСЭ МЮ РФ.

⁶⁶ Изд. Академии МВД РФ, М., 1993.

⁶⁷ Советские криминалисты. Библиографический справочник. Сост. Т. В. Аверьянова и Н. Н. Лысов. Нижний Новгород, 1991.

16. КРИМИНАЛИСТИКА КАК ОБЪЕКТ СРАВНЕНИЯ

16.1. Теоретические основы криминалистики стран Восточной и Центральной Европы

Вплоть до конца 80-х гг. в странах Восточной и Центральной Европы, объединяемых в те годы понятием “социалистического лагеря”, криминалистическая наука развивалась под явным влиянием советской криминалистики, что проявлялось, прежде всего, в трактовке основных категорий криминалистики, таких, как предмет, система, методы, задачи науки, ее природа и связь с другими областями научного знания. Криминалисты этих стран, в основном, были едины в вопросе о философских основах науки, о роли материалистической диалектики и теории познания. В ряде случаев можно констатировать простое дублирование положений советской криминалистики в учебниках и монографиях некоторых ученых этих стран.

В некоторых из указанных стран ученым-криминалистам пришлось преодолевать сложившиеся до второй мировой войны теории и концепции, не столько в силу их ставшей неприемлемой в те годы идеологической направленности, сколько по причине примитивного взгляда на криминалистику как на науку исключительно полицейскую, систему сугубо практических рекомендаций, не требующих своего теоретического обоснования.

Коренные социально-политические преобразования в странах Восточной и Центральной Европы в конце 80-х — начале 90-х гг. в ряде случаев повлекли перестройку учебных заведений МВД и вузовских криминалистических центров, повышение роли университетского образования и соответственно криминалистических кафедр университетов. Активно развернулся процесс деидеологизации образования, в том числе и преподавания криминалистики. В то же время, насколько нам стало известно, взгляды ведущих криминалистов этих стран не претерпели

существенных изменений в своей основе и адекватны изложенным ими на рубеже 80-х гг. Заметим при этом, что во многих положениях эти взгляды повторяют ключевые моменты нашей конструкции общей теории криминалистики и ее составляющих. Рассматривая их теоретические концепции, мы не вдаемся в их оценку с позиции собственных убеждений, предоставляя сделать это самому читателю.

И еще одно замечание. Идеиная близость исходных посылок советских и восточноевропейских ученых-криминалистов породила термин “социалистическая криминалистика”. Этот термин охотно использовался учеными этих стран, его можно встретить и в нашей отечественной литературе тех лет.

Концепция Ивана Вакарелского (Болгария). До революции 9 сентября 1944 г. в Болгарии фактически не существовало криминалистической науки. В полицейской практике использовались некоторые средства и методы, заимствованные из западной комплексной дисциплины, именуемой научной полицией. Криминалистика не рассматривалась как наука и после 1929 г., когда она была включена как факультативная дисциплина в учебный план юридического факультета Софийского государственного университета; лекции по криминалистике читались преподавателями уголовного процесса на низком теоретическом уровне и преимущественно по вопросам полицейской техники, не было ни научных кадров криминалистов, ни научных трудов в этой области.

После революции 9 сентября положение изменилось. В 1951/52 учебном году криминалистика была введена как обязательная дисциплина на юридическом факультете, и с этого момента она начала развиваться как самостоятельная наука. В 1959-1961 гг. вышел первый болгарский учебник по криминалистике для студентов-юристов Ивана Вакарелского в двух частях, в котором и получила выражение его концепция науки того периода¹.

И. Вакарелски дал следующее определение предмета криминалистики: “Криминалистика есть специальная правовая наука о научно-тактических и научно-технических способах и средствах, которые применяются при производстве предусмотренных УПК действий судебных и следственных органов для обнаружения, собирания, фиксации и исследования судебных доказательств с целью раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, направленных против нашего государства и установленного в нем правопорядка”².

¹ Вакарелски И. Криминалистика. София, т. 1, 1959; т. 2, 1961.

² Там же, т. 1, с. 5.

Криминалистика активно использует достижения естественных и технических наук для разработки средств и способов борьбы с преступностью. В этих же целях она изучает и следственную и судебную практику. Ее основная задача формулируется, следовательно, так: изучение и обобщение следственной и судебной практики и достижений естественных и технических наук для разработки новых технических средств и новых тактических способов расследования и предотвращения преступлений³.

Криминалистика является правовой наукой. Специфичность криминалистики именно как правовой науки заключается в тех приемах и средствах, которые она разрабатывает — научно-тактических и научно-технических, тесно связанных с уголовным процессом, независимо от их правовой регламентации. Всякие способы, которые использует следователь для расследования преступления, являются правовыми способами, если только они соответствуют закону и не противоречат ему.

Нельзя согласиться и с концепцией наличия в криминалистике двух направлений — правового и естественно-технического. Здесь смешиваются два вопроса: использования криминалистической техники и правового характера науки. От того, что следователь использует технические средства, сама криминалистика не утрачивает правового характера.

Система криминалистики состоит из трех частей: криминалистической техники, следственной тактики и методики расследования отдельных видов преступлений. Первую и вторую часть можно объединить в **общую** часть криминалистики; методика составляет **особенную** часть криминалистики. В пользу объединения техники и тактики в общую часть говорит то, что и та и другая содержат теоретические вопросы и нераздельно связаны между собой в следственной практике. Методика не сводится к практическому приложению техники и тактики к расследованию. Разработка методики требует учета особенностей отдельных видов преступлений и представляет собой серьезное научное исследование.

Методом криминалистики является диалектический материализм. Его конкретное приложение позволяет познать тот круг явлений, который изучает криминалистика. В своих научных исследованиях криминалисты исходят из принципа познаваемости мира и возможности установления истины по уголовному делу⁴.

³ Там же, т. 1, сс. 6-7.

⁴ Там же, сс. 8-21.

За последующие годы взгляды И. Вакарелского претерпели существенные изменения. Они стали выглядеть следующим образом⁵.

И. Вакарелски не определяет, а описывает предмет криминалистики как науки, базирующейся на познании закономерностей возникновения и изменения определенных фактов, явлений и отношений, связанных с преступлением, познании, используемом для разработки эффективных методов и средств раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Криминалистика имеет прямое отношение к вопросам научной организации борьбы с преступлениями и правонарушениями.

В общей системе правовых наук криминалистика относится к группе наук уголовно-правовых. От остальных наук этой группы она отличается своими специфическими методами и средствами научной организации борьбы с преступностью. Будучи связана с другими уголовно-правовыми науками, прежде всего, науками уголовного права и уголовного процесса, криминалистика изучает и решает свою специфическую проблематику. Поэтому криминалистика и является самостоятельной правовой наукой со своим специфическим предметом, со своей системой знаний, относящихся к:

- ◆ а) закономерностям возникновения и развития специфической группы явлений, процессов, отношений, фактов объективной действительности, которые законодатель квалифицирует как преступление;
- ◆ б) основанному на этих закономерностях механизму отражения этих явлений, процессов, отношений, фактов объективной действительности, проявляющемуся в двух формах: в качестве материальных следов (в узком трасологическом смысле слова) и в качестве идеальных следов — мысленных образов;
- ◆ в) разработке на основе этих закономерностей и механизма специфических средств, методов, методик собирания, исследования и оценки судебных доказательств.

В развитии криминалистики ярко проявляются общие тенденции развития научного знания — его интеграция и дифференциация, криминалистика интегрирует знания не только правовых, и в особенности уголовно-правовых, наук, но и наук неюридических — судебной медицины, физики, химии, биологии, логики, психологии и т. п. Некоторые из этих данных криминалистика использует в необработанном виде, другие перерабатывает и приспособливает к своим специфическим задачам, создавая новые знания, новые методы и средства, новые методики — в соответствии со своим предметом и содержанием.

⁵ **Вакарелски И.** Криминалистика. Изд. 3-е. София, 1978. Дальнейшее изложение концепции автора приводится по тексту этой работы.

Основная задача криминалистики состоит в содействии своими специфическими методами и средствами научной организации раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Кроме этой основной, задачами криминалистики являются:

- ◆ разработка новых, совершенных криминалистических средств, методов, методик их использования с учетом характера (вида) расследуемого преступления, то есть с учетом предмета доказывания по конкретному делу, условий и обстановки, в которой было совершено преступление;
- ◆ разработка тактики и методики судебного следствия в стадии судебного производства по уголовным делам;
- ◆ разработка на основе практики следственных и судебных органов наиболее целесообразных и эффективных организационных, тактических и технических средств и методов предотвращения преступлений;
- ◆ разработка и внедрение в практику следственных и судебных органов эффективных технических (в широком смысле слова) средств, методов и методик на основе новейших достижений естественных, технических и других наук, которые могут быть использованы при производстве отдельных видов криминалистических экспертиз;
- ◆ осуществление связи криминалистических знаний, методов и средств с оперативно-розыскной деятельностью специальных органов государства;
- ◆ анализ, обобщение и теоретическая разработка практики следственных, судебных, экспертных и оперативно-розыскных органов и использование положительного опыта этих органов для разработки и внедрения в их практику новых, усовершенствованных криминалистических методов и средств.

Нормы права являются не предметом науки, а объектом ее изучения. Точно так и нормы УПК могут изучаться и наукой уголовного процесса, и криминалистикой в аспекте своих специфических задач. Криминалистические приемы, становящиеся нормой права, не теряют при этом своей криминалистической природы. Это закономерный процесс совершенствования закона на основе достижений науки.

Система криминалистики делится на две части: общую и особенную. Общая часть включает в себя:

- ◆ а) основные (базисные) теоретические вопросы, которые обычно включают во "Введение в криминалистику": предмет, система, задачи, методы криминалистики, ее связь с другими науками, идентификация и установление групповой принадлежности, исторический очерк развития криминалистики в своей стране и в других странах;

- ◆ б) основные понятия криминалистики: криминалистическая техника — понятие, предмет, задачи и система; криминалистическое учение о следах; криминалистические экспертизы — сущность, объект, предмет, методы, классификация; общая методика криминалистической экспертизы; криминалистическая тактика — понятие, предмет, источники, построение и проверка версий; планирование расследования преступлений — понятие, источники, предмет, основные принципы, планирование отдельных процессуально-следственных действий, особенности планирования в стадии судебного производства; методика расследования отдельных видов преступлений — понятие, источники, методическая индивидуализация криминалистической тактики и техники, структура методики исследования и изучения отдельных видов преступлений;
- ◆ в) основные вопросы следственно-оперативной и научно-исследовательской (экспертной) техники. Эти вопросы не имеют строго теоретического характера, но также являются общими, поскольку используются во всех случаях собирания и исследования доказательств.

Все остальные элементы содержания криминалистики классифицируются по общим признакам на три основные группы: а) криминалистическая техника, б) криминалистическая тактика, в) методика расследования отдельных видов преступлений. Они функционально связаны между собой и с четвертой группой вопросов — специализированными техническими средствами, методами, тактическими правилами, способами и организационными мероприятиями криминалистической профилактики. Эти четыре группы в совокупности составляют особенную часть криминалистики.

Методологическую основу криминалистики составляют материалистическая диалектика, ее общие категории и законы. Диалектический метод как всеобщий метод познания не исключает, а, наоборот, предполагает существование и использование в общественной практике, и в том числе в практике раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, частных и специальных методов исследования и познания закономерностей, составляющих предмет той или иной науки, предмет криминалистики. В зависимости от предмета познания они приобретают специфические особенности.

К числу частных методов криминалистики относятся наблюдение, измерение, описание, сравнение, эксперимент, к специальным методам — собственно криминалистические методы, методы других наук, приспособленные для нужд криминалистических научных исследований.

Таковы основные положения концепции И. Вакарелского, охватывающие исходные теоретические посылки криминалистической науки. Другой концепции методологических основ криминалистики в Болгарии разработано не было.

В области частных криминалистических теорий следует упомянуть работу Трояна Стаматова (учение о регистрации криминалистических объектов)⁶, в области средств, приемов и рекомендаций практике — Георги Георгиева⁷, Цеко Цекова⁸, диссертационные исследования Костадина Бобева в области и судебной экспертизы⁹, Камена Аврамова, Лиляны Драгановой, Вылчо Мишева и др.

Концепция Ласло Вишки (Венгрия) была изложена в первой части учебника криминалистики, изданной в 1961 г.¹⁰ Ее содержание заключается в следующем.

Криминалистика — наука о расследовании и раскрытии преступлений. Ее цель состоит в том, чтобы в рамках действующего законодательства разрабатывать такие методы и приемы, с помощью которых становится возможным предотвращение в обнаружение готовящихся и раскрытие совершенных преступлений, установление виновных и привлечение их к уголовной ответственности. Криминалистика — как с точки зрения ее целей, так и в аспекте сферы ее практического приложения — является эффективным средством предупреждения и ликвидации преступности.

Криминалистика ни в какой мере и никогда не может быть оторвана от общей системы права, действующих норм права. Ее рекомендации, только соответствуя нормам права, будут отвечать требованиям законности. Криминалистика — правовая наука, одна из наук уголовно-правовой группы. Но она изучает проблемы преступности не в догматическом плане, а в их практическом проявлении. Те условия, при соблюдении и в границах которых криминалистика создает и формирует свои

⁶ **Стаматов Т. Н.** Основы на криминалистическата регистрация. София, 1971.

⁷ **Георгиев Г. М.** Оглед на местопроизшествието. София, 1971.

⁸ **Цеков Ц.** Методика на разследване на документни престъпления. София, 1970; **Цеков Ц.** Планиране на предварителното разследване и на съдебното следствие. София, 1985.

⁹ **Бобев К.:**

- Механоскопни следи. София, 1977;
- Микротрасология. София, 1981;
- Криминалистически експертизи. София, 1986.

¹⁰ Криминалистика. Общая часть. Будапешт, 1961, сс. 7-13 (на венг. яз.).

средства и приемы, определяются, в первую очередь, уголовно-процессуальным законодательством. Нормы уголовно-процессуального права, определяя процедуру и гарантии всего процесса расследования, формы следственных действий и условия их проведения, тем самым определяют и основы практического применения криминалистических рекомендаций. В научном плане границы применения средств и приемов криминалистики разрабатываются уголовно-процессуальной наукой.

Криминалистика тесно связана и с материальным уголовным правом. Нормы уголовного права, преимущественно его особенной части, характеризующая состав преступления, создают основу для того, чтобы криминалистическая наука при разработке непосредственно применяемых средств и приемов могла бы учитывать, на какие случаи их рассчитывать, для каких элементов состава преступления необходимо будет собирать доказательства применительно к конкретному виду преступления.

Таким образом, и криминалистика в целом, и разрабатываемые ею частные методы самым тесным образом связаны с уголовным и уголовно-процессуальным правом, опираются на них и им подчинены. В то же время задача криминалистики состоит в том, чтобы обеспечить наполнение конкретным содержанием форм, разрабатываемых и установленных уголовным и уголовно-процессуальным правом. Предмет познания криминалистики, хотя он и исходит из уголовно-процессуального права и определяется им, значительно превосходит по объему и характеру частные проблемы уголовного процесса, а потому обладает самостоятельным значением. Криминалистика имеет свою специфическую проблематику, не входящую в предмет других правовых наук.

Итак, криминалистика является самостоятельной правовой наукой, неразрывно связанной с другими уголовно-правовыми науками и на них опирающейся. Ее задача как самостоятельной науки — наполнять конкретным содержанием нормы действующего законодательства при неуклонном соблюдении принципа гуманизма и законности, уважении человеческого достоинства и прав личности, содействуя тем самым максимально полному раскрытию совершенных преступлений, повышению эффективности борьбы за ликвидацию преступности.

С целью выполнения этой задачи криминалистика, как наука, изучает и разрабатывает методы расследования и раскрытия преступлений, исследует возможности применения этих методов, пути их оптимизации и правила применения.

Система криминалистики состоит из трех частей: криминалистической техники, криминалистической тактики и криминалистической методики.

Криминалистическая техника представляет собой систему средств и приемов технического характера, основывающихся на разнообразных данных естественных и технических наук, с которыми криминалистика необходимо и тесно связана.

Та часть криминалистики, которая разрабатывает специфические формы и методы раскрытия преступлений и приемы эффективного проведения следственных действий, именуется криминалистической тактикой. Криминалистическая тактика есть учение о принципах и правилах, определяющих наиболее целесообразные пути расследования, проведения отдельных следственных действий и практического применения средств и методов криминалистической техники.

Криминалистика исследует принципы деятельности следственных органов, организацию и применение методов сбора информации, заботясь о том, чтобы при проведении следственных действий наиболее полно и эффективно использовались все технические средства. В разделе практики изучается и мыслительный процесс следователя: избрание правильного направления расследования, конструирование на научной основе следственных версий, определение объема расследования. Однако из всего этого не следует, что криминалистическая тактика представляет собой лишь свод практических инструкций или только экстракт практического опыта. В ее лице мы имеем дело с научным анализом и обобщением практики, подчиненными общим целям криминалистической науки.

Криминалистика, как наука, однако, не может довольствоваться тем, чтобы лишь предоставлять органам следствия арсенал средств, методов и приемов расследования. Применение средств и приемов техники и тактики лишь тогда может быть эффективным, когда оно опирается на глубокое знание тех специфических принципов и правил, которыми следует руководствоваться, применяя общие криминалистические рекомендации в частных случаях. Эти принципы и правила составляют предмет и содержание криминалистической методики.

Криминалистическая методика есть учение о наиболее целесообразном и планомерном применении тактических и технических средств раскрытия отдельных видов преступлений.

Хотя криминалистическая методика исходит из признаков составов преступлений, очерченных особенной частью уголовного права, ее система не полностью совпадает с системой уголовного кодекса, поскольку во главу угла в методике ставятся не особенности уголовно-правовой характеристики преступлений, а особенности самой криминалистики, рассматривающей в качестве одного из существенных условий, предпосылок успешного раскрытия преступлений знание способов их совершения, привычек и приемов преступников.

Криминалистическая наука представляет собой не механическое объединение составляющих ее частей, а их систему, где все элементы самым тесным образом связаны и взаимозависимы.

Концепция Имре Кертеса (Венгрия). Ведущий венгерский криминалист И. Кертес изложил свои взгляды концептуального характера в ряде работ как специального, так и общего характера, наиболее значительная из которых — монография “Теория вещественных доказательств в науке уголовного процесса и криминалистике”. В ней рассматривается обширный круг вопросов доказательственного права и проблемы таких частных криминалистических теорий, как учения о механизмах следообразования, об общих принципах криминалистических экспертных исследований, теории криминалистической идентификации¹¹. Ряд положений, имеющих общетеоретическое значение, И. Кертес выдвинул во вводной главе второй части учебника по криминалистике, охватывающей проблемы криминалистической методики¹².

И. Кертес разделяет предложенное нами определение предмета криминалистики, но считает, что вторую часть этого определения следует изложить так: “...и основанных на познании этих закономерностей наиболее целесообразных законных средствах и методах установления истины в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства”.

Средства и методы должны быть законными, но тактика всегда предполагает возможность маневрирования одним из двух или более возможных, не противоречащих нормам УПК приемов на основе оценки всех обстоятельств дела. Это соображение отражается в определении, когда говорится о **наиболее целесообразных** законных средствах и методах. Тем самым подчеркивается и специфика криминалистики, так как вопросами доказательств занимается и наука уголовного процесса.

Рассматривая вопрос о природе криминалистики, И. Кертес считает, что оценивать ее как науку чисто юридическую неверно. Криминалистика является и юридической, и естественнонаучной дисциплиной.

И. Кертес отталкивается от определений техники, тактики и методики, сформулированных в 1961 г. Л. Вишки. Однако он высказывается за

¹¹ **Кертес И.** Теория вещественных доказательств в науке уголовного процесса и криминалистике. Будапешт, 1972 (на венг. яз.). Сокращенный перевод этой монографии был издан ВНИИ МВД СССР в 1973 г.

¹² Криминалистика. Особенная часть (Методика). Будапешт, 1973, сс. 5-11. По нашей просьбе И. Кертес специально для настоящего Курса изложил основные положения своей общетеоретической концепции, которые мы и приводим, характеризуя его взгляды.

деление криминалистики на две части: общую и особенную. Общая часть должна содержать криминалистическую технику и тактику, особенная — криминалистическую методику. Такая система более соответствует устоявшейся системе различных отраслей правовой науки, например, науки уголовного права, которая, как известно, делится на общую и особенную части.

Общая часть должна иметь следующие разделы:

1. Общая теория криминалистики (предмет, метод, система). История криминалистики.

2.1. Общие положения криминалистической техники.

2.2. и т. д. — Отдельные отрасли криминалистической техники.

3.1. Общие положения криминалистической тактики.

3.2. и т. д. — Тактика проведения отдельных следственных и оперативно-розыскных действий.

4.1. Общие положения планирования расследования.

4.2. и т. д. — Особенности планирования при различных типичных обстоятельствах.

Как следует из сказанного, И. Кертес считает планирование расследования особым разделом общей части науки.

Особенная часть криминалистики содержит конкретизацию общих положений, изучает их особенности в разрезе задач расследования отдельных видов преступлений.

Деление криминалистики на общую и особенную части позволит, по его мнению, достичь и большей терминологической точности, поскольку и криминалистическая тактика изучает и разрабатывает наиболее целесообразные способы и приемы расследования преступлений, то есть в определенном смысле также является криминалистической методикой.

Методика расследования требует адаптации в каждом конкретном случае сообразно со спецификой конкретного дела.

Если предписания закона носят обязательный характер, то криминалистические правила являются рекомендациями. Правовые нормы и тактические правила не могут находиться в противоречии друг с другом; нарушение одного из элементов этой связи влечет нарушение другого. Тактически неправильные методы обнаружения и фиксации доказательств нарушают те правовые нормы, согласно которым осуществляется расследование, что затрудняет установление истины и приводит к нарушению сроков расследования. Правильным будет только то применение криминалистических средств и методов, которое осуществляется в точном соответствии с законом.

Активные научные исследования практической направленности ведутся венгерскими криминалистами по проблемам всех разделов криминалистики: техники и криминалистической экспертизы (К. Вашш, П.

Баркани, Ш. Фараго, Л. Криштон, Л. Молнар и др.), тактики (П. Дери, И. Добо, Ш. Илллар, Г. Катона и др.), методики (Я. Рожа, Г. Ведреш, И. Дидиг и др.). Создана автоматизированная хроматографическая система для обнаружения алкоголя в крови, предусматривается полная автоматизация криминалистических учетов, методов исследования крови, слюны и спермы, разрабатываются методики расследования различных групп преступлений.

Концепция Б. Гертига и Р. Шедлиха (бывш. ГДР). Теоретические взгляды Б. Гертига и Р. Шедлиха были первым по времени систематизированным изложением методологических основ криминалистики бывш. Германской Демократической Республики. Влияние значительной криминалистической литературы дофашистской Германии было преодолевать значительно труднее, нежели убудочные, пропитанные откровенным расизмом и мракобесием “теории” фашистских криминалистов. Если последние можно было просто отбросить с порога в силу их явной реакционности и столь же очевидной ненаучности, то влияние первой пришлось преодолевать, прилагая усилия к искоренению взглядов на криминалистику как сугубо полицейскую дисциплину технико-прикладного характера. Суть концепции Б. Гертига и Р. Шедлиха, изложенная в их “Учебнике для криминалистов”, сводилась к следующему.

Криминалистика является наукой о применении тактических и технических способов, средств и методов в целях обнаружения и расследования преступлений против государственности и правопорядка, установления и изобличения преступников и собирания необходимых для этого достоверных доказательств¹³. Равным образом криминалистика является наукой о методах и средствах предотвращения преступлений.

Криминалистика использует развивающуюся правовую науку, опыт борьбы с преступностью, а также достижения других наук, приспособляемые ею к своим задачам, и прежде всего, для собирания доказательств и изобличения преступника.

Методом криминалистики как науки является диалектический материализм. Методы и способы, которые криминалистика разрабатывает для нужд борьбы с преступностью, подразделяются на общие и специальные. К числу общих методов относятся такие криминалистические действия, которые необходимы для обнаружения и фиксации доказательств и для их использования в целях раскрытия преступления вне зависимости от его конкретного вида. Таковы, например, методы обнаружения

¹³ *Gertig B., Schädlich R.* Lehrbuch für Kriminalisten. Berlin, 1955, S. 9. Дальнейшее изложение концепции указанных авторов дается по этому учебнику.

следов пальцев на месте преступления, фотографирования места преступления, поиск свидетелей, допрос, розыск лиц и вещей, регистрация преступников и т. д.

Специальные методы разрабатываются для обнаружения и расследования отдельных видов преступлений и соответствуют их особенностям. Способы и методы, разрабатываемые криминалистикой, находятся во взаимной связи и проникают друг в друга.

Методы и способы, разрабатываемые криминалистикой, имеют тактическое и техническое содержание, обуславливающее друг друга. Имеющиеся в наличии технические возможности определяют применяемую тактику и содействуют ее развитию, и в то же время применяемая тактика стимулирует развитие технических средств.

В соответствии с делением методов и способов на общие и специальные система науки также делится на две части.

К первой части относятся:

1. Собираение информации о событии: прием заявления о происшествии; исследование места происшествия и предметов на нем; исследование следов, применение служебных собак; фиксация места происшествия, протоколирование; поиск свидетелей;

2. Выявление и изобличение подозреваемого: оценка собранной информации в целях выявления подозреваемого; планирование расследования; производство обыска и наложение ареста на имущество; розыск лиц и вещей; допрос; задержание и арест; изобличение виновного;

3. Розыскные методы: наблюдение; описание личности; криминалистическая регистрация; учет нераскрытых преступлений по способу их совершения; установление лиц, пропавших без вести; установление личности неопознанных трупов;

4. Исследовательские методы криминалистики: судебная фотография; дактилоскопия; почерковедение; химические исследования; судебная баллистика; спектральный анализ; рентгеноструктурный анализ; биологические исследования; бактериологические исследования.

Вторая часть криминалистики авторами концепции не раскрывается.

Из содержания первой части видно, что Б. Гертиг и Р. Шедлих включают в содержание криминалистики такие виды исследования, которые могут быть оценены как судебно-медицинские, химические и физические, то есть рассматривают криминалистику в широком плане, следуя в этом западноевропейской традиции. В содержание криминалистики они также включают и методы оперативно-розыскной деятельности.

Концепция Эренфрида Штельцера (бывш. ГДР). С конца 50-х годов наряду с практической проблематикой техники, тактики и методики, именуемой по аналогии со специальными методами, названными так Б. Гертигом и Р. Шедлихом, специальной криминалистикой, ведется актив-

ная разработка общетеоретических вопросов. Характерной чертой этих исследований является их фундаментальное философское обоснование, умение показать конкретные приложения теории познания к решению криминалистических задач как науки, так и практики. С момента издания учебника Б. Гертига и Р. Шедлиха криминалистика в этой стране значительно ушла вперед благодаря усилиям, в первую очередь, таких ученых, как Э. Штельцер, А. Форкер, Х. Користка, К. Бёме и других.

В течение ряда лет Э. Штельцер исследует проблемы предмета, методов, системы и содержания криминалистической науки. В 1962 г. он выступил за расширение предмета криминалистической науки и отнесение к нему всей психологической стороны раскрытия и расследования преступлений. С его точки зрения, и теория доказательств в ее практической реализации в сфере раскрытия и расследования преступлений относится к предмету криминалистики. Эту теорию лишь по традиции продолжают относить к уголовно-процессуальной науке, поскольку она сформировалась еще до возникновения криминалистики, однако фактически ее научная база — объединение теории познания с тактическими и оперативными выводами, вытекающими из практики расследования, с математическими, естественнонаучными и психологическими знаниями и криминалистическими методами изъятия и оценки доказательств¹⁴.

В 1966 г., продолжая линию на раскрытие содержания предмета криминалистики, Э. Штельцер в содружестве с К. Зёдером исследует значение логики и ее категорий для криминалистической науки и практики¹⁵. В 1970 г. он делает важный вывод о необходимости перенесения акцента при определении предмета криминалистики с вопросов методического плана на специфические закономерности в деятельности органов следствия и суда по обнаружению, исследованию, оценке и использованию доказательств. Он полагает, что в определении предмета криминалистики следует отразить ее наступательный характер и роль в предотвращении преступлений¹⁶.

В эти годы он еще воздерживается от однозначного решения вопроса о природе криминалистики, хотя подобные высказывания уже появ-

¹⁴ Штельцер Э. Об общественном назначении, предмете и ближайших задачах немецкой социалистической криминалистики в ГДР. — В кн.: Сборник статей немецкой народной полиции, № 7. Берлин, 1962. Приводится по кн.: Вунберг А. И. Вопросы криминалистики в зарубежных социалистических странах. М., 1966, сс. 20-22.

¹⁵ Söder K., Stelzer E. Logik und Kriminalistik. — Forum der Kriminalistik, 1966, №№ 3, 5.

¹⁶ Stelzer E. Zum Gegenstand der socialistischen Kriminalistik. — Kriminalistik und forensische Wissenschaft, 1970, № 2, S. 5.

лялись на страницах специальных журналов. Так, в 1970 г. В. Ней писал, что считает закономерным использование криминалистикой методов общественных и естественно-технических наук, ибо это позволяет ей «выйти из тесных правовых рамок, которые сковывали функции криминалистики»¹⁷.

Соображения Э. Штельцера о необходимости изучать в криминалистике объективные закономерности, определяющие возникновение и развитие определенной группы явлений действительности, были положительно восприняты криминалистами — учеными и практиками. В 1973 г. А. Лутцке и В. Эбелинг выступили со статьей о некоторых особенностях криминалистического процесса познания, в которой затронули также и вопрос об отличии криминалистики и криминалистической деятельности от криминологии и ее практических выводов. На базе теории познания они определили пути установления истины в процессе расследования, который рассматривали как разновидность познавательной деятельности¹⁸. В 1976 г., выступая на XI Международном криминалистическом симпозиуме, Е. Штраус также выразил мысль о том, что эффективное применение средств и приемов криминалистической техники, профессиональное овладение ими немислимо без познания закономерностей природы, лежащих в их основе и в основе практической деятельности¹⁹.

В 1974 г. К.-М. Бёме и В. Ней публикуют статью, в которой в тех же аспектах рассматриваются некоторые вопросы криминалистической методики («специальной криминалистики») ²⁰. Наконец, те же авторы в 1976 г., отмечая основы криминалистики как ветви общественных наук, указывают, что Э. Штельцер руководствовался этими основами, определяя предмет криминалистики как самостоятельной науки, интегрирующей естественно-технические данные²¹.

¹⁷ **Ney W.** Zur Periodisierung von Veröffentlichungen in der DDR zum Gegenstand der socialistischen Kriminalistik. — Kriminalistik und forensische Wissenschaft, 1970, № 2, S. 15.

¹⁸ **Lutzke A., Ebeling W.** Einige Besonderheiten des kriminalistischen Erkenntnisprozesses, und dessen Gestaltung. — Forum der Kriminalistik, 1973, № 1.

¹⁹ **Штраус Е.** Об эффективном использовании технических средств и способов в борьбе с преступностью. — XI международный симпозиум криминалистов социалистических стран. Рефераты делегации ГДР. Варшава, 1976, с. 18.

²⁰ **Böme K.-M., Ney W.** Zu einigen Problemen und Aspekten der speziellen Kriminalistik — ein Beitrag zur Theorie der socialistischen Kriminalistik. — Kriminalistik und forensische Wissenschaft, 1974, № 13.

²¹ **Böme K.-M., Ney W.** Die Einheit von Objektivität und Parteilichkeit in Theorie und Praxis der socialistischen Kriminalistik. — Kriminalistik und forensische Wissenschaft, 1976, № 24.

Исследования отдельных методологических проблем позволили Э. Штельцеру в 1977 г. сформулировать в завершенном виде свою концепцию общей криминалистической теории и методологии, изложенную им в первом томе университетского учебника «Социалистическая криминалистика»²², которого мы далее и придерживаемся.

Э. Штельцер определяет криминалистику как комплексную общественную науку (с большой интегрированной естественнонаучной и научно-технической частью), предметом которой являются процессы, закономерности, явления и методы, важные для раскрытия и расследования фактов, обстоятельств и происшествий, носящих правовой, и особенно уголовно-правовой, характер, в целях розыска виновных, доказывания и предотвращения преступлений.

Согласно этому определению, предметом криминалистики являются:

- ◆ реальные процессы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений;
- ◆ закономерности и явления, имеющие значение для этих процессов;
- ◆ криминалистические методы.

Процессы, о которых идет речь, — это криминалистическая деятельность органов безопасности и расследования. Ее основой является право, дающее этой деятельности принципиальную ориентацию, определяющее ее задачи и границы. Собственно научная задача криминалистики заключается в анализе и обобщении данных об этих процессах в целях разработки эффективных средств и методов криминалистической деятельности.

Под закономерностями понимаются совокупности законов, определяющих течение процессов криминалистической деятельности. Это преимущественно закономерности отражения явлений действительности в сознании людей и на объектах неживой природы.

Подобно тому, как теория есть система высказываний об объективной реальности, ее закономерностях и явлениях, так и метод, который зиждется на этой теории и ею определяется, есть система правил, предписаний, с помощью которых, отправляясь от исходной ситуации, можно достичь поставленной цели.

Если метод относится к практической деятельности, то целью его применения является изменение объективной реальности; если же это метод мышления, то он применяется с целью развития познания.

²² Sozialistische Kriminalistik. Band 1. **Stelzer E.** Allgemeine kriminalistische Theorie und Methodologie. Berlin, 1977. Изложение концепции Э. Штельцера дается по этому учебнику.

Следует различать два вида методов: методы, которые наука разрабатывает для практики (например, методы допроса, методы работы на месте происшествия), и методы, которыми наука обслуживает сама себя в целях познания своего предмета. Посредством методов, разработанных криминалистикой, теоретические положения науки были внедрены в практику работы органов безопасности и юстиции, которая послужила их апробации и усовершенствованию. Фундаментом для методов служит криминалистическая теория. Вместе с теорией при ее примате криминалистические методы образуют неразрывное единство, криминалистические методы составляют важную, практически значимую составную часть предмета криминалистики.

Если криминалистические методы определять как такие, которые разрабатываются криминалистической наукой для криминалистической практики, то тем самым будет сказано, что речь идет о методах специфически профессионального характера, под которыми не имеются в виду так называемые всеобщие научные методы. К числу последних, которые, разумеется, находят генеральное применение и в криминалистической практике, принадлежит, прежде всего, диалектико-материалистический метод, как наиболее общий метод познания и практической деятельности. Это основной метод и криминалистической науки.

К всеобщим методам иного уровня, которые, однако, не относятся к какой-либо единственной области науки или общественной практики, относятся логические методы (дедукция, индукция, методы современной логики высказываний и т. п.). Логические методы, включая и методы математической логики, все вместе и по отдельности, необходимы в криминалистической практике. Они не модифицируются ею, но применяются в предопределяемой заданной ею форме к конкретным ситуациям и проблемам.

К числу важных для криминалистики общих методов далее относятся математические методы. Их применение в криминалистической науке и практике все возрастает. При этом, однако, следует отметить, что по сравнению с универсальным диалектико-материалистическим методом математические методы играют лишь вспомогательную роль. Ту же роль они играют и относительно специфических криминалистических методов, подкрепляя, углубляя и уточняя результаты их применения. В то время как диалектический метод и логику возможно и необходимо применять в любом, без исключения, случае, математические методы — во всяком случае при нынешнем уровне развития криминалистики и ее реализации в практике — далеко не так универсальны.

Далее к общим методам причисляются наблюдение, экспериментальные методы, методы сравнения и измерения, анализ и синтез, пла-

нирование и прогнозирование. Эти общие методы теснейшим образом связаны как с материалистической диалектикой, которая образует их основу, так и с профессиональными специфически криминалистическими методами, в которых они применяются в виде соответствующих модификаций.

Собственно криминалистические методы можно классифицировать по различным основаниям.

Так, по их близости к общим методам, модификацией которых они являются применительно к криминалистическим ситуациям и постановке задачи, следует различать:

- ◆ метод криминалистического наблюдения;
- ◆ метод следственного и экспертного эксперимента;
- ◆ метод анализа и криминалистического сравнения, в том числе и для целей идентификации;
- ◆ метод криминалистической регистрации;
- ◆ метод криминалистического планирования;
- ◆ метод криминалистического прогнозирования.

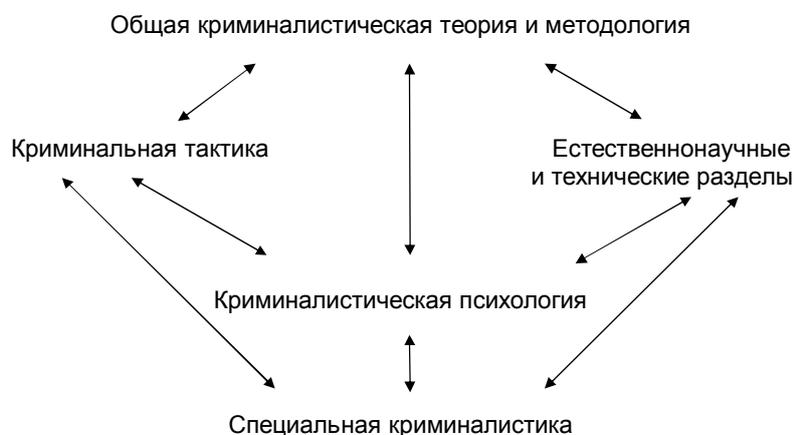
По целям применения: методы раскрытия и расследования преступлений (с дальнейшей специализацией на методы преследования, методы розыска преступника, методы исследования места происшествия, обыска, допроса и т. д.), методы технического предотвращения преступлений; методы оперативного воспрепятствования совершению преступлений.

По содержанию методы могут быть разделены на социально-психологические, естественнонаучные, технические, тактические, оперативные, организационно-административные, по сфере применения — общекриминалистические, применимые при раскрытии и расследовании всех видов преступлений, и методы специального назначения, используемые при расследовании какого-либо отдельного вида преступлений или только для технического предупреждения преступлений.

Под криминалистическими средствами в контексте с криминалистическими методами понимаются такие предметы, которые необходимы для практического осуществления какого-либо действия. Это, так сказать, статические элементы метода. Методы, как предписания к действию, всегда имеют идеальную природу. Если они предусматривают применение материальных средств (приборов, химикатов и т. п.), они приобретают тем самым материально-техническое конкретное частное содержание. Методы и их элементы могут приобретать различную степень обязательности: от факультативной рекомендации до обязательного служебного предписания или категорического требования закона.

Система криминалистики есть внутренняя структура составляющих ее содержание знаний, определяемая внутренними взаимосвязями ме-

жду процессами, явлениями и закономерностями, составляющими ее предмет. Она может быть представлена следующей схемой:

В качестве первых элементов системы криминалистики исторически сначала выделились криминальная техника и криминальная (в отечественной криминалистике они именуются криминалистическими) тактика, которые в совокупности первоначально образовывали общую часть науки. Особенная часть содержала рекомендации по раскрытию и расследованию отдельных видов преступлений. В дальнейшем в системе выкристаллизовалась общая криминалистическая теория и методология, возникла в качестве криминалистической дисциплины криминалистическая психология, обрела современный вид особенная часть, ныне именуемая специальной криминалистикой. При этом следует учитывать закономерный процесс дальнейшей дифференциации научных знаний, который должен иметь последствия и для системы криминалистики, приводя к дальнейшей специализации ныне существующих разделов.

Общая криминалистическая теория и методология есть основополагающая часть системы социалистической криминалистики, чьи остальные составные части она теоретически и методологически обобщает, объединяет и направляет. Ее содержание составляют теоретические и методологические положения такой степени общности, которой не обладает ни один из остальных элементов системы.

При своей обобщающей и направляющей по отношению к другим частям системы криминалистики роли общая криминалистическая теория и методология имеет однако и собственный исследовательский ба-

зис (прежде всего, в криминалистической практике), который осваивается ею не только через другие элементы системы, но и непосредственно. Закономерности, явления и методы, изучаемые общей криминалистической теорией и методологией, выступают в виде следующей проблематики этой теории:

- ◆ определение задач криминалистики как производных от общественных потребностей и правовых требований, выражающих эти потребности;
- ◆ основные вопросы организации криминалистической практической деятельности;
- ◆ основополагающие теоретические положения и общие методы раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, включая проблему латентности;
- ◆ познавательные-теоретические условия и предпосылки адаптации к криминалистической практике философских, математических и кибернетических положений и методов в соответствии с потребностями этой практики;
- ◆ следствия для криминалистики, вытекающие из материалистического понимания истины, реализация этого понятия в криминалистической практике; основы криминалистического доказывания;
- ◆ криминалистическая функция гипотез, основные методы работы с версиями;
- ◆ эмпирические и теоретические средства в их криминалистическом значении;
- ◆ идентификация в криминалистике, ее общие закономерности и основные методы;
- ◆ криминалистическая экспертиза, ее специфическая общественная функция, основные структуры и основные методы.

Естественнонаучные и технические разделы криминалистики имеют своим предметом совокупность естественнонаучных познаний и методов и базирующихся на них технических средств раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

Криминальная тактика есть совокупность познаний и методов подготовки и проведения криминалистических мероприятий и операций, обеспечивающая их целесообразное осуществление в соответствии с предписаниями закона и конкретными общими и индивидуальными обстоятельствами.

Предметом **специальной криминалистики** является совокупность тех закономерностей, явлений и методов раскрытия, расследования и предотвращения относящихся к криминалистике фактов, положения вещей и происшествий, которые специфичны для отдельных видов пре-

ступлений, определенных видов происшествий (например, аварий, исчезновения людей и т. п.) и для определенных групп лиц (несовершеннолетних, рецидивистов, алкоголиков, асоциальных элементов и др.).

Таково основное содержание общетеоретической концепции Эренфрида Штельцера.

Существенный вклад в развитие частных криминалистических теорий внесли исследования Армина Форкера. В серии работ он обращается к таким проблемам, как применение в криминалистической практике теории информации, кибернетики, кибернетическое моделирование мышления в следственной практике, принципы начальной и последующей стадий расследования, количественный анализ перемещения лиц и др.²³ Плодотворно работает в области теории криминалистической идентификации и разработки технических рекомендаций практике Христиан Користка²⁴, разработкой самых разнообразных частных проблем занимается большой коллектив других ученых-криминалистов²⁵.

Концепция П. Хорошовского (Польша). В Польше периода 1918-1939 гг. криминалистика развивалась под очевидным влиянием западноевропейских школ Гросса и Локара. Их представления о предмете и содержании науки легли в основу первых польских работ по этой проблематике и определили направление экспериментальных технико-криминалистических исследований²⁶. Уже первые определения предмета

²³ **Forker A., Sonntag H.** Den informativen Gehalt von Spuren ausschöpfen. — Forum der Kriminalistik, 1976, № 5; **Forker A.** Kybernetische Denkmethode aneignen. — Forum der Kriminalistik, 1967, №№ 8, 9, 11, 12; **Forker A., Bertram M., Gläser H., Leonhardt R.** Ueber das Wesen und einige Grundsätze der "ersten Angriffs". — Forum der Kriminalistik, 1972, № 9; **Forker A., Ney W., Schulze H.** Taktische Konzeptionen im Stadium der weiteren Untersuchung. — Forum der Kriminalistik, 1973, № 3 и др. работы.

²⁴ **Koristka Ch.:**

- Zur informationstheoretischen Stellung und zum Informationsgehalt von Spuren. — Forum der Kriminalistik, 1966, № 10;
- Möglichkeiten einer Systematisierung der Methoden der kriminalistischen Personenidentifizierung. — Forum der Kriminalistik, 1967, № 7;
- Aktuelle theoretische und praktische Fragen der kriminalistischen Identifizierungstheorie. Berlin, 1972.

²⁵ См. **Постика И. В.** Научные исследования в области криминалистики в восточно-европейских странах. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 40. Киев, 1990.

²⁶ Первым криминалистическим учреждением довоенной Польши была полицейская лаборатория, созданная в 1927 г. при Центре следственной службы Главного управления государственной полиции (полиции панствовой — ПП). Руководил лабораторией до 1938 г. доктор И. Соболевски. Лаборатория вы-
см. след. стр.

криминалистики, встречающиеся в работах польских ученых, свидетельствуют об этом достаточно наглядно. Так, З. Паперковски в 1933 г. определяет криминалистику как науку о технике следствия, “которая знакомит нас с наиболее действенными средствами и методами, позволяющими установить преступника, раскрыть преступление”²⁷. Тогда же В. Вольтер рассматривает криминалистику как “отдел наук, помогающих в расследовании преступлений”²⁸. Мнение о криминалистике как о вспомогательной технической дисциплине сквозит и в определениях Х. Стресмана (“Криминалистика — это наука о применении технических и естественных данных в расследовании преступности”) и Р. Мэрсона и Э. Вишневского (криминалистику нужно рассматривать как “техно-познавательную отрасль знания о раскрытии и преследовании преступности”)²⁹.

Такой подход к определению исходных позиций криминалистики не мог, естественно, способствовать развитию ее теории. Не случайно поэтому разрабатывалась преимущественно технико-криминалистическая проблематика.

На этапе формирования польской послевоенной правовой доктрины первые исследования криминалистической проблематики осуществлялись процессуалистами в рамках их науки и, по существу, лишь попутно с исследованием вопросов теории уголовного процесса. По-прежнему преобладает мнение о технической природе криминалистики. Например, Я. Боссовски рассматривает криминалистику как технику раскрытия преступлений; Я. Андреев, Л. Лернел и Я. Савицки, упоминая о криминалистике, говорят, что это “наука о расследовании преступлений, кото-

полняла экспертизы и вела научные исследования в области баллистики и дактилоскопии. Вторым экспертным центром, который вел научные исследования в области судебной химии, был Институт судебных экспертиз в Кракове, образованный приказом министра юстиции 1 декабря 1929 г.

²⁷ **Паперковски З.** Улика как доказательство в уголовном процессе. Люблин, 1933, с. 141 (на польск. яз.).

²⁸ **Вольтер В.** Очерк системы уголовного права. Общая часть. Т. 1. Краков, 1933, с. 10 (на польск. яз.).

²⁹ **Стресман Х.** Криминалистика. Энциклопедия уголовного права. Варшава, 1936-1939, с. 321 (на польск. яз.); **Мэрсон Р., Вишневски Э.** Введение к переводу работы Э. Локара “Расследование преступлений научными методами”. Лодзь, 1937, с. 1 (на польск. яз.).

рая в наше время охватывает дактилоскопию, исследование письма, химию, судебную физику, а также и судебную фотографию”³⁰.

Активизации собственно криминалистических исследований способствовало создание университетских кафедр криминалистики, развертывание системы экспертных учреждений и издание ряда специальных журналов³¹. В этих условиях и появилась первая цельная концепция теоретических основ польской криминалистики, принадлежавшая П. Хорошовскому и изложенная им в университетском учебнике³².

По определению П. Хорошовского, криминалистика представляет собой науку, которая исследует “способы и средства совершения преступлений и разрабатывает методы их раскрытия, установления личности преступника и его задержания”. Говоря о задачах криминалистики, автор относит к их числу и предотвращение преступлений.

Система криминалистики, по его концепции, состоит из двух частей: криминальной тактики и криминальной техники. В предисловии к первому изданию своего учебника он пишет, что криминальная тактика “занимается: а) способами совершения преступных действий, б) принципами, которыми руководствуются в своей деятельности следственные органы

³⁰ **Боссовски Я.** Известия криминологических наук. Познань, 1946, с. 14 (на польск. яз.); **Андреев Я., Лернел Л., Савицки Я.** Уголовное право Польской Народной Республики. Варшава, 1959, с. 17 (на польск. яз.).

³¹ “Первым центром научной работы в этой области (криминалистики — **Р. Б.**) была научно-техническая секция Главного управления Гражданской милиции в Варшаве, — пишут З. Божичко и Т. Ханаусек. — Вначале данное подразделение осуществляло сугубо прикладную и педагогическую деятельность, однако по мере развития оно постепенно становится научным центром в области криминалистической техники. В 1954 г. это подразделение реорганизуется в Институт криминалистики при Главном управлении Гражданской милиции” (**Божичко З., Ханаусек Т.** Основные направления развития криминалистики в Польской Народной Республике. — Вопросы борьбы с преступностью, вып. 24. М., 1976, с. 178).

Научно-техническая секция Главного управления ГМ была образована в 1946 г. В 1945 г. возобновил свою деятельность Институт судебных экспертиз в Кракове. Первая университетская кафедра криминалистики была организована в 1956 г. на юридическом факультете Варшавского университета. В Ягеллонском университете в Кракове лекции по технике расследования, а потом по криминалистике в 1949-65 гг. читал д-р Я. Схен. Он же стал заведующим кафедрой криминалистики, образованной в этом университете в 1968 г.

В 1950 г. начинает издаваться журнал “Архив судебной медицины, психиатрии и криминологии”. С начала 1955 г. Ин-т криминалистики ГМ издает “Бюллетень”, который с № 3 называется “Проблемы криминалистики”, с 1957 г. Отдел учебных заведений Главного управления ГМ издает сборник “Служба ГМ”.

³² **Хорошовски П.** Криминалистика. Варшава, 1955. Изд. 2-е. Варшава, 1958. Концепция П. Хорошовского излагается по этой работе.

в целях раскрытия преступлений, а также выявления и задержания виновного". В содержание криминальной техники входят технические средства, "а) используемые при совершении преступных действий, б) применяемые для раскрытия преступлений, выявления и задержания виновного". Однако он считает вопрос о системе науки формальным, не относящимся к числу наиболее существенных. Содержание его учебника подтверждает это заявление автора, поскольку оно не отражает намеченной им системы.

По-старому, в плане европейской традиции, решает П. Хорошовски вопрос о соотношении криминалистики с рядом судебных отраслей естественных наук. Он решительно возражает против включения криминалистической техники в судебную медицину, как предлагают судебные медики, и утверждает, что скорее следует рассматривать судебную медицину как одну из отраслей криминалистики, понимаемой в широком плане. Однако оговаривается, что поскольку судебная медицина носит сугубо специальный характер, практически она независима от криминалистики. Таков же его подход к решению вопроса о соотношении криминалистики с судебной химией и иными областями знания, "обслуживающими" уголовное судопроизводство.

П. Хорошовски негативно относится к криминалистической методике, полагая, что криминалистика должна ограничиваться лишь сообщением общих правил применения положений тактики и техники, поскольку учет специфики их применения зависит от особенностей конкретного факта.

Оценивая концепцию предмета, предложенную П. Хорошовским, В. Гутекунст впоследствии указывал, что ее можно понять, если учесть, что криминалистика в этот период в Польше только начала развиваться. Определение П. Хорошовского не отграничивало достаточно четко криминалистику от теории судебных доказательств. И более того, из-за исключительного, преувеличенного внимания автора к проблемам доказательственного права по сравнению с собственно криминалистическими проблемами его определение недалеко ушло от понимания криминалистики только как техники³³.

Нечеткость концепции П. Хорошовского привела к тому, что в последующие годы в литературе по-прежнему фигурируют скорее образные, чем научные характеристики криминалистики как "общей теории раскрытия преступности и преследования преступников", "науки о выслеживании преступлений", "науки о раскрытии преступлений и обнаружении преступников"³⁴.

³³ Гутекунст В. Криминалистика. Варшава, 1965, сс. 6-7 (на польск. яз.).

³⁴ Цесляк М. Нормы целесообразности и их роль в уголовном процессе. — В кн.: Вопросы уголовного права и теория права. Варшава, 1959, с. 67;

см. след. стр.

Концепция В. Гутекунста (Польша) была изложена им во втором польском университетском учебнике криминалистики, изданном в 1965 г., и повторена во втором издании этого учебника³⁵.

Свою концепцию он основывает на принципах прагматизма и праксеологии, испытав, очевидно, сильное влияние известного польского праксеолога, по существу, основателя этой области знаний, Т. Котарбиньского, взгляды которого в это время уже получили широкое распространение. По Гутекунсту, методологическую основу криминалистики и составляют “фундаментальные принципы праксеологии, специфика которых проистекает из специфики действий, составляющих расследование преступлений”. К этому выводу он приходит в результате анализа практики расследования и существовавших концепций предмета криминалистики, констатируя, что “наиболее характерной особенностью этой науки является создание теории поведения лиц, действующих в специфической ситуации и с особой целью”. Эта специфическая ситуация — ситуация “негативной кооперации, то есть борьбы, происходящей между лицом, расследующим преступление, и лицом, его намерениям противящимся, обычно виновником преступления”.

Исходя из этих посылок, В. Гутекунст определяет криминалистику как “науку о тактике и технике расследования преступлений, а также о тактике и технике предупреждения преступлений”. Двухчленная система криминалистики раскрывается им следующим образом.

Криминалистическая тактика включает в себя исследование трех видов способов и методов поведения:

- ◆ а) способы совершения преступления (в системе они образуют “тактику преступника”);
- ◆ б) способы раскрытия преступлений (“тактика расследования”);
- ◆ в) способы предупреждения преступлений (“тактика предупреждения”).

Аналогично понимается и криминалистическая техника, которую также можно подразделить на “технику преступника”, “технику расследования” и “технику предупреждения”.

Славински С. Польский уголовный процесс и гражданский суд. Варшава, 1959, с. 46; *Свида В. В.* Уголовное право. Общая часть. Изд. 3-е. Варшава-Вроцлав, 1961, с. 18 (все работы на польск. яз.).

³⁵ *Гутекунст В.* Криминалистика. Изд. 2-е. Варшава, 1974 (на польск. яз.). Изложение концепции В. Гутекунста дается по этому изданию.

Всякая деятельность по расследованию преступления содержит элементы техники и тактики, образующие определенную общность, которая и представляет собой особую теорию поведения.

Отношение В. Гутекунста к криминалистической методике сходно с позицией П. Хорошовского: он считает, что “методика не может быть элементом криминалистики, равноценным криминалистической тактике и технике, ибо она не выходит за рамки общей части этих проблем”.

Воздерживаясь в соответствии с принятой нами формой изложения от оценки концепции В. Гутекунста, приведем суждения о ней М. Липчиньской, которая опубликовала рецензию на учебник этого автора. Она подчеркивает неразрывность связи криминалистики с уголовным процессом и считает, что В. Гутекунст должен был исходить в своих построениях, в первую очередь, именно из этой связи и не выходить за пределы судопроизводства. М. Липчиньска упрекает автора за то, что он ограничил сферу применения криминалистики только стадией предварительного расследования, “почти не замечая криминалистики в стадии юрисдикции”. В то же время его определение чрезмерно, как ей кажется, расширяет пределы криминалистики за рамки процесса, в сторону “теории совершения преступлений”³⁶. Иначе к этому отнесся Т. Ханаусек, считающий, что “тенденция выделять в задачах криминалистики обнаружение преступлений, а в отношении виновного довольствоваться словами “установление”, “обнаружение” и “задержание” ограничивает всю деятельность по обнаружению только рамками процесса”³⁷.

Концепция Брунона Хольста (Польша). В 1973 г. вышел третий университетский учебник криминалистики, принадлежащий перу Брунона Хольста³⁸. Прежде чем дать определение предмета криминалистики, автор анализирует определения своих предшественников и делит их на четыре группы: 1) определения, в которых криминалистика не признается самостоятельной наукой; 2) определения, сводящие криминалистику к сумме технических вопросов; 3) определения, включающие в предмет криминалистики, наряду с тактикой и техникой расследования, тактику и технику преступника; 4) определения, зависящие от задач, решаемых криминалистикой. На основе этого анализа Б. Хольст предлагает свое

³⁶ Липчиньска М. Учебник криминалистики глазами процессуалиста. — Проблемы криминалистики, № 61-62, с. 538 (на польск. яз.).

³⁷ Ханаусек Т. Очерк криминалистической теории раскрытия, ч. 1. Варшава, 1978, с. 27 (на польск. яз.).

³⁸ Хольст Б. Криминалистика. Варшава, 1973; изд. 2-е, 1975 (на польск. яз.). Дальнейшее изложение ведется по второму изданию этого учебника.

определение предмета криминалистики как науки “о методах установления факта преступления, способах его совершения, обнаружения преступников и предупреждения преступлений”.

По мнению Б. Хольста, криминалистика является сугубо практической наукой, задачи которой могут быть решены лишь путем изучения способов преступной деятельности, при этом доминирующую роль в криминалистике играет тактика, которая реализует цели криминалистики с помощью технических средств.

Криминалистика служит практике, однако необходимым элементом, определяющим ее развитие, является теория. Исходным принципом при построении системы криминалистики для Б. Хольста служит мнение, что “всякая наука, понимаемая как сумма проверенных экспериментальных данных, которые позволяют сформулировать определение предмета исследования и обнаружить законы, управляющие явлениями, ведет свое начало от индукции, но на ней не останавливается, потому что беспредметным было бы выведение законов, из которых не вытекают бы дедуктивные выводы для общей или некоторой группы явлений...”

В системе криминалистики Б. Хольст усматривает три части: проблематика преступных методов, проблематика следственных методов, проблематика профилактических методов. Она в определенном смысле напоминает намеченную, хотя и неразвитую, систему В. Гутекунста. Автор прямо не говорит об этом, но можно полагать, что эти три группы соотносятся примерно так же, как у Гутекунста, с тактикой и техникой.

По мнению Т. Ханаусека, “определение Б. Хольста лаконично, хотя из него и не видно, понимает ли автор под “обнаружением” форму или результат действия. В сущности, для Б. Хольста наиболее важным оказывается получение доказательственного материала”³⁹.

Концепция “новой криминалистики” Т. Ханаусека является одним из наиболее оригинальных теоретических построений в современной польской криминалистике.

Еще в 1971 г. Т. Ханаусек, подобно своим предшественникам, определяет криминалистику как “науку о тактических принципах и мероприятиях, а также о технических методах и средствах обнаружения, фиксации, исследования и использования всех источников информации, а также самой информации о лицах и явлениях”. Целью криминалистики он считал “разработку методов и средств, служащих для: а) познания объективной истины о происшествиях и их обстоятельствах, а также о лицах, связанных с этими происшествиями; б) использования результа-

³⁹ *Ханаусек Т.* Указ. раб., с. 28.

тов познания этой истины для реализации определенных законом целей, главным образом для целей уголовного процесса”⁴⁰. Но уже тогда его, видимо, перестает удовлетворять такая обращенность криминалистики к прошлому и он замечает: “...классическая криминалистика приспособлена к исследованию только того, что произошло; очень редко ее можно использовать для предупреждения того, что может произойти”⁴¹.

В 1973 г. он приходит к выводу, что криминалистика находится в “состоянии кризиса, проявившегося в одних странах в 30-е гг., а в других еще продолжающегося”. Это “состояние кризиса”, по мнению автора, вызвано следующими причинами:

- ◆ развитием и использованием криминалистических знаний только в сфере потребностей уголовного преследования (в таком классическом понимании криминалистика служит только тому, что уже случилось, но не предупреждению того, что может произойти);
- ◆ пониманием криминалистики только как криминалистической техники;
- ◆ постепенным отдалением криминалистических исследований от потребностей современной жизни;
- ◆ отсутствием анализа и определения потребностей, вытекающих из реального состояния общественно-политических условий, из реальных условий жизни.

“В социалистическом обществе, — пишет в той же статье Т. Ханаусек, — соблюдение закона не может пониматься исключительно как правильное применение уголовно-правовых законов, когда уже произошло нарушение права. В социалистическом государстве охрана правопорядка — это прежде всего недопущение его нарушения. В этих целях органы охраны общественного порядка и безопасности могут и должны использовать криминалистические знания. Именно криминалистическая наука в состоянии выработать принципы и методику организации комплексных профилактических мероприятий. Криминалистика может также указать, какой должна быть действенная система охраны общественного имущества от краж и бесхозяйственности”⁴².

⁴⁰ **Адамчак С., Ханаусек Т., Ярош Я.** Криминалистика. Избранные лекции, ч. 1. Краков, 1971, с. 8 (на польск. яз.).

⁴¹ **Ханаусек Т.** Перспективы развития криминалистической деятельности, связанной с местом происшествя. — *Nove pravo*, 1971, № 7-8, с. 1132 (на польск. яз.).

⁴² **Ханаусек Т.** Криминалистика на службе охраны общественного порядка и безопасности. — Служба ГМ, 1973, специальный номер, сс. 27-28 (на польск. яз.).

Базируясь на этих исходных положениях, Т. Ханаусек считает, что в криминалистике следует различать:

- I. **Основные разделы:** технику, тактику и стратегию.
- II. **Области применения:** профилактику; раскрытие преступлений и лиц, их совершивших; доказывание виновности преступника.
- III. **Профилирующие отрасли:** этиологию, симптоматологию, виктимологию.
- IV. **Главные направления** применения криминалистических знаний: оперативные мероприятия; процессуальную деятельность; криминалистическую экспертизу; использование знаний специалистов.

Будущее криминалистики автор видит в разработке:

- ◆ а) **стратегии** как раздела науки, в рамках которого вырабатываются принципы долгосрочных действий органов охраны общественного порядка и безопасности по борьбе с преступностью. Криминалистическую стратегию должны определять прогнозируемые направления и формы развития преступности; знание конкретных местных условий; определение главных направлений и форм профилактической и репрессивной деятельности; принципы разработки долгосрочных тактических действий органов безопасности;
- ◆ б) **криминалистической доктрины**, задача которой состоит в упорядочении многих еще нечетко сформулированных понятий, отношений и связей между разделами, отраслями, направлениями деятельности и направлениями применения криминалистического знания⁴³.

Развивая эти взгляды, Т. Ханаусек уточнил понятие криминалистики, понимаемой им теперь как наука о тактических принципах и способах, технических методах и средствах обнаружения и раскрытия конкретных преступных проявлений и преступников, доказывания связей, существующих между виновными и явлениями, а также предупреждения криминалистических факторов преступности и других вредных для общественного развития явлений методами стратегического предвидения их возникновения и развития⁴⁴. В этом аспекте Т. Ханаусек и разрабатывает криминалистическую теорию методики обнаружения преступников.

Т. Ханаусек считает криминалистику правовой наукой, входящей в группу уголовно-правовых наук, т.е. наук, которые в различных аспектах изучают преступность и виновность. От других наук этой группы, кроме

⁴³ Там же, с. 34.

⁴⁴ **Ханаусек Т.** Модель процесса установления личности преступника. — Штудия криминологична, криминалистична и пенитенциарна, т. 1. Варшава, 1971 (на польск. яз.).

криминологии, криминалистику отличает метод. Основа этого метода одинакова и для криминалистики, и для криминологии, почему строгое дифференцирование этих двух наук и сопряжено с определенными трудностями. Общность проявляется в области симптоматики преступления. Но жесткое отделение криминалистики от криминологии нецелесообразно ни с методологической, ни с практической точек зрения⁴⁵. Можно полагать, что эти взгляды Ханаусека объясняют наличие в его концепции значительного числа, с нашей точки зрения, криминологических элементов, нередко включаемых им в криминалистическую материю без акцентирования внимания на источнике их происхождения.

Т. Ханаусек констатирует наличие расхождений между уголовным процессом и криминастикой, особенно по вопросам оценки значения признания обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении, некоторых обязанностей и прав подозреваемых и т. п. Он решительный сторонник устранения этих расхождений путем, в частности, признания в уголовном процессе значения результатов оперативной работы, а также путем нового подхода к вопросу об использовании в судопроизводстве таких средств криминалистической техники, как полиграф и магнитофон⁴⁶.

Уже одно изложение теоретических концепций польских криминалистов свидетельствует о том широком диапазоне, в котором ведутся в Польше общетеоретические исследования основ криминалистики. Не останавливаясь специально на работах практического направления, заметим лишь, что не менее активно польские криминалисты разрабатывают проблематику частных криминалистических теорий и комплексные рекомендации практике. Польская криминалистика быстро и ощутимо увеличивает свой потенциал⁴⁷.

Концепция Камила Сучиу (Румыния). Об общетеоретических взглядах этого ученого мы судим по вводным разделам его учебника по кримина-

⁴⁵ **Ханаусек Т.** Место криминалистики в системе уголовно-правовых наук. — Научные тетради Ягеллонского университета, т. ССССХХV, правовые работы, с. 74 (на польск. яз.).

⁴⁶ **Ханаусек Т.** Некоторые аспекты работы с подозреваемым в свете криминалистики и уголовного процесса. — Научные тетради Академии внутренних дел, № 15. Варшава, 1974 (на польск. яз.).

⁴⁷ См. **Постика И. В.** Общие положения теории криминалистической идентификации в европейских социалистических странах. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 23, Киев, 1981; вып. 24, Киев, 1982; **Постика И. В.** Научные исследования в области криминалистики в восточноевропейских странах. — Там же, вып. 40, Киев, 1990.

листике, представляющего собой университетский курс лекций для студентов юридического факультета⁴⁸.

К. Сучиу определяет криминалистику как науку, «которая разрабатывает научно-технические и тактические методы и средства обнаружения, фиксации и исследования следов преступления и изобличения преступников, а также предупреждения преступлений».

Сложность и различная природа следов преступления вызывает необходимость изыскания различных научно-технических методов и средств работы с ними. Эти методы и средства применяются как при изучении места происшествия, так и при исследовании доказательств в лабораторных условиях. От их эффективности и степени овладения ими работниками органов уголовного преследования зависит конечный результат расследования. Использование научно-технических методов расширяет возможности обнаружения доказательств, которые в противном случае могут оказаться вне поля зрения следователя.

Тактико-криминалистические методы направлены на обеспечение надлежащей организации расследования и его успешное осуществление. Разработка тактических методов основывается на изучении опыта органов расследования, способов совершения преступлений и использовании психологических данных о поведении преступника и потерпевшего от преступления. С их помощью при наличии минимальных исходных данных определяются направление расследования и необходимые следственные действия.

Технико-криминалистические средства делятся на две категории: инструменты и материалы, необходимые для работы на месте происшествия, и оборудование и материалы, которые используются в криминалистических лабораториях⁴⁹.

Криминалистические средства и методы не регламентированы законом, но основаны на нем и применяются в строгом соответствии с нормами уголовно-процессуального права.

⁴⁸ Сучиу К. Криминалистика, ч. 1. Бухарест, 1963 (на рум. яз.).

⁴⁹ В 1948 г. после реформы высшего образования в Румынии криминалистика была введена в качестве самостоятельной дисциплины в учебный план юридического факультета университета. К этому же периоду относится и организация первой криминалистической лаборатории на юридическом факультете Бухарестского университета. В 1956 г. создается институт криминалистики Генеральной прокуратуры, а в 1958 г. — криминалистическая лаборатория МЮ. У этих ведомств, а также в МВД существует сеть кабинетов криминалистики и лабораторий во всех областях страны.

Задачами криминалистики являются способствование раскрытию преступлений и изобличению преступников и решение технических вопросов предупреждения преступлений.

Для разработки мер предупреждения преступлений первостепенную роль играет изучение практики расследования преступлений и способов их совершения, а также учет технических возможностей предупреждения преступлений на современном уровне работы в этой области.

К. Сучиу широко трактует криминалистические средства и методы предупреждения преступлений, относя к ним:

- ◆ уголовную регистрацию преступников, неопознанных трупов, похищенных и утерянных животных и вещей;
- ◆ регистрацию способов совершения преступлений;
- ◆ средства защиты документов от подделки, в том числе средства защиты денег и ценных бумаг;
- ◆ меры по предупреждению пожаров;
- ◆ правила дорожного движения, направленные на предупреждение дорожно-транспортных происшествий;
- ◆ меры по обеспечению безопасности труда;
- ◆ экономический и финансовый контроль;
- ◆ техническую подготовку работников милиции.

К. Сучиу придерживается трехчленной системы науки, подразделяя криминалистику на технику, тактику и специальную методику расследования отдельных видов преступлений.

Методологической основой криминалистики является диалектический материализм. Этот всеобщий метод познания проявляется в криминалистике в формах изучения и обобщения опыта расследования преступлений, способов их совершения в их связи с условиями совершения преступлений и механизмами образования их следов, а также в форме изучения и применения данных других наук, в том числе и юридических. В материалистической диалектике и использовании ее законов и категорий — залог развития криминалистики.

Криминалистика — самостоятельная наука. Она тесно связана, с одной стороны, с юридическими науками, с которыми ее объединяет общая цель защиты общества от преступных посягательств, с другой — с естественными и техническими науками, особенно с психологией, судебной медициной, химией, физикой.

Концепция Богуслава Немеца (Чехия). Криминалистика в довоенной Чехословакии развивалась под сильным влиянием немецких криминалистов Г. Гросса, В. Стерна, Е. Вулффена и других. Их трудами руководствовались сотрудники так называемого Всеобщего главного кримина-

листоческого бюро, которое, помимо экспертной и розыскной практики, занималось изданием некоторых специальных криминалистических журналов, таких, например, как “Служба безопасности” и “Чехословацкий детектив”, и криминалистической литературы. Одним из ведущих криминалистов того периода был Й. Шейнога, чиновник Всеобщего криминалистического бюро. Его перу принадлежали работы “Криминальная психология” (1930), “Криминалистическая тактика” (1932) и “Криминалистическая техника” (1933), в которых он исходит из взглядов немецких психиатров и криминалистов. В 1936 г. Й. Шейнога вместе с другими сотрудниками бюро издал объемную криминалистическую работу “Система научного познания человека и криминалистическое образование”, проникнутую духом германской криминалистики и понимаемого в духе Фрейда психоанализа.

Другим ведущим криминалистом в те годы был И. Челански, известный, главным образом, по книге “Следственные методы службы безопасности” (1932). Книга отражала взгляды автора, считавшего оправданным применение физического насилия в целях получения признания, допускавшего “душевное разложение” преступника и с подчеркнутым пренебрежением относящегося к иным, кроме признания, доказательствам.

Из числа иных работ этого периода (1918-45) следует упомянуть “Учебник криминалистики” Я. Лебеды (1931), “Учебник розыскной тактики” Р. Коштяка (1935) и “Механоскопию” Гавлички (1939). Работы эти имели практическую направленность⁵⁰.

После революции февраля 1948 г. новые органы власти приняли ряд действенных мер к укреплению Корпуса национальной безопасности, на который были возложены, помимо иных, задачи борьбы с преступностью в стране. За десятилетие усилиями преимущественно практических работников был подготовлен ряд пособий учебного и практического характера, которые сыграли существенную роль в деле распространения криминалистических знаний: “Механоскопия”, “Технико-криминалистическая идентификация огнестрельного оружия”, “Технико-криминалистическая диагностика”, “Дактилоскопия”, “Словесный порт-

⁵⁰ Пензеш Л. О некоторых вопросах развития криминалистики в Чехословакии. — Труды ВШ МООП СССР, № 15. М., 1967.

рет и его составление”, “Осмотр места происшествия”, “Тактическая и техническая идентификация лиц и неопознанных трупов” и др.⁵¹

Научно-технический отдел Главного управления общественной безопасности, реорганизованный в 1958 г. в Криминалистический институт, начал издавать “Криминалистический сборник”, ставший трибуной передового опыта следователей и пропагандирующий средства и методы розыскной и следственной работы.

Подведением определенных итогов развития чехословацкой криминалистики на этом этапе послужила работа Б. Немеца “Основы криминалистики”, вышедшая в свет в 1954 г. Это была первая попытка осветить некоторые теоретические вопросы криминалистики, опираясь на определение предмета науки, принятое в советской литературе. Взгляды Б. Немеца получили более развернутое выражение в многотомном “Учебнике криминалистики”, издание которого было начато в 1959 г.

В представлении Б. Немеца система криминалистики выглядит следующим образом⁵²:

К Р И М И Н А Л И С Т И К А		
Криминалистическая тактика	Криминалистическая техника	Вспомогательные науки
1. Учение о преступлении и преступности 2. Процесс расследования 3. Изучение способов совершения конкретных преступлений 4. Обобщение опыта расследования уголовных преступлений и его использование в практике расследования 5. Уголовный учет и статистика		1. Судебная медицина 2. Судебная психиатрия 3. Судебная химия 4. Антропология 5. Биология 6. Психология

⁵¹ Пензеш Л. К некоторым вопросам развития и современного состояния криминалистики и обучения криминалистов в Чехословакии. — Бюллетень чехословацкого права, 1972, № 3-4, с. 244.

⁵² Учебник криминалистики. Т. 1, кн. 1. Прага. 1959, с. 22 (на чешск. яз.).

Идентификация лиц	Идентификация вещей	Диагностика
1. Дактилоскопия 2. Почерковедение 3. Сигналетическая фотография 4. Словесный портрет 5. Некоторые разделы биологии и антропологии	1. Механоскопия 2. Экспертиза огнестрельного оружия 3. Идентификация обуви, протекторов и т. д. 4. Идентификация пишущих машин 5. Некоторые разделы графической экспертизы	1. Металлография 2. Дефектоскопия 3. Химическая экспертиза 4. Некоторые разделы графической экспертизы 5. Исследование природы разных материалов

Отвечая на вопрос, что собой представляет криминалистика как наука, Б. Немец приводит определение Большой советской энциклопедии (т. 23): «Криминалистика — юридическая дисциплина, изучающая методику, тактику и технику расследования преступлений», а затем цитирует определение криминалистики, содержащееся в учебнике для юридических школ А. И. Винберга и Б. М. Шавера (1949). Не комментируя его, Б. Немец специально вопрос о предмете науки и ее природе не исследует, но подробно останавливается на системе криминалистики. По его мнению, она состоит из трех неразрывно связанных между собой частей: криминалистической техники, криминалистической тактики и вспомогательных наук. Содержание криминалистики составляют специальные научно-технические способы и средства, разрабатываемые криминалистикой для обнаружения и расследования преступлений, обнаружение, розыск судебных доказательств, их фиксация, сохранение и исследование.

Методом криминалистики Б. Немец считал материалистическую диалектику. Говоря о задачах криминалистики — разработке методов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, — Б. Немец подчеркивал, что это относится в первую очередь к методам борьбы с наиболее опасной и многочисленной группой преступлений, в том числе с хищениями имущества, преступлениями против жизни и здоровья, против нравственности⁵³.

Я. Пешак, отмечая положительное значение работ Б. Немеца для того периода развития чехословацкой криминалистики, указывает, что эмпиризм характерен и для определений предмета криминалистики,

⁵³ Там же, сс. 29-31.

которые приводятся в чехословацких учебниках по уголовному процессу 1958 и 1963 гг. В первом из них криминалистика определялась как наука о «профессиональных способах и методах выявления, накопления и изучения доказательств всякого рода, используемых при раскрытии уголовных преступлений, а также при розыске, установлении идентичности и изобличении лиц, совершивших преступления». Во втором дается, по сути, аналогичное определение лишь с дополнением в части предупреждения преступлений⁵⁴.

Исследование теоретических основ криминалистики в определенной степени тормозилось в Чехословакии распространенным среди ученых-юристов мнением о том, что криминалистика не является самостоятельной наукой и даже наукой вообще, а представляет опосредствование некоторых сведений из области естественных и технических наук применительно к нуждам борьбы с преступностью. Решительный отпор этим взглядам и убедительное доказательство самостоятельности криминалистики как системы научных знаний были даны выдающимся чехословацким криминалистом Я. Пещаком.

Концепция Яна Пещака. Уже в 1960 г. Я. Пещак формулирует свое отношение к предмету криминалистики, ее природе и месту в системе научного знания. В статье «О предмете социалистической криминалистики» (Криминалистический сборник, 1960, № 2) он определяет криминалистику следующим образом: «Социалистическая криминалистика, как самостоятельная наука, способствует охране общественных отношений, выгодных и удобных рабочему классу и остальным трудящимся, от общественно опасных действий тем, что она разрабатывает в соответствии с потребностями уголовного судопроизводства и в условиях строгого соблюдения требований уголовно-процессуального кодекса технические средства, тактические приемы и методы обнаружения, собирания, фиксации и исследования доказательств для успешного расследования преступлений и изобличения преступников, а также для предотвращения преступлений»⁵⁵.

Я. Пещак в этой статье убедительно доказывает, что криминалистика является самостоятельной наукой, но отрицает ее принадлежность к числу правовых наук. Однако не рассматривает ее и как техническую

⁵⁴ Пещак Я. Общетеоретические проблемы криминалистики. М., 1977, сс. 12-13.

⁵⁵ Приведенное определение и характеристика статьи излагаются нами по кн.: Винберг А. И. Вопросы криминалистики в зарубежных социалистических странах. М., 1966, сс. 15-18.

науку. В то же время он всячески подчеркивает наличие тесных связей криминалистики с уголовным и уголовно-процессуальным правом.

Рассматривая криминалистику в широком смысле, Я. Пещак полагает, что ее составными частями следует считать судебную медицину, судебную химию, судебную психиатрию и другие науки, которые Б. Немец отнес по своей классификации к числу вспомогательных наук.

Этот набросок своей концепции Я. Пещак развил в монографии «Введение в криминалистику», вышедшей в 1965 г.⁵⁶

Придерживаясь сформулированного им ранее определения предмета криминалистики, Я. Пещак в этой книге приводит развернутую аргументацию своих взглядов на связь криминалистики с правовыми науками и на ее отличие от них по задачам и методам их решения: «...уголовное право и уголовно-процессуальное право регламентируют порядок определения наказаний за совершенные посягательства и систему органов уголовного разбирательства, криминалистика же разрабатывает методы и соответствующие им средства, порядок и операции для раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, в частности, для установления, изъятия, постоянного сохранения и исследования вещественных доказательств» (с. 24).

Задачами науки криминалистики автор считает совершенствование криминалистических средств и методов, решительную борьбу с «родимыми пятнами» прошлого в криминалистической практической деятельности и научных исследованиях, в том числе с неправильными методами в расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел и более последовательное использование новейших достижений науки и техники.

Я. Пещак последовательно проводит мысль о различии методов криминалистического научного познания (криминалистической науки) и методов криминалистической практической деятельности. Он показывает важность для криминалистики изучения способов совершения и сокрытия преступлений. В качестве методов практической деятельности автор назвал планирование работы при обнаружении, расследовании и предупреждении преступлений, следственные версии и некоторые другие⁵⁷.

⁵⁶ Пещак Я. Введение в криминалистику. Прага, 1965 (на чешск. яз.).

⁵⁷ В том же 1965 г. Академией наук ЧССР была издана монография Я. Пещака «Следственные версии. Криминалистическое исследование» — фактически первая монографическая криминалистическая работа в ЧССР, основанная на материалистической методологии и теории познания. В 1976 г. эта работа была издана на русском языке издательством «Прогресс» (под ред. А. Р. Ратинова).

Продолжая свои исследования, Я. Пешак изложил свою концепцию в систематизированном виде в докторской диссертации «Общетеоретические проблемы криминалистики» (1974), положив ее в основу написанных им общетеоретических глав университетского учебника (1976) и опубликованной по материалам диссертации монографии «Общетеоретические проблемы криминалистики» (1977). Основные положения его концепции заключались в следующем⁵⁸.

I. Новый подход к методологическим проблемам криминалистики дает возможность, прежде всего, глубоко разработать конструкцию общей теории криминалистики. Правильное понимание сущности общей теории криминалистики и ее методологической функции позволяет охарактеризовать реальные процессы и результаты их научного познания и по-иному взглянуть на предмет криминалистики, что имеет значение как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Криминалистика изучает, главным образом, две группы объективных закономерностей действительности, составляющих предмет этой науки: закономерности возникновения и исчезновения судебных доказательств и иных фактических данных, имеющих криминалистическое значение, и закономерности обнаружения, исследования и использования доказательств и других объектов, имеющих значение с криминалистической точки зрения, в интересах быстрого, полного и объективного обнаружения, расследования и предотвращения преступной деятельности.

На основе познания указанных двух групп закономерностей криминалистика разрабатывает единую систему методов, средств, операций и приемов эффективной борьбы с преступностью.

В предмет криминалистики следует включать (в определенных пределах) и проблематику предупреждения преступлений криминалистическими средствами и методами и вопросы об определении места оперативно-розыскных мероприятий в процессе обнаружения и расследования преступной деятельности, о соотношении оперативно-розыскной деятельности с расследованием, о взаимодействии следственных и оперативных аппаратов, о методах и соответствующих им средствах, способах и операциях по осуществлению оперативно-розыскной деятельности.

II. Аргументы, высказываемые сторонниками признания криминалистики правовой наукой, неубедительны. Столь же неубедительны и те доводы, которые направлены на утверждение несамостоятельного значения криминалистики.

⁵⁸ Концепция Я. Пешака излагается нами по его докторской диссертации и указанной монографии, изданной на русском языке Академией МВД СССР.

Криминалистика — самостоятельная неюридическая наука, теснейшим образом связанная с правом и с правовой наукой.

На самостоятельность криминалистической науки не отражается и ее теснейшая связь с естественными и техническими науками. Более того, если понимать криминалистику в широком смысле, то следует признать, что в ее состав входят судебная медицина, судебная психиатрия, судебная психология, судебная химия и др. «С развитием науки и техники изменяются способы совершения преступлений, что обуславливает в известной степени изменение способов их раскрытия и расследования. В связи с этим возникают и развиваются отдельные отрасли криминалистической науки, которые со временем приобретают относительно самостоятельный характер. Каждая такая отрасль начинает ставить перед собой задачи, уже выходящие за рамки предмета криминалистики. В то же время они сближаются с той отраслью знаний, данные из которой, заимствованные в свое время криминалистикой, и послужили основой для их развития. Так произошло, например, с судебной медициной, судебной психологией, судебной психиатрией. Однако эти отрасли криминалистики, став относительно независимыми, с нашей точки зрения, не утрачивают при этом своего преимущественно криминалистического характера, что дает нам основание считать их и впредь составной частью криминалистики в широком смысле слова»⁵⁹.

Можно следующим образом определить понятие криминалистики:

Криминалистика — это наука, содействующая охране общественных отношений от преступных посягательств тем, что она познает и объясняет закономерности возникновения, собирания, исследования и использования доказательств и разрабатывает на этой основе в соответствии с нуждами и требованиями уголовного права и уголовного процесса средства, методы и соответствующие им формы, действия и операции по успешному разоблачению, расследованию и предупреждению преступной деятельности.

III. Система криминалистики складывается из трех частей.

Первую часть составляет введение в науку, где рассматриваются предмет и система криминалистики; методы криминалистического научного познания; общественная функция криминалистики, ее задачи, тенденции и перспективы развития, отношение к концепциям криминалистики в других странах и к криминалистическому наследию вообще.

Вторая часть науки — криминалистические методы раскрытия, расследования и предупреждения уголовных преступлений. Здесь идет

⁵⁹ *Пещак Я.* Общетеоретические проблемы криминалистики, сс. 38-39.

речь об основных принципах и целях криминалистической практической деятельности, о предпосылках и возможностях успешного выполнения ее задач, об отдельных криминалистических методах и путях их применения и об использовании криминалистических методов в совокупности.

Третья часть науки — методика раскрытия, расследования и предупреждения отдельных видов преступлений. Здесь излагаются основные принципы этой методики и описываются отдельные методики применительно к типичным способам совершения и сокрытия преступлений.

IV. Задачами криминалистики являются:

- ◆ разработка актуальных вопросов совершенствования криминалистических методов эффективной борьбы с преступностью, целенаправленное и последовательное использование новейших достижений науки и техники;
- ◆ пересмотр в условиях дальнейшей демократизации общества системы методов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений с целью постепенного привлечения все более широких слоев населения к непосредственному участию в этой области общественной практики.

V. В основе методов криминалистических научных исследований лежит диалектический метод — всеобщий метод познания природы и общества. “На первый план выступают прежде всего следующие три черты методологической функции... философии: во-первых,... философия помогает криминалистам правильно наметить общие направления своей работы, во-вторых,... философия вооружает криминалистов всеобщим методом познания и этим ускоряет их работу, в-третьих,... философия помогает криминалистам правильно оценить результаты своих теоретических исследований”⁶⁰.

Сказанное не исключает существования специфических методов криминалистической науки. Это, во-первых, общенаучные методы, приобретающие определенные специфические черты при их применении в криминалистике, и, во-вторых, специальные методы — собственно криминалистические или заимствованные криминалистикой из других областей знания. К числу собственно криминалистических методов Я. Пещак относит исследование и обобщение судебно-следственной практики в целях разработки криминалистических методов раскрытия, расследования и предотвращения преступлений и творческое применение и использование в тех же целях новейших достижений иных наук. Каждый из

⁶⁰ Там же, с. 53.

специфических методов практической деятельности представляет собой определенную систему методических, тактических и технических приемов, средств и операций и служит инструментом интеграции результатов, полученных на отдельных этапах процесса раскрытия, расследования и предотвращения конкретных преступлений.

Таковы основные черты общетеоретической концепции Я. Пещака. В значительной степени под ее влиянием разрабатываются и частные криминалистические теории, а также методы и рекомендации практике. В этой области следует упомянуть работы М. Противинского, относящиеся к учению о механизмах слепообразования и к тактике предъявления для опознания⁶¹, работы других авторов, содержащие тактические и методические рекомендации⁶², многочисленные работы в области использования в криминалистической экспертизе ЭВМ, идентификации оружия, использования (и исследования) микрообъектов, фотограмметрических методов, расследования пожаров, взрывов, работы по вопросам борьбы с рецидивной преступностью и др.⁶³

Концепция Владо Водинелича (Югославия). В 1970 г. был издан учебник по криминалистике для практических работников органов безопасности и юстиции и студентов юридических факультетов В. Водинелича, бывшего в то время директором Криминалистическо-криминологического института им. Ивана Вучетича юридического факультета Сплитского университета⁶⁴. В 1987 г. вышло шестое, дополненное и переработанное издание этого учебника⁶⁵, в котором автор развил свою концепцию криминалистики.

В. Водинелич определяет криминалистику как науку, «которая изучает, изыскивает и усовершенствует научные и обоснованные практическим опытом методы и средства, наиболее оптимальные для решения

⁶¹ **Противински М.** Криминалистические следы. Исследование методологических основ криминалистического учения о следах. Прага, 1976; **Противински М.** Предъявление для опознания на предварительном следствии. Прага, 1971 (на чешск. яз.).

⁶² **Гержманек И.** Осмотр места преступления. Прага, 1973; **Выходил М.** Реконструкция преступления. Прага, 1972; **Прерад В.** Следственный эксперимент. Прага, 1972; **Валик М.** Вопросы развития криминалистической регистрации. Прага, 1973; **Пензеш Л.** Методика расследования краж. Прага, 1972; **Соукуп Я.** Самооговор и ложное признание. Прага, 1973 (все работы на чешск. яз.).

⁶³ См. **Постика И. В.** Научные исследования в области криминалистики в восточно-европейских странах, сс. 122-123.

⁶⁴ В настоящее время г. Сплит входит в состав Республики Хорватия.

⁶⁵ **Водинелич В.** Криминалистика. Белград, 1987 (на сербо-хорватском яз.). Концепция В. Водинелича излагается по этому изданию.

задач раскрытия и расследования уголовных преступлений, установления виновного для применения к нему уголовных санкций, собирания и фиксации всех доказательств с целью установления объективной истины, а также предотвращения будущих преступлений”.

Криминалистику условно можно разделить на превентивную и репрессивную. Превентивная криминалистика усовершенствует и разрабатывает технические средства предупреждения преступлений. Она играет вспомогательную роль по отношению к социальной и уголовной политике, определяющим общие профилактические меры. Следует признать, пишет В. Водинелич, что превентивная криминалистика находится еще только на исходных рубежах, тогда как репрессивная криминалистика ушла неизмеримо дальше нее.

В. Водинелич обходит вопрос о природе криминалистики, но подчеркивает ее тесную связь с уголовным и уголовно-процессуальным правом. Он активный сторонник применения криминалистики в суде и аргументированно доказывает важность использования ее положений не только оперативными работниками и следователями, но и судьями и адвокатами. Он считает необходимым, чтобы суд непосредственно исследовал, оценил те криминалистические средства и методы, которые были применены следователем, а для этого знал их и владел ими.

Криминалистика наполняет реальным содержанием правовые нормы как в сфере уголовного, так и гражданского судопроизводства. Возникнув как полицейская дисциплина, она все в большей степени становится наукой о методах доказывания, наукой о предварительном и судебном следствии и предупреждении преступлений. Она состоит из криминалистической техники и криминалистической тактики.

Криминалистическая техника изучает и разрабатывает на базе естественных и технических наук наиболее эффективные технические средства и методы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Криминалистическая тактика рассматривает формы, в которых проявляются уголовные преступления, и способы их совершения, не связанные с техникой правила и рабочие методы раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, связи с техникой (“Тактика вдыхает жизнь в технику”).

Формы проявления уголовных преступлений заключаются в их разновидностях и способах совершения. При этом под уголовной техникой и уголовной тактикой понимаются методы и средства, применяемые преступниками в процессе подготовки, совершения и сокрытия преступлений. Криминалистическая тактика состоит из трех элементов: криминальной феноменологии, общей тактики и специальной тактики или методики.

Криминальная феноменология, естественно, не имеет ничего общего, кроме сходства в названии, с феноменологией как философским учением. Криминальная феноменология изучает, обобщает и систематизирует формы проявления преступности (криминальная морфология), проявление свойств личности преступника (криминография), знания о явлениях, сопутствующих отдельным видам преступлений. Это необходимо потому, что криминалистика исходит из того, что техника и тактика преступника обуславливают средства и методы, используемые криминалистической теорией и практикой для борьбы с преступностью.

Общая тактика изучает и разрабатывает основные правила и рабочие методы, типичные для раскрытия и расследования всех преступлений, без различия их видов.

Специальная тактика (методика) изучает особенности (специфику) раскрытия и расследования отдельных видов преступлений. Методика — это специализированная криминалистика. Отношения между общей и специальной тактикой (методикой) аналогичны отношениям между общей и особенной частями уголовного права.

Теоретические рекомендации общей тактики и техники дают лишь правильную ориентацию для организации расследования. В методике же меньше абстрактного, она конкретна. Она учит конкретному методу расследования определенных преступлений, исследует, какие технические средства и тактические методы целесообразно при этом использовать. Методика обогащает всю криминалистику. Но криминалистика — это не сумма знаний, а единое целое. Поскольку в криминалистике используются данные, относящиеся к различным наукам, В. Водинелич считает криминалистику комплексной наукой, но наукой самостоятельной, а не частью другой области знаний.

Метод криминалистики обусловлен ее предметом, содержанием и целями. Изучая преступления, преступников и деятельность по борьбе с преступностью, криминалистика встречается с жизненными процессами и явлениями, которые базируются на определенных закономерностях. Метод криминалистики заключается в изучении и использовании этих закономерностей таким способом, что обобщенная материя представляется в виде систематизированных рекомендаций практике. Общим же методом познания в криминалистике, как и в других науках, является материалистическая диалектика.

На основе криминальной феноменологии (криминальной морфологии и криминографии) и изучения опыта борьбы с преступностью, деятельности на всех этапах уголовного судопроизводства криминалистика приспособливает знания и данные иных наук к потребностям и целям следственной и судебной процедуры, разрабатывает методы криминалистической идентификации, создает свои особые методы обнаружения,

фиксации, исследования и оценки доказательств (осмотр, наблюдение, измерение, описание, сравнение, эксперимент, экспертиза и др.), формулирует основные тактические принципы доследственной и следственной процедуры. Такими принципами являются:

- ◆ принцип свободы выбора технико-тактических средств и приемов в ходе процесса и принцип их соответствия реальности;
- ◆ принцип методичности и планирования;
- ◆ принцип критического подхода к реальности;
- ◆ принцип оперативности (быстрота и внезапность);
- ◆ принцип обоснованности решений и настойчивости в их осуществлении;
- ◆ принцип объективности;
- ◆ принцип единого руководства мероприятиями;
- ◆ принцип взаимодействия и сотрудничества (единства акций);
- ◆ принцип экономичности;
- ◆ принцип сохранения служебной тайны (конспирации);
- ◆ принцип гуманизма.

К объектам криминалистики, помимо расследования и судебного разбирательства, В. Водинелич относит и оперативно-розыскную деятельность, и патрульную службу органов безопасности, то есть весь процесс обнаружения, раскрытия, расследования преступлений и разрешения дела судом по существу.

Из предпринятого нами краткого обзора теоретических концепций криминалистов стран Восточной и Центральной Европы и некоторых практических их реализаций следуют такие выводы общетеоретического характера:

I. Система методов криминалистики понимается единообразно, повторяя в основных чертах принятую в нашей отечественной криминалистике; аналогично нашим представлениям понимается роль и значение общей теории криминалистики.

II. Различия в представлениях о системе криминалистической науки можно объяснить, как нам кажется, двояко. С одной стороны, здесь бесспорно играет роль традиция, особенно в тех случаях, когда высказывается мнение о том, что криминалистика состоит лишь из криминалистической техники и тактики, а также и тогда, когда в состав криминалистики включают — с оговорками или без них — судебную медицину, судебную психиатрию, судебную химию и иные науки. С другой стороны, здесь можно усмотреть попытки по-новому построить систему науки, исходя из изменившихся представлений о предмете криминалистики.

III. Существенное значение имеют расхождения во взглядах на природу криминалистической науки при единодушном признании ее самостоятельности. Однако эти расхождения в одних случаях также связаны с традицией, когда трудно объяснить правовую природу всех включенных в криминалистику областей знания (например, судебной медицины или судебной химии) и приходится либо обходить вопрос о природе криминалистики молчанием, либо отвергать ее юридический характер. В других же случаях криминалистика объявляется неправовой наукой по соображениям практического характера, о чем пишут некоторые авторы.

IV. Можно отметить значительный прогресс в области разработки общетеоретических начал криминалистики и высокий уровень прикладных научных криминалистических исследований, чему в немалой степени способствовали активные творческие связи криминалистов этих стран и советских криминалистов. Примером таких связей служит издание коллективной монографии «Социалистическая криминалистика» (М., 1986), совместных советско-болгарского и советско-чехословацкого вузовских учебников по криминалистике (под ред. Р. С. Белкина и И. Вакарелского, София, 1972; Я. Пещака и Р. С. Белкина, Прага, тт. 1-2, 1984, т. 3, 1985). К сожалению, перемены в этих странах привели к нарушению, а в ряде случаев — и вообще к прекращению этих связей.

16.2. Теоретические основы криминалистики стран Западной Европы и США

Прошло более ста лет с тех пор, как Г. Гросс, объявленный впоследствии основоположником криминалистики, определил ее как учение о реальностях уголовного права, предметом которого являются способы совершения и раскрытия преступлений, как самостоятельную, хотя и вспомогательную по отношению к уголовному и уголовно-процессуальному праву, науку, которая «должна идти своей собственной дорогой, и соответственно ее природе этот путь носит естественнонаучный характер»⁶⁶.

Спустя 40 лет другой выдающийся ученый-криминалист, Эдмонд Локкар, отдав должное труду Гросса, заявил, что криминалистика, или, как он ее назвал «полицейская техника», «есть, собственно говоря, искусство».

⁶⁶ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908, с. IX.

во, а не наука, так как ее содержание образуют методы,... а не законы”, что это “совокупность методов, заимствованных из биологии, физики, химии и в очень незначительном количестве из математики (теоремы криптографии) и дающих возможность устанавливать доказывающие преступления улики”⁶⁷. Эти слова были сделаны достоянием читателей в 1931 г. С тех пор прошло уже свыше полувека. Что же представляет собой сейчас криминалистика на Западе? Как далеко она ушла по пути, который должен был утвердить ее именно как науку, — по пути создания собственной теоретической базы, определения предмета познания и места в системе наук? Или же она осталась “полицейской техникой”, конгломератом, хотя и полезных, но случайных сведений?

К сожалению, достаточно исчерпывающего ответа на этот вопрос в отечественной криминалистической литературе мы не найдем. В кратких очерках о буржуазной криминалистике неизменно провозглашалась ее реакционная сущность и направленность, показывалась ее роль как орудия господства буржуазии, как средства, используемого буржуазным государством для борьбы с революционным движением, с прогрессивными элементами общества. При этом само содержание буржуазной криминалистики обычно показывалось через полицейскую карательную практику применения криминалистических средств и приемов⁶⁸, как правило, без анализа исходных теоретических посылок науки. На них обращалось внимание лишь в очень редких случаях, преимущественно по частностям и тогда, когда показывали, как наука обосновывает и оправдывает применение антигуманных, варварских, противоречащих провозглашенным буржуазией же принципам правосудия, средств и методов расследования и судебного разбирательства. Иногда приводились взгляды отдельных ученых-криминалистов.

В ограниченных предметом нашего исследования рамках мы попытаемся на основании имеющихся источников ответить на вопросы о том, как определяют сейчас предмет и природу криминалистики сами западные ученые, каково, по их мнению, ее содержание и как они оценивают теоретическую базу этой науки.

Известные нам определения криминалистики, предложенные учеными Западной Европы и Америки, можно разделить на несколько групп.

Первую и, пожалуй, наиболее многочисленную группу составляют определения криминалистики как системы или совокупности методов, заимствованных из других наук. Эти определения несут на себе явную печать взглядов Локара.

⁶⁷ Локар Э. Руководство по криминалистике. М., 1940, с. 9.

⁶⁸ И отождествлялось с этой практикой (чем порою грешили и мы).

“Криминалистикой⁶⁹, — говорится в английской “Краткой энциклопедии преступности и преступников”, — называется применение в судебных процедурах методов медицины и различных естественных наук”⁷⁰. Авторы определения указывают и цели применения этих методов: идентификация личности и вещественных доказательств, как-то пятен крови и т. п., и установление их связи с подозреваемым (идентифицируемым) лицом. В такой интерпретации криминалистика превращается в сумму методик решения идентификационных задач, понимаемых и как индивидуализация объекта, и как установление его групповой принадлежности.

Еще более четко выразил эту идею Шарль Санье, именующий криминалистику научной полицией. С его точки зрения, она “представляет собой применение научных методов при отыскании, предохранении, снятии, исследовании и объяснении следов, оставленных правонарушителем на месте совершения преступления или проступка”⁷¹. Научная полиция не имеет собственного метода, “она использует методы и данные практически всех чистых и всех прочих прикладных наук”, и в этом заключается ее особенность. Более того, добавляет Санье, когда говорят о научной полиции, то речь не идет о науке, имеющей перед собой совершенно точную и всегда одинаковую цель.

В 1963 г. определение криминалистики как формы применения естественных наук к решению задач судопроизводства получило признание Ассоциации криминалистов Калифорнии. 26 мая 1963 г. на 21-ом полугодовом семинаре этой ассоциации в Вентуре (Калифорния), было выработано и утверждено следующее определение: “Криминалистика — это профессия и отрасль науки, направленная к распознаванию, индивидуализации и оценке вещественных доказательств путем применения естественных наук к отраслям юридической науки”⁷².

Это определение было принято на вооружение многими криминалистами, не задумываясь над тем, что, по меткому выражению Б. М. Шавера, наука, занимающаяся только тем, что служит проводником данных других наук, не может называться наукой. От этого определения был только шаг до полного размывания представления о криминалисти-

⁶⁹ Справедливости ради, отметим, что имеют место и терминологические несоответствия: английские термины *criminology* и *criminalistics* вовсе не корреспондируют русским *криминологии* и *криминалистике* соответственно.

⁷⁰ The Concise Encyclopedia of Crime and Criminals. London, 1961, p. 147.

⁷¹ Санье Ш. Научные методы расследования преступлений. Париж, 1954, с. 11 (перевод ВШ МВД СССР).

⁷² Остербург Дж. Какие проблемы должны решать криминалисты. — Criminal Law, Criminology and Police Science (USA), 1968, No. 3, p. 2 (пер. ВНИИ МВД).

ке не только как о науке, но даже как о каком-то систематизированном собрании методов с мало-мальски очерченными границами.

И этот шаг был сделан. Спустя несколько лет Л. В. Брэдфорд заявил, что «криминалистика включает в себя избранные разделы практики аналитической химии, прикладной физики, микроскопии, биохимии, иммунологии, техники, фотографии, а также ряда других фундаментальных наук и практических умений в определенных профессиях»⁷³. За 20 лет до Брэдфорда то же самое, только без употребления всяких перечней и без претензий на научность, заявил Роллин М. Перкинз: «Научное расследование уголовных преступлений означает все, что только может включить в себя этот термин»⁷⁴. Пожалуй, в этой фразе и заключается точная оценка этой группы определений криминалистики.

Определения данного вида нельзя назвать определениями науки. Криминалистика выступает в них как аморфный конгломерат методов и методик различных наук, по сути, ничем не связанных между собой, кроме цели их применения — исследования доказательств или идентификации каких-то объектов. Но эта цель настолько широка, что вокруг нее можно объединить не только методы естественных и технических наук, но и приемы логического мышления и любые исследования преступности и преступников — от социологии и криминологии до судебной медицины и психиатрии, от психоанализа Фрейда до лозоискательства и ясновидения. Локар, определявший свою «полицейскую технику» таким же образом через «чужие» методы, действительно, не мог признать ее наукой.

При таком определении криминалистики неудивительно, что, по словам видного американского криминалиста, профессора Калифорнийского университета Пола Кёрка, криминалистику «плохо понимает огромное большинство людей, включая научных работников. В общем, к ней подходят, скорее, как к детективной работе высокого класса, а не как к серьезной и очень требовательной науке». В другом месте Кёрк замечает, что «тот факт, что ученые мало занимаются криминалистикой, скорее, объясняется тем, что ее не признают за науку как таковую, а не отсутствием людей, способных развивать принципы, действующие в этой синтетической, конгломератной дисциплине»⁷⁵.

⁷³ **Bradford L. W.** Criminalistics looks forward. — *Criminal Law, Criminology and Police Science (USA)*, 1960, No. 1, March, p. 128.

⁷⁴ **Роллин М. Перкинз.** Основы полицейской науки. Чикаго, 1942, с. 15 (пер. ВШ МВД).

⁷⁵ Цит. по указ. раб. Дж. Остербурга, сс. 2-3.

Авторы определений криминалистики, которые можно отнести ко второй группе, пытаются раскрыть ее сущность путем указания — детального или менее детального — на правовые цели применения криминалистических методов, сблизив тем самым криминалистику с правовыми науками или даже причислив ее к ним. В этих определениях чувствуется влияние германских криминалистов первой четверти XX в.

Швейцарский юрист Карл Цбинден определил криминалистику как науку “о технических и психологических методах расследования уголовных дел, законно допустимых в уголовном процессе и применяемых для всестороннего изучения обстоятельств дела”⁷⁶. Цбинден акцентирует внимание читателя на научном характере криминалистики, отвергая ее оценку как искусства. По Цбиндену, приемы и средства криминалистики базируются на использовании данных естественных и технических наук и должны отвечать требованиям законности, что он специально и подчеркивает в своем определении предмета науки.

Попытки придать криминалистике — хотя бы в определении ее предмета — правовой характер приводят к тому же, к чему приводят определения первой группы: к размыванию границ науки, но на этот раз уже не в естественнонаучном, а в правовом плане. Это происходит потому, что авторы определений в своем стремлении показать значение криминалистики для правосудия приписывают ей решение таких задач, которые входят в предметы иных правовых наук.

Ф. Майкснер (ФРГ) рассматривал криминалистику как науку “о сферах обнаружения преступлений, о методах их пресечения и предупреждения, а также выявления, подтверждения и выяснения фактов преступлений и установления виновного”⁷⁷. Еще более широким представляется определение Ф. Кляйншмидта, с точки зрения которого криминалистика занимается “формами выявления преступлений, причин и целей преступной деятельности и методами ее разоблачения и предупреждения”⁷⁸. Наконец, Э. Зеелиг считал, что криминалистика — это “собрание всех учений о расследовании преступлений” и что она “включает также те элементы уголовной феноменологии, которые необходимы криминалисту в практике расследования преступлений”⁷⁹.

⁷⁶ *Цбинден К.* Криминалистика. Мюнхен-Берлин, 1954, с. 14. Определение и взгляды К. Цбиндена приводятся по работе: *Лузгин И. М.* Обзор иностранной литературы по криминалистике, вып. 1. М., ВШ МВД СССР, 1957.

⁷⁷ *Meixner F.* Kriminaltaktik. Hamburg, 1954, Band 1, S. 16.

⁷⁸ *Kleinschmidt F.* Lehrbuch für den praktischen Kriminaldienst. Lübeck, 1953, S. 14.

⁷⁹ *Зеелиг Э.* Учебник криминологии. Изд. II. Грац, 1951, с. 2. Перевод.

Более четко, но также весьма широко трактует содержание криминалистики бельгийский криминалист Ф. Луваж. Он понимает криминалистику как учение о борьбе с преступлениями, подразделяемое на два раздела: расследование преступлений и уголовную политику. Расследование преступлений включает в себя уголовную технику и уголовную тактику, уголовная политика — пенологию. Основание криминалистики в целом он видит в уголовном праве и уголовном процессе⁸⁰.

Столь широкие определения предмета науки не реализуются, когда речь заходит о ее содержании. Авторы этих определений, как правило, избирают все тот же путь описания методов и разделов естественных и технических наук, которые они фактически и считают криминалистикой. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно привести слова Ф. Майкнера из его практического руководства “Техника допроса” (Мюнхен, 1956): “Вообще для сущности криминалистики характерно, что, в основном, только немногие области могут считаться подлинно криминалистическими, такие, как криминальная психология, дактилоскопия, судебная экспертиза письма и т. д. В большей же части криминалистика состоит из так называемых “вспомогательных наук”, которые в соответствующем преломлении находят применение в криминалистике”.

Третья группа определений предмета криминалистики вновь оживает взгляды Г. Гросса о том, что криминалистика есть составная часть, раздел, отрасль криминологии. Эти взгляды в свое время получили достаточно широкое распространение.

По мнению Саида Эвиса (Египет), криминология включает в себя этиологию преступления, пенологию (область обращения с преступниками) и криминалистику, которую он рассматривает как область выявления преступников. Он считает, что такое понимание криминологии вполне оправдано в научных целях, ибо “если мы хотим понять явление преступления или правонарушения, нам нужно изучить преступный акт, исполнителя преступного акта и жертву... Мы должны изучить преступный акт: тип этого акта, время, когда он был совершен, место, где он был совершен, и способ его совершения”⁸¹.

⁸⁰ Приводится по работе: *Рапинов А. Р., Гаверлов О. А.* Использование данных психологии в буржуазной криминалистике. — Вопросы криминалистики, № 8-9. М., 1968, с. 295.

⁸¹ *Эвис С.* Некоторые проблемы криминологии. — Вопросы предупреждения преступности, вып. 3. М., 1966, с. 147.

Эта концепция получила отчетливое выражение в статье А. Мергена (ФРГ) «Место криминалистики в криминологии»⁸². Сетую, что «некоторые авторы ставят криминалистические дисциплины вне криминологии, другие считают криминалистику главной криминологической наукой», что «повсюду царит неясность», он утверждает, что «криминалистика является частной дисциплиной криминологии. Ее место находится внутри клинической (таким образом, практической или прикладной) криминологии в сфере диагностики... Криминалистику можно рассматривать как вспомогательную дисциплину диагностики, так как корректное применение криминалистических методов и техники дает возможность ставить диагноз».

По мнению Мергена, ни один объект криминологии не может быть исследован целиком без криминалистики «с ее двумя дисциплинами — следственной тактикой и криминалистической техникой... При этом следственная тактика и криминалистическая техника дополняют друг друга вплоть до полного слияния».

Без криминалистики нельзя обойтись и при изучении преступности как массового явления, ибо всякое прогнозирование предполагает знание того, что было вчера. При решении этих задач криминалистика необходима и социологам. «Каждый криминалист делает историю, каждый историк где-то криминалист». Без криминалистики не могут обойтись также криминологическая социальная психология и виктимология, являющиеся элементами криминологии. В итоге он делает вывод, что даже те криминологи, которые в своей концепции криминологии не оставляют для криминалистики места, «используют криминалистику с большей или меньшей долей умения, более или менее неосознанно».

Из рассуждений А. Мергена, прежде всего, можно сделать вывод, что у криминологов нет ясности не только в отношении места криминалистики в их науке, но и в отношении системы и содержания самой криминологии. Далее он смешал обычные междисциплинарные связи с системой науки, обосновывая принадлежность криминалистики к криминологии тем, что без данных криминалистики нельзя решить некоторые криминологические проблемы. Эта установка ведет его по пути расширения границ криминологии и включения в нее, кроме криминалистики, и других областей знания, без данных которых криминологам также трудно или невозможно обойтись. Между тем, если идти по этому пути, придется включить в криминологию математику, статистику, про-

⁸² *Mergen A.* Der Platz der Kriminalistik in der Kriminologie. — *Kriminalistik*, Н. 10, 1973, S. 439-442.

гностику и другие науки, без которых уже не может обойтись современная криминология.

Включение криминалистики в криминологию, где она рассматривается наряду с методами социально-эмпирического исследования, чревато подменой ее последними, переоценкой их значения в решении криминалистических задач и в итоге полным растворением криминалистических знаний в столь расплывчатой по своим контурам криминологии.

Более дальновидные западные криминологи уже бьют тревогу в связи с проявлением подобных тенденций. Р. Хепп (ФРГ) в этой связи пишет: «В последнее время со стороны немецкой полиции наблюдается сильный интерес к методам эмпирического социального исследования. Считают, что эти методы, будучи поставленными на службу полиции, могут быть использованы для профилактики преступлений. Поскольку эта вера связана с надеждой на то, что изучение «социальных причин преступления» могло бы в той или иной степени заменить репрессивную борьбу полиции с преступлениями, постольку обращение к методам социального исследования неизбежно имеет следствием известный отказ от методов традиционной криминалистики, которая, вне всякого сомнения, была прежде всего наукой методов уголовного преследования и изучения обстоятельств дела... Не подлежит сомнению, что почитатели эмпирического социального исследования в рядах полиции переоценивают предмет своего почитания»⁸³.

Далее Хепп подробно обосновывает тезис о том, что основы эмпирического социального исследования переживают кризис по ряду причин, и в том числе в связи с обнаруживающейся ненадежностью применяемых методов. Выход из этого кризиса он видит в широком применении криминалистических методов, и прежде всего приемов допроса и проверки показаний. Нет необходимости спорить о том, пишет он, что дискутировалось в криминалистике уже в начале нашего века, и открывать «новые методы», известные криминалистике уже десятилетия. Он заканчивает призывом не допускать смешивания или растворения друг в друге социологии и криминалистики, а развивать кооперацию наук на основе равноправного партнерства.

О кооперации, а не о слиянии пишут и сторонники четвертой группы определений криминалистики, рассматривающие ее как одну из судебных наук.

Строго говоря, четких определений криминалистики как судебной науки не существует, поскольку нет определений родового понятия «судебная наука». Из отдельных высказываний можно сделать приблизитель-

⁸³ *Hepp R.* Die Methoden der empirischen Sozialforschung und die Kriminalistik. — Archiv für Kriminologie, 1976, Band 158, H. 1-2, S. 1.

ный вывод, что под судебной наукой понимают использование, приспособление каких-либо знаний к решению задач правосудия, а ее главной целью — установление индивидуальности или приближение к ней.

По мнению Дж. Остербурга, научная дисциплина существует тогда, когда имеется масса фактов и разъяснены некоторые основные принципы исследования. В криминалистике двумя главными принципами являются идентификация и идентичность. Руководствуясь содержанием этих принципов, Остербург пытается отграничить криминалистику от других судебных наук. Он использует определение П. Кёрка: “Идентичность все философские авторитеты определяют как уникальность. Вещь может быть идентична только самой себе и никогда никакой другой вещи, поскольку все объекты во вселенной уникальны. Если бы это было не так, не могло бы быть идентификации в том смысле, в каком его применяет криминалист. Преклоняясь перед общепринятым научным употреблением термина “идентификация”, мы должны, однако, понять этот термин в более широком контексте, относя данный объект только к ограниченному классу. Это необходимо потому, что каждая наука имеет свою узкую сферу идентификации, которая может относиться к видам (в ботанике и зоологии), к составам (в химии) и минералам (в геологии и минералогии). В этом смысле криминалист идентифицировал бы объект как стружку, но не относил бы его к окрашенной поверхности, с которой она была взята. Он даже идентифицировал бы метку как отпечаток пальцев, не относя ее к руке, с пальцев которой были взяты эти отпечатки... Криминалист рассматривает идентификацию только как прелюдию к его настоящей функции — к индивидуализации... Криминалистика — это наука об индивидуализации. Она только побочно занимается идентификацией в обычном смысле”.

Дж. Остербург из этого высказывания делает вывод, что непонимание значения термина “идентификация” привело к тому, что “все содержание криминалистики началось с ошибочного определения, которое было несовместимо с наукой вообще”. Суть же в различении области криминалистики как отдельной науки об индивидуальности⁸⁴.

Выражая сказанное в принятых у нас терминах, можно сказать, что и Кёрк, и вслед за ним Остербург считают установление групповой принадлежности неспецифичным для криминалистики, задача которой заключается лишь в установлении идентичности объекта. Однако и этот признак они в конечном счете не используют для отграничения криминалистики от других судебных наук, поскольку, по их мнению, всякая судебная наука стремится к установлению индивидуальности. В итоге

⁸⁴ Остербург Дж. Указ. раб., сс. 14-16.

можно сделать вывод, что определение криминалистики как судебной науки ничего не дает, во-первых, потому, что не существует строгого определения понятия судебной науки в целом, а, во-вторых, потому, что не дается четких критериев различия между криминалистикой и другими судебными науками.

Существующие в западной науке различия — порой диаметральные — в определениях криминалистики естественно сказываются и при определении ее природы и системы. Ф. Луваж относит криминалистику к группе криминальных наук, то есть рассматривает ее как юридическую науку. Приблизительно такой же точки зрения придерживаются и те авторы, которые считают криминалистику частью криминологии. Те же, кто рассматривает криминалистику как эклектическую дисциплину или как судебную науку, видят в ней средство решения естественнонаучных или чисто технических вопросов. «Юрист передает проблему в руки криминалиста, — пишет Брэдфорд, — и ждет от него применения всех имеющихся научных знаний, профессиональных навыков и изобретательности, которые должны в сумме привести к правильному решению».

Один из крупнейших немецких криминалистов Ф. Геердс последовательно придерживается взгляда на криминалистику как на самостоятельную неюридическую науку, корреспондирующую с уголовным правом и уголовным процессом. Однако он не дает ответа на вопрос о формах такого корреспондирования и не аргументирует своего мнения о неправовом характере криминалистики.

На взглядах Геердса есть смысл остановиться подробнее.

Фридрих Геердс, профессор университета во Франкфурте-на-Майне, приобрел широкую известность, издав в 1977-78 гг. двухтомное «Руководство» Гросса в его современной интерпретации. В 1981 г. в книге «Криминалистика» Геердс задумал изложить содержание этой науки с точки зрения ее предмета и функций⁸⁵.

Геердс определил криминалистику как учение о непосредственной репрессивной и превентивной борьбе с преступностью, которую ведут органы уголовного преследования. Предметом криминалистики является:

- 1) преступность, точнее — преступное поведение людей. Криминалист занимается преступным поведением людей как реальной действительностью, следовательно, криминалистика является наукой факта или эмпирической дисциплиной;
- 2) непосредственная борьба с преступностью — репрессивная и превентивная: преступления следует раскрывать, а уголовных преступников изобличать; преступное поведение следует предупреждать;

⁸⁵ Geerds F. Kriminalistik. Lübeck, 1981.

3) организация борьбы с преступностью.

Области, в которых криминалисты осуществляют свою теоретическую и практическую деятельность, это:

- 1) техника совершения преступлений;
- 2) криминалистическая техника — учение об инструментарии, средствах и методах, с помощью которых на основе вещественных доказательств должно быть раскрыто уголовное преступление или соответственно предупреждено или затруднено совершение преступления;
- 3) криминалистическая тактика, охватывающая исходную ситуацию расследования, розыск, психологию уголовного процесса;
- 4) организация борьбы с преступностью, понимаемая как оптимальное распределение задач и форм сотрудничества, как в национальной сфере, так и при международной кооперации.

По существу, Геердс таким образом изложил свои представления о системе криминалистики.

Рассматривая вопрос о связи криминалистики с другими науками, Геердс кратко останавливается на решении этого вопроса в ряде стран Запада. По его словам, если в Германии различают криминалистику и криминологию, то в Австрии криминалистику считают особой областью криминологии. В романских странах криминалистические проблемы рассматриваются в рамках так называемой “полицейской науки” (“police technique”, “police scientifique”). В англо-американской сфере криминалистику или ее отдельные области рассматривают как “полицейскую науку” или “судебную науку”, понимая под этим, в основном, ее естественнонаучное содержание, относя остальные ее области к социологии или психологии.

Геердс видит различие между криминологией и криминалистикой в том, что если первая занимается формами проявления и причинами преступного поведения, то вторая имеет своей задачей, по возможности, предупреждать непосредственно угрожающие преступные деяния или же затруднять их совершение. Связь криминалистики с уголовным и уголовно-процессуальным правом заключается в учете их положений при разработке криминалистических средств и методов. Что касается таких наук, как статистика, химия, биология, медицина, психология, то их данные используются во всех разделах криминалистики, включая и организацию борьбы с преступностью.

Сугубо прагматический подход к криминалистике приводит к ее определению как искусства и техники расследования преступлений. “Я умышленно употребил эти два термина, — пишет Жан Непот, — искусство и техника, потому что они в равной степени используются при исполнении обязанностей следователя. Это искусство, потому что челове-

ческий фактор в этой области играет основную роль... Из двух следователей, находящихся в одинаковых условиях и располагающих одинаковыми средствами, один достигает успеха, в то время как другой терпит неудачу. Первый овладел своим "искусством", а второй нет. Это, конечно, и техника. Расследование преступлений также является профессией, которой приходится овладевать как путем изучения теории на школьной скамье, так и на практике, занимаясь конкретными делами. Таким образом, криминалистика является функцией криминалиста и его способностей. Но она также является функцией его окружения, то есть совокупности данных, которые образуют условия, в которых криминалист осуществляет свою деятельность". Из этих рассуждений следует вывод: "Трудно говорить о какой-то **современной** криминалистике. В этой области в один и тот же период, в разных странах и районах мира существует несколько уровней "современной" криминалистики"⁸⁶.

Не дает четкого ответа на вопрос о природе криминалистики и предлагаемая западными учеными систематика науки. Это либо перечень отраслей других наук, используемых в криминалистических исследованиях, либо упоминание о том, что криминалистика состоит из техники и тактики, но при этом и тактика трактуется как применение не собственно криминалистических знаний, а данных психологии, феноменологии, техники. Пожалуй, лишь Цбинден, Майкснер и Г. Вальдер несколько отошли от этой традиции.

В соответствии со своим определением предмета криминалистики Цбинден делит ее на три раздела: физические компоненты, психические компоненты и криминалистическую тактику. Под физическими компонентами им понимается, главным образом, учение о вещественных доказательствах, охватывающее следоведение и криминалистическую технику, под психическими компонентами — криминальная феноменология, криминальная психология и психология уголовного процесса.

Криминалистическая тактика изучает основанные на законе тактические условия расследования: быстроту расследования, выбор наиболее целесообразных процессуальных средств, объективное изучение обстоятельств дела, разработку планов расследования, быстрое выявление вещественных доказательств⁸⁷.

Ф. Майкснер определяет тактику (он называет ее полицейской тактикой в соответствии со своим представлением о криминалистике как о полицейской науке, "научной полиции") как учение о целесообразных и

⁸⁶ *Nepote J.* Situation actuelle et tendance d'évolution de la criminalistique. — Revue International de Police Criminelle. Paris, jan. 1983, p. 2-19.

⁸⁷ *Лузгин И. М.* Указ. раб., сс. 9-11.

правильных мероприятиях полиции при выполнении своих задач по расследованию. Он полагает, что она основывается на таких принципах, как предписания уголовного и уголовно-процессуального права; использование знаний из области криминалистической техники, использование опыта криминальной полиции, знание психологии людей, знание и применение законов логики; быстрота и целеустремленность в работе. Криминалистическая тактика, по его мнению, решает две группы вопросов: изучение тактических особенностей отдельных следственных действий и применение полицией особых тактических средств типа засад, наблюдения, ловушек и т. п.⁸⁸

Г. Вальдер относит к предмету криминалистической тактики средства познания преступлений и обнаружения их признаков: подозрение, средства наблюдения, выявления и регистрации обстоятельств преступления или находящихся с ним в какой-то связи объектов; жизненный опыт; сведения о фактах физики, химии и других наук; экспериментальные и статистические истины; логические и математические методы познания, фантазию — все то, что он объединяет понятием “криминалистического мышления”⁸⁹.

Даже оставляя в стороне вопрос о целях, которыми руководствовался Вальдер при отборе указанных средств познания, нетрудно заметить расплывчатость его концепции, искусственность объединения под флагом криминалистического мышления процессуальных средств установления истины и мыслительных приемов.

Несколько отличны от изложенных взгляды на систему криминалистики Ф. Геердса, К. Геммера и Э. Кубе. По их мнению, наряду с криминалистической техникой и криминалистической тактикой формируются еще две области криминалистики — история криминалистики (или “историческая криминалистика”) и основы криминалистики. В раздел истории Ф. Геердс предлагает включить такие подразделы, как задачи, методика исследования и источники; периоды истории криминалистики; значение и возможности использования истории криминалистики⁹⁰. В число “основ криминалистики” К. Геммер и Э. Кубе, сотрудники Криминалистического института Федерального управления криминальной полиции ФРГ, включают: 1) криминалистическое мышление (конструирование подозрения, тактические преобразования и т. д.); 2) организацию работы полиции; 3) подготовку и повышение квалификации кадров; 4)

⁸⁸ Там же, с. 48.

⁸⁹ *Walder G.* Kriminalistisches Denken. Auflage 2. Hamburg, 1960, S. 30.

⁹⁰ *Geerds F.* Historische Kriminalistik. — Archiv für Kriminologie, 1973, H. 1, S. 1.

переработку информации; 5) проблему коммуникации (имеются в виду коммуникации с неполицейскими областями управления, и особенно с населением)⁹¹.

Мы уже имели возможность высказать свое отношение к предложению включить историю науки в предмет криминалистики, высказывавшееся и у нас. История — это результат познания развития науки, взгляд на нее со стороны, когда она является предметом изучения. С нашей точки зрения, история любой науки, в том числе криминалистики, предмет не ее самой, а специальной исторической науки, типа истории естествознания и техники.

Что же касается предлагаемых на Западе “основ криминалистики”, то ознакомление с их содержанием убеждает нас, что они не могут рассматриваться как теоретические основы науки, содержат вопросы преимущественно управленческого характера, имеющие общее значение не только для борьбы с преступностью, но и для всей деятельности полиции.

Неясность представлений о предмете и системе науки, содержании ее составных частей, ее месте в системе научного знания, характерное даже для тех западных криминалистов, которые считают криминалистику самостоятельной наукой, свидетельствует, несомненно, о неразработанности ее теоретических основ и уступках бихевиоризму и неофрейдизму. “На первый взгляд, — пишет Дж. Остербург, — наука о поведении человека (бихевиоральная наука) кажется чем-то отдаленным от проблем криминалистики и ее потенциальные возможности едва используются при решении вопросов об уголовной ответственности... Однако более широкий подход требует, чтобы вместе с естественными науками в развитии общей теории расследования также участвовала наука о поведении”⁹². На практике это означает внушение подозреваемому уверенности, что имеются доказательства его вины (о законности такого внушения и его средствах предпочитают умалчивать или цинично рекомендуют обман подозреваемого), исследование связи между обменом веществ у алкоголиков и наркоманов и формами их преступного поведения и т. п. Сомнительно, чтобы подобные данные “науки о поведении” могли способствовать развитию криминалистики.

Отсутствие теоретических основ как препятствие к развитию научной криминалистики признают и сами западные криминалисты. “Бесспорно, что в криминалистике был достигнут определенный прогресс, причем на широком фронте, — отмечал П. Кёрк. — Однако при тщательном рас-

⁹¹ По материалам О. М. Глотова.

⁹² *Остербург Дж.* Указ. раб., сс. 10-13.

смотрении данного вопроса выявилось, что в большей части этот прогресс имеет скорее технический, а не фундаментальный, практический, а не теоретический, преходящий, а не постоянный характер. Есть много людей, умеющих устанавливать конкретное оружие, из которого был произведен выстрел, но мало или вовсе нет людей, которые могли бы привести хоть один фундаментальный принцип установления огнестрельного оружия. Исследователи документов постоянно идентифицируют почерк, но учащимся, занимающимся у этих самых людей, трудно было бы различить основные применяемые при этом принципы. Короче говоря, в области криминалистики существует серьезный пробел в теории и в основных принципах в противоположность имеющемуся большому разнообразию эффективных практических методик⁹³.

Эта слабость теории, а подчас и полное отсутствие каких-либо исходных теоретических посылок проявляются и в той проблематике, которая считается актуальной для разработки. Брэдфорд, например, считает такими проблемами меры по отношению к водителю, находящемуся под влиянием алкоголя или наркотиков, лабораторные исследования наркотиков, медикаментов и ядов и т. п. Практическая же реализация того, что на Западе чаще всего именуют криминалистикой, — это физические, химические, судебно-медицинские и подобные исследования. В этом можно убедиться, ознакомившись со структурой экспертных лабораторий⁹⁴. Перспективы же развития криминалистики как самостоятельной науки оцениваются пессимистически: «Мы не можем обманом заставить себя поверить в то, что научные методы будут раскрывать большинство преступлений, — пишет профессор Северо-Западного университета США Ф. Инбау. — Сначала вам нужно добыть подозреваемого, а обычно на месте происшествия не оказывается никаких улик. Тогда полиция прибегает к осведомителям. После этого полиция находит подозреваемого и начинает его допрашивать; при этом она пытается получить от него признание...»⁹⁵ Осведомитель — вот центральная фигура «научного расследования», преступников обнаруживают «не с помощью пальцевых следов, радио в наручных часах или блестящей дедукции. Для этого требуется ежедневная работа полиции —

⁹³ **Kirk P. K.** The Ontogeny of Criminalistics. — *The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*, vol. 54, No. 2, June 1963, p. 235.

⁹⁴ **Carry A.** Research in Forensic Science. — *Police*, vol. 14, No. 6, July-Aug., pp. 7-9; **Olsen P.** Crime Fighters in the Laboratory. — *Fingerprint & Identification Magazine*, No. 3, 1971; **Osterburg J. W.** The Evaluation of Physical Evidence in Criminalistics: Subjective or Objective Process? — *The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*, vol. 60, No. 1, 1969.

⁹⁵ U. S. News and World Report, March 22, 1965, p. 40.

наем осведомителей, слежка за известными полиции взломщиками и допрос подозреваемых лиц”⁹⁶.

После таких откровений закономерным является признание, что “Великобритания не имеет организованной системы научного расследования... Полицейский не понимает ученого, а ученый не понимает полицейского”⁹⁷. Это типично не только для Великобритании, но и для многих других стран.

* * * * *

Предпринятый краткий обзор близкой по проблематике западной литературы явно свидетельствует в пользу российской криминалистики, не только опирающийся на развитую теоретическую базу, но и четко представляющей себе свою роль и место в системе средств борьбы с преступностью.

⁹⁶ Time, April 29, 1966, p. 34.

⁹⁷ **Morland N.** An Outline of Scientific Criminology. London, 1950.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

З авершая работу над Курсом, нам хочется хотя бы вкратце охарактеризовать современное состояние криминалистической науки и той общественно-политической ситуации, в которой она сейчас существует и развивается.

Распад СССР повлек за собой разрыв многочисленных творческих и деловых связей между криминалистами страны и их коллективами. Ослабло, а порой и совсем прекратилось общение между ними, нарушились творческие связи, и лишь тоненькие ниточки личных контактов между отдельными учеными все еще позволяют получать скудную информацию о закордонных делах тех, кто раньше плечом к плечу решал общие задачи. В силу чисто экономических причин для многих из нас стало недоступным участие в научных и научно-практических конференциях, которые, к тому же, стали явлением чрезвычайно редким и обычно сугубо локальным. Исчезли пользовавшиеся большой популярностью сборники “Следственная практика” и “Вопросы борьбы с преступностью”. С огромными усилиями преодолевает финансовые трудности высокопрофессиональный украинский сборник “Криминалистика и судебная экспертиза”, а для криминалистов других стран СНГ он вообще уже стал недоступным.

Но на фоне всех этих негативных явлений заметно растет криминалистика, что связано с разгулом преступности во всех странах бывшего СССР. В России ощущается острая нехватка преподавателей криминалистики, особенно в системе учебных заведений МВД, заметно увеличивших выпуск специалистов для органов расследования и внутренних дел. Центр научной мысли вновь, как когда-то в прошлом, переместился на кафедры вузов, которые в ряде случаев не только сохранили, но и приумножили свой научный потенциал, приобрели большую самостоятельность и свободу творчества, о чем убедительно свидетельствует появление сразу нескольких вузовских учебников криминалистики, написанных разными кафедральными коллективами, публикация ряда монографий, ставших заметным явлением в науке, в том числе по проблемам криминалистических теорий прогнозирования, временных связей и отношений, диагностики, общей теории судебной экспертизы, по таким животрепещущим вопросам практики, как преодоление противо-

действия расследованию, борьба с незаконным оборотом наркотиков, с организованной преступностью и др. (труды Ю. Г. Корухова, Л. Г. Горшенина, В. М. Мешкова, Н. Н. Лысова, Н. П. Майлис, Е. Р. Россинской, Г. М. Меретукова, Т. В. Аверьяновой, В. Н. Карагодина, В. А. Образцова, О. Я. Баева и многих других). Все это внушает оптимизм и надежду на восстановление традиционных связей между криминалистами, ныне разделенными пограничными столбами.

Есть и другие признаки оживления в науке: создана специальная Высшая школа МВД в Саратове, призванная готовить экспертов для системы МВД. Возобновились традиционные криминалистические чтения в Академии МВД, появились авторские лекционные и научные криминалистические курсы (В. А. Образцов, В. Е. Корноухов), в последние 2-3 года около десяти ученых-криминалистов стали докторами наук.

Российская криминалистика жива и успешно развивается. Избавившись от немногочисленных идеологических догм и “классового подхода” (что, к счастью, не составляло особенного труда для нашей науки, поскольку эти догмы механически привносились извне и всегда носили лишь директивный характер, никак не влияя на сущность и содержание науки), российская криминалистика открывает новые горизонты как равноправный партнер мирового научного сообщества.

Указатель биографических описаний

Ароцкер Лев Ефимович	III	338
Баев Олег Яковлевич	III	149
Буринский Евгений Федорович	I	16
Быховский Игорь Евсеевич	III	217
Винберг Абрам Ильич	I	33
Возгрин Игорь Александрович	III	316
Герасимов Иван Федорович	III	322
Громов Владимир Иустинович	I	23
Драпкин Леонид Яковлевич	II	428
Дулов Андрей Васильевич	II	219
Зорин Георгий Алексеевич	III	144
Кирсанов Зиновий Иванович	II	310
Комаринец Борис Максимович	II	25
Корухов Юрий Георгиевич	II	261
Крылов Иван Филиппович	III	456
Лузгин Игорь Михайлович	II	376
Макаренко Николай Прокофьевич	I	19
Митричев Виталий Степанович	II	251
Митричев Степан Петрович	I	33
Образцов Виктор Александрович	III	316
Потапов Сергей Михайлович	I	20
Рапинов Александр Рувимович	III	360
Селиванов Николай Алексеевич	II	81
Семеновский Петр Сергеевич	I	18
Соя-Серко Лелиан Алексеевич	II	420
Терзиев Николай Владимирович	I	373
Хмыров Александр Алексеевич	III	345
Шавер Борис Матвеевич	I	337
Шееченко Борис Иванович	II	26
Шляхов Александр Романович	II	293
Эйсман Алексей Александрович	II	81
Яблоков Николай Павлович	III	355
Якимов Иван Николаевич	I	22

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Раздел I. Проблемы криминалистической техники и судебной экспертизы	4
1. “Полевая криминалистика” и ее проблемы	4
1.1. Постановка проблем	4
1.2. Возможные варианты решения проблем	5
1.2.1. Принципы комплектования наборов технико-криминалистических средств	5
1.2.2. Пределы технического оснащения следователя и специалиста для работы в “полевых” условиях	10
1.2.3. Целесообразные направления научных исследований в области технического оснащения следователя для работы в “полевых” условиях	11
1.2.4. Информационное обеспечение оперативно-следственной группы в “полевых” условиях	16
1.2.5. Принципы распределения средств “полевой” криминалистики и вопрос о субъекте их применения	18
1.2.6. Проведение криминалистических экспертиз в “полевых” условиях	20
2. Проблема полиграфа	32
2.1. Возникновение и содержание проблемы	32
2.2. Возможные варианты решения проблемы	45
3. Проблемы компьютеризации судебной экспертизы*	58
3.1. История и современное состояние проблемы	58
3.2. Возможные варианты решения проблем	69
4. Проблема одорологического метода	77
4.1. Возникновение проблемы	77
4.2. Возможные варианты решения проблемы	81

* Глава подготовлена для данного издания проф. Е. Р. Россинской

5. Судебная экспертиза и процессуальный закон	98
5.1. Возникновение проблемы.....	98
5.2. Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы.....	103
5.2.1. Назначение экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела.....	103
5.2.2. Правовой статус руководителя судебно-экспертного учреждения (подразделения).....	111
5.2.3. Законодательная регламентация статуса субъектов экспертного исследования.....	115
5.2.4. Регламентация производства комплексной экспертизы.....	119
5.2.5. Расширение круга субъектов назначения судебной экспертизы.....	120
5.2.6. Расширение перечня случаев обязательного назначения экспертизы.....	122
5.2.7. Законодательная регламентация экспертной инициативы.....	123
5.2.8. Оптимизация формы и содержания экспертных заключений.....	126
5.3. Организационно-правовые и нравственные проблемы экспертной деятельности.....	129
Раздел II. Проблемы криминалистической тактики	133
6. Следственная ситуация и ее тактическое значение	133
6.1. Понятие следственной ситуации.....	133
6.2. Виды следственных ситуаций.....	144
6.3. О концепции “бесконфликтного следствия”.....	153
7. Тактическое решение	161
7.1. Понятие тактического решения.....	161
7.2. Определение цели тактического воздействия.....	169
7.3. Проблема следственной интуиции.....	175
7.4. Принятие тактического решения.....	182
7.5. Некоторые специальные вопросы принятия тактических решений.....	194
7.5.1. Тактическое решение при расследовании преступления группой следователей.....	194
7.5.2. Принятие решений в условиях тактического риска.....	197

7.5.3. Принятие тактического решения в условиях конфликтной ситуации.....	204
8. Тактическая комбинация	209
8.1. Возникновение проблемы.....	209
8.2. Понятие и виды тактической комбинации	216
8.3. Общие условия допустимости тактических комбинаций.....	224
8.4. Тактические комбинации при производстве допроса.....	244
9. Фактор внезапности, его учет и использование при расследовании преступлений.....	253
9.1. Фактор внезапности, его смысл и формы использования при расследовании преступлений.....	253
9.2. Тактика действий следователя с использованием фактора внезапности	260
9.3. Учет воздействия фактора внезапности на деятельность следователя.....	278
9.4. Влияние фактора внезапности на полноту и достоверность доказательственной информации	281
10. Проблема совершенствования техники и методики планирования расследования.....	286
10.1. О сетевом методе планирования расследования.....	286
10.2. О программировании расследования преступлений	302
Раздел III. Проблемы криминалистической методики.....	309
11. Формирование частных криминалистических методик как комплексов криминалистических рекомендаций	309
11.1. Частные криминалистические методики как комплексы криминалистических рекомендаций.....	309
11.2. Криминалистическая характеристика преступления	317
11.3. Криминалистическая классификация преступлений.....	331
11.4. Определение предмета и направления расследования ...	342
11.5. Первоначальные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия	347
11.6. Последующие следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия	349
12. Источники криминалистических методических рекомендаций	355
12.1. Право как определяющий фактор и источник методических рекомендаций криминалистики.....	355

12.2. Следственная практика как источник криминалистических методических рекомендаций.....	362
12.3. Наука как источник криминалистических методических рекомендаций.....	366
13. Соккрытие преступления как форма противодействия расследованию.....	369
13.1. Понятие сокрытия преступления.....	369
13.2. Виды способов сокрытия преступления.....	379
13.3. Факторы, побуждающие к сокрытию преступления и влияющие на выбор способа и возможность сокрытия	388
14. Раскрытие и расследование преступления как цели применения частной криминалистической методики.....	393
14.1. Криминалистическое понятие раскрытия преступления ...	393
14.2. Этапы расследования преступления.....	405
14.3. Обнаружение признаков преступления.....	414
14.4. Вопрос о методе раскрытия и расследования преступлений.....	439
Раздел IV. Криминалистика как объект изучения и сравнения.....	452
15. Криминалистика как объект изучения.....	452
15.1. Криминалистика как компонент юридического образования.....	452
15.1.1. Организационное становление вузовского курса криминалистики.....	452
15.1.2. Развитие содержательной стороны курса криминалистики.....	457
15.1.3. Криминалистическая специализация.....	467
15.1.4. Вопросы методики преподавания криминалистики ..	468
15.1.5. Учебная литература.....	472
15.2. Криминалистика как компонент профессионально-служебной подготовки практических работников.....	477
15.3. Историография и библиография отечественной криминалистики.....	483
16. Криминалистика как объект сравнения.....	492
16.1. Теоретические основы криминалистики стран Восточной и Центральной Европы.....	492
16.2. Теоретические основы криминалистики стран Западной Европы и США.....	536

Заключение	519
Указатель биографических описаний	520
Оглавление	521